This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

UC-NRLF
B 3 812 083

BERKELEY
LIBRARY
UNIVERSITY OF
CALIFORNIA

60/41

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ

ЗАПИСКИ

1882

№ 5 МАЙ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
Въ типографіи А. А. Краевскаго (Басейная, № 2).

СТРАН.

I. — НАБРОСКИ КАРАНДАШЕМЪ. Параска. **А. С. Шабельской**. 5
II. — ВЕСЕННЯЯ СКАЗКА. (*Стихотвореніе*). **С. Надсона**. 31
III. — ИЩУЩІЙ ПРАВДЫ. I. Нелюдимецъ.—II. Странникъ. **Ѳедосѣевца**. 35
IV. — ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРІЯ КАРЛА РОДБЕРТУСА-ЯГЕЦОВА. **Г. Валентинова**. 73
V. — НАХОДКА. Разсказъ **Бретъ-Гарта**. 111
VI. — ГОРСТОЧКА РОДНОЙ ЗЕМЛИ. Эскизъ. **К. Баранцевича**. 139
VII. — ЗЕМСКІЯ АРАБЕСКИ. **А. Рускина**. 145
VIII. — УСТОЙ. Исторія одной деревни. Гл. V—VII. **Н. Златовратскаго**. 161
IX. — ПАРИЖСКІЙ ДЕНЬ. **А**. 183
X. — ГЕРОИ И ТОЛПА. Гл. VIII—X. **Ник. Михайловскаго**. 199
XI. — ПИСЬМА КЪ ТЁТЕНЬКѢ. Письмо девятое и послѣднее. **Н. Щедрина**. 229
XII. — ВЪ МАРЕММѢ. Романъ **Уида**. (Приложеніе въ концѣ книги. Стр. 49—96).

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

XIII. — ЕВРЕЙСКІЙ ВОПРОСЪ ВЪ РОССІИ. **С. Южакова**. 1
XIV. — ХЛУДОВЩИНА. **Я. Абрамова**. 36
XV. — ПО ДЕРЕВНЯМЪ. X. **М. Горбуновой**. 53
XVI. — ХРОНИКА ПАРИЖСКОЙ ЖИЗНИ. I. Внутренняя политика: Протестъ депутатовъ противъ свѣтскаго образованія. — Воззваніе и записка общеобразовательнаго (католическаго) общества. — Генрихъ V и 10-й крестовый походъ.—Шенлонская прокламація.—Анжуйскіе роялисты. — Хитрость вмѣсто открытаго возмущенія. — Монсеньёръ Фрешель въ роли успокоителя.—Письмо Бодри д'Ассопа.—Совѣщаніе съ епископомъ парижскимъ.—Расколъ въ средѣ монархистовъ.—Письмо принца Виктора Наполеона.—Рѣчь Ферри въ Сорбоннѣ. — Конгрессъ образовательной лиги. — Конгрессъ по поводу вопроса объ отдѣленіи церкви отъ государства. — Анти-клерикальный оппортунизмъ.—Объясненіе депутатовъ въ провинціи, по поводу 26-го января.—

(*См. страницу 3-ю*).

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

ГОДЪ СОРОКЪ-ЧЕТВЕРТЫЙ.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ

ЗАПИСКИ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ.

[1882:5]

ТОМЪ CCLXII.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи А. А. Краевскаго (Бассейная, № 2).
1882.

AP50
O85
1882:5
MAIN

НАБРОСКИ КАРАНДАШЕМЪ.

ПАРАСКА.

I.

Верхняя и Нижняя Маліивки съ нѣсколькими прилегающими къ нимъ волостями входили въ составъ Изюмскаго полка, которому, подобно другимъ малороссійскимъ полкамъ, была дарована грамата царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ на безплатное пользованіе землей. За то они должны были охранять границы Московскаго царства отъ набѣговъ татаръ.

Маліивцы, сыгравъ такую важную роль въ исторіи, по волѣ нѣсколькихъ чиновниковъ, лишились всѣхъ своихъ привилегій. Эти господа, вѣроятно, изъ желанія подслужиться губернскому правленію, получить крестикъ или повышеніе на службѣ, отняли у маліивцевъ свободныя земли, нарѣзали имъ надѣлы и заставили платить выкупъ наравнѣ съ освобожденными крестьянами.

Такимъ образомъ, богатая, цвѣтущая волость начала бѣднѣть, бѣднѣть и къ тому времени, къ которому относится разсказъ мой, она представляла если не совершенное раззореніе, то полный упадокъ экономическаго благосостоянія. Не видно было скирдъ, которыя въ былое время изъ году въ годъ тяжелыми рядами окружали усадьбы. Большинство мельницъ съ растрепанными крыльями смотрѣло уныло, имъ было нечего дѣлать, потому что въ послѣдній годъ, и именно тысяча восемьсотъ восьмидесятый, Маліивка подверглась всѣмъ ужасамъ, какіе только могутъ постигнуть селянина. Весна была поздняя, приходилось раскрывать крыши, чтобы прокормить скотину. Вслѣдствіе ли гнилой соломы или отъ чего другого, но на скотъ напала чума, и когда пришло время оранки, то маліивцы, по ихъ собственному выраженію, должны были «спрягаться» нѣсколькими семьями, чтобы выпахать должное количество земли; а тѣ, которымъ даже спрягаться было нечѣмъ, отправились на Донъ,

эту Колхиду Малороссіи, куда бѣгутъ всѣ обездоленные и несчастные и откуда часто возвращаются въ лохмотьяхъ, потому что на рынкахъ является больше рукъ, чѣмъ спроса на нихъ. Въ заключеніе всего, на хлѣбъ напалъ жукъ и съѣлъ у нѣкоторыхъ все до тла. Съ тысяча восемьсотъ сорокъ восьмого года старожилы не помнятъ такого народнаго бѣдствія; а если Россія не прокричала о несчастіяхъ Маліивки, такъ потому, что Россія очень мало интересуется тѣмъ, что дѣлается внутри ея, а во-вторыхъ, потому, что вездѣ, во всѣхъ губерніяхъ есть свои Маліивки въ перемежку съ богатыми селами, и всегда пріятнѣе останавливаться на послѣднихъ. А какъ жилось маліивцамъ, достаточно сказать, что когда семейство полковника, уже нѣсколько лѣтъ проживавшее въ городѣ, захотѣло посѣтить лѣтомъ свое родное помѣстье, то прикащикъ писалъ: «На счетъ вашего пріѣзду у Маліивку надоть погодить, потому куры и всякіе животы подохли. Поваръ поручицы подрался съ бабой за поросенка, и вашему высокоблагородію нечѣмъ будетъ прокормиться». Словомъ сказать, цѣлая Маліивка не могла прокормить одну дворянскую семью.

А въ прежнее время, бывало, кличъ кликни, и чего только не нанесутъ: не житье, а масляница помѣщикамъ была. Ростутъ ли яблоки въ саду, снимутъ ихъ нàдзеленъ, чтобы не покрали, и начнутъ мѣнять; бабы такъ и засыплютъ яйцами, отбою отъ нихъ нѣтъ. А наливка чтò давала! Вишни ничего не стоятъ; ихъ нальютъ скверной водкой, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ водку сольютъ, а вишни въ продажу. Тутъ даже мужики умилялись и позволяли бабамъ нести послѣднюю курицу на барскій дворъ. Кто могъ тогда предполагать, что Маліивки отощаютъ? А между тѣмъ это случилось. При большихъ платежахъ достаточно двухъ-трехъ неурожайныхъ годовъ, и все мужицкое хозяйство пойдетъ прахомъ.

Въ тотъ годъ, о которомъ я хочу разсказать, на маленькихъ дѣтей моръ напалъ, а подростки стали болѣть какой-то странной хворобой: занозитъ ли себѣ кто ногу, оцарапаетъ ли руку, прежде, бывало, присыплютъ землой, и все пройдетъ; а теперь нѣтъ: пойдутъ нарывы, гноятся, гноятся, конца имъ нѣтъ; точно мать сыра-земля на своихъ дѣтей разсердилась и не исцѣленіе, а одни страданія посылаетъ имъ. Вытребовали даже земскаго доктора; тотъ пріѣхалъ, всталъ на крыльцѣ ратуши, да и спрашиваетъ: «покажите мнѣ, чтò вы ѣдите»? И когда ему принесли хлѣбъ, онъ посмотрѣлъ, посмотрѣлъ на него, покачалъ головой и сказалъ: «станете лучшій хлѣбъ ѣсть, всѣ болѣзни ваши пройдутъ; а лекарства вамъ не помогутъ»! Съ тѣмъ и уѣхалъ.

Маліивцы нашли, что докторъ сказалъ сущую правду: безъ хлѣба нѣтъ здоровья. «А колись було!» Ахъ, колись! Тогда маліивцы не были похожи на свой исхудалый скотъ, который покорно протягиваетъ шею въ ярмо. Они жили привольно, у многихъ были пчелы, и ни у кого не случалось воровства. Никто никогда грабежей не помнилъ: Маліивка славилась отсутствіемъ воровъ, замки и огорожи были одинаково чужды нетолько мужикамъ, но даже и двумъ помѣщикамъ, которые, какъ извѣстно, жили въ самой пасти большой деревни. Одно только береглось и запиралось, да и то не отъ своихъ, а отъ чужихъ пришельцевъ, это—лошади.

Жилось лучше, пилось меньше; одинъ кабакъ на всю деревню, да и тотъ не мужика, а помѣщика.

Въ народѣ сохранилось смутное воспоминаніе о томъ, какъ татаринъ нападалъ, какъ народъ былъ вольный. Старая Шершниха, супруга прежняго старшины, единственная женщина во всемъ селѣ, которая надѣвала въ высокоторжественные дни бѣлую намитку [1], слыла хранительницей всѣхъ преданій Маліивки. Она таинственно разсказывала о какихъ-то сокровищахъ, зарытыхъ въ сосѣднемъ лѣсу разбойникомъ Грачемъ, отчего и лѣсъ получилъ названіе «Грачинаго». Онъ принадлежалъ въ настоящее время полковнику, и въ немъ теперь нетолько разбойники, но и лисицы едва могли спрятаться: большихъ деревьевъ совсѣмъ не было, а маленькія бересты безпощадно вырубливались на колесные ободья.

Шершниха любила старыя пѣсни. Она одна пѣла эту чудную, поэтическую пѣсню гайдамаковъ:

«Изорала Марусенька
«Мысленьками поле;
«Карими очима
«Тай заволочила,
«Дрибненькими слизоньками
«Усе поле змочила!

Напѣвъ пѣсни, торжественный и грустный, вполнѣ гармонировалъ съ ея содержаніемъ. Какъ жаль, что старая Шершниха не знала происхожденія этой художественной вещи.

А происхожденіе ея было слѣдующее: гайдамаки, во время борьбы съ Польшей, убили одного польскаго пана и бросили его въ колодезь. Потомъ, они привели жену его, которая напрасно ждала мужа, и показали ей мѣсто, гдѣ онъ погибъ. Бѣдная женщина такъ убивалась, что про нее сложили пѣсню. Не отразился ли въ этомъ весь характеръ Малороссіи и вся ея

[1] Родъ урѣзанной чалмы.

исторія? Народъ великодушный, героическій и нѣжный, никогда ни на кого не нападалъ, никогда никого напрасно не убивалъ, не былъ одержимъ духомъ пріобрѣтенія и расширенія своихъ границъ: онъ дрался за душу свою, за свою національную физіономію. Онъ убилъ притѣснителя, но не издѣванью, не насилію подверглась несчастная, беззащитная жена его; нѣтъ, сложили пѣсню о ея слезахъ и горѣ. Развѣ это не трогательно, особенно для того времени, когда не было даже изобрѣтено слово «гуманность», и когда лозунгомъ побѣдителей было: «горе побѣжденнымъ»! безъ различія пола и возраста.

Старая Шершниха не любила новыхъ пѣсенъ и она была права: новыя пѣсни, по большой части, ничѣмъ не были связаны съ деревней; они говорили о чемъ-то чуждомъ мужицкому сердцу. И въ самомъ дѣлѣ, кого тронутъ, напримѣръ, подобныя слова:

«Маіоръ по комнатѣ похожа,
«Трубочку покурева
«И венгерца пужа.
«Ахъ, венгерецъ, ты бухарецъ
«Удалой ты забіяка
«Не шпиняй ты астріяка!»

Пѣсня эта была занесена солдатами, и благодаря, легкомыслію молодыхъ дѣвушекъ и ихъ желанію поддѣлаться подъ городской тонъ, нерѣдко раздавалась на улицахъ Маліивки, особенно когда «дивчата» имѣли причины досадить чѣмъ-нибудь «парубкамъ». Извѣстно, что въ деревняхъ мужчины составляютъ болѣе консервативный элементъ, особенно если, по несчастью для нихъ, въ деревнѣ эскадронъ драгунъ или гусаръ. Тутъ ужь имъ нужно держать ухо востро. Солдатъ со своими блестящими пуговицами, со своей удалой развязностью является очень опаснымъ соперникомъ мужику.

Да и то правда, для деревенской дѣвушки не особенная сладость выйти замужъ. Интересно послушать, какъ разсуждаютъ подростки женскаго пола объ этомъ предметѣ, какъ онѣ мѣтко умѣютъ очертить самыя худшія стороны жизни замужней женщины. Младшая сестра ни за что не захочетъ идти замужъ раньше старшей: она довольна, что очередь не за ней и нѣсколько свысока относится къ сестрѣ, которую уже просватали. Еще бы! Надъ той повисла неволя и тяжелый трудъ, а она вольная птичка; она можетъ пересмѣиваться на вечерницахъ то съ тѣмъ, то съ другимъ парнемъ и даже совсѣмъ отвернуться ото всѣхъ. Она сознаетъ свою власть; около нея походить нужно. Мать ее балуетъ, невѣстки не смѣютъ задѣть.

Скучна и однообразна деревенская жизнь, особенно, если на

нее смотрѣть съ высоты птичьяго полета: копошатся людишки, живутъ, множатся... И живутъ-то какъ! Вотъ хоть бы Маліивка въ послѣдніе годы. Въ ней не жили, а прозябали. «Народъ сталъ не тотъ», говорили люди, которыхъ не заѣла еще эта безъисходная копотня изъ-за куска насущнаго хлѣба. Старшина слылъ мошенникомъ, зять его былъ кабатчикъ, стало быть объ немъ говорить нечего. А сельская школа?.. Гласный, которому управа поручила надзоръ за школами, пріѣхавъ въ Маліивку, только руками развелъ. «Видалъ, разсказывалъ онъ потомъ:—видалъ разныя школы, а такой, какъ въ Маліивкѣ не видывалъ».

Она помѣщалась въ холодной половинѣ деревенской ратуши. Случалось часто, что дѣти учатся, а на дворѣ происходятъ экзекуціи надъ ихъ родителями.

«Твого батьку, мабуть, будуть сикты», говаривалъ одинъ мальчуганъ другому.

И тотъ, къ которому относились эти печальныя слова, закрывалъ уши или бѣжалъ изъ школы подъ кровъ своей родной хаты.

Но вотъ въ Маліивкѣ, подобно грозѣ въ душный іюльскій день, промчался слухъ о томъ, что тамъ гдѣ-то далеко, въ Ахтырской волости сгорѣла ратуша. Среди спасенныхъ бумагъ были найдены граматы, дарованныя царемъ на пользованіе землей; что въ граматахъ тѣхъ поименована и Маліивская волость; что адвокаты взялись хлопотать въ судѣ, и что если они успѣютъ оттягать отъ казны землю, такъ тогда и другія волости, по примѣру Ахтырской, могутъ надѣяться на полученіе своей земли обратно.

Слухъ этотъ украшался разными добавленіями, въ родѣ того, что грамата написана золотыми буквами, что ратуша и всѣ бумаги погорѣли, а когда люди пришли на другой день, то увидали на кучѣ пепла одни граматы: ихъ и огонь не тронулъ.

— Ось, мужицке добро и въ огни не горить, и въ води не тоне, сказалъ какой-то мужикъ.

— И старшина не зъивъ, добавилъ Павло̀ Горбатенко, и всѣ расхохотались.

Дѣйствительно, старшина «не зъивъ», но за то адвокаты, явившіеся на помощь мужикамъ, открыли такія акульи пасти, которыя способны были проглотить всѣ волости со всѣми дарованными имъ землями.

Какъ бы то ни было, вѣсть эта пріободрила маліивцевъ. Всѣ стали ругать старшину, всякій зналъ за нимъ какое-нибудь неправое дѣло. Онъ забралъ все въ свои руки, его зять кабакъ держитъ и опуталъ всю Маліивку своими сѣтями.

— Не слухали мене! кричалъ Павло Горбатенко:—я казавъ, було-бъ намъ Шершня держатися.

А кто такой Шершень?

Это былъ неизмѣнный голова впродолженіи двадцати лѣтъ, въ цвѣтущее время Маліивки. Онъ напрасно отстаивалъ свою родную деревню; онъ ѣздилъ въ Купянку, ѣздилъ въ Харьковъ, собирался ѣхать въ Петербургъ; но Шершню велѣли смириться. Онъ махнулъ рукой, притихъ и съ тѣхъ поръ считалъ свою родную Маліивку обреченною на погибель. Настоящая его фамилія была Коваленко, а по уличному онъ прозывался «Шершень»; названіе это приложилось ему вслѣдствіе его крутого, суроваго нрава, вслѣдствіе его манеры говорить какимъ-то жужжащимъ, протяжнымъ басомъ. Это былъ высокій, когда-то красивый мужикъ, съ курчавыми волосами, строгій, неумолимый ко всякой неправдѣ. Подобно древнимъ патріархамъ, онъ отличался горячей любовью къ односельчанамъ, и вообще ко всему крестьянству.

Цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ у него рождались дочери. Онъ жаждалъ имѣть сына и свою неудовлетворенную любовь перенесъ на Маліивку. Дочерей у него было шесть. Онъ держалъ ихъ въ строгости; къ женѣ своей, о которой мы говорили раньше, относился съ гордымъ снисхожденіемъ, какъ къ женщинѣ, которая не дала ему ни одного работника. И Шершниха чувствовала это. Когда-то бойкая и пѣвунья, она смирилась, старалась угождать мужу, и неустанно работала.

Она была необыкновенна добра, чутка и отзывчива на всякое несчастье. Художественныя ея наклонности и любовь къ природѣ, сдавленныя суровымъ отношеніемъ мужа, нашли себѣ исходъ въ знахарствѣ. Мужъ презиралъ ея знахарство: женщина, не умѣвшая наворожить себѣ, чтобъ родить сына, какая же она знахарка? Она возбуждала въ немъ только горькія насмѣшки. А между тѣмъ, всѣ къ ней прибѣгали; она нашептывала, выливала переполохъ, заговаривала кровь, правила кости, лечила бабъ отъ женскихъ болѣзней, причемъ клала ихъ ничкомъ, давила имъ поясницу кочергой, вынимала языкомъ порошинки изъ засореннаго глаза, и никого не портила. Нравъ у нея былъ кроткій и глазъ хорошій. Но лучшимъ для нея наслажденіемъ было, если ее звали въ барскій домъ. Здѣсь развертывалось ея постоянно сдавливаемое стремленіе ко всему прекрасному. Она осматривала и обнюхивала каждую вещь, съ жадностью прислушивалась къ разговорамъ, пѣла пѣсни. разсказывала повѣрья, и потѣшала сказками. Сказочница она была замѣчательная. Когда она начинала свои безконечныя повѣствованія, ея большіе, за-

думчивые голубые глаза выражали полное душевное удовлетвореніе, лицо оживлялось и становилось трогательнымъ.

На шестнадцатомъ году замужней жизни, Богъ благословилъ ее сыномъ. Старый Шершень увѣровалъ въ чудодѣйственную силу жены своей и задалъ такой пиръ на крестинахъ, что Маліивка ахнула. Счастливую Шершниху обливали водкой и едва не отправили на тотъ свѣтъ излишними угощеніями.

Нашъ разсказъ застаетъ Петра, сына Шершня, женатымъ на рослой, красивой женщинѣ Прасковьѣ, или Параскѣ, какъ ее обыкновенно звали всѣ. Она была бойка, говорлива, нѣсколько самовластна. Старый Шершень... А впрочемъ, лучше не забѣгать впередъ. Пусть читатель самъ увидитъ, какъ относился къ ней старый Шершень и какую роль сыграли маліивцы въ жизни этихъ людей.

II.

Наступилъ іюль, этотъ роковой мѣсяцъ для деревни, когда хозяева, что называется, ходятъ около своихъ созрѣвающихъ хлѣбовъ, смотрятъ, присматриваются, срываютъ колосья, вертятъ ихъ, чуть ли не обнюхиваютъ, очищаютъ зерна, показываютъ ихъ другъ другу, пробуютъ, взвѣшиваютъ на рукѣ, покачиваютъ головами: то плохо наливается, то дурно созрѣваетъ, то жары прихватили, то дожди повредили, то колосья совсѣмъ пусты. А этотъ проклятый жукъ, сколько крови человѣческой перепортилъ онъ!

Итакъ, наступилъ іюль мѣсяцъ. Весна, какъ я уже говорила, была поздняя; послѣ холодовъ вдругъ хватили жары, да еще какіе! Впродолженіи цѣлаго мѣсяца ни одного облака не показалось на горизонтѣ. Едва поднявшаяся трава пожелтѣла; ленъ выросъ на четверть аршина и покрылся цвѣтомъ или, лучше сказать, пустоцвѣтомъ, потому что изъ него ничего не вышло, нельзя было даже «брать». Между тѣмъ, время косовицы наступило гораздо раньше обыкновеннаго. Едва успѣли скосить траву, какъ пошли сильные дожди, и у многихъ она осталась не собранная. Поля вторично зазеленѣли; хлѣбъ вытянулся и пошелъ больше въ стволъ, чѣмъ въ зерно.

Было больно смотрѣть на эту чудную, изумрудную зелень, среди которой то тамъ, то сямъ виднѣлись темныя полоски и копны сгнившаго сѣна.

Семейство Шершня, вмѣстѣ съ семьей Павла Горбатенко и старшины, взяли у полковника тридцать десятинъ подъ пшеницу. Они лихорадочно работали и уже два дня не ѣли ничего горячаго.

Знойное августовское солнце клонилось къ западу. Небо утратило свою чудную утреннюю глубину и прозрачность: оно какъ будто подернулось серебристо-пыльной зыбью и все еще дышало зноемъ. Нескошенныя полоски проса сверкающими лентами извивались среди темной зелени гречихи, испещренной пунсовыми жилками. На убранныхъ нивахъ хлѣбъ, сложенный въ правильныя копны, отливалъ золотомъ. Кое-гдѣ между нимъ торчали большіе будяки [1] съ пожелтѣвшими колючками. Поле, засѣянное общественной пшеницей, прилегало къ верховью Грачинаго. Скаты этого маленькаго лѣса, и все пространство по ту сторону его никогда не пахались; это была та вѣчная цѣлина, которою такъ гордятся малороссійскіе помѣщики. Теперь она вторично покрылась зеленью, среди которой, подобно серебрянымъ нитямъ, вился ковыль.

Тишина была мертвая. Мужики работали молча, съ сосредоточенностью уставшихъ людей; только слышенъ былъ, точно подавленный, свистъ косы, рѣзавшей солому, да тяжелое дыханіе женщинъ. Солнце большимъ огненнымъ шаромъ стояло на горизонтѣ. Со стороны деревни потянуло прохладой. Тамъ, гдѣ-то далеко, за нескошенной полоской пшеницы, раздался рѣзкій, протяжный крикъ перепелки; черезъ нѣсколько минутъ онъ повторился опять и опять и, наконецъ, учащенной дробью разсыпался въ воздухѣ: это кто-то «баялъ», искусно подражая самкѣ. Не прошло пяти минутъ, какъ жирные самцы, издавая гортанные, хриплые звуки, перегоняя другъ друга, спѣшили на зовъ.

— Ишь, какъ ихъ разобрало! сказалъ Петръ, поднимая голову отъ работы и глядя въ ту сторону, откуда доносились звуки.

— Это поповскій сынъ баитъ, замѣтилъ молодой Горбатенко. Онъ былъ сверстникъ Шершня, сосѣдъ его и большой пріятель.

Петръ былъ высокій, широкоплечій мужикъ, съ темными, прямыми волосами и окладистой бородой. Его слегка изогнутый носъ и тонкія сухія губы напоминали отца; но онъ наслѣдовалъ отъ матери большіе задумчивые глаза, ея поэтическую, чуткую душу, ея кротость и выносливость. Онъ не могъ видѣть равнодушно женскихъ слезъ, онъ страстно любилъ жену свою, никогда ея не билъ и находился вполнѣ подъ ея вліяніемъ. Въ дѣтствѣ душа его лежала больше къ матери, чѣмъ къ отцу. Онъ былъ такъ добръ, довѣрчивъ и наивенъ, что почти не замѣчалъ той безпрерывной борьбы, которая происходила въ семьѣ между отцомъ, строгимъ, суровымъ деспотомъ, и Параской изъ-за преобладанія въ домѣ. Старикъ, прежде всецѣло поглощенный общественною дѣятельностью, обратилъ на сына всю лю-

[1] Колючая трава.

бовь своего горячаго, мужественнаго сердца; но онъ не баловалъ его. Онъ, неутомимый работникъ, шелъ впередъ, и сынъ долженъ былъ слѣдовать за нимъ.

Петръ превзошелъ въ работѣ самыя пылкія ожиданія отца. Семья ихъ богатѣла, и все шло хорошо, пока сынъ не полюбилъ Параску. Она и младшая сестра ея, Маруся, слыли первыми красавицами на всю Нижнюю Маліивку. Старый Шершень ничего не могъ сказать противъ этого брака. Параска была изъ хорошей, достаточной семьи; Петра нужно было женить, и дѣло сладилось.

Съ первыхъ дней вступленія Параски въ домъ, старикъ почувствовалъ ея силу. Онъ созналъ, что она умнѣе Петра, и, зная его податливость, предвидѣлъ, что не онъ, а она будетъ первымъ лицомъ въ домѣ. Эта мысль была невыносима для старика, который всю жизнь въ семьѣ провелъ среди женщинъ, и онѣ передъ нимъ трепетали. Онъ никогда не дрался, а подавлялъ ихъ своимъ авторитетомъ, своимъ превосходствомъ. И вдругъ чужая женщина отняла у него сына, его единственное сокровище, которое осталось ему на старости лѣтъ!

Параска тоже, съ своей стороны, очень быстро поняла свое положеніе, и между нею и свекромъ завязалась война, безмолвная, ожесточенная.

Впрочемъ, первое время перевѣсъ былъ на сторонѣ свекра: она, молодая, умиленная любовью Петра, страстно искала сближенія со старикомъ; но тотъ упорно отказывалъ ей въ этомъ. Но вотъ черезъ девять мѣсяцевъ она родила сына, черезъ полтора года другого, опять черезъ полтора года — третьяго. Старикъ начиналъ смягчаться: ей бы теперь стоило небольшого труда согнуть его; но она въ свою очередь ожесточилась. Все болѣе и болѣе чувствовала она всю неправду ненависти къ себѣ. Что̀ она сдѣлала? Красавица, приведшая трехъ сыновей въ семью, гдѣ были только дочери! Пусть кто поспѣетъ за ней въ работѣ! Пусть кто посмѣетъ сказать, что дѣти ея грязны, что изба ея не вымазана и не прибрана, какъ игрушечка, что капуста ея не раньше, чѣмъ у другихъ кочанится, что куры ея не раньше всѣхъ несутся, что мужъ не любитъ ея и бѣгаетъ къ другимъ! Какже! Она можетъ обвить его вокругъ своего мизинца; она захочетъ — онъ броситъ семью и поселится съ ней отдѣльно. Но она этого не желаетъ: она — добрая мать; ее утѣшало сознаніе, что когда она уходитъ на работу, дѣти ея досмотрѣны и накормлены старой Шершнихой. Она принадлежала къ тѣмъ возвышеннымъ, благороднымъ натурамъ, которыя никогда не пользуются слабостью другого для своихъ личныхъ цѣ-

лей. Сознавая всю силу, она была нѣжна съ своимъ мужемъ и никогда передъ нимъ не забывалась. Кротка и покорна она была и со свекровью. Правда, она ненавидѣла свекра, но еслибъ тотъ примирился съ ней, она способна была простить ему. Но онъ упорно ее преслѣдовалъ, и они продолжали войну.

А между тѣмъ во всей Маліивкѣ не было двухъ людей, которые бы такъ близко подходили другъ къ другу, какъ старый Шершень и его молодая невѣстка. Если старикъ могъ жертвовать своимъ временемъ и своими интересами для блага родной Маліивки, то и невѣстка его, съ рѣдкимъ для женщины чутьемъ, понимала общественныя дѣла и хотя не смѣла въ нихъ вмѣшиваться лично, но всячески старалась поддержать своего мужа, когда тотъ возставалъ на неправду.

Энергіи ея не было предѣла. Достаточно было взглянуть на нее теперь, всю раскраснѣвшуюся, какъ она ловко нагибалась, подхватывала стебли и быстро связывала ихъ.

— Твоя жена за двумя косарями поспѣетъ, говорилъ Павло Горбатенко своему пріятелю.

Она была высока, нѣсколько ниже своего мужа, съ худощавымъ станомъ. Брови ея срослись надъ глазами, которые всегда смотрѣли бодро и весело. Два ряда жемчужныхъ зубовъ такъ и сверкали, когда она говорила и улыбалась. Улыбка составляла главную ея прелесть; она смягчала ея нѣсколько суровое и строгое лицо.

Жена Горбатенко была широкоплечая, приземистая и глуповатая баба съ вздернутымъ носомъ. Она не любила Параски и всячески старалась отдалить своего мужа отъ Шершней, но Горбатенко, умный и честный, всѣмъ сердцемъ былъ привязанъ къ своимъ сосѣдямъ. Онъ былъ живъ и подвиженъ, какъ ртуть, ненавидѣлъ старшину, волновался всякой несправедливостью и былъ несчастливъ. Жена ему попалась глупая, старшія дѣти умерли; скотъ въ прошломъ году выдохъ. Онъ долженъ былъ отправиться на Донъ и пришелъ оттуда въ лохмотьяхъ.

Несмотря, однако, на то, что старшина, Горбатенко и Шершень были антагонисты, это не мѣшало имъ работать на одной полосѣ. Ихъ работало восемь человѣкъ: два сына старшины съ женами (они взяли земли больше другихъ), Горбатенко съ женою и Шершни. Не вдалекѣ отъ нивы висѣли три колыбели, подвѣшенныя на трехъ деревянныхъ палкахъ, верхніе концы которыхъ были связаны, а нижніе воткнуты въ землю. Всѣ бабы, кромѣ Горбатенко, имѣли грудныхъ дѣтей. Эта послѣдняя была беременна; она смертельно устала, спину ей разломило, ноги распухли и ныли: она злилась на весь міръ и смотрѣла по сторонамъ, съ кѣмъ бы поссориться.

Случай не замедлилъ представиться. Старшій сынъ старшины, Кондратъ, полоса котораго приходилась какъ разъ около полосы Горбатенко, вдругъ нечаянно или нарочно толкнулъ ее.

— У тебе очи чужй? закричала Дарья.

— Ни, свои! отвѣчалъ Кондратъ невозмутимо и продолжалъ работать.

— Такъ ты гляди, чортовъ сынъ! Чего товхаешься?

— Я и то смотрю; а вотъ ты держи свои очи, не то утичутъ!

У Дарьи были выпуклые глаза: этотъ намекъ взбѣсилъ ее. Она схватила снопъ и швырнула имъ въ лицо Кондрату. Тотъ, конечно возвратилъ ей его обратно, но такъ невѣжливо, что она покачнулась и упала. Ей трудно было подняться, и она начала ревѣть.

Мужъ продолжалъ упорно работать: ему смерть надоѣли выходки жены. Онъ такъ бы и оставилъ ее выкарабкиваться изъ своего критическаго положенія, но сыновья старшины начали издѣваться надъ ея беременностью, и это его взорвало. Они сцѣпились.

Параска навострила уши. Она была совершенно равнодушна къ Дарьѣ, но Павла любила, какъ друга семьи. Павелъ лихо огрызался, и это ее много тѣшило. Но тутъ проснулся ея ребенокъ и началъ кричать. Она бѣгомъ направилась къ колыбели, наскоро покормила и успокоила мальчика и вернулась какъ разъ въ то время, когда братья стали одолѣвать Горбатенко. Одинъ изъ нихъ началъ попрекать его въ нищенствѣ и въ томъ, что онъ отправился на Донъ искать счастья, думая, что тамъ галушки сами въ ротъ посыплются. Какъ разъ въ это время другіе мужики, работавшіе на смежной полосѣ, подошли къ нимъ. Параску взорвалъ этотъ попрекъ бѣдностью человѣку, который перенесъ столько несчастій и слезы котораго она неоднократно видѣла и сама даже плакала съ нимъ.

— Такъ что-жь! закричала она:—кому треба на Донъ, а кому пидъ припичекъ пійти, щобъ гроши шукати!

— Яки гроши? спросилъ Кондратъ.

— А ти, що твій батько накравъ!

Эти слова вызвали такой неистовый взрывъ общаго смѣха, что разсвирѣпѣвшіе братья бросились на Параску, но мужики не дали ея.

Произошла общая свалка.

Пріѣхали самъ старшина и старый Шершень, и насилу освободили молодыхъ людей. Дѣло въ томъ, что старшина былъ воръ, и по Маліивкѣ ходили слухи, что у него подъ печью есть мѣсто, куда онъ зарываетъ общественныя деньги. Упрекъ

въ этомъ, смѣло брошенный женщиной въ лицо людямъ, богатѣвшимъ на чужой счетъ, привелъ всѣхъ въ восторгъ и расшевелилъ дремавшее чувство справедливости и самозащиты. Петръ, услыхавъ слова жены, сначала струсилъ, но, видя какъ отнеслось къ нимъ общество, успокоился.

Сверхъ чаянія, старшина, узнавъ въ чемъ дѣло, нетолько не разозлился, но, напротивъ, точно почувствовалъ себя пристыженнымъ и старался помирить дѣтей съ Шершнями. Дѣло въ томъ, что скоро предстояли выборы, и фактъ этотъ служилъ очень дурнымъ предзнаменованіемъ для него. Скажи что-нибудь подобное Горбатенко или кто другой, неизвѣстно, чѣмъ бы еще дѣло кончилось; но Шершень былъ единственный и очень опасный соперникъ старшинѣ. Старшина замѣтилъ, что съ тѣхъ поръ, какъ по Маліивкѣ прошелъ слухъ о граматахъ на землю, которую оспариваютъ ахтырцы, мужики стали не слишкомъ съ нимъ предупредительны. Въ кабакѣ произошла ссора съ его зятемъ, и они хвалились, что изберутъ Шершня.

— Ай, да Параска! приговаривали очевидцы: — ай, да молодецъ баба! По дѣломъ ему, вору!

Это послѣднее обстоятельство не возбуждало уже сомнѣній: значитъ, правда, что старшина—воръ, если онъ старается помириться съ Шершнемъ. И долго въ этотъ вечеръ по Маліивкѣ ходили толки о томъ, какъ молодая Шершниха сыновей старшины осрамила. Горбатенко и еще нѣкоторые кричали вездѣ: «Було-бъ намъ Шершня держатися: винъ двадцать литъ насъ ратувавъ и грошей не наживъ! Молодецъ Шершниха!»

Но старый Шершень думалъ иначе. Послѣ ужина онъ позвалъ сына въ амбаръ и тамъ, въ самыхъ строгихъ выраженіяхъ представлялъ ему все неприличіе поступка его бабы. Баба должна молчать; баба не смѣетъ мѣшаться въ мужицкія дѣла; куда баба вмѣшается, тамъ толку не будетъ; а онъ — кваша: баба сѣла ему на голову. Ему слѣдовало ее при всѣхъ наказать, а онъ нюни распустилъ. Старикъ приказалъ ему непремѣнно проучить свою жену, чтобъ другой разъ у нея языкъ длиннѣе косы не выросъ.

Петръ вышелъ смущенный отъ отца. Что̀ ему было дѣлать съ этой бабой, которую онъ такъ сильно любилъ? Совѣсть подсказывала ему, что Параска была права: она защищала Горбатенко. Притомъ, вся деревня ненавидѣла старшину и его зятя, кабатчика.

Онъ остановился посреди двора въ раздумьѣ. Старикъ быстро прошелъ мимо него: онъ отправлялся спать на пасѣку. Петру стало легче на сердцѣ отъ сознанія, что отца нѣтъ, и что онъ

самъ можетъ расправиться съ женой безъ посторонняго вмѣшательства. Онъ медленно взошелъ на крыльцо и наткнулся на Параску. Она несла ушатъ съ помоями для свиней и закричала, чтобъ онъ посторонился. Петръ посторонился; но голосъ ея на этотъ разъ показался ему черезъ-чуръ повелительнымъ, и это его взорвало.

— Ты чего лаешься? закричалъ онъ, подскакивая къ ней и хватая ее за плечо.

— Тебѣ старшину жалко или батька велѣлъ? спросила она покойно.

— Не старшину жалко; а то, что ты меня подъ бѣду подвѣдешь—чуешь?

И онъ опять схватилъ ее за плечо.

— Гедь! [1] крикнула въ свою очередь Параска и сильнымъ движеніемъ руки оттолкнула его отъ себя.—За припечкомъ сиди, коли ты всего боишься! добавила она презрительно и, взявъ лоханку, не оборачиваясь, пошла въ хату.

Петръ остался совершенно ошеломленный и растерянный. Что̀ ему дѣлать? Схватить ее за косу и оттаскать хорошенько? Но нѣтъ, его не хватитъ на это. Онъ не рѣшался. Неужели-жь молчать? Пожалуй, она въ самомъ дѣлѣ сядетъ ему на голову. Эхъ! кабы подъ пьяную руку! задалъ бы онъ ей трезвону! А такъ—ну, какъ-таки взять да и побить? Ему это было черезчуръ ново. Но все же нужно проучить бабу. Онъ твердо рѣшился и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по направленію къ избѣ.

Параска стояла, нагнувшись въ самыхъ дверяхъ, и съ ожесточеніемъ катала бѣлье ему и дѣтямъ. Брови ея были сжаты, движенія порывисты и быстры. Она сняла головную повязку и прикрыла голову маленькимъ платочкомъ, изъ подъ котораго выбивались ея черные волосы и прилипали ко лбу.

Петру стало жаль ея. Уже всѣ отдыхали, она одна еще работала. Но все-таки онъ—мужикъ, а она—баба. И въ немъ опять заговорило мужское самолюбіе. Еслибъ она подняла голову, онъ навѣрное побилъ бы ее; но она упорно продолжала работать, и ему стало совѣстно подкрасться, нанести ударъ женщинѣ, которая ничего не ожидала. «Якъ ворогъ», подумалъ онъ и, отошедши въ сторону, сѣлъ на призьбу [2].

Онъ невольно прислушивался къ равномѣрному стуку катка. Стукъ этотъ успокоительно дѣйствовалъ на него, но онъ не желалъ успокоиться: онъ опять всталъ и направился къ двери.

---

[1] Прочь.

[2] Завалина.

Параска стояла передъ скамейкой и держала у груди ребенка. Малютка поднялъ ногу и силился поймать ее рученкой. Брови Параски расправились, она улыбалась и нѣжно гладила своей мозолистой рукой дитя по головкѣ. Петръ быстро отошелъ и опять сѣлъ на призьбу; теперь онъ не чувствовалъ уже ни малѣйшаго желанія побить жену и даже не сердился.

Пора было ложиться. На дворѣ становилось темно; легкія сумерки спорили съ луннымъ свѣтомъ. Петръ думалъ: неужели ему идти и лечь въ сѣняхъ? Онъ слышалъ голосъ Параски, она что-то говорила его матери довольно громко, потому что старуха была глуховата. Какъ ему быть? Вѣдь чѣмъ же-нибудь нужно проучить ее?

Петръ быстро всталъ, вошелъ въ сѣни, схватилъ съ палатей тулупъ и подушку, ушелъ къ амбару и легъ на маленькомъ узкомъ балкончикѣ. Но онъ не спалъ. Въ сосѣднемъ дворѣ женскій тонкій голосъ уныло выводилъ:

«Якъ пиду на зеленъ чай,
«Та якъ гляну въ свій край,
«Якъ гляну въ свій край,
«Тай зажурюся!»

Петръ приподнялся на локтяхъ и слушалъ. Это пѣла Химка, жена молодого Стрѣльца. Онъ взялъ ее осенью, а весной отправился на Донъ и оставилъ жену одну. Какъ ему должно быть тяжко тамъ, на чужой сторонѣ безъ жены молодой! А она тоскуетъ и такъ жалко поетъ. Петръ думалъ все это и невольно сталъ смотрѣть на дверь своей хаты: она большимъ темнымъ отверстіемъ зіяла на бѣломъ фонѣ. Выйдетъ ли Параска или нѣтъ? началъ онъ думать. А голосъ Химки пѣлъ:

«Винъ голубця убивъ,
«А голубку схопивъ!..»

и вдругъ, подобно протяжному стону, оборвался и замеръ.

У Петра защемило сердце.

Луна встала и освѣтила хату бѣлымъ серебрянымъ свѣтомъ. Съ того мѣста, гдѣ онъ лежалъ, можно было видѣть группу вишневыхъ деревьевъ, которыя росли у него въ саду. Нѣсколько молодыхъ осинъ тихонько покачивались и точно о чемъ-то шептались между собой. Онъ приподнялся и началъ смотрѣть на улицу. Тѣнь отъ его избы перебѣжала наискосокъ черезъ дорогу, вытянулась на подобіе тѣни какого-то гигантскаго монаха и задѣла головой другую избу, которая стояла поодаль, одинокая, и была освѣщена яркимъ свѣтомъ. Далеко, на горизонтѣ, точно въ туманѣ, вырѣзывался бѣлый остовъ церкви. И было тихо-тихо.

Душа Петра исполнилась умиленія. Онъ жадно началъ смо-

трѣть на дверь. Не выйдетъ! Неужели не выйдетъ? Но вотъ на порогѣ показалась высокая, стройная фигура. Сердце его забилось; онъ хотѣлъ позвать ее, но воздержался, и это ему стоило немалаго труда. Она вошла въ темную полосу, образуемую тѣнью амбара и легкими шагами направилась къ клунѣ. Куда она идетъ? Неужели она пройдетъ мимо него?

— Кто тамъ? спросилъ Петръ, притворяясь, что не узналъ ея.

— Это я, Петро, отвѣтила Параска.

— Что тебѣ нужно? продолжалъ онъ, все еще разыгрывая сердитаго мужа.

— Я принесла тебѣ чистую рубашку, отвѣчала Параска и подошла близко къ балкончику.

Въ голосѣ ея звучала любовь и слышалось смиреніе. Кто бы могъ устоять! Петръ схватилъ ее за шею и привлекъ къ себѣ на грудь.

— А старшина? прошептала Параска.

— Хай винъ сказитця! Ты моя старшина!

Изрекши такую необычайную для мужского самолюбія фразу, онъ расхохотался. И при свѣтѣ луны подъ досчатымъ навѣсомъ раздавались смѣхъ и поцѣлуи.

Что бы сказалъ старый Шершень, еслибъ зналъ, какъ проучилъ Петръ жену свою?

III.

Передъ Успеньемъ нѣкоторые мужики стали поговаривать о томъ, чтобы отправиться на ярмарку въ Святыя Горы. Монастырь этотъ находился въ двадцати пяти верстахъ отъ Маліивки. Утромъ тринадцатаго, старый Шершень объявилъ сыну, чтобъ ѣхалъ продавать лошадей и купить пару бычковъ.

Параска работала въ этотъ день съ удвоенной энергіей: ей ужасно хотѣлось ѣхать съ мужемъ. Притомъ же, Святыя Горы, съ своимъ чуднымъ мѣстоположеніемъ, гдѣ бѣлая мѣловая церковь вышла изъ горы и стала надъ Донцомъ, составляли предметъ пламенныхъ мечтаній всей Маліивки; да и не одна Маліивка, но всѣ окрестныя селенія не могли достаточно надивиться красотѣ этихъ святыхъ мѣстъ. Параска ѣздила туда съ родителями, когда ей было семнадцать лѣтъ. Какое это было блаженство! Безконечный сосновый лѣсъ, высокій, стройный; досталъ ли онъ небо или небо само спустилось къ нему, только ей казалось, будто между зелеными верхушками повисли голубыя клочья. И такъ чисто, такъ чисто въ этомъ лѣсу, что никто не могъ заблудиться въ немъ.

*

Она шла тогда все время пѣшкомъ съ Марусей и братомъ, чтобъ легче было лошадямъ тащить возъ по песку. А песокъ глубокій, горячій. И откуда его столько набралось? Босикомъ и не думай идти: ноги жжетъ. Съ самой Александровки, за десять верстъ отъ Святыхъ Горъ, онѣ надѣли башмаки, да такъ и не снимали ихъ, потому что песчаныя, раскаленныя равнины перемежались съ лѣсомъ, гдѣ подъ ногами хрустѣли сухія вѣтки и сосновыя шишки. Мать ихъ очень огорчало это обстоятельство, а дѣвушки блаженствовали. На Параску, жительницу степей, которой маленькое Грачиное казалось полно таинственныхъ чудесъ, лѣсъ произвелъ такое сильное впечатлѣніе, что даже теперь, при воспоминаніи о немъ, она испытывала благоговѣйное чувство страха и радости.

Вотъ они, усталые отъ долгой ходьбы, дѣлаютъ привалъ въ лѣсу, ѣдятъ черный хлѣбъ съ солью и поочередно пьютъ изъ деревянной баклажки. Вода точно вареная. Лошади фыркаютъ и усердно отбиваются отъ мошекъ. Что-то зашумѣло вверху; это стая бѣлокъ, испуганная чѣмъ-то, скачетъ съ одного дерева на другое. Маруся такъ перепугалась, что крикнула отъ ужаса: она думала, нечистая сила. Сколько было смѣху потомъ, и какъ долго тянулось время, точно они нѣсколько дней находились въ лѣсу. Лошади стояли понуря головы и ничего не могли ѣсть, онѣ едва дышали, потому что мошки залѣзали имъ въ носъ и уши.

Наконецъ, всѣ пѣшкомъ продолжали путь; даже мать не пожелала сидѣть на возу и пошла съ ними. Косые лучи солнца проникаютъ сквозь рѣдѣющій лѣсъ и рисуютъ причудливые узоры тѣней на песчаной землѣ и на золотыхъ стволахъ вѣковыхъ сосенъ. Что-то забѣлѣло между зелеными верхушками. Они выѣхали на поляну; на нихъ пахнуло свѣжестью: широкая полоса воды сверкала залитая солнцемъ. А тамъ надъ ней словно повисла бѣлая церковь, рѣзко выдѣляясь на темнозеленомъ фонѣ высокихъ горъ.

При видѣ ея, всѣ стали на колѣни и благоговѣйно крестились. Потомъ эта первая ночь, проведенная въ лѣсу, на берегу Донца! Параска стоитъ съ сестрой на песчаной отмели; изъ монастыря каждый часъ раздается звонъ и протяжно несется вдоль рѣки. Она прислушивается къ мѣрнымъ ударамъ веселъ и въ первый разъ видитъ лодку, наполненную людьми. «Полетѣть бы намъ за ними, Маруся», говоритъ она. Въ воздухѣ гулъ стоитъ отъ множества голосовъ. Все здѣсь ново, чудно, все полно невиданной ею прелести: и Успенскій соборъ съ разрисованнымъ потолкомъ, и стройное пѣніе монаховъ, и широкая каменная

лѣстница, ведущая внизъ, и другая болѣе узкая, которая ведетъ въ мѣловую церковь; въ ней столько ступеней, что и пересчитать нельзя. Говорили тамъ, что если сложить десять такихъ лѣстницъ, можно на небо взойти; и потому набожные люди старались нѣсколько разъ подняться наверхъ, чтобы быть ближе къ Богу.

Прошло шесть лѣтъ съ того времени, и она никуда не ѣздила. Она провела эти года въ тяжеломъ трудѣ, въ чужой семьѣ, гдѣ свекоръ ее ненавидѣлъ, гдѣ она постоянно думала о томъ, какъ бы ей извернуться, чтобъ не дать повода старику упрекнуть ее въ чемъ-нибудь. Ею овладѣло страстное желаніе вырваться на нѣсколько дней изъ семьи, побыть одной на свободѣ съ мужемъ, не слышать жужжащаго голоса свекра. То-то будетъ счастье! Она, какъ змѣйка, увивалась около Петра; она обѣщала ему четвертаго, даже пятаго сына. Она совсѣмъ его растопила. Петръ, конечно, выпроситъ у старика позволеніе взять ее съ собою. Онъ скажетъ, что ей нужно отдохнуть и повеселиться, а мать присмотритъ за дѣтьми.

Четырнадцатаго они рано вернулись съ поля. Ночи были лунныя; и чтобъ не утомлять лошадей рѣшено было выѣхать на ночь. Семья сидѣла за раннимъ ужиномъ. Параска прислуживала и съ замираніемъ сердца ожидала рѣшенія своей участи. Петръ, заикаясь и не глядя на отца, объявилъ, что возьметъ жену съ собой: пускай она ярмарку посмотритъ. Старикъ, однако, воспротивился. Онъ объявилъ сыну, что съ нимъ поѣдетъ мать: можетъ быть, ей недолго жить на свѣтѣ, и потому ей нужно передъ смертью поклониться Святымъ Горамъ. Петръ заикнулся было что-то сказать, но старикъ только взглянулъ на него, и тотъ едва не подавился кускомъ. Старуха тоже не смѣла протестовать, хоть ей совсѣмъ не хотѣлось ѣхать.

Параска вышла въ сѣни. Ее душила злоба. Она сѣла на скамью и готова была закричать отъ ярости. Лучше бы онъ ее ругалъ, лучше бы билъ, чѣмъ эта неустанная скрытая ненависть, на которую даже пожаловаться никому нельзя, но которую она чувствуетъ ежеминутно надъ собой. «Проклятый! Проклятый!» шептала она и грозила кулакомъ по направленію къ двери. «Кажется, схватила бы горшокъ съ горячей водой и вылила-бъ ему на голову. Работаешь-работаешь на оранкѣ, и нѣтъ спинѣ отдыху, нѣтъ никакого удовольствія!» И зачѣмъ она пошла въ семью, гдѣ свекоръ, Шершень, извергъ. Кажется, убила-бъ она его. Это была послѣдняя капля, переполнившая чашу.

Она стиснула руки и съ глубокой ненавистью смотрѣла въ открытую дверь. Старикъ сидѣлъ спиной къ ней; ей видна была

его нѣсколько согнутая широкая спина и клочки сѣдыхъ волосъ, торчавшихъ надъ ушами. Ею овладѣло страстное желаніе вскочить въ хату и начать открытую ссору: можетъ быть, Петръ заступится за нее. Она закусила нижнюю губу и ломала свои пальцы такъ, что они трещали. Въ ней происходила страшная борьба. Еслибы кто взглянулъ на нее въ настоящую минуту, то могъ бы перепугаться ея искаженнаго лица и глазъ, сверкающихъ ненавистью. Еще минута—духъ злобы одержитъ верхъ и и совершится преступленіе. Она дрожитъ всѣмъ тѣломъ и продолжаетъ смотрѣть въ открытую дверь.

Но вотъ, мало-по-малу, она чувствуетъ, будто что-то отхлынуло отъ нея; она встала и направилась къ двери. Сѣни у нихъ были просторныя и имѣли два выхода: одинъ на дворъ, гдѣ на зеленой полянкѣ возвышалась клуня и стояли службы; этотъ выходъ былъ ближе къ дверямъ, ведущимъ въ хату; другой выходилъ на маленькій дворикъ. Она вышла въ послѣдній и прислонилась къ стѣнѣ.

Прошло нѣсколько минутъ. На плечо ея легла чья-то рука. Параска быстро обернулась: передъ ней стояла старая Шершниха.

— Не тужи, доню, сказала она нѣжно: — въ другой разъ ты поѣдешь.

Сердце у Параски дрогнуло.

— За що, за що?.. начала она дрожащимъ отъ волненія голосомъ:—за що винъ надо мною...

Голосъ ея оборвался, и она заплакала горько, жалко.

Шершниха моргала и смотрѣла на нее съ любовью и сожалѣніемъ. Она сама слишкомъ много перенесла отъ своего суроваго мужа. За что онъ не любилъ невѣстки, она не понимала и никогда не пойметъ; она только съ своей стороны старалась быть доброй и справедливой къ ней.

— Годи, доню, годи, успокоивала она ее и водила своей жилистой, старческой рукой по ея плечу:—иди, сбирай Петра въ дорогу.

Параска поспѣшно вытерла рукавомъ слезы, подошла къ кадкѣ, зачерпнула изъ нея воды и плеснула ею раза два себѣ въ лицо; потомъ стала возиться около сундука.

Когда вышелъ старикъ и покосился въ ея сторону, на лицѣ ея не было и слѣда слезъ; она выдержала его взглядъ бодро и смѣло, нарочно смѣялась и говорила громко, и старый Шершень опять почувствовалъ ея непреоборимую силу. Онъ вышелъ и самъ сталъ закладывать лошадей.

Петръ вздыхалъ. Ему было совѣстно передъ Параской, и онъ

не зналъ, какъ ему быть; и хотѣлось подойти къ ней утѣшить, и онъ не рѣшался. Отецъ, ему казалось, постоянно поглядывалъ въ сѣни. Когда все было готово, Параска взяла на руки грудного ребенка и отправилась провожать мужа за деревню. Тамъ она довольно холодно простилась съ Петромъ, который совсѣмъ раскисъ отъ сознанія своей слабости. Шершниха благословляла ее и просила присмотрѣть за старикомъ.

Когда Параска возвращалась домой, навстрѣчу ей гнали скотъ. Густое облако пыли обдало ее съ ногъ до головы. Въ воздухѣ запахло теплымъ навозомъ. Кто-то изъ встрѣчныхъ женщинъ спросилъ ее, отчего она не поѣхала въ Святыя Горы. Этотъ вопросъ опять взволновалъ улегшееся-было чувство обиды. Стадо прошло, пыль разсѣялась и она издали увидала старика: онъ сидѣлъ на скамейкѣ на улицѣ и водилъ палкой по землѣ. На нее вдругъ напалъ никогда не испытанный ею страхъ. Какъ она одна вернется? Не поджидаетъ ли онъ ее? Не вздумаетъ ли бить въ отсутствіе мужа? Она остановилась на минуту въ раздумьѣ; пойти къ матери—мелькнуло у нея въ головѣ; потомъ ею овладѣла отчаянная рѣшимость: если онъ станетъ бить ее, она ему не поддастся. Пусть онъ ее убьетъ, но она не позволитъ издѣваться надъ собой. Однако, когда она проходила мимо его, ноги ея дрожали и подкашивались.

Старикъ, не поднимая головы, всталъ и пошелъ за нею. Параска слышала его тяжелые шаги за собой; она вскочила въ сѣни и, какъ запертой звѣрь, оглядѣлась по сторонамъ: противоположная выходная дверь была заперта. Такъ и есть; старикъ нарочно ее заперъ, чтобъ она не выскочила. Она боялась войти въ избу: если онъ вскочитъ за нею, тутъ ужъ вѣрная смерть. Ребенокъ спалъ на ея рукахъ; она боялась положить его, боялась повернуться спиной къ двери.

— Параска! раздался со двора голосъ стараго Шершня.

Она выскочила на порогъ и имѣла такое сіяющее лицо, точно избавилась отъ вѣрной смерти.

— Я иду на пасеку, сказалъ онъ.

И тихо, не обертываясь къ ней, пошелъ. Въ голосѣ его не было ни злости, ни суровости: ей показалось, что она никогда не слышала такого добраго, такого смирнаго голоса отъ стараго, злого Шершня.

Она вся дрожала отъ волненія. Что это съ ней дѣлается? Она смотритъ на его изогнутую спину, на сѣдые волосы и нетолько не чувствуетъ злобы, какъ было недавно въ сѣняхъ, напротивъ, что-то доброе шевельнулось въ ней къ этому человѣку, точно онъ въ первый разъ показался ей и старымъ, и согнутымъ. Она

хотѣла позвать его, но слова не сходили съ ея устъ; хотѣла побѣжать за нимъ, но ноги не двигаются. Она стоитъ на порогѣ съ ребенкомъ на рукахъ; красный отблескъ потухающей зари освѣщаетъ ея лицо, полное недоумѣнія и сердечной тревоги. Господи, что̀ это съ ней дѣлается!

А старый Шершень шелъ, опираясь слегка на палку, и ему было совсѣмъ не весело. Она отравляла ему жизнь своей непреклонной гордостью. Когда онъ не позволилъ ей ѣхать, черезъ нѣсколько времени ему стало жаль ея. Онъ ждалъ, что она войдетъ и будетъ просить отпустить ее съ мужемъ. Но она не являлась. Послѣ ужина, онъ вышелъ въ сѣни все еще съ той мыслью, что увидитъ ея слезы и сжалится надъ ней. Эта возможность простить ее, сжалиться надъ ней доставляла ему въ эту минуту большое наслажденіе. Но Параска не дала его: ни тѣни печали, ни слѣда слезъ не увидалъ онъ на ея лицѣ. Онъ готовъ былъ ее ударить отъ злости и, чтобъ совладать съ собой, отправился самъ закладывать лошадей. Конечно, онъ не станетъ обижать ее въ отсутствіе мужа: теперь онъ ея защитникъ, ея покровитель. Только она этого не чувствуетъ: это звѣрь какой-то! Это сатана!

Онъ легъ на жесткую солому. Ему не спалось, и онъ думалъ о томъ, какъ печально приходится кончать свою жизнь: Маліивка бѣднѣетъ съ каждымъ годомъ, даже Стрѣльцовы сыновья должны были отправиться на Донъ въ этомъ году. Куда дѣвалось прежнее богатство? Почемъ знать, можетъ быть, и его семьѣ придется переживать тяжелые годы? Изъ куреня, въ которомъ онъ лежалъ, былъ виденъ клочокъ звѣзднаго неба. Вотъ упала одна звѣздочка. Старикъ Шершень, глядя на яркую полоску, оставленную ея паденіемъ, загадалъ: если упадетъ еще звѣзда—ахтырцы оттягаютъ землю; если не упадетъ, значитъ, не на что имъ надѣяться. И старикъ смотрѣлъ, смотрѣлъ; глаза его мигали отъ усталости; онъ приподнялся и продолжалъ напряженно смотрѣть. Вотъ вышла блѣдная, совсѣмъ умирающая луна и освѣтила его пасеку, которая въ этомъ году значительно уменьшилась. А звѣзды все неподвижно стоятъ на темномъ небѣ; и ему стало больно и тяжко. Тоска напала на него; и старъ-то онъ, и несчастливъ; и лучше-бъ ему пропасть, чѣмъ жить среди погибающей Маліивки со старшиной-воромъ, съ невѣсткой, которая его, старика, не уважаетъ.

Двѣ крупныя слезы скатились ему на сѣдую бороду; онъ сердито вытеръ ихъ рукавомъ, повернулся на другой бокъ и погрузился въ тяжелое оцѣпенѣніе.

IV.

Успеніе приходилось въ пятницу, а въ воскресенье къ обѣду стали съѣзжаться мужики съ ярмарки.

Петръ и старая Шершниха торжественно въѣхали во дворъ въ сопровожденіи двухъ молодыхъ бычковъ, привязанныхъ къ возу. Параски не было дома; она ушла внизъ за водой. Старикъ встрѣтилъ ихъ такъ радостно, точно не видалъ цѣлый мѣсяцъ.

Возвратившаяся Параска сейчалъ замѣтила, что мужъ и свекровь ея были чѣмъ-то разстроены. «Что случилось?» подумала она. Она зорко посматривала то на того, то на другого; но они видимо избѣгали ея взглядовъ. Дѣло, впрочемъ, скоро объяснилось: у Шершнихи вытащили пятнадцать рублей изъ-за пазухи. Старикъ ужасно разсердился.

— Я говорилъ, оправдывался Петръ:—что нужно было отпустить жену со мною.

Дѣло въ томъ, что его позвали въ кабакъ выпить могарычъ по случаю купленныхъ бычковъ и проданныхъ лошадей. Боясь, чтобъ денегъ у него не вытащили, онъ отдалъ ихъ матери. Шершниха завязала ихъ въ платочекъ, спрятала за пазуху и отправилась къ вечернѣ. Въ церкви народу было множество, духота страшная: съ ней сдѣлалось дурно, и когда она очнулась, лежа на церковной паперти, платочка съ деньгами не оказалось. Она чувствовала себя несчастной вслѣдствіе всего случившагося; притомъ постъ, долгое стояніе въ церкви, путешествіе по песку, безсонныя ночи, все это ее такъ измучило, что она даже не старалась оправдаться. Она сидѣла въ углу подъ образами съ осунувшимся лицомъ, охала и крестилась. Петръ волновался, ему во что бы то ни стало хотѣлось доказать, что все несчастіе произошло оттого, что старикъ не отпустилъ съ нимъ Параски.

Шершень разсердился, крикнулъ на сына такъ, что тотъ умолкъ, и весь обѣдъ они просидѣли молча, едва касаясь пищи. Невесело было всѣмъ. Шутка ли потерять мужику пятнадцать рублей, да еще въ такое время, когда вся Маліивка стонетъ отъ неурожая.

Старикъ не легъ даже спать, по своему обыкновенію, и ушелъ на улицу; а Петръ сунулъ Параскѣ что-то въ руки; она тотчасъ поспѣшно спрятала это что-что и убѣжала въ огородъ взглянуть на подарокъ. Это былъ голубой платочекъ съ красными разводами. Еслибъ не потерянные пятнадцать рублей, какъ бы она ему обрадовалась! Но теперь сожалѣніе объ деньгахъ пересили-

вало въ ней сознаніе своего торжества надъ старымъ, который былъ достойно наказанъ за то, что не пустилъ ея съ мужемъ. Одни только мальчики были въ восторгѣ: они получили по глиняной свистелкѣ и по два бублика. Старшій оглашалъ воздухъ неистовымъ свистомъ, а младшій, набивъ себѣ полонъ ротъ, утѣшался тѣмъ, что колотилъ коникомъ о деревянную притолку дверей. Между тѣмъ, на улицѣ около Шершня собирались мужики. Одни помѣстились на заваленкѣ, другіе на бревнахъ, которыя были тутъ же сложены противъ хаты.

Это было что-то въ родѣ митинга подъ открытымъ небомъ. Многіе мужики, бывшіе въ Святыхъ Горахъ, встрѣтили тамъ двухъ-трехъ ахтырцевъ, и тѣ говорили имъ объ своемъ дѣлѣ. Они были увѣрены, что успѣютъ оттягать землю отъ казны. А облакаты казали: «выиграють ахтырцы—уси выиграють»!

Вышелъ Петръ; онъ тоже кое-что слышалъ, и могъ поразсказать. Старый Шершень оживился. Народу прибывало все больше и больше; кругъ мужиковъ замыкали бабы, которыя усѣлись на землю, держа передъ собой дѣтей, и внимательно слушали. Разсказы о землѣ были всѣмъ одинаково близки и дороги.

Разговоръ, начавшійся объ ахтырцахъ, перешелъ мало-по-малу на старшину. Многіе заявили о томъ, что тяжело было жить въ настоящее время, особенно при такомъ старшинѣ, который нигдѣ никогда не держитъ руку крестьянина и только наровитъ, какъ бы стянуть что-нибудь, или запутать мужика такъ, чтобы тотъ самъ все отдалъ его зятю, кабатчику. Болѣе старые вспомнили время, когда Шершень былъ головой, и начали просить его не отказаться, если они опять его выберутъ. А что они именно его хотятъ, его, а никого другого — объ этомъ всѣ знаютъ. Особенно распинался Иванъ Долгопятый: онъ подобострастно относился къ старику и даже ко всему его семейству; но внимательный наблюдатель могъ тотчасъ замѣтить, что крестьяне, и особенно самъ Шершень, ничуть не скрывали своего пренебреженія къ этому вертлявому мужиченкѣ.

— А какъ Параску старшина лае! добавилъ онъ, глядя на нее.

Она стояла поодаль съ ребенкомъ и видимо была недовольна этими словами.

Старый Шершень сердито покосился въ ея сторону, а Горбатенко горячо заговорилъ:

— Ты-бъ самъ не лаявъ, а то ничого что старшина лае. Знаю я васъ: вамъ кто чарку поднесе, той и командуе.

Довгопьятенко заегозилъ и сталъ увѣрять, что онъ всегда за громаду; но Горбатенко не вѣрилъ.

— Не тѣ люди стали, утверждалъ онъ: — вотъ скилько насъ тутъ есть, всѣ мы за Шершня: такій сякій ридний батько; а

якъ до дила прйдется, да поднесетъ Цуренко водки, такъ и на утиѣи видъ [1] риднаго батьки.

Шершень былъ очень тронутъ тѣмъ, что маліивцы не забыли его заслугъ и опять желаютъ избрать его. Онъ не думалъ отговариваться; онъ готовъ послужить обществу: силы у него есть, и онъ самъ видитъ, что не добро творится на селѣ. Онъ совѣтовалъ послать вѣрнаго человѣка въ Ахтырку разузнать на счетъ дѣла. Какъ будетъ у людей больше надежды на землю, такъ и народъ станетъ лучше и на водку плевать начнетъ, потому что люди больше отъ горя, чѣмъ отъ радости пьютъ.

Всѣ согласились съ справедливостью его доводовъ и послѣ долгихъ толковъ рѣшили послать Павла Горбатенко, какъ человѣка бывалаго и завѣдомо преданнаго громадѣ. Начали высчитывать, что будетъ стоить дорога. Какъ ни прикидывали, какъ ни соображали, а все же рублей пятнадцать нужно было дать ему; мало ли что съ человѣкомъ случиться можетъ.

Старый Шершень съ укоризной посмотрѣлъ на своего сына, а тотъ только почесалъ затылокъ.

Кое-какъ собрали съ міра, причемъ большая часть пришлась на долю Шершня, да богатаго зятя его, который былъ женатъ на его младшей дочери, Марѳѣ.

И такъ, Горбатенко отправился въ путь, а Иванъ Довгопятенко на другой же день передалъ все слышанное за кварту водки сыновьямъ старшины, прибавивъ при этомъ, что Параска ругалась, а Шершень ей поддакивалъ. Кто-то вступился, но Довгопятенко готовъ былъ землю ѣсть въ справедливости своихъ словъ. Тогда стараго Шершня начали ругать, да такъ ругали, что, по выраженію одного мужика, присутствовавшаго въ кабакѣ, «стѣнамъ соромно стало». Досталось и Параскѣ. «Кажется, если бы можно было, разсказывалъ тотъ же мужикъ: — то они бы ее въ чаркѣ горилки утопили, на паутинѣ повисили».

Маліивка раздѣлилась на два враждебныхъ лагеря: одни за Шершня, другіе за Цуренко. Маліивцы были одушевлены радостными надеждами на успѣшный ходъ дѣла, начатаго ахтырцами. Извѣстно, ничто такъ не располагаетъ къ справедливому сужденію, какъ бодрость духа и неподавленная безнадежностью энергія. Старый Шершень точно помолодѣлъ на двадцать лѣтъ. Около него постоянно собирались мужики, молодые и старые. Онъ говорилъ съ ними, наставлялъ ихъ, поддерживалъ падающихъ духомъ и останавливалъ черезчуръ ретивыхъ. Были такіе, что готовы были тотчасъ бѣжать и бить окна у кабатчика.

Но вотъ, ровно черезъ три недѣли, въ дождливый сентябрскій

---

[1] Отъ.

день Павелъ явился въ Маліивку, и, увы! съ вѣстью, что дѣло ахтырцевъ проиграно!

Всѣ собрались къ Шершню, и при тускло горящемъ коганцѣ подъ завываніе вѣтра, Павло разсказывалъ о своихъ похожденіяхъ. Какое это было печальное повѣствованіе! Онъ былъ въ судѣ, когда узнали ахатырцы, что дѣло ихъ проиграно. «Какъ за гудутъ, какъ заплачутъ: ажъ въ городи сумно стало»!

Всѣ съ поникшими головами слушали эту грустную эпопею. Это былъ точно похоронный напѣвъ, точно пѣснь о прежнихъ славныхъ дняхъ, которые никогда уже не вернутся. Печально разошлись всѣ по домамъ, и началось торжество и глумленіе старшины, его сыновей и зятьевъ.

Маліивка снова погрузилась въ копеечные счеты безъ надежды на лучшіе дни. А тутъ еще умолотъ плохой; пшеница, вслѣдствіе проливныхъ дождей, была совсѣмъ тощая. Уже въ концѣ осени приходилось нѣкоторымъ покупать хлѣбъ; а что-то будетъ послѣ! Старшина поднялъ голову. Иванъ Довгопятенко бѣгалъ и звонилъ вездѣ про Шершня, про его зубастую невѣстку. Горбатенкѣ не давали проходу, поклонники старшины насмѣшливо спрашивали его: ну, что, «много ему наклали въ шею, какъ онъ ходилъ землю маліивскую ратувати». Точно эта земля не принадлежала всѣмъ имъ, точно люди, хлопотавшіе о ней, не хлопотали о цѣлой громадѣ. Но такимъ, какъ старшина, зять его, кабатчикъ, писарь, и ихъ прихлебатели, какое дѣло до общаго благосостоянія? было бы только имъ хорошо. Они отлично понимали, что съ оголтѣлой Маліивки удобнѣе послѣднюю копейку вытянуть, чѣмъ съ людей, которые могутъ опереться на самихъ себя, которымъ не нужно обращаться къ кабатчику за помощью.

Приближалась весна; приближались выборы. Усилилась голодуха: увеличилось число поклонниковъ старшины и особенно его зятя, кабатчика. Но Шершень не унывалъ. Проснувшееся въ немъ желаніе постоять за общество нетолько не ослабѣвало, но скорѣе росло по мѣрѣ того, какъ почва ускользала изъ подъ его ногъ. Попрежнему, у него собирались пріятели; онъ чувствовалъ необъяснимую потребность слышать, что маліивцы не хотятъ старшины, что они хотятъ его, Шершня. Ему казалось, что съ выборомъ его связано благосостояніе его родного села и его собственная жизнь. Онъ, какъ утопающій, хватался за малѣйшій призракъ своего вліянія, которое, увы! становилось все призрачнѣе и призрачнѣе.

На его сторонѣ была правда и любовь, а на сторонѣ старшины почти вся Маліивка, заложившая животы свои у кабатчика.

Пришелъ слухъ въ Малївку о томъ, что дѣло ахтырцевъ перенесли въ Петербургъ. Шершень оживился еще болѣе. Это было за нѣсколько дней до выборовъ.

Въ день же самыхъ выборовъ старый Шершень такъ волновался, что долженъ былъ выпить водки для подкрѣпленія. Онъ остался дома. Стояла весна, жаворонки чирикали, деревья покраснѣли и на лугахъ уже показались фіалки. Двери въ сѣни были настежь открыты; на дворѣ маленькіе поросята возились у корыта, а старшій мальчишка усердно стегалъ ихъ кнутомъ. Старикъ что-то строгалъ на порогѣ. Параска пряла. Вдругъ въ сѣни влетѣла Дарья Горбатенко.

— Отъ вамъ и радость! Отъ вамъ и висилье: опять старшину выбрали!

У старика дрогнули руки и ножикъ выпалъ на землю.

— Кажуть, затараторила Дарья:—потому Шершня не выбрали, что у него невѣстка зубата! Казали люди, якъ выберуть его, такъ вона усихъ зъисть!

Старикъ вскочилъ на ноги и выпрямился. И такъ, всѣ надежды его рухнули и рухнули черезъ невѣстку, которая отравляла и безъ того его существованіе своей гордостью и непреклоннымъ характеромъ!

Въ порывѣ необузданнаго гнѣва онъ схватилъ Параску за плечи и хлопнулъ ее о землю. Параска быстро вскочила, въ глазахъ ея помутилось отъ ушиба, она безумно смотрѣла на старика и безсознательно протянула руку, какъ бы желая защититься. Старикъ снова схватилъ ее за плечи, она рванулась со всѣхъ силъ, ударилась головой о притолку двери и, какъ снопъ, повалилась на землю. Дарья убѣжала, а Шершниха завыла.

Въ это самое время, съ противоположной стороны, входили Петръ и Горбатенко. Старикъ прислонился къ стѣнѣ и безсмысленно смотрѣлъ передъ собой. Петръ и Горбатенко подняли Параску и вынесли ее во дворъ.

У нея показалась кровь изо-рта и изъ носа. Долго обливали они ее водой, пока она очнулась. Петръ былъ блѣденъ, какъ полотно, зубы его стучали точно въ ликорадкѣ. Они подняли ее и понесли въ хату. Когда проносили ее мимо стараго Шершня, тотъ, взглянувъ на ея помертвѣвшее лицо, опомнился. Что̀ почувствовалъ онъ въ эту минуту, не поддастся никакому описанію. Блѣдный, шатающійся, вошелъ онъ въ хату, подошелъ къ полатямъ и склонился надъ ней. Она лежала съ закрытыми глазами и тяжело дышала.

— Параска! позвалъ онъ ее.

Она открыла вѣки, обвела всѣхъ блуждающимъ взглядомъ и остановила глаза на старикѣ.

— Тату! тату! начала она слабымъ голосомъ: — за... за... Но упрекъ замеръ на ея устахъ.

Лицо ея перекосилось и она умолкла.

— Живи, моя доню! Живи, моя голубка! рыдалъ старикъ:— живи, моя краля!

Параска сдѣлала усиліе приподняться, но силы оставили ее и голова опять упала на изголовье.

Петръ угрюмо сидѣлъ на скамьѣ, лицо его потемнѣло и осунулось.

Параска не приходила въ сознаніе. Прошелъ день, другой, третій, цѣлая недѣля. Ужасъ царствуетъ въ домѣ у стараго Шершня; ребенокъ кричитъ; Петръ плачетъ. Старикъ сгорбился и сталъ какъ тѣнь. Шершниха испробовала всѣ свои средства, ничто не помогаетъ: лежитъ Параска, стонетъ... Неужели она не встанетъ!

Петръ вышелъ подъ вечеръ и сѣлъ на крыльцѣ своей избы. Сердце его разрывалось на части; онъ изстрадался, глядя на свою жену. Къ нему подошелъ Горбатенко.

— А що? спросилъ онъ.

Тотъ махнулъ рукой и, отвернувшись, вытеръ кулакомъ слезу.

Это было въ субботу; а въ воскресенье прискакалъ верховой съ радостной вѣстью: ахтырцы выиграли землю! Маліивка радуется, Маліивка ликуетъ, а въ семьѣ Шершня ужасъ и отчаяніе. Параска лежитъ на лавкѣ подъ образами, на лицѣ ея, желтомъ какъ воскъ, застыло страданіе. Навѣки сомкнулись уста.

Теперь она никого не укоритъ въ воровствѣ, никто, вслѣдствіе душевной гнусности, не спрячется за ея спину. Шершниха, съ распухшими отъ слезъ глазами, дрожащей рукой, стоя у колыбели, совала холодную ложку въ ротъ малютки, а тотъ, закинувъ голову, кричалъ и звалъ мать. Двое старшихъ дѣтей сначала сидѣли испуганныя общимъ плачемъ, а потомъ стали раздирать другъ другу рты.

Когда хоронили Параску, за гробомъ ея шелъ сгорбленный, дряхлый старикъ: это былъ Шершень. Глядя на него, никому въ голову не приходило, что онъ можетъ быть старшиной.

Такъ погибли для Маліивки двое, можетъ быть, лучшихъ людей. А Маліивка? процвѣтетъ ли она опять! проснутся ли маліивцы?

Если это случится, я разскажу читателямъ.

А. С. Шабельская.

Кіевъ 1882 года мартъ.

ВЕСЕННЯЯ СКАЗКА.

(Посвящается Екатеринѣ Ильинишнѣ Мамантовой).

Чудный, свѣтлый міръ... Ни вьюгъ въ немъ, ни тумановъ,
Вѣчная весна въ немъ радостно царитъ...
Розы... мраморъ статуй... серебро фонтановъ,
Зàмокъ—весь прозрачный, изъ хрустальныхъ плитъ...

У подножья скалъ — сверкающее море...
Тихо льнетъ къ утесамъ сонная волна,
И отхлынувъ, тонетъ въ голубомъ просторѣ,
И до дна прозрачна въ морѣ глубина...

А за свѣтлымъ зàмкомъ и его садами,
Отъ земли, нахмурясь, въ небосклонъ ушли
Великаны-горы снѣжными цѣпями
И по темнымъ кручамъ лѣсомъ заросли —

И лѣсная чаща, да лазурь морская
Какъ въ объятьяхъ держатъ дивную страну,
Тишиной своею чутко охраняя
И въ ея предѣлахъ—ту же тишину.

Чудный, свѣтлый міръ — но злобой чародѣя
Онъ въ глубокій сонъ отъ вѣка погруженъ
И надъ нимъ, какъ саванъ, высится, синѣя
Раскаленный зноемъ, мертвый небосклонъ;

Не мелькнетъ въ немъ чайка снѣжной бѣлизною,
Золотому солнцу подставляя грудь,
Не промчатся тучки дымчатой грядою,
Къ отдаленнымъ скаламъ ласково прильнуть:

Все оцѣпенѣло, все мертво и глухо,
Какъ въ могилѣ глухо, какъ въ могилѣ спитъ:
Ни одно дыханье не встревожитъ слуха,
Ни одинъ изъ чащи рогъ не прозвучитъ.

Въ воздухѣ, сверкая, замеръ столбъ фонтана,
Замеръ мотылекъ надъ чашечкой цвѣтка,
Пестрый попугай—въ густыхъ вѣтвяхъ каштана,
Въ чащѣ лѣса—лань, пуглива и дика,

Точно этотъ зàмокъ—рощи и долины,
Пурпуръ этихъ розъ и бѣлизна колоннъ—
Только полотно сверкающей картины,
Воплощенный въ краскахъ, вдохновенный сонъ,

Точно тотъ, кто создалъ этотъ рай прекрасный
Жизнь и разрушенье въ немъ остановилъ,
Чтобъ на вѣкъ свой блескъ, и дѣвственный и ясный,
Онъ, какъ въ день созданья, свято-бъ сохранилъ..

Посмотри, какъ змѣйка, лѣстница витая,
Поднялась въ чертогъ — и тихо у окна
Спитъ въ чертогѣ томъ царевна молодая,
Словно ночь прекрасна, словно день ясна;

До земли упали косы золотыя,
На щекахъ—румянецъ, и порой чуть-чуть
Вздрогнувъ, шевельнутся губки молодыя,
Да тревожный вздохъ подыметъ слабо грудь.

Темный бархатъ платья рѣзко оттѣняетъ
Бѣлизну плеча и нѣжный цвѣтъ ланитъ,
Знойный день въ уста красавицу лобзаетъ,
Яркій лучъ отливомъ на кудряхъ горитъ...

Сонъ ея тревожатъ тягостныя грезы —
Посмотри: печаль и страхъ въ ея чертахъ,
Посмотри, какъ жемчугъ, тихо льются слезы,
Словно сжечь хотятъ румянецъ на щекахъ:

Снится ей, что тамъ, за этими хребтами,
Истомленъ путемъ и долгою борьбой,

Молодой красавецъ съ темными кудрями
Силится пробиться черезъ лѣсъ густой...

Плащъ его въ лохмотьяхъ и окрашенъ кровью,
А въ лѣсу—что шагъ, то смерть ему грозитъ,
Но на трудный подвигъ призванъ онъ любовью —
И его нога по кручамъ не скользитъ...

О, какъ онъ усталъ!.. Какой прошелъ далекій,
Безконечно тяжкій и суровый путь!..
Хватитъ ли отваги для борьбы жестокой,
Выдержитъ ли битву молодая грудь?

Но—побѣда!.. Въ мракѣ тягостныхъ сомнѣній
Свѣтлый лучь блеснулъ, оконченъ долгій споръ —
И уже гремитъ по мрамору ступеней
Все слышнѣй, все ближе, звукъ шаговъ и шпоръ!..

Словно вихрь коснулся соннаго чертога,
Словно дождь весной по листьямъ пробѣжалъ—
И, свѣтлѣй и краше молодого бога,
Гость давно-желанный передъ ней предсталъ...

И предсталъ, и обнялъ, и прильнулъ устами —
Жаркими устами къ трепетнымъ устамъ,
И отвѣта молитъ страстными рѣчами,
И тяжелый мечъ сложилъ къ ея ногамъ.

«Милая! онъ шепчетъ, я разсѣялъ чары,
Я развѣялъ власть ихъ, этихъ темныхъ силъ.
Грозно и сурово сыпалъ я удары
Оттого что, много вѣрилъ и любилъ!

О, не для-жь напрасно муки ожиданья...
Милая! проснися, смолкнула гроза!»
Долгое, любовью полное лобзанье —
И она открыла ясные глаза!..

Старое преданье... Чудное преданье...
Въ немъ надежда міра... Міръ усталъ и ждетъ,
Скоро-ль день во мглѣ зажжетъ свое сіянье,
Скоро-ли любовь къ страдающимъ сойдетъ?

И она сойдетъ, и робко разбѣгутся
Тучи съ небосклона — и въ ея лучахъ
Цѣпи сна, какъ нити, ржавѣя, порвутся,
И затихнутъ слезы и замолкнетъ страхъ!..

Свѣтелъ будетъ праздникъ—праздникъ возрожденья,
Радостно вздохнутъ усталые рабы,
И замѣнитъ гимнъ любви и примиренья
Звуки слезъ и горя, мести и борьбы!

С. Надсонъ.

1881 г.

ИЩУЩІЙ ПРАВДЫ.

I. НЕЛЮДИМЕЦЪ.

I.

Еслибы читатель, проѣзжая нѣсколько лѣтъ тому назадъ черезъ Шалашную, вздумалъ спросить, гдѣ живетъ Аѳанасій Лопухинъ, едва ли бы онъ получилъ надлежащій отвѣтъ. Дѣло въ томъ, что шалашниковцы рѣдко величаютъ другъ друга по именамъ и фамиліямъ, а больше все по прозвищамъ, «по улишному», какъ выражаются они сами. Есть здѣсь Рыло и Косоролый, Опенокъ и Налыгачъ, Отче нашъ и Прострѣли-твое-пузо, и т. д. Въ этомъ отношеніи остроуміе шалашниковцевъ не знало предѣла и всякая мало-мальски смѣшная черта давала матеріалъ для клички. Былъ, напримѣръ, мужикъ съ громадными ноздрями—его прозвали Ноздря; другой подтягивалъ постоянно порты—ему дали кличку Подтяни-штаны. Что касается Аѳанасія Лопухина, то онъ тоже былъ извѣстенъ только подъ кличками. Въ молодости его за быстроту и юркость прозвали «швыткимъ», а потомъ онъ былъ извѣстенъ подъ именемъ «нелюдимца». Послѣднюю кличку онъ разлѣлялъ съ двумя другими мужиками, отъ которыхъ его отличали добавочнымъ прозвищемъ — «закомелистый»; два же другіе «нелюдимца» назывались—одинъ «толстымъ нелюдимцемъ», а другой—«смирнымъ».

Прозвище «нелюдимцевъ» какъ нельзя кстати было дано Лопухину и двумъ другимъ мужикамъ: это были «нелюдимцы» нетолько въ томъ смыслѣ, что они сторонились людей, но еще и въ томъ, что они совершенно не похожи на прочихъ обитателей Шалашной. Въ то время, какъ большинство шалашниковскаго населенія раззорялось, обременялось долгами и недоимками, и попадало въ кабалу, а меньшинство быстро богатѣло на счетъ большинства, «нелюдимцы» стояли отъ всего этого въ сторонѣ: трудолюбивые, хозяйственные и непьющіе, они не должны ни-

кому, но и имъ никто не долженъ; ихъ не грабятъ и они не грабятъ. Оттого, хотя дома «нелюдимцевъ» полныя чаши, но они не «богатѣи». Матеріальная самостоятельность позволяетъ «нелюдимцамъ» держать себя независимо и не бояться никого. И кулаки страшно ненавидятъ «нелюдимцевъ», какъ потому, что «ихъ не заброта̀ешь», такъ и потому, что, глядя на нихъ, и заурядный мужиченко начинаетъ думать: «эхъ, вѣдь и я такъ-то жилъ бы, еслибы мои денежки не шли къ Роспоясову!..»

Изъ трехъ шалашниковскихъ «нелюдимцевъ» Аѳанасій Иванычъ Лопухинъ былъ безспорно самый замѣчательный. Это былъ мужикъ лѣтъ сорока, съ широкою черною бородою, съ медленною поступью и медленною важною рѣчью. Послѣднюю Аѳанасій Иванычъ усвоилъ, странствуя по разнымъ канцеляріямъ и объясняясь съ разными начальниками: онъ былъ нѣсколько лѣтъ постояннымъ шалашниковскимъ ходокомъ.

Это былъ «мірской человѣкъ» въ лучшемъ смыслѣ этого слова, стоявшій «за міръ» всюду и всегда. Много пришлось вытерпѣть Аѳанасію Иванычу за «міръ»: не разъ онъ сиживалъ по мірскимъ дѣламъ въ пересыльныхъ и иныхъ тюрьмахъ, не разъ «препровождался» по этапу, не разъ получалъ собственноручныя начальственныя наставленія. Все переносилъ безропотно «мірской ходокъ» и всегда былъ готовъ положить душу за «міръ». Такое самопожертвованіе объяснялось какъ увѣренностью, что «міръ» не выдастъ и что̀ бы съ ходокомъ ни случилось, его семья не пропадетъ, такъ и тѣмъ представленіемъ о «мірѣ», которое сложилось въ умѣ Аѳанасія Иваныча. Онъ былъ большой идеалистъ и построилъ свое представленіе о «мірѣ» какъ изъ реальныхъ данныхъ, такъ и изъ продуктовъ своей фантазіи. Старый строй общественныхъ отношеній въ Шалашной давалъ дѣйствительно много данныхъ для идеализаціи. Плачется, напримѣръ, вдова, что посѣяла бы она, да полосу вспахать некому—глядь, а полоса невѣдомо кѣмъ вспахана, только сѣй. Горюетъ какой-нибудь слабосильный мужикъ съ большою семьею, что хлѣбъ у него вышелъ, а взять негдѣ; вышелъ на утро на улицу, а на завалинкѣ мѣшокъ муки. Была въ Шалашной нищенка; ѣздила она съ попами собирать «новь», набирала нѣсколько возовъ хлѣба всякаго рода, а потомъ раздавала всѣмъ, кто нуждался и приходилъ къ ней. «Міръ» дѣйствительно заботился о своихъ членахъ и выручалъ ихъ изъ нужды; помогалъ трудомъ, собиралъ для нихъ по раскладкѣ хлѣбъ, давалъ деньги. Умеръ въ острогѣ ходокъ—его семьѣ «міромъ» выстроили новую избу и «міромъ» обработывали нѣсколько лѣтъ землю, пока не выросли сыновья ходока. Подобныя черты стараго шалашни-

ковскаго строя Аѳанасій Иванычъ обобщилъ и, на основаніи ихъ, создалъ свое представленіе о «мірѣ». Этотъ міръ справедливости и равенства, гдѣ «каждый за всѣхъ и всѣ за одного», Аѳанасій Иванычъ полюбилъ до того страстно, что дѣйствительно могъ пожертвовать за него жизнью.

Но жизнь шла, принося съ собою все новыя и новыя явленія. Старый строй сталъ рушиться, старые обычаи стали исчезать. «Міръ» малу-по-малу превращался въ собраніе людей, ничѣмъ не связанныхъ другъ съ другомъ, людей, интересы которыхъ нетолько не солидарны, но часто прямо противоположны. Усиливались тяготы, лежащія на мужикѣ, усиливалась нужда; какъ грибы росли и множились кулаки. Нужда заставляла гнаться за копейкой, а погоня за копейкой разрывала всякія связи. Въ Шалашной начинался культъ золотому тельцу. Аѳанасій Иванычъ, въ качествѣ идеалиста, былъ слѣпъ и не замѣчалъ, что творилось вокругъ него. Ему все казалось, что онъ живетъ при прежнихъ условіяхъ жизни, когда все дѣлалось «скопомъ», «сопчà», «міромъ», когда все было по-милу, по-любу, когда совѣсти отводилось приличное мѣсто въ деревенской жизни: «совѣсть — не порогъ, черезъ нее не переступишь». Но, какъ извѣстно, заблужденіе не можетъ быть вѣчнымъ, и Аѳанасій Иванычъ долженъ былъ прозрѣть, тѣмъ болѣе, что юркіе шалашниковцы, замѣтивъ его простоту и непониманіе современныхъ порядковъ, обдирали его какъ липову корку.

У старосты былъ сынъ дурачекъ, и къ тому же хромой. Понравилась дурачку дѣвка, первая шалашниковская красавица, дочь бѣднаго мужика, по прозвищу Пустобрюхій. Староста послалъ сватовъ. Какъ ни лестно было Пустобрюхому породниться съ «богатѣемъ», да еще старостой, но когда дѣвка *завыла благимъ матомъ*, жалко стало отцу отдавать свою дочь за дурака, и онъ отказалъ сватамъ. Староста освирипѣлъ и сталъ мстить. Съ тѣхъ поръ онъ чуть не ежедневно сталъ гонять Пустобрюхова «въ подводы» и, наконецъ, такъ замучалъ его, что онъ, несмотря на всю свою смиренность, рѣшился просить защиты у «міра». «Міряне», отлично знавшіе всю суть дѣла, при первыхъ же словахъ Пустобрюхова на сходѣ, начали совѣтовать ему покориться старостѣ.

— Ты чего ершишься-то? Чего дочери-то не отдаешь, а? Въ этакой-то дворъ?.. Да кажный мужикъ за честь почелъ бы... а ты?.. Эхъ, ты, пустое брюхо!..

— Господа старички! возразилъ Пустобрюхій:—оно отчего бы не отдать? Только зачѣмъ онъ Василису мою сватаетъ? Сами знаете, сынъ-то у него дуракъ, а самъ онъ...

— Ну, ну, что̀ я-то самъ? разбойникъ? душегубъ, что ли? а? налетѣлъ на Пустобрюхаго староста.

— Да что? всѣмъ это извѣстно: снохачъ ты...

— Честной міръ! завопилъ староста: — что-жь это онъ поноситъ меня? За это съ него должно взять штрахъ!

— Штрахъ, штрахъ! раздались голоса:—ведро водки...

— Что̀ вы, братцы, заплакалъ Пустобрюхій: — да у меня и денегъ нѣту...

— Денегъ нѣту? ничего!.. Вали, ребята, къ нему на дворъ! волоки дроги, заложимъ въ кабакъ!

Аѳанасій Иванычъ слушалъ и ушамъ своимъ не вѣрилъ. И это его излюбленный «міръ»?!

— Стойте, стойте, братцы! закричалъ онъ какимъ-то болѣзненнымъ голосомъ:—что̀ вы это дѣлаете?

Всѣ замолчали. Мужики, собравшіеся бѣжать за дрогами, остановились. Кто-то сказалъ:

— Ну-ка, послухаемъ, что скажетъ Нелюдимецъ.

— А то и скажу, что отродясь я васъ не ругивалъ, а нонче выругаю... За что вы штрахъ-то берете? За то, что мужикъ свое дитё на мýку да на поруганіе не отдаетъ? Вѣдь вы-жь всѣ знаете, что староста—снохачъ...

— А ты не очень-то! закричалъ староста: — не видишь: я при медалѣ...

Какой-то оборванный мужиченко подхватилъ послѣднія слова старосты и козлинымъ голоскомъ прокричалъ:

— Иёнъ при медалѣ!

«Міряне» разсмѣялись.

— Зачѣмъ вы мирволите старостѣ? продолжалъ Аѳанасій Иванычъ:—нынче онъ одного осѣдлалъ, завтра другого, такъ онъ васъ всѣхъ зануздаетъ...

— Да что вы его слушаете? перебилъ Аѳанасія Иваныча одинъ изъ друзей старосты: — вѣдь водки онъ вамъ не поднесетъ...

«Міряне» еще разъ разсмѣялись.

— А вѣдь это правда, заговорили они: — не угостишь вѣдь, Иванычъ?

Аѳанасій Иванычъ плюнулъ и ушелъ со схода.

— Такъ-то лучше, заговорили любители даровой выпивки: — что̀-жь, за дрогами бѣжать?

— Валяй!

«Штрахъ» былъ выпитъ. Черезъ мѣсяцъ Василиса стояла подъ вѣнцомъ съ дуракомъ, а еще черезъ мѣсяцъ убѣжала въ городъ, гдѣ, какъ говорится, пустилась во всѣ тяжкія. Пустобрюхій съ горя спился.

Для Аѳанасія Иваныча ударъ былъ слишкомъ силенъ. Всѣ его завѣтныя вѣрованія разбились въ прахъ; у него не осталось ничего, на чемъ бы могла отдохнуть душа. И какъ онъ прежде любилъ «міръ», такъ сталъ теперь ненавидѣть его, совсѣмъ не принимая во вниманіе нужду и другія уменьшающія вину «міра» обстоятельства.

И Аѳанасій Иванычъ нетолько пересталъ посѣщать сходы, нетолько удалился отъ «міра» и всѣхъ дѣлъ его, но ему просто стали противны всякія сношенія съ людьми. Если его звали въ гости, онъ отказывался идти; если у него просили какой-нибудь вещи, онъ давалъ. Онъ постоянно былъ дома, показывался на улицѣ только тогда, когда шелъ въ церковь или выѣзжалъ на поле. Шалашниковцы сначала крайне удивлялись происшедшей въ Аѳанасіѣ Иванычѣ перемѣнѣ, но потомъ мало-по-малу привыкли къ ней и только изрѣдка вспоминали «чудного мужика», котораго прозвали «нелюдимцемъ», придавая этому слову какое-то особенное, смѣшное значеніе.

Запершись въ своемъ дворѣ, «нелюдимецъ» не могъ не думать о поразившемъ его фактѣ. Мысль его упорно работала, причемъ работа эта направлялась исключительно на отыскиваніе фактовъ несправедливости, неправды, обмана. Онъ послѣдовательно разобралъ отношенія шалашниковскаго «міра» къ отдѣльнымъ членамъ и наоборотъ, отношенія шалашниковцевъ другъ къ другу, семейныя отношенія, отношенія попа къ «мірянамъ» и наоборотъ, и всюду нашелъ утерю старыхъ патріархальныхъ порядковъ и замѣну ихъ чѣмъ-то безобразнымъ. Не такъ давно, напримѣръ, въ Шалашной попъ былъ изъ свинопасовъ. Проѣзжалъ архіерей черезъ Шалашную, а въ ней на ту пору не было дьячка; стали шалашниковцы просить у архіерея дьячка—тотъ и говорить: «Выберите вы граматнаго человѣка, я его и поставлю въ дьячки» [1]. А въ то время въ Шалашной было только четыре человѣка граматныхъ, и изъ нихъ только одинъ свинопасъ согласился поступить въ дьячки. Такъ свинопасъ и сталъ дьячкомъ, а потомъ дослужился до попа. Понятно, что такой попъ, какъ свой человѣкъ въ Шалашной, какъ человѣкъ, котораго потребности не превышали потребностей каждаго зауряднаго шалашниковца, наконецъ, какъ человѣкъ, работавшій въ полѣ на ряду съ прочими обитателями Шалашной, находился въ наилучшихъ отношеніяхъ съ своими прихожанами и бралъ за исполненіе требъ самое ничтожное вознагражденіе. Совсѣмъ другіе порядки установились со смертью

[1] Это было лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ, когда въ нашемъ краѣ духовенство было выборное.

этого попа, и съ появленіемъ въ Шалашной «кончившаго богословію». Новый попъ, какъ человѣкъ съ широкими потребностями и нежелающій унижаться до труда, такъ повелъ себя по отношенію къ прихожанамъ, что они съ первыхъ же дней завыли и назвали попа «грабителемъ». Вмѣсто любви, которою пользовался прежній попъ, новый внушилъ шалашниковцамъ страшнѣйшую ненависть къ себѣ, и они старались вредить ему чѣмъ только могли: обмазывали ему ворота дегтемъ, ломали плетни, обкрадывали огородъ и т. п. А ругали такъ, какъ могутъ ругать только шалашниковцы. Въ свою очередь, попъ тѣснилъ и давилъ шалашниковцевъ тоже какъ могъ: по нѣскольку дней не хоронилъ покойниковъ, давалъ новорожденнымъ самыя невѣроятныя имена, отказывалъ подъ самыми пустыми предлогами въ вѣнчаніи и бралъ за требы изумительныя цѣны. Словомъ, между попомъ и прихожанами установились настоящія военныя отношенія,

Тѣ же военныя отношенія нашелъ Аѳанасій Иванычъ и въ семьѣ. Въ старину, въ Шалашной семьи были многочисленныя, обыкновенно въ двадцать, тридцать и болѣе душъ. Нѣсколько поколѣній мирно уживались на одномъ дворѣ. Каждой вновь образующейся семьѣ строили на дворѣ особую клѣтушку, и только эта клѣтушка была собственностью (и то не полною) малой семьи; все остальное имущество считалось принадлежащимъ большой семьѣ, какъ совокупности всѣхъ малыхъ. Всѣ члены семьи подчинялись одному старику, который распоряжался общимъ имуществомъ и судилъ, и рядилъ возникающія въ семьѣ неудовольствія, споры и ссоры. Да и ссоръ-то почти никакихъ не было: не изъ-за чего было ссориться. Работали всѣ одинаково и имуществомъ пользовались одинаково. Совсѣмъ не то теперь. У Аѳанасія Иваныча примѣръ передъ глазами—сосѣдская семья, въ которой идетъ постоянное воровство. Женатый сынъ и его жена крадутъ потому, что хотятъ уйти изъ семьи; дочь крадетъ потому, что ей надо съ чѣмъ-нибудь выйти замужъ; неженатый сынъ—потому, что ему надо жениться; старуха-мать — потому. что «кто-жь ее будетъ на старости кормить?» и т. д. Постоянно ссоры, ругня, драки.

Аѳанасій Иванычъ не былъ безусловнымъ поклонникомъ старины; онъ зналъ и въ старыхъ порядкахъ много дурного. Но тамъ дурное вознаграждалось хорошимъ. Но чтобы чѣмъ-нибудь вознаграждались нынѣшнія безобразія, этого Аѳанасій Иванычъ не видѣлъ.

Разобравши подобнымъ образомъ всѣ явленія деревенскаго обихода, Аѳанасій Иванычъ пришелъ къ тому выводу, что «вездѣ одинъ развратъ». Само собою, что его простой умъ не могъ удо-

влетвориться однимъ отрицательнымъ выводомъ и тутъ же поставилъ вопросъ: неужто все такъ и будетъ?

Рѣшить этотъ вопросъ Аѳанасій Иванычъ, однако, не успѣлъ, такъ какъ этому помѣшало одно событіе, случившееся въ Шалашной и измѣнившее всю жизнь Нелюдимца.

II.

Жена Аѳанасія Иваныча была далеко не изъ тѣхъ женскихъ натуръ, которыя во всемъ слѣдуютъ за мужьями. Когда Аѳанасій Иванычъ затворился дома отъ всѣхъ, она нетолько не прекращала сношеній съ сосѣдками, но еще усилила ихъ. Набѣгавшись по чужимъ дворамъ, она возвращалась нагруженная богатымъ запасомъ новостей, которыя и сообщала мужу и дѣтямъ. Подлаживаясь подъ настроеніе мужа, она чаще всего останавливалась на новостяхъ мрачнаго рода. Василія Чернаго сыновья за волосы изъ хаты на улицу вытащили, у Москвитиныхъ дочь-дѣвка родила, вдовѣ Прокопенчихѣ «міръ» отказалъ въ землѣ на томъ основаніи, что она бездушная, и т. д. Мужъ слушалъ и еще болѣе укрѣплялся въ своемъ отвращеніи отъ однодеревенцевъ.

Какъ-то Аѳанасій Иванычъ возвращался поздно вечеромъ съ поля, усталый и сердитый. Не успѣлъ онъ въѣхать на дворъ, какъ къ нему подскочила жена:

— Слышалъ? Антошку-то въ Сибирь сошлютъ!..

— Какъ сошлютъ? удивился Аѳанасій Иванычъ.

— А такъ и сошлютъ, міромъ...

— Да ты что, очумѣла, вѣрно? Развѣ міръ можетъ ссылать?

— Самъ ты, видно, ополоумѣлъ! Сходи завтра на сходъ, вотъ и увидишь, что я говорю правду.

— Тьфу! баба! сплюнулъ Аѳанасій Иванычъ и поѣхалъ подъ сарай.

«Сказано—сорока стрекочетъ», думалъ онъ, распрягая лошадь. Но тутъ же подумалъ: «а, може, и взаправду? Съ нихъ станется: сказано—разбойники!» Въ концѣ-концовъ, сообщенная женою новость такъ заняла его, что онъ чуть было не забылъ положить корму своей вѣрной сивкѣ и, только ложась спать, вспомнилъ о своемъ промахѣ и поспѣшилъ загладить его. Засыпая, онъ порѣшилъ сходить завтра на сходъ.

Слѣдующій день былъ воскресный. Утро было свѣтлое, небо чистое. Черезъ нѣсколько времени послѣ обѣдни, передъ зданіемъ, на которомъ красовалась заржавѣвшая отъ времени и издававшая при каждомъ движеніи воздуха пронзительный визгъ

вывѣска, гласившая; «шалашниковское сельское правленіе», стояла громадная толпа народа. Это не былъ обыкновенный сельскій сходъ, ибо на сходъ собираются поглядѣть одни только домохозяева. Здѣсь были представители обоихъ половъ и всѣхъ возрастовъ, или, вѣрнѣе сказать, высыпало все шалашниковское населеніе. Впереди, передъ самымъ крыльцомъ правленія стояли сѣдые, какъ лунь, старики, давно не посѣщавшіе сходовъ, и солидные большаки; прямо за ними расположились бабы въ классическихъ позахъ, т. е. подперевъ рукою щеку; по бокамъ стояла шалашниковская молодежь, на одной сторонѣ парни въ сапогахъ, щедро смазанныхъ духовитымъ дегтемъ, а на другой— дѣвки въ праздничныхъ разноцвѣтныхъ платьяхъ; и, наконецъ. по всей площади разсыпались, цѣпляясь за отцовъ и матерей, братьевъ и сестеръ, молодыя шалашниковскія поросли — ребятишки и дѣвчата.

Надъ всей толпой царило торжественное молчаніе. Шалашниковскія бабы, въ другое время пользовавшіяся языками безъ зазрѣнія совѣсти, теперь дали имъ отдыхъ. Не слышно было даже лусканья сѣмячекъ, составляющихъ необходимую принадлежность шалашниковскаго праздника. Всѣ, видимо, прониклись сознаніемъ важности минуты и постарались придать своимъ лицамъ подобающее выраженіе. Центральная группа стариковъ и средняковъ стояла, опершись на палки и опустивъ глаза внизъ. Бабы уныло глядѣли на центръ и, время отъ времени, тихонько вздыхали, а нѣкоторыя даже крестились. Парни и дѣвки только украдкой поглядывали другъ на друга. Даже мелюзга, и та затаила дыханіе.

Однимъ словомъ, при первомъ же взглядѣ на толпу, было ясно, что готовилось совершиться что-то чрезвычайно важное или, по крайней мѣрѣ, необыкновенное для шалашниковцевъ. И дѣйствительно, въ этотъ день шалашниковское общество намѣревалось въ первый разъ воспользоваться своимъ правомъ «исключать изъ своего состава порочныхъ членовъ и передавать ихъ въ распоряженіе правительства», т. е. говоря проще, правомъ ссылать своихъ членовъ въ Сибирь.

Никогда ничего подобнаго не было въ Шалашной. Шалашниковцы даже не подозрѣвали, что они обладаютъ подобнымъ *правомъ*. Ссылка въ Сибирь была для Шалашной вещью очень знакомою: не мало шалашниковцевъ ушло «по владиміркѣ». Тутъ были и преступники, и жертвы такъ называемыхъ деревенскихъ «недоразумѣній». Но шалашниковцы всегда видѣли, что ссылкой въ Сибирь занимается начальство. Подерутся, напримѣръ, двое пьяныхъ шалашниковцевъ и одинъ не «потрафитъ», «перепус-

титъ», «угодитъ не въ то мѣсто», отправитъ противника на тотъ свѣтъ, пріѣдетъ слѣдователь, произведетъ дознаніе, заберетъ съ собою въ городъ «перепустившаго» мужика, а тамъ его подержатъ сперва въ острогѣ, а потомъ отправятъ въ Сибирь. Произойдетъ «недоразумѣніе» между шалашниковскимъ и обществомъ и господиномъ становымъ приставомъ—опять наѣзжаетъ начальство, забираетъ «зачинщиковъ» и «подстрекателей», подержитъ въ острогѣ и отправляетъ въ Сибирь. Роль шалашниковскаго общества во всемъ этомъ ограничивалась тѣмъ, что оно поставляло матеріалъ для ссылки, вязало этотъ матеріалъ и отвозило его на своихъ подводахъ въ городъ.

И вдругъ шалашниковцы узнаютъ, что ихъ «міръ» можетъ ссылать своихъ членовъ самъ, помимо велѣній и желаній начальства. Открытіе это сдѣлалъ кабатчикъ Хоперъ и вотъ по какому поводу.

Когда въ Шалашной водворились «новые порядки», изъ бѣднѣйшаго большинства ея населенія выдѣлилось нѣсколько человѣкъ, которые не имѣли буквально ничего, но зато и не боялись буквально ничего. Звали въ Шалашной подобныхъ людей «голопятыми» и «оголтѣлыми». Въ описываемую эпоху въ Шалашной такихъ «голопятыхъ» было сравнительно немного—всего пять человѣкъ; но, несмотря на свою малочисленность, они давали себя знать. Если въ будничный день на улицѣ раздавался дикій ревъ, то это значило, что по улицѣ шествуетъ «голопятый». Если пропадала какая-нибудь вещь, то это значило, что она украдена и снесена къ Хопру въ кабакъ «голопятымъ». Особенно доставалось отъ «голопятыхъ» такъ называемымъ «обстоятельнымъ мужикамъ». Безъ церемоніи вламывается къ нимъ въ хаты «голопятый» и оретъ: «ты отъ меня попользовался—купилъ за три рубля мою лошадь, подавай же мнѣ на водку!» или: «я тебѣ три года даромъ работалъ, давай хоть на косушку!» И обстоятельный мужичокъ лѣзетъ въ карманъ и даетъ на косушку, приговаривая: «На, на! только уйди отъ грѣха!..»

«Голопятый» — пропащій чловѣкъ; у него, какъ говорится, ни кола, ни двора. Жизнь его — или пьянство, или тоска по водкѣ; будущность—сгорѣть отъ водки или быть раздавленнымъ телегою, валяясь гдѣ-нибудь ночью на дорогѣ. Словомъ, онъ—ничтожество. Но въ то же время, онъ и сила: «голопятому» ничего не стоитъ украсть, пустить «краснаго пѣтуха» и даже убить человѣка. Въ острогѣ или въ Сибири жизнь его будетъ нисколько не хуже настоящей—чего же ему бояться? И «голопятый» нетолько не боится никого, но и самъ внушаетъ всѣмъ

страхъ: его кормятъ и поятъ, и даже сносятъ всевозможныя издѣвательства, которыя позволяетъ себѣ «голопятый».

Изъ пяти шалашниковскихъ «голопятыхъ» четверо были народъ болѣе или менѣе смирный: они добывали себѣ кормъ или просьбами «Христа ради», или подсобляли кому-нибудь по хозяйству; пьяны были не болѣе половины дней въ году, и пьяные были смирны, не лѣзли въ драку и развѣ только позволяли себѣ ругаться. Совсѣмъ иными качествами отличался пятый «голопятый». Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, это былъ хорошій, работящій мужикъ, если и не особенно зажиточный, то, по крайней мѣрѣ, стоявшій далеко отъ той послѣдней ступени бѣдности, на которой онъ находился теперь. Величали его тогда Антономъ Иванычемъ и считали мужикомъ добрымъ и разсудительнымъ. Разсудительность его пользовалась даже нѣкоторою извѣстностью и на сходахъ его голосъ выслушивался внимательно. Раззорилъ его «случай» (въ Шалашной все отъ «случаевъ» раззоряются): повезъ онъ въ дождливую погоду въ городъ муку; на одномъ изъ спусковъ, самомъ крутомъ, почти вертикальномъ, лошадь его оступилась, и онъ вмѣстѣ съ возомъ и лошадью полетѣлъ внизъ въ лощину. Въ результатѣ получилось: лошадь сломала переднія ноги, мука разсыпалась и смѣшалась съ грязью, а самъ Антонъ съ раздавленной грудью лежалъ на спинѣ среди лужи. Здѣсь онъ лежалъ до самаго вечера, когда его подобрали и привезли домой возвращавшіеся съ городского базара сосѣди. На утро, въ избу Антона собрались шалашниковцы, пожалѣли Антона, подивились, какъ это они, ѣздившіе тысячу разъ по опасному спуску, доселѣ не догадались привести его въ маломальски порядочный видъ, затѣмъ разошлись и забыли и про Антона, и про спускъ. Цѣлыхъ два года болѣлъ Антонъ; семья его питалась въ это время тѣмъ, что продавала различныя принадлежности хозяйства, и такъ какъ покупателей было только двое, купецъ Распоясовъ, да кабатчикъ Хоперъ, которые поэтому давали цѣны ни съ чѣмъ несообразныя, то нѣтъ ничего удивительнаго, что когда Антонъ поднялся на ноги, у него не оказалось ни движимой, ни недвижимой собственности, кромѣ жалкой хатенки, да и эта послѣдняя за какіе-то долги «подлежала» Распоясову. Нужно было заводить сначала все хозяйство; но, во-первыхъ, не было у Антона прежнихъ силъ, а, во-вторыхъ, не съ чего было начать. Бросился-было Антонъ по своимъ прежнимъ благопріятелямъ, но тѣ только ахали, да высказывали свои сожалѣнія, а помощи никакой не оказывали. Озлился Антонъ и сталъ пить: жена его сперва кое-какъ перебивалась, но потомъ, измучившись, ушла въ другое село, откуда она была

взята и гдѣ у нея оставался холостой братъ, и увела съ собой дѣтей. Антонъ спился окончательно и сталъ въ ряды «голопятыхъ». Изъ Антона Иваныча онъ обратился въ Антошку.

Отъ своихъ товарищей онъ отличался необыкновенною злостью. Ругался такъ, что даже привычному шалашниковскому уху становилось жутко. Не было такой мерзости, которой онъ не могъ бы выкинуть. Разъ къ купцу Распоясову пріѣхала городская родственница, дебелая купецкая дочь, считавшая своею обязанностью на каждомъ шагу громогласно удивляться «мужицкому невѣжеству». Антошка, услышавши объ этомъ, сказалъ: «я тебѣ покажу невѣжество!» и въ одинъ прекрасный вечеръ, когда городская барышня сидѣла на крыльцѣ Распоясовскаго дома, онъ явился откуда-то передъ нею, въ чемъ мать родила, и произнесъ: «госпожа купчиха! позвольте съ вами разговоръ имѣть». Подобныя продѣлки оставались безнаказанными, такъ какъ своимъ безумнымъ и злобнымъ взглядомъ Антошка невольно внушалъ боязнь къ себѣ и заставлялъ ожидать отъ себя всего; а безнаказанность дѣлала его еще смѣлѣе. При этомъ, во всѣхъ его поступкахъ была своего рода тенденція: жертвами антошкиныхъ мерзостей были всегда попъ, Распоясовъ, кулаки, т. е. люди, нелюбимые всѣмъ шалашниковскимъ населеніемъ. Поэтому, Антошку любили всѣ шалашниковцы, исключая, конечно, тѣхъ, на кого обрушивались его выходки; его охотно кормили, пускали ночевать и снабжали остатками одежды. Иногда шалашниковцы пользовались имъ для того, чтобы насолить какому-нибудь шалашниковскому патрицію. Распоясовъ выдавалъ замужъ свою дочь и устроилъ пирушку, шалашниковцы подбили Антошку появиться подъ окнами освѣщеннаго распоясовскаго дома и заорать: эй ты, душегубъ! ты что-жь это: на нашихъ хребтахъ выстроилъ себѣ домъ, а на свадьбу насъ не приглашаешь? Давай четверть водки, не то стекла побью»!.. Гости Распоясова переполошились, самъ онъ позеленѣлъ отъ злости, но счелъ за лучшее уступить Антошкѣ...

Съ Хопромъ Антошка сперва ладилъ, такъ какъ сбывалъ ему за водку то, что ему давали доброжелатели, и что онъ стягивалъ у недоброжелателей. Но разъ какъ-то Хоперъ посмѣялся надъ Антошкой, и тотъ въ отместку ему совершилъ что-то неслыханное. Хоперъ страшно разсердился и порѣшилъ уничтожить Антошку. Боясь, однако, дѣйствовать прямо, онъ счелъ за лучшее подыскать какой-нибудь *обходъ*. Съ этою цѣлью онъ отправился въ городъ посовѣтываться съ однимъ своимъ пріятелемъ, законникомъ.

Пріятель Хопра называлъ себя «деревенскимъ человѣкомъ» въ

томъ смыслѣ, что кормился на счетъ деревни. Онъ писалъ мужикамъ прошенія, подавалъ имъ юридическіе совѣты, расписывался за безграматныхъ въ разныхъ присутственныхъ мѣстахъ и т. п. Для приданія себѣ большей важности, а также для увеличенія своего гонорара онъ носилъ всегда съ собою старенькій портфель и былъ всегда при манишкѣ, хотя, надо правду сказать, манишка эта цвѣтомъ своимъ мало чѣмъ отличалась отъ его чернаго сюртука. Ондако, несмотря на болѣе или менѣе представительную внѣшность, его крючкотворская душа сквозила въ каждомъ его движеніи, такъ что даже Хоперъ, бесѣдуя съ кѣмъ-либо о своемъ пріятелѣ, называлъ его не иначе какъ «крючкомъ». Это былъ, дѣйствительно, настоящій крючекъ, который, прицѣпившись къ кому-либо, отрывался не скоро. Во всѣхъ окружныхъ селахъ у него были пріятели въ родѣ Хопра, которые направляли къ нему мужиковъ, имѣющихъ дѣла въ присутственныхъ мѣстахъ, а онъ уже «обдѣлывалъ» ихъ.

Разыскавши въ городѣ пріятеля, Хоперъ повелъ его въ трактиръ, такъ какъ «крючекъ» подавалъ свои совѣты не иначе, какъ сидя за спиртными напитками и притомъ не въ кабакѣ, а въ болѣе приличной обстановкѣ пивной или трактира. Когда Хоперъ разсказалъ объ оскорбленіи, нанесенномъ ему Антошкой, и о своемъ желаніи такъ или иначе уничтожить Антошку, крючекъ отвѣтилъ, небрежно пропустивъ въ горло рюмку очищенной:

— Ну, что-жь, сошли его въ Сибирь!

— Какъ такъ, въ Сибирь? удивился Хоперъ.

— По общественному приговору. Въ законѣ сказано, что общество можетъ ссылать порочныхъ членовъ.

— Неужто можетъ?

— Можетъ. Это очень хорошая статья. Во всякомъ какой-нибудь порокъ есть—значитъ, всякаго и можно сослать.

— Всякаго? значитъ, и меня общество можетъ сослать?

— Если захочетъ, то и тебя можетъ.

— Вотъ тебѣ и на! однако, хорошо, что у насъ объ этомъ законѣ не знаютъ, а то мнѣ бы не сдобровать.

— Вона! ты ужь и испугался. А ты вотъ что̀ скажи: у кого въ рукахъ ваше общество?

— У Ильи Иваныча, у Петра Макарыча, ну, и у другихъ богатыхъ, и я немного держу.

— Ну, а ты съ этими Сидоръ Макарычами, да Петрами Иванычами пріятель?

— Ну, еще бы!.. Тутъ ужь дружка за дружку...

— Такъ, какъ же тебя можетъ сослать общество, когда оно у тебя въ рукахъ?

— И впрямь! Вишь ты, а я сразу-то и не сообразилъ...

— То-то и есть. Тебѣ отъ этого закона вреда нѣтъ, а польза можетъ быть большая: чуть кто тебя погладитъ противъ шерсти, вообще вредный для тебя человѣкъ, ты сейчасъ сговорился съ пріятелями да на сходъ: такъ и такъ, вотъ у насъ есть порочный членъ! Да съѣзди когда-нибудь на большой трактъ, тамъ по всѣмъ селамъ то и дѣло по общественнымъ приговорамъ ссылаютъ: какъ кто противъ богатѣевъ заершился, такъ его — маршъ-маршъ!

— Ну, братъ, спасибо, что надоумилъ. Намъ это оченно сподручно будетъ. Я тебѣ за это на слѣдующій базаръ навезу цѣлые вороха деревенскаго добра!

— Ничего, привози.

Въ тотъ же вечеръ, какъ только Хоперъ пріѣхалъ въ Шалашную, онъ обѣгалъ всѣхъ кулаковъ и сообщилъ имъ привезенную новость. Кулаки быстро усвоили всѣ наставленія «крючка» и порѣшили не откладывать въ долгій ящикъ примѣненія *права* общества. Кромѣ Антошки «голопятаго», было еще нѣсколько [illegible]ностей, отъ которыхъ кулаки давно желали избавиться. Это были сѣдые старики, которые умѣли иногда пристыжать сходъ и удерживать такимъ образомъ шалашниковцевъ отъ продажи своихъ кровныхъ интересовъ за водку. Нечего и говорить, что кулаки, какъ говорится, точили зубы на этихъ стариковъ и теперь увидѣли во вновь открытомъ *правѣ* общества средство избавиться отъ нихъ. Однако, кулаки знали, что если они предложатъ сходу сослать ненавистныхъ стариковъ, то какъ ни велико вліяніе кулаковъ на сходъ, сходъ на ихъ предложеніе не согласится. Низко пали шалашниковцы, а искра Божія въ нихъ еще оставалась. Составлять подложные приговоры отъ имени общества шалашниковскіе кулаки, по неопытности, еще не умѣли. И потому оставалось постепенно пріучать шалакниковцевъ къ пользованію новымъ *правомъ* и на первый разъ предложить къ ссылкѣ одного только Антошку.

Совсѣмъ иначе отнеслось къ дѣлу большинство шалашниковцевъ. Оно сразу поняло, какую роль можетъ играть въ рукахъ кулаковъ новое *право* общества. Каждый шалашниковецъ, сидя дома или бесѣдуя на завалинкѣ съ пріятелемъ, отлично понималъ, что они—«набитые дураки», такъ какъ позволяютъ кулакамъ дѣлать на сходахъ что имъ угодно. Но когда они всѣ собирались на сходъ, то словно дурѣли и забывали все, о чемъ думали въ одиночку или бесѣдовали вдвоемъ. Сначала они отчаянно кричали и протестовали противъ предложеній кулаковъ; но потомъ—особенно, если произносились магическія слова:

«ведро, два ведра»—махали руками и соглашались на все. Они предчувствовали, что тоже самое будетъ и теперь, когда кулаки предложатъ сослать кого-нибудь; и каждый невольно думалъ: «нынче Антошку сошлютъ, а завтра, можетъ, и я на его мѣстѣ буду!» Такимъ образомъ, большинство шалашниковцевъ было противъ ссылки, хотя не изъ-за какихъ-нибудь принциповъ, а просто изъ шкуробоязни.

Нашлись, однако, и принципіальные противники ссылки. Это были, во-первыхъ, старики, жившіе традиціями добраго стараго времени, когда на «кругахъ» личность цѣнилась высоко и не могло быть и рѣчи объ исключеніи кого-либо изъ общества, а тѣмъ болѣе о ссылкѣ, и, во-вторыхъ, «нелюдимцы»...

Такимъ образомъ, по вопросу о ссылкѣ Антошки образовалась сильная оппозиція, и сходъ, по поводу этого вопроса, вышелъ необыкновенно бурнымъ и шумнымъ. Торжественное молчаніе, царившее въ началѣ, было прервано прежде всѣхъ Хопромъ. Онъ принесъ сперва сходу жалобу на поступокъ Антошки, а затѣмъ разсказалъ, сколько краденыхъ вещей Антошка приносилъ къ нему въ кабакъ, да онъ не взялъ.

— Стало быть, какъ этотъ Антошка—пьяница и воръ, заключилъ онъ: — и вредъ отъ него большой, то законъ такихъ велитъ ссылать въ Сибирь на поселеніе на вѣчныя времена.

Не успѣлъ Хоперъ кончить, какъ со всѣхъ сторонъ раздались крики:

— Ишь ты, въ Сибирь! тебя бы туда, потому ты первый грабитель и житья отъ тебя нѣтъ!

— Антошка—воръ, да кто его воромъ-то сдѣлалъ? не ты ли? кабы ты краденаго не принималъ, не кралъ бы и онъ.

— Я краденаго не прималъ, огрызался Хоперъ: — а ежели онъ говоритъ: подарокъ, почемъ же мнѣ знать?..

— Туда же еще пьянствомъ коритъ, а зачѣмъ самъ кабакъ держишь?

— Отчего мужикъ и пьетъ, какъ не отъ того, что вы его грабите!..

— Ты почемъ у Антошки-то овецъ покупалъ, когда онъ больной лежалъ? по полтора? а развѣ такъ по божески можно? ты его больного грабилъ, а теперь его въ Сибирь?!

— На вѣчныя времена, а?!

Мало по малу, сходъ такъ заволновался, что нельзя было разобрать ничего, что̀ говорили деревенскіе ораторы. Когда волненіе нѣсколько утихло, то оказалось, что пренія удалились отъ первоначальнаго вопроса и теперь шли взаимные попреки между кулаками и остальными шалашниковцами.

— Ты съ меня сколько лишку-то взялъ за десять рублей?

— А сколько?

— А, ты забылъ? А есть у тебя на шеѣ крестъ?

— Ты объ крестѣ мнѣ не толкуй, а говори объ дѣлѣ...

— Я объ дѣлѣ и говорю... Забылъ? Ну, такъ я тебѣ напомню... Взялъ ты съ меня двѣ мѣрки пшеницы, да я тебѣ три дня косилъ. Сосчитай, сколько это выйдетъ?..

— Это, братъ, ты самъ считалъ бы, когда деньги занималъ. Зачѣмъ ты приходилъ за деньгами? тянулъ я тебя?

— Нужда, братанъ, нужда!

— А я виновенъ, что-ли, въ твоей нуждѣ?

— Виновенъ. Я на что деньги-то занималъ? на подати. А отчего съ податьми не управился? оттого, что ты лѣтошній годъ за долгъ въ пол-цѣны хлѣбъ у меня отобралъ.

— А ты не занималъ бы!

— Ахъ ты, идолъ! Да развѣ я у тебя занималъ? Мою-жь лошадь за недоимки продавали — ты за семь купилъ, а мнѣ сейчасъ же за двадцать въ долгъ уступилъ... безстыжіе твои глаза!

На другомъ концѣ схода одинъ кулакъ стыдилъ окружающихъ его шалашниковцевъ.

— Васъ же, чертей, выручаешь, а вы попрекаете!...

— Ишь, благодѣтель нашелся!

— Теперь-то ты огрызаешься, а какъ весною приспичитъ, прибѣжишь, въ ногахъ будешь валяться: — выручи, молъ, Мосѣичъ! А какъ тебя выручишь, такъ ты, замѣсто благодарности, міроѣдомъ величаешь!

— Да за что тебя благодарить? Вѣдь ты черезъ эти долги кровь нашу пьешь!

Попреки продолжались довольно долго. Наконецъ, всѣ уморились, у всѣхъ осипли голоса, у всѣхъ пересохло въ горлѣ. Тогда Хоперъ, какъ ни въ чемъ не бывало, возвратился къ главному вопросу.

— Такъ вотъ я жертвую на «міръ» два ведра; только чтобы, значитъ, сейчасъ приговоръ и Антошку въ холодную!

Эта рѣчь, видимо, произвела благопріятное впечатлѣніе. Наиболѣе нетерпѣливые любители выпивки тотчасъ же предложили Хопру вопросъ:

— Пить-то къ тебѣ въ кабакъ идти, али сюда принесешь?

Аѳанасій Иванычъ молчалъ во все время схода, но теперь не стерпѣлъ и закричалъ:

— Братцы! грѣхъ вамъ! развѣ Антошка не такой же человѣкъ, какъ вы, что вы его за водку губите?

— Эко ты когда схомянулся! заговорилъ одинъ изъ кулаковъ:—

чего-жь ты давче молчалъ? а теперь лѣзешь, когда ужь пошабашили? чего онъ, братцы, лѣзетъ? вонъ малецъ ужь и за водкой побѣжалъ!

Перспектива двухъ ведеръ была крайне соблазнительна. Къ тому же Аѳанасій Иванычъ, отвернувшись отъ шалашниковцевъ и отказывая имъ въ сосѣдскихъ услугахъ, очень оскорбилъ ихъ и не пользовался теперь никакимъ авторитетомъ. Да наконецъ, Антошка, воръ, пьяница, «голопятый», развѣ онъ такой же человѣкъ, какъ и шалашниковцы, когда у каждаго изъ нихъ есть, по крайней мѣрѣ, *своя* изба? Неудивительно, поэтому, что въ отвѣтъ на слова Аѳанасія Иваныча отовсюду послышалось:

— И впрямь, чего лѣзешь? Отказался отъ міра, ну, и не лѣзь... ступай-ка лучше домой да сиди на печкѣ!

Но Аѳанасій Иванычъ не двигался. Принесли водку — онъ какъ-то странно посмотрѣлъ на нее и остался на мѣстѣ. Стали граматные входить одинъ за другимъ въ правленіе для подписи заранѣе заготовленнаго писаремъ общественнаго приговора; стали затѣмъ граматные и безграматные пить пожертвованную водку, Аѳанасій Иванычъ все стоялъ неподвижно. И только когда мужикъ, разносившій водку, подошелъ къ нему и спросилъ: «выпьешь, что ли?» онъ быстро повернулся и бросился бѣжать домой.

Шалашниковцевъ это очень разсмѣшило и они начали кричать въ слѣдъ Аѳанасію Иванычу:

— Экъ ему мірская-то водочка не по вкусу!

— Лови его, ребята!

— Улю-лю!

Ребятишки, видя, что взрослые издѣваются надъ Аѳанасіемъ Иванычемъ, бросились за нимъ и съ гикомъ и свистомъ проводили до дому.

Но Аѳанасій Иванычъ едва-ли что слышалъ. Онъ бѣжалъ какъ «оглашенный» и остановился только на своемъ огородѣ у скирда сѣна. Здѣсь онъ опустился на землю и пролежалъ до вечера, безъ всякой мысли, въ какомъ-то полубезсознательномъ состояніи. Только вечеромъ онъ вспомнилъ, что нужно напоить лошадь, и отправился было подъ сарай. Но на полдорогѣ остановился, поглядѣлъ на свой дворъ, на свое хозяйство, и вдругъ ему стало все противно. «Зачѣмъ все это? подумалъ онъ.—Зачѣмъ поить лошадь, пахать, косить? случится несчастье — ногу сломишь, хлѣбъ не уродитъ, и все пропало: сопьешься какъ Антошка, да еще въ Сибирь сошлютъ. Тьфу!..» Аѳанасій Иванычъ плюнулъ и пошелъ спать, оставивъ лошадь непоенною и не исполненными разныя домашнія работы.

Съ этого дня Аѳанасій Иванычъ «задурилъ»: бросилъ работу, оставилъ неубраннымъ хлѣбъ на полѣ, пересталъ ходить въ церковь, сталъ сторониться своей семьи и, наконецъ, началъ «задумываться». Уйдетъ куда-нибудь за село и сидитъ неподвижно цѣлые дни и все что-то думаетъ, произнося иногда отрывочныя слова:

— Живорѣзы, одно слово. Съѣдятъ, поѣдомъ съѣдятъ... житья нѣтъ... Одинъ грѣхъ... Убѣжать—больше ничего...

Отъ напряженной умственной работы и отъ голода—онъ почти ничего не ѣлъ — онъ страшно исхудалъ и сталъ ужасенъ на видъ. Немытый, нечесанный, желтый, съ завострившимся носомъ и подбородкомъ, съ воспаленно-блестящими глазами, онъ наводилъ страхъ на дѣтей, которыя большими толпами бѣгали смотрѣть на него.

Въ домѣ Аѳанасія Иваныча начался плачъ и стонъ, онъ не слышалъ ничего, не обращалъ ни на что вниманія. Полуголодныя дѣти орали, прося хлѣба; обозленная жена постоянно ругала его, понуждая къ работѣ, но ничто не дѣйствовало.

— Чего ты, идолъ, сидишь? вѣдь сдохнемъ съ голоду! кричитъ жена.

— Ну, и издыхайте, апатично отвѣчаетъ онъ.

— Да, вѣдь и ты сдохнешь!..

— Ну, что-жь!

— Тьфу, идолъ! плюнетъ жена и побѣжитъ жаловаться къ сосѣдямъ.

Приходятъ сосѣди и уговариваютъ Аѳанасія Иваныча не «дурить». Онъ или молча выслушиваетъ ихъ или вдругъ огорошиваетъ совѣтчика вопросомъ:

— Вѣдь ты людоѣдъ?

— Что ты, Христосъ съ тобой? обижается сосѣдъ.

— Да вѣдь ты Антошку съѣлъ?

— Да развѣ это я? тоже міръ...

— А ты на сходѣ не былъ? водку Хопрову не пилъ?

Сосѣдъ молчитъ.

— Ну, и ступай откуда пришелъ.

Сосѣдъ уходитъ.

Пришелъ батюшка.

— Какъ же это ты, Аѳанасій? надо трудиться...

— А зачѣмъ я буду трудиться?

— Какъ зачѣмъ? чтобы ѣсть хлѣбъ насущный...

— А развѣ я его ѣмъ?

— Да какъ же не ѣшь?

*

— А такъ: ты частицу возьмешь, староста за подати другую, Распоясовъ третью—много ли мнѣ останется?

Батюшка помолчалъ.

— Однако, ты—христіанинъ, а потому долженъ трудиться...

— А ты, батюшка, христіанинъ?

— А то какъ же? удивился батюшка.

— Отчего-жь ты не трудишься?

Снова молчаніе.

— У меня санъ, продолжаетъ батюшка:—я пастырь, поставленъ блюсти васъ. У меня своего дѣла много. А ты—крестьянинъ, мужикъ, долженъ работать...

— А если я—мужикъ, да лучше тебя, за что-жь я цѣлый вѣкъ какъ каторжный буду работать? Это какъ по твоему?..

Батюшка обидѣлся и собрался уходить. На прощанье онъ сказалъ:

— Оставь, Аѳанасій; это гордыня въ тебѣ говоритъ, бѣсовскія мысли... Не доведутъ онѣ тебя до добра!

И съ тѣмъ ушелъ.

Кое-какъ, «съ грѣхомъ пополамъ», нанимая рабочихъ изъ части, жена Аѳанасія Иваныча убрала хлѣбъ. Измучившись на работѣ, она рѣшилась просить «міръ» «поучить» мужа, который ни въ чемъ не хотѣлъ помочь ей. «Міръ» внялъ просьбѣ жены, которую всѣ видѣли «вытягивавшею жилы» на работѣ, и «поучилъ» Аѳанасія Иваныча. Молча покорился онъ рѣшенію «міра» и только по окончаніи экзекуціи сказалъ: «подлецы вы, господа старики!» Разсерженный «міръ» не ограничился одной экзекуціей, а посадилъ его еще на три дня въ холодную и, кромѣ того, наложилъ штрафъ въ ведро. Штрафъ былъ тотчасъ же взысканъ: съ арестованнаго Афанасія Иваныча сняли сибирку, сапоги и шапку и отнесли въ залогъ Хопру, а водку роспили.

Когда черезъ три дня Аѳанасія Иваныча выпустили изъ холодной, онъ бѣжалъ изъ Шалашной и пропалъ безъ вѣсти.

II. СТРАННИКЪ.

I.

Медленно тянется группа пѣшеходовъ по песчаной степной дорогѣ. Пыль окружаетъ путниковъ и столбомъ стоитъ надъ ними. Пылью же покрыты ихъ обувь, одежда и лица.

Конецъ августа. Страдная пора кончилась; главнѣйшая часть сельскаго труда—полевыя работы—исполнена, и благочестивые

люди начинаютъ отовсюду двигаться на «богомоленія». Идутъ люди, чающіе получить отъ угодниковъ исцѣленіе отъ своихъ недуговъ; идутъ давшіе по какому-либо поводу «обѣщаніе», идутъ, наконецъ, богомольцы и богомолки, спеціально занимающіеся странствованіемъ по святымъ мѣстамъ.

Труденъ и долгъ путь странника, идущаго иногда за тысячу и болѣе верстъ поклониться святымъ угодникамъ. Желѣзныя дороги въ настоящее время сократили и облегчили этотъ путь, но ими пользуются далеко не всѣ: у однихъ не хватаетъ средствъ, другіе признаютъ угоднымъ Богу только пѣшее странствованіе.

И вотъ они идутъ, усталые, измученные; лица истощенныя, обвѣтренныя, красныя, съ потрескавшимися губами и припекшеюся кровью; одежда порвана, рубахи до нельзя грязны. Черезъ плечи перекинуты сумки съ хлѣбомъ, солью, кружками для воды, походными ножами, смѣною бѣлья и т. п. Питаются они всю дорогу хлѣбомъ съ солью да съ водой; только изрѣдка приходится перехватить гдѣ-нибудь «горяченькаго».

Страннику приходится терпѣть и голодъ и холодъ. Объ этомъ именно и идетъ разговоръ въ группѣ странниковъ, расположившихся на отдыхъ вечеромъ, послѣ жаркаго дня, на берегу грязной, мелкой степной рѣчки.

— И, батюшки мои, говоритъ старушка-богомолка:—что̀ мнѣ только приходилось извѣдывать—уму непостижимо... Разъ шла осенью, къ домамъ поспѣшала, анъ хвать, зима-то ранняя, снѣгъ, морозъ, мятель—обѣ ноги отморозила, думала, что ужь и владать ими не буду... Кой-какъ добрые люди довезли... Ну, дала опять обѣщаніе Троицу-Сергія посѣтить. И что-жь ты думаешь, къ веснѣ ноги-то и отошли!

— Отошли? удивляются слушатели.

— Какъ началось тепло, такъ и стали отходить, а какъ стаялъ снѣгъ, я ужь и ходить стала.

— Во истинну милосердіе Божіе! сказалъ одинъ изъ богомольцевъ и перекрестился.

Перекрестились и всѣ остальные.

— Да, Онъ милосердъ, началъ пожилой странникъ, одѣтый богаче всѣхъ остальныхъ своихъ собесѣдниковъ: все на немъ было и крѣпко и ново. — Онъ милосердъ, только мы-то забываемъ это... Былъ со мной случай, истинное чудо; по тому вотъ самому я теперь и хожу каждый годъ къ угодникамъ. Былъ я больной годъ, и два, и больше: половиной тѣла не владалъ. И всѣ мои дѣла пришли въ разстройство. Самъ-то я въ селѣ лавку бакалеи держу и ссыпкой хлѣба занимаюсь. Ну, какъ заболѣлъ,

не могу ничего самъ дѣлать. А наше дѣло такое, что нуженъ вездѣ хозяйскій глазъ: чуть что не доглядѣлъ, на прикащика не полагай надежды; а сыновъ у меня нѣтъ, все дѣвочки. И стало мое имѣніе истощаться. Ну, лечился, былъ у разныхъ докторовъ—нѣтъ помоги; служилъ молебны—то же никакой пользы. Хорошо. Только приходитъ разъ ко мнѣ странникъ, то же вотъ богомолецъ: проситъ на странствіе. Далъ я ему, и вдругъ мнѣ вступило: «можетъ, и мнѣ сходить бы къ угодникамъ». А какое тамъ ходить, коли у меня лѣвая сторона тѣла вся какъ деревянная—двинуть ногой-рукой не могу. Ну, только не успѣлъ я подумать насчетъ странствія, какъ чувствую, что у меня мякше въ больномъ-то боку стало. Попробовалъ я рукой лѣвой двинуть: чуть-чуть, а все-таки двигается; попробовалъ ногой — тоже, на полвершка передвинулъ. Тутъ ужь я обрадовался: заплакалъ. «Обѣщаю, говорю, къ угодникамъ, какъ только поднимусь». Сейчасъ послалъ за батюшкой: такъ и такъ, молъ, вотъ какое дѣло со мной сдѣлалось—отслужите молебенъ. Отслужили. Послѣ молебна я опять обѣщаюсь, батюшка благословилъ. Дальше-больше, черезъ мѣсяцъ выздоровѣлъ: и рукой и ногой превосходно владѣю. Божья это рука или нѣтъ?

— Она самая!

— А дальше что! Какъ только всталъ я на ноги, сейчасъ котомку на плечи—и въ Кіевъ. Ну, первый день прошелъ—ничего. На второй день начинаю чувствовать, будто нога что-то не слушается. На третій день къ вечеру свалился: ни рука, ни нога. Свалился и лежу на хуторѣ, добрые люди приняли, опять въ такой же болѣсти, какъ и дома, Лежу день, лежу другой — все хуже. «Что же это, думаю; зналъ бы, изъ дому бы не выходилъ». И возропталъ я тутъ. Только ночью во снѣ вижу, подходитъ ко мнѣ старецъ и говоритъ: «иди». «Какъ, говорю, я пойду, когда я—калѣка»? А онъ и говоритъ: «все-таки иди», и скрылся. Проснулся я и думаю: «что же это такое? вѣдь, это прямо указаніе; надо идти». На утро прощаюсь съ хозяевами: «пойду», говорю. А они всѣ въ одинъ голосъ: «куда, говорятъ, тебѣ идти»? «Какъ-нибудь, говорю, буду ползть». Ну и поползъ, прямо такъ на четвереньках и поползъ. Да еще рукой-то лѣвой хоть немного владѣлъ, а нога такъ просто тянулась, какъ будто и не моя. Ползъ я такимъ способомъ до полдня, а потомъ полегчало, сталъ немного владать и ногой; на другой день еще легче, а на третій ужь совсѣмъ пошелъ какъ слѣдуетъ. Сходилъ въ Кіевъ, и вотъ съ тѣхъ поръ пять лѣтъ ни разу не болѣлъ, и ногами владѣю: каждый годъ на богомолье хожу.

— Внялъ, значитъ, Господь!..

При этомъ восклицаніи, которымъ богомольцы и богомолки закончили разсказъ торговца, только одинъ странникъ оставался молчаливымъ и ни однимъ словомъ не выразилъ своего мнѣнія о разсказанной исторіи. Странникъ этотъ рѣзко отличался отъ своихъ товарищей какъ своимъ нищенскимъ костюмомъ, такъ и тѣмъ, что у него не было котомки. Это былъ шалашниковскій бѣглецъ, бѣжавшій отъ «мірской» неправды, Аѳанасій Иванычъ Лопухинъ.

Разсказъ торговца вызвалъ еще нѣсколько разсказовъ о подобныхъ же случаяхъ. Когда всѣ разсказы кончились и усталые богомольцы, закусивши хлѣба съ водой, собрались лечь спать, Аѳанасій Иванычъ неожиданно обратился къ торговцу съ вопросомъ:

— А у кого, почтеннѣйшій, хлѣбъ скупаешь?

Всѣ обратили вниманіе на Аѳанасія Иваныча; даже тѣ, которые начали было молиться на сонъ грядущій, остановились и повернулись въ его сторону. Самъ торговецъ былъ крайне удивленъ и какъ-то нерѣшительно отвѣчалъ:

— Извѣстно у кого... у мужиковъ.

— А отколь будешь самъ? продолжалъ спрашивать Аѳанасій Иванычъ.

— Изъ Самарской губерніи... А ты что̀, землякъ что-ль?

— Что-жь, у мужиковъ тамъ залишекъ хлѣба? не обращая вниманія на вопросъ торговца, продолжалъ допытываться Аѳанасій Иванычъ.

— Какой залишекъ! отвѣчалъ торговецъ, все еще не понимая, къ чему ведетъ свой допросъ собесѣдникъ: — самимъ не хватаетъ... Извѣстно, отъ нужды продаютъ.

— Такъ это ты нуждой-то чужой пользуешься?

— Какъ пользуюсь? что̀ я, ихъ тащу къ себѣ, что-ли? сами несутъ!

— Ты думалъ, что для тебя Богъ чудо станетъ творить... за то, что ты своего брата-мужика грабишь!

— А ты не лайся, коли путемъ не знаешь! Что̀ я, одинъ, что-ли, хлѣбъ скупаю: не я, такъ другой.

— Это, братъ, и разбойники такъ говорятъ...

И съ этими словами Аѳанасій Иванычъ отошелъ отъ прочихъ богомольцевъ и легъ. Стали ложиться и остальные, молча и недоумѣвая, какъ отнестись къ происшедшему. Только старуха нѣсколько разъ сквозь зубы проговорила: «искушеніе», да какой-то мужиченко въ лаптишкахъ замѣтилъ своему сосѣду: «а вѣдь ловко онъ его обдѣлалъ... А то совсѣмъ святой!»

II.

Аѳанасію Иванычу не спалось: сильно ужь взволновалъ его разсказъ торговца. «Ишь ты, думалъ онъ:—на богомоленья каждый годъ ходитъ, видѣнья разныя бываютъ, а какимъ дѣломъ занимается, а?! своихъ же грабитъ!» И Аѳанасію Иванычу припомнились кулаки, оставленные на родинѣ, въ Шалашной. Вотъ Распоясовъ стоитъ въ церкви: съ какимъ усердіемъ бьетъ онъ земные поклоны, какъ старательно прикладывается ко всѣмъ иконамъ послѣ службы, какъ часто служитъ молебны! А съ боку Распоясова стоитъ Хоперъ и во всемъ ему подражаетъ, тотъ самый Хоперъ, который еще недавно, будучи бѣднымъ мужиченкомъ, никогда и въ церковь не заглядывалъ. А между тѣмъ, что̀ стоитъ Распоясову или Хопру погубить человѣка, раззорить его, довести до сумы или острога? Ровно ничего. И губятъ. «Притворы! думаетъ Аѳанасій Иванычъ:—Богъ-то у нихъ замѣсто покрышки»...

И вездѣ такъ. Аѳанасій Иванычъ припоминаетъ свой путь отъ Шалашной. Положительно на каждомъ шагу встрѣчалъ онъ факты, доказывающіе, что «Богъ у людей замѣсто покрышки». Принимали его дорогой разно: въ однихъ мѣстахъ ему достаточно было сказать, что онъ идетъ «къ угодникамъ», чтобы быть желаннымъ гостемъ, за то въ другихъ мѣстахъ на него смотрѣли какъ на попрошайку, какъ на человѣка, который только высматриваетъ, не лежитъ ли гдѣ плохо. При этомъ его поразили два обстоятельства. Во-первыхъ, его хорошо принимали, кормили и поили не просто какъ голоднаго человѣка, а именно какъ странника по святымъ мѣстамъ. Всякій разъ, когда ему давали кусокъ хлѣба или пятакъ, то непремѣнно добавляли: «ужь ты за насъ помолись». Одинъ разъ съ нимъ былъ такой случай: покупалъ онъ хлѣбъ и далъ хлѣбной торговкѣ гривенникъ; сдачи приходилось двѣ копейки. У торговки не оказывалось двухъ копеекъ, а были все трехъ-копеечники. Долго торговка не рѣшалась отдать лишнюю копейку, но, наконецъ, отдала, прибавивъ: «ты ужь за меня поставь угодникамъ свѣчку»! Аѳанасій Иванычъ обобщилъ эти случаи такимъ образомъ: «и Бога хотятъ подкупить!» Второе обстоятельство, поразившее Аѳанасія Иваныча, состояло въ томъ, что его стали принимать тѣмъ суровѣе и тѣмъ съ бо̀льшею непріязнью стали относиться къ нему, чѣмъ ближе подходилъ онъ «къ угодникамъ». Когда онъ теперь упоминалъ о своемъ странничествѣ, ему отвѣчали: «мало васъ, такихъ-то шарлатановъ, шляется здѣсь». Аѳанасій

Иванычъ сперва не понималъ, какъ это можно быть странникомъ и шарлатаномъ въ одно и то же время; но скоро обстоятельства разъяснили ему его недоумѣніе.

Аѳанасій Иванычъ ушелъ на богомоленье потому, что ужь больно мучила его деревенская неправда. Неправда эта была и на «міру», и въ семьѣ; проявлялась она и въ отношеніяхъ Распоясова и ему подобныхъ къ остальнымъ шалашниковцамъ, и въ отношеніяхъ заурядныхъ шалашниковцевъ другъ къ другу. Жить окруженнымъ со всѣхъ сторонъ такими явленіями неправды для Аѳанасія Иваныча стало невыносимымъ и онъ рѣшился покинуть Шалашную и искать людей, которые жили бы по правдѣ, по совѣсти, по-божески. Желаніе жить по правдѣ, мало по малу, подъ вліяніемъ созерцанія шалашниковскихъ неправдъ, сдѣлалось до такой степени сильнымъ, что Аѳанасій Иванычъ рѣшился исходить «всю землю», лишь бы найдти «праведныхъ» людей. Но гдѣ такіе люди могутъ быть? Въ городѣ, какъ это зналъ Аѳанасій Иванычъ по собственному опыту, пріобрѣтенному во время хожденія по «мірскимъ» дѣламъ, царитъ неправда еще «похлеще» шалашниковской; въ деревняхъ — порядки тѣ же, что и въ Шалашной. Оставался еще одинъ край, край таинственный, о которомъ у Аѳанасія Иваныча свѣдѣнія были крайне смутныя и крайне заманчивыя. Край этотъ были «святыя мѣста», монастыри, вообще сторона, гдѣ «лежатъ угодники Божіи». Свѣдѣнія объ этомъ краѣ слагались изъ разсказовъ странниковъ и странницъ и изъ того, что вычитывалось въ «Чети-минеяхъ». Неудивительно, что край этотъ рисовался Аѳанасію Иванычу въ самыхъ радужныхъ краскахъ: тамъ въ лицѣ почивающихъ угодниковъ постоянный примѣръ праведности; тамъ подвижники, тамъ постоянное служеніе Богу, и т. д. Неудивительно, что Аѳанасій Иванычъ двинулся за правдой именно въ этотъ край.

Побуждаемый къ странствію исканіемъ правды, Аѳанасій Иванычъ и въ своихъ товарищахъ-странникахъ видѣлъ людей, ищущихъ правды. И дѣйствительно, первое знакомство съ ними подтверждало этотъ взглядъ. Когда онъ, при первой же встрѣчѣ съ странниками, пустился съ ними въ откровенность, началъ изливать свою душу, разсказалъ о паденіи шалашниковскаго «міра», о его пьянствѣ и несправедливостяхъ, о господствѣ неправды въ жизни вообще, всѣ высказывали полное сочувствіе.

— Какая ужь тутъ правда, когда дѣти на родителевъ пошли! говорилъ одинъ странникъ.

— Нынче гривенникъ больше правды, подтверждалъ другой.

Когда Аѳанасій Иванычъ высказывалъ свое негодованіе по поводу такихъ печальныхъ явленій, странники и въ этомъ случаѣ оказывались солидарными съ нимъ.

— Что и говорить: хуже этого и не придумаешь...

Наконецъ, когда онъ высказалъ, что правду можно только въ «святыхъ мѣстахъ» найти, собесѣдники опять соглашались съ нимъ.

— Тамъ, около Бога, какъ же можно!

— Гдѣ-жь ей, матушкѣ, и быть!

— Зачѣмъ же мы туда и идемъ, какъ не за этимъ самымъ?

Словомъ, Аѳанасій Иванычъ убѣдился, что онъ попалъ въ общество людей, подобныхъ ему. Это его очень обрадовало, и онъ въ первый разъ почувствовалъ облегченіе отъ тоски, которая тяжелымъ гнетомъ давила его душу съ тѣхъ поръ, какъ онъ понялъ неправду шалашниковской жизни. Не долга, однако, была его радость.

Группа богомольцевъ, къ которой присталъ Аѳанасій Иванычъ, сложилась совершенно случайно. Какъ-то разъ сошлись всѣ на одномъ постояломъ дворѣ, и такъ какъ путемъ взаимныхъ распросовъ узнали, что всѣ идутъ въ одно мѣсто, то на другой день пошли всѣ вмѣстѣ. Скоро оказалось, что вмѣстѣ идти и удобнѣе и выгоднѣе: покупая хлѣбъ въ большомъ количествѣ, они получали «уступочку»; останавливаясь вмѣстѣ на одномъ постояломъ дворѣ, они платили меньше обычной платы. Это обстоятельство послужило связью между странниками и обратило случайно собравшуюся толпу въ нѣкотораго рода общество. Чтобы не собирать денегъ каждый разъ, при уплатѣ за хлѣбъ, ночлегъ, переправу и т. п., тѣмъ болѣе, что часто доля каждаго выражалась въ дроби, они избрали изъ своей среды «атамана» и вручили ему на расходы по рублю съ человѣка. Въ атаманы попалъ бойкій и расторопный мужикъ, до изнеможенія торговавшійся за каждую товарищескую копейку. Странники были очень довольны имъ и не могли нахвалиться его умѣньемъ беречь «опчія» деньги. Когда собранныя деньги были израсходованы, товарищи снова сложились, уже по два рубля, и деньги вручили тому же мужику. Но, проснувшись на другой день, они уже не увидѣли своего атамана: онъ бѣжалъ и унесъ деньги.

Эта исторія сразу разрушила обаяніе, которое произвели на Аѳанасія Иваныча странники. Онъ сталъ подозрительно относиться къ нимъ и въ каждомъ словѣ, въ каждомъ поступкѣ сталъ видѣть что-нибудь скрытное. Онъ сдѣлался молчаливъ и не принималъ участія въ общихъ разговорахъ; но за то каждый благочестивый разговоръ, который вели странники, онъ заканчи-

валъ злымъ вопросомъ или угрюмымъ замѣчаніемъ, въ которомъ ясно давалъ понять, что онъ все благочестіе странниковъ ставитъ ни въ грошъ. Онъ не разъ высказывалъ, что мужики, обзывавшіе странниковъ шарлатанами, были вполнѣ правы. «Нагрѣшитъ, напакоститъ, думалъ онъ:—а потомъ хочетъ Бога подкупить: на богомоленье, молъ, сходилъ... А другой идетъ для почета: былъ, молъ, въ Кіевѣ, или у Сергія... Эхъ, вы сквалыжники!..» И мало-по-малу Аѳанасій Иванычъ приходилъ къ тому заключенію, что и для странниковъ «Богъ за мѣсто покрышки». И снова овладѣла имъ прежняя тоска.

III.

Мрачное воззрѣніе на людей, какъ на существа, «забывшія Бога» и упоминающія о Богѣ только для того, чтобы лучше «обдирать» и «тянуть жилы» изъ окружающихъ, еще болѣе укрѣпилось, и сдѣлалось для Аѳанасія Иваныча несомнѣнною истиною вслѣдствіе печальнаго происшествія, случившагося незадолго передъ ихъ приходомъ въ «святое мѣсто».

На одномъ изъ приваловъ къ партіи странниковъ присоединились двѣ богомолки. Одна изъ нихъ, женщина лѣтъ сорока, была очень молчалива и только постоянно вздыхала. Другая, напротивъ, была очень разговорчива и притомъ знала множество разныхъ духовныхъ исторій, легендъ, разсказовъ и т. д. Мало-по-малу она овладѣла вниманіемъ всей партіи, такъ что во время остановокъ слышался одинъ ея голосъ, повѣствовавшій изумленнымъ слушателямъ какую-нибудь интересную исторію. Интересъ ея исторій увеличивался отъ того, что въ нихъ всегда рѣчь шла о самыхъ животрепещущихъ для мужика вопросахъ. Разъ, напримѣръ, одинъ изъ странниковъ упомянулъ о жукѣ, поѣдающемъ хлѣбъ, разсказчица тотчасъ же вмѣшалась и спросила:

— А знаете, откуда взялся жукъ?

— Нѣтъ, отвѣтили всѣ и сдвинулись къ разсказчицѣ, предчувствуя, что она собирается что-то сообщить.

Разсказчица начала. Говорила она особымъ тономъ и особымъ голосомъ, усвоенными собственно для разсказовъ подобнаго рода.

— Было это, батюшки, годиковъ такъ съ пять тому назадъ. Вышли разъ богомольцы изъ Кіева. Шли они день, шли другой, шли и третій. Только остановились они, матушки мои, ночевать въ степу. Повечеряли, помолились и улеглись. Только не спится имъ, все думки про домашнихъ: какъ, молъ, тамъ безъ насъ, все ли благополучно? Ворочались, ворочались—нѣтъ,

ужь вѣрно не заснуть. И говорятъ другъ дружкѣ: «что-жь мы будемъ по пусту ворочаться? Лучше пойдемте: мѣсяцъ свѣтитъ, дорогу видно». Пошли; идутъ и молитвы читаютъ: потому артель ихняя маленькая, степь глухая — долго ли до грѣха? Только вдругъ померкаетъ мѣсяцъ—и темно, темно сдѣлалось по степу. Страшно стало богомольцамъ: ну, вдругъ волки, а не то еще хуже волковъ — злые люди? И видятъ они: огни замелькали. «Должно, чумаки», думаютъ:—пойдемъ къ нимъ». Стали подходить: видятъ — чумаковъ нѣтъ, а стоитъ церковь съ золотыми крестами и вся въ огняхъ. Изъ оконъ церкви такъ свѣтъ и валитъ, а отъ золотыхъ крестовъ еще пуще. Взошли богомольцы на паперть, глядятъ—никого въ церкви нѣтъ, а стоитъ только среди церкви гробъ. Обуялъ ихъ тутъ страхъ и ужасъ. Только думаютъ: храмъ Божій, значитъ, нечистаго нѣтъ ничего. Перекрестились и взошли во внутрь. Перво на-перво приложились ко всѣмъ ликамъ, а потомъ ударили поклоны передъ гробницей. Вдругъ изъ гроба слышится гласъ: «Братія! я не мертвъ, а живъ, хочу поучать васъ». Обомлѣли богомольцы, хотѣли бѣжать—анъ ноги не слушаются. А изъ гроба поднялся монахъ, сѣлъ въ гробу-то и говоритъ: «Гдѣ вы, люди Божіи, были?»—«У Іоны-пророка», отвѣчаютъ они; а у самихъ такъ все и трясется, насилу языкъ поворачивается: никогда они о такихъ дивныхъ дѣлахъ не слыхивали. Только монахъ спрашиваетъ дальше: «Что же, говоритъ, вамъ Іонъ-пророкъ говорилъ?»—«Мнѣ, говоритъ старушка, щепочку далъ».—«А мнѣ, говоритъ одинъ богомолецъ, писанный листочекъ: поученіе святыхъ».—«А мнѣ—отслужить двѣнадцать молебней».—«А мнѣ—семь лѣтъ на богомоленье ходить»... Ну, разсказали всѣ, что кому было. Тогда монахъ и спрашиваетъ: «а про послѣднее время говорилъ Іона-пророкъ?»—«Говорилъ».—«Ну, слушайте, что я вамъ скажу: скоро, скоро конецъ міру! Ибо, говоритъ, нечестія ваша предовлѣли и нечистая вопіютъ. Долготерпѣливъ и милостивъ Господь, но и наказуетъ. И сказано въ писаніи: будутъ предъ концомъ міра огненныя колесницы, поднимется братъ на брата, родится антихристъ, настанетъ моръ, гладъ и войны. И все это есть: антихристъ родился—папа рымскій, колесница — желѣзная дорога... И напущу, глаголетъ Саваоѳъ, на ваши поля песьихъ мухъ, и будутъ они хлѣбъ вашъ поѣдать... Идите, говоритъ, и глаголите всѣмъ: да слышитъ имѣющій уши!» Сказалъ это онъ—и вдругъ все исчезло: и монахъ, и гробъ, и церковь. Стоятъ богомольцы въ голомъ степу и дивуются, что это было... Вотъ съ этого года и пошелъ жукъ».

Странники слушали разсказъ съ величайшимъ вниманіемъ: у

нѣкоторыхъ даже мурашки ползали по спинѣ. По окончаніи разсказа, всѣ сидятъ, потупившись и о чемъ-то размышляя. Наконецъ, раздается какое-нибудь восклицаніе въ такомъ родѣ:

— Премудрость!

Словомъ, благодаря своимъ разсказамъ, странница пріобрѣла въ глазахъ своихъ случайныхъ товарищей громадный авторитетъ. И потому, когда вдругъ разсказчица и ея товарка внезапно скрылись, всѣ искренно сожалѣли объ этомъ. Каково же было общее удивленіе и негодованіе, когда на слѣдующемъ привалѣ у многихъ странниковъ оказались исчезнувшими разныя вещи, хранившіяся въ котомкахъ! Оказалось, что въ то время, когда разсказчица занимала публику своими исторіями, ея товарка обирала котомки. Больше всѣхъ негодовалъ Аѳанасій Иванычъ, хотя у него не могло пропасть ничего, такъ-какъ ничего и не было.

Этотъ случай такъ подѣйствовалъ на Аѳанасія Иваныча, что на минуту у него явилась мысль: «и въ святомъ мѣстѣ тоже, пожалуй, этакія штуки...» Но ему тотчасъ же стало стыдно и онъ началъ молиться объ «избавленіи отъ искушенія». Молитва помогла ему, и онъ вступилъ въ «святое мѣсто» съ твердой вѣрой, что въ то время, какъ во всемъ мірѣ царитъ неправда, въ «святомъ мѣстѣ» полное царство правды. Потому: «ужли-жъ и около угодниковъ такъ можно?»

IV.

Со страхомъ и благоговѣніемъ вступилъ Аѳанасій Иванычъ въ «святой градъ». Но—увы!—если еще по дорогѣ вѣра его колебалась неблагопріятными фактами, то здѣсь этихъ фактовъ было еще больше. «Святой градъ» давно сдѣлался коммерческимъ городомъ, а его знаменитый монастырь очень походилъ на торжище. Всюду кружки, тарелки для сбора, всюду слышится звукъ монеты. У самыхъ воротъ монастыря идетъ бойкая торговля образами, крестиками и пр. Всюду рядомъ съ святыми словами—«молебенъ», «акаѳистъ», «сорокоустъ»—слышатся и грѣшныя—«полтинникъ», «десять рублей», «не дорого» и т. п.

Эта коммерческая сторона «святого мѣста» страшно поразила Аѳанасія Иваныча: *этого* онъ ужь ни въ какомъ случаѣ не ожидалъ. Онъ шелъ сюда съ больною душею, съ громаднымъ запасомъ оскорбленнаго чувства правды, съ цѣлымъ рядомъ мучительныхъ вопросовъ, возбужденныхъ созерцаніемъ господства неправды, насилія, обмана, прижимки; онъ шелъ сюда въ надеждѣ найти здѣсь правду, праведныхъ людей и раскрыть передъ ними

всю свою душу, высказать всѣ свои сомнѣнія и вопросы; онъ ожидалъ найти здѣсь успокоеніе, разрѣшеніе наболѣвшихъ вопросовъ, указаніе пути среди явленій неправды—и вмѣсто того нашелъ тоже, что измучило его въ Шалашной, дома, что заставило его бѣжать съ родины!

Съ растерзаннымъ сердцемъ, уныло бродилъ онъ по монастырю, уныло и какъ-то безсознательно прикладывался къ святынямъ, отстаивалъ обѣдни, сидѣлъ въ трапезной, одиноко толкался среди группъ странниковъ. И всюду, и вездѣ онъ подмѣчалъ копеечные интересы, всюду слышалъ разговоры о деньгахъ, всюду видѣлъ проявленія жадности. Нельзя сказать, чтобы здѣсь не было явленій, которыя показывали, что здѣсь есть люди, заботящіеся и о «душѣ», люди, для которыхъ «душа» была важнѣе копейки. Но эти явленія какъ-то робко жались по уголкамъ, словно конфузясь выйти на вольный свѣтъ, словно робѣя передъ явленіями другого рода. А явленія другого рода лѣзли на проломъ, бросались какъ будто нарочно прямо въ глаза. Вотъ какой-то монахъ громогласно выразился: «ну, народъ! цѣлуютъ (угодниковъ) много, а кладутъ мало!» Вотъ за «даровымъ» обѣдомъ богомольцевъ болѣе десяти разъ обходятъ съ тарелками для сбора пожертвованій, да кромѣ того, около каждой чашки съ кушаньемъ стоитъ кружка съ надписями. Вотъ, наконецъ, случай кражи...

Особенно поразилъ Аѳанасія Иваныча послѣдній случай. Дѣло было такъ. Будучи въ пещерахъ, онъ съ удивленіемъ увидѣлъ монаховъ, стоявшихъ неподвижно по угламъ, невдалекѣ отъ тарелокъ, на которыя благочестивые богомольцы клали деньги. Выходя изъ пещеры, онъ съ неменьшимъ удивленіемъ замѣтилъ двухъ монаховъ, стоявшихъ у выхода изъ пещеръ и внимательно осматривавшихъ спины выходившихъ богомольцевъ. Аѳанасій Иванычъ остановился и думалъ: что̀ это значитъ? Вдругъ выходившая изъ пещеръ толпа заволновалась, зашумѣла. Стоявшіе у входа монахи тащили какую-то бабу; толпа бросилась за ними. Всѣ спрашивали другъ друга: «что такое?»

— Вездѣ брала? спрашивали бабу монахи.

— Вездѣ, родимые, покорно отвѣчала баба:—грѣхъ попуталъ.

Оказалось, что монахи, стоявшіе по угламъ пещеръ, наблюдали за тарелками и, когда замѣчали, что кто-нибудь изъ богомольцевъ, вмѣсто того, чтобы положить, тянулъ деньги съ тарелки, незамѣтно дѣлали мѣломъ знакъ на спинѣ вора. По этому-то знаку монахи, стоявшіе у входа, и узнали воровку.

Пойманная въ воровствѣ баба, въ наказаніе, была на цѣлый день привязана къ оградѣ на виду и въ поученіе прочимъ богомольцамъ.

Аѳанасія Иваныча эта исторія кольнула въ самое сердце. «Хороша воровка, думалъ онъ: — да и монахи тоже теплые ребята! Богъ-то Богъ, а мамонъ своимъ чередомъ!..»

Понятно, что такое мрачное настроеніе души должно было рано или поздно кончиться кризисомъ, рано или поздно долженъ былъ произойти переломъ, разрывъ съ прежними вѣрованіями. И кризисъ наступилъ.

Въ монастырѣ богомольцамъ даются даровые обѣды. Даровыми они, впрочемъ, названы просто по недоразумѣнію, такъ какъ въ теченіи обѣда съ богомольцевъ собирается больше, нежели стоитъ самый обѣдъ. Обѣдъ и количественно, и качественно былъ таковъ, что богомольцы вставали послѣ него съ легкими желудками, и такимъ образомъ плоть не мѣшала духу предаваться пареніямъ. Что именно эту послѣднюю цѣль преслѣдовали монастырскіе обѣды, нельзя было сомнѣваться при взглядѣ на микроскопическіе кусочки хлѣба, лежавшіе по одному передъ обѣдающими.

Аѳанасій Иванычъ былъ въ монастырской трапезѣ всего одинъ разъ, да и тотъ кончился для него несчастно. Усѣвшись за столъ, онъ счелъ нужнымъ прислушаться къ тому, что читалъ на одномъ концѣ комнаты сѣдой монахъ. Удовлетворивши въ этомъ отношеніи своей любознательности, онъ приступилъ къ ѣдѣ; но тутъ онъ замѣтилъ, что лежащій передъ нимъ кусочекъ хлѣба неизвѣстно куда исчезъ. Разсудивъ, что безъ хлѣба поданная на столѣ мутная вода едва ли окажется особенно вкусною, онъ обратился къ проходившему мимо него монаху съ просьбою на счетъ «кусочка хлѣба». Монахъ разразился цѣлою рѣчью противъ чревоугодья, поклоненія мамонѣ и т. д. Аѳанасій Иванычъ снова повторилъ свою просьбу. Монахъ опять свое. Аѳанасій Иванычъ не выдержалъ:

— Да ѣсть я хочу! закричалъ онъ.

Это было, по понятіямъ монаха, изъ рукъ вонъ. И тотчасъ же могучія руки подхватили Аѳанасія Иваныча и выбросили его изъ трапезной. Толчекъ былъ такъ силенъ, что Аѳанасій Иванычъ пришелъ въ себя не прежде, какъ выбѣжалъ изъ монастыря и добѣжалъ до рѣки.

Здѣсь, сидя на обрывѣ, онъ началъ размышлять о томъ, что такое съ нимъ случилось? Боль личной обиды совершенно стушевывалась передъ жгучею болью, происходившею отъ сознанія, что «и здѣсь нѣтъ правды». «Такъ вотъ они каковы! думалъ онъ.— Гдѣ-жь правда? гдѣ праведные люди?» И онъ въ ужасѣ останавливался передъ окончательнымъ выводомъ; сдѣлать этотъ выводъ значило уничтожить въ жизни все, для чего стоило бы

жить. Сказать, что правды нѣтъ нигдѣ, значило сказать: топись, братъ, благо рѣка подъ рукой. И онъ всячески старался уклониться отъ окончательнаго вывода, утѣшалъ себя разными соображеніями, въ родѣ того, что «должно, это только тутъ такъ; а въ другихъ мѣстахъ, должно, благодать». Но онъ самъ уже чувствовалъ всю шаткость своихъ соображеній.

Въ это самое время мимо Аѳанасія Иваныча прошли два арестанта, сопровождаемые конвоемъ солдатъ. Одинъ изъ арестантовъ былъ старикъ, съ широкой сѣдой бородой, другой — еще совсѣмъ молодой мужикъ. Оба были необыкновенно блѣдны и серьёзны. Аѳанасій Иванычъ со вниманіемъ смотрѣлъ на нихъ до тѣхъ поръ, пока они не скрылись, завернувъ за уголъ одного изъ прирѣчныхъ домовъ, и затѣмъ обратился къ молодому парню, по костюму мастеровому, сидѣвшему тоже на обрывѣ и бросавшему въ рѣку отъ скуки камешки.

— Паря! энто кого повели? спросилъ Аѳанасій Иванычъ.

— Штунда! отвѣчалъ тотъ и какъ-то особенно взмахнулъ головой.

— То ись, какъ это? переспросилъ Аѳанасій Иванычъ, не слыхавшій никогда такого мудренаго слова.

— Штундовые... вѣра такая, значитъ, религія, пояснялъ мастеровой.

— Нехристи?

— Хрестьяне... какъ слѣдуетъ... У нихъ, братецъ ты мой, говорилъ мастеровой, пересаживаясь поближе къ Аѳанасію Иванычу: — евангеліе, значитъ, напримѣръ, у каждаго завсегда съ собой... Народъ ничего, хорошій... Только, значитъ, поповъ нашихъ не признаютъ... А то народъ хоть куда: водки, къ примѣру, ни-ни!..

— За что-жь ихъ такъ-то... съ солдатами?

— А это, видишь ли, какое дѣло? Обращаютъ ихъ въ нашу вѣру, понимаешь?.. Сперва на-перво въ монастырь подъ началъ... ну, и наставленіе тамъ. А когда не подѣйствуетъ, тогда въ острогъ...

— Отчего-жь не дѣйствуетъ... въ монастырѣ-то?

— А оттого, что тамъ, въ монастырѣ-то, хуже! Это, братанъ, я ужь доподлинно знаю, потому самъ тамъ жилъ послушникомъ, хотѣлъ тоже въ монахи, только убѣжалъ... Человѣкъ я веселый, разгульный, а и мнѣ жутко стало... Да вотъ тебѣ: жили у насъ три мѣсяца богомолки. Ну, скажи, какъ это въ мужскомъ монастырѣ женскія персоны такъ долго пребываютъ? Фальшь, аль нѣтъ?.. А на повѣрку выходитъ: богомолки полы моютъ. И моютъ онѣ, братанъ мой, что-то слишкомъ часто... А то, замѣчаю, бо-

гомолки вишни рвутъ, а садъ на запорѣ. А потомъ дѣло пошло въ явь: вино, напримѣръ, пѣсни... Ну, я глядѣлъ-глядѣлъ и сбѣжалъ...

— Да ты не врешь?

— А врать-то мнѣ какой барышъ? Я вотъ тебя видалъ, а потомъ и нѣту; сидѣлъ съ тобой, а потомъ поднялся (мастеровой, дѣйствительно, поднялся) и ушелъ! чего-жь мнѣ врать! чудакъ!

Аѳанасій Иванычъ остался одинъ. «Стало быть, всюду тоже, а то еще хуже», думалъ онъ. Ему пришла въ голову мысль броситься въ рѣку, но онъ тотчасъ же поднялся и поспѣшилъ уйти на постоялый, гдѣ онъ остановился. На постояломъ онъ тотчасъ же легъ спать. Ему нездоровилось.

На утро оказалось, что онъ въ сильнѣйшей горячкѣ. Цѣлый рядъ душевныхъ волненій, непривычная умственная работа, почти полное воздержаніе отъ пищи, о которой онъ забывалъ за своими думами, все это сломило его сильный организмъ, и въ больницѣ, куда его доставилъ дворникъ, его причислили къ безнадежнымъ.

V.

Однако, доктора ошиблись: мужицкая натура побѣдила болѣзнь, и Аѳанасій Иванычъ, послѣ долгихъ страданій, сталъ поправляться. Удивленные мужицкою живучестью, доктора перевели его въ палату выздоравливающихъ. Выздоравливаніе тянулось долго; разслабленный организмъ требовалъ продолжительнаго ухода.

Сосѣдомъ Аѳанасія Иваныча по больничной палатѣ былъ какой-то странный старикъ. Лицо его было безъ усовъ и бороды, хотя въ тоже время на немъ не было замѣтно слѣдовъ бритвы. Щеки были жирны до отвислости; подбородокъ двойной. Вообще лицо походило болѣе на женское, чѣмъ на мужское. Голосъ былъ мягкій и тонкій, какъ у дѣтей. Старикъ большую часть дня проводилъ за чтеніемъ какой-то маленькой книги. Съ товарищами по палатѣ онъ не входилъ ни въ какія сношенія и держался отъ всѣхъ въ сторонѣ. Иногда къ нему приходили посѣтители, молодые и старые, но всѣ безъ растительности на лицѣ, всѣ съ двойными подбородками и съ мягкими голосами. Старикъ усаживалъ посѣтителей на своей койкѣ, и они медленно вели долгія бесѣды, при чемъ въ рѣчахъ ихъ то и дѣло слышались слова: «братецъ», «милъ дружокъ» и т. п. При появленіи и при уходѣ посѣтителей, старикъ обмѣнивался съ ними низкими поклонами и лобызаніями.

Странный старикъ обратилъ на себя вниманіе Аѳанасія Иваныча. По цѣлымъ часамъ сидѣлъ онъ неподвижно, обратившись въ сторону старика и наблюдая за тѣмъ, какъ старикъ медленно водилъ глазами по книгѣ и беззвучно шевелилъ губами. Въ свою очередь, старикъ скоро замѣтилъ этотъ взглядъ, постоянно устремленный на него, и сталъ присматриваться къ Аѳанасію Иванычу. Скоро между ними, какъ-то само собою, завязались сношенія, и черезъ нѣсколько дней старикъ уже разспрашивалъ Аѳанасія Иваныча о семьѣ, о его житьѣ-бытьѣ и т. п. Ласковый тонъ, предупредительность, участіе къ положенію Аѳанасія Иваныча, интересъ, обнаруженный старикомъ по отношенію къ его вопросамъ и сомнѣніямъ, все это вызвало живѣйшую симпатію къ старику и заставило раскрыть передъ новымъ знакомцемъ всю свою душу. Старикъ внимательно выслушалъ разсказъ Аѳанасія Иваныча и о безурядицѣ, разбоѣ и «денномъ» грабежѣ, которые царятъ въ Шалашной, и о тѣхъ надеждахъ, которыя онъ возлагалъ на «святое мѣсто», и о разочарованіяхъ, которыя испыталъ онъ, убѣдившись, что для людей Богъ «замѣсто покрышки» и о многомъ другомъ. Когда Аѳанасій Иванычъ излилъ всю накопившуюся въ его душѣ скорбь, когда онъ выразилъ свое отчаяніе по поводу того, что теперь ему «не во что вѣрить», когда онъ высказалъ свои недоумѣнія насчетъ того, «какъ ему теперь жить», старикъ заговорилъ въ свою очередь. Онъ заговорилъ грознымъ, пророческимъ тономъ, который страшно поразилъ Аѳанасія Иваныча. Въ голосѣ старика уже не слышалось прежней мягкости и пѣвучести; напротивъ, онъ былъ рѣзокъ и грубъ. Глаза его горѣли; выраженіе лица измѣнилось.

— Да, другъ, говорилъ старикъ: — все нынче дурно. Всюду ложь и обманъ, всюду неправда. Нѣтъ ни правды, ни дружбы, ни любви въ мірѣ. Въ судѣ богатый всегда возьметъ верхъ надъ бѣднымъ. Архіереи ѣздятъ въ колясках. Чиновные заправляютъ безъ стыда и совѣсти. Въ семьѣ всему дѣлу голова — деньги. Люди другъ къ дружкѣ идутъ, другъ съ дружкой дѣла дѣлаютъ не по вѣрѣ, а по бумажнымъ скрѣпамъ. Всѣ испортились, всѣ развратились. Деньги — все. За деньги ты купишь и тѣло, и душу. Объ деньгахъ нынче самый маленькій мальчикъ говоритъ. Изъ-за денегъ всѣ бьются. Изъ-за нихъ и вражда, и война, и погибель... Но Богъ не хочетъ, чтобы грѣхъ поборолъ благочестіе. Благодать еще не перевелась на землѣ. Есть люди, которымъ хочется жить въ любви, въ дружбѣ и согласіи. Они отрѣшились отъ міра и живутъ «кораблями». Тамъ миръ и любовь, вѣра и правда. Люди эти *избранники Божіи, Христовы*

люди, бѣлые голуби... Если у тебя болитъ душа, иди къ нимъ: вѣра возвратится къ тебѣ, и тамъ найдешь правду и праведниковъ.

Съ затаеннымъ дыханіемъ слушалъ Аѳанасій Иванычъ старика. Что-то сладостное испытывалъ онъ, словно цѣлебный бальзамъ проливался на его душевныя раны. Ему страстно, до боли захотѣлось попасть въ эти «корабли» «бѣлыхъ голубей», пожить этою жизнью безъ вражды, безъ ссоръ, безъ грызни. Его изстрадавшаяся душа жаждала, требовала этой жизни по дружбѣ, по любви. И онъ выразилъ старику свое искреннѣйшее желаніе присоединиться къ обществу «людей Божьихъ».

Старикъ совѣтовалъ не торопиться.

— Ты сперва обдумай хорошенько, чтобъ ужъ послѣ не каяться... Не хорошо будетъ, какъ послѣ откажешься отъ «Божьихъ людей». Испытай себя, готовъ ли? А теперь познакомься съ словомъ Божьимъ, что тамъ сказано: будешь знать, какъ надо жить съ «Божьими людьми»...

Съ этого дня старикъ каждый день читалъ Евангеліе, причемъ комментировалъ каждый стихъ. Аѳанасій Иванычъ, слышавшій прежде Евангеліе только въ церкви, гдѣ онъ ровно ничего не понималъ, былъ страшно пораженъ и удивленъ, вслушиваясь въ евангельскую проповѣдь. Боже мой! да вѣдь это именно то, что онъ чувствовалъ, но чего не могъ выразить словами! вѣдь это именно то, чего недостаетъ теперь людямъ, чего нѣтъ въ жизни! Простыя, безъискуственныя слова евангелія, въ которыхъ выражались великія міровыя истины, имѣли для Аѳанасія Иваныча громадное обаяніе, производили необыкновенно сильное впечатлѣніе. И съ какою радостью онъ слушалъ эти святыя слова, съ какимъ нетерпѣніемъ ожидалъ всякій разъ, когда начнетъ старикъ чтеніе!

Но вотъ вопросъ: Христосъ проповѣдывалъ давно—отчего же люди до сихъ поръ не вслушались въ слова его проповѣди? отчего они до сихъ поръ не примѣняютъ къ жизни его законовъ, до сихъ поръ живутъ во взаимной враждѣ? Въ отвѣтъ на это старикъ развилъ предъ Аѳанасіемъ Ивановичемъ идею скораго суда Христова надъ міромъ.

— Люди презрѣли слова евангелія, говорилъ онъ:—мало того, они стали извращать смыслъ евангельскихъ изрѣченій, чтобъ оправдать свое мерзкое житіе; они такъ дурны, такъ грѣховны, такъ порабощены діаволомъ, что дерзаютъ взваливать на Бога свои богомерзкіе поступки! И за все это они погибнутъ, какъ имѣвшіе уши и не хотѣвшіе слышать, имѣвшіе зрѣніе и не хотѣвшіе видѣть. Скоро настанетъ день суда и каждому будетъ

воздано по дѣломъ его. Страшная казнь ждетъ нечестивцевъ, за то, что они отринули Христа. Но хорошо будетъ тѣмъ, кто живетъ по евангелію, по правдѣ, въ мірѣ и любви. Великая ихъ ждетъ награда!..

Слова старика не давали отвѣта на вопросъ Аѳанасія Иваныча; напротивъ, они отвлекали его вниманіе отъ этого вопроса, такъ-какъ идея о близкомъ наказаніи живущихъ не по правдѣ пришлась ему очень по сердцу и стала любимымъ предметомъ его размышленій. Да, думалъ онъ, кто издѣвается надъ добрыми людьми, кто отнимаетъ у своего ближняго кусокъ хлѣба, кто обращаетъ «святое мѣсто» въ торжище, всѣ эти люди должны погибнуть, всѣ они заслужили гибель. Они попрали правду—и за это будутъ наказаны.

Но онъ-то самъ что̀ заслужилъ? Положимъ, что онъ не грабилъ, не издѣвался надъ правдой, не торговалъ благодатью. Но за то и хорошаго онъ, не Богъ знаетъ, сколько сдѣлалъ. Правда, онъ стоялъ за свой деревенскій «міръ» и много потерпѣлъ за него. Но это ему казалось такою естественною вещью, что онъ даже не подумалъ поставить себѣ этого въ заслугу. А что хорошаго сдѣлалъ онъ, помимо этого? — Ничего. Онъ только молчалъ и терпѣлъ: молчалъ и тогда, когда у его сосѣда продавали воловъ за долги Распоясову, и тогда, когда при немъ старались подкупить Бога. Гдѣ же его заслуги? Нѣтъ, онъ долженъ сдѣлать что-нибудь такое, что выдѣлило бы его изъ массы неправедниковъ и дало бы ему право на спасеніе, право избѣгнуть всеобщей гибели. Но что же именно долженъ онъ сдѣлать, что̀?

И вотъ однажды онъ услышалъ отвѣтъ на свой вопросъ. Старикъ, читая евангеліе, упомянулъ о «положеніи души за други своя». Эти слова глубоко запали въ душу Аѳанасія Иваныча. Да, именно положить свою душу за другихъ — это такой подвигъ, который дастъ ему право на спасеніе при всеобщей гибели. Но какъ пожертвовать собою? какъ устроить это самопожертвованіе такъ, чтобы отъ него дѣйствительно была польза другимъ? Старикъ, которому Аѳанасій Иванычъ, передавалъ всѣ свои мысли, обѣщалъ указать ему то дѣло, ради котораго онъ долженъ принесть себя въ жертву. Авторитетъ старика былъ настолько великъ въ глазахъ Аѳанасія Иваныча, что онъ вполнѣ былъ увѣренъ, что старикъ дѣйствительно укажетъ дѣло, совершая которое онъ, ради счастія другихъ, пожертвуетъ собою. Къ дѣлу этому Аѳанасій Иванычъ, по словамъ старика, можетъ приступить тотчасъ же по выходѣ изъ больницы.

Съ нетерпѣніемъ ожидалъ онъ времени, когда его силы на-

столько оправятся, что онъ будетъ въ состояніи оставить больницу. Ему страстно хотѣлось, чтобы это время наступило скорѣе: тамъ, за стѣнами больницы, онъ ожидалъ найти нѣчто такое, чего еще не видѣлъ и не испыталъ — тамъ онъ найдетъ общество праведниковъ и сдѣлается достойнымъ этого общества, принесши себя въ жертву за другихъ.

Мысль о самопожертвованіи особенно занимала его больной умъ. Въ чемъ должно было состоять это самопожертвованіе, онъ ясно не представлялъ и довольствовался въ этомъ отношеніи различными фантастическими картинами, матеріалъ для которыхъ онъ бралъ изъ разсказовъ старика о жизни и страданіяхъ разныхъ мучениковъ и подвижниковъ. То онъ видѣлъ себя стоящимъ въ пламени на кострѣ; то воображалъ себя привязаннымъ къ какому-то колесу, которое, вращаясь, ломало ему кости и отрывало куски мяса; то ему представлялось, что у него содрана со всего тѣла кожа. Больное воображеніе рисовало всѣ эти картины до такой степени живо, что онъ дѣйствительно видѣлъ ихъ, дѣйствительно чувствовалъ мучительныя страданія и боль. Словомъ, съ нимъ начались галлюцинаціи. Здоровье его нетолько перестало поправляться, но начало замѣтно ухудшаться.

Старикъ понялъ, въ какомъ состояніи находится Аѳанасій Иванычъ и предложилъ ему выйти вмѣстѣ съ нимъ изъ больницы. Аѳанасій Иванычъ согласился съ радостью, и они въ тотъ же день отправились въ глубь Малорусскихъ степей, гдѣ, по словамъ старика, жили «Христовы люди». И вотъ во время этой дороги старикъ открылъ Аѳанасію Иванычу, какъ онъ можетъ спастись, пожертвовавъ собою за другихъ.

На постоялыхъ дворахъ, гдѣ они останавливались, старикъ продолжалъ читать евангеліе и бесѣдовать по поводу прочитаннаго. Однажды, старикъ остановилъ вниманіе Аѳанасія Иваныча на слѣдующемъ мѣстѣ евангелія: «Ибо есть скопцы, которые изъ чрева матерняго родились такъ; и есть скопцы, которые оскоплены отъ людей; и есть *скопцы, которые сами себя сдѣлали скопцами.*

— Понимаешь ли, что это значитъ? спросилъ старикъ.

Аѳанасій Иванычъ отозвался непониманіемъ.

— А это на счетъ браку... то есть, чтобы не касаться жены, чистоту соблюдать. Потому—грѣхъ отъ женъ большой...

— Какъ же такъ? удивился Аѳанасій Иванычъ:—вѣдь этакъ и люди переведутся...

— А тутъ что сказано? «кто можетъ вмѣстить, да вмѣститъ». А развѣ всѣ могутъ вмѣстить? Небось, люди будутъ... Да и

Богъ всемогущъ: захочетъ — и люди будутъ размножаться безъ грѣха... Ну, а какъ ты думаешь, что это значитъ — «скопецъ»?

— Извѣстно—скопить... оскопленый...

— Значитъ: нужно скопить себя?

Аѳанасій Иванычъ молчалъ и съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на евангеліе: «какъ это такъ?» думалъ онъ.

— Нѣтъ, дружокъ мой, продолжалъ старикъ:—это не значитъ, что нужно оскопить себя; это нужно понимать духовно: значитъ, нужно воздерживаться... Ну, а вотъ есть люди, которые по простотѣ своей такъ и поняли, что нужно оскопить себя, и оскопились... Теперь-то ужь жалѣютъ, да ничего не подѣлаешь... Хорошіе они люди: не побоялись, коли думали, что дѣлаютъ хорошо... А ихъ преслѣдуютъ, гонятъ и власти, и простые люди. Они всѣмъ противны, всѣ ими гнушаются, всѣ ихъ ненавидятъ... А чѣмъ они, сиротушки, виноваты? Они и такъ несчастны, а ихъ гонятъ. Нужно имъ дать покой... Вотъ за нихъ-то, гонимыхъ, презираемыхъ, принесть себя въ жертву—вотъ это будетъ заслуга передъ Богомъ!..

И старикъ вопросительно поглядѣлъ на Аѳанасія Иваныча.

Въ какой экзальтаціи ни былъ Аѳанасій Иванычъ, но онъ очень смутился, услышавъ предложеніе старика. Скопцы вообще не пользуются расположеніемъ простого народа; отвратительная операція, губящая скопцовъ физически и нравственно, невольно заставляютъ относиться къ нимъ съ омерзеніемъ. И вотъ за этихъ-то уродовъ-скопцовъ ему предлагаютъ пожертвовать собою. Онъ не знаетъ еще, въ чемъ будетъ состоять его самопожертвованіе, но, во всякомъ случаѣ, онъ мечталъ не объ этомъ. Какъ-то жутко, непріятно чувствовалось ему. Въ душѣ шевельнулось отвращеніе, чувство брезгливости...

Старикъ замѣтилъ, какое впечатлѣніе произвели его слова. «Охъ, берегись, дружокъ, бѣсъ тебя смущаетъ!» сказалъ онъ и вышелъ изъ комнаты.

Крайнее мистическое настроеніе, въ которомъ находился послѣднее время Аѳанасій Иванычъ, взяло верхъ надъ проблескомъ здраваго чувства, и невольное отвращеніе къ скопчеству исчезло. «И впрямь, подумалъ онъ:—бѣсъ путаетъ... Онъ, онъ окаянный!.. Развѣ они не люди? да еще *несчастненькіе*! Вотъ за нихъ-то и постоять, за нихъ-то и сложить головушку...

И онъ выразилъ старику свое полное согласіе...

VI.

Прокуроръ N—ской судебной палаты, окончивъ свои занятія, выходитъ изъ зданія палаты, беззаботно посвистывая и размышляя о предстоящемъ обѣдѣ; какъ вдругъ у подъѣзда палаты его окружила толпа крестьянъ и, подавая ему какую-то бумагу, заговорила: «вступись, батюшка! защити насъ, горемычныхъ!» Прокуроръ взялъ бумагу и спросилъ:

— Что вамъ нужно?

— Тамъ, батюшка, все прописано: почитай... Дѣло-то спѣшное...

Какъ ни спѣшилъ прокуроръ обѣдать, но счелъ своею обязанностью прочитать тотчасъ же поданную ему бумагу. Пробѣжавъ нѣсколько строкъ, онъ какъ-будто забылъ объ обѣдѣ и повернулъ назадъ, въ зданіе палаты.

Дѣло оказывалось важнымъ. Изъ прошенія и показаній крестьянъ выяснилось слѣдующее. Просители — по профессіи чумаки. Однажды, когда они ночевали въ «степу», мирно расположившись вокругъ артельнаго котелка съ кашей, къ нимъ подошелъ какой-то прохожій и попросился переночевать вмѣстѣ. Чумаки пригласили прохожаго подсѣсть къ нимъ и принять участіе въ ужинѣ. Благодарный странникъ въ свою очередь угостилъ чумаковъ «пирожками», поѣвъ которые они заснули непробуднымъ сномъ. Когда они проснулись на другой день, то съ ужасомъ замѣтили, что оскоплены, а странника и слѣдъ простылъ.

Пострадавшіе отъ этого звѣрскаго преступленія чумаки умоляли прокурора вступиться за нихъ и по закону наказать оскопителя. Они подробно описали примѣты странника и, съ своей стороны, обѣщали употребить всѣ усилія для отысканія преступника. Прокуроръ обнадежилъ потерпѣвшихъ, что будутъ приняты подлежащія мѣры для обнаруженія злодѣя, и не прежде отправился обѣдать, какъ сдѣлавъ цѣлый рядъ распоряженій.

Не успѣлъ прокуроръ пообѣдать, какъ къ нему явился полиціймейстеръ N — ска. Оказалось, что къ нему также явилась группа крестьянъ съ заявленіемъ о насильственномъ оскопленіи. Обстоятельства дѣла были совершенно тождественны съ тѣми, при которыхъ совершилось оскопленіе жаловавшихся прокурору. Разница состояла только въ томъ, что мѣстомъ дѣйствія былъ постоялый дворъ, а роль «пирожковъ» сыгралъ чай. Дѣло становилось «особенно важнымъ».

На другой день, едва прокуроръ вышелъ изъ своей квартиры, какъ его снова окружила толпа крестьянъ съ тѣмъ же заявленіемъ о насильственномъ оскопленіи. На этотъ разъ дѣло про-

исходило на мельницѣ, а одуряющее вещество было дано въ «горілкѣ».

Въ слѣдующіе дни было получено еще нѣсколько аналогичныхъ заявленіи. Общее число пострадавшихъ простиралась до 80. Показанія всѣхъ оскопленныхъ относительно примѣтъ преступника были совершенно тождественны. Прокуратура поняла, что она имѣетъ дѣло съ мрачнымъ фанатикомъ скопчества. Слѣдствіе было поведено энергично. Всюду были разосланы описанія примѣтъ фанатика, поднята на ноги вся полиція N—ской губерніи и сосѣднихъ съ нею; обѣщаны награды всѣмъ, кто посодѣйствуетъ поимкѣ преступника. Наконецъ, усилія властей увѣнчались успѣхомъ, и преступникъ, благодаря помощи пострадавшихъ, былъ розысканъ.

Когда преступникъ былъ привезенъ въ N—скъ, всѣ съ удивленіемъ увидѣли, вмѣсто страшной звѣрообразной фигуры, добродушнаго русскаго мужичка, съ кроткимъ выраженіемъ лица и печатью глубокой думы. Казалось просто невѣроятнымъ, чтобы такой кроткій и тихій человѣкъ могъ быть такимъ ужаснымъ злодѣемъ. Но показанія всѣхъ потерпѣвшихъ, узнавшихъ въ немъ своего оскопителя, не оставляли никакого мѣста сомнѣнію. Самъ преступникъ долго запирался, но, наконецъ, уличенный на очныхъ ставкахъ многочисленными свидѣтелями, сознался во всемъ.

Его судили. Дѣло оказалось вполнѣ яснымъ, и уголовная палата приговорила фанатика къ ссылкѣ на каторгу. Относительно оскопленныхъ палата постановила освободить ихъ отъ всякаго преслѣдованія, какъ подвергшихся возмутительной операціи противъ воли.

Послѣдняго невольнымъ скопцамъ только и было нужно: съ копіею приговора уголовной палаты возвратились они въ мѣста своего жительства, навсегда избавленные отъ возможности подвергнуться наказанію за изуродованіе себя. А мрачный фанатикъ, который былъ никто иной, какъ Аѳанасій Иванычъ, былъ отправленъ съ кандалами на ногахъ въ Сибирь.

Скопцы, однако, не оставили его: на прощанье они ссудили его деньгами и одеждою, а ихъ единовѣрцы Пермской губерніи помогли ему бѣжать изъ одной изъ пересыльныхъ тюремъ.

Ѳедосѣевецъ.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРІЯ КАРЛА РОДБЕРТУСА-ЯГЕЦОВА.

Судьба Родбертуса, какъ писателя, представляетъ собою довольно поучительное и, на первый взглядъ, непонятное явленіе. Ученый, обладавшій огромной и разносторонней эрудиціей, оригинальный и глубокомысленный экономическій писатель—Родбертусъ не удостоился, однако, до самаго послѣдняго времени, нетолько надлежащей оцѣнки со стороны огромнаго большинства своихъ товарищей по наукѣ, но, можно сказать, совершенно игнорировался ими. «Конечно, говоритъ берлинскій профессоръ Ад. Вагнеръ:—каждому экономисту въ Германіи извѣстно имя Родбертуса и названіе главныхъ его сочиненій, о содержаніи которыхъ каждый экономистъ также имѣетъ хоть приблизительное понятіе» [1]. Но дѣло въ томъ, что Родбертусъ не принадлежалъ къ числу писателей, по отношенію къ которымъ можно было бы довольствоваться «приблизительнымъ понятіемъ о содержаніи ихъ сочиненій». Съ самыхъ первыхъ шаговъ своихъ въ экономической литературѣ Родбертусъ явился не популяризаторомъ ученій господствующей школы, даже не комментаторомъ того или другого новаго писателя. Онъ былъ оригинальнымъ мыслителемъ, пролагавшимъ новые пути въ области науки, одинъ изъ первыхъ серьёзныхъ критиковъ классической экономіи. Чтобы понять роль и значеніе его теорій въ исторіи политической экономіи — необходимо было ознакомиться съ ними изъ первыхъ источниковъ, т. е. изъ его сочиненій. Въ особенности слѣдовало сдѣлать это нѣмецкимъ экономистамъ, главное достоинство которыхъ заключается, какъ извѣстно, въ добросовѣстной и полной «Bücherkenntniss». Однако, они довольствовались «приблизительнымъ» понятіемъ объ ученіяхъ Родбертуса, да и этимъ, болѣе чѣмъ поверхностнымъ, знаніемъ дѣлились съ публикой весьма неохотно. Д-ръ Гумпловицъ, въ своемъ «Rechts-Staat und Sozialismus» не безъ

[1] См. статьи Ад. Вагнера въ «Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft», 1878 года, erstes u. zweites Heft; «Einiges von und über Rodbertus-Jagetzow».

основанія, быть можетъ, упрекаетъ нѣмецкихъ ученыхъ въ томъ, что «многіе изъ нихъ умышленно обходили молчаніемъ этого выдающагося экономиста».

Такъ продолжалось долго, очень долго, едва ли не до начала семидесятыхъ годовъ, когда отношеніе къ Родбертусу, по крайней мѣрѣ, части нѣмецкихъ экономистовъ радикально измѣнилось. Съ нимъ вошли въ сношенія и старались привлечь его къ своему «соціально-политическому» союзу такъ-называемые катедеръ-соціалисты; о немъ заговорили, какъ о «самомъ оригинальномъ представителѣ экономическаго соціализма», какъ о писателѣ, «стоящемъ выше Лассаля, Маркса и Энгельса». Такъ отзывается о немъ, напримѣръ, уже цитированный нами Ад. Вагнеръ. Разумѣется, похвальные отзывы о писателѣ, подобномъ Родбертусу, не заключали бы въ себѣ ничего удивительнаго, еслибы дѣло не осложнилось нѣсколькими, довольно характерными обстоятельствами.

Во-первыхъ, странно встрѣчать горячихъ поклонниковъ Родбертуса въ средѣ молодого поколѣнія той самой школы, «отцы» которой болѣе всего заслужили упрекъ въ «умышленномъ игнорированіи» его ученій. Ад. Вагнеръ и его сотоварищи по Эйзенахскому союзу, превозносятъ того самаго экономиста, на котораго Рошеръ и Карлъ Книсъ почти не обращали вниманія. Но это было бы, какъ говорится, полбѣды, еслибы въ научномъ міросозерцаніи катедеръ-соціалистовъ теоріямъ Родбертуса дѣйствительно отводилось сколько-нибудь видное мѣсто. На дѣлѣ же оказывается, что отличительною чертою подобныхъ Ад. Вагнеру поклонниковъ «нѣмецкаго Рикардо» является полное ихъ несогласіе съ ученіями послѣдняго. Сочиняемые ими панегирики Родбертусу нисколько не мѣшаютъ имъ исповѣдывать теоріи, не имѣющія ничего общаго съ его ученіемъ. Это отлично сознавалъ и самъ Родбертусъ, рѣшительно отказавшійся пристать къ Эйзенахскому союзу катедеръ-соціалистовъ. «Я убѣжденъ, писалъ онъ къ тому же Ад. Вагнеру:—что изъ Эйзенаха ничего не выйдетъ, ромашкой нельзя даже облегчить, нетолько излечить соціальнаго вопроса»... Не смущаясь такимъ строгимъ приговоромъ «оригинальнѣйшаго представителя экономическаго соціализма», члены Эйзенахскаго союза продолжали и продолжаютъ выдавать себя за горячихъ его поклонниковъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда заходитъ рѣчь о сравнительной оцѣнкѣ Родбертуса—съ одной стороны и Карла Маркса—съ другой.

Съ тѣмъ же рвеніемъ превозносятъ Родбертуса насчетъ Маркса и такъ называемые «соціальные-консерваторы» (social-conservativen), въ родѣ Рудольфа Мейера, довольно извѣстнаго въ Гер-

маніи автора книги о «Борьбѣ четвертаго сословія за свое освобожденіе».

Незнакомому съ дѣломъ могло показаться, что теоріи Родбертуса представляютъ собою послѣднее «трезвенное слово» буржуазно-юнкерской экономіи, слово, облеченное въ ярко-демократическій нарядъ и потому оцѣненное по достоинству лишь въ наше время—заигрыванія съ народомъ даже самыхъ закоснѣлыхъ консерваторовъ. Однако, такое предположеніе было бы совершенно ошибочно, такъ какъ причину странной перемѣны въ отношеніи къ Родбертусу консервативныхъ и буржуазныхъ писателей нужно искать не во внутреннемъ достоинствѣ его теорій. Она лежитъ въ исторіи борьбы различныхъ классовъ европейскаго общества, имѣвшей такое огромное вліяніе на развитіе экономическихъ ученій. Различныя перипетіи этой борьбы отразились на литературной судьбѣ Родбертуса и обусловливали то или другое отношеніе къ нему его ученыхъ современниковъ изъ среды «охранителей». Дѣло въ томъ, что Родбертусъ съ полнымъ основаніемъ можетъ быть причисленъ къ той блестящей, хотя и немногочисленной, фалангѣ экономистовъ, которая украшается именами Маркса, Энгельса и Лассаля. Почти одновременно съ двумя первыми изъ названныхъ писателей выступилъ онъ на поприще экономической литературы, и такъ же, какъ они, посвятилъ свои силы изученію вопроса о положеніи и роли труда въ современномъ обществѣ. Правда, «практическія предложенія» его далеко не были такъ радикальны, какъ стремленія Маркса и Энгельса. Но теоретическія основы этихъ «предложеній» сильно противорѣчили ученіямъ господствовавшихъ школъ и весьма близко подходили къ ученіямъ крайнихъ партій. Лѣтъ двадцать почти тому назадъ, одного этого было достаточно, чтобы вызвать негодованіе и высокомѣрное презрѣніе патентованныхъ экономистовъ. Родбертуса «замалчивали» тогда, какъ опаснаго и легкомысленнаго новатора.

Не такъ обстоитъ дѣло теперь. Уже со второй половины сороковыхъ годовъ сдѣлавшееся замѣтнымъ новое направленіе въ экономической наукѣ окончательно сложилось нынѣ въ стройную систему, самымъ полнымъ выраженіемъ которой служитъ «Капиталъ». Авторъ его оказался вооруженнымъ такимъ громаднымъ количествомъ данныхъ, обнаружилъ такую колоссальную ученость, что волей-неволей приходилось съ нимъ считаться. Но Марксъ, какъ извѣстно, не останавливался на «критикѣ политической экономіи». Послѣдовательный до конца, онъ взялся за практическую дѣятельность и обнаружилъ при томъ такія непріятныя для буржуазіи наклонности, что Родбертусъ, несмотря

на свою ученую ересь, явился просто агнцемъ въ сравненіи съ этимъ безпокойнымъ человѣкомъ. Кромѣ того, и среда, къ которой обращались Марксъ и его послѣдовали, къ концу шестидесятыхъ годовъ стала гораздо болѣе воспріимчивой къ ихъ проповѣди, чѣмъ была она до февральской революціи. Движеніе западно-европейскаго рабочаго класса принимало все болѣе и болѣе грозный характеръ. Не дождавшись отъ буржуазіи облегченія своего положенія, пролетаріи пришли къ тому убѣжденію, что «освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ». Понятно, что «самопомощь», къ которой стремились теперь рабочіе, не имѣла ничего общаго съ «самопомощью», рекомендованной имъ, напримѣръ, Шульце-Деличемъ. Тогда-то вспомнили буржуазные экономисты, что гдѣ-то въ Помераніи проживаетъ, въ своемъ имѣніи, ученый, держащійся такихъ же, повидимому, какъ и Марксъ, научныхъ воззрѣній, но отличающійся гораздо болѣе смирнымъ нравомъ. Особенно привлекательнымъ казалось для почтенныхъ ученыхъ то обстоятельство, что въ политикѣ Родбертусъ нетолько не раздѣлялъ воззрѣній Маркса или Лассаля, но и прямо объявлялъ себя консерваторомъ. Понятно, что въ томъ затруднительномъ положеніи, въ которое поставилъ экономистовъ авторъ «Капитала», Родбертусъ представлялъ для нихъ настоящую находку. Онъ являлся противоядіемъ, весьма полезнымъ для рабочихъ, зараженныхъ «лжеученіями» Маркса. Окончательнаго излеченія теоріи Родбертуса, конечно, принести имъ не могли, потому что, въ сравненіи съ «любезновѣрными» бисмарковскому режиму катедеръ-соціалистами, Родбертусъ все-таки, говоря его собственными словами, являлся «черною еритическою душою». Но упомянутый выше консерватизмъ Родбертуса, считавшаго вредной всякую политическую самодѣятельность рабочаго класса, дѣлалъ его гораздо менѣе опаснымъ для буржуазіи, чѣмъ Маркса и его послѣдователей. Кромѣ того, Родбертусъ, какъ это видно изъ переписки его съ Лассалемъ, полагалъ, что окончательное осуществленіе его теорій возможно не ранѣе... пятисотъ лѣтъ. Дѣло откладывалось, слѣдовательно, въ такой долгій ящикъ, что ученая «ересь» нашего автора утрачивала не малую долю своего практическаго значенія. Оставались лишь ближайшія требованія Родбертуса, представлявшія собою самую слабую часть его воззрѣній, и тѣмъ охотнѣе выдвигавшіяся на первый планъ буржуазными экономистами, чѣмъ меньше нужно было остроумія для обнаруженія ихъ несостоятельности.

Такимъ образомъ Родбертусъ являлся меньшимъ изъ двухъ почти неизбѣжныхъ въ настоящее время на Западѣ золъ. И несомнѣнно, что именно этому стеченію обстоятельствъ обязанъ онъ

тѣмъ вниманіемъ, которое стали оказывать ему теперь катедеръ-соціалисты. Тому, кто назвалъ бы наше объясненіе невѣроятнымъ, мы напомнимъ пріемъ, оказанный книгѣ Кэри со стороны нѣмецкихъ «манчестерцевъ». Автору ея прощалось пристрастіе его къ покровительственному тарифу, пристрастіе, составляющее, какъ извѣстно, смертный грѣхъ въ глазахъ «манчестерцевъ». Его провозгласили великимъ экономистомъ, единственно во вниманіе къ заслугамъ его по измышленію новаго закона заработной платы, отличающагося весьма успокоительными свойствами.

Вообще, западно-европейскіе буржуазные экономисты находятся теперь далеко не въ такомъ положеніи, чтобы ихъ могла интересовать та или другая теорія *an und für sich*. Рѣшающее значеніе имѣютъ въ ихъ глазахъ практическія стремленія авторовъ этихъ теорій и прежде всего, разумѣется, вопросъ о политической самодѣятельности рабочихъ классовъ. Писатель, выступающій противъ организаціи рабочихъ въ особую политическую партію, навѣрное пріобрѣтетъ симпатіи буржуазныхъ экономистовъ, какими бы теоретическими соображеніями онъ при этомъ ни руководствовался.

Но если восторженные отзывы Ад. Вагнера о Родбертусѣ вызываются побужденіями, имѣющими очень мало общаго съ наукой, то это не уменьшаетъ заслугъ самого Родбертуса и не мѣшаетъ ему занимать одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ среди экономическихъ писателей XIX вѣка. Ставить его «выше Маркса и Энгельса», конечно, невозможно. Ученіе его не можетъ быть поставлено даже рядомъ съ ученіемъ этихъ послѣднихъ. Невѣрно также и то, что Родбертусъ, будто бы, *ранѣе* Маркса и Энгельса высказалъ тѣ положенія, которыя легли потомъ въ основу «капитала». Первое сочиненіе Родбертуса, «*Zur Erkenntniss unsrer staatswirthschaftlichen Zustände*», появилось въ 1842 году. Менѣе, чѣмъ черезъ два года послѣ этого, начали выходить въ Парижѣ «Deutsch-französische Jahrbücher», издававшіяся Арнольдомъ Руге и Карломъ Марксомъ. Печатавшіяся въ этомъ изданіи статьи Маркса и Энгельса вовсе не были повтореніемъ мыслей, высказанныхъ въ 1842 году Родбертусомъ. Въ нихъ выражались, напротивъ, самостоятельныя воззрѣнія ихъ авторовъ, во многихъ случаяхъ несогласныя съ ученіемъ Родбертуса. Мы не говоримъ уже о книгѣ Энгельса «Lage der arbeitenden Klassen in England» (1845), о «Misère de la philosophie» (1847) Маркса и другихъ сочиненіяхъ, въ которыхъ экономическая теорія означенныхъ авторовъ является уже въ совершенно законченномъ видѣ. Факты не позволяютъ, слѣдовательно, утверждать, что авторъ «Капитала» заимствовалъ основныя свои

положенія у Родбертуса. Они показываютъ, что Родбертусъ, Марксъ и Энгельсъ одновременно выступили на литературное поприще, и что первый изъ названныхъ писателей съ одной стороны, Энгельсъ и Марксъ—съ другой, уже съ начала сороковыхъ годовъ держались самостоятельныхъ, имѣвшихъ, правда, много общаго, но во многомъ и расходившихся теорій.

Но, оставляя въ сторонѣ излишнія притязанія, къ которымъ былъ склоненъ иногда и самъ Родбертусъ, [1] за нимъ все-таки, повторяемъ, нужно признать огромныя заслуги въ экономической наукѣ. Сочиненія его должны возбуждать тѣмъ бо́льшій интересъ всякаго безпристрастнаго человѣка, чѣмъ болѣе склонности къ злоупотребленію его именемъ обнаруживаютъ люди той или другой партіи. Ученіе его сохранило весь свой интересъ до настоящаго времени, такъ какъ многія положенія, общія ему съ Марксомъ и Энгельсомъ, и понынѣ еще вызываютъ ожесточенныя нападки буржуазныхъ экономистовъ. Еще бо́льшее значеніе имѣютъ его сочиненія для тѣхъ, кто пожелалъ бы ознакомиться съ исторіей экономическихъ ученій во второй половинѣ XIX столѣтія. Сравнительная оцѣнка теорій Родбертуса съ одной стороны и ученій «историко-реалистической школы»—съ другой, какъ нельзя болѣе ясно показываетъ, кто внесъ дѣйствительно новый вкладъ въ науку и кто ограничился пережевываніемъ, перекраиваніемъ и даже порчей оставшагося отъ экономистовъ-классиковъ наслѣдства.

Въ виду этого нельзя не порадоваться предпріятію гг. Невскаго и Тарасова, взявшихъ на себя переводъ историко-экономическихъ изслѣдованій Родбертуса. Съ своей стороны, мы считаемъ не лишнимъ представить читателимъ изложеніе экономической доктрины этого замѣчательнаго писателя.

I.

Прежде чѣмъ перейти къ экономическому ученію Родбертуса, мы позволимъ себѣ остановить вниманіе читателя на его жизни и практической дѣятельности. На это потребуется тѣмъ менѣе времени, что, во-первыхъ, сколько-нибудь полной его біографіи до сихъ поръ не существуетъ, а во-вторыхъ, бо́льшая часть жизни Родбертуса протекла въ мирной тиши ученаго кабинета, вдали отъ политическихъ тревогъ и волненій. Естественно,

[1] «Вы увидите, говоритъ онъ въ одномъ изъ писемъ къ Вагнеру:—что уже съ 1842 года я неизмѣнно держусь однихъ и тѣхъ же воззрѣній, и что другіе, какъ напримѣръ, Марксъ, натолкнулись на многое изъ того, что уже раньше было напечатано мною».

поэтому, что біографія Родбертуса и не могла бы возбуждать въ читателѣ того живого интереса, который вызывается одной какой-нибудь «Страницей изъ жизни Лассаля».

Карлъ Родбертусъ-Ягецовъ родился въ 1805 году въ Помераніи, учился сначала во Фридландѣ, потомъ въ Гётингенѣ, и въ 1827 году, окончивши университетскій курсъ, поступилъ на службу. Но уже въ началѣ тридцатыхъ годовъ онъ вышелъ въ отставку и всецѣло посвятилъ себя научнымъ занятіямъ, обращая главное вниманіе на политическую экономію и родственныя ей отрасли общественной науки. Первымъ плодомъ этихъ занятій было упомянутое уже сочиненіе Родбертуса «Zur Erkenntniss unsrer staatswirthsch. Zustände». Въ этомъ изслѣдованіи міросозерцаніе его, какъ экономиста, является уже въ совершенно законченномъ видѣ. Въ послѣдующихъ своихъ сочиненіяхъ Родбертусъ лишь дополнялъ и развивалъ тѣ положенія, которыя легли въ основу его перваго труда. Въ томъ видѣ, въ какомъ книга эта вышла въ свѣтъ, она представляетъ собою лишь первый выпускъ («erstes Heft») сочиненія, посвященнаго вопросу о «несовершенствахъ современныхъ общественно-экономическихъ отношеній» и о способахъ устраненія этихъ «несовершенствъ». «Я старался, говоритъ онъ въ предисловіи:—доказать въ этомъ первомъ выпускѣ нѣкоторыя абстрактныя положенія, стоящія въ противорѣчіи съ ходячими воззрѣніями, но представляющія собою необходимую теоретическую основу для моихъ практическихъ предложеній». Революціонная буря 1848 года помѣшала, однако, продолженію этого труда нашего автора и выдвинула его на политическую арену. Оригинальный, смѣлый и послѣдовательный мыслитель, онъ оказался, однако, плохимъ практическимъ дѣятелемъ, и нетолько не пріобрѣлъ сильнаго вліянія на политическую жизнь своей родины, но даже не выработалъ себѣ, повидимому, сколько-нибудь опредѣленной программы. Въ періодъ самой горячей борьбы партій, когда каждая изъ нихъ стремилась повернуть ходъ событій по своему, Родбертусъ находился въ какомъ-то нерѣшительномъ состояніи, не защищалъ стараго, но и не боролся за торжество новаго. Мы сказали уже выше, что Родбертусъ называлъ себя консерваторомъ, но, строго говоря, опредѣленіе это не совсѣмъ точно. Воззрѣнія его, какъ практическаго дѣятеля, представляли собою оригинальную амальгаму экономическаго радикализма и политическаго консерватизма. «Мы переживаемъ теперь такую фазу историческаго развитія, въ которой радикализмъ и консерватизмъ... нисколько не противорѣчатъ другъ другу»—писалъ онъ въ 1851 году, когда опытъ только-что пережитого Европой революціоннаго движенія оста-

вался еще совершенно свѣжимъ въ его памяти. Исходя изъ этого убѣжденія, онъ всегда смотрѣлъ на рѣшеніе соціальнаго вопроса, какъ на важнѣйшую задачу осмысленнаго консерватизма. «Если подъ консерватизмомъ понимать охраненіе совершенно уже истлѣвшаго либеральнаго или анти-либеральнаго тряпья, то нѣтъ ничего анти-консервативнѣе соціальнаго вопроса—писалъ онъ въ началѣ семидесятыхъ годовъ.—Но если подъ консерватизмомъ разумѣть усиленіе монархической государственной власти, мирныя реформы, примиреніе общественныхъ классовъ подъ эгидой и на основаніи лучезарнаго «*suum cuique*», то нѣтъ ничего болѣе консервативнаго, чѣмъ соціальный вопросъ». Такой взглядъ на способы рѣшенія соціальнаго вопроса всегда отталкивалъ Родбертуса отъ крайнихъ демократическихъ партій. Но такъ какъ въ 48 году реакціонеры не додумались еще до бисмарковскаго заигрыванія съ рабочими классами, то и съ ихъ стороны онъ не могъ встрѣтить хотя бы притворно радушнаго пріема [1].

Когда учредительное собраніе въ Берлинѣ отклонило предложенный правительствомъ проэктъ конституціи, и тогдашній министръ-президентъ Кампгаузенъ принужденъ былъ подать въ отставку, Родбертусъ попалъ-было даже въ министры. Но въ этомъ званіи онъ оставался всего двѣ недѣли, убѣдившись вѣроятно, что «suum cuique» руководящихъ сферъ не совсѣмъ соотвѣтствовало его понятіямъ о справедливости. Въ слѣдующемъ году онъ снова былъ выбранъ депутатомъ въ Трирскомъ округѣ и въ Берлинѣ, одновременно. На этотъ разъ онъ примкнулъ къ оппозиціи, что и дало, вѣроятно, поводъ нѣкоторымъ историкамъ, какъ напримѣръ, Лоренцу, поставить его рядомъ съ Якоби и другими «демократическими вожаками». Впрочемъ, Родбертусъ не долго пробылъ и въ рядахъ оппозиціи. Отказавшись отъ политической дѣятельности, онъ поселился въ своемъ померанскомъ имѣніи, Ягецовъ, и сталъ дѣлить свое время лишь между сельскимъ хозяйствомъ и научными занятіями. Въ 1850 году онъ уже началъ изданіе своего новаго сочиненія, «Соціальныхъ писемъ къ Кирхману» (Sociale Briefe an von-Kirchmann). Поводомъ къ появленію этихъ писемъ послужили экономическія статьи фон-Кирхмана въ «Democratischen Blättern» 1849 года. Проникнутый симпатіями къ низшимъ классамъ общества, хорошо знакомый съ экономической литературой, фон-Кирхманъ производилъ тѣмъ болѣе сильное впечатлѣніе на своихъ чита-

[1] «Въ 1848 году—говоритъ онъ самъ въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Рудольфу Мейеру—меня считали то за реакціонера, то за краснаго» (einen Blutrothen).

телей, что статьи его отличались живымъ и легкимъ изложеніемъ. Но хотя онъ съумѣлъ стать въ критическое отношеніе ко многимъ догматамъ современной ему экономической науки, однако, въ воззрѣніяхъ его не было послѣдовательности и строгой систематичности, необходимыхъ для того, чтобы пролить новый свѣтъ на «несовершенства» общественно-экономическаго строя. По примѣру многихъ и многихъ писателей, міросозерцаніе которыхъ сложилось подъ вліяніемъ борьбы различныхъ привилегированныхъ слоевъ общества за свое исключительное преобладаніе, фон-Кирхманъ нападалъ на «монополію» въ нѣкоторыхъ изъ ея проявленій, беря подъ свою защиту другіе виды той же самой «монополіи». Такъ, напримѣръ, онъ становился въ очень рѣзкое отношеніе къ поземельнымъ собственникамъ и «капиталистамъ», т. е. людямъ, доходъ которыхъ образуется изъ процентовъ съ отданнаго взаймы денежнаго капитала. По его мнѣнію, эти способы полученія дохода, безъ всякаго труда, были главной причиной бо̀льшей части общественныхъ бѣдствій настоящаго времени. Фон-Кирхманъ совершенно упускалъ изъ виду, что прибыль предпринимателя представляетъ собою такой же неоплаченный трудъ работника, какъ и поземельная рента или процентъ на денежный капиталъ. Отвѣтомъ на эти статьи фон-Кирхмана и явились «*Соціальныя письма*» Родбертуса, въ которыхъ послѣдній «противопоставилъ взглядамъ Кирхмана и другихъ писателей свою собственную теорію» ренты и промышленныхъ кризисовъ. «*Sociale Briefe an von Kirchmann*», вышедшія въ 1850—51 годахъ, содержатъ уже болѣе полное и подробное изложеніе экономическаго ученія Родбертуса, чѣмъ первый трудъ его «Zur Erkenntniss etc». Вмѣстѣ съ тѣмъ, они являются послѣднимъ сочиненіемъ нашего автора, посвященнымъ общимъ вопросамъ народнаго хозяйства. Правда, нѣмецкая литература обогатилась съ тѣхъ поръ еще не однимъ трудомъ, вышедшимъ изъ подъ пера Родбертуса. Но это были спеціальныя сочиненія, посвященныя частнымъ, практическимъ вопросамъ и лишь мимоходомъ затрогивавшія основныя теоремы экономической науки. Къ этой категоріи относятся изслѣдованія Родбертуса о поземельномъ кредитѣ, изъ которыхъ главное, «*Zur Erklärung und Abhülfe der heutigen Kreditnoth des Grundbesitzes*», вышло въ 1869 году, въ Іенѣ. Къ тому же періоду литературной дѣятельности нашего автора относятся двѣ небольшія брошюры его по рабочему вопросу. Когда Лассаль началъ свою агитацію въ средѣ нѣмецкихъ рабочихъ, комитетъ «Рабочаго союза» обратился къ автору «*Соціальныхъ писемъ*» съ просьбой вступить въ возникающую организацію или, по

крайней мѣрѣ, помочь ей совѣтами и указаніями. Лассаль съ самымъ горячимъ сочувствіемъ относился къ мысли привлечь на сторону «Союза» Родбертуса, «Письма» котораго онъ—по его собственнымъ словамъ—прочелъ еще въ 1853 году «съ величайшимъ вниманіемъ». Родбертусъ уступилъ письменнымъ настояніямъ Лассаля и переслалъ ему для напечатанія свое «*Открытое письмо комитету нѣмецкаго рабочаго союза*», которое и появилось въ 1863 году, въ Лейпцигѣ. Но желаннаго Лассалемъ полнаго соглашенія между нимъ и Родбертусомъ все-таки не произошло. Послѣдній не принялъ активнаго участія въ начинавшемся рабочемъ движеніи и, несмотря на неоднократныя просьбы Лассаля, не явился даже ни на одномъ рабочемъ собраніи. Родбертуса смущала выработанная Лассалемъ программа союза, въ которой требованіе всеобщаго избирательнаго права занимало первое мѣсто. Лассаль добивался его, какъ извѣстно, съ цѣлью образованія особой политической партіи рабочихъ, что, какъ мы уже сказали выше, казалось Родбертусу нетолько излишнимъ, но даже и вреднымъ. Это и былъ важнѣйшій пунктъ разногласія, о который разбились всѣ стремленія этихъ замѣчательныхъ людей къ взаимному сближенію.

Съ бо̀льшимъ сочувствіемъ отнесся Родбертусъ къ «соціально-консервативному» изданію «Berliner Revue», издававшемуся Рудольфомъ Мейеромъ. Родбертусъ не отказался сотрудничать въ немъ и написалъ для него нѣсколько статей. Самою интересною изъ нихъ является статья «О нормальномъ рабочемъ днѣ», вышедшая въ 1871 году отдѣльной брошюрой. Родбертусъ излагаетъ въ ней, подробнѣе, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ своемъ сочиненіи, «практическія предложенія» свои, для которыхъ главные труды его являлись лишь «необходимой теоретической основой». Онъ доказываетъ въ ней необходимость такихъ законодательныхъ постановленій, которыя позволили бы рабочимъ «воспользоваться увеличеніемъ производительности національнаго труда», не нарушая въ то же время «правъ поземельныхъ собственниковъ и капиталистовъ». Для оцѣнки экономической доктрины нашего автора брошюра эта имѣетъ очень важное значеніе. Намъ придется, поэтому, еще неоднократно возвращаться къ ней въ нашемъ дальнѣйшемъ изложеніи. Теперь же мы скажемъ нѣсколько словъ о другого рода работахъ Родбертуса, тѣсно связанныхъ съ экономическими его изслѣдованіями.

Какъ увидитъ читатель изъ слѣдующихъ главъ нашей статьи, одною изъ характернѣйшихъ особенностей ученія Родбертуса было убѣжденіе его въ томъ, что существующія нынѣ формы общественно-экономическихъ отношеній нельзя разсматривать

какъ постоянныя и неизмѣнныя, возникшія съ первыхъ же шаговъ экономической дѣятельности человѣка и безусловно для нея необходимыя. Свойственный капиталистическому обществу способъ производства, обмѣна и распредѣленія представлялся ему не болѣе, какъ «*исторической категоріей*», созданной экономической необходимостью и носящей въ самой себѣ задатки дальнѣйшаго своего развитія и преобразованія. Естественно было, поэтому, что изслѣдованія Родбертуса не ограничивались экономической жизнью современнаго общества. Ему необходимо было обратиться къ изученію исторіи, чтобы открыть въ ней законы, подъ вліяніемъ которыхъ совершаются образованіе и смѣна общественно-экономическихъ формацій. И онъ нетолько хорошо ознакомился съ экономической исторіей цивилизованныхъ народовъ, но и внесъ нѣсколько цѣнныхъ вкладовъ въ литературу этого предмета. Съ 1864 года онъ сталъ помѣщать свои изслѣдованія по политической экономіи классической древности въ «Jahrbücher für National-Oekonomie und Statistik», издававшихся Бруно Гильдебрандомъ. Первымъ изъ этихъ историко-экономическихъ трудовъ Родбертуса былъ переведенный нынѣ на русскій языкъ опытъ объ «адскрипціяхъ, инквилинахъ и колонахъ». За нимъ послѣдовали статьи «объ исторіи римскаго трибута со временъ Августа», о «стоимости денегъ въ древнемъ мірѣ» и т. д. И хотя работы этого рода далеко не составляютъ главной ученой заслуги Родбертуса, но историки оказались болѣе внимательными къ трудамъ непринадлежавшаго къ ихъ цеху писателя, чѣмъ экономисты. Историческія изслѣдованія Родбертуса еще при жизни его обратили на себя серьёзное вниманіе спеціалистовъ. По словамъ Ад. Вагнера, изслѣдованія эти «высоко цѣнятся историками спеціалистами. Хотя нѣкоторыя его заключенія, напримѣръ, по вопросу о возникновеніи колоната, до сихъ поръ еще подвергаются оспариванію, но даже тѣ, которые пришли по этому вопросу къ другимъ выводамъ, относятся къ трудамъ его съ величайшимъ уваженіемъ. Даже такой выдающійся знатокъ римскихъ древностей, какъ Л. Фридлэндеръ, сознается, что ему, въ его изслѣдованіяхъ о римскомъ народонаселеніи, оказали существенную услугу подробныя письменныя указанія Родбертуса». Ад. Вагнеръ совершенно вѣрно прибавляетъ, что Родбертусъ имѣлъ «почти передъ всѣми безъ исключенія историками и филологами огромное преимущество, заключавшееся въ основательномъ знакомствѣ съ политической экономіей и сельско-хозяйственной техникой». Благодаря своимъ обширнымъ экономическимъ познаніямъ, онъ умѣлъ поставить изучаемое имъ историческое явленіе на реальную почву разви-

тія общественнаго хозяйства. Такимъ образомъ, онъ сразу выходилъ изъ заколдованнаго круга туманныхъ гипотезъ о «народномъ духѣ» и вліяніи этого «духа» на политическую и правовую исторію общества. Для примѣра, сошлемся на вопросъ о причинахъ перехода рабства въ ту форму зависимости, которая извѣстна подъ именемъ крѣпостничества. Извѣстно, что вопросъ этотъ давно уже привлекалъ къ себѣ вниманіе историковъ, причемъ одни приписывали названный переходъ вліянію христіанства, другіе апеллировали къ особымъ свойствамъ «германскаго духа». Первымъ противорѣчили несомнѣнные историческіе факты [1], вторые ничѣмъ не могли подтвердить свою мысль. Родбертусъ взглянулъ на дѣло съ точки зрѣнія экономической, и оно, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ римскимъ хозяйственнымъ условіямъ — представилось въ совершенно ясномъ свѣтѣ. Въ своемъ изслѣдованіи объ «адскрипціяхъ, инквилинахъ и колонахъ» онъ показалъ, что «для интенсивнаго, отличнаго римскаго способа обработки полей необходима была непосредственная выгода самого воздѣлывателя, а отсюда—участіе владѣльца и, вслѣдствіе этого, только мелкое хозяйство». При нашихъ теперешнихъ общественныхъ условіяхъ, это повело бы къ образованію свободнаго класса арендаторовъ мелкихъ участковъ, съ платою аренды деньгами. «Но однихъ вольно-отпущенниковъ было недостаточно для образованія такого класса, да къ тому же существовали уже кромѣ того рабы, которые приставлены были къ лавкамъ и мелочнымъ лавочкамъ на условіяхъ, аналогичныхъ съ полевыми институрами. Что же касается денежной аренды, то, повидимому, и начато было съ нея; но по тѣмъ же причинамъ, которыя лежали въ общихъ условіяхъ древняго натуральнаго ховяйства, и вслѣдствіе обезцѣненія денегъ, отъ нея должны были отказаться. Словомъ, мелкое хозяйство и мелкая аренда, вынужденныя обстоятельствами, видоизмѣнились подъ вліяніемъ существовавшихъ условій такъ, что въ арендаторы брались главнѣйшимъ образомъ рабы и аренда уплачивалась при этомъ натурой». Затѣмъ, подъ вліяніемъ государственныхъ потребностей, «законодательство прикрѣпило колоновъ къ землѣ» и рабы-арендоторы превратились въ крѣпостныхъ, платившихъ, «вмѣсто прежней произвольной аренды, только канонъ» [2].

Это изслѣдованіе Родбертуса показываетъ, что и рѣшеніе бо-

---

[1] Ср. Histoire de l'esclavage ancien et moderne par A. Tourmagne, главу III, пятой книги (Le christianisme a-t-il détruit l'esclavage?), а также F. Laurent. «La féodalité et l'eglise», главу—«Affranchissement des serfs».

[2] См. «Изслѣдованія въ области національной экономіи классической древности». Выпускъ первый, стр. 15, 34—35.

лѣе общаго вопроса о причинахъ исчезновенія рабства—и замѣны его крѣпостною зависимостью—въ средневѣковой Европѣ, можетъ быть найдено лишь въ хозяйственныхъ условіяхъ того времени. И въ этомъ смыслѣ «Изслѣдованія въ области національной экономіи классической древности» имѣютъ большое философско-историческое значеніе.

Но если до сихъ поръ рѣдки экономисты, разсматривающіе хозяйственный строй современной Европы, какъ преходящую «историческую категорію», то нужно сознаться, что еще рѣже историки, отводящіе экономическому фактору надлежащее мѣсто въ своихъ обобщеніяхъ. Неудивительно, поэтому, что интересъ, возбужденный историческими изслѣдованіями Родбертуса въ средѣ спеціалистовъ, ограничивался предѣлами того или другого изъ разработанныхъ имъ вопросовъ. Его оригинальные философско-историческіе взгляды, по свидѣтельству того же Ад. Вагнера—«обратили на себя гораздо менѣе вниманія», а «*еще того менѣе*» встрѣтили они согласія и одобренія.

Сотрудничество Родбертуса въ Гильдебрандовскихъ «Jahrbücher» продолжалось до 1874 года, къ которому относится послѣднее напечатанное историческое его изслѣдованіе «Bedenken gegen den von den Topographen Rom's angenommenen Tract der Aurelianischen Mauer». Исторія не отвлекла его, однако, отъ главнаго предмета его занятій—общихъ вопросовъ политической экономіи. Въ 1875 году вышло новое изданіе двухъ послѣднихъ «*Писемъ*» его къ Кирхману. Въ предисловіи къ этому изданію Родбертусъ говоритъ, что онъ «намѣревался прибавить къ этимъ двумъ письмамъ новый отдѣлъ, который разсматривалъ бы логическую сущность главныхъ національно-экономическихъ понятій въ различныхъ историческихъ, одна другую смѣняющихъ формахъ ихъ развитія».

Въ этомъ отдѣлѣ, онъ имѣлъ въ виду «провести рѣзкую черту различія между логическими и историческими категоріями во всѣхъ частяхъ экономической науки, главнымъ же образомъ въ ученіи о капиталѣ». Но ему не удалось исполнить это намѣреніе. «Продолжительная болѣзнь, къ которой присоединилась еще потеря глаза», помѣшала ему докончить этотъ, написанный уже на-черно, отдѣлъ ко времени печатанія второго изданія его «Соціальныхъ писемъ къ Кирхману», а черезъ пять мѣсяцевъ по выходѣ въ свѣтъ этого изданія Родбертуса уже не стало. Онъ скончался въ своемъ имѣніи—Ягецовъ, 6-го декабря 1875 года, отъ воспаленія легкихъ. Одинъ изъ друзей покойнаго, біографъ и издатель фон-Тюнена, Шумахеръ-Цархлинъ взялъ на себя приведеніе въ порядокъ и изданіе оставшагося послѣ него

«литературнаго наслѣдства». А оно оказалось очень цѣннымъ. Въ бумагахъ Родбертуса было найдено введеніе къ «Соціальнымъ письмамъ», написанное для предполагавшагося второго изданія его перваго «Письма», не вошедшаго въ изданіе 1875 года. Почти совершенно оконченнымъ и готовымъ къ печати оказалось новое, четвертое «Письмо», представляющее собою, очевидно, тотъ «новый отдѣлъ», который Родбертусъ считалъ необходимымъ для законченнаго изложенія своихъ воззрѣній. Этому отдѣлу былъ посвященъ послѣдній остатокъ силъ семидесятилѣтняго ученаго. Не далѣе, какъ за двѣ недѣли до своей смерти, Родбертусъ писалъ Ад. Вагнеру, что его «пріѣздъ въ Берлинъ замедляется все болѣе и болѣе», такъ какъ онъ «непремѣнно хочетъ окончить» свое продолженіе «Соціальныхъ писемъ къ Кирхману». Изъ другихъ рукописей заслуживаетъ особеннаго интереса не законченное еще изслѣдованіе о распредѣленіи національнаго дохода въ Англіи. Это изслѣдованіе должно было служить иллюстраціей къ ученію Родбертуса о распредѣленіи дохода между различными классами современнаго общества.

Весьма интереснымъ дополненіемъ къ литературнымъ трудамъ Родбертуса можетъ служить переписка его со многими изъ его современниковъ. По замѣчанію Ад. Вагнера, «Родбертусъ былъ однимъ изъ тѣхъ немногихъ, которые пишутъ теперь длинныя ученыя письма». Онъ охотно вступалъ въ переписку со всѣми, обращавшими на себя его вниманіе оригинальностью своихъ воззрѣній или готовностью содѣйствовать осуществленію его «практическихъ предложеній». Мы говорили уже выше, что въ самый горячій періодъ агитаціи Лассаля Родбертусъ состоялъ съ нимъ въ перепискѣ, касавшейся, какъ практической злобы дня, такъ и общихъ вопросовъ экономіи и права. Письма Лассаля къ Родбертусу, найденныя въ бумагахъ послѣдняго, вышли потомъ отдѣльнымъ изданіемъ. Нельзя не пожалѣть, что до сихъ поръ не найдены письма Родбертуса къ Лассалю, и, такимъ образомъ, знакомство наше съ перепискою этихъ двухъ замѣчательныхъ людей остается одностороннимъ. Но за то уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ обнародованы письма Родбертуса къ Ад. Вагнеру и архитектору Петерсу въ Шверинѣ [1]. Въ профессорѣ Вагнерѣ онъ надѣялся, повидимому, встрѣтить экономиста, способнаго

[1] Статья эта была уже окончена, когда появилась въ печати переписка Родбертуса съ Рудольфомъ Мейеромъ, въ видѣ двухъ небольшихъ томиковъ, содержащихъ въ себѣ также нѣкоторыя статьи Родбертуса изъ «Berliner Revue». Намъ придется коснуться этого изданія при оцѣнкѣ «практическихъ предложеній» автора.

усвоить болѣе широкое міросозерцаніе, чѣмъ то, на которомъ остановились молодые отпрыски «историко-реалистической школы»—катедеръ-соціалисты. Впослѣдствіи онъ убѣдился, повидимому, въ неосновательности своихъ ожиданій, какъ объ этомъ можно судить, по крайней мѣрѣ, по письму его къ тому же Ад. Вагнеру отъ 20-го іюня 1872 года. Мы приведемъ отрывокъ изъ этого письма, такъ какъ самъ Ад. Вагнеръ справедливо замѣчаетъ, что «оно характеризуетъ принципіальное отношеніе Родбертуса къ соціальному вопросу». Рѣчь идетъ въ этомъ письмѣ о задуманномъ въ 1872 году планѣ объединенія экономистовъ «антиманчестерскаго» направленія. «Я не могу выразить вамъ—писалъ по этому поводу Родбертусъ—до какой степени счастливою кажется мнѣ мысль объ объединеніи людей науки противъ этого псевдонаучнаго направленія (т. е. «манчестерства»)... Но, признаюсь вамъ, я не думаю, чтобы ваше объединеніе могло и должно было идти дальше единодушнаго протеста противъ манчестерства. Въ соціальномъ вопросѣ вы не согласитесь и не можете согласиться между собою. Въ лучшемъ случаѣ, вы должны будете выработать, чтобы не разойтись, родъ мозаичной программы (eine Art Mosaikprogramm), въ которую каждый положитъ свой камень. Но я думаю, что это имѣло бы свои большія неудобства, и скорѣе усыпило бы, чѣмъ возбудило вниманіе общества». Поэтому Родбертусъ проситъ при выработкѣ программы «обойтись безъ его участія». Онъ прибавляетъ, что участіе повело бы къ взаимнымъ неудовольствіямъ. «При вашемъ благосклонномъ мнѣніи обо мнѣ, вы совершенно упустили изъ виду, какимъ злостнымъ еретикомъ, какою черною національно-экономическою душою являюсь я въ нашей наукѣ... Поэтому многіе приняли бы меня за «Бебеля высшаго сорта», и вы сами были бы, въ концѣ-концовъ, не рады, что связались со мною по поводу соціальнаго вопроса». И дѣйствительно, членамъ Эйзенахскаго союза вообще, а профессору Ад. Вагнеру въ особенности, Родбертусъ былъ далеко не товарищъ. При всемъ своемъ «радикальномъ консерватизмѣ», онъ никогда не сталъ бы провозглашать бисмарковскій способъ рѣшенія рабочаго вопроса квинт-эссенціей соціально-реформаторской мудрости, какъ это дѣлалъ Ад. Вагнеръ во время послѣднихъ выборовъ въ рейхстагъ.

Что касается архитектора Петерса, то онъ заинтересовалъ Родбертуса составленіемъ «Вспомогательныхъ таблицъ» для опредѣленія «нормальнаго рабочаго дня». Таблицы эты имѣли огромное значеніе для «практическихъ предложеній» автора «Соціальныхъ писемъ къ Кирхману», и намъ придется еще коснуться ихъ, равно какъ и возникшей по поводу ихъ переписки, когда

мы будемъ говорить о предложенныхъ Родбертусомъ способахъ рѣшенія соціальнаго вопроса.

Переходя теперь къ изложенію его экономической теоріи, мы напомнимъ читателю, что нашему автору не удалось издать ни одного сочиненія, которое могло бы назваться полнымъ и систематическимъ изложеніемъ его ученія. Намъ придется, поэтому, пользоваться какъ различными литературными произведеніями, такъ и ученою перепиской Родбертуса. При этомъ, мы можемъ не стѣсняться, въ нашемъ изложеніи, соображеніями о времени выхода того или другого изъ его сочиненій. Онъ самъ говорилъ, что во все продолженіе своей учено-литературной дѣятельности онъ неизмѣнно держался однихъ и тѣхъ же политико-экономическихъ воззрѣній.

II.

По основнымъ положеніямъ своей доктрины, Родбертусъ былъ ученикомъ и послѣдователемъ Смита и Рикардо. Во второмъ *«Письмѣ къ Кирхману»* онъ самъ говоритъ, что теорія его «есть лишь послѣдовательный выводъ изъ того—введеннаго въ науку Смитомъ и еще глубже обоснованнаго школой Рикардо—положенія, по которому всѣ *предметы потребленія, съ экономической точки зрѣнія, должны разсматриваться лишь какъ продукты труда, которые ничего, кромѣ труда, не стоютъ»*. Но къ тому времени, когда нашъ авторъ выступилъ на литературное поприще, это основное положеніе классической экономіи далеко не могло назваться общепризнаннымъ въ наукѣ. Съ легкой руки Ж. Б. Сэя возникло и развилось новое ученіе о цѣнности, которое, на мѣсто вполнѣ опредѣленнаго понятія о трудѣ, старалось поставить лишенное всякаго реальнаго содержанія понятіе о «производительныхъ услугахъ», трудъ, затраченный въ производствѣ, смѣшивало съ заработной платой, и т. д., и т. д. Мало-по-малу, въ заложенное Смитомъ и Рикардо зданіе экономической науки нанесена была такая масса всякаго хлама, что невозможно было продолжать постройку этого зданія безъ предварительной, радикальной его очистки. Кромѣ того, и само ученіе школы Смита-Рикардо, въ чистомъ его видѣ, нуждалось въ пересмотрѣ и сообразныхъ съ обстоятельствами времени поправкахъ. Нужно было отдѣлить сущность ученія экономистовъ-классиковъ отъ ихъ второстепенныхъ, болѣе или менѣе случайныхъ, болѣе или менѣе ошибочныхъ, положеній. Нужно было сопоставить ихъ взгляды на вѣроятный исходъ общественнаго развитія съ тѣмъ состояніемъ, въ которомъ находилась Западная Европа въ концѣ

первой половины XIX столѣтія. Чувствовалась потребность подвести итоги всему тому, что̀ выиграло и потеряло общество съ тѣхъ поръ, какъ, освободившись отъ феодальныхъ путъ, оно пошло по пути капиталистическаго развитія. Экономическая наука пришла въ «критическій періодъ» своего развитія. Люди безпристрастные находили, что не все идетъ къ лучшему въ царствѣ «свободной конкурренціи», что невыносимое положеніе рабочихъ классовъ грозитъ цѣлымъ рядомъ революціонныхъ движеній и требуетъ безотлагательнаго принятія самыхъ серьёзныхъ мѣръ. А періодическіе промышленные кризисы, гибельно отражавшіеся на благосостояніи всѣхъ классовъ общества, заставляли задуматься даже тѣхъ, которые изъ-за благоденствія буржуазіи не замѣтили бы бѣдствій пролетаріата. «Недостатки экономическихъ отношеній нашего времени, писалъ Родбертусъ:— признаются теперь всѣми: аристократіей и народомъ, людьми, стремящимися вернуть прошлое, защитниками настоящаго и провозвѣстниками будущаго, тѣми, которые воображаютъ, что наука о народномъ хозяйствѣ достигла уже высшей точки своего развитія, равно какъ и тѣми, которые едва признаютъ ее за науку». Но когда заходила рѣчь о способахъ устраненія этихъ недостатковъ, то различіе интересовъ, положеній и направленій вступало въ свои права и подсказывало весьма различныя, часто діаметрально противоположныя мнѣнія. Между реакціонерами, которые, по словамъ Родбертуса, «искали спасенія въ возвратѣ къ средневѣковымъ отношеніямъ», и тѣми крайними партіями, которыя «хотѣли однимъ скачкомъ перенестись въ общественнй строй, не имѣющій никакихъ точекъ соединенія съ настоящимъ»—располагалось множество оттѣнковъ болѣе умѣреннаго образа мыслей. Нашъ авторъ былъ однимъ изъ первыхъ экономистовъ, пришедшихъ къ тому убѣжденію, что причина этихъ «несовершенствъ» лежитъ въ эксплуатаціи человѣка человѣкомъ, и рѣшившихся искать способовъ къ ея устраненію или, по крайней мѣрѣ, ограниченію. Чуждый того подогрѣтаго оптимизма, который уже въ то время считался однимъ изъ несомнѣннѣйшихъ признаковъ благонамѣренности, Родбертусъ не скрывалъ отъ своихъ читателей ни размѣровъ зла, ни историческаго его значенія. Рѣзкими и смѣлыми штрихами нарисовалъ онъ безотрадную картину современныхъ общественныхъ отношеній. «Пауперизмъ и торговые кризисы, писалъ онъ въ первомъ «Письмѣ къ Кирхману»:—таковы стало-быть жертвы, которыми заплатило общество за свою свободу. Новыя правовыя учрежденія освободили его отъ прежнихъ цѣпей, оно вступило въ обладаніе всѣми своими производительными силами, механика и химія отдали въ

его распоряженіе силы природы, кредитъ подаетъ надежду на устраненіе другихъ препятствій, словомъ, матеріальныя условія, необходимыя для того, чтобы свободное общество сдѣлать также и счастливымъ, находятся на лицо, а между тѣмъ, смотрите, новое бѣдствіе заняло мѣсто стараго безправія. Рабочіе классы, которые приносились прежде въ жертву юридической привилегіи, отданы во власть привилегіи фактической, и эта послѣдняя обращается повременамъ противъ самихъ привилегированныхъ. Пять-шестыхъ націи, благодаря ничтожности своего дохода, нетолько были лишены до сихъ поръ всѣхъ благодѣяній цивилизаціи, но претерпѣвали иногда самыя страшныя бѣдствія нищеты, которая угрожаетъ имъ безпрерывно. А между тѣмъ, они творцы всего общественнаго богатства. Ихъ работа начинается съ восходомъ, кончается только съ закатомъ солнца, часто продолжается и ночью, но никакія усилія съ ихъ стороны не могутъ измѣнить ихъ положенія. Не возвышая своего заработка, они теряютъ послѣдніе остатки времени, которымъ могли бы воспользоваться для своего образованія... Вмѣстѣ съ ростомъ національнаго богатства ростетъ обѣднѣніе рабочихъ классовъ; чтобы воспрепятствовать удлинненію рабочаго дня является надобность въ спеціальныхъ законахъ, наконецъ, численный составъ рабочаго класса увеличивается въ пропорціи бо̀льшей, чѣмъ численность остальныхъ классовъ общества». Какъ человѣкъ, съумѣвшій возвыситься надъ классовыми предразсудками буржуазныхъ экономистовъ, Родбертусъ увидѣлъ, что главною задачей политической экономіи должно быть отнынѣ изысканіе средствъ для облегченія бѣдственнаго положенія пролетаріата. Онъ понялъ, что рабочіе классы, какъ «творцы общественнаго богатства», имѣютъ неоспоримое право на болѣе широкое пользованіе этимъ богатствомъ. «Я согласенъ, продолжаетъ онъ, обрисовавши бѣдственное положеніе «пяти-шестыхъ націи»:—что до настоящаго времени цивилизація нуждалась въ такомъ огромномъ количествѣ бѣдствій для своего пьедестала. Но цѣлый рядъ удивительнѣйшихъ изобрѣтеній, изобрѣтеній, увеличившихъ производительность человѣческаго труда болѣе, чѣмъ во сто разъ— далъ, наконецъ, возможность устранить эту печальную необходимость. Благодаря названнымъ изобрѣтеніямъ, національное богатство увеличивается въ возростающей прогрессіи... Я спрашиваю, можетъ ли существовать болѣе справедливое требованіе, чѣмъ требованіе того, чтобы творцы этого стараго и новаго богатства получили хоть какую-нибудь пользу отъ его увеличенія; чтобы увеличился ихъ доходъ, или сократилась продолжительность ихъ работы, или, наконецъ, чтобы все бо̀льшее число ихъ

переходило въ ряды тѣхъ счастливцевъ, которые пожинаютъ плоды ихъ труда? Но общественное хозяйство приносило до сихъ поръ прямо противоположные результаты».

Констатировавши, такимъ образомъ, что распредѣленіе продуктовъ въ буржуазномъ обществѣ противорѣчитъ «самымъ справедливымъ требованіямъ», Родбертусъ переходитъ къ другому «недостатку» современнаго экономическаго строя—періодически возвращающимся торговымъ кризисамъ.

Если современный способъ распредѣленія гибельно отзывается на благосостояніи рабочихъ, то промышленные кризисы не щадятъ и капиталистовъ. «Они представляютъ собою бичъ, терзающій повременамъ черезчуръ ожирѣвшее тѣло капитала». Но рабочимъ отъ этого, разумѣется, не легче. «Болѣзнь охватываетъ весь общественный организмъ и въ особенности поражаетъ тѣ классы общества, которые менѣе всего могутъ назваться ея виновниками. Тогда выступаетъ на сцену нелѣпое явленіе: магазины оказываются переполненными товарами въ то время, когда рабочіе терпятъ самую страшную нужду. Тогда соединяются вещи, повидимому, совершенно несоединимыя».

Торговые кризисы самымъ тѣснымъ образомъ связаны, по мнѣнію Родбертуса, съ пауперизмомъ, а этотъ послѣдній является слѣдствіемъ того закона заработной платы, который, подъ именемъ «желѣзнаго закона Лассаля», надѣлалъ столько шуму въ нѣмецкой экономической литературѣ. Въ дѣйствительности законъ этотъ такъ же мало можетъ назваться «закономъ Лассаля», какъ теорія происхожденія видовъ можетъ назваться теоріей Геккеля или теоріей кого-нибудь другого изъ ея популяризаторовъ. Даже еще менѣе, потому что «желѣзный законъ» почти такъ же старъ, какъ стара *наука* о народномъ хозяйствѣ. Законъ этотъ признавался еще Тюрго, Смитомъ и Рикардо, и Лассаль былъ совершенно правъ, говоря, что онъ можетъ, въ подтвержденіе своихъ словъ, сослаться на столько великихъ и славныхъ именъ, сколько ихъ было въ исторіи экономической науки. Какъ писатель, не отказавшійся отъ научнаго наслѣдства экономистовъ-классиковъ, Родбертусъ принималъ этотъ законъ вмѣстѣ со всѣми вытекавшими изъ него выводами. Но само собою понятно, что въ половинѣ XIX столѣтія сама жизнь сдѣлала такіе выводы изъ этого закона, какихъ и не подозрѣвали Тюрго, Смитъ или Рикардо. Родбертусъ не могъ поэтому формулировать его съ олимпійскимъ спокойствіемъ экономистовъ-классиковъ. Адамъ Смитъ ограничился, по поводу этого закона, тѣмъ замѣчаніемъ, что «мало утѣшительнаго въ судьбѣ человѣка, не имѣющаго другихъ источниковъ дохода, кромѣ своего

труда». Родбертусъ сдѣлалъ его исходной точкой своихъ реформаторскихъ плановъ.

«Главною цѣлью моихъ изслѣдованій, писалъ онъ въ первомъ своемъ сочиненіи [1]:—будетъ увеличеніе доли рабочаго класса въ національномъ продуктѣ, увеличеніе, избавленное отъ измѣнчивыхъ вліяній рынка и построенное на прочномъ основаніи. Я хочу доставить этому классу возможность извлекать пользу изъ возростанія производительности труда. Я хочу устранить господство того закона, который иначе можетъ оказаться гибельнымъ для нашихъ общественныхъ отношеній, закона, по которому заработная плата, самыми условіями рынка, всегда понижается до уровня насущнѣйшихъ потребностей рабочаго, какъ бы ни возвышалась при этомъ производительность труда. Этотъ уровень платы лишаетъ рабочихъ возможности получить надлежащее образованіе и составляетъ самое вопіющее противорѣчіе съ ихъ современнымъ правовымъ положеніемъ, съ тѣмъ формальнымъ равенствомъ ихъ съ прочими сословіями, которое провозглашено нашими важнѣйшими учрежденіями». Обнаруженіе тѣсной связи между пауперизмомъ и торговыми кризисами Родбертусъ считаетъ одною изъ главныхъ заслугъ своей экономической теоріи. Онъ неоднократно повторяетъ это во второмъ «Письмѣ Кирхману». Всѣ разногласія между нимъ и Кирхманомъ авторъ «Письма» объясняетъ именно тѣмъ, что Кирхманъ, «подобно многимъ другимъ, сводитъ эти печальныя явленія *не* къ одному и тому же основанію, *не къ одному и тому же недостатку* въ современной общественно-экономической организаціи» [2]. Не удивительно поэтому, что, «обезпечивая рабочимъ бо̀льшую долю въ національномъ продуктѣ», нашъ авторъ надѣялся тѣмъ самымъ «устранить періодическіе, страшные промышленные кризисы» [3]. Посмотримъ же внимательнѣе, какъ доказываетъ Родбертусъ существованіе «желѣзнаго закона» и связь его съ пауперизмомъ и кризисами, этими «бичами», изъ которыхъ послѣдній терзаетъ, безъ разбора, исхудавшія плечи труда и «ожирѣвшее тѣло капитала».

«Если экономическая жизнь общества, говоритъ нашъ авторъ:—въ отношеніи распредѣленія національнаго продукта предоставлена самой себѣ, то извѣстныя, связанныя съ развитіемъ общества условія ведутъ къ тому, *что при возрастающей производительности общественнаго труда заработная плата составляетъ*

---

[1] См. «Zur Erkenntniss unsrer staatswirth. Zustände», S. 28—29, въ примѣчаніи.

[2] См. Zur Beleuchtung der Socialen Frage, Zweiter Brief, S, 1.

[3] Zur Erkenntniss etc. S. 29.

все меньшую и меньшую часть національнаго продукта» (курсивъ Родбертуса). Это относительное уменьшеніе заработной платы не всегда сопровождается уменьшеніемъ количества предметовъ потребленія, поступающихъ въ распоряженіе рабочаго. Другими словами, относительное уменьшеніе заработной платы не всегда сопровождается абсолютнымъ ея уменьшеніемъ. Допустимъ, что въ настоящее время каждый земледѣльческій рабочій производитъ своимъ трудомъ вдвое больше хлѣба, чѣмъ производилъ онъ въ прошломъ столѣтіи. Предположимъ также, что заработная плата его равняется пятидесяти четвертямъ хлѣба, и что тому же равнялась она и въ прошломъ столѣтіи. Тогда окажется, что, не потерпѣвши никакого количественнаго измѣненія, заработная плата все-таки стала представлять собою вдвое меньшую *часть* земледѣльческаго продукта. Если прежде она составляла *половину* всего произведеннаго трудомъ работника хлѣба, то теперь она будетъ равняться *четвертой части* его количества. Какъ *часть* продукта, она уменьшилась бы даже въ томъ случаѣ, еслибы вмѣсто пятидесяти четвертей хлѣба, она равнялась бы теперь шестидесяти или даже восьмидесяти четвертямъ. Только поднявшись до ста четвертей, стала бы она въ прежнее отношеніе къ общей суммѣ продукта, т. е., какъ и въ прошломъ столѣтіи, составляла бы ея половину. Но Родбертусъ не допускаетъ возможности подобнаго возвышенія заработной платы въ современномъ обществѣ. Вся суть соціальнаго вопроса именно въ томъ, по его мнѣнію, и заключается, что возростаніе производительности труда не сопровождается пропорціональнымъ ему увеличеніемъ заработной платы.

«Я убѣжденъ, говоритъ нашъ авторъ: — что плата за трудъ, разсматриваемая какъ часть продукта, *падаетъ* по меньшей мѣрѣ въ той же, если еще не въ бо̀льшей, пропорціи, въ какой увеличивается производательность труда» [1].

«Вы должны согласиться, продолжаетъ онъ обращаясь къ Кирхману: — что если можетъ быть доказано постоянное уменьшеніе заработной платы, какъ части продукта, то связь этого обстоятельства съ пауперизмомъ и торговыми кризисами обнаружится сама собою».

Въ самомъ дѣлѣ, благодаря относительному уменьшенію заработной платы, положеніе рабочихъ классовъ нисколько не улучшается съ возростаніемъ національнаго богатства. Въ то время, какъ высшіе классы общества достигаютъ неслыханнаго прежде благосостоянія, количество предметовъ потребле-

---

[1] «Zur Beleuchtung», S. 25.

нія, достающихся рабочимъ въ видѣ заработной платы, остается неизмѣннымъ, да и это бываетъ, по мнѣнію Родбертуса, лишь «въ лучшемъ случаѣ». Очень часто обогащеніе высшихъ классовъ сопровождается *уменьшеніемъ* дохода рабочихъ. Такое распредѣленіе продуктовъ, естественно, влечетъ за собою появленіе пауперизма, именно въ тотъ періодъ экономическаго развитія, когда улучшенные способы производства могли бы, казалось, обезпечить благосостояніе всѣхъ классовъ общества. Нужно помнить, что понятіе о богатствѣ или бѣдности даннаго лица или класса — понятіе относительное. Родбертусъ полемизируетъ противъ Адама Смита, утверждавшаго, что «человѣкъ богатъ или бѣденъ, смотря потому, въ какой мѣрѣ можетъ онъ обезпечить себѣ удовлетвореніе своихъ потребностей, наслажденія и удобства жизни». Онъ справедливо замѣчаетъ, что, держась даннаго Смитомъ опредѣленія, мы пришли бы къ весьма страннымъ выводамъ. Мы должны бы были признать, «что зажиточный нѣмецъ нашего времени богаче древнихъ королей, или даже, что въ древности совсѣмъ не было богатыхъ. Однако, богатые и бѣдные существовали и въ самыя бѣдныя времена. Поэтому, подъ богатствомъ (лица или класса) нужно понимать *относительную долю* (этого лица или класса) въ общей массѣ продуктовъ, существующей на извѣстной стадіи культурнаго развитія народа» [1], независимо отъ того, какое количество удобствъ и наслажденій можетъ доставить эта *доля* ея обладателю. Возрастающее обѣднѣніе рабочихъ классовъ можетъ, слѣдовательно, считаться доказаннымъ, если будетъ доказано, что *относительная доля* рабочихъ въ національномъ продуктѣ падаетъ въ той же пропорціи, въ какой увеличивается производительность ихъ труда.

Перейдемъ къ промышленнымъ кризисамъ. Если заработная плата, какъ *часть* продукта, постоянно понижается, то покупательная сила рабочихъ классовъ, т. е. четырехъ пятыхъ или пяти шестыхъ всего населенія, не можетъ оставаться въ соотвѣтствіи съ развитіемъ производительныхъ силъ общества. Она остается на прежнемъ уровнѣ, или даже уменьшается, въ то самое время, когда производство достигаетъ все болѣе и болѣе высокой степени развитія и рынки переполняются товарами. Это ведетъ къ затрудненію сбыта, застою въ дѣлахъ, а, наконецъ, и кризисамъ. «Пусть не возражаютъ мнѣ, говоритъ Родбертусъ:— что отнятая у рабочихъ покупательная сила остается въ рукахъ высшихъ классовъ, и должна, поэтому, съ прежнею интенсивностью дѣйствовать на рынкѣ. Продукты теряютъ всякую стои-

[1] Zur Erkenntniss, SS. 38—39.

мость тамъ, гдѣ не существуетъ въ нихъ надобности. Продуктъ, который могъ бы имѣть стоимость въ глазахъ рабочихъ, оказывается совершенно излишнимъ для другихъ классовъ общества и остается непроданнымъ. Въ національномъ производствѣ должна произойти временная остановка, пока скопившіяся на рынкѣ массы товаровъ не разойдутся мало по малу, и направленіе производительной дѣятельности не приспособится къ потребностямъ тѣхъ, въ чьи руки перешла отнятая у рабочихъ покупательная сила» [1].

Центромъ тяжести всей аргументаціи Родбертуса является, какъ видитъ читатель, ученіе его о заработной платѣ, какъ *части* національнаго дохода. Чтобы судить о вѣрности его выводовъ, мы должны, разумѣется, провѣрить основательность его посылокъ. Мы должны взвѣсить доказательства, приводимыя имъ, во-первыхъ, въ пользу того положенія, что производительность труда нетолько возрастала прежде, но возрастаетъ и по настоящее время. Мы должны спросить себя, во-вторыхъ, вѣрно ли, что *количество предметовъ потребленія*, поступающихъ въ распоряженіе рабочаго класса, возростало, по меньшей мѣрѣ, не въ той же пропорціи, въ какой увеличивалась производительность труда, а пожалуй и совсѣмъ осталось неизмѣннымъ, или даже упало?

Разъ будутъ доказаны эти два положенія, то ученіе Родбертуса о заработной платѣ явится вполнѣ законнымъ выводомъ изъ нихъ. Мы должны будемъ признать, что, разсматриваемая какъ *часть* національнаго дохода, заработная плата, дѣйствительно падаетъ, въ томъ или другомъ отношеніи къ возрастающей производительности труда. Посмотримъ же, на чемъ основывалъ нашъ авторъ свои «предварительныя положенія». И прежде всего постараемся отдѣлить въ нихъ несомнѣнное отъ гадательнаго, аксіомы отъ гипотезъ, данныя, твердо установленныя классической экономіей, отъ того, что нуждалось еще въ доказательствахъ, будучи впервые высказано Родбертусомъ. Припомнимъ ученіе Рикардо о томъ же предметѣ. Рикардо также признавалъ, что производительность труда не остается неизмѣнной, но онъ допускалъ возможность ея возростанія далеко не во всѣхъ отрасляхъ производства. Что касается фабричной обработки сырыхъ произведеній, то здѣсь постоянное увеличеніе производительности человѣческаго труда стоитъ, по его мнѣнію, внѣ всякаго оспариванія. Оно обусловливается «усовершенствованіемъ машинъ,

---

[1] См. брошюру «Der Normal-Arbeitstag», перепечатанную въ «Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft» 1878 года, erstes u. zweites Heft S. 345.

лучшимъ раздѣленіемъ и распредѣленіемъ труда и постоянно возростающею ловкостью производителей». Не такъ смотрѣлъ Рикардо на земледѣліе. Въ основу его теоріи ренты легло убѣжденіе въ томъ, что производительность земледѣльческаго труда, въ цивилизованныхъ странахъ, постоянно уменьшается, такъ какъ, подъ вліяніемъ возростающаго спроса, въ обработку поступаютъ все менѣе и менѣе плодородныя земли. Вслѣдствіе этого и цѣна земледѣльческихъ продуктовъ должна, по его ученію, постоянно возростать. А такъ какъ заработная плата должна быть достаточна «для доставленія рабочимъ средствъ къ существованію и къ продолженію своего рода»; такъ какъ, кромѣ того, главнымъ предметомъ потребленія рабочихъ являются произведенія почвы, то и содержаніе ихъ должно, съ теченіемъ времени, становиться дороже. Отсюда онъ дѣлалъ тотъ выводъ, что заработная плата, какъ *часть* продукта, стремится къ повышенію, прибыль же «имѣетъ естественное стремленіе понижаться».

Это ученіе Рикардо не имѣло, однако, ничего общаго съ оптимизмомъ Кэри, полагавшаго, что буржуазныя общества съумѣютъ, подъ эгидой покровительственнаго тарифа, соединить *возрастаніе* производительности земледѣльческаго труда съ увеличеніемъ заработной платы, какъ *части* продукта. Авторъ «*Началъ политической экономіи*» стоялъ, напротивъ, гораздо ближе къ Родбертусу, хотя и пришелъ къ совершенно другому выводу, чѣмъ этотъ послѣдній. «Естественная цѣна труда возростаетъ, по мнѣнію Рикардо, въ соотвѣтствіи съ увеличеніемъ цѣны на пищу и на другіе необходимые предметы; она падаетъ въ соотвѣтствіи съ пониженіемъ этой цѣны» [1]. Еслибы, слѣдовательно, ему было доказано, что производительность земледѣльческаго труда возростаетъ, а не понижается, то онъ, совершенно въ духѣ Родбертуса, сказалъ бы, что заработная плата, какъ часть продукта, «имѣетъ стремленіе къ пониженію, а не къ повышенію. Но во время появленія «Началъ политической экономіи» убѣжденіе въ томъ, что съ возростаніемъ народонаселенія производительность земледѣльческаго труда постоянно уменьшается — было весьма распространеннымъ. Многіе изъ современныхъ Родбертусу экономистовъ также принимали это положеніе за безспорную истину. Милль, напримѣръ, считалъ его «важнѣйшимъ закономъ въ наукѣ о народномъ хозяйствѣ». На него же опирался, въ своихъ разсужденіяхъ, и фон-Кирхманъ, съ которымъ вступилъ въ полемику Родбертусъ. Высказывая противоположное

---

[1] Сочиненія Рикардо, выпускъ I, стр. 55.

мнѣніе, нашъ авторъ расходился, слѣдовательно, со школою Рикардо. Собственно говоря, его убѣжденіе въ томъ, что производительность труда возростаетъ также и въ земледѣліи — было единственнымъ пунктомъ, въ которомъ его ученіе о заработной платѣ разошлось съ ученіемъ экономистовъ-классиковъ. На этотъ спорный пунктъ ему, казалось бы, и нужно было направить всѣ силы своей критики. Но мы сказали уже выше, что рядомъ со школой Смита-Рикардо развилась другая школа, имѣвшая своимъ родоначальникомъ Ж. Б. Сэя и распавшаяся, со временемъ, на нѣсколько различныхъ направленій. Несмотря на свои разногласія, экономисты всѣхъ этихъ направленій сходились въ томъ, что какимъ-то чутьемъ угадывали, сколько хлопотъ надѣлаетъ буржуазіи, впослѣдствіи, ученіе Рикардо о мѣновой стоимости, о заработной платѣ, о распредѣленіи національнаго дохода и т. д. Поэтому они взапуски принялись дополнять и поправлять «односторонніе» и «безсердечныя» теоріи Рикардо. Одной изъ услугъ, оказанныхъ «учеными» этого пошиба «дѣлу порядка», была, какъ замѣчаетъ Марксъ, Бастіатовская «категорія услуги». Съ своей стороны, и такъ называемая историко-реалистическая школа, эта нѣмецкая разновидность «вульгарной экономіи», не мало способствовала искаженію здравыхъ политико-экономическихъ понятій. Все это привело къ тому, что при защитѣ своихъ «предварительныхъ положеній» Родбертусъ долженъ былъ начать чуть ли не съ азбуки хозяйственной науки. «Повидимому, говоритъ онъ во второмъ «Письмѣ къ Кирхману»: — мнѣ нужно немедленно приступить къ доказательству моихъ двухъ предварительныхъ положеній, чтобы непосредственно затѣмъ показать, въ какой связи стоятъ они съ вопросомъ о пауперизмѣ и кризисахъ. Однако дѣло далеко не такъ просто! При вашемъ знакомствѣ съ современнымъ положеніемъ теоріи, вы прекрасно знаете, какое множество невыясненныхъ понятій, какое множество научныхъ предразсудковъ стоитъ въ противорѣчіи съ основнымъ пунктомъ моихъ воззрѣній. Вѣдь теперь оспаривается даже то, что заработная плата вообще должна быть разсматриваема какъ часть продукта! А до какой степени расходятся ходячія воззрѣнія на природу и происхожденіе прибыли съ основными положеніями моей теоріи! Въ какомъ противорѣчіи съ нею находится господствующее ученіе о происхожденіи и возрастаніи поземельной ренты! Безъ преувеличенія можно сказать, что весь методъ, которому слѣдовала до сихъ поръ наша наука, затрудняетъ пониманіе поло-

женія, лежащаго въ основѣ моего объясненія экономическихъ бѣдствій нашего времени» [1].

Ошибочность и смутность господствующихъ въ наукѣ понятій обусловливается, по его мнѣнію, прежде всего тѣмъ, что самая исходная точка разсужденій экономистовъ не соотвѣтствуетъ характеру изучаемыхъ ими явленій. Національное хозяйство представляется имъ простымъ собраніемъ частныхъ хозяйствъ, не имѣющихъ никакой органической связи между собою. Естественно, поэтому, что индивидуумъ становится центромъ тяжести всѣхъ ихъ разсужденій. Хозяйствомъ и потребностями индивидуума, его капиталомъ и доходомъ ограничивается все поле зрѣнія экономистовъ, и эта «атомистическая точка зрѣнія» ведетъ ихъ, по мнѣнію Родбертуса, къ цѣлому ряду противорѣчій. «Вмѣсто того, чтобы исходить изъ признанія того факта, что раздѣленіе труда связываетъ общество въ одно неразрывное хозяйственное цѣлое; вмѣсто того, чтобы объяснять отдѣльныя общественно-экономическія понятія и явленія съ точки зрѣнія этого цѣлаго; вмѣсто того, чтобы понятія о національномъ (общественномъ) имуществѣ, національномъ производствѣ, національномъ капиталѣ, о національномъ доходѣ и его раздѣленіи на поземельную ренту, прибыль и заработную плату—эти общественныя понятія поставить во главѣ своихъ изслѣдованій и съ помощью ихъ объяснить положеніе и роль индивидуумовъ, наука о народномъ хозяйствѣ поддалась вліянію индивидуалистическихъ стремленій нашего времени. Она разорвала на клочки то, что, благодаря раздѣленію труда, составляетъ одно соціальное цѣлое, что не можетъ и существовать иначе, какъ цѣлое, и отъ этихъ клочковъ, отъ экономической дѣятельности индивидуумовъ, она старалась возвыситься до понятія о цѣломъ. Такъ, напримѣръ, она положила въ основу своихъ изслѣдованій понятія объ имуществѣ отдѣльнаго лица, не подозрѣвая даже, что имущество человѣка, связаннаго съ своими ближними посредствомъ раздѣленія труда, существенно разнится отъ имущества индивидуума, ведущаго изолированное хозяйство. Точно также исходила она изъ понятія о рентѣ отдѣльнаго землевладѣльца, забывая, что понятіе о поземельной рентѣ предполагаетъ уже понятіе о прибыли и заработной платѣ, и что о всѣхъ этихъ понятіяхъ мы можемъ говорить, имѣя въ виду лишь современное общество и его доходъ, частями котораго являются поземельная рента, прибыль и т. д.». [2]

Еслибы экономическая наука не держалась этого ошибочнаго

---

[1] Zur Beleuchtung etc. S. 25.

[2] Zur Beleuchtung, S. 25—26.

метода, она имѣла бы теперь, по мнѣнію Родбертуса, совершенно другой видъ, и конечно гораздо дальше ушла бы впередъ въ своемъ развитіи.

Затронувъ вопросъ о методѣ, Родбертусъ разошелся уже нетолько съ «вульгарными экономистами», сомнѣвавшимися даже въ томъ, что заработная плата представляетъ собою часть національнаго продукта. Онъ коснулся одного изъ слабыхъ мѣстъ самой классической экономіи.

Конечно, Рикардо въ несравненно меньшей степени заслуживалъ упрека въ излишнемъ «атомизмѣ», чѣмъ какой-нибудь правовѣрный «Freihändler vulgaris». Авторъ «Началъ политической экономіи» отлично понималъ, что, несмотря на экономическую «войну всѣхъ противъ всѣхъ», производительный механизмъ современнаго общества связанъ въ «одно неразрывное цѣлое», въ которомъ каждый работаетъ на всѣхъ и всѣ на каждаго. Онъ не сказалъ бы, какъ это и до сихъ поръ говорятъ нѣкоторые экономисты, что современное общество есть «собраніе индивидуумовъ и семействъ», обмѣнивающихъ между собою *излишекъ* своихъ продуктовъ. Выработанная же окончательно Рикардо теорія распредѣленія національнаго дохода легла потомъ въ основу ученія самого Родбертуса. Но экономисты-классики, не исключая и Рикардо, были до такой степени дѣтьми своего времени, что не допускали даже и мысли о возможности существованія экономическихъ отношеній, не похожихъ на буржуазныя. Общественное хозяйство античныхъ государствъ, организація производства и распредѣленія въ далекомъ будущемъ, даже жизнь первобытныхъ, дикихъ племенъ—представлялись имъ болѣе или менѣе блѣдными, болѣе или менѣе яркими копіями съ экономической жизни современной имъ Англіи или Франціи. Они допускали еще, что лэндлорды существовали не на всѣхъ ступеняхъ общественнаго развитія, но безъ капиталистовъ и пролетаріевъ они не могли вообразить себѣ даже охотничьяго племени. Они считали — чтобы употребить выраженіе Родбертуса — «*дѣломъ природы* то, что было лишь *дѣломъ исторіи*». Въ своихъ сочиненіяхъ они часто приглашали читателя вообразить себѣ капиталиста-охотника, рыбака-рабочаго и тому подобные, будто бы поясняющіе дѣло, примѣры. Но само собою разумѣются, что эта «Ur-Fischer-Methode», какъ называлъ ее Лангэ, только затрудняла пониманіе господствующихъ въ капиталистическомъ обществѣ отношеній. Еще болѣе затрудняла она—или, вѣрнѣе, дѣлала совершенно невозможнымъ—пониманіе историческаго значенія капитализма, какъ одного изъ фазисовъ экономическаго развитія человѣческихъ обществъ.

*

Какъ человѣкъ, задавшійся цѣлью «провести рѣзкую черту различія между логическими и историческими категоріями во всѣхъ частяхъ экономической науки», Родбертусъ не могъ не замѣтить указанной ошибки экономистовъ-классиковъ. Онъ понялъ, что хозяйственный строй буржуазнаго общества есть результатъ длиннаго процесса развитія, и, какъ всякое «дѣло исторіи», нетолько въ количественномъ, но и въ качественномъ отношеніи. Онъ видѣлъ также, въ какомъ направленіи должны совершаться эти измѣненія. «Цѣлый міръ лежитъ между двумя понятіями: капиталъ самъ по себѣ, и капиталъ, составляющій частную собственность (Privatkapital)! восклицаетъ онъ въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Вагнеру.—Чтобы выяснить себѣ существующее между ними различіе—нужно припомнить античное общество, въ которомъ люди (т. е. рабы) также принадлежали къ капиталу частныхъ лицъ; затѣмъ нужно представить себѣ слѣдующій всемірно-историческій періодъ, въ которомъ только земля и капиталы являются объектами частной собственности, и въ которомъ средства существованія работниковъ еще принадлежатъ къ капиталу частныхъ предпринимателей; наконецъ, нужно выяснить себѣ будущій періодъ, въ которомъ объектами частной собственности будутъ лишь предметы потребленія, почва же и продуктъ національнаго производства, пока онъ не сдѣлался еще *доходомъ*, составятъ собственность всего государства» [1]. Только уяснивши себѣ различія въ хозяйственной организаціи этихъ трехъ, «слѣдующихъ одинъ за другимъ», періодовъ, можно, по мнѣнію Родбертуса, увидѣть совершенно ясно, что такое капиталъ самъ по себѣ (или капиталъ въ логическомъ смыслѣ этого слова), и что такое капиталъ, составляющій частную собственность (или капиталъ въ *историческомъ* смыслѣ этого слова). Такъ какъ классическая экономія даже и не подозрѣвала, что эти два понятія могутъ не совпадать между собою, то всѣ ея изслѣдованія ограничивались только однимъ изъ названныхъ всемірно-историческихъ періодовъ, именно современнымъ, буржуазнымъ періодомъ. Естественно было, поэтому, что на многія явленія этого періода она смотрѣла не такъ, какъ взглянулъ на нихъ Родбертусъ, утверждавшій, что онъ «слышитъ уже приближеніе новой эры». Считая «дѣломъ природы» то, что было лишь «дѣломъ исторіи», экономисты-классики не могли воспользоваться сравнительнымъ методомъ, съ помощью котораго Родбертусъ надѣялся выяснить характеристическія особенности каждаго изъ «всемірно-истори-

[1] Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft. 219—220.

ческихъ періодовъ». Поэтому, когда нашъ авторъ пришелъ къ вопросу о томъ, въ какомъ же порядкѣ должны быть расположены различныя части экономической науки, онъ не могъ признать удовлетворительнымъ планъ, принятый его предшественниками. Современная политическая экономія, казалась ему «простымъ ученіемъ о природѣ обмѣна». Это ученіе нужно было, по его мнѣнію, отнести къ *первой части* науки, выясняющей законы «производства, распредѣленія и потребленія продуктовъ» въ современномъ обществѣ. За нею логически слѣдовала бы *вторая часть*, «указывающая тѣ опасности, которыми можетъ угрожать обществу дальнѣйшее развитіе его экономическихъ отношеній, при сохраненіи нынѣшнихъ правовыхъ учрежденій». Наконецъ, предметомъ *третьей* и послѣдней *части* экономической науки долженъ былъ явиться вопросъ о мѣрахъ, съ помощью которыхъ общество могло бы избѣжать этихъ опасностей.

Всякій, знакомый съ сочиненіями буржуазныхъ экономистовъ, знаетъ, какъ мало задумывались они о мѣрахъ, могущихъ отвратить тревожившія Родбертуса «опасности». Они полагаютъ, что мѣры эти должны находиться въ вѣдѣніи «исполнительной власти», которая, съ своей стороны, не могла предложить ничего, кромѣ осаднаго положенія и военной диктатуры. Правда, катедеръ-соціалисты не мало толкуютъ теперь объ «обязанностяхъ государства» по отношенію къ рабочему классу, но мы знаемъ уже, что нашъ авторъ называлъ предлагаемыя ими мѣры «ромашкой, которая не можетъ нетолько исцѣлить, но даже и облегчить соціальнаго вопроса». Излишне прибавлять, поэтому, что ни «вторая», ни «третья» части науки, въ томъ смыслѣ, какъ понималъ ихъ Родбертусъ, не находили себѣ мѣста въ сочиненіяхъ его предшественниковъ. Самое «ученіе о природѣ обмѣна» понимали они далеко не такъ, какъ понималъ ихъ авторъ «*Соціальныхъ писемъ къ Кирхману*». Мы видѣли уже, съ какою горячностью нападалъ онъ на «атомистическую точку зрѣнія» буржуазныхъ экономистовъ. По его мнѣнію, экономическая наука «должна была бы исходить изъ понятій о національномъ трудѣ и національномъ имуществѣ, понимая подъ національнымъ или общественнымъ трудомъ кооперацію всѣхъ единичныхъ силъ, связанныхъ, путемъ раздѣленія труда, въ одно неразрывное цѣлое; подъ національнымъ имуществомъ—сумму всѣхъ единичныхъ имуществъ данной націи, также связанныхъ въ одно неразрывное цѣлое, благодаря потребленію плодовъ національнаго труда». Затѣмъ она должна была бы перейти къ оцѣнкѣ вліянія, оказываемаго раздѣленіемъ труда на организацію національнаго производства. Она должна была бы показать, какъ, при производствѣ любого

продукта, общественный трудъ подраздѣляется на добываніе сырья, фабричную его обработку и, наконецъ, перевозку, и какъ, въ свою очередь, эти большія отрасли національнаго производства дробятся на отдѣльныя предпріятія. Соотвѣтственно раздѣленію общественнаго труда на добываніе сырья и его обработку, нужно было бы установить различіе той части національнаго имущества, которая заключается въ національной почвѣ — отъ той, которая представляетъ собою національный капиталъ, т. е. продуктъ, предназначенный для дальнѣйшаго производства и распредѣленный между различными предпріятіями. Далѣе необходимо было бы сопоставить понятіе о національномъ капиталѣ съ понятіемъ о національномъ продуктѣ, какъ о результатѣ національнаго производства, полученномъ въ теченіе опредѣленнаго времени. Уяснивши себѣ понятіе о національномъ продуктѣ, нужно было бы показать, какъ одна часть его идетъ на возстановленіе потребленнаго въ производствѣ капитала, другая же—служитъ для удовлетворенія непосредственныхъ потребностей всего общества и отдѣльныхъ его членовъ, и въ этомъ видѣ представляетъ собою національный доходъ. Отъ понятія объ этомъ послѣднемъ оставался бы, затѣмъ, одинъ только шагъ до понятія о національномъ богатствѣ, величина котораго опредѣляется степенью производительности общественнаго труда. «Послѣ этого анализа общихъ политико-экономическихъ понятій и ихъ взаимной связи, нужно было бы, прибавляетъ Родбертусъ: — показать, въ какой зависимости стоятъ организація и ходъ національнаго производства, равно какъ и распредѣленіе его продуктовъ, отъ существующихъ въ обществѣ правовыхъ учрежденій».

Еще въ первомъ своемъ сочиненіи нашъ авторъ совершенно вѣрно замѣтилъ, что «правовая идея и экономическая необходимость издавна шли рука объ руку» [1]. Онъ поступилъ бы, поэтому, послѣдовательнѣе, еслибы постарался обнаружить связь между современными правовыми учрежденіями, съ одной стороны, и вызвавшею ихъ къ жизни экономическою необходимостью—съ другой. Отъ такого выясненія много выигралъ бы имъ же самимъ поднятый вопросъ о мѣрахъ, способныхъ устранить «недостатки современной общественно-экономической организаціи». Тогда было бы видно, какія учрежденія уже отжили свой вѣкъ и какія, напротивъ, продолжаютъ соотвѣтствовать общественнымъ потребностямъ. Критеріемъ явилась бы, въ этомъ случаѣ, та самая

[1] Zur Erkenntniss unsrer staatswirthschaftlichen Zustände, 75, въ примѣчаніи.

экономическая необходимость, «рука объ руку» съ которой «издавна шло» и всегда будетъ идти развитіе правовой идеи.

Родбертусъ избралъ, къ сожалѣнію, обратный путь. Онъ рѣшился искать въ правовыхъ учрежденіяхъ объясненія общественно-экономическихъ явленій, и тѣмъ нетолько отнялъ у себя возможность найти это объясненіе, но и лишилъ себя единственнаго разумнаго критерія для оцѣнки самихъ «правовыхъ учрежденій». Вмѣсто *объясненія*, ему пришлось ограничиться простымъ *описаніемъ* экономической жизни общества на различныхъ стадіяхъ ея развитія. Впрочемъ, вредное вліяніе закравшейся въ разсужденія Родбертуса непослѣдовательности отразилось болѣе всего на его «практическихъ предложеніяхъ». Сдѣланное же имъ *описаніе* общественно-экономическихъ явленій, которое, повторяемъ, онъ принималъ за *объясненіе* этихъ явленій — имѣетъ и само по себѣ большой интересъ, и потому заслуживаетъ полнаго вниманія читателя. Интересъ этотъ обусловливается тѣмъ, что, вѣрный своему взгляду на «историческія категоріи», Родбертусъ сопоставилъ, въ своемъ описаніи, хозяйственный строй современнаго общества съ тою организаціей производства и распредѣленія, которая должна, по его мнѣнію, имѣть мѣсто въ «будущемъ всемірно-историческомъ періодѣ».

Для оцѣнки вліянія, оказываемаго правовыми учрежденіями на экономическую жизнь общества, нужно, говоритъ нашъ авторъ, прежде всего имѣть въ виду важнѣйшій правовой институтъ нашего времени—частную собственность на землю и капиталы. Въ самомъ дѣлѣ, національное производство и распредѣленіе его продуктовъ приняли бы совершенно иной видъ, еслибы земля и капиталы составляли собственность не частныхъ лицъ, а всего общества. Тогда не было бы, конечно, частной собственности на орудія труда, но что касается до распредѣленія продуктовъ, то оно не должно было бы непремѣнно происходить на коммунистическихъ основаніяхъ. Предметы потребленія продолжали бы составлять частную собственность, благодаря тому, что продукты общественнаго труда распредѣлялись бы между отдѣльными лицами, сообразно съ участіемъ этихъ лицъ въ національномъ производствѣ. При такомъ порядкѣ вещей, доходъ каждаго члена общества зависѣлъ бы лишь отъ количества затраченнаго имъ труда, и собственность нетолько не была бы уничтожена, но, напротивъ, была бы «окончательно приведена къ ея первоначальному и истинному принципу» [1]. Устроенное на такихъ основаніяхъ общество не объявило бы, по примѣру Прудона,

[1] Zur Beleuchtung, 28.

что «собственность есть кража», оно — и только оно — предохранило бы, наоборотъ, собственность отъ «кражи» [1].

Противъ вышеизложенныхъ основаній распредѣленія продуктовъ обыкновенно возражаютъ, что производительность труда различныхъ работниковъ никогда не бываетъ одинакова; одинъ работникъ можетъ въ два часа сдѣлать больше, чѣмъ другой въ четыре—утверждаютъ экономисты. Кромѣ того, иногда говорятъ, что невозможно сравнивать трудъ работниковъ, занятыхъ въ различныхъ отрасляхъ производства. Луи Рейбо въ своихъ «Etudes sur les réformateurs» удивляется, какимъ образомъ такой умный человѣкъ, какъ Оуэнъ, могъ придти къ «нелѣпой мысли» сравнивать трудъ сапожника съ совершенно будто бы несходнымъ съ нимъ трудомъ булочника или ткача. «Но если противники этой системы, говоритъ Родбертусъ: — не имѣютъ противъ нея другихъ аргументовъ, кромѣ того, что производительныя способности работниковъ не одинаковы, то возраженія ихъ стоятъ очень немного» [2].

Трудъ даннаго работника всегда можетъ сравниваться и соизмѣряться съ трудомъ другихъ работниковъ, занятыхъ въ различныхъ отрасляхъ производства. Для этого нужно при установленіи «нормальнаго рабочаго дня» опредѣлить то среднее количество продукта, которое производятъ, обыкновенно, работники данной отрасли труда. Рабочій, сдѣлавшій менѣе этого средняго количества, получалъ бы менѣе, чѣмъ за цѣлый рабочій день и, наоборотъ, сдѣлавшій болѣе получилъ бы сообразно съ этимъ право на бо̀льшее вознагражденіе. Считалось бы, что одинъ трудился, напримѣръ, въ продолженіи $^7/_8$, между тѣмъ, какъ другой въ теченіе $^5/_6$ нормальнаго рабочаго дня.

Кромѣ того, нужно было бы принять въ соображеніе степени интенсивности и утомительности труда въ различныхъ отрасляхъ производства. Если, положимъ, трудъ углекопа утомительнѣе труда ткача, то пришлось бы постановить, что рабочій день углекопа долженъ быть на нѣсколько часовъ короче. Несмотря на свою большую продолжительность, рабочій день ткача долженъ былъ бы считаться равноцѣннымъ съ рабочимъ днемъ углекопа, такъ какъ работа послѣднято требуетъ бо̀льшаго напряженія силъ. Проработавши установленное для каждаго изъ нихъ время, углекопъ и ткачъ имѣли бы право на полученіе одинаковаго количества продуктовъ изъ общественныхъ магазиновъ. Родбертусъ не отрицаетъ, что опредѣленіе средней про-

---

[1] Ibid., 150.
[2] См. Zeitschrift fur die ges. Staatswissensch. 337.

изводительности и интенсивности труда въ каждой отрасли производства было бы дѣломъ далеко не легкимъ. Но онъ считаетъ вполнѣ устранимыми всѣ могущія встрѣтиться на этомъ пути практическія затрудненія. Вообще, онъ не сомнѣвается въ возможности осуществить такого рода организацію производства и распредѣленія, въ которой доходъ каждаго отдѣльнаго лица соотвѣтствовалъ бы участію этого лица въ общественномъ трудѣ. Важнѣе всѣхъ техническихъ затрудненій былъ бы вопросъ о нравственной подготовленности народа для такихъ общественныхъ отношеній. Все дѣло зависитъ, по мнѣнію Родбертуса, отъ того, «достаточно ли развитъ народъ, чтобы по свободному побужденію принимать участіе въ національномъ трудѣ, или, что тоже, въ національномъ прогрессѣ, не видя передъ собою того бича бѣдности, которымъ современная частная собственность на землю и капиталы выгоняетъ его на работу» [1].

Нашъ авторъ справедливо полагаетъ, что экономисты много выиграли бы въ пониманіи хозяйственной жизни современнаго общества, еслибы они постарались ясно представить себѣ всѣ тѣ измѣненія въ организаціи производства и распредѣленія, которыя явились бы слѣдствіемъ «приведенія собственности къ ея первоначальному принципу». Но предшественники Родбертуса, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, нетолько не интересовались «первоначальнымъ принципомъ собственности», но и вообще полагали, что разсуждать о подобныхъ «принципахъ» — дѣло юриста, а не политико-эконома. Какъ мы сказали уже выше, экономисты считали буржуазный строй послѣднимъ, или, вѣрнѣе, единственно возможнымъ шагомъ въ развитіи человѣчества, и не могли даже представить себѣ никакихъ серьёзныхъ измѣненій въ экономическихъ отношеніяхъ современной Европы. Родбертусъ, принадлежавшій къ числу немногихъ экономистовъ, «слышавшихъ приближеніе новой эры», долженъ былъ самъ взяться за рѣшеніе всѣхъ тѣхъ вопросовъ, которые относятся къ экономіи «будущаго всемірно-историческаго періода». Ему пришлось приняться за обработку почти совершенно невоздѣланнаго поля, т. е. за изображеніе экономической дѣятельности того гипотетическаго общества, которое взяло бы въ свое непосредственное завѣдываніе всѣ средства производства.

Въ такомъ обществѣ всѣ экономическія явленія приняли бы характеръ совершенно отличный отъ современнаго. Организація производства измѣнилась бы, прежде всего, въ томъ отношеніи, что для завѣдыванія производительною дѣятельностью и для

---

[1] Zur Beleuchtung, S. 28.

приведенія ея въ соотвѣтствіе съ общественными потребностями—необходимо было было существованіе особаго учрежденія. Задачу этого учрежденія, говоритъ нашъ авторъ, составляло бы цѣлесообразное употребленіе въ дѣло національнаго имущества. Въ современномъ же обществѣ, въ которомъ національное имущество дробится между частными лицами, мѣсто такого рода учрежденія занимаетъ интересъ собственниковъ и предпринимателей. Онъ побуждаетъ ихъ производить лишь продукты, находящіе себѣ сбытъ на рынкѣ, т. е. удовлетворяющіе потребности всего общества или извѣстной его части.

Обращеніе орудій и объектовъ труда въ коллективную собственность придало бы также новый видъ тому переходу продуктовъ изъ одной отрасли производства въ другую, и тому передвиженію ихъ съ мѣста на мѣсто, которые обусловливаются раздѣленіемъ общественнаго труда. Читателю извѣстно, что самая обыкновенная вещь домашняго обихода, прежде чѣмъ быть готовой для употребленія, претерпѣваетъ цѣлый рядъ разнообразнѣйшихъ метаморфозъ. Она появляется на свѣтъ въ видѣ сырого матеріала и путешествуетъ, въ такомъ видѣ, въ тотъ или другой промышленный центръ, чтобы подвергнуться фабричной обработкѣ. Здѣсь она переходитъ изъ одной отрасли производства въ другую, пока не получитъ окончательной отдѣлки и не отправится, наконецъ, на мѣсто сбыта. Въ современномъ обществѣ этимъ метаморфозамъ продуктовъ соотвѣтствуетъ переходъ ихъ черезъ руки цѣлаго ряда предпринимателей, оптовыхъ и мелочныхъ торговцевъ, а слѣдовательно, и цѣлый рядъ продажъ и покупокъ. «Отъ начала до конца, говоритъ Родбертусъ: — отъ производства сырья до окончательной выдѣлки предметовъ потребленія, обмѣнъ продуктовъ представляетъ собою, въ настоящее время, длинную цѣпь передачъ и отчужденій собственности, совершаемыхъ при посредствѣ денегъ».

Не такъ происходило бы дѣло въ нашемъ гипотетическомъ обществѣ съ его центральнымъ учрежденіемъ, завѣдующимъ всѣмъ ходомъ производства. Въ такомъ обществѣ каждый продуктъ представлялъ бы собою національную собственность, вплоть до окончательной своей отдѣлки. И тогда достаточно было бы предписанія названнаго центральнаго учрежденія, чтобы передавать его изъ одной отрасли производства въ другую, и доставить, наконецъ, потребителю. То же центральное учрежденіе должно было бы озаботиться тѣмъ, чтобы изъ общей суммы національнаго продукта отдѣлить часть, необходимую для возстановленія затраченнаго въ производствѣ капитала. Только послѣ вычета этой части національный *продуктъ* сталъ бы національнымъ

доходомъ и служилъ бы для удовлетворенія потребностей, какъ общества, такъ и отдѣльныхъ его членовъ. «Въ настоящее же время, говоритъ Родбертусъ:—мѣсто этой предусмотрительности центральнаго учрежденія занимаетъ интересъ владѣльцевъ капитала или предпринимателей. Ихъ собственныя выгоды побуждаютъ ихъ браться только за такія предпріятія, которыя, по замѣщеніи капитала, даютъ имъ извѣстный излишекъ, называемый прибылью».

Если мы теперь отъ производства перейдемъ къ распредѣленію, то здѣсь наше гипотетическое общество представитъ еще болѣе своеобразныя особенности, соотвѣтственно предположеннымъ нами измѣненіямъ въ отношеніяхъ людей къ вещамъ. Разъ былъ бы установленъ тотъ правовой принципъ, по которому доходъ каждаго члена общества опредѣляется участіемъ его въ производствѣ, то національный продуктъ уже не поступадъ бы въ раздѣлъ между землевладѣльцами, капиталистами и работниками, какъ это имѣетъ мѣсто въ настоящее время. Онъ составлялъ бы тогда достояніе однихъ рабочихъ. Каждый членъ общества получалъ бы свидѣтельство, удостовѣряющее, что онъ затратилъ извѣстное количество труда. Предъявивши это свидѣтельство въ государственные магазины, онъ получалъ бы въ обмѣнъ необходимые для него предметы потребленія. И эти предметы потребленія составляли бы такую же неотъемлемую собственность его, какою является заработная плата по отношенію къ современнымъ рабочимъ. Но заработная плата опредѣляется теперь не количествомъ затраченнаго работникомъ труда; она испытываетъ на себѣ вліяніе рыночной кункурренціи, понижающей ее до уровня насущнѣйшихъ потребностей трудящихся. Вся же разность между заработной платой и стоимостью произведеннаго работникомъ продукта—остается въ рукахъ землевладѣльцевъ и капиталистовъ, и, за вычетомъ части, необходимой для возстановленія капитала, дѣлится между ними на основаніи особыхъ экономическихъ законовъ.

Выяснивши вліяніе правовыхъ учрежденій на распредѣленіе продуктовъ, слѣдовало бы, по мнѣнію Родбертуса, обратить вниманіе на то, какимъ образомъ распредѣленіе вліяетъ, въ свою очередь, на направленіе общественнаго производства. Для этого опять нужно было бы держаться сравнительнаго метода, нужно было бы посмотрѣть, какъ происходитъ дѣло въ настоящее время и какъ происходило бы оно въ обществѣ, установившемъ коллективную собственность на землю и капиталы.

И въ томъ и въ другомъ случаѣ направленіе производства не можетъ не сообразоваться съ потребностями лицъ, участвую-

щихъ въ раздѣлѣ національнаго продукта. Но въ обществѣ, взявшемъ въ свое непосредственное завѣдываніе всѣ средства производства, это послѣднее сообразовалось бы съ потребностями только тѣхъ лицъ, которыя получили, благодаря своему труду, право на требованіе изъ общественныхъ магазиновъ извѣстнаго количества продуктовъ. Въ настоящее же время направленіе производства опредѣляется потребностями не однихъ только трудящихся, но также и капиталистовъ и землевладѣльцевъ.

Интересъ предпринимателей заставляетъ ихъ сообразоваться съ покупательною силой всѣхъ трехъ классовъ современнаго общества. Такимъ образомъ, чѣмъ бо́льшая часть стоимости національнаго продукта поступитъ въ распоряженіе одного изъ этихъ классовъ, тѣмъ бо́льшая часть производительныхъ силъ страны будетъ занята приготовленіемъ необходимыхъ для него предметовъ потребленія. Этимъ и объясняется, по мнѣнію Родбертуса, то обстоятельство, что теперь часто «строятъ блестящіе пассажи въ то время, какъ рабочіе не имѣютъ здоровыхъ жилищъ... На рынокъ доставляется лишь то, за что можно получить деньги. Богатые фланёры могутъ оплачивать содержаніе роскошныхъ пассажей, рабочіе же, получающіе ничтожную плату, не могутъ заплатить за постройку здоровыхъ жилищъ» [1] и потому должны довольствоваться, нездоровыми.

На основаніи всего высказаннаго не трудно также убѣдиться въ томъ, что такъ называемое *сбереженіе*, которое, какъ извѣстно читателю, вмѣняется въ заслугу современнымъ капиталистамъ, есть особый способъ увеличенія національнаго капитала, обусловленный существованіемъ частной собственности на землю, матеріалы и орудія труда. При другихъ же обстоятельствахъ увеличеніе національнаго капитала могло бы, по мнѣнію Родбертуса, достигаться путемъ кредита [2].

Выяснивши, такимъ образомъ, значеніе общихъ экономическихъ понятій, обнаруживши вліяніе правовыхъ учрежденій на движеніе производства и распредѣленіе продуктовъ, нужно было бы, продолжаетъ нашъ авторъ, перейти къ вопросу объ измѣненіи производительныхъ силъ общества. Измѣненіе это можетъ

---

[1] Zeitschrift für die ges. Staatswiss. 345.

[2] Къ «теоретикамъ сбереженія» (Spartheoretikern) Родбертусъ обращается съ слѣдующими словами Гейне:

Ich kenne die Weise, ich kenne den Text,
Ich kenn' auch die Herrn Verfasser,
Ich weiss, sie trinken heimlich Wein
Und predigen öffentlich Wasser.

См. Zur Erklärung und Abhülfe der heutigen Creditnoth des Grundbesitzes. II, 294, въ примѣчаніи.

произойти двоякимъ образомъ. Во-первыхъ, благодаря распашкѣ новыхъ земель, расширенію фабричной дѣятельности, увеличенію народонаселенія и т. д., національный продуктъ можетъ возрости въ томъ или другомъ количественномъ отношеніи. Сумма производимыхъ въ обществѣ предметовъ потребленія можетъ, напримѣръ, удвоиться, но для приготовленія каждаго изъ этихъ предметовъ можетъ требоваться не меньшая, чѣмъ прежде, затрата человѣческаго труда. Національное производство расширится, но въ способахъ его не окажется никакого улучшенія. Земледѣльческая культура, фабричная техника и пути сообщенія останутся, слѣдовательно, на той же ступени развитія, на которой находились и прежде. Такой случай Родбертусъ называетъ увеличеніемъ *суммы производительныхъ силъ*.

Но можетъ случиться, что при такомъ же, какъ и прежде, количествѣ рабочихъ силъ, при той же площади обработываемыхъ земель, словомъ, при той же *суммѣ* производительныхъ силъ, на выдѣлку каждаго предмета въ отдѣльности, потребуется меньше времени, чѣмъ нужно было прежде. Это можетъ произойти вслѣдствіе улучшеній въ способахъ производства, изобрѣтенія новыхъ машинъ и т. п. Въ результатѣ каждаго дня работы окажется бо̀льшее, чѣмъ прежде, количество продуктовъ, и національный доходъ возростетъ, потому что возросла *производительность труда*.

Именно этотъ второй путь измѣненія производительныхъ силъ страны и ведетъ къ увеличенію *національнаго богатства*. Подъ національнымъ богатствомъ понимаютъ обыкновенно отношеніе національнаго имущества къ общей цифрѣ народонаселенія. А это отношеніе будетъ, разумѣется, тѣмъ благопріятнѣе для общества, чѣмъ бо̀льшее количество продуктовъ произведетъ каждый работникъ въ единицу времени, т. е. чѣмъ *производительнѣе* будетъ *трудъ* этого работника. Но Родбертусъ не смѣшиваетъ—какъ это умышленно или неумышленно дѣлали буржуазные экономисты — понятія о національномъ богатствѣ съ понятіемъ о благосостояніи большей части членовъ общества. По его мнѣнію, между этими двумя понятіями существуетъ огромная разница, и чтобы лучше оттѣнить ее онъ снова беретъ въ примѣръ гипотетическое общество, обратившее землю и капиталы въ національную собственность. Въ такомъ обществѣ доходъ каждаго члена былъ бы, какъ мы знаемъ, прямо пропорціоналенъ участію его въ общественномъ трудѣ, и увеличеніе національнаго дохода, дѣйствительно, повело бы къ улучшенію положенія всѣхъ трудящихся. Въ настоящее же время, при господствѣ того экономическаго закона, который понижаетъ за-

работную плату до уровня насущнѣйшихъ потребностей рабочаго, возрастаніе производительности національнаго труда ведетъ, по мнѣнію Родбертуса, къ обогащенію однихъ только капиталистовъ и землевладѣльцевъ.

Послѣ того, какъ изучено было бы вліяніе производительности труда на благосостояніе различныхъ классовъ общества, экономисты должны были бы перейти къ вопросу о финансовомъ хозяйствѣ и о налогахъ, и показать вліяніе этихъ послѣднихъ на движеніе производства и распредѣленіе національнаго продукта. Это и составило бы предметъ послѣдняго отдѣла первой части экономической науки, «соотвѣтствующей современному ученію о природѣ обмѣна».

«Еслибы, говоритъ Родбертусъ:—въ наукѣ держались этого метода, еслибы переходили, такимъ образомъ, отъ цѣлаго къ его частямъ, то избѣжали бы очень многихъ изъ существующихъ въ ней теперь предразсудковъ. Тогда была бы подготовлена почва для пониманія тѣхъ обстоятельствъ, въ которыхъ я вижу причину кризисовъ и пауперизма. Тогда я могъ бы, для обоснованія своихъ положеній, прямо перейти къ доказательству того, что производительность труда возросла, между тѣмъ, какъ заработная плата не увеличилась или даже упала. Послѣ этого мнѣ оставалось бы только показать, что названныя выше бѣдствія составляютъ необходимое слѣдствіе пониженія заработной платы, какъ *части* національнаго продукта. Теперь же я вынужденъ къ набросанному мною очерку лучшаго метода прибавить соотвѣтствующую ему теорію, по крайней мѣрѣ, распредѣленія національнаго продукта» [1].

Эта «изъ самой жизни заимствованная» теорія распредѣленія и представляетъ собою то, что можетъ быть названо экономической теоріей Родбертуса, въ собственномъ смыслѣ этого слова.

Г. Валентиновъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

---

[1] Zur Beleuchtung der socialen Frage, S. 32.

НАХОДКА

РАЗСКАЗЪ

БРЕТЪ-ГАРТА.

I.

Дождь пересталъ къ утру и населеніе Блестящей Звѣзды, открывъ глаза, прежде всего принялось за поиски приборовъ и жестяныхъ стакановъ, забытыхъ въ грудахъ пыли и мусора, которыя были смыты дождемъ отъ дверей хижинъ. Въ этомъ станѣ существовало преданіе, что однажды какой-то счастливчикъ, вставъ рано утромъ нашелъ на большой дорогѣ большой кусокъ золотого кварца, освобожденный дождемъ изъ подъ покрывавшаго его слоя земли. Поэтому, всѣ жители Блестящей Звѣзды на разсвѣтѣ послѣ дождя ходили не иначе, какъ съ опущенной головой и прикованными къ землѣ глазами.

Кассъ Бирдъ всталъ въ это утро очень рано, но не для поисковъ невѣдомыхъ сокровищъ. Течь въ крышѣ его хижины—что вполнѣ объяснялось его беззаботностью и непредусмотрительностью—заставила его вскочить въ 4 часа ночи. Постель его была мокрая и даже щепки, лежавшія въ углу, такъ отсырѣли, что не горѣли, когда онъ хотѣлъ развести огонь для просушки постельнаго бѣлья. Поэтому мистеръ Кассіусъ пошелъ къ сосѣду за топливомъ. Переходя черезъ дорогу, онъ вдругъ остановился. Что-то блеснуло въ ближней, красноватой лужѣ. Золото? Да, это было золото, но не грубый кусокъ руды, вышедшій изъ горнила природы, а золото, обдѣланное ювелиромъ въ

видѣ простого гладкаго кольца. Посмотрѣвъ внимательнѣе, онъ разобралъ надпись: «Майя Кассу».

Какъ большинство своихъ товарищей золото-искателей, онъ былъ суевѣренъ. «Кассъ»! Это было его имя! Онъ надѣлъ кольцо; оно едва приходилось на его мизинецъ. Очевидно, это было женское кольцо. Онъ посмотрѣлъ по дорогѣ въ обѣ стороны. Никого не было видно. Маленькія лужи на красноватой землѣ искрились подъ первыми лучами нарождавшагося дня, но не было и тѣни собственника этого кольца. Онъ зналъ, что во всемъ станѣ не находилось ни одной женщины и онъ никогда не видалъ подобнаго украшенія на грубыхъ пальцахъ своихъ немногихъ товарищей. Боясь сдѣлаться предметомъ общихъ насмѣшекъ если на его рукѣ увидятъ кольцо, да еще съ его именемъ, онъ сунулъ его въ карманъ и задумчиво вернулся въ свою хижину.

Спустя два часа, началось медленное, безпорядочное шествіе поднявшихся отъ сна рудокоповъ къ оврагу Блестящей Звѣзды, гдѣ производилась тогда раскопка и Кассъ нашелъ нужнымъ спросить у товарищей:

— Не потерялъ ли что-нибудь одинъ изъ васъ вчера вечеромъ?

— Да, я потерялъ бумажникъ съ банковыми билетами на шестьдесятъ тысячъ долларовъ, отвѣчалъ небрежно Питеръ Друммондъ:—но пусть нашедшій оставитъ ихъ себѣ, а только возвратитъ мнѣ письма иностранныхъ коронованныхъ особъ. Я ими дорожу, а деньги для меня вздоръ.

Это заявленіе, очевидно, ложное не произвело никакого впечатлѣнія и рудокопы продолжали молча свое шествіе.

— А вы? спросилъ Кассъ у другого товарища.

— Я потерялъ много денегъ на зеленомъ столѣ вчера въ Вингдамѣ, отвѣчалъ онъ задумчиво:—но врядъ ли онѣ найдутся.

Побуждаемый этими ироническими замѣчаніями, Кассъ былъ вынужденъ, наконецъ, разсказать о случившемся и показать свою находку. Тотчасъ возникло болѣе дюжины различныхъ предположеній, изъ которыхъ только одно было признано вѣроятнымъ, какъ вполнѣ соотвѣтствовавшее мрачному настроенію рудокоповъ, которое, повидимому, происходило отъ плохо разжеванной свинины за утреннимъ завтракомъ. По всей вѣроятности, это кольцо обронилъ какой-нибудь «герой большихъ дорогъ», спасаясь съ своей добычей отъ погони.

— Я на вашемъ мѣстѣ, сказалъ Друммондъ, насупивъ брови:— не носилъ бы при всѣхъ этого кольца. При мнѣ не разъ вѣшали людей на основаніи мѐньшихъ уликъ.

— А я не сталъ бы разсказывать, что такъ дьявольски рано всталъ, прибавилъ еще бо́льшій пессимистъ:—это, пожалуй, не понравится присяжнымъ.

Тутъ рудокопы разошлись каждый въ свою сторону и Кассъ остался одинъ съ кольцомъ въ рукѣ и съ непріятнымъ сознаніемъ, что онъ же возбудилъ подозрѣніе въ своихъ товарищахъ.

Несмотря на первую суевѣрную надежду, возбужденную въ сердцѣ Касса находкой кольца, она не принесла счастья ни ему, ни всему стану. Ежедневная тяжелая работа приносила попрежнему очень скудный результатъ, только увеличивая иронически-мрачное настроеніе Блестящей Звѣзды. Но если Кассъ не извлекъ никакой матеріальной пользы изъ своего сокровища, то оно развило въ значительной степени его воображеніе, которому дотолѣ не было пищи въ безпечной, неряшливой и самодовольной жизни уединеннаго стана. Внявъ благоразумному совѣту товарищей, онъ носилъ кольцо только ночью. Завернувшись въ простыню, онъ тихонько надѣвалъ на мизинецъ кольцо и, по его словамъ, «спалъ какъ никогда». Порождало ли оно болѣе нѣжные сны и болѣе привлекательныя видѣнія въ спокойныя, холодныя, осеннія ночи, когда даже луна и звѣзды какъ бы исчезали на ледяно-синемъ, стальномъ небѣ, я право, не знаю. Но во всякомъ случаѣ, онъ днемъ и ночью мечталъ о своей находкѣ и возможной разгадкѣ ея тайны, что, конечно, изолировало его отъ товарищей, лишая его благихъ совѣтовъ ихъ практической, хотя и вѣчно угрюмой мудрости.

— Лопни у меня глаза, если Кассъ не влюбленъ въ найденное имъ кольцо, говорилъ одинъ изъ рудокоповъ:—онъ носитъ его на снуркѣ вокругъ шеи.

Между тѣмъ, время шло. Красноватыя лужи на большой дорогѣ просохли подъ пекломъ іюньскаго солнца и отъ буйныхъ, ночныхъ вѣтровъ. Трава, выросшая на мѣстѣ этихъ лужъ, въ свою очередь, засохла, и смутные, неопредѣленные слѣды весны исчезли въ всепоглощающей лѣтней пыли.

Во время одного изъ своихъ длинныхъ, безцѣльныхъ странствій, Кассъ углубился въ чащу каштановыхъ деревьевъ и орѣшника. Вдругъ онъ совершенно неожиданно для себя вышелъ на большую дорогу, которая вела къ Краснокожему Перекрестку. Судя по густымъ облакамъ пыли, только-что прошелъ мимо дилижансъ. Онъ дошелъ до того въ своихъ постоянныхъ мечтаніяхъ, что всякое новое обстоятельство казалось ему путемъ къ объясненію мучившей его тайны. Его глаза машинально опустились въ землю, словно онъ ожидалъ найти реальное подтвержденіе

своихъ фантазій. Онъ былъ такъ занятъ этими воображаемыми поисками, что не замѣтилъ какъ на дорогѣ, передъ кустами, изъ-за которыхъ онъ вышелъ, показалась молодая дѣвушка верхомъ, словно выскочила изъ земли.

— Подите сюда, скорѣе!

Кассъ вытаращилъ глаза и пошелъ къ ней, но очень неохотно.

— Я слышала, что кто-то идетъ въ кустахъ и поджидала съ нетерпѣніемъ, сказала она:—идите скорѣе. Тутъ нѣчто страшное.

Несмотря на это, Кассъ замѣтилъ, что хотя она говорила торопливо, но голосъ ея не былъ ни взволнованъ, ни испуганъ, а глаза прямо смотрѣли на него.

— Вотъ здѣсь, именно здѣсь, продолжала она съ необыкновеннымъ оживленіемъ:—я вошла въ кусты, чтобъ сорвать прутъ для лошади... и вотъ... вотъ что нашла.

Они отошли отъ большой дороги на тридцать шаговъ. Единственный предметъ, на которомъ остановились глаза Касса, была высокая, мужская шляпа, лежавшая на травѣ. Она была новая, блестящая и моднаго фасона, но до того странно было видѣть ее въ подобной обстановкѣ, что Кассъ еще болѣе вытаращилъ глаза.

— Вы не туда смотрите, произнесла рѣзко молодая дѣвушка: —вотъ здѣсь!

Кассъ обратилъ свой взглядъ въ ту сторону, куда она указывала прутомъ. Прежде всего его глазамъ представился сюртукъ, небрежно брошенный на землю, а потомъ онъ замѣтилъ бѣлую, сжатую руку, торчавшую изъ рукава, панталоны, оканчивавшіяся двумя сапогами, указывавшими на небо подъ различными углами. Это было мертвое тѣло, до того мертвое, что жизнь, казалось, отлетѣла отъ самой одежды. Голова отвисла назадъ и полускрывалась въ травѣ, но бѣлое, обращенное къ небу лицо съ закрытыми глазами не такъ страшно говорило о смерти, какъ отвратительная одежда. Одна рука лежала на вздутомъ животѣ, какъ у спящаго послѣ сытаго обѣда джентльмэна.

— Не правда ли, страшно? воскликнула молодая дѣвушка:— но отчего онъ умеръ?

Колеблясь между силой хладнокровнаго любопытства молодой дѣвушки и ужасомъ, который возбуждало въ немъ мертвое тѣло, Кассъ, однако, приподнялъ бездыханную голову. Синеватая пробоина надъ правымъ вискомъ и нѣсколько коричневыхъ пятенъ на лбу, воротникѣ рубашки и волосахъ были единственными слѣдами преступленія.

— Поверните, сказала съ нетерпѣніемъ молодая дѣвушка,

видя, что Кассъ хочетъ снова положить голову на траву:—можетъ быть, найдется другая рана.

Но Кассъ смутно помнилъ, что находка мертвыхъ тѣлъ сопровождается извѣстными формальностями, и не сталъ производить дальнѣйшаго осмотра.

— Уѣзжайте лучше отсюда, миссъ, сказалъ онъ: — а то еще попадете въ свидѣтели. Я же тотчасъ дамъ знать въ Краснокожій Перекрестокъ и пришлю сюда коронера.

— Я поѣду съ вами, отвѣчала она съ жаромъ:—я не боюсь попасть въ число свидѣтелей. Или, прибавила она, не обращая вниманія на удивленіе Касса:—я подожду васъ здѣсь.

— Но вѣдь не хорошо, миссъ...

— Я его первая нашла, произнесла молодая дѣвушка, надувъ губы.

Пораженный этими словами, такъ какъ право первенства священно въ глазахъ всякаго рудокопа, Кассъ остановился.

— Какъ зовутъ коронера? спросила она.

— Джо Горнби.

— Это высокій, хромой мужчина, съ просѣдью?

— Да.

— Хорошо. Я поѣду за нимъ и привезу черезъ полчаса.

— Но, миссъ...

— Не безпокойтесь обо мнѣ. Я никогда не видывала такого зрѣлища и хочу досмотрѣть его до конца.

— Вы знаете Горнби? спросилъ Кассъ, съ какимъ-то безсознательнымъ неудовольствіемъ.

— Нѣтъ, но я его привезу.

И она повернула лошадь.

Въ виду этой живой, энергичной дѣвушки, Кассъ забылъ о мертвецѣ.

— Давно вы въ нашихъ мѣстахъ, миссъ? спросилъ онъ.

— Около двухъ недѣль, отвѣчала она коротко:—до свиданія. Поищите, нѣтъ ли гдѣ по близости пистолета, хотя я два раза внимательно осматривала все мѣсто.

Лошадь быстро выбралась на дорогу и исчезла въ облакѣ пыли.

Не прошло и пяти минутъ, какъ мистеръ Кассіусъ сталъ сожалѣть, что онъ не отправился съ нею; дожидаться въ этомъ уединенномъ мѣстѣ подлѣ мертваго тѣла было очень непріятно. Всѣ его старанія найти орудіе смерти или какое-нибудь другое вещественное доказательство не привели ни къ чему. Его стало мучить нетерпѣніе. Онъ ненавидѣлъ себя за то, что остался и съ радостью убѣжалъ бы, еслибы его не удерживало чувство

стыда. Онъ даже не просіялъ, когда черезъ полчаса на пыльномъ горизонтѣ показались двѣ скачущія фигуры — Горнби и молодой дѣвушки.

Напротивъ, онъ еще болѣе насупился. Они какъ бы не замѣчали его. Коронеръ кивнулъ ему слегка головой и, приподнявъ мертвое тѣло съ помощью молодой дѣвушки, энергія и мужество которой, повидимому, приводили его въ восторгъ, приступилъ къ подробному обыску. Въ карманахъ мертвеца найдено было нѣсколько мелкихъ монетъ, серебряный карандашъ, ножикъ и коробка съ табакомъ. Все это не обнаруживало его личности. Вдругъ молодая дѣвушка, ставшая на колѣни подлѣ мертваго тѣла и съ любопытствомъ слѣдившая за всѣми движеніями коронера, воскликнула:

— Я что-то нашла! Оно упало у него изъ-за пазухи на землю! Посмотрите.

Она держала въ рукахъ между перстомъ и указательнымъ пальцемъ что-то завернутое въ газетную бумагу. Глаза ея блестѣли отъ удовольствія.

— Открыть? спросила она.

— Да.

— Это маленькое кольцо, воскликнула молодая дѣвушка: — оно походитъ на обручальное. И на немъ написано, посмотрите— «Майя Кассу».

Кассъ бросился къ нимъ.

— Это мое кольцо, промолвилъ онъ, заикаясь: — я его уронилъ. Это ничего, прибавилъ онъ, смущаясь и краснѣя, какъ маленькая дѣвочка:—я возьму.

— Нѣтъ, погодите, отвѣчалъ коронеръ, отводя его протянутую руку.

— Но оно мое, продолжалъ Кассъ и чувство стыда замѣнилось въ немъ негодованіемъ:—я нашелъ его на большой дорогѣ, шесть мѣсяцевъ тому назадъ.

— И ваше имя было уже вырѣзано на кольцѣ? ловко замѣтилъ коронеръ.

— Это старая исторія, отвѣчалъ Кассъ, снова краснѣя отъ устремленнаго на него насмѣшливаго взгляда молодой дѣвушки:—всему стану извѣстно, что я нашелъ это кольцо.

— Значитъ, вамъ не трудно будетъ доказать свои права на него, произнесъ холодно коронеръ: — а теперь мы его нашли и возьмемъ какъ вещественное доказательство.

Кассъ пожалъ плечами. Дальнѣйшее препирательство только сдѣлало бы его еще смѣшнѣе въ глазахъ молодой дѣвушки. Онъ отошелъ, оставивъ свое сокровище въ рукахъ коронера.

Слѣдствіе коронера окончилось черезъ два дня. Не было никакихъ доказательствъ, констатирующихъ личность покойнаго, и нельзя было опредѣлить, убитъ ли онъ или самъ посягнулъ на свою жизнь. Точно также ни на комъ не останавливалось подозрѣніе въ убійствѣ. Но при разбирательствѣ дѣла особый интересъ возбудила въ публикѣ главная свидѣтельница, хорошенькая молодая дѣвушка. «Присутствію духа, смѣлости и мужеству миссъ Портеръ, говорилось въ *Вѣстникѣ Краснокожаго Перекрестка:*—обязаны мы находкой мертваго тѣла. Всѣ присутствовавшіе при слѣдствіи коронера были приведены въ восторгъ наружностью и поведеніемъ этой прелестной молодой дѣвушки. Миссъ Портеръ только недавно прибыла въ нашъ околодокъ, гдѣ она, мы надѣемся, останется навсегда, служа примѣромъ для всѣхъ слабонервныхъ и сентиментальныхъ представителей такъ называемаго сильнаго пола». Эти послѣднія ироническія слова, по общему мнѣнію, относились къ Кассу Бирду, о которомъ такъ говорилось въ этой же газетѣ: «Нѣкоторый интересъ былъ возбужденъ находкой на мертвомъ тѣлѣ маленькаго обручальнаго кольца, такъ какъ надѣялись съ помощью его опредѣлить личность покойнаго. Но потомъ были представлены свидѣтели въ доказательство того, что это кольцо принадлежитъ нѣкоему мистеру Кассу Бирду изъ Блестящей Звѣзды, который явился на сцену послѣ находки мертваго тѣла прелестной миссъ Портеръ. Онъ увѣрялъ, что уронилъ кольцо, поднимая мертвое тѣло. Публика много смѣялась при видѣ смущенія мистера Бирда на судѣ и явно пристрастныхъ показаній въ его пользу товарищей рудокоповъ изъ Блестящей Звѣзды. По его словамъ, онъ нашелъ этотъ залогъ любви на большой дорогѣ шесть мѣсяцевъ тому назадъ и потому коронеръ очень благоразумно передалъ въ судъ на храненіе это спорное имущество, пока не найдется его законный собственникъ.

Такимъ образомъ, 15-го сентября 186... г., Кассъ разстался съ своей находкой.

Однако, въ эту же осень тайна объяснилась. Канака Джо былъ арестованъ по обвиненію въ угонѣ лошади, но съ благороднымъ чистосердечіемъ сознался въ болѣе благородномъ преступленіи — въ убійствѣ. Не было сомнѣнія, что Канака Джо убилъ неизвѣстнаго, мертвое тѣло котораго нашла миссъ Портеръ. Любопытство овладѣло импровизованными судьей и присяжными.

— У насъ было честное побоище, сказалъ обвиняемый съ нѣкоторымъ самодовольствомъ, чувствуя, что публика съ жадностью прислушивается къ каждому его слову: — и побѣда оста-

лась за тѣмъ, кто проворнѣе и ловчѣе владѣлъ пистолетомъ. Между нами произошла непріятность въ Лагранжѣ, потому что у каждаго изъ насъ оказалось въ рукахъ по четыре туза. Мы затѣяли драку, но насъ розняли; значитъ, намъ оставалось только стрѣлять другъ въ друга при первой встрѣчѣ. На слѣдующее утро, на разсвѣтѣ, онъ уѣхалъ изъ Лагранжа, а я пошелъ наискосокъ черезъ лѣсъ и встрѣтилъ его случайно на большой дорогѣ въ Краснокожій Перекрестокъ. Я взвелъ курокъ и крикнулъ ему. Онъ соскочилъ съ своей кобылы и хотѣлъ, прикрывшись, выстрѣлить въ меня, но она стала пятиться и отбросила его въ траву. Тамъ я его и уложилъ.

— И вы украли его кобылу? спросилъ судья.

— Я ускакалъ на ней, отвѣчалъ просто обвиняемый.

Дальнѣйшими распросами выяснилось, что Джо было неизвѣстно ни имя, ни положеніе въ свѣтѣ его жертвы. Его никто не зналъ въ Лагранжѣ.

Всѣ въ Блестящей Звѣздѣ были недовольны этой необычайной медленностью правосудія. Многіе полагали, что слѣдовало Джо повѣсить за конокрадство, а потомъ уже судить за убійство, но большинство выражало болѣе мягкое мнѣніе, и склонялись къ тому, чтобы совершенное имъ убійство было принято за доказательство угона имъ лошади. Многіе изъ обитателей Краснокожаго Перекрестка, въ томъ числѣ и коронеръ, прибыли по этому случаю въ Блестящую Звѣзду.

Кассъ Бирдъ не пошелъ на разбирательство, которое напоминало ему о непріятномъ событіи, и съ рудокопными инструментами въ рукахъ отправился изъ стана подалѣе. Но онъ не производилъ никакихъ развѣдокъ, а просто шагалъ безцѣльно куда глаза глядѣли. Наконецъ, онъ очутился на большой дорогѣ въ Краснокожій Перекрестокъ. Эта мѣстность, полускрываемая облаками пыли, была знакома Кассу, хотя нѣсколько ямъ, вырытыхъ у самой дороги, доказывали, что тутъ недавно работалъ какой-то развѣдчикъ. Пыль мало-по-малу разсѣялась и Кассъ снова очутился на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ лежало мертвое тѣло. Онъ вздрогнулъ. Вся обстановка была прежняя; недоставало только поразительнаго контраста между бездыханнымъ трупомъ и живой, энергичной молодой дѣвушкой. Мертвое тѣло, дѣйствительно, исчезло, но, обернувшись, онъ увидалъ передъ собою въ нѣсколькихъ шагахъ миссъ Портеръ. Она была верхомъ и смотрѣла на него своимъ обычнымъ прямымъ, зоркимъ взглядомъ. Страшная дрожь пробѣжала по всему его тѣлу.

— Я пріѣхала сюда, чтобы освѣжить въ моей памяти все слу-

чившееся, сказала она, слегка кивнувъ ему головой: — мистеръ Горнби полагаетъ, что мнѣ надо будетъ снова явиться свидѣтельницей въ Блестящей Звѣздѣ.

Кассъ небрежно ударилъ киркой по землѣ, но не сказалъ ни слова.

— А вы? спросила она.

— Я былъ на развѣдкѣ и случайно попалъ сюда.

— Такъ вы подѣлали эти ямы?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Кассъ презрительно:—только человѣкъ, незнакомый съ этой мѣстностью, вздумалъ бы искать здѣсь золота.

Молодая дѣвушка засмѣялась, обнаруживая два ряда очень бѣлыхъ зубовъ.

— Но вѣдь каждый рудокопъ знаетъ, что пролитая кровь приноситъ счастіе и что на мѣстѣ убійства часто находится золото.

— Я никогда этого не слыхалъ.

— И вы еще называете себя калифорнійскимъ рудокопомъ?

— Да.

Миссъ Портеръ ясно видѣла по его опущеннымъ въ землю глазамъ и краткой, рѣзкой рѣчи, что онъ не былъ расположенъ къ ней. Она пристально посмотрѣла на него и вспыхнула.

— Однако, вы не походите на большинство видѣнныхъ мною рудокоповъ, сказала она, натягивая поводья.

— И вы не походите на видѣнныхъ мною молодыхъ дѣвушекъ, отвѣчалъ онъ.

— Что вы хотите этимъ сказать? спросила она, осаживая лошадь.

— Ничего, промолвилъ онъ рѣзко.

Хотя этотъ отвѣтъ былъ вполнѣ правдивый, но черезъ мгновеніе онъ показался ему неприличнымъ и недостойнымъ. Онъ хотѣлъ взять свое слово назадъ, но миссъ Портеръ была уже далеко.

Онъ снова встрѣтился съ нею въ этотъ самый вечеръ. Импровизованный судъ былъ прерванъ неожиданнымъ появленіемъ Калаверасскаго шерифа, который взялъ Джо и повезъ его на югъ, гдѣ ожидало его болѣе авторитетное и обдуманное правосудіе. Но прежде этого непредвидѣннаго событія, на судѣ былъ прочитанъ протоколъ слѣдствія коронера и снова вышло на сцену кольцо. Обвиняемый разсмѣялся и просилъ, чтобы ему показали эту таинственную находку. Ему подали кольцо. Стоя въ виду дерева, на которомъ его черезъ нѣсколько часовъ могли повѣсить, Джо расхохотался и такъ искренно, что ему завто-

рили судья и присяжные. Когда водворилась тишина, судья спросилъ у подсудимаго объясненія этого смѣха, но онъ молчалъ.

— Кольцо—ваше? спросилъ строго судья и всѣ присутствующіе ждали съ улыбкой отвѣта.

Но подсудимый не произнесъ ни слова и только саркастически обводилъ глазами всю комнату.

— Разскажите намъ эту исторію, Джо, шепнулъ ему одинъ изъ присяжныхъ:—и мы васъ помилуемъ.

— Подсудимый, сказалъ судья съ оффиціальнымъ достоинствомъ: — помните, что это для васъ вопросъ жизни и смерти. Вы не хотите отвѣчать?

Джо небрежно облокотился на спинку своего кресла и произнесъ:

— Я, кажется, не обвиняюсь здѣсь въ кражѣ кольца, которое, по увѣренію другого человѣка, найдено имъ и, насколько я понимаю, онъ не имѣетъ ничего общаго съ этимъ дѣломъ.

Въ эту минуту явился на сцену Калаверасскій шерифъ и тайна осталась неразгаданной.

Саркастическое замѣчаніе Джо поразило въ самое сердце Касса, который въ послѣднее время становился все мрачнѣе. Его юморъ и откровенность исчезали и онъ сталъ рѣзкимъ, суровымъ. Сначала онъ самъ смѣялся надъ своими разсѣявшимися мечтами, но потомъ горькое разочарованіе мало-по-малу заставило его отвернуться отъ своихъ товарищей.

Вечеромъ въ этотъ день, Кассъ Бирдъ, всѣми обвиняемый въ чрезмѣрной сентиментальности и непослѣдовательности, взялъ мѣсто въ дилижансѣ, отправлявшемся въ Краснокожій Перекрестокъ. Онъ обыкновенно предпочиталъ наружныя мѣста, но, увидавъ на козлахъ рядомъ съ возницею Горнби и миссъ Портеръ, измѣнилъ своей привычкѣ и помѣстился внутри дилижанса. Однако, къ его большому удовольствію, она его не замѣтила, и такъ какъ внутри дилижанса не было другихъ пассажировъ, то, растянувшись на задней скамейкѣ, онъ погрузился въ мрачныя думы. Онъ рѣшился покинуть Блестящую Звѣзду, серьёзно взяться за какое-нибудь выгодное дѣло, и, наживъ большое состояніе, вернуться къ товарищамъ богатымъ и гордымъ человѣкомъ. Луна поэтично освѣщала внутренность дилижанса своими серебристыми лучами, и онъ снова унесся въ безконечное пространство на крыльяхъ фантастичныхъ мечтаній. Вдругъ дилижансъ остановился. На козлахъ послышались громкія голоса. Кассъ машинально схватился за пистолетъ.

— Благодарю васъ, но я хочу сойти.

Это былъ голосъ миссъ Портеръ. Затѣмъ послѣдовалъ обмѣнъ

словъ между Горнби и возницей. Наконецъ, послѣдній рѣзко произнесъ:

— Если она желаетъ сѣсть внутрь, то не мѣшайте ей.

Миссъ Партеръ соскочила на землю. Горнби послѣдовалъ за нею.

— Подождите минутку, миссъ, произнесъ онъ полусмущеннымъ полурѣзкимъ тономъ:—вы меня не поняли, я только...

Но миссъ Портеръ уже вскочила въ дилижансъ.

Горнби схватился за ручку двери. Миссъ Портеръ крѣпко держала ее изнутри.

Кассъ очнулся отъ своихъ мечтаній и спросилъ такимъ мужественнымъ тономъ, что самъ удивился:

— Вы не желаете, чтобы онъ вошелъ?

— Нѣтъ.

Кассъ схватилъ изо всей силы руку Горнби. Но этой необдуманной выходкой только содѣйствовалъ тому, что дверь отворилась. Впрочемъ, онъ вылетѣлъ прямо на своего врага и, схвативъ его за шею, грохнулся вмѣстѣ съ нимъ на землю.

— Эй! Возьмите кто-нибудь возжи! воскликнулъ возница и, соскочивъ съ козелъ, рознялъ бойцевъ.

— Вы сидите въ дилижансѣ? спросилъ онъ у Касса, но прежде, чѣмъ тотъ могъ отвѣтить, миссъ Портеръ крикнула, высунувшись изъ окна:

— Да.

Чарли быстро сунулъ Касса въ дверь дилижанса и захлопнулъ ее за нимъ.

— А вы? обратился онъ къ Горнби:—если вы не хотите идти пѣшкомъ, то садитесь на козлы.

По всей вѣроятности, онъ помогъ и Горнби вернуться на свое мѣсто, потому что черезъ минуту дилижансъ снова катился по дорогѣ.

Между тѣмъ, Кассъ былъ брошенъ возницей прямо въ объятія миссъ Портеръ; поспѣшно освободившись, онъ хотѣлъ проложить себѣ дорогу въ отдаленный уголъ, но въ это мгновеніе лошади двинулись и его такъ покачнуло, что онъ стукнулся о плечи молодой дѣвушки. Все это ни мало не соотвѣтствовало его рѣшимости держать себя на почтительномъ отъ нея разстояніи. Что же касается до миссъ Портеръ, то она мгновенно оправилась отъ волненія.

— Какой грубіянъ! произнесла она, завязывая шляпку и разглаживая смятое полотнянное пальто.

Кассъ посмотрѣлъ на нее, словно забывъ все, что̀ произошло.

— А, да, понимаю, промолвилъ онъ разсѣянно.

— Мнѣ надо васъ поблагодарить, продолжала она съ улыбкой: —хотя, право, я не пустила бы его сюда и дверь не отворилась бы, еслибы вы не схватили его руки. Вотъ посмотрите. Просуньте руку въ окно и возьмите снаружи ручку, а я буду держать ее изнутри. Вы видите, вы не можете отворить двери.

Она дѣйствительно крѣпко держала дверь. Ея рука была сильная, хотя нѣжная и бѣлая. Онъ ничего не отвѣтилъ и молча вернулся на свое мѣсто, ощутивъ какое-то странное чувство, когда ихъ пальцы случайно встрѣтились. Онъ сидѣлъ въ тѣни, а потому могъ незамѣтно разглядѣть ее. Онъ ни разу еще не видѣлъ ее вполнѣ. Она была не такого высокого роста, какъ ему показалось сначала. Глаза ея были небольшіе, но зрачки черные, влажные, бархатные и до того выпуклые, что, казалось, выходили изъ бѣлка. Носъ ея былъ некрасивый, цвѣтъ лица блѣдный, а у рта и носа виднѣлись маленькія, какъ зерна перца, веснушки. Ротъ у нея былъ прямой, губы темно-красныя и влажныя, какъ глаза. Она сидѣла въ углу дилижанса, откинувъ голову назадъ и протянувъ красиво обутыя ноги на противоположное сидѣніе, словно въ дилижансѣ не было никого другого.

Прошло пять минутъ. Она смотрѣла на луну. Кассъ Бирдъ чувствовалъ, что его молчаніе становится неловкимъ, и что ему надо быть холоднымъ, но приличнымъ.

— Я надѣюсь, что не перепугалъ васъ, началъ онъ и остановился.

— Меня? Нисколько, отвѣчала миссъ Портеръ, выпрямившись и потомъ снова принимая свою прежнюю позу.

Опять прошло пять минутъ. Его обижала ея холодность. Она могла бы быть хоть учтивой.

Однако, при лунномъ свѣтѣ, ея лицо казалось гораздо нѣжнѣе. Даже ея рѣшительныя скулы потеряли теперь грубость своихъ очертаній и не заставляли его стыдиться за свою слабость. Ея влажные глаза ярко блестѣли. Вотъ ихъ блескъ сверкнулъ и какъ бы покатился по щекѣ. Неужели это были слезы. Да, она плакала.

Сердце Касса растаяло. Миссъ Портеръ высунула голову въ окно, и когда она, черезъ минуту, повернула къ нему лицо, глаза ея были сухи.

— Въ дорогѣ поневолѣ встрѣчаешь всякихъ людей, замѣтилъ Кассъ.

— Вѣроятно. Но я путешествовала по всей странѣ съ дѣтства и никто еще не обращался со мною грубо или неприлично. Я всегда дѣлала, что хотѣла. Быть можетъ, это другимъ не

нравится, но я люблю дѣйствовать самостоятельно. Я люблю сильныя впечатлѣнія. Я желаю все видѣть. Я не вижу причины, почему мнѣ нельзя путешествовать безъ проводника и дѣлать то, что̀ дѣлаютъ мужчины? Можетъ быть, вы со мною не согласны и полагаете, что молодая дѣвушка должна киснуть дома, играя на фортепіано и читая романы? Можетъ быть, вы считаете меня слишкомъ смѣлой, потому что я не люблю никакихъ стѣсненій и прямо это говорю?

Она произнесла эти слова рѣзкимъ, вызывающимъ тономъ, точно отвѣчая на его безмолвное обвиненіе.

— Васъ непріятно поразило, что я поѣхала за коронеромъ послѣ нашей находки мертваго тѣла.

— А Горнби былъ очень доволенъ, замѣтилъ Кассъ иронически.

— Что вы хотите этимъ сказать? спросила она рѣзко.

— Вы были съ нимъ друзья, пока...

— Пока онъ меня не оскорбилъ, не такъ ли?

— Пока онъ не вздумалъ, что можетъ вести себя съ вами свободнѣе, такъ какъ вы сами ведете себя свободнѣе другихъ молодыхъ дѣвушекъ.

— Такъ потому, что я предпочла съѣздить за нимъ, посмотрѣть на факты ежедневной жизни и принести хоть какую-нибудь пользу, нежели шататься по улицамъ или магазинамъ...

— Плѣняя всѣхъ вашей красотой, прибавилъ Кассъ, стараясь быть любезнымъ.

Но его комплиментъ не удался. Миссъ Портеръ выпрямилась, гордо подняла голову и, выглянувъ въ окно, сказала:

— Вы хотите, чтобъ я дошла до дома пѣшкомъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ поспѣшно Кассъ, покраснѣвъ.

— Такъ оставьте эти разговоры.

Наступило неловкое молчаніе.

— Какъ я желала бы быть мужчиной, произнесла неожиданно миссъ Портеръ: — однако, я ходила на всѣ пожары въ Сакраменто, когда мнѣ было десять лѣтъ. И никто не находилъ это неприличнымъ.

— А ваши родители оказывали сопротивленіе вашимъ мужскимъ вкусамъ? спросилъ онъ.

— Сопротивленіе? Я бы желала это видѣть.

Между тѣмъ, дорога перемѣнила направленіе и теперь луна освѣтила Касса, играя на его шелковыстыхъ усахъ, длинныхъ бровяхъ и загорѣлыхъ щекахъ.

— Что̀ у васъ на шеѣ? неожиданно воскликнула молодая дѣвушка.

Кассъ взглянулъ внизъ и покраснѣлъ, увидавъ, что воротникъ его рубашки былъ разорванъ и открытъ. Но этого мало, рубашка была въ крови отъ легкой раны на плечѣ. Онъ вспомнилъ, что во время борьбы съ Горнби, онъ почувствовалъ какую-то царапину.

Нѣжные глаза молодой дѣвушки засверкали.

— Позвольте, я перевяжу вамъ рану, сказала она поспѣшно:— о, я привыкла къ этому. Идите сюда, или я приду къ вамъ.

Она быстро пробралась къ нему; ея пальцы дотронулись до него; онъ чувствовалъ ея дыханіе на своей щекѣ.

— Это ничего, сказалъ онъ, болѣе взволнованный ея близостью, чѣмъ раной.

— Дайте мнѣ вашу фляжку, продолжала она, не обращая никакого вниманія на его слова и, намочивъ свой платокъ водкой, обвязала имъ рану; вотъ и готово. Теперь закутайтесь хорошенько, чтобъ не простудиться.

И она сама застегнула ему сюртукъ. Но потомъ она немного отшатнулась, покраснѣвъ, хотя сама удивлялась овладѣвшему ею смущенію, такъ какъ его кожа была нѣжнѣе, одежда чище и онъ не отличался дурнымъ запахомъ, какъ многіе мужчины и въ томъ числѣ ея отецъ.

— Что вы намѣрены дѣлать съ Горнби? спросила она послѣ минутнаго молчанія.

Кассъ о немъ не думалъ. Его кратковременная, гнѣвная вспышка прошла и, хотя онъ не боялся Горнби, но не желалъ продолжать съ нимъ единоборство.

— Это будетъ зависѣть отъ него, отвѣчалъ онъ.

— Онъ оставитъ васъ въ покоѣ, произнесла молодая дѣвушка:—но право, вамъ надо бы развить мускулы. Вы слабы, какъ дѣвчонка.

Она остановилась немного смущенная.

— А что мнѣ сдѣлать съ вашимъ платкомъ? спросилъ неожиданно Кассъ, желая перемѣнить разговоръ.

— Оставьте у себя, если хотите, только не показывайте всѣмъ, какъ найденное вами кольцо. Конечно, прибавила она, увидавъ, что лицо его принимаетъ мрачное выраженіе: — это пустяки. Еслибъ вы очень цѣнили кольцо, то не стали бы его показывать всякому и болтать о немъ безъ устали, не правда ли?

Онъ не могъ не согласиться съ нею мысленно, удивляясь, что этотъ взглядъ ему прежде не приходилъ въ голову.

— Но скажите, вы дѣйствительно его нашли? спросила она серьёзнымъ тономъ.

— Да.

— И не было настоящей Майи?

— Насколько мнѣ извѣстно, отвѣчалъ со смѣхомъ Кассъ, очень довольный, хотя самъ не зналъ чѣмъ.

Но миссъ Портеръ пристально посмотрѣла на него и, вернувшись на свое прежнее мѣсто, промолвила:

— Не лучше ли вамъ отдать мнѣ платокъ?

Кассъ началъ молча растегивать сюртукъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! Вы хотите простудиться на смерть! воскликнула она.

Кассъ поспѣшно застегнулся съ очень пріятнымъ ощущеніемъ.

Послѣ этого она мало разговаривала до конца своего путешествія.

Дилижансъ остановился на большой улицѣ Краснокожаго Перекрестка. Послышались громкіе голоса, засверкали огни въ окнахъ. Миссъ Портеръ поспѣшно вышла изъ дилижанса, не дожидаясь помощи Касса и перекинулась нѣсколькими словами съ Чарли.

— Вы можете всегда на меня надѣяться, миссъ, отвѣчалъ онъ.

Она засмѣялась, протянула руку Кассу, слегка отвѣчала на его пожатіе и быстро удалилась.

II.

Спустя нѣсколько дней послѣ поѣздки Касса въ дилижансѣ съ миссъ Портеръ, возница Чарли остановилъ Касса на большой дорогѣ въ Блестящей Звѣздѣ и передалъ ему маленькій свертокъ.

— Миссъ Портеръ вамъ прислала, сказалъ онъ: — это ваше глупое кольцо, о которомъ писали во всѣхъ газетахъ. Она выманила его у стараго судьи Бумпойнтера. Послушайтесь моего совѣта, бросьте его; пусть кто-нибудь другой найдетъ и будетъ съ нимъ возиться.

— Сказала она вамъ что-нибудь? спросилъ Кассъ съ безпокойствомъ, но взялъ потерянное сокровище.

— Да, конечно. Она просила, чтобъ я не допустилъ драки между вами и Горнби. Такъ не приставайте къ нему, а я ужь приму мѣры, чтобъ онъ васъ оставилъ въ покоѣ.

Съ этими словами Чарли знаменательно подмигнулъ, хлестнулъ по лошадямъ и скрылся въ облакѣ пыли.

Кассъ открылъ свертокъ. Въ немъ не было ничего, кромѣ кольца. Получить его такимъ образомъ, безъ записки, безъ двухъ словъ любезныхъ, сочувственныхъ или хотя бы ироническихъ, показалось Кассу оскорбительнымъ. Что она хотѣла сказать этимъ подаркомъ? Сдѣлать смѣшнымъ его безуміе въ его собственныхъ глазахъ, или отблагодарить его за оказанную ей услугу? Въ первую минуту онъ хотѣлъ было послѣдовать совѣту Чарли и бросить на дорогу этотъ символъ безумія и презрѣнія. И не оскорбила ли она его вдвойнѣ, прося Чарли быть его заступникомъ? Онъ рѣшилъ тотчасъ пойти домой и отослать ей данный ему платокъ. Но отъ исполненія этого плана мести удержала его прозаическая мысль, что хотя онъ вымылъ платокъ въ своей хижинѣ, но не могъ его выгладить, а, конечно, было немыслимо послать его неглаженнымъ.

Въ продолженіи двухъ недѣль, сердце Касса было полно горечи. Потомъ извѣстіе объ оправданіи судомъ Канака Джо, на время воскресило исторію о кольцѣ въ памяти обитателей Блестящей Звѣзды и возбудило повтореніе старыхъ шутокъ. Но вскорѣ все это было забыто; въ послѣдніе мѣсяцы, счастье отвернулось отъ стана и какъ ранніе снѣга, такъ и даромъ потраченный капиталъ на неудачныя развѣдки уничтожили всякую тѣнь юмора, которымъ отличались рудокопы въ дни своего благоденствія. Блестящая Звѣзда, по справедливому замѣчанію ея обитателей, «спѣла свою пѣсню».

Кассъ мужественно боролся съ злой судьбой и даже заслужилъ похвалу своихъ товарищей. Впрочемъ, онъ и самъ былъ доволенъ собою; онъ сознавалъ въ себѣ болѣе силы, здоровья, самодѣятельности. Онъ началъ обращать свое пламенное воображеніе и сметливость на практическія цѣли и сдѣлалъ нѣсколько открытій, которыя поразили удивленіемъ его товарищей. Однако, открытія Касса не принесли немедленно денежной прибыли и Блестящая Звѣзда, употреблявшая на свои ежедневныя нужды извѣстное число фунтовъ хлѣба и свинины, не производила ихъ эквивалента золотомъ. Блестящая Звѣзда потеряла всякій кредитъ. Блестящая Звѣзда стала голодать и приняла грязный, оборванный видъ. Блестящая Звѣзда померкла.

Неся свою долю общаго бѣдствія, посѣтившаго станъ, Кассъ имѣлъ и свои личныя злополучія. Онъ твердо рѣшился забыть миссъ Портеръ и все, что могло ему напомнить несчастное кольцо, но, какъ на зло, она вѣчно преслѣдовала его; ея граціозная фигура мерещилась ему во снѣ и на яву, ея голосъ онъ слышалъ въ плескѣ рѣки, ея блестящіе глаза, казалось, манили его изъ темноты, какъ только наступала ночь. Частью по

этой причинѣ, а частью потому, что его одежда пришла въ очень плачевный видъ, онъ избѣгалъ Краснокожаго Перекрестка и вообще тѣхъ мѣстъ, гдѣ онъ могъ ее встрѣтить. Однако, несмотря на всѣ предосторожности, онъ встрѣтилъ ее однажды въ кабріолетѣ, которымъ она сама правила; но она была такъ нарядна и великолѣпна, что онъ со стыдомъ спрятался за дерево. Въ эту минуту онъ просто ненавидѣлъ ее. Его товарищи рѣдко говорили о ней, инстинктивно боясь поколебать его спартанскую твердость; но онъ по временамъ слышалъ, что ее видали на балахъ и праздникахъ, и она, повидимому, находила большую прелесть въ тѣхъ самыхъ удовольствіяхъ, которыя осуждала.

Настала весна. Въ одно свѣтлое утро, Кассъ возвращался изъ сосѣдняго города, гдѣ тщетно старался побудить какого-то крупнаго капиталиста возстановить славу и благоденствіе Блестящей Звѣзды. Онъ такъ усталъ, что попросилъ проѣзжавшаго мимо возницу дать ему мѣсто въ телегѣ. Размышляя объ узкомъ умѣ капиталиста, который, очевидно, судилъ о будущности стана по настоящему положенію его ходатая, Кассъ не замѣтилъ, какъ они поровнялись съ новой церковью на окраинѣ города. Нарядная толпа выходила изъ дверей церкви. Было слишкомъ поздно соскочить съ телеги и скрыться, а Кассъ не смѣлъ попросить возницу поѣхать скорѣе. Вполнѣ сознавая, что борода у него не брита, а одежда въ лохмотьяхъ, онъ опустилъ голову и устремилъ глаза въ землю. Вдругъ онъ вздрогнулъ. Знакомый ему голосъ крикнулъ его по имени. Это была миссъ Портеръ, въ блестящемъ шелковомъ платьѣ и весеннихъ цвѣтахъ. Она бѣжала за телегой съ прежней своей живостью и презрѣніемъ къ свѣту. Изумленный возница остановился.

— Зачѣмъ вы меня заставили бѣжать такъ долго? Зачѣмъ вы не хотѣли взглянуть на меня?

Стараясь скрыть газетой заплатки на своихъ колѣняхъ, Кассъ промолвилъ, что онъ ее не видалъ.

— Такъ вы не нарочно опустили голову?

— Нѣтъ.

— Отчего вы не были ни разу въ Краснокожемъ Перекресткѣ? Отчего вы мнѣ не отвѣтили?

— Вы мнѣ ничего не прислали, кромѣ кольца, сказалъ Кассъ, покраснѣвъ и смотря искоса на возницу.

— А развѣ этого мало, глупый идіотъ?

Кассъ открылъ широко глаза, а возница улыбнулся.

— Какая у васъ славная телега, я хотѣла бы въ ней проѣхать! воскликнула миссъ Портеръ, бросая вызывающіе взгляды на проходящихъ:—позвольте мнѣ сѣсть рядомъ съ вами.

Кассъ всячески старался отговорить ее, увѣряя, что телега неудобная, грязная, быть можетъ, и нездоровая, что онъ самъ очень скоро выйдетъ изъ нея, что она испортитъ свое платье...

— Ахъ, да, отвѣчала она съ горечью:—вы правы, я должна подумать о своемъ платьѣ, и еще объ чемъ?

— Всѣ найдутъ вашъ поступокъ очень страннымъ и подумаютъ, что я васъ пригласилъ.

— Тогда какъ я сама напросилась?.. Благодарю васъ. Прощайте.

Она махнула рукой и поспѣшно удалилась. Кассъ теперь отдалъ бы все на свѣтѣ, чтобъ вернуть ее, но не пошевелился. Телега покатилась далѣе. На первомъ поворотѣ дороги онъ соскочилъ на землю.

— Благодарю васъ, сказалъ онъ.

— Не за что, отвѣчалъ возница, съ любопытствомъ смотря на Касса:—но если въ другой разъ такая дѣвица захочетъ проѣхаться въ этой телегѣ, то я не стану спрашивать мнѣнія тупоголоваго пассажира. Прощайте, молодой человѣкъ. Не оставайтесь поздно внѣ дома, а то, пожалуй, васъ похититъ какая-нибудь красавица. Что тогда скажетъ ваша маменька?

Молодой человѣкъ молча бросилъ на него убійственный взглядъ и быстро удалился, сознавая, однако, что величію его презрѣнія много вредила большая заплата на панталонахъ изъ мучного мѣшка, еще сохранившаго доселѣ затканную надпись «первый сортъ».

Лѣто принесло съ собою надежды для Блестящей Звѣзды. Длинные дни давали возможность болѣе работать и лучше производить развѣдки. Къ тому же, капиталистовъ теперь легче было заманить сюда, чѣмъ когда высокая вода уничтожала броды въ рѣкахъ, а снѣгъ заносилъ дороги въ горахъ. Въ одинъ изъ этихъ аркадскихъ дней, Кассъ, сидя у двери своей одинокой хижины, увидѣлъ съ изумленіемъ, что къ нему шло около двѣнадцати товарищей. Впереди всѣхъ былъ Питеръ Друммондъ, побѣдоносно махавшій газетой, словно знаменемъ.

— Вамъ счастіе, Кассъ! воскликнулъ онъ, останавливаясь и удерживая остальныхъ на почтительномъ разстояніи.

— Какое счастіе?

— Вы теперь будете богачемъ! Вы зазнаетесь. Прочтите!

Онъ развернулъ газету и медленно прочиталъ:

— «*Потери.*—Просятъ лицо, нашедшее гладкое золотое кольцо съ вырѣзанными словами «Майя Кассу» на большой дорогѣ близь Блестящей Звѣзды 4-го марта 186., явиться въ банкирскую контору Букгемъ и К°, въ Сакраменто, 2-я улица, № 1007.

Онъ получитъ приличное вознагражденіе за возвратъ кольца или за представленіе свѣдѣній о кольцѣ и той мѣстности, гдѣ оно найдено».

Кассъ всталъ и злобно взглянулъ на товарищей.

— Нѣтъ, нѣтъ! воскликнули они всѣ въ одинъ голосъ:—это не шутка! Это правда! Клянемся небомъ!

— Вотъ газета! Вчерашній нумеръ «Вѣстника Сакраменто». Прочитайте сами, продолжалъ Друммондъ, предлагая ему измятую газету: — и замѣтьте, какъ вамъ везетъ счастіе. Вѣдь не требуютъ возврата кольца; такъ что вамъ все равно, если старый дуракъ Бумпойнтеръ и не дастъ вамъ кольца.

— Вызываютъ только лицо, нашедшее кольцо, замѣтилъ другой:—значитъ Бумпойнтеръ или Канака Джо не могутъ соваться.

— Ясно, что вызываютъ васъ и болѣе никого! воскликнулъ третій.

Ради миссъ Портеръ и ради самого себя, Кассъ никому не говорилъ о полученіи кольца обратно, и, очевидно, Чарли сохранилъ ввѣренную ему тайну. Теперь не было причины пускаться въ откровенности, тѣмъ болѣе, что кольцо перестало играть первенствующую роль въ этой таинственной исторіи. Но что это была за исторія и почему теперь придавали такое значеніе тому факту, что онъ нашелъ кольцо?

— Вѣроятно, сказалъ Друммондъ, какъ бы отвѣчая на его мысли:—это красавица—а тутъ непремѣнно замѣшана красавица—прочитала въ газетахъ разсказъ о вашей находкѣ и заглазно влюбилась въ васъ. Я не придаю никакой важности другому Кассу, она, очевидно, спустила его и....

— И подѣломъ собакѣ! воскликнулъ одинъ изъ рудокоповъ:—не теряй кольца, подареннаго красавицей, и потомъ не скрывайся.

— Ее, конечно, тронула ваша возвышенная, романтическая любовь къ кольцу, прибавилъ Друммондъ, совершенно забывъ, какъ онъ самъ прежде издѣвался надъ Кассомъ.

Весь станъ, прочитавъ объявленіе, вдругъ убѣдился, что развилъ въ своей средѣ рыцарскія, благородныя чувства, которыя, наконецъ, нашли достойную награду. По общему мнѣнію, красавица, вызывавшая Касса, была дочь упомянутаго въ объявленіи банкира, и ея счастливый отецъ былъ обязанъ по этому случаю заняться эксплуатаціей Блестящей Звѣзды. Даже еслибъ и оказалось, что между ними нѣтъ родства, то какой прекрасный случай выставить въ блестящемъ видѣ передъ капиталистомъ мѣстность, производившую вѣнчальныя кольцы и людей, «умѣвшихъ ихъ сохранить». Это послѣднее замѣчаніе принадлежало сметливому

виргинцу, Джиму Фокьеру, который, отведя въ сторону Касса, сказалъ ему:

— Если вы не сойдетесь характерами съ этой красавицей или вамъ не понравятся ея рыжіе волосы и горбъ (почему-то Блестящая Звѣзда представляла себѣ таинственную красавицу рыжей и горбатой), то передайте ее мнѣ. Скажите, что я вмѣстѣ съ вами обожалъ кольцо и всегда просилъ васъ одолжить мнѣ его на воскресенье. Понятно, что, въ случаѣ успѣха, мы подѣлимъ барыши.

Очень важный вопросъ былъ возбужденъ относительно одежды Касса, который теперь отправлялся въ Сакраменто, какъ достойный представитель всего стана. Его теперешняя одежда была немыслима для жениха.

— Конечно, онъ могъ бы явиться и въ такомъ видѣ, замѣтилъ Джимъ Фокьеръ:—и свалить все на свою любовь къ кольцу, благодаря которой ему постыло все на свѣтѣ.

Но Кассъ не соглашался съ этимъ мнѣніемъ и его поддержали другіе товарищи, особенно тѣ, которые были помоложе. Наконецъ, въ Краснокожемъ Перекресткѣ достали въ кредитъ, благодаря предъявленію газеты, бѣлые панталоны, красную рубашку, черный шелковой шарфъ и соломенную шляпу. Друммондъ одолжилъ тяжелое вѣнчальное кольцо, какъ остроумный символъ, а Фокьеръ воткнулъ въ шарфъ булавку съ большимъ образцемъ золота и кварца.

— Это будетъ доказательствомъ золотыхъ жилъ нашей мѣстности, сказалъ онъ:—а старику (т. е. главѣ фирмы Букгемъ и сыновья) не войдетъ въ голову, что я выигралъ булавку въ карты въ Сан-Франциско. Если вы передадите красавицу мнѣ, прибавилъ онъ конфиденціально Кассу:—то я возьму обратно и булавку. Можетъ, она мнѣ принесетъ счастіе.

Когда всѣ приготовленія были окончены и Кассу даны сорокъ долларовъ на необходимые расходы, то все населеніе Блестящей Звѣзды проводило его до поворота дороги, гдѣ онъ сѣлъ въ дилижансъ, шедшій въ Сакраменто, среди громкихъ восклицаній, маханій шляпами и пистолетныхъ выстрѣловъ.

Излишне говорить, что Кассъ нисколько не раздѣлялъ чрезмѣрныхъ надеждъ товарищей и совершенно отвергалъ всякую мысль о бракѣ, но добродушно со всѣми соглашался; и къ тому же, ему было пріятно, что его фантастичная мечта, отъ которой онъ давно уже отказался, все-таки могла бы осуществиться. Наконецъ, онъ съ удовольствіемъ думалъ, что миссъ Портеръ, услыхавъ объ его счастіи, пожалѣетъ, что не съумѣла оцѣнить его нѣжныя къ ней чувства. Если онъ дѣйствительно возбудилъ

къ себѣ любовь богатой наслѣдницы, то онъ докажетъ миссъ Портеръ, что готовъ пожертвовать ради ея самой блестящей партіей. Онъ уже мысленно составилъ краткую рѣчь, съ которой онъ обратится къ ней: «Милая миссъ Портеръ, если я могъ остаться вѣрнымъ фантастичной мечтѣ юности, то неужели вы думали, что я могу измѣнить ради корысти единственной страсти, которую я когда-либо ощущалъ въ жизни». Но онъ такъ часто повторялъ эту фразу, что невольно слова у него стали путаться и онъ произносилъ такъ же торжественно: «милая миссъ Портеръ, если я могъ измѣнить фантастичной мечтѣ моей юности и т. д., то неужели вы думаете, что я останусь вѣрнымъ единственной страсти» и т. д. Наконецъ, если таинственная красавица окажется бѣдной, то эта фраза потеряетъ всякое значеніе, такъ какъ миссъ Портеръ имѣла хорошія средства.

Банкирская контора Букгемъ и сыновья не имѣла ничего таинственнаго или фантастичнаго. Все въ ней было практично, прозаично, открыто, полировано. Никто бы не подумалъ оставить тайну на одной изъ ея конторокъ. Кассу показалось какъ-то неловко явиться съ своей исторіей и съ своимъ сокровищемъ въ подобный храмъ разочаровывающаго реализма. Онъ молча протянулъ къ одному изъ конторщиковъ завернутое въ бумажкѣ кольцо и газетное объявленіе.

— Не сюда—рядомъ, молодой человѣкъ, отвѣчалъ онъ, развернувъ бумажку и увидавъ кольцо.

Кассъ вышелъ изъ конторы, но, увидавъ, что рядомъ была касса ссудъ, вернулся весь красный, съ блестящими глазами.

— Я пришелъ по объявленію, началъ онъ.

— Мѣсто занято, отвѣчалъ рѣзко тотъ же конторщикъ.

— Ну, если вы его заняли, такъ, вѣрно, не надолго, отвѣчалъ выведенный изъ себя Кассъ среди общаго смѣха: — но я пришелъ не за этимъ. Если Букгема нѣтъ дома, то пришлите мнѣ одного изъ его сыновей.

Нѣсколько сконфуженный конторщикъ взялъ изъ рукъ Касса газетное объявленіе и понесъ его въ кабинетъ хозяина. Черезъ минуту, онъ вернулся и проводилъ туда Касса. Сердце Касса снова дрогнуло, когда онъ очутился передъ здоровеннымъ, хотя и сѣдымъ старикомъ, который, какъ выраженіемъ своего лица, такъ и всей своей фигурой, краснорѣчиво отвергалъ всякое соучастіе въ романтичной тайнѣ. Однако, онъ подалъ ему кольцо и разсказалъ въ двухъ словахъ свою исторію. Банкиръ нетерпѣливо его выслушалъ и, не взглянувъ даже на кольцо, спросилъ:

— Ваши бумаги?

*

— Какія бумаги?

— Доказательства вашей личности. Вы говорите, что вы Кассъ Бирдъ. Но это надо доказать. Почему я знаю, кто вы?

Это сомнѣніе въ его личности и недовѣріе къ его слову показались Кассу очень оскорбительными. Но чѣмъ ему было доказать, что онъ не обманщикъ?

— Впрочемъ, это не мое дѣло, прибавилъ банкиръ, пристально посмотрѣвъ на Касса: — если вы убѣдите въ своей тождественности даму, поручившую мнѣ это дѣло, то болѣе ничего не надо. Я думаю, что вамъ это будетъ не трудно. Вотъ ея карточка. Прощайте.

«Миссъ Мортимеръ». Она не была дочерью банкира. Первая иллюзія Блестящей Звѣзды разсѣялась. Но тотъ фактъ, что ея дѣлами занимался банкиръ, доказывалъ, что она была богата. Объ ея юности и красотѣ Кассъ болѣе не думалъ.

Она жила невдалекѣ. Съ тревожно бьющимся сердцемъ Кассъ позвонилъ у приличнаго на взглядъ дома и былъ проведенъ въ гостиную. Съ перваго взгляда онъ замѣтилъ, что эта комната была только временно обитаема, и когда въ дверь вошла дама высокаго роста въ глубокомъ траурѣ, то Кассъ еще болѣе убѣдился въ несоотвѣтствіи этого помѣщенія съ его обитательницей.

Миссъ Мортимеръ была молода, красива и одѣта по модѣ. Съ первыхъ ея словъ видно было, что она знаетъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло. Это освобождало его отъ тяжелой обязанности доказывать свою тождественность, но вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивало въ немъ сознаніе неопытности и молодости.

— Я позволю себѣ, сказала она:—предложить вамъ нѣсколько вопросовъ для успокоенія своего сердца, а не для какой-либо иной цѣли. Иначе, продолжала она съ грустной улыбкой:—я поручила бы вести это дѣло человѣку болѣе спокойному и хладнокровному. Но я убѣждена, я знаю, что могу вамъ вѣрить. Быть можетъ, мы, женщины, слишкомъ вѣримъ въ инстинктъ и, узнавъ мою исторію, вы увидите какъ мало можно полагаться на этотъ инстинктъ, но я, не ошибаясь, скажу, что вы сами имѣете эту слабость, неправда ли?

Она умолкла на минуту, крѣпко сжала свои руки и продолжала отрывисто:

— Вы говорите, что нашли это кольцо на большой дорогѣ за три мѣсяца передъ... тѣмъ... какъ... найдено было... тѣло?

— Да.

— Вы подумали, что его кто-нибудь потерялъ?

— Да, потому что оно не принадлежало ни одному изъ обитателей стона.

— Вы нашли его передъ своей хижиной или на большой дорогѣ?

— Передъ хижиной.

— Вы въ этомъ увѣрены?

Она снова грустно улыбнулась и эта улыбка была такая нѣжная, что Кассъ невольно покраснѣлъ.

— Моя хижина близь дороги, пояснилъ онъ.

— Понимаю. Кромѣ кольца не было ничего, ни письма, ни бумажки?

— Ничего.

— И вы его сохранили потому, что на немъ вырѣзано имя похожее на ваше.

— Да.

— Или по какой другой причинѣ?

— Ни по какой, отвѣчалъ Кассъ, вспыхнувъ.

— Извините меня, что я вамъ предложу вопросъ, на который вы уже отвѣчали. На слѣдствіи коронера старались доказать, что кольцо найдено на тѣлѣ несчастнаго. Вы это отрицаете?

— Положительно. Я приму присягу.

— Боже мой! Какой измѣнникъ! промолвила миссъ Мортимеръ и отошла къ окну, чтобы скрыть свое волненіе.

Потомъ она прибавила дрожащимъ голосомъ:—я вамъ довѣрю мою тайну. Это мое кольцо. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я дала это кольцо человѣку, который меня обманулъ, велъ жизнь самую постыдную и, будучи джентльмэномъ, дошелъ до того, что сдѣлался сообщникомъ воровъ. Онъ палъ такъ низко, что измѣнилъ даже своимъ товарищамъ и они бросили его послѣ насильственной его смерти. Вы нашли его трупъ.

Кассъ вздрогнулъ.

— А его звали?

— Генри Кассъ. Но вы спросите, почему я такъ жажду узнать, гдѣ именно найдено его кольцо, на немъ или на дорогѣ? Дѣло въ томъ, что онъ, говорятъ, показывалъ это кольцо, хвастался имъ и даже проигралъ одному изъ своихъ презрѣнныхъ товарищей.

— Канакѣ Джо, произнесъ Кассъ, вспомнивъ какъ смѣялся Джо, при видѣ кольца.

— Да. Еслибы кольцо было найдено на немъ, то я все-таки могла бы утѣшать себя мыслью, что онъ питалъ хоть какое-нибудь уваженіе къ погубленной имъ женщинѣ. Я глупая, глупая женщина... но вы убили во мнѣ послѣднюю надежду.

— Но зачѣмъ вы послали за мною? спросилъ Кассъ, тронутый ея волненіемъ.

— Чтобы знать навѣрное, воскликнула она почти гнѣвно: — развѣ вы не понимаете, что такая женщина, какъ я, должна все знать навѣрное. Вы можете оказать мнѣ большую услугу. Я вызвала васъ не для того только, чтобы разсказать вамъ о своихъ несчастіяхъ. Вы должны меня повести на тѣ мѣста, гдѣ вы нашли кольцо, гдѣ увидали его тѣло, гдѣ его похоронили. Но я не хочу, чтобы меня кто-нибудь увидѣлъ.

Кассъ задумался. Какъ могъ онъ сохранить это посѣщеніе въ тайнѣ отъ товарищей, которые будутъ и такъ разочарованы въ своихъ надеждахъ?

— Если вамъ нужны деньги, то не бойтесь. Я уплачу все, что хотите. Я знаю, что не имѣю права отнимать у васъ время безъ достойнаго вознагражденія. Я внесла въ контору Букгема 1000 долларовъ для выдачи лицу, который представитъ кольцо. Я удвою эту сумму, если вы согласитесь на мою просьбу.

Это было возможно. Онъ могъ тайно показать ей то, что она желала, разсказать товарищамъ, что выдача вознагражденія отложена подъ какимъ-нибудь предлогомъ и потомъ подѣлиться съ ними наживой. Поэтому онъ поспѣшно отвѣчалъ:

— Я согласенъ.

Она взяла его обѣ руки и поднесла ихъ къ губамъ. Въ эту минуту грусть и отчаяніе исчезли съ ея лица, и на немъ играла кокетливая, вызывающая улыбка. Кассъ смутился и, выходя изъ дома, спрашивалъ себя, что̀ бы сказала миссъ Портеръ. Но вѣдь онъ вернется къ ней счастливымъ человѣкомъ съ тысячью долларами въ карманѣ!

Мысль объ этомъ, однако, не мѣшала ему найти нѣкоторое удовольствіе въ обществѣ хорошенькой миссъ Мортимеръ во время ихъ поѣздки въ дилижансѣ въ тотъ же вечеръ до Краснокожаго Перекрестка, гдѣ она должна была переночевать, тогда, какъ онъ отправится въ Блестящую Звѣзду и пріѣдетъ за нею на слѣдующее утро, когда всѣ его товарищи будутъ за работою. Остановивъ дилижансъ передъ гостинницей и сдавъ миссъ Мортимеръ на руки хозяйки, Кассъ вернулся и теперь взлѣзъ на козлы, гдѣ очистилось одно мѣсто. Рядомъ съ нимъ помѣщалась какая-то фигура, закутанная въ платкахъ и шаляхъ.

— Здравствуйте, сказала она неожиданно очень холоднымъ тономъ.

Это была миссъ Портеръ.

— Вы давно ѣдете? спросилъ онъ, пораженный изумленіемъ.

— Весь вечеръ.

Онъ дорого бы далъ, чтобъ имѣть возможность спастись бѣгствомъ. Онъ охотно спрыгнулъ бы съ дилижанса на ходу, чтобъ только избавиться отъ объясненія съ миссъ Портеръ. И, однако, съ странной непослѣдовательностью, онъ немедленно пустился въ странное для него объясненіе, причемъ сразу открылъ ей свою тайну.

— Такъ это ваша Майя? отвѣтила хорошенькая молодая дѣвушка.

Кассъ хотѣлъ повторить свой разсказъ, но она его остановила:

— Нѣтъ, довольно. Онъ не новъ и неинтересенъ. Вы ей вѣрите?

— Да.

— Тѣмъ лучше. Не мѣшайте мнѣ спать.

Кассъ, взволнованный, разгнѣванный, безпокойный, не произнесъ болѣе ни слова.

Когда дилижансъ остановился въ Блестящей Звѣздѣ, она спросила его небрежно:

— А когда начнется сантиментальное пильгримство?

— Я поѣду за ней въ часъ, отвѣчалъ сухо Кассъ.

Онъ сдержалъ свое слово. Онъ успокоилъ товарищей надеждой на будущую наживу и въ положенный часъ привелъ ее окольной дорогой, извѣстной только ему одному, къ двери хижины.

— Здѣсь? спросила она, и слабый румянецъ заигралъ на ея блѣдныхъ щекахъ.

— Я нашелъ здѣсь кольцо.

— А тѣло?

— Далѣе, вонъ въ томъ направленіи, у поворота въ Краснокожій Перекрестокъ, за купой каштановъ.

— И всякій, кто шелъ бы съ большой дороги туда, долженъ пройти здѣсь? спросила она съ страннымъ смѣхомъ.

— Да.

— Пойдемте далѣе.

Кассъ повелъ ее лѣсомъ, чтобъ не попасться никому на глаза.

— Вы тутъ и прежде ходили? спросила миссъ Мортимеръ:—это, кажется, тропинка.

— Да, я ее проложилъ; тутъ ближе къ каштановой купѣ.

— Вы ничего не находили другого на этой тропинкѣ?

— Нѣтъ, я вамъ говорилъ, что я нашелъ только кольцо.

— Правда, я и забыла, отвѣчала она съ улыбкой.

Черезъ полчаса они дошли до каштановыхъ деревьевъ. По дорогѣ она зорко смотрѣла во всѣ стороны. Очутившись передъ мѣстомъ, гдѣ произошло убійство, она спросила:

— Вы увѣрены, что за нами не слѣдятъ?

— Вполнѣ увѣренъ.

— Вы не сочтете глупостью, если я васъ попрошу остаться здѣсь? Я пойду туда одна.

И блѣдная, какъ смерть, она указала рукою на чащу.

Сердце Касса, которое со времени свиданія съ миссъ Портеръ значительно охладѣло, снова растаяло.

— Хорошо, идите.

Онъ прождалъ пять минутъ. Она не возвращалась. Ему вдругъ вошла въ голову мысль: не наложила ли она на себя руки? Но въ тоже мгновеніе послышался за деревьями шелестъ платья.

— Я уже началъ тревожиться, сказалъ онъ громко.

— И не безъ основанія, отвѣчалъ кто-то поспѣшно.

Онъ вздрогнулъ. Это была миссъ Портеръ.

— Посмотрите на дорогу, сказала она: — вонъ тамъ стоитъ человѣкъ. Онъ слѣдовалъ за вами отъ самой вашей хижины. Вы его знаете?

— Нѣтъ.

— Это Дикъ. Одинъ изъ спасшихся бѣгствомъ разбойниковъ. Я его знаю.

— Надо ее предостеречь, сказалъ поспѣшно Кассъ.

Миссъ Портеръ положила ему руку на плечо.

— Врядъ ли она васъ поблагодаритъ за это, сказала молодая дѣвушка сухо: — лучше посмотрите прежде, что она дѣлаетъ.

Смущенный и изумленный, но чувствуя надъ собой ея власть, Кассъ послѣдовалъ за нею. Она пробиралась въ чащѣ на четвереренькахъ, какъ кошка.

— Посмотрите, какъ плачетъ и убивается ваша бѣдная Майя, произнесла она шепотомъ.

Кассъ увидалъ передъ собою женщину, которая оставила его за минуту передъ тѣмъ; стоя на колѣняхъ, она копала землю своими длинными руками. Не успѣлъ онъ замѣтить, что глаза ея горѣли и что она поминутно смотрѣла по тому направленію, гдѣ онъ долженъ былъ находиться, какъ изъ-за дерева выскочилъ человѣкъ, который только-что стоялъ на дорогѣ.

— Бѣги! Бѣги! За тобой слѣдятъ!

— О, это Бирдъ! отвѣчала она презрительно.

— Нѣтъ, другой! въ телегѣ! Скорѣе! Дура! Ты знаешь теперь мѣсто, ты можешь прійти въ другое время. Бѣги!

И онъ насильно потащилъ ее среди кустовъ. Не успѣли они скрыться, какъ миссъ Портеръ бросилась на то мѣсто, гдѣ рыла землю незнакомка.

— Посмотрите! воскликнула она торжествующимъ тономъ:— посмотрите!

Кассъ посмотрѣлъ и бросился передъ нею на колѣни.

— Вамъ обѣщали тысячу долларовъ, не правда ли? продолжала она:—вамъ бы надо имъ это возвратить, вѣдь вы рыцарь.

— Какъ вы узнали? спросилъ онъ, едва выговаривая слова отъ волненія.

— Я подозрѣвала, что дѣло не ладно; тутъ замѣшана женщина, а вы такой дуракъ.

Кассъ всталъ, насупивъ брови.

— Ну, не будьте еще бо̀льшимъ дуракомъ. Пойдемте лучше за моей телегой. Только не говорите ни слова возницѣ.

— Такъ вы явились не однѣ?

— Нѣтъ, это было бы слишкомъ смѣло и неприлично.

— Ради Бога!

— А какъ подумаешь, что все-таки кольцо привело насъ къ этому открытію.

— Кольцо, которое вы мнѣ возвратили.

— Что вы сказали?

— Ничего.

— Да, помолчите. Телега ѣдетъ.

На слѣдующій день въ «Вѣстникѣ Краснокожаго Перекрестка» появилось слѣдующее удивительное извѣстіе:

Необычайная находка.

Открытіе сокровищъ, украденныхъ у Вельсъ, Фарго и К°.

Найдено на сумму 200,000 дол.

«Наши читатели помнятъ, что ночью на 1-е сентября была совершена кража у Вельса, Фарго и К°. въ дилижансѣ, шедшемъ изъ Сакраменто въ Краснокожій Перекрестокъ. Хотя большинство разбойниковъ было арестовано, но двое скрылись и спрятали украденныя сокровища, состоявшія изъ золота, банковыхъ билетовъ и драгоцѣнныхъ камней. Вчера нашъ почтенный согражданинъ мистеръ Кассъ Бирдъ, давно извѣстный въ нашемъ околодкѣ съ самой хорошей стороны, выкопалъ эти сокровища изъ земли въ чащѣ лѣса, близь поворота большой дороги въ Краснокожій-Перекрестокъ, подлѣ того самаго мѣста, гдѣ недавно найдено было мертвое тѣло. Теперь сильно подозрѣваютъ, что это былъ трупъ одного изъ скрывшихся разбойниковъ, по имени Генри Касса. Дѣло передано судебной власти. Успѣшнымъ результатомъ продолжительныхъ поисковъ мы обязаны систематичному плану, который созрѣлъ въ геніальной головѣ мистера Бирда, посвятившаго болѣе года на это полезное

дѣло. Первая мысль была ему дана находкой кольца, которое теперь признано частью тѣхъ сокровищъ Вельса, Фарго и К°, которыя растеряли разбойники во время своего бѣгства ночью черезъ Блестящую Звѣзду».

Въ той же газетѣ черезъ нѣсколько дней явилось другое, не менѣе любопытное извѣстіе, которое поясняетъ и вполнѣ заканчиваетъ этотъ правдивый разсказъ:

«Говорятъ, что вскорѣ произойдетъ свадьба героя недавней находки 200,000 дол. и молодой дѣвушки изъ Краснокожаго-Перекрестка, которая, какъ всѣмъ извѣстно, оказала ему самое дѣятельное и преданное содѣйствіе въ этомъ подвигѣ».

ГОРСТОЧКА РОДНОЙ ЗЕМЛИ.

ЭСКИЗЪ.

...Порывы вѣтра дѣлались все сильнѣе и сильнѣе, повременамъ достигая степени урагана. Дорога къ кладбищу была совершенно пустынна, и оголенныя деревья, посаженныя по краямъ канавы, шумомъ сталкивавшихся сухихъ вѣтвей одни нарушали покой унылой окрестности. За нескончаемымъ, покосившимся заборомъ тянулись огороды съ невоздѣланной землей, мѣстами покрытой талымъ снѣгомъ. По темнолиловому небу быстро проносились свинцовыя, клочковатыя тучи.

По дорогѣ показалась фигура человѣка. Онъ шелъ быстро, сопротивляясь, по возможности, дувшему навстрѣчу вѣтру, обходя грязь и перескакивая черезъ лужи, покрытыя тонкимъ слоемъ льда. Распахнувшійся на минуту воротникъ пальто обнаружилъ мужественное, безстрастное лицо, съ длинной бородой и мрачно сдвинутыми густыми бровями. Высокая фигура прохожаго была облечена въ истертое драповое пальто, таковую же круглую шапку и сапоги до колѣнъ.

Подходя къ воротамъ кладбища, прохожій замедлилъ шагъ, снялъ шапку и платкомъ вытеръ потъ со лба, съ прилипшими къ нему прядями начинавшихъ сидѣть волосъ.

У самыхъ воротъ, на широкой скамейкѣ, закутанный въ овчинный тулупъ, сидѣлъ сторожъ, низенькій, сѣденькій старичокъ, повидимому, изъ отставныхъ солдатъ, и, добродушно щурясь, съ наслажденіемъ посасывалъ носогрѣйку. Огромный, черный песъ вальяжно расположился у ногъ его, тутъ же горделиво расхаживалъ пѣтухъ, предводительствуя нѣсколькими курами.

При приближеніи прохожаго, песъ поднялся на ноги, потянулъ носомъ воздухъ и зарычалъ:

— Цыцъ, Буянъ! прикрикнулъ сторожъ.

Собака отошла въ сторону. Прохожій чуть дотронулся рукой до шапки, и сѣлъ рядомъ съ старикомъ. Тотъ искоса бросилъ на него недовѣрчивый взглядъ, и усиленно запыхтѣлъ трубкой.

— Усталъ! произнесъ прохожій, вытянувъ ноги и посматривая на кончики загрязненныхъ сапогъ.

Голосъ его былъ грубъ и отрывистъ.

— Надо быть, издалеча? пробурчалъ сторожъ, все еще недовѣрчиво косясь на собесѣдника и испуская широкую струю дыма.

— Да, порядочно.

— На могилку?

— Что?

— На могилку, говорю, пришелъ-то?

— Да, на могилку. А ты сторожъ?

— Я-то? Сторожъ.

— Мертвыхъ караулишь?

— Чего ихъ караулить! Не разбѣгутся! Насчетъ вотъ чего другого...

Пара поросятъ съ визгомъ выскочила изъ подъ воротъ. Сторожъ сорвался съ лавки, и, смѣшно переваливаясь въ своей неуклюжей шубѣ, принялся загонять ихъ во дворъ. Управившись съ поросятами, онъ довольно дружелюбно на этотъ разъ подсѣлъ къ прохожему, и даже протянулъ ему носогрѣйку.

Тотъ отказался движеніемъ руки.

— Не займуешься?

— Папиросы курю.

— Па-пи-росы. Трубка, братъ, пользительнѣй... Маркоту шибко отбиваетъ. По утрамъ, этта, лезетъ-лезетъ изъ тебя, стра-асть!

— Гм. Поросята-то твои?

— Мои. Парочка всего. Одного вотъ свѣжевать надотъ.

— Къ розговѣнью?

— А то какъ же! Нельзя, братъ. Тоже говядинки захочется. Постъ-то этотъ эвона какой!

— Самъ будешь свѣжевать?

— Самъ.

Разговоръ пресѣкся. Прохожій впалъ въ раздумчивость; двѣ-три складки обозначились на лбу, глаза безцѣльно и тупо глядѣли въ пространство.

— Гм! А любопытно, какъ ты это?

— Чего?

— Да вотъ поросятъ-то?

— Очень просто. Неужто не видалъ?

— Не видалъ. А можетъ быть и видѣлъ, да давно, не помню.

Вдругъ тонкая усмѣшка искривила его губы.

— Я полагаю *такъ!*

Онъ сдѣлалъ быстрый, странный жестъ снизу вверхъ и разсмѣялся сухимъ, злобнымъ смѣхомъ.

Сторожъ пришелъ въ ужасъ и негодованіе, выхватилъ изо рта трубку и, весь обернувшись, съ презрѣніемъ посмотрѣлъ на собесѣдника.

— Эхъ ты, братъ! Да эдакъ ты его всего распорешь!

— Гм.

— Всего какъ есть спортишь! Н-ну, братъ, вотъ бы тебѣ дать! Ха-ха-ха! Нужно, милый ты мой, вотъ какъ... Взять, значитъ, его промежъ ногъ, зажать, да ножомъ хорошенько подъ лопатку рразъ! и шабашъ, готово дѣло! А потомъ за заднія ножки повѣсь, чтобы, значитъ, черная кровь вытекла. Ну, и все!.. Ты у меня спроси, я это дѣло во какъ знаю, я, можетъ, кольки ихъ перекололъ, можетъ десятка два, аль три. Вотъ оно что, милый!

Сторожъ, очевидно, не прочь былъ распространиться объ интересномъ предметѣ, и чиркая спичку, уже началъ въ поучительномъ тонѣ: «А теперича ежели, примѣрно, корова, али бы»... но, занятый своими думами собесѣдникъ, не сталъ больше слушать, поднялся съ лавки и молча направился во дворъ.

Прямо высилась ветхая, деревянная церковь, окруженная густо-разросшимся кустарникомъ, среди котораго, тамъ и сямъ, выступали бѣлые кресты и памятники. Спутанная сѣть дорожекъ вела въ различныя направленія кладбища.

Онъ остановился и внимательно оглядѣлся.

— Какая перемѣна!

Пятнадцать лѣтъ тому назадъ, тутъ было все голо, ни крестовъ, ни деревьевъ—одинъ пустырь; только развѣ кое-гдѣ торчала рябина, осѣнявшая своими вѣтвями одинокую могилу.

— Да, жильцовъ набралось много... Еще лѣтъ пять и некуда будетъ класть... Ну, что-жь, положатъ другъ на друга!

Усмѣхаясь, онъ пошелъ по дорожкѣ, вглубь кладбища. Холодный вѣтеръ сковалъ землю и отпечатки слѣдовъ ногъ, мѣсившихъ грязь, такъ и остались, образовавъ бугристую поверхность. По краямъ дорожекъ торчали пучки сѣрой, вымороженной травы и протягивались сухіе прутья кустовъ. Кругомъ не было ни души.

Онъ обошелъ почти все кладбище, сворачивая изъ одной аллеи въ другую, кружа и напряженно отыскивая знакомое мѣсто. Съ каждой минутой шагъ его становился медленнѣе, лицо словно просвѣтлялось и складки лба постепенно разглаживались. Теперь это не было лицо того человѣка, что сидѣлъ на скамейкѣ и разговаривалъ съ сторожемъ; что-то мягкое, душевное появилось на немъ, и придало ему оттѣнокъ тихой, мечтательной грусти.

Вдругъ блѣдность покрыла его щеки, глаза зорко устремились въ пространство: онъ нашелъ искомое мѣсто.

Въ концѣ широкой аллеи, у самаго почти забора, въ ряду множества другихъ могилъ, находилась одна, огороженная ветхой деревянной рѣшеткой, съ покосившимся крестомъ, на которомъ онъ отыскалъ знакомыя полуистершіяся имена.

Вѣтеръ все шумѣлъ, качая сухими вѣтвями плакучихъ березъ, шурша травой, завывая въ щеляхъ забора.

Онъ прислонился спиной къ дереву, сложилъ руки и задумчиво смотрѣлъ на могилу.

Пятнадцать лѣтъ, какъ онъ схоронилъ ихъ! Пятнадцать лѣтъ одиночества, борьбы, скитаній, и ни въ комъ ни слова любви, участія, ободренія. Невеселая жизнь!

Онъ качнулъ головой и сердито сдвинулъ брови.

— Мечтатель!

Ну, къ чему это? Развѣ онъ самъ не бѣжалъ отъ всего, чтобы остаться одному и закалить себя? Развѣ онъ самъ нарочно не травилъ себя? Обстоятельства и люди довершили только то, чему онъ самъ положилъ начало. Онъ хотѣлъ быть «суровымъ воиномъ» и сталъ... Кто упрекнетъ его въ слабости, въ малодушіи, когда онъ такъ же холоденъ и непреклоненъ, какъ та сталь... Да, наконецъ, слишкомъ много потрачено было времени, чтобы жалѣть о чемъ-то, чего даже и не должно было быть въ его судьбѣ, что только стояло бы на дорогѣ. И совсѣмъ не затѣмъ пришелъ онъ сюда, чтобы мечтать, предаваться сентиментальностямъ.

Въ день отъѣзда навсегда, у него почему-то явилась блажная мысль поклониться *родной землѣ*, ну, и вотъ онъ здѣсь, но нѣтъ никакой надобности выкладывать передъ безмолвной кучкой земли результаты своей бурной жизни. Эка штука! Дѣло его поступковъ вовсе не дѣло суда *ихъ*, даже не его самого. Онъ не остановится, не размякнетъ, не пойдетъ на сдѣлку съ совѣстью...

— А, между тѣмъ, странно, какъ иногда... вотъ такъ, вотъ какъ теперь, наединѣ... Удивительно, какъ умѣетъ плакать вѣтеръ... плакать и стонать!..

Онъ досадливо отодвинулся отъ ствола березы, сдѣлалъ шагъ впередъ и потрясъ перекладину рѣшетки.

— Сгнило! Ну, новую-то ужь не придется дѣлать, все равно, пусть догниваетъ. Это вѣдь ея была забота... на послѣднія деньги... разыскала гдѣ-то плотника по дешевой цѣнѣ, и какъ занята была, какъ хлопотала! Покуда сама не успокоилась на вѣки. Вотъ и дернъ обвалился, расползся. Года черезъ два ничего этого не будетъ, все сравняется, послѣднюю щепку сторожъ унесетъ жарить своихъ поросятъ, а еще черезъ годъ сюда

положать какого-нибудь коллежскаго совѣтника и кавалера. Мѣста-то вѣдь дорожаютъ! Ну, пора идти, что ли? Побылъ, посмотрѣлъ и въ путь!

Однако, онъ не пошелъ, а, наоборотъ, сѣлъ на сосѣднюю могилу и облокотился на рѣшетку.

— Посижу еще немного и уйду, рѣшилъ онъ:—*посидѣть на мошилкѣ*, славное народное выраженіе... «Посиди, посиди, голубчикъ ты мой милый, вотъ такъ, напротивъ, чтобъ я могла наглядѣться на тебя въ послѣдній разъ. Вѣдь не увижу больше никогда!» Это она говорила въ смертельныхъ мукахъ, съ хрипотой въ горлѣ, и онъ не могъ отказать ей въ послѣдней просьбѣ, остался, сидѣлъ *до конца*, хотя его ждало большое, важное дѣло. Онъ опоздалъ и когда пришелъ, то, помнится, сообщилъ: «извините, я опоздалъ на полчаса; у меня умерла мать!» Да, это былъ страшный ударъ; съ отчаянія онъ готовъ былъ идти на что угодно! Потомъ боль притупилась и, наконецъ, забылась вовсе. Рана зажила, только онъ сдѣлался еще суровѣе.

Не отдавая себѣ отчета, онъ нагнулся, снялъ съ могилы комочекъ промерзшей земли и, завернувъ его въ платокъ, сунулъ за пазуху. Начинавшій стихать вѣтерокъ въ щеляхъ забора все еще пѣлъ свою монотонную пѣсню. Въ вышинѣ слабо шелестили сучья деревъ. Откуда-то издалека чуть доносился колокольный звонъ...

Онъ все сидѣлъ, склонившись головой на руку.

Давно неиспытанное чувство умиленія невольно овладѣвало имъ. Теперь онъ не боролся, и, самъ не сознавая, постепенно, словно въ какомъ забытьи, отдавался ему. Потокъ давнишнихъ, полуутраченныхъ воспоминаній проникъ ему въ душу, и близкіе сердцу образы предстали передъ нимъ, какъ живые.

Вотъ отецъ везетъ его въ коляскѣ по какому-то длинному мосту. Грохочутъ экипажи, снуютъ пѣшеходы и огромные фонари такъ ярко освѣщаютъ лица, лошадиныя морды и какія-то фантастическія, блестящія фигуры на перилахъ моста. А ему отлично лежать и покачиваться на мягкихъ подушкахъ; онъ смотритъ на широкую спину отца, и среди всей сутолоки и мельканія незнакомыхъ лицъ чувствуетъ себя совершенно безопаснымъ за этой спиной. Странное дѣло, почему чаще всего вспоминается мостъ? Было, вѣроятно, еще что-нибудь, что соединялось съ воспоминаніемъ о немъ, что-нибудь такое, что глубоко затронуло дѣтскую душу, утвердило въ ней горячую любовь къ отцу, но оно стерлось, затерялось, а вспоминаніе о мостѣ и везущемъ колясочку отцѣ, живо до сихъ поръ и возбуждаетъ какое-то милое, грустное чувство...

...Вотъ скромный домикъ въ концѣ города, съ покосившимся крыльцомъ и вросшими въ землю окнами. На улицѣ холодъ, вьюга, мокрый снѣгъ падаетъ хлопьями, а у нихъ тепло, уютно, топится печь, передъ ней сидитъ мать, вяжетъ чулокъ, а онъ, пятилѣтній мальчуганъ, взобрался къ отцу на плечи и гарцуетъ съ нимъ по комнатѣ.

...Пасха! «Пасха Христосъ-избавитель, Пасха непорочная, Пасха великая!..» Они идутъ отъ заутрени, по темнымъ улицамъ движется народъ; многіе съ узелками. Горятъ плошки. Знакомые останавливаются, христосуются, и у всѣхъ радостныя лица! Вотъ они пришли домой; въ комнатѣ пахнетъ окорокомъ, куличами. На матери свѣтлое платье, и такая она веселая, улыбающаяся. Садятся за столъ. Отецъ беретъ ножъ и разрѣзываетъ яйцо; и у него торжественный видъ... Еще бы! яйцо-то вѣдь освященное. «Этотъ праздникъ, говоритъ отецъ:—изъ праздниковъ праздникъ, и торжество торжествъ. Почему, папа? спрашиваетъ онъ.— А потому, что Христосъ пострадалъ за насъ, былъ распятъ на крестѣ, и въ третій день воскресъ изъ мертвыхъ.

. . . . . .

Неужели глухая, кромѣшная тьма навсегда опустилась надъ міромъ, неужели голосъ правды, какъ тотъ «трубный звукъ», не разбудитъ спящихъ, не остановитъ ликующихъ, неужели истекающее кровью сердце обречено на вѣчную вражду?

Откуда ни взявшійся порывъ вѣтра поднялъ съ земли кучку сухихъ листьевъ и прутьевъ, закрутилъ и погналъ далѣе по дорожкѣ. Становилось темно. Свинцовыя тучи сплошь обложили небо. Въ мутномъ полусвѣтѣ бѣлая группа крестовъ походила на выходцевъ изъ могилъ, укоризненно протягивавшихъ неподвижныя, блѣдныя руки...

— Пора!

Онъ всталъ передъ могилой на колѣни, отдавая земной поклонъ. Когда онъ поднялся, по его лицу катились крупныя, безмолвныя слезы...

Тамъ въ вагонѣ, послѣ нелѣпой, утомительной возни съ билетомъ и багажемъ, обозленный, въ поту, онъ почувствовалъ что-то влажное, прилипшее къ голой груди. Засунувъ руку, онъ вынулъ завернутую въ платокъ «горсточку родной земли». Злая усмѣшка перекосила его блѣдныя губы.

Онъ вытряхнулъ землю на ладонь и, приподнявъ окно, выбросилъ на рельсы.

К. Баранцевъ.

Мартъ, 1882 г.

ЗЕМСКІЯ АРАБЕСКИ.

I. Бубенцовское созвѣздіе.

Бубенцы былъ такой городишко, что его и не разсмотришь: какъ будто болото пузыриться начало и сейчасъ же сконфузилось. Но зато уѣздъ бубенцовскій, т. е. уѣздъ въ смыслѣ общественной и земской дѣятельности—что̀ это былъ за уѣздъ! Не уѣздъ, а гармонія какая-то! Дороги гладкія, школы и того глаже; о недоимкахъ не слышно, объ абсентеизмѣ помѣщиковъ не слышно; образцовость помѣщичьихъ хозяйствъ со столбцовъ столичныхъ газетъ по всей Россіи гремѣла. А люди! Общественные дѣятели, земскіе дѣятели тоже не люди, а свѣтила. Не то чтобы они съ трескомъ фыркали ракетами и шумихами, какъ, напримѣръ, два заглохловскихъ новатора изъ Трущобска, ослѣпившихъ-было все губернское земство и затѣмъ вылетѣвшихъ изъ него одинъ въ высшія и теплыя сферы, а другой — въ трубу. Нѣтъ, каждый бубенцовскій дѣятель свѣтилъ кротко, какъ лампада, но твердо и безъ колебаній. А въ общей совокупности они составляли яркое созвѣздіе, наполнявшее своимъ сіяніемъ людьми забытую, но Богомъ спасаемую Заглохловскую губернію. Они сливались въ Бубенцахъ переливчатой радугой въ ореолѣ центральнаго свѣтила, Ардальона Кирилыча Батырина.

Ардальонъ Кирилычъ Батыринъ, прямой потомокъ Батыя (отъ котораго онъ унаслѣдовалъ фамилію и красивый кучерской богатырскій типъ, съ сѣрыми, узкими, хитрыми и нѣсколько злостными глазками), былъ бояринъ, магнатъ, грандъ, и не будь въ Трущобской губерніи князя Шуйскаго, кровнаго русскаго джентльмэна, то Батыринъ, пожалуй, могъ бы казаться лордомъ. И, несмотря на то, что онъ былъ бояринъ, магнатъ и грандъ, онъ первый же стоялъ за сліяніе сословій, и стоялъ безъ всякихъ компромиссовъ. «Мы и мужики» было его девизомъ, а буржуазіи онъ не признавалъ: буржуазія со всѣми своими аршинами и са-

моварами должна была погибнуть, стереться въ сліяніи «насъ» съ мужиками.

Попробуйте заявить въ его присутствіи сомнѣніе. Попробуйте сказать:

— Ну, сліяніе «насъ» съ мужиками не такъ-то легко...

Ардальонъ Кирилычъ вынетъ изъ-за пазухи своего истинно-народнаго полушубка, подбитаго чернобурой лисицей, цѣлый пукъ какихъ-то тоненькихъ книжекъ, въ родѣ какъ за-граничные паспорты переплетаются, и помахаетъ ими у самаго носа возражателя. Это все адресы, которые крестьяне разныхъ волостей Бубенцовскаго уѣзда составили и поднесли ему, Батырину, какъ представителю дворянскаго сословія, въ знакъ признательности за благодѣянія, оказанныя дѣятелями мировыми, земскими и проч. крестьянству, мужику бубенцовскому.

Попробуйте заявить, что мужикъ неспособенъ къ образованію, пьянъ, лѣнивъ, грубъ, нищъ духомъ и матеріей, что на земскихъ собраніяхъ мужики либо безгласны, либо вовсе отсутствуютъ— немедленно бѣлые зубы Батырина стиснутъ сигару, а сѣрые татарскіе глазки обдадутъ васъ желчью.

Онъ выслѣживалъ васъ, чтобы доказать, что вы заблуждаетесь. Т. е. даже не то, что вы заблуждаетесь, а что васъ вводятъ въ заблужденіе враги народности, враги отечества, враги общественной свободы, котрые всѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, были и его врагами. Бюрократія! Боже, какъ отъ него доставалось бюрократіи, несмотря на то, что бюрократія и провинціальная, и даже петербургская, очень съ нимъ была обходительна, несмотря на то, что и въ гостинной его супруги, въ большомъ собственномъ домѣ, когда она пріѣзжала въ столицу, толпились настоящіе, будущіе и бывшіе сановники.

— Я сказалъ, говаривалъ онъ, сердито хлопая себя по ляжкамъ массивнымъ золотымъ портсигаромъ: — я сказалъ, когда меня выбрали, что если меня представятъ къ какой-нибудь наградѣ, я сейчасъ же въ отставку выйду. Я служу царю, народу, обществу; я не бюрократамъ служу, пакостникамъ...

И выкладывалъ пукъ мужицкихъ адресовъ.

— У кого они есть?—ни у кого. Они не мнѣ принадлежатъ, а всѣмъ нашимъ, бубенцовскимъ. Бубенцовцы молодцы. Это у васъ тамъ, можетъ быть, мужики лѣнивы, пьяны, грубы! Посмотрите, что «у меня» за школы, что за мальчики! Любо смотрѣть. Народъ пьянъ!—такъ заводите чайные, вмѣсто кабаковъ. Посмотрите «у меня»! сами приговоры составляютъ объ уничтоженіи кабаковъ. Заставляйте себя уважать — и не будетъ мужикъ грубъ. У меня мужикъ чутьемъ барина знаетъ—за версту

шапку долой, руки по швамъ! Да! Дѣлайте для мужиковъ, что имъ нужно—вотъ и все. Лошади отъ сибирки валятся—учите воловъ заводить! «У меня» ужь заведены. Любо смотрѣть. Случныя конюшни завелъ—у коннозаводства такихъ жеребцовъ выхлопоталъ, что диво. Хлѣбъ плохо родится—такъ у насъ сѣмена образцовыя разводятся. Вотъ и все.

И онъ указывалъ то мѣсто въ одномъ изъ мужицкихъ адресовъ, въ которомъ упоминалось, что гряды, засѣянныя образцовыми сѣменами, покрылись самыми блестящими упованіями для крестьянъ.

— Удобренія, что ли, мало?—а искуственные туки зачѣмъ? а отбросы? а заводы костомольные? У насъ все есть; у насъ каждый годъ сельскохозяйственные съѣзды бываютъ, ученые агрономы изъ столицъ пріѣзжаютъ и съ мужиками вмѣстѣ обсуждаютъ! Мужики все понимаютъ. Конечно, надо наблюдать, поощрять, такъ на это—выставка. А гдѣ у васъ выставки? Трудъ, говорятъ, непроизводителенъ? а посмотрите-ка какія у насъ деревянныя издѣлія. Я въ послѣдній разъ, какъ былъ въ Парижѣ, привезъ эти издѣлія, такъ весь Парижъ ахнулъ. Теперь тамъ для бубенцовскаго уѣзда агентство устроилъ; и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ тоже агенты. И никакихъ глупыхъ ассоціацій не нужно. Онѣ только народъ съ толку сбиваютъ, самостоятельность мужика убиваютъ. Скоты!

Ардальонъ Кирилычъ злобно ударялъ себя по ляжкѣ золотымъ портсигаромъ.

— Недоимки, говорятъ, у васъ ростутъ, такъ вѣдь за ними надо наблюдать. Полиція не наблюдаетъ—вотъ и недоимки. А «у меня» наблюдаютъ—и недоимокъ нѣтъ.

Для того, чтобы окончательно убѣдить васъ въ несомнѣнномъ превосходствѣ бубенцовскихъ порядковъ, онъ приглашалъ васъ къ себѣ въ усадьбу. Ну, и дѣйствительно, о порядкѣ и образцовомъ веденіи, объ образцовомъ преуспѣяніи и говорить нечего. Коли начать все описывать, надо написать въ назиданіе всѣмъ русскимъ сельскимъ хозяйствамъ трактатъ объемистѣе многотомнаго труда Преображенскаго. И тутъ же прямо било въ глаза неумѣнье прочихъ, «небубенцовскихъ», дѣятелей обходиться съ мужикомъ вообще и рабочимъ въ особенности. Какое довольство обоихъ сословій! Что касается до сословія буржуазіи, то оно ниже пояса кланялось милостивцу Ардальону Кирилычу, какъ бы умоляя: помяни насъ во царствіи твоемъ.

Любилъ Ардальонъ Кирилычъ возитъ гостей изъ своей усадьбы въ городъ Бубенцы, когда въ этомъ городишкѣ подъ непремѣннымъ его предсѣдательствомъ происходили разныя засѣданія и

даже выставки. Свѣтомъ такъ со всѣхъ сторонъ и охватывало. Конечно, на Руси есть много свѣтилъ и созвѣздій, и лучей, проникающихъ въ темное царство, но бубенцовскій свѣтъ сравнительно съ остальными, былъ какъ свѣтъ электрическій сравнительно со свѣтомъ керосиновой лампы. Кромѣ всѣхъ остальныхъ достоинствъ, бубенцовскій свѣтъ былъ истиннымъ свѣтомъ гласности. Все дѣлалось на чистоту. Батыринъ возилъ къ себѣ въ усадьбу и въ Бубенцы не однихъ заглохловскихъ вислоухихъ дѣятелей, но и петербургскихъ экономистовъ и агрономовъ, а также поэтовъ, публицистовъ, художниковъ реалистовъ, и художниковъ идеалистовъ, сановниковъ и сосланныхъ подъ надзоръ полиціи въ Заглохлово или Бубенцы студентовъ. Онъ всѣмъ безъ разбору, лишь бы былъ умный, либо бойкій человѣкъ, и себя, и все свое показывалъ; и даже не показывалъ, а «предоставлялъ средства» все смотрѣть. И всякому у него было привольно, и ловко, и сытно.

Кто-то изъ петербургскихъ гостей Батырина на обѣдѣ заявилъ сожалѣніе, что бубенцовскому благоустройству одного недостаетъ: хорошаго отеля.

— Что̀ вы это, помилуйте! воскликнулъ одинъ изъ мѣстныхъ дѣятелей, вліятельнѣйшій шутникъ:—да у насъ есть отель, какого другого нигдѣ не найдется!

Петербуржецъ нѣсколько изумился.

— А какъ же, продолжалъ шутникъ:—номера съ роскошнѣйшей мебелью, постели на парижскихъ пружинахъ, обѣды лукуловскіе, вино нектаръ, экипажи вѣнскіе.

— Гдѣ же это, помилуйте?

— И все даромъ...

— Ну!

— Т. е., впрочемъ, виноватъ, не совсѣмъ даромъ, а за пріятную улыбку и доброе слово хозяину. И вы не знаете этого отеля? Ха-ха. Hôtel Ardalion Batyrine...

При такихъ условіяхъ, гласность дышала всѣми своими легкими, а при гласности какое могло существовать сомнѣніе въ свидѣтельствахъ бубенцовскихъ дѣятелей о благоденствіи Бубенцовскаго уѣзда. Образцы были на лицо: усадьба Батырина, дѣятели, кишившіе въ Hôtel Batyrine и подвизавшіеся на засѣданіяхъ и выставкахъ. Все это, вмѣстѣ съ выписаннымъ прямо изъ Франціи шампанскимъ, било въ носъ самымъ заржавленнымъ скептикамъ, самымъ дошлымъ спеціалистамъ, самымъ желчнымъ петербургскимъ сановникамъ, самымъ раздраженнымъ поднадзорнымъ юношамъ.

Кромѣ гостепріимства и гражданственности pur sang, Батыринъ отличался еще щедростью и добросердечіемъ. Онъ поку-

палъ у гостей художниковъ картины, заказывалъ имъ портреты, пріобрѣталъ вновь изобрѣтенныя агрономическія орудія и полезныя изданія, доставлялъ молодежи, голодавшей въ Заглохловѣ, литературную работу, участіе въ первоклассныхъ столичныхъ изданіяхъ, доставлялъ богатые матеріалы редакторамъ крупныхъ изданій.

Гласность давала ему возможность примѣромъ Бубенцовскаго уѣзда служить на пользу всей родины. Отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды всякій могъ читать о бубенцовскихъ чудесахъ. И попробуй кто усомниться въ ихъ чудодѣйственности—такъ и посыплются со всѣхъ сторонъ возраженія и отзывы спеціалистовъ. Газеты только успѣвай печатать. А не печатать онѣ не могли, потому что Бубенцовскій уѣздъ была нравственная сила.

Ардальонъ Кирилычъ представлялъ изъ себя нѣчто феноменальное. Онъ никакого образованія не получилъ, ибо, какъ говорится, нигдѣ не воспитывался и никакого экзамена, кромѣ кавалерійскаго юнкерскаго, не держалъ. Его товарищи по полковой службѣ нерѣдко восклицали про него:

— Mais grand Dieu! s'il n'affichait seulement pas sa bêtise.

А въ аристократіи, къ которой онъ принадлежалъ по происхожденію, связямъ и средствамъ, было много почтенныхъ и вліятельныхъ лицъ, которыя иронически улыбались при его имени.

А между тѣмъ, онъ являлся самымъ очевиднымъ проводителемъ въ общественную и земскую жизнь наипослѣднихъ выводовъ техническихъ и экономическихъ наукъ. Улыбающійся и подчующій въ Бубенцахъ, косноязычный въ Заглохловѣ, онъ становился краснорѣчивъ и убѣдителенъ до неотразимости въ Петербургѣ. Кабинеты всѣхъ редакторовъ, всѣхъ директоровъ, а главное ихъ уши и души, столбцы и бланки были къ его услугамъ. Ибо практичностью, вѣрой, знаніемъ и умомъ отъ него такъ на всѣхъ и напирало. Упитывая бубенцовскихъ дѣятелей и иногородныхъ гостей въ своемъ Hôtel Batyrine, Ардальонъ Кирилычъ самъ весь пропитывался чужимъ умомъ, волнами ходившимъ около него. Память была у него ни съ чѣмъ несравненная; надо только было ее прямолинейно направить въ данномъ случаѣ, чтобы она сошла за умъ и стѣну прошибла. Поэтому нетолько по бубенцовскимъ дѣламъ, но и по земскимъ, дворянскимъ дѣламъ Заглохлова онъ былъ неоцѣнимымъ подвижникомъ. Истомится, бывало, собраніе, выслушивая списки ходатайствъ, оставшихся безъ отвѣта. Руки опускаются, гласные по деревнямъ разъѣзжаются.

— Ардальонъ Кирилычъ! да вы бы съѣздили въ Петербургъ, похлопотали бы!

Онъ сейчасъ вынималъ изъ кармана свой полуфунтовой хронометръ.

— Теперь половина восьмого; поѣздъ отходитъ въ десять часовъ 5 минутъ—хорошо! Вы приготовьте что нужно, растолкуйте! говорилъ онъ, и кто-нибудь изъ его бубенцовскихъ сподвижниковъ летѣлъ въ гостинницу приказать камердинеру уложиться.

Покуда камердинеръ укладывалъ чемоданъ, тѣ, кому надлежало, вооружали барина. Это было не особенно трудно; надо было только собрать въ нѣкоторую систему все то, что онъ слышалъ ранѣе по данному предмету. Даже памятныхъ записокъ не было нужно: онъ только кивалъ головой, и въ ней образовывалось нѣчто прямолинейное, упругое, что-то такое, чего коломъ не вышибешь. Онъ даже отдѣльныя выраженія запоминалъ. Самъ онъ только заострялъ свое оружіе очень ловко имъ самимъ изобрѣтенной фразой: «вы господа здѣсь (т. е. въ столицѣ) живете и совсѣмъ не знаете, что у насъ въ провинціи дѣлается». Передъ этой фразой опѣшивали обыкновенно самые бойкіе петербургскіе люди: «можетъ, и въ самомъ дѣлѣ не знаемъ».

Вполнѣ вооруженному эссенціей коллективной премудрости Батырину поддавали жару.

— Вѣдь помните, Ардальонъ Кирилычъ, вы всегда были того же самаго мнѣнія...

И Батырину становилось ясно, что это мнѣніе его и только его.

— Вотъ спасибо, что согласились ѣхать. Значитъ устроится.

И Ардальонъ Кирилычъ величаво удалялся широкимъ брюхомъ впередъ, сопровождаемый напутствіями и лестью.

— Ну, теперь дѣло сдѣлано; стѣну лбомъ прошибетъ, а добьется!

— Таранъ! добродушно произносилъ земецъ изъ моряковъ. А старый князь Шуйскій добродушно улыбался, какъ бы говоря: право, я радъ, что этотъ таранъ на что-нибудь годенъ.

Энергія, которую развивалъ въ Петербургѣ Ардальонъ Кирилычъ, была изумительна, и результаты ея были чудодѣйственны. Не жалѣя ни себя, ни чужого времени, носился онъ по Петербургу, изливливалъ бюрократовъ, настаивалъ на разсмотрѣніи, на разрѣшеніи; врывался въ кабинеты редакторовъ и сановниковъ, и выяснялъ. Подъ его напоромъ собирались комиссіи, печатались статьи, неразрѣшимые вопросы разрѣшались и въ Заглохлово летѣли желанныя телеграммы. Больше всѣхъ такіе результаты приводили въ смятеніе начальника Заглохловской губерніи, Пуха. Пухъ сознавалъ все величіе, всю внушительность своего оффиціальнаго положенія; Пухъ основательно гордился

своей бюрократической опытностью, своей честной, неустанной энергіей, но никогда въ Петербургѣ не доводилось ему достигать и половины того, чего достигалъ Батыринъ.

Правда, Пухъ всю свою силу полагалъ въ бюрократическихъ связяхъ, а Батыринъ былъ человѣкъ общественный, окружавшій себя гласностью и настаивающій на проведеніи ввѣренныхъ ему общественныхъ интересовъ не въ однихъ департаментахъ, но и въ редакціяхъ, а если нужно, то и въ ученыхъ и экономическихъ обществахъ. Батыринъ подымалъ облака пыли гласности и пускалъ ее въ глаза всѣмъ кому было нужно: Пухъ осторожно обходилъ широкія дороги, покрытыя этой пылью и, нерѣдко пробираясь по окольнымъ бюрократическимъ дебрямъ, садился въ чернильную лужу. И только.

Но, впрочемъ, мало ли чего можно было въ то время добиться въ Петербургѣ, при помощи личнаго хожденія, связей, богатства умныхъ рѣчей. А еще болѣе, при возможности сказать самоувѣренно даже самымъ вліятельнымъ бюрократамъ или публицистамъ: вы не знаете провинціи. Самые смѣлые и сильные столичные люди пугались въ глубинѣ души такихъ словъ, сказанныхъ человѣкомъ независимымъ, пренебрегавшимъ даже наградами. «А ну, какъ мы и въ самомъ дѣлѣ провинціи не знаемъ». Вѣдь они тоже любятъ Россію, вѣдь и имъ хочется быть полезными. Содѣйствовать разлитію жолчи въ собственныхъ организмахъ однимъ водотолченіемъ, хоть кому надоѣстъ: они рады свѣжему человѣку изъ провинціи.

Пухъ изумлялся результатамъ петербургскихъ странствованій Батырина; но мѣстная бубенцовская дѣятельность Батырина просто повергала его въ прахъ.

Онъ самъ былъ опытный, знающій, умѣлый начальникъ губерніи, и бразды правленія, также какъ и назначеніе правящихъ, было въ его рукахъ. Онъ могъ всякаго сковырнуть, всякаго посадить, всякаго не утвердить; онъ могъ карать и миловать. И между тѣмъ все у него какъ-то врозь лезло. И помѣщики плакались, во всѣхъ уѣздахъ, кромѣ бубенцовскаго, и мужики бѣдствовали, и скандалы множились, и исправники и становые не оправдывали возлагаемыхъ на нихъ надеждъ. Лѣса изводились, а количество недоимщиковъ, содѣйствовавшихъ своими спинами лѣсоистребленію, увеличивалось; запасные магазины и денежные продовольственные запасы таяли, а мужики упрямо продолжали голодать.

А у Батырина въ уѣздѣ... что такое Батыринъ сравнительно съ нимъ, съ Пухомъ! А между тѣмъ жизнь ровно, гладко катится и даже развивается въ благоденствіе въ Бубенцовскомъ

уѣздѣ! Нѣтъ лица властнаго ни въ земствѣ, ни въ волости, ни въ сельскомъ обществѣ, которое было бы избрано противъ воли Батырина, или вѣрнѣе, противъ воли дружнаго созвѣздія землевладѣльцевъ, всегда довольныхъ, всегда веселыхъ, всегда увѣренныхъ, что въ уѣздѣ все по ихъ желанію сдѣлается. И все дѣлалось по ихъ желанію; до того по ихъ желанію, что даже должности чиновниковъ, непосредственно зависѣвшихъ отъ Пуха, начиная съ исправника, онъ замѣщалъ, слѣпо руководясь указаніями Батырина, органа всевластнаго Hôtel Batyrine.

И прекрасно выходило. Несравненно лучше, чѣмъ во всѣхъ другихъ уѣздахъ. Бубенцовскія свѣтила, окружавшія крупную свѣтящуюся массу Батырина, давно сознали справедливость выраженія: l'union fait la force. Они никогда не ссорились между собой, никогда не интриговали на выборахъ, у нихъ все дѣлалось по согласію. Они сплотились и ихъ хозяйства процвѣтали, и въ торговлѣ они уже начинали вытѣснять буржуазію. Они сплотились, и бюрократія, какъ мы видѣли была вынуждена de facto передать имъ свои права въ Бубенцахъ. Они сплотились и мужики пошли за ними; и установился союзъ передового сословія съ рабочей силой. И рабочая сила писала интеллигенціи billets doux въ видѣ адресовъ Батырину. Вотъ что значитъ интеллигентная сила съ крупными корнями въ землѣ!

— У «меня» батюшка, хвастался въ минуту добраго расположенія духа Ардальонъ Кирилычъ:—такіе есть мужики—невиданные! Сухомятовъ, напримѣръ! самодовольно взглядывалъ онъ на своихъ бубенецкихъ сподвижниковъ.

— Да... Сухомятовъ! откликались сподвижники.

— У насъ мужики на уѣздномъ собраніи вмѣстѣ съ нами работаютъ; мужикъ у насъ и въ управѣ. Другіе уѣзды мужиковъ въ губернскіе гласные не выбираютъ, а у насъ, изъ семи губернскихъ гласныхъ, трое мужиковъ. Вотъ на собраніи увидите.

Много мы наслышались въ Заглохловѣ о бубенцовскихъ губернскихъ гласныхъ изъ крестьянъ вообще и о Модестѣ Сухомятовѣ въ особенности. Я даже познакомился съ послѣднимъ; впрочемъ, объ этомъ послѣ.

Но вотъ, у Бубенцовъ отняли Ардальона Кирилыча: дѣянія его стали слишкомъ уже гласными. Пророкъ, съумѣвшій быть пророкомъ въ своемъ отечествѣ, не могъ не сдѣлаться пророкомъ и за его предѣлами. Ему предлежало болѣе широкое поприще. Батырина призвали на высокій административный постъ въ губернію, гдѣ необходимо было ввести благоденствіе и гармонію: искоренить пьянство и насадить сытость и довольство. На-

прасно онъ негодовалъ и даже ругался, напрасно напоминалъ, что служилъ не изъ-за повышеній и наградъ—ничто не помогло! Madame Batyrnie сдалась первая, а за супругой капитулировалъ и самъ Ардальонъ Кирилычъ.

Бубенцы плакали, плакали, составляя адресы, плакали, глотая шампанское, плакали, являясь на выборы и на засѣданія. И какъ имъ было не плакать. Они остались безъ центра тяжести!

II. Представитель мужичества.

Давно хотѣлось мнѣ видѣть хваленаго Батыринымъ представителя бубенцовскаго мужичества, Сухомятова.

Наконецъ, привелъ Богъ. Я познакомился съ Модестомъ Ермилычемъ передъ земскимъ собраніемъ, когда онъ пріѣхалъ въ Заглохлово. И познакомился именно въ буфетѣ дворянскаго собранія. Представьте себѣ: крестьянинъ, положимъ, губернскій гласный, членъ уѣздной земской управы, но все-таки же мужикъ—и вдругъ въ буфетѣ дворянскаго собранія! и столбовые дворяне ему руку жмутъ, не гнушаются. Да какъ и гнушаться! на немъ нетолько надѣтъ фракъ, но фракъ этотъ даже сидитъ очень изрядно, и рубашка бѣлая, съ золотыми запонками, и даже лиловая изъ красна перчатка съ толстыми бѣлыми прошвами на лѣвой рукѣ.

Толкуй тутъ о розни сословій, о невозможности сліяній!

Буфетчикъ у насъ былъ ловкій; быстро умѣлъ опоражнивать графинчики, подливая въ рюмки, которыя мы опоражнивали на ходу, сами того словно не замѣчая. И не хочешь, бывало, да выпьешь. Бутерброды изъ черстваго хлѣба съ закоробившимися ломтиками сыру, балыка и колбасы такъ и исчезали. Но рюмка, налитая подъ самымъ носомъ Модеста Ермилыча, оставалась нетронутою. А между тѣмъ онъ, какъ и всѣ мы грѣшные, стоялъ у буфета. Полковникъ Куропаткинъ даже какъ будто обидѣлся за рюмку, за такое къ ней невниманіе.

— Вонъ тебѣ налито, напомнилъ онъ Сухомятову.

— Покорнѣйше благодаримъ-съ. Не употребляемъ-съ! отодвинувъ рюмку, поклонился Сухомятовъ и даже вспыхнулъ отъ скромности.

Лицо у него было широкое, скуластое, желтое, легонько рябоватое, съ жиденькими баками песочнаго цвѣта, русые изъ-красна волосы сверху гладко приглажены и немного кудрявились по мужицки на концахъ; сѣрые глаза глядѣли по телячьи и большею частію внизъ, рѣдко подымаясь до брюха собесѣдника.

Движенія были неловкія, но скромныя, какъ и самая рѣчь. Эта скромность весьма шла къ представителю юнаго въ общественной дѣятельности сословія. Вообще, видно было, съ одной стороны—сліяніе, съ другой: всякъ сверчокъ знай свой шестокъ. Эту пословицу очевидно Сухоматовъ зналъ.

— Чего «не употребляемъ-съ!» мужикъ, а водки не пьешь! рявкнулъ и глупо расхохотался огромный старикъ, съ лица смахивавшій на Силена, бывшій мировой посредникъ изъ военныхъ, нѣкогда вводившій уставныя граматы съ полѣномъ въ рукахъ.

Когда Модеста Ермилыча обозвали мужикомъ, онъ не то, что обидѣлся, а какъ-то фракъ на немъ заёрзалъ. Впрочемъ, можетъ, и самъ онъ обидѣлся, только физіономія у него была больно невыразительна.

— Отъ того собственно и не употребляемъ, чуть слышно осмѣлился возразить онъ. — Пора намъ, мужикамъ, это дѣло бросить. Не мужицкое это дѣло...

Силенъ-посредникъ раскатился хохотомъ и опрокинулъ въ себя рюмку очищенной, четвертую съ утра. Остальные опрокидывали и закусывали, не обращая вниманія на Сухомятова. Только чуткій Батыринъ, курившій въ сосѣдней комнатѣ свою душистую регалію, обратился къ сидѣвшимъ около него столбовымъ земцамъ и промолвилъ:

— Какая голова—этотъ Сухомятовъ! какое нравоученіе намъ-то! Вонъ мы рюмку за рюмкой, съ утра... мерзость! а мужикъ говоритъ, что пора отстать...

И, положивъ породистую руку на ляжку ближайшаго сосѣда, дабы тотъ не обратился тоже въ бѣгство къ буфету, Батыринъ сталъ разсказывать ему зловѣщимъ полушопотомъ о томъ, какъ, по его иниціативѣ, въ Бубенцовскомъ уѣздѣ кабаки постепенно замѣняются «чайными», какъ мужики даютъ съ радостью приговоры, клонящіеся къ искорененію первыхъ и къ водворенію вторыхъ, и какъ во всемъ этомъ дѣлѣ, въ качествѣ правой руки земства и дворянства (замѣтьте, что Батыринъ не отдѣлялъ сословій: земство, дворянство, крестьянство для Батырина были только органическія части цѣлаго организма, сливавшіяся въ немъ, потомкѣ Батыя), блистательно орудуетъ Модестъ Ермилычъ.

— Онъ *у меня* и школами завѣдуетъ, продолжалъ шептать Ардальонъ Кирилычъ, причемъ шопотъ его больше и больше начиналъ походить на шипѣнье.

Собесѣдникъ, которому Батыринъ вцѣпился въ ляжку, не принадлежалъ къ Бубенцовскому уѣзду и поэтому заявилъ изумле-

ніе, какимъ образомъ, мужикъ, навѣрно, едва самъ умѣющій читать-писать, и вдругъ школами завѣдуетъ. Батыринъ подозрительно и недобро взглянулъ на иноземнаго пессимиста.

— Мужикъ! отвѣчалъ Ардальонъ Кирилычъ: — хорошій мужикъ на все годенъ. Вонъ онъ не пьетъ—а посмотрите-ка на нашихъ. Страмъ! магнатъ презрительно покосился на буфетъ.— Въ школахъ—мужицкія дѣти; онъ лучше насъ понимаетъ, какъ съ ними нужно. Тонъ—отъ насъ, а онъ исполнитель. Онъ лучше насъ это понимаетъ. Въ нашихъ школахъ порядокъ—чудо. Не то что здѣсь. Мы надняхъ съ Величкинымъ и съ барономъ Бумлеромъ въ здѣшнюю хваленую учительскую семинарію заѣхали, вѣдь земство ее основало, по 25,000 въ годъ на нее тратитъ! Входимъ, хоть бы одинъ мальчишка всталъ! Вы понимаете? Губернскіе гласные входятъ, а они сидятъ.

Эпизодъ, на который намекнулъ Батыринъ, имѣлъ не малое вліяніе на судьбы находившейся тогда въ младенчествѣ учительской семинаріи. Не встали, непочтительны... семинарія разсадникъ всякой мерзости! Въ пренія собранія эпизодъ не пропускался: на доносъ было бы похоже, но въ земскихъ сферахъ, внѣ собранія, онъ подтачивалъ репутацію и бюджетъ учительской школы. Напрасно нѣкоторые доказывали, что ученики не встали только потому, что не видѣли вошедшихъ изъ задней двери посѣтителей, тотчасъ же сѣвшихъ въ уголкѣ. Бюджетъ былъ подточенъ, жалованье учителямъ уменьшено; вслѣдствіе чего, пришлось перемѣнить и начальника и учителей, да и самое непосредственное наблюденіе за семинаріей губернской управой было передано отъ графа Долбина-Изворскаго, страстнаго дилетанта-педагога, Карпу Селифонтовичу, члену управы, представлявшему въ ней аршинъ и самоваръ. Оно и лучше; ибо главное дѣло—хозяйственное, и, сверхъ того, уважительность. А Карпъ Селифонтовичъ имѣлъ много медалей и заставлялъ уважать тѣхъ, передъ которыми онъ самъ выклянчивалъ подряды и медали. А объ хозяйственности его, конечно и говорить нечего.

Впрочемъ, нынче, т. е. черезъ десять лѣтъ послѣ описаннаго нами разговора, Карпъ Селифонтовичъ покоится подъ мраморнымъ памятникомъ въ Крестовоздвиженскомъ монастырѣ и учительская семинарія, какъ земское учрежденіе, тоже погребена, а наблюденіемъ за земскими школами ужь не въ одномъ Бубенцовскомъ уѣздѣ, а во всей губерніи завѣдуетъ Сухомятовъ, избранный въ члены губернской управы за свою испытанную благонадежность и практичность, взамѣнъ забалотированнаго за свою неблагонадежность графа Долбина-Изворскаго, выбывшаго за-границу. Впрочемъ, не буду забѣгать впередъ, и обращусь къ разсказу о моемъ первомъ знакомствѣ съ Сухомятовымъ.

Мы стояли въ одной съ нимъ гостинницѣ; какъ-то вечеромъ сошлись за однимъ столомъ въ уголку чай пить, никто намъ не мѣшалъ, на насъ не обращала никакого вниманія перепившаяся компанія, шумѣвшая въ другомъ концѣ зала около раззорившагося кутилы, когда-то обладателя 2,000 душъ, который выпивалъ бутылку пива за бутылкой, говорилъ сальности, безпрестанно вздымалъ свои опухшія руки съ искривленными подагрой пальцами и кричалъ:

— Видишь, искалѣчила подагра, думаетъ, боюсь ее. Какъ же не такъ! Перепью я тебя; нà, налѣчь!

И несчастный, за полной денежной невозможностью перепить подагру шампанскимъ, старался перепить ее пивомъ...

Модестъ Ермилычъ съ презрительной гримасой, которой онъ, должно быть, обучился, взирая на Батырина въ Бубенцахъ, поглядывалъ на пьяную дворянскую компанію.

Намъ никто не мѣшалъ бесѣдовать, а бесѣда вдвоемъ за чайкомъ иногда выходитъ очень задушевная; но признаюсь, увлекшись желаніемъ познакомиться съ перломъ мужицкаго представительства, я началъ бесѣду изрядно глупо.

— Вы сегодня утромъ во фракѣ были? спросилъ я, потому что фракъ Сухомятова меня дѣйствительно ужасно озадачилъ.

Сказавъ это, я сей же моментъ понялъ, какъ это глупо. Но Модестъ Ермилычъ даже виду не показалъ, что я сглупилъ. «Значитъ мужикъ-то нетолько съ фракомъ, но и съ тактомъ», мелькнуло у меня въ умѣ.

— Во фракѣ-съ; къ его превосходительству являлся.

— Къ губернатору?

— Нѣтъ-съ, до господина начальника губерніи у насъ собственно на этотъ разъ дѣла-съ не было, только росписались-съ. Къ чему же утруждать занапрасно такую особу? А въ управѣ въ губернской порученія изъ Бубенцовъ были, такъ я къ его превосходительству Петру Степанычу Калинину являлся.

— Это предсѣдатель губернской управы? Да вѣдь онъ, кажется, штабъ-ротмистръ въ отставкѣ, не генералъ? наивно замѣтилъ я...

Сухомятовъ осклабилъ зеленоватые широкіе, крѣпкіе зубы.

— Какъ можно-съ! они, предсѣдатель земства, генералы-съ.

Оно дѣйствительно. Конечно, по штату ему титула превосходительства не полагается, но какъ почтенный Петръ Степанычъ, по свойственной русскому человѣку демократичности, отъ превосходительства ни отбивался, оно къ нему само собой такъ пристало (и просители, и многіе земцы, и всѣ земскіе подрядчики, и, наконецъ, даже нѣкоторыя казенныя учрежденія величали его), что онъ, наконецъ, рукой махнулъ.

Нѣкоторые, самые передовые дворяне, душой предавшіеся земству, даже негодовали, что представитель земской управы, нѣкоторымъ образомъ представитель надеждъ Россіи, не уравненъ закономъ въ рангѣ съ губернскимъ предводителемъ—представителемъ, по выраженію передовыхъ дворянъ, только обветшавшихъ иллюзій.

— Вы, кажется, гласный отъ крестьянъ въ Бубенцовскомъ уѣздѣ? спросилъ я.

— Гласный-съ отъ сельскихъ обществъ, и членомъ Бубенцовской управы состою. Нонѣ вотъ въ губернію выбрали.

— Земледѣліемъ вы занимаетесь, членомъ сельскаго общества состоите?

— Состоимъ-съ, только отъ земли поотстали. Недосугъ. Родитель нашъ, хоть и преклонныхъ лѣтъ — они изъ отставныхъ — надѣлъ держатъ съ братьями; пристрастіе имѣютъ. А мы поотстали.

— Что же такъ?

— Да спервоначала по письменной части; въ дѣтствѣ въ услуженіи у Кирила Кирилыча, у батюшки Ардальона Кирилыча состоялъ; но обучился граматѣ — супруга Ардальона Кирилыча изволила школу въ своей молодости имѣть, такъ обучаться было прислугѣ приказано. Старому барину газеты читалъ. Тамъ, по еманцыпацыи, господинъ посредникъ въ волостные писаря меня изволили приказать мужикамъ выбрать... Ну, ужь тутъ гдѣ же съ землей... И поотстали-съ.

— У васъ, значитъ, теперь, кромѣ земскаго дѣла другого занятія нѣтъ?

Сухомятовъ даже снисходительно улыбнулся на такой наивный вопросъ.

— Какъ же можно-съ, чтобы безъ занятія!

— Кромѣ земства?

— И оченно даже-съ.

Онъ отеръ потъ съ рябого лица, нацѣдилъ изъ чайника чистый, очень жиденькій стаканъ чаю, и какъ-то по купецки отвалился.

— Торговлей занимаетесь?

— Торгуемъ-съ.

— Чѣмъ же? хлѣбомъ?

Молчитъ.

— Льномъ?

Тоже молчитъ.

— Желѣзомъ?

— Нѣтъ-съ, это все товаръ хлопотный, обманчивый. Когда

на немъ наживешь, а когда и изъ сапоговъ въ лапти онъ тебя обуетъ. Страхованіе, перевозка. Нашъ товаръ всегда въ цѣнѣ. Въ верхъ завсегда поднимается. Только, извѣстно, надо умѣючи.

— Какой же это такой товаръ?

— Земля-съ.

— Земля? изумился я. А изумился я потому, что описываемый разговоръ происходилъ не вчера, а лѣтъ съ десятокъ тому назадъ, когда Колупаевы и Разуваевы изъ своихъ норъ еще едва носы начали показывать.

— Земля? какъ же это? переспросилъ я: — какъ же землей торговать?

— А очинно просто. Кому не надо землю, у того мы ее покупаемъ, кому надо, тому продаемъ. Помѣщикъ больше ее продавать сталъ, такъ задарма бросаетъ, за подати однѣ, за недоимки, чтобы, значитъ, отвязаться. А мужикъ покупаетъ. Ну, у мужика силы нѣтъ сразу внести деньги, такъ мы ему со льготой, съ разсрочкой продаемъ.

— И выгодно?

Модестъ Ермилычъ даже какъ-то глупо удивился моему глупому вопросу; вытаращилъ глаза, налилъ чай на блюдечко, поставилъ блюдечко на растопыренные пальцы и поднесъ было ко рту, но, надо полагать, сжалясь надо мной, вздумалъ повременить.

— Очинно выгодно-съ, пояснилъ онъ мнѣ:—теперь сами посудите: мы-съ самыми что ни на есть грошами начали, а нонѣ, слава тебѣ Господи!

— Что же?

— Да вотъ изволите видѣть, начали мы это дѣло всего два года съ небольшимъ, въ двухъ волостяхъ годокъ побаловались, а нонѣ въ трехъ уѣздахъ работаемъ, только бы поспѣть.

— Во вкусъ вошли?

— Теперь мнѣ ни этихъ свидѣтельствъ торговыхъ не требуется, ни тамъ пошлинъ торговыхъ. Помѣщику я пользу дѣлаю и мужику, своему брату, добро. А самъ наживаюсь...

— Ну, а какъ примѣрно?..

Но Модестъ Ермилычъ только заалѣлъ въ отвѣтъ. На другой день я узналъ, что онъ, напримѣръ, у полковника Куропаткина, который его въ клубѣ водку заставлялъ пить, скупилъ всю занадѣльную землю, за однѣ недоимки; десятина по 50 коп. обошлась на кругъ, и тутъ же мужикамъ продалъ по 5 р. десятину, разумѣется, съ разсрочкой по рублю въ годъ, причемъ первая уплата была совершена при самой продажѣ. Надо отдать спра-

ведливость Сухомятову, что онъ никогда не тѣснилъ мужиковъ; онъ умѣлъ ждать и выбирать время.

Модестъ Ермилычъ былъ человѣкъ съ разсчетомъ, но и душой онъ обладалъ добрѣйшей, по истинѣ, русскою душой. И слышно было, что мужики его любили, и что между ними онъ пользовался авторитетомъ.

— Ну, а въ земствѣ много вамъ дѣла?

— То есть, какъ вамъ сказать? дѣла точно-что много. Иной разъ и взропщешь. Да вѣдь за то и вознагражденіе для нашего брата весьма значительное. А главное, дружественно дѣло идетъ.

— Что же это дружественно?

— Да самое это земское дѣло. Въ управѣ у насъ въ Бубенцахъ все на ладу. Въ собраніяхъ никакихъ этихъ дрязговъ нѣтъ. Тоже дружество.

— У васъ, говорятъ, сильная крестьянская партія въ собраніи?

— Какъ есть въ комплектѣ. Гдѣ мужику по закону полагается сидѣть, тамъ мужикъ и сидитъ. И на собраньи завсегда въ полномъ комплектѣ. И мужикъ у насъ тоже выбирается, не то что оборышъ, какъ по другимъ мѣстамъ, гдѣ ихъ заневолю выбираютъ, а они пріѣдутъ въ городъ, да побираются, да непріятности заводятъ. У насъ въ Бубенцахъ мужикъ выбирается охочій, степенный. Оттого и наши господа ихъ къ себѣ допускаютъ хлѣбъ-соль кушать. Дружественно.

— Въ земскомъ дѣлѣ съ господами розни нѣтъ?

— Какая, помилуйте, рознь. Они намъ потрафляютъ и мы имъ. Рука руку моетъ. Хоть бы выборы, къ слову сказать. Мы вѣдь мужики глупы, думаемъ въ гласные выбираться тягость одна. Ну, а хоша и есть такіе между нами, которымъ по своимъ дѣламъ—вотъ хоть бы мнѣ—пользительно послужить, такъ мы такихъ не выбираемъ. Либо выберемъ на одно трехлѣтіе; посидитъ онъ, мы его сейчасъ долой, говоримъ: будетъ съ него, поживился. Онъ съ обидою отходитъ отъ хорошаго дѣла, къ которому только, благослови Господи, приставать сталъ. А мужикъ дуракъ: валитъ безъ разума. Вотъ тутъ намъ господа и потрафляютъ. У нихъ мужичество въ послушаніи. Они прикажутъ — кого нужно и выберутъ. Ну, а въ собраніяхъ ужь мы, выбранные, стараемся потрафлять. Коли что надо поддержать, только намъ растолкуй—поддержимъ.

— Стало быть, и господа крестьянскіе интересы поддерживаютъ?

— Уже это само собой. Коли кому изъ крестьянскихъ глас-

ныхъ какая выгода предстоитъ—извѣстно всѣ мы пробиваемся разными промыслами да дѣлишками, изъ-за того больше и въ гласные идемъ—коли кому что нужно, только попроси — горой выстоятъ. Дружественно.

— Нѣтъ, я собственно говорю объ общихъ крестьянскихъ интерссахъ.

— Ну, да и я о томъ же самомъ. Что намъ, крестьянамъ, въ земскомъ собраніи выгодно, только поклонись, да перетолкуй съ господами. Вѣрное дѣло...

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого разговора, я присутствовалъ на засѣданіи губернскаго земскаго собранія. Рѣчь шла объ учрежденіи банковъ для выдачи крестьянскимъ обществамъ ссудъ при покупкѣ земли. Сухомятовъ говорилъ некраснорѣчиво, но просто, убѣдительно: ему хорошо извѣстно, какъ въ этомъ нуждаются мужики.

Всѣ бубенцовскіе гласные его поддерживали. Даже самъ Ардальонъ Кирилычъ сказалъ что-то не вполнѣ ясное, но очень вѣское.

— Вотъ изволили видѣть сегодня? говорилъ мнѣ вечеромъ Модестъ Ермилычъ, бывшій въ особенно хорошемъ расположеніи духа.—Изволили видѣть, какъ дружественно. Дѣло-то великое.

— Какое дѣло?

— А банкъ-то этотъ. Нынче я, примѣромъ сказать, мужикамъ землю продамъ, деньги въ разсрочку предоставлю, тамъ жди, да когда еще получишь. А будетъ банкъ, разомъ я съ ними разсчитался. Ни заботъ, ни хлопотъ. И у нихъ земля и у меня на другую операцію деньги. Даже если и бумаги будутъ за мѣсто денегъ выдавать изъ банка, оно хоть со скидкою, а все ничего, барышъ будетъ.

Черезъ нѣсколько недѣль, рѣчь земскаго отъ крестьянъ Бубенцовскаго уѣзда была пропечатана съ великимъ сочувствіемъ всѣми столичными газетами.

Проэктъ кредитнаго для сельскихъ обществъ учрежденія, все еще жуется и понынѣ заглохловскимъ земствомъ, но за то оно давно учредило банкъ поземельный вообще и однимъ изъ директоровъ этого банка состоитъ нынѣ Модестъ Ермилычъ Сухомятовъ, онъ же и членъ губернской управы и вообще «человѣкъ свѣдущій».

А. Русинъ.

УСТОИ[1].

ИСТОРІЯ ОДНОЙ ДЕРЕВНИ.

V.

Спитъ «счастливый» Пиманъ и снится ему — какъ, чѣмъ и за что онъ сподобился этого счастія.

То было давно, лѣтъ больше полсотни назадъ. Ни мать, ни отца онъ съ сестрою не помнитъ, и первое, что прежде всего коснулось сознанья его — былъ «міръ» деревенскій. Страшное было въ немъ что-то, и вмѣстѣ въ немъ было все—и защита, и сила, и правда.

Помнитъ онъ, когда еще вокругъ Дергачей стояли глухіе лѣса и болота. Изба ихъ была вдалекѣ, на опушкѣ, у самаго лѣса. Помнитъ, какъ по ночамъ собирались тутъ какіе-то странные люди; долго сидѣли за свѣтцомъ изъ лучины, пили вино и считали да прятали деньги. Одинъ былъ высокій здоровый съ черной, какъ смоль, бородой и остро-сердитымъ взглядомъ; ходилъ онъ всегда въ грубой синей рубахѣ и синихъ портахъ, высоко засучивъ рукава, изъ-за которыхъ глядѣла мозолистой кожи обросшая вся волосами рука. Всегда подпоясанъ онъ былъ кушакомъ, за который засунутъ топоръ. Тотъ человѣкъ, надо думать, былъ суровый отецъ ихъ, такъ какъ одинъ онъ приносилъ имъ и хлѣбъ, и похлёбку, и кашу. Откуда онъ бралъ это все, не знали они. Прежде съ сестрой кормила ихъ женщина, но давно ее они не видали. Съ тѣхъ поръ, одиноко и робко сидѣли они цѣлые зимніе дни, дожидаясь, когда завернетъ въ избу тотъ черный мужикъ съ бородой, что приносилъ имъ и воду, и хлѣбъ. Были малы они, никого изъ людей деревенскихъ не знали, только порой по-лѣтамъ заходили къ нимъ

---

[1] См. 3 № «Отеч. Зап.» настоящаго года.

изъ деревни храбрые дѣвки и парни, которые рѣшались пускаться въ лѣсную трущобу за малиной, грибами и клюквой.

По зимамъ же было имъ жутко и страшно, когда завывали мятели и волки, и выходилъ изъ берлоги медвѣдь. Но не долго такъ было. Однажды, весной, когда еще снѣгъ не сошелъ весь, слышатъ они какъ все ближе и ближе говоръ несется и шумъ; вотъ онъ раздался въ лѣсу; черный мужикъ, что принесъ имъ и яицъ, и хлѣба, вдругъ оробѣлъ, сердито брови наморщилъ и, со скамьи не вставая, угрюмо подслушивалъ говоръ, словно волкъ, что почуялъ погоню.

— Міръ! вдругъ сказалъ онъ, какъ будто невольно, и весь задрожалъ, заметался; то ребятишекъ на руки бралъ, то въ подполье совался, и страшно стало Пиману съ сестрой этого грознаго слова.

Не долго прошло, какъ густою толпой мужики окружили избу; другіе же двинулись въ лѣсъ и разсыпались тамъ, наполнивъ его шумомъ и гамомъ. Тогда старики, съ бородами въ лопату, въ лаптяхъ, съ длинными палками, ввалились въ избу и приказавши отцу явиться на сходку, вышли всѣ вмѣстѣ. Здѣсь у избы, усѣвшись рядами на бревнахъ, изъ которыхъ сочилась смола золотая на солнцѣ, стали они что-то сурово отцу говорить. Что тамъ было, объ чемъ говорили, ни Пиманъ, ни сестра не слыхали. Только скоро послышались имъ дикіе крики и вопли отца, а изъ лѣсу съ разныхъ сторонъ, какъ по командѣ раздался, гулко и звонко, стукъ топоровъ о вѣковѣчныя сосны. Дрогнулъ какъ будто лѣсъ заповѣдный и съ послѣднимъ крикомъ отца ихъ послышался хрястъ отъ паденья деревьевъ. Испугались ребята и, въ сильной тревогѣ, забились за печку; слушали день весь, какъ по лѣсу гулъ и стукъ разносился, какъ птицы кричали, будто жалобно плача, носясь тучей надъ раззоренными гнѣздами, какъ пѣсни и говоръ немолчный скоро повисли вокругъ. На царство лѣсное войной шло царство мірское.

Поздній вечеръ насталъ и солнце давно спустилось за стѣну лѣсную, сквозь стволы пробиваясь снопами желтыхъ лучей, когда, на смѣну уставшимъ, прибыли новые люди съ цѣлымъ рядомъ порожнихъ подводъ: то были бабы и дѣти; шумно скакали они прохладною просѣкой, спѣша на подмогу мужьямъ и отцамъ, которые ихъ поджидали, сидя на свѣже-обрубленныхъ пняхъ. Скоро, сложивъ на колеса сочныя бревна, а сучья и хворостъ покинувъ на поруби, весело двинулся поѣздъ къ деревнямъ; ребятишки верхами сидѣли на бревнахъ, молодыя дѣвки и парни впередъ шли, съ громкими пѣснями, а за ними отцы, тихо ступая, усталые двигались. То былъ словно поѣздъ побѣ-

дителей, возвращавшійся съ битвы, обремененный добычей. А на него, будто украдкой, въ окно долго смотрѣли Пиманъ и сестра, у которыхъ любопытство давно пересилило страхъ: никогда еще прежде они не видали столько народу... Вотъ онъ, этотъ «міръ», предъ которымъ суровый отецъ задрожалъ (они не знавали, чтобы онъ когда передъ чѣмъ волновался въ испугѣ), и застонало лѣсное, темное царство... Долго тянулся медленный поѣздъ, пока удалось ребятишкамъ выглянуть за дверь и подсмотрѣть, что совершилось. Вмѣсто зеленой стѣны, за которою страшное что-то скрывалось, передъ ними — справа и слѣва, и сзади лежала равнина, а столѣтнія сосны будто въ испугѣ далеко назадъ подались и угрюмо смотрѣли на поверженныхъ братьевъ. Долго стояли тутъ и смотрѣли Пиманъ и сестра въ нѣмомъ изумленьи вокругъ — и на равнину, зеленымъ еще и свѣжимъ покрытую хворостомъ, и на холмы съ деревнями, что вдругъ вдали открылись предъ ними, и на пернатыя стаи, что все еще съ жалобнымъ крикомъ носились надъ порубью, ища раззоренныя гнѣзда и клича побитыхъ птенцовъ. Ночь наступила, а къ нимъ все не шелъ еще черный мужикъ, съ которымъ нынѣ страшное что-то такое свершилось. Только ужь къ раннему утру, чуть загорѣлась заря, торопливо зашелъ онъ въ избу, слазилъ въ подполье, вынулъ оттуда что-то въ мѣшкѣ, насыпалъ на столъ груду мѣдныхъ монетъ, подошелъ къ ребятишкамъ и, махнувши сердито рукою, вышелъ опять... А на утро, чуть солнце поднялось, снова съ гуломъ и гамомъ тотъ же «міръ» надвигался на лѣсъ, что вчера; только сегодня съ избой ихъ не имѣлъ ужь онъ дѣла; толпы съ топорами, пилами валили одна за другою все дальше, мимо поруби свѣжей, къ отступившему лѣсу. Скоро опять раздались гулкіе стоны и хрясть подрубаемыхъ сосенъ. Долго ждали Пиманъ и сестра, но ни отецъ, ни «міръ» къ ихъ избѣ не являлись. Прошли къ лѣсосѣкамъ бабы и дѣти, толпами неся уставшимъ въ кувшинахъ и кринкахъ квасъ, молоко, пироги. Голодъ сталъ мучить Пимана съ сестрой. И вышли они изъ избы и, присѣвъ на брошенный пень подъ окномъ, стали плакать. Тогда подходили къ нимъ сердобольныя бабы: «гдѣ же отецъ?» говорили и, покачавъ головами, имъ по-куску пирога оставляли, спѣшно и что-то между собою толкуя, торопясь къ ожидавшимъ ихъ мужикамъ.

А когда свечерѣло и вновь тронулся изъ лѣсу длинною цѣпью обозъ съ свѣжими бревнами, а Пиманъ и сестра все сидѣли еще у избы и плакали въ страшномъ смущеніи, что ихъ снова однихъ покидаютъ, тогда проходившій съ обозомъ народъ приставалъ возлѣ нихъ и говорилъ: «Неужели-же однихъ покинуть ихъ на

ночь? Отца, вишь ты, съ ночи они не видали... Чего бы съ собой да и съ ними онъ не надѣлалъ?»

И сказавши, входили въ избу, осмотрѣли и печь, и закуты, и нигдѣ не нашли ничего съѣстного. Когда же увидѣли кучу монетъ на столѣ, всѣмъ на умъ подозрѣніе пало, что не даромъ лѣсникъ это сдѣлалъ. И, сговорившись, рѣшили всѣ въ голосъ:

— «На міръ!.. Надо и деньги, и ребятишекъ къ міру представить».

Услышавши это страшное слово, ребята опять заревѣли: представилось имъ, что старики съ бородами и палками сдѣлаютъ съ ними тоже, что и съ отцомъ. Однако же, ихъ на воза посадили и, давъ по ломтю пирога, повезли на деревню. Тутъ подъ вязомъ стариннымъ ихъ на бревно посадили, сказавши, чтобы ждали они когда соберется народъ. Ребятишки, которые всю улицу запрудили, встрѣчая стадо, сгрудились около нихъ и съ любопытствомъ смотрѣли, какъ на волчатъ, принесенныхъ изъ лѣса.

Скоро начали къ нимъ подходить старики, и вотъ собрался снова «міръ», котораго словомъ однимъ, невольно сорвавшимся съ губъ, научилъ ихъ бояться отецъ и видѣть въ немъ высшую силу. Сначала старики стали распрашивать ихъ, но мало добились толку.

— Надо на міръ взять! сказали одни:—за отца не отвѣтчикъ ребенокъ.

— Кто же будетъ кормить ихъ, замѣтили бабы: — они еще малы, за ними уходъ да глаза, а у всѣхъ, насъ самихъ ребятъ полны руки... Сбились сами мы съ ними.

— Полно вамъ брехать!.. Оставьте! крикнули тутъ старики.

Но бабы не унимались.

— Вамъ мужикамъ хорошо, говорили они:—вы не знаете нашего дѣла: и за скотиной поспѣй, и на полѣ, и въ печь, и вамъ наготовь холста да синюхи, себя обшей и ребятъ... Ты его, малаго, вымой, обшей, накорми...

— Что-жь, ихъ въ лѣсу что ли бросить, заговорили міряне:— моли еще Бога, что у отца не остались... Вышли бы съ нимъ такіе же волки лѣсные! А у насъ все же крестьянами будутъ... Года два прокормить, а тамъ ужь, глядишь, за ними потянетесь сами: при землѣ лишній работникъ — Божія милость!.. А они при землѣ-то да на міру, погляди, мужиками выйдутъ какими. Будутъ работники міру, и насъ самихъ лучше... За мірскую ласку да хлѣбъ-соль на вѣкъ міръ попомнятъ... Мы вотъ говоримъ: что намъ міръ! Мы, молъ, сами себя откормили... Такъ-то...

— Что̀ говорить! бываетъ и такъ, что на мірскихъ-то хлѣбахъ и змѣю вспоишь-вскормишь, замѣтили неугомонныя бабы:—отъ такого отца и щенята такіе... Не ровенъ часъ, съ ними своихъ ребятишекъ испортишь...

— Ну, молчите!.. Ждите мірского рѣшенія! крикнули тутъ старики. (А въ ту пору старики на міру были сила большая).— Пока малы они, пустимъ, міряне, ихъ въ череду на прокормъ... А ужь послѣ, коли отецъ не объявитъ себя, пристроимъ къ хозяйному дому... Вамъ же, бабёнкамъ, приказъ: буде кто изъ васъ станетъ ими гнушаться, ту, по суду стариковъ, высѣчемъ здѣсь вотъ, на сборнѣ...

— Ну, что болтать!.. И впрямь не лѣсные волчата... Къ семьямъ берутъ, не то что на міръ! сказали солидныя бабы, и всѣ расходиться стали по-избамъ.

Старики же про-межь собой еще толковали, головами въ раздумьи качая: «Вишь ты, лютое семя, не хочетъ смириться... Ушелъ!.. Да они ужь издавна были такіе: хлѣбопашества вѣкъ не знавали. Такъ, лѣсными людьми завсегда проживали. Дикіе стали... А послѣ вотъ мастерствомъ занялись по дорогамъ. Ну, да и лучше, какъ мы изведемъ ихъ гнѣздо: а то ужь и тавъ навели на насъ всякаго чину... Только и знаемъ—обыскъ, облава, опросы... Дай понюхать разокъ, а начальники и рады... А намъ эдакъ не жить!.. Мы только и живы, пока насъ не трогаютъ гости такіе... А ему все одно!.. Что̀ ему!.. Съ насъ отвѣтъ, а онъ въ лѣсъ схоронился... Поди, ищи съ него тамъ отвѣта!..

— Ну, теперь не вернется, подтвердили другіе: — всыпали такъ, что на вѣкъ помнить будетъ... Такъ-то братъ, лучше, чѣмъ къ начальству тащить: и вживѣ пустили, и въ память пойдетъ...

— Теперь не вернутся! добавили третьи:—гнѣздо ихъ до тла раззоримъ, какъ вылущимъ лѣсъ на полверсту кругомъ, да выжжемъ огнемъ до самаго сердца, да соху запустимъ гулять. То будетъ веселье! И хлѣба и травъ соберемъ не въ проѣжу, да и волковъ съ медвѣдями двинемъ, подальше отъ насъ... И то одолѣли... Хлѣбъ-то да травка получше будетъ, чѣмъ лѣсная дичина... Да и мы, глядишь, веселѣе станемъ смотрѣть, какъ кругомъ передъ нами вскроется все: и рѣка, и холмы, и деревни...

— Гляди, и съ самихъ посойдетъ не мало лѣсного-то виду... Въ полѣ-то къ солнышьу ближе, теплѣе; передъ людьми и передъ Богомъ виднѣе станетъ. Вотъ, лѣсъ уронимъ, того и смотри, надъ верхушками крестъ съ погоста увидимъ—что звѣзда заго-

рится!.. Ну, лишній разъ и Бога попомнишь, и лобъ перекрестишь...

— Что вѣрно, то вѣрно.

Тутъ, кряхтя, поднялись старики, чтобы домой разойтись, но старѣйшій изъ нихъ сказалъ:

— Что-жь ребятишекъ? Совсѣмъ и забыли... Стариковская память—короче мизинца! Они вотъ и такъ на росѣ ужь издрогли... Съ кого же чередъ начинать?

— Ну, начнемъ съ моего хоть конца, сказалъ съ большой бородой, весь сѣдой старичище изъ рода Груздей.

Такъ порѣшивъ, разошлись старики, а Груздь, журавлемъ длинноногимъ шагая, согнувшись, ккъ оцѣпъ, взялъ за руки Пимана съ сестрой, и какъ бабы таскаютъ овецъ за собой, потащилъ ихъ, не говоря имъ ни слова, такъ что они въ припрыжку бѣжали и отъ страха боялись вздохнуть.

Помнитъ Пиманъ и доднесь эти дни, когда онъ впервые познакомился съ міромъ мужицкимъ и судомъ стариковъ. Крѣпко врѣзалось въ память ему все, что онъ видилъ и слышалъ тогда; ясно какъ день помнитъ все это, какъ будто впервые сознанье свѣтлымъ лучемъ озорило его и на-вѣки въ мозгу укрѣпило.

Помнитъ Пиманъ, какъ впервые ихъ посвящали ребята въ свой собственный міръ. Раннимъ утромъ, однажды, въ жаркій ведренный день, увидали они, какъ съ холмовъ, отъ деревень—ихъ сосѣдокъ, толпами шли ребятишки, дѣвки и парни-подростки и всѣ собирались на улицѣ, дожидаясь приказа отъ старшихъ.

— Пàлы! Пàлы палить! кричали они: — ваше лѣсное гнѣздо выжигать, добавляли Пиману съ сестрой.

И скоро, веселые всѣ, захвативши съ собою сиротъ, шумной гурьбой двинулись къ лѣсу. Здѣсь, разсыпавшись мигомъ по поруби, вкругъ которой, отъ лѣса, канава была ужь прорыта, чтобы прекратить морю огня доступъ къ деревьямъ, стали складывать высохшій хворостъ въ высокія кучи. Скоро трескъ начался; тамъ и здѣсь языками огонь показался и жадно лизать сталъ на солнечномъ жарѣ изсохшую зелень. Дымъ бѣловатый сперва, какъ будто колеблясь, тихо и низко поползъ по равнинѣ. Но вотъ, застоявшійся воздухъ сталъ колыхаться, и по равнинѣ сначала легкой струей пробѣжалъ вѣтерокъ; веселѣй языки заходили по сучьямъ, гуще дымъ вырывался изъ разгоравшихся кучь, и наконецъ, вспыхнуло все, какъ-то сразу, моремъ пожара; красный огонь—то длинными лентами рвался высоко на воздухъ, то какъ змѣя извивался ползкомъ, по землѣ, забираясь подъ хворостъ; скопившійся дымъ вдругъ столбомъ, словно смерчь, поднялся къ облакамъ и наполнилъ окрестность

мглой и удушливымъ смрадомъ. Тутъ какъ-то сразу все оживилось въ равнинѣ: трескъ и шипѣніе сучьевъ, крики птицъ, ошалѣло носившихся въ дымѣ, крикъ и визгъ ребятишекъ, скакавшихъ возлѣ огня въ изступленьи какомъ-то; словно дикіе здѣсь собрались и справляли священную пляску передъ вѣчнымъ огнемъ. Такъ взрывы стихій покоряютъ себя людское сознанье и волю и превращаютъ насъ въ жалкихъ дѣтей, то въ паническомъ страхѣ бѣгущихъ предъ ними, то безумно подражающихъ имъ безсознательнымъ звѣрствомъ. Замѣталось тревожно царство болотъ и лѣсовъ: тысячи ящерицъ, жабъ, лягушекъ и змѣй, зайцевъ, ёжей и кротовъ и всякой твари водяной и подземной — бросились въ необычайномъ волненьи вонъ изъ трущобы, которая безконечнымъ рядомъ вѣковъ охранялась непобѣдимымъ строемъ деревъ; все спѣшило, конвульсивно избѣгая огня, который, словно въ догонку, бѣжалъ и лизалъ языками, иныхъ пожирая на мѣстѣ, увѣча другихъ и заставляя вертѣться и прыгать въ страшныхъ мученьяхъ; все спѣшило искать спасенья въ канавѣ. Но здѣсь ихъ встрѣчали скакавшіе шумно дѣти и въ радостно-дикомъ самозабвеніи палками ихъ добивали, топтали ногами, или же, съ побѣднымъ крикомъ, снова бросали въ огонь.

Величавое было что-то и вмѣстѣ съ тѣмъ страшное въ этомъ походѣ на трущобную дичь! А Пиману съ сестрой такъ сдѣлалось жутко и больно, что они вразъ заревѣли, подъ дружный хохотъ ребятъ, какъ будто имъ жалко вдругъ стало всей этой дичины.

Помнитъ Пиманъ, что долго спустя, послѣ того какъ не разъ еще міръ собирался на зеленой равнинѣ, то пни корчевать, изъ подъ неостывшей еще и покрытой золою земли, то съ сохой поднимать новину, то дѣлиться и жребій бросать межъ собой по частямъ этой новой, свѣже-распаханной нивы, подобно недавно-вѣнчанной женѣ цѣломудренно-скрывавшей въ себѣ избытокъ плодородныхъ силъ; помнитъ, какъ въ первый разъ самъ онъ вступилъ съ сохою на эту равнину и, покрестясь, въ дѣвственно-упругую грудь ея вонзилъ глубоко могучей рукой остріё сошника... И долго еще казалось ему, будто кишатъ и шипятъ вкругъ него гады лѣсныя, на огнѣ извиваясь, а лѣсовикъ шумитъ и гудитъ, угрожая изъ лѣса.

Но міръ побѣдилъ и на вѣки скрѣпилъ брачныя узы между земледѣльцемъ и дѣвственной почвой. Такъ, послѣ бурной и пламенной страсти, борьбы и страданій, бракъ налагаетъ незамѣтныя узы на примиренныхъ любовью, чтобы мирно они могли возрастить плодъ взаимной любви.

Два года прошло, какъ Пиманъ съ сестрою ведутъ череду, кормясь и ночуя въ каждой избѣ столько дней, сколько работниковъ значилось въ домѣ. Вызнали за это время они всѣхъ односельцевъ: были иные добры къ нимъ и за одно съ своими дѣтьми почитали; и пищу, и мѣсто все въ ровень дѣлили, въ ровень-же шли и наказанья, и ласки; другіе же были суровы и скупы, и часто хорошимъ кускамъ одѣляли, ревнуя къ дѣтямъ своимъ. Здѣсь научались они, день за днемъ, обиходу семейному: почитать и бояться старѣйшаго въ домѣ и во всемъ къ нему обращаться, такъ какъ всякому онъ воздавалъ равное съ каждымъ и чинилъ поравненье въ работѣ, въ одеждѣ и въ пищѣ, заботясь, чтобъ всѣ за одно ходко и дружно старались о домѣ, чтобы никто одинъ предъ другимъ не кичился, чтобы зависти и злобы другъ къ другу не знали, и чтобы оттого въ хозяйствѣ не вышло ущерба. Когда же смута случалась въ домѣ и старѣйшій не въ силахъ былъ ее прекратить собственной властью, или же самъ не соблюлъ поравненья, слабости ради людской, тогда всѣ выходили на міръ и общимъ рѣшеніемъ судили виновныхъ: старики наставленье дѣлали, а потомъ сѣкли виновныхъ у всѣхъ на глазахъ, такъ какъ въ то время много еще дикаго было въ лѣсныхъ мужикахъ. Часто въ семьяхъ ссорились жены съ мужьями, и братья, и сестры, и часто готовы бывали другъ друга до смерти забить изъ пустого; но міръ, охраняя общій спокой совмѣстной жизни, бдѣлъ надъ каждымъ и чувства любви, справедливости, равенства въ ближнихъ воспитывалъ строго, воздавая трудолюбивымъ и мирнымъ почетъ, обороняя слабыхъ и хилыхъ, а нерадивыхъ и буйныхъ строго казня. Такъ издавна въ дикой душѣ земледѣльца развивала совмѣстная жизнь добрыя чувства; исподволь ихъ же возращала она въ юныхъ душахъ новыхъ пріемышей міра—Пимана съ сестрой, которые до того ни людей не знавали, не видали ласки, ни гнѣва.

VI.

На другой бокъ повернулся «счастливый» Пиманъ.

Вотъ ужь и дѣтство минуло. Ушли въ невозвратную даль и лѣсная дичина, и суровый мужикъ, съ черной какъ смоль бородой; порвалися связи лѣсныя: съ лицъ угрюмость лѣсная сошла, и съ души дикая робость. Ходитъ Пиманъ теперь бравымъ, степеннымъ подросткомъ; прямо и смѣло смотритъ въ лицо деревенскому міру; онъ ужь умѣетъ, какъ настоящій парень мірской, ловкимъ

взмахомъ забрасывать со̀-лба волосы, аккуратно подстриженные въ скобку, или, играя плечами, поправлять на нихъ казакинъ, небрежно наброшенный сзади. Вотъ онъ — то сидитъ на бревнѣ у крѣпко-скроеной избы, съ хитрой рѣзьбой по карнизу и въ полотенцахъ у оконъ, то по двору ходитъ, убирая коней, таская копнами сѣно и воду изъ мірского колодца, или же, въ растворенныя настежь ворота, видно, какъ онъ пристально смотритъ на старика, который, сидя въ прохладной сѣнницѣ, свѣжедушистыя доски стругаетъ и хитрой рѣзьбою ихъ украшаетъ. Видно, доволенъ старикъ: оживленно передаетъ онъ Пиману мудрость узора, рисунка, что самъ придумалъ, чистоту и точность пригонки, вѣрность, силу умѣнье владѣть инструментомъ, хотя весь инструментъ былъ топоръ, да стамеска. Этотъ старикъ былъ тотъ Груздь длинноногій, что первый съ себя началъ череду мірскаго кормленія Пимана съ сестрой и увелъ ихъ со сходки; онъ же былъ зодчій мірской и художникъ. Всюду на избахъ виднѣлись слѣды его творчества: гдѣ конекъ, гдѣ полотенце, карнизъ, а также ребячьи игрушки да дѣтскія люльки, въ которыхъ матери возятъ съ собою въ страду грудныхъ ребятишекъ. Избы же пригляднѣе не было, какъ изба самого Артемія Груздя: цѣлыя зимы Артемій неустанно творилъ, и готовилъ къ веснѣ застрѣхи, подзоры, балясы на кровлю, на окна, на столбы и ворота.

Было время, когда Груздь выходилъ на поля и въ луга самъ восьмой, впереди шестерыхъ дочерей, краснощекихъ, здоровыхъ и рослыхъ, да хозяйки, пожалуй породистѣй каждой изъ нихъ. На міру ихъ такъ и прозвали «дѣвичьей вытью». Вся молодая Вальковщина часто на общихъ покосахъ глазъ не сводила съ этой семьи, и дивилась счастью Артемія Груздя. Только самъ Груздь не былъ радъ счастью такому: на дѣвокъ не прочны надежды. Давно ужь женой недоволенъ былъ деревенскій зодчій; давно между ними прошла черная кошка, и съ каждымъ новымъ рожденьемъ ребенка мрачнѣе становился Груздь. Ему иногда говорила жена: «что же ты сердишься? Развѣ домъ у тебя не полная чаша? Развѣ я съ дочерьми меньше работаемъ, чѣмъ мужики? Али мы слабже ихъ, въ работѣ уступимъ? Али дѣвки наши гуляютъ? Посмотри, всѣ завидуютъ намъ: у кого по зимамъ столько наткано холста и синюхи? У кого такъ скотину холятъ и нѣжатъ? У кого такъ прибрано, вымыто чисто въ избѣ, во дворѣ? У кого столько птицы домашней?» Такъ считала съ укоромъ жена, но упорно молчалъ Груздъ на эти рѣчи. «Ладно, ладно, онъ про себя повторялъ:—дѣвки — вѣтеръ!.. Только того и глядятъ, какъ бы

изъ дому вонъ: имъ не дорого то, что отцу было дороже всего: все промѣняютъ на перваго парня, на льстивую рѣчь, на красное слово... Хорошо оно—точно, покамѣстъ... А вотъ налетитъ молодая Вальковщина, что теперь стаями вкругъ дочерей моихъ ходитъ, съ разныхъ концовъ налетитъ — и прощай! Растащутъ тогда все хозяйство клочками, и памяти нѣтъ ужь объ томъ, кто его собиралъ, охранялъ и всю душу въ него полагалъ... А кто *мое* охранитъ, сбережетъ?... Кому въ этой избѣ дорога будетъ каждая малость; кто будетъ помнить, что вотъ надъ этимъ узоромъ старикъ цѣлыя ночи корпѣлъ; кто въ печку не броситъ его, кто все охранитъ отъ врага, кто за каждую малость встанетъ всей грудью и жизнью, а память о тебѣ передастъ и потомству»?...

Такъ думалъ Груздь и, случалось, въ припадкахъ тоски, подъ пьяную руку, онъ дико и звѣрски ругался и дрался, и взаимная ненависть росла между нимъ и женой съ дочерьми. Тяжко имъ стало въ родительскомъ домѣ и часто мечтали они, какъ бы скорѣе оставить его и промѣнять на любимаго мужа.

Еще мрачнѣе сталъ Груздь, когда, мало-по-малу, сиротѣть сталъ его дворъ; когда молодцы изъ деревень пріѣзжали и увозили его дочерей вмѣстѣ съ приданымъ, уводя коровъ и овецъ, лошадей и свиней и все больше хозяйство его оголяя. Часто на свадьбахъ сидѣлъ онъ тогда суровъ и угрюмъ, мрачно пилъ и мрачнѣе ночи возвращался въ свой сиротѣвшій домъ.

— Зятя во дворъ взялъ бы къ себѣ, говорили ему тутъ міряне.—Что же грустить! Противъ судьбы не пойдешь.

— Зятя!.. Что̀ зять! отвѣчалъ старый Груздь: — зять придетъ къ тебѣ ужь готовый... Зять — чужакъ. Зятю смиренный поклонъ да первое мѣсто, а самъ—по-запечку... Кто онъ такой—къ нему въ душу не влезешь... Отдайте-ка лучше мнѣ парнишку Пимана: два года за нимъ я слѣдилъ, все не рѣшался, думалъ, въ отца бы не вышелъ... Да нѣтъ, видно не той онъ породы... Отдайте: сниму парнишку съ мірскаго хлѣба... Небось, меня знаете: не взрощу лиходѣя крестьянскому міру... Предоставлю вамъ мужика въ полномъ видѣ.

— Лучше не надо! отвѣтилъ міръ:—пора ужь къ дѣлу пристроить сиротъ... Да возьми ужь кстати дѣвчонку...

Тутъ Груздь угрюмо вскочилъ и сказалъ, уходя, рукою махнувши:

— Коли такъ—не надо!..

Но міръ, разсмѣявшись, его воротилъ:

— Испугался?.. Боишься ты бабьяго роду!.. Ладно, бери одного

ужь, другую мы къ мѣсту пристроимъ... За дѣвкой еще время терпитъ.

Года не выжилъ у Груздя Пиманъ, какъ старикъ ужь совсѣмъ морщины разгладилъ на лбу: все улыбнулось въ семьѣ; еще свѣтлѣе и чище глянула изба; любовнѣй еще за хозяйство принялись старикъ и старуха, и веселѣе теперь выдавали послѣднихъ дочерей своихъ замужъ: въ будущемъ—дому хозяинъ-опора и старцамъ защита былъ найденъ. Что ни годъ Пиманъ выправлялся и тѣломъ, и духомъ. Съ тайнымъ сердечнымъ волненьемъ слѣдилъ за нимъ Груздь, а подъ конецъ и души въ немъ не чаялъ. Выходилъ изъ Пимана мужикъ идеальный: ростомъ и силою справенъ, почтителенъ къ міру и старшимъ, ровенъ во всемъ—и въ трудѣ, и въ забавахъ; безъ пути не совался всѣмъ на глаза, въ дѣло не въ дѣло; съ одногодками дружень всегда былъ и ссоръ изъ пустого не дѣлалъ; къ хозяйству внимателенъ былъ, скотину любилъ и ко всякой хозяйственной вещи относился съ почтеніемъ и осторожно, и всегда былъ суровъ, когда одногодки, часто въ шалостяхъ что-либо портили во дворѣ у Артемія Груздя. Крестьянская жизнь, гдѣ часто подростки за одно съ большаками всѣ выполняютъ работы, рано приучила къ степенству; а череда мірского кормленія еще больше укрѣпила въ Пиманѣ съ сестрой осторожность во всемъ, что касалось чужого добра, такъ какъ нерѣдко сурово и строго хозяева ихъ тому обучали.

Въ великомъ довольствѣ былъ старый Груздь, видя, какіе задатки ростутъ и крѣпнутъ въ душѣ пріемнаго сына, и часто, примѣромъ и словомъ, онъ еще больше старался въ немъ утвердить ихъ, передавая все, что, по долгому опыту, считалъ за устои жизни крестьянской.

И вотъ, по зимамъ, обучая его выводить узоръ по доскамъ, онъ такъ говорилъ ему:

— Вотъ такой же былъ я, какъ и ты, когда еще живъ былъ отецъ и когда впервые за Вальковщину мы воевали. Тогда жили мы вовсе въ лѣсу, отъ всѣхъ словно крѣпкой стѣной отрѣзаны были. Вальковщины только и было, что наши сосѣдки Грачи да Тычки, да два-три починка. Больше народу въ нихъ было, точно —ну, да послѣ войны разселились. А то жили во всемъ, какъ одни: расчищали лядины, болота сушили. Жили сами себѣ господа: никого не знавали, да и насъ никто не касался. Судились, рядились, женились все сообща, на міру; подъ нашимъ вотъ вязомъ, вся Вальковщина тутъ и сбиралась. Сами тутъ выбирали себѣ цѣловальниковъ, мѣрщиковъ, вытныхъ и торговыхъ людей, что отъ міра въ довѣренныхъ были и за разной

мірской потребой раза два въ годъ ѣздили въ городъ. Всѣмъ управлялись мы сами: сгоримъ ли—мигомъ всѣ соберемся Вальковщиной всей, избы нарубимъ еще того лучше. Хворь ли какая деревню охватитъ—бывало опять всю Вальковщину скличемъ: мозжевельнику кучи изъ лѣсу натащимъ, обставимъ деревню кругомъ, подожжемъ и окуримъ, а больнымъ натаскаемъ и хлѣба, и молока. Когда же настанетъ страда—всѣ поля уберемъ имъ, хлѣбъ уложимъ въ скирды, обмолотимъ. Такъ дружно мы жили, никакой, кромѣ міра, власти не зная. Справедливѣе-же міра не сыщешь, его не закупишь, не обойдешь, не обманешь, потому на міру все у каждаго всякому видно. Міръ никого не обидитъ напрасно, такъ какъ ему самому мзды не надо, строго и чинно блюдетъ онъ общее дѣло и пользу. Старшіе-жь въ мірѣ, что опытомъ долгимъ познали, что̀ для крестьянина зло и добро, совѣты даютъ молодымъ.

— Такъ мы жили, издавна повинность одну оправляя честно и твердо: въ городъ справляли овесъ мы и сѣно для царскихъ коней, что стояли тутъ на запасѣ. Было у насъ здѣсь вдоволь всего — и земли, и лѣсу, и птицы. Случалось, заѣзжали къ намъ дальніе люди—и диву давались, глядя на наше житье, и страшнаго много намъ про себя говорили. Говорили, что міръ ихъ давно ужь порушенъ, что надъ нимъ была сила большая, что бары жили въ ихъ деревняхъ, что сѣкли кнутомъ ихъ и плетью, что хуже скотины держали, и что на базаръ, какъ коровъ, продавать выводили отцовъ, дочерей, сыновей; что съ близкими сердцу ихъ разлучали для прихоти барской; что отрывали ихъ отъ полей, которыя сами вспоили пòтомъ и кровью... Отъ этихъ рѣчей вчужѣ жутко намъ становилось, да къ тому же, порой подтверждали и наши мірскіе торговые люди, которые въ города и къ сосѣдямъ ѣхали съ хлѣбомъ мірскимъ на продажу и мѣну. Тогда-же стали все чаще, въ нашихъ лѣсахъ укрываясь, странники къ намъ приходить и страшнѣе того говорили намъ рѣчи: «Богу молитесь, говорили они: — а не попамъ!.. Заблудился человѣческій родъ... Злой народился антихристъ... Прячтесь, крестьянскіе люди... Всюду слуги антихриста ѣздятъ и клейма кладутъ на людей, и отмѣчаютъ каждаго картой съ печатью, и обращаютъ въ рабовъ подъяремныхъ». Старики стали думать: «Коли у сосѣдей все хуже да хуже, жди тутъ бѣды». Собралася Вальковщина наша и порѣшили: «крѣпиться, сколь можно, съ сосѣдями меньше дѣлъ заводить, на гульбища къ нимъ не ходить, не водить съ нимъ свадебъ; смирнѣе сидѣть за лѣсною стѣной, а въ городъ пускай будутъ ѣздить по выбору лишь старики, что всѣхъ разумнѣй и тверже. Кто

же противъ закона мірского пойдетъ, будетъ тому строгая казнь». Бывало, къ намъ только и ѣзидилъ, что попъ, да и то когда сами за нимъ пріѣзжали. Тогда церковь отъ насъ была далекò, верстъ, поди, за 30. А тутъ порѣшили: не ходить и за нимъ. Свадьбы стали водить только между своими, безъ поповъ, самокруткой, на-мірѣ; и хоронили тоже властью своей; это и прежде бывало.

— Вскорѣ же тутъ черезъ лѣсъ нашъ, случилось, бѣглый попъ проходилъ, отъ начальства скрываясь. Несъ онъ подъ мышкой старинныя книги: апостолъ да требникъ, крестъ да кадило, завернувши все въ освященный платъ. Попросили его мы тутъ міромъ на кладбищѣ общія всѣмъ нашимъ могилкамъ справить поминки, а самокруткой вѣнчанныхъ обвести вкругъ налоя. Бѣглый тотъ попъ (Варламомъ онъ звался) все намъ исполнилъ, объ чемъ мы его ни просили. Полюбился онъ намъ, да и ему показалось у насъ хорошо: остался на зимỳ. Тутъ-то бесѣды пошли съ нимъ у насъ! Читалъ онъ намъ божіе слово, ходилъ вкругъ полей, кадиломъ кадилъ, служилъ намъ молебны и много хорошаго намъ повѣдалъ о вѣрѣ Христовой, о гонимыхъ за вѣру, о томъ, какъ живутъ и чтò творится въ мірѣ. Рады мы были такому попу несказано!.. Свой былъ попъ—одно слово. Незачѣмъ было теперь намъ совсѣмъ знаться съ начальствомъ. Былъ онъ, положимъ, пàдокъ къ вину, ну, да мы это ему ужь прощали. Для кормежки ему, какъ тебѣ же, мірскую череду заказали. Нашлось тутъ не мало изъ нашихъ, что похотѣли и сами книжному дѣлу у него поучиться. Училъ онъ охотно, хотя и дрался не мало. Ну, да и это мы тоже прощали. Вотъ и я у него перенялъ тогда къ разнымъ узорамъ охоту: ловко умѣлъ онъ узоромъ буквы украсить. Я было тоже тогда и грамоту пѐренялъ, да, признаться, опять призабылъ все... А меня онъ любилъ, и тогда еще мнѣ подарилъ списокъ, писанъ уставомъ, а заголовокъ хитро украшенъ рисункомъ. Прозывается онъ «Слово о двухъ мужикахъ». Признаться, прочесть его все не удосужилось мнѣ, хотя ужь тому прошло лѣтъ больше полсотни. За то берегъ же я его: думаю, можетъ сынишка будетъ, коли ни то разберемъ... Да вотъ сына себѣ и по-сейчасъ не дождался... Передамъ ужь тебѣ: береги... Коли самого Богъ непопуститъ наукой, своимъ сынамъ передашь, когда ни то и дойдутъ, чтò прописано тамъ. Читалъ намъ, признаться, тотъ попъ, да я ужь не помню.

Тутъ изъ божницы старикъ вынулъ завернутый въ платъ свитокъ суровой синей бумаги, посмотрѣли съ Пиманомъ они на узоръ заголовка, потосковали, что граматѣ сами не знаютъ, да

и другихъ граматѣевъ на Вальковщинѣ нѣтъ, и бережно вновь завернувъ, положилъ старый Груздь списокъ на прежнее мѣсто.

— Ну, какъ же вы, дѣдушка, жили съ бѣглымъ попомъ? спросилъ Пиманъ, сильно задѣтый любопытствомъ. Вѣдь до того, кромѣ простыхъ земледѣльцевъ, онъ никого не знавалъ.

— Вышло у насъ вскорости, братецъ, съ попомъ тѣмъ Варламомъ дѣло большое... Уже два лѣта живетъ у насъ попъ; вызналъ, высмотрѣлъ за это лѣто Вальковщину всю, и разсказы его, поученья да грамата всѣмъ пришлось по душѣ. До того вѣдь мы только что сказки отъ стариковъ слыхали. Въ тѣ поры, издавна ужь, въ Тычкахъ проживалъ, около лѣсу, въ лачужкѣ старикъ; былъ нелюдимъ онъ, старъ и угрюмъ. Богъ его знаетъ, въ кои-то вѣки къ намъ также забрался, что и попикъ тотъ бѣглый. И старики ужь забыли когда онъ пришелъ. А въ свое время тоже былъ человѣкъ крестьянину нужный: былъ онъ знахарь и волхвъ; зналъ цѣлебныя травы, заговоры и нечистую силу умѣлъ отводить, по-просту, значитъ, колдунъ. Былъ у насъ онъ въ почетѣ: на свадьбы звали, къ скотинѣ, въ поля и къ больнымъ. Ну, а попикъ тотъ бѣглый только лишь осмотрѣлся у насъ, какъ сейчасъ и пошелъ противъ волхва подговаривать людъ. А колдунъ свою линію тянетъ... «Ну, говорятъ попъ съ колдуномъ: — двумъ медвѣдямъ въ берлогѣ не жить». И началась между ними ссора и брань. Народъ подѣлился: одни за попа, другіе за колдуна, и стали на сходахъ ругаться и спорить, кого изъ Вальковщины выгнать. Тычковцы кричали, что безъ колдуна мы погибнемъ совсѣмъ: кто будетъ лечить насъ и скотъ нашъ въ болѣзняхъ? Колдунъ знаетъ и травы, для чего которая служитъ, какая какому скоту и какая людямъ полезна, умѣетъ онъ кровь пускать и заговаривать въ жилахъ; знаетъ отъ домовыхъ, лѣшихъ и водяныхъ наговоры. Мы же кричали: попа не дадимъ, рады и то, что попался! За нимъ мы ровно у Бога за пазухой жили. Кто намъ божіе слово прочтетъ, кто научитъ письмо разбирать, кто разскажетъ про Господа Бога и святыхъ его страстотерпцевъ... Во тьмѣ безъ попа мы погибнемъ. А противъ болѣзней и нечистой силы въ требникѣ есть мольбы у него и указанья. Такъ долго тягались мы на міру, пока не дошло и до драки. Попъ нашъ распалился совсѣмъ. А тутъ же кстати мокреть пришла въ самое жниво почесть. Лилъ, изъ ведра словно, дождь дни и ночи. Ополоумѣли мы, а попъ сталъ потопомъ, гладомъ, и моромъ стращать и говорить, что дѣлу тому не иначе, какъ колдунъ сталъ причиной... Старики собирались, совѣщали совѣты и межъ собой говорили: «чтой-то, братцы, не живется имъ вмѣстѣ? Ума не приложимъ.

Хотя-бы изъ корысти что ли какой воевали: видное было бы дѣло... Нѣтъ, вотъ всякій за свой держится умъ и готовъ претерпѣть». Стали попа мы просить кадиломъ поля окадить. Не кадитъ. Колдуна просимъ водяного заговорить — не желаетъ. Тутъ всѣ отъ тоски, ровно звѣри, мы стали другъ на друга бросаться, да въ этой битвѣ, какъ-то невѣдомо кто (попъ, думать надо) и подожги избу колдуна: до тла вся мигомъ сгорѣла и отъ самого колдуна только одна головешка осталась. Тутъ нашъ попъ сердцемъ взыгралъ, денно и нощно со слезами молился, что Богъ прибралъ отъ народа нечистую силу. Велѣлъ онъ тутъ намъ колдуна въ яму зарыть и осиновый колъ, вмѣсто креста, въ могилу забить. Сдѣлали мы, какъ говорилъ онъ. Тогда съ кадиломъ, крестомъ и платомъ священнымъ, распѣвая молитвы и проливая умильныя слезы, попъ нашъ пошелъ съ нами поля обходить... И что же, вѣдь искреннія были тѣ слезы!.. Услышалъ Господь, къ утру очистилось небо, солнышко божье глянуло... Глядимъ, умиленно ликуетъ нашъ попикъ, ходитъ по избамъ, говоритъ и поетъ: «Радуйтесь христіане!.. Побѣдную пѣснь воспоемъ: святъ! святъ! святъ!.. Истинный свѣтъ просвѣтилъ христіанъ!.. Радуйтесь новаго винограда рожденіе!..

Послѣ того мы опять зажили мирно. Знахаря только не было долго у насъ, кто бы зналъ цѣлебныя травы, и людей и скотину могъ бы лечить... У попа только надежды и было на требникъ! Да недолго такъ было: продали міръ...

— Ну, а какъ же васъ воевали? спрашивалъ дальше Пиманъ:—и кто же Вальковщину продалъ?

V II.

И дальше говорилъ старый Груздь:

— Выдали Вальковщину нашу торговые люди, что первые въ правдѣ мірской усумнились... Измѣнникъ и сребролюбивый Іуда православному люду, кто первый на міръ съ искомъ пошелъ и людямъ нетвердымъ къ власти иной путь указалъ!.. Да будутъ онѣ анаѳемы — прокляты въ вѣки!.. Съ того — все пошло хуже; отъ того-же нестроенье въ народѣ, и скорбь, и крѣпостная работа... Выше міра нѣтъ власти! Міръ всему голова, и конецъ; міръ самъ въ себѣ правда. Міръ радѣетъ о всѣхъ; міръ худого сдѣлать не можетъ. Міръ и сила и защита во всемъ и помога... Что мы безъ міра? Люди лѣсные, звѣрскій обликъ несемъ... На людяхъ же все—и радость, и горе!.. Нынѣ

не стало ужь міра такого!.. Что ужь за міръ, когда вѣры нѣтъ міру, нѣтъ уваженья и страха предъ нимъ... Когда всякій негодникъ идетъ на міръ съ жалобой къ власти сторонней, когда можно судиться за деньги съ другимъ и неправду считать за законъ, не справляяся съ міромъ...

Такъ говорилъ старый Груздь, съ суровою скорбью, припоминая разсказы отца о временахъ отдаленныхъ, когда свободно и мирно свершалъ жизненный путь трудолюбивый крестьянинъ, ведя лишь безкровную битву съ царствомъ суровымъ трущобной дичины. Все представлялось тогда ему полнымъ взаимнаго братства, свободы и мира: такъ на закатѣ сурово-тяжелой жизни привыкъ человѣкъ вспоминать потерянный рай минувшей свободы.

— Поминалъ я тебѣ, что на общихъ Вальковщины сходахъ вмѣстѣ съ другими выбирали мы мірскою совѣстью крѣпкихъ и бойкихъ разсудкомъ торговыхъ людей, продолжалъ опять старый Груздь свою деревенскую повѣсть: — изъ этихъ людей больше всѣхъ довѣрялись мы старику Пармену, за то, что былъ онъ совѣстью крѣпче другихъ и умомъ. Каждую осень почти мы его выбирали. Въ дѣлѣ торговомъ такой человѣкъ лучше всего: въ городѣ всѣ его знали и въ окрестныхъ торговыхъ селеньяхъ, всюду ему довѣріе было. Онъ же крѣпокъ былъ духомъ мірскимъ и хитрымъ разсудкомъ, умѣя всегда охранить пользу мірсвую. Были у него два сына, въ возрастѣ полномъ, какъ отецъ, разсудкомъ богаты, бойки и ко всякому дѣлу смышлены. Давно ужь они, слушая, какъ и что отецъ ихъ разсказывалъ намъ на міру про жизнь городскую, приставали къ нему, чтобы взялъ онъ ихъ въ городъ. И признаться, старикъ боловалъ изрѣдка того, да другого, пока оба они молоды были. И вотъ, что ни годъ, стали они все чаще къ отцу приставать, чтобы пустилъ онъ ихъ въ городъ пожить хоть недолгое время. Но старикъ былъ упоренъ и строгъ. Видитъ, тоскуютъ ребята. На міру старикамъ Парменъ попечалился:—«чтой-то, братцы, съ сынами моими, не довѣдую я? Сбились ребята о городѣ думой: отсѣки хоть руки къ работѣ у нихъ, прилежанья къ хозяйству не видно, стали грубы и дерзки въ словахъ объ отцѣ и объ мірѣ крестьянскомъ. Что ихъ тянетъ туда? Легкій ли трудъ городской, али, можетъ, шумная жизнь городская, просторъ да раздолье, да новизна иноземщины всякой?» Такъ печалился старый Парменъ, когда на отвѣтъ ему попъ нашъ бѣглый сказалъ: — «бойся, Парменъ, бойтесь и вы, православные люди: и на васъ мрежи свои хочетъ раскинуть антихристъ... Много прельщеній въ рукахъ у него, чтобы не-

крѣпкія души юнцевъ совращать на погибель: сулитъ онъ и злато, безъ труда и заботы, и тщеславныхъ манитъ прелестью власти, въ рабы православныхъ къ нимъ обращая, и сатанинской наукой отъ нѣмцевъ онъ блазнитъ, и скоморошествомъ всякимъ, и заморскимъ виномъ, и женками, что продаются за деньги и кровь молодую волнуютъ,.. Православные! самъ я прелести тѣ отъ антихриста всѣ испыталъ, и знаю: погибель готовитъ онъ вѣрную юнымъ душамъ!.. Крѣпитесь и стойте за старую вѣру, за отцовскій обычай!.. Слушайте, что вамъ прочту я... И тутъ прочиталъ онъ намъ «слово о двухъ мужикахъ...» Говорилъ я, что забылъ ужь теперь, въ чемъ было-то слово. Выслушавъ рѣчи такія, міръ нашъ рѣшилъ:—«Что же, Парменъ, есть у насъ средство, отцами испытано было: надо женить молодцовъ; коли міръ да земля не смиряютъ, крѣпче союза не сыщешь, что жена да ребята. Пусть по-любви выбираютъ; буде же выборъ ими не будетъ сдѣланъ, пусть тогда міръ выберетъ имъ по невѣстѣ. А коли въ чемъ ослушаніе будетъ—строптивыхъ поучимъ.—Съ тѣмъ и разошлись. Услыхали сыны Пармена о рѣшеньи такомъ, и пала имъ на сердце мысль: убѣгомъ уйти изъ отцовскаго дома. Тихою, темною ночью, обратавши отцовскихъ коней, что были прытче, бойчѣе и крѣпче, лѣсомъ ударились оба. Дорога была имъ знакома. Хватился отецъ по утру и пустился въ погоню за ними, суровъ и обиженъ непослушаньемъ сыновнимъ. Долго онъ всюду скитался, всюду искалъ сыновей... Ну, наконецъ и вернулся. Глядимъ, везетъ своихъ сыновей: рядомъ въ телегѣ сидятъ, затянуты крѣпкимъ поясомъ руки и ноги (было всего имъ каждому лѣтъ по шестнадцати съ лишнимъ); самъ же Парменъ сидѣлъ впереди, строгій и сердитый, и правилъ конями. Къ сборному мѣсту подъѣхалъ, высадилъ тутъ сыновей и, старикамъ поклонившись, сказалъ: — «судите, міряне, сами, своимъ справедливымъ судомъ... Вотъ они, отдаю вамъ: власти отцовской, видимо, мало».—«Гдѣ же нашелъ ихъ?» спросили. — «Срамно сказать! говорилъ сокрушенно старикъ: — шатались по питейнымъ и гостиннымъ домамъ, съ женками пили вино, жрали всякую снѣдь безъ разбору, а табачищемъ отъ нихъ не продохнешь... Слушали тутъ, вишь, они не божіе слово, а скомороховъ и говоръ базарнаго люда, проходимцевъ всякого званья и чина, что читали богохульныя пѣсни и сказки, и противныя малеванья казали народу...

Выслушалъ попъ нашъ Варламъ все это и гнѣвно сказалъ: «братцы! дѣло большое въ этомъ я вижу, сила антихриста ихъ обуяла... Обучайте, пока еще юны, и не принесли въ міръ душевной заразы. Надо батогами высѣчь нещадно ребятъ, дабы

впредь имъ было гулять неповадно и о прелестяхъ тѣхъ разсказывать въ мірѣ... И божій законъ разрѣшаетъ отсѣщи членъ непотребный...» Тутъ старики ребятъ поучили, а о зимѣ и поженили. Сначала какъ будто ребята смирились и долго крѣпились, прижили ужь и сами ребятъ, да вражья сила, надо думать, крѣпко ихъ обуяла. Старшій, покинувъ жену и дѣтей, опять въ бѣгство пустился, и долго объ немъ не слыхать было вѣсти. Да послѣ ужь онъ наказывалъ кое-кому, чтобъ безотмѣнно міръ и отецъ отпустили къ нему жену и дѣтей. Ну, на это міръ со стариками согласіе не далъ. «Пропадай ужь одинъ, коли такъ». А тѣмъ временемъ онъ, бойкости ради своей и ума, завелъ ужь торговое дѣло, всякую вызналъ власть городскую и на міръ нашъ власти той жалобу подалъ, что старики молъ ему самовольно жену и дѣтей не даютъ.

— Эхъ, дѣло бѣдовское стало! вздохнулъ сокрушенно старикъ.—Слушай: наѣхали въ нашу Вальковщину власти; по деревнямъ нашимъ гуляютъ, со стариками толкуютъ: «мы, говорятъ, васъ и забыли!.. Поди-жь ты!.. Вишь въ какія забрались трущобы!.. Вамъ тутъ, слышь ты, тепло и уютно... Всѣ, слышь, людишки несутъ тяготы и поборы, а вы ровно у Бога за пазухой тутъ!.. Купцы, право слово... Избы ровно хоромы! Сами — народъ хоть пускай на племя: кряжисты, красивы и сильны!.. Да у васъ тутъ золотое руно, слышь!.. Да вы и властей, видно, не знаете вовсе? У васъ и попы и законы свои: сами хороните, жените, крестите... Рай да и только!.. Какъ бы намъ съ вами сойтись!.. Есть ли у васъ паспортà? ходите-ль вы въ божій храмъ и къ причастью? Это вотъ мы сейчасъ разузнаемъ...»

Такъ власти надъ стариками, смѣясь, издѣвались. Мы же спѣшно прятали все въ подполья и клѣти; въ лѣсъ угнали и лошадей, и скотину. Попикъ же нашъ, Варлаамъ, въ великомъ волненьи, боясь на глаза показаться властямъ, бѣгалъ изъ деревни въ деревню и къ православному люду взывалъ: «Братія, стойте и въ вѣрѣ крѣпитесь! Не допускайте слугамъ антихриста поработить васъ: не принимайте печатей и клеймъ... Инако погибнете въ жизни и въ сей, и въ грядущей!..»

Ходитъ по избамъ укромно и спѣшно, плачетъ умильно и слезно всѣхъ молитъ и проситъ: «Не загубите душъ христіанскихъ! Лучше погибнуть отъ рукъ сатанинскихъ, принять лучше кончину въ мученьяхъ!.. Все ужь одно: не избыть вамъ мученій подъ игомъ, ни покорствомъ, ни слезной мольбой, ихъ сердецъ не разжалобить!..»

Слушали мы въ страхѣ и злобѣ, а временемъ тѣмъ, власти велѣли намъ міромъ собраться, чтобы всѣхъ перемѣтить печатью.

Тутъ мы взбунтовались, схватились за вилы, за колья — и старики, и младенцы, и жены... Смутились власти и спѣшно, въ боязни и страхѣ, отъ насъ убрались... Заликовала Вальковщина наша; обливаясь слезами, въ радости всѣ обнимались и стали къ попу приставать, чтобы онъ отслужилъ намъ молебенъ.

Но Варлаамъ, скорбно смотря на наше веселье, такъ говорилъ: «Неразумныя чада! Что вы ликуете? Али мните дрекольемъ побѣду взять надъ сатанинскою властью?.. Велія власть та!.. Не дрекольемъ, а духомъ крѣпитесь и стойте! Настанетъ лютое время!.. Будутъ христіане скрываться въ лѣсахъ, носить на ногахъ и рукахъ желѣзныя цѣпи!..»

И точно, заря не потухла еще, какъ услыхали мы трубные звуки, и говоръ, и топотъ солдатской ватаги... Господи Боже!.. Дѣла такого мы отродясь не видали! Многіе наши, похватавъ тутъ спѣшно, что можно, съ дѣтьми и женами въ лѣсъ убѣжали; иные молились, иные бранились, иные насъ покориться просили... Такъ, въ великой печали, и скорби, умъ потерявъ и собой не владая, толпами ходили мы отъ деревни къ деревнѣ, не зная какое рѣшенье поставить. Да вдругъ, видимъ, изъ хаты своей, съ двумя стариками, что давно съ нимъ дружили, вышелъ нашъ попикъ съ крестомъ и кадиломъ, платъ священный воздѣвши на плечи, съ твердымъ духомъ и вѣрой выступилъ передъ насъ, и собравъ всѣхъ православныхъ, сказалъ: «Братія, крѣпитесь и стойте духомъ за старую вѣру и обычай отцовскій!.. Не смущайтесь: крестъ Господень за насъ!.. Выйдемъ встрѣчу врагу, не допустимъ его до жилищъ... Лучше примемъ тѣлесныя муки, чѣмъ души загубимъ свои!..» Глядимъ на него, странное съ нимъ, ровно, что стало: выпрямилъ станъ, очи къ небу возводитъ, крестъ высоко поднялъ въ рукѣ и твердой поступью пошелъ впереди, а за нимъ старики, дружившіе съ нимъ. Всѣ мы тутъ духомъ какъ будто воспряли, и Вальковщиной всей двинулись встрѣчу врагу. Вонъ на этомъ холмѣ—видишь, кусты уцѣлѣли до днесь—и встрѣтились мы съ воинской командой. Ѣхалъ предъ нею храбрый начальникъ, верхомъ и въ медаляхъ. Кричитъ: «Покоряйтеся, лютое племя!.. Будетъ тогда вамъ прощенье, не то всѣхъ закую въ кандалы и не оставлю у васъ камня на камнѣ!.. До смерти всѣхъ кнутомъ и лозьемъ запорю!»—А попъ нашъ: «Прельщеній не примемъ! Будемъ стоять до конца за отцовъ и за вѣру! Крестъ сперва побѣдите, антихриста слуги!..» Тутъ загудѣла команда, на православный набросилась людъ... «Мертваго или вживѣ доставьте попа мнѣ!» кричитъ храбрый начальникъ. Сплотились мы грудью вкругъ нашего попика, со крестомъ и кадиломъ, и, спѣшно передъ

командой взадъ отступая, дошли до деревни. Команда въ то-жь время хватала первыхъ, кто ей попадался, и вязала имъ руки и ноги. Такъ мы до хатъ добрались. Тутъ попикъ нашъ съ стариками втроемъ заперся нà-крѣпко въ избу. Всѣ мы тутъ изумились, глядимъ, а онъ показался въ чердачномъ окнѣ и оттуда, высунувъ руку съ крестомъ, кричалъ намъ: «Крѣпитеся, братія!.. Стойте твердо духомъ! Муки примите, кто сможетъ, кто-жь не вмѣститъ—бѣгите въ лѣса, кройтесь въ пещеры, а не давайтесь живыми въ рабство врагу». Подкатилъ тутъ и начальникъ съ командой. Кричитъ, сердится и надъ попомъ богохульствуетъ, не замай, что крестъ Господень въ рукахъ у него. Только что было приказъ далъ начальникъ команды выломать двери въ избѣ, какъ изъ окошекъ и изъ подъ крыши вырвался клубами дымъ... Мигомъ зардѣлась огнемъ солома на крышѣ... Языки поднялись къ небу... Ахнули всѣ мы, да и команду какъ-будто ужасъ объялъ... А крестъ съ рукою попа все виднѣлся въ окнѣ и блестѣлъ, ровно большая звѣзда... «Крѣпитеся, братіе!.. Стойте духомъ! слышалось попикъ кричалъ намъ: — Мы же побѣдную пѣснь воспоемъ: святъ, святъ, святъ Богъ-Саваоѳъ!..» Только что молвить успѣлъ, какъ со стропилъ сорвàлася крыша, черный дымъ заклубился надъ нею, пламя змѣями сквозь него прорывалось—а крестъ святой все свѣтился... Вся Вальковщина наша ровно застыла, оторопѣла команда, начальникъ самъ смолкъ, будто колоколъ, у котораго разомъ языкъ оторвали. Тутъ, кажись, всей Вальковщиной только бы двинуть—и смяли бы всю вражью силу: у всѣхъ на душѣ накипѣло, кажись, никого не оставили-бъ вживѣ, даромъ что съ ружьями были они... Только бы крикнуть... Да мертвая тишь надъ народомъ стояла; слышалось только, какъ бревна трещали въ огнѣ...

— Крестъ упалъ! кто-то тихо промолвилъ.

Глянули вверхъ: ни руки, ни креста не видать. — Дрогнули всѣ мы, и ровно волна на вѣтру колыхнулся народъ и команда.

— Смирно! закричалъ на команду, испугавшись, начальникъ, а Вальковщина вся, какъ одинъ человѣкъ, вдругъ ему въ ноги упала, въ несказанномъ испугѣ... «Хватай ихъ! вяжи!» начальникъ кричалъ, видя безкровную побѣду... Тогда насъ стали хватать и вязать какъ барановъ, и сѣкли кнутомъ и лозой. Стонъ и слезы надъ Вальковщиной стали, начальникъ же все распалялся... Такъ насъ сѣкли отъ вечерней зари до вечерней, до того, что команда и та изустала. Тогда самъ начальникъ, что звѣрь распаленный, бросался на нашихъ отцовъ и старцевъ почтенныхъ, которые укорять его добрымъ словомъ пытались, и

билъ ихъ руками, и плетью, и саблей, приказавъ заковать ихъ въ желѣзныя цѣпи...

Тутъ замолчалъ старый Груздь, и скорбно вздыхая, продолжалъ вырѣзать на дòскахъ узоры. Пиманъ же долго смотрѣлъ въ лицо старика, изумленный, какъ будто искалъ на немъ слѣдовъ, которыя оставило «лютое время». Потомъ онъ спросилъ:

— «И долго васъ такъ воевали»?

— Не единожды послѣ того подымалась Вальковщина наша. Много народу у насъ сгибло въ лѣсахъ, отъ хозяйства отбились; много бѣжало на Волгу и въ степи; много мірскихъ стариковъ, духомъ крѣпкихъ и стойкихъ, было взято отъ насъ, бито нещадно плетьми, и въ кандалахъ на заводы въ Сибирь угнаны были, разлученные съ домомъ, съ семьей, съ міромъ своимъ, гдѣ полвѣка дѣлили съ близкими и радость, и горе, съ могилами дѣдовъ, со всѣмъ, что дорого было, что годами копилъ, охранялъ и холилъ въ домѣ своемъ нашъ крестьянинъ. Такъ много народу загибло. Иныхъ не видàли уже никогда; другіе же, что отъ страха и въ злобѣ скрылись въ лѣсахъ, не возвращались ужь къ намъ, прятались тамъ, ровно звѣри, въ шайки сбирались и разбойному дѣлу предались: грабили, били купцовъ, богатыхъ и знатныхъ людей... А мирные были запрежде: были примѣрные слуги и Богу, и міру, и пашнѣ. Прости милосердый Создатель грѣхи ихъ! Не отъ себя, отъ несчастья...

«— Чьи же теперь мы?»

— Скоро тогда сдали насъ барину важному, въ вотчину... Да Господь смилосердился: барина этого мы и деселѣ не знаемъ... Живетъ, вишь-ты, онъ въ столицѣ, при самомъ царѣ, и много такихъ вотчинъ подарено ему... Насъ на оброкѣ онъ держитъ; знаемъ одну мы контору, что верстъ за пятнадцать отсюда, гдѣ также есть вотчина наша: туда мы отвозимъ оброки... Слава Создателю! Нонче хотя и частенько начальство на насъ налетаетъ, да мы ужь вызнали, что ему по-губѣ и какъ отъ него боронѝться: собьемъ поскорѣй со двора по полтинѣ, да стариковъ, нарядивши въ кафтаны, съ хлѣбомъ и солью, да съ низкимъ поклономъ, и вышлемъ на встрѣчу ему. Сами же, все, что поцѣннѣй, подороже, да лучше—припрячемъ подальше, въ подвалы и клѣти, одѣнемъ руно на себя, что подырявѣй, да похуже; скотину оставимъ въ дворахъ пожиже, а показистѣй угонимъ всю въ лѣсъ... На ноги старые лапти обуемъ—да и ждемъ къ себѣ добрыхъ гостей... А старики да старухи молитвы читаютъ; разныя были молитвы у насъ: «противъ сердецъ злыхъ; противъ жестокихъ властей; на неправедныхъ судей; на алчныхъ и жадныхъ слугъ»... До чего доходило: бывало избы стали бояться хозяйственно строить,

хотя лѣсу кругомъ корабельнаго вдоволь: стачаемъ избенку почернѣй, побѣднѣй, да для себя потеплѣй, чтобы только на видъ не соваться... Узоры вотъ — и тѣ у меня мало ужь брали... Такъ было: замѣтишь, что ѣдетъ начальство, давай поскорѣе отдирать полотенца отъ оконъ, да съ крышъ узорныхъ коней... Да и нонѣ боишься!.. Тѣмъ только и живы! Пріѣдетъ начальникъ, посмотритъ: бѣдно, неуютно. «Ну, скажетъ, должно ужь наши тутъ до меня покутили!» деньги возьметъ, что старики соберутъ, да съ тѣмъ и уѣдетъ... Упаси только Богъ, ежели кто найдется изъ насъ да начальству окажетъ!.. Одного мужиченку такъ-то совсѣмъ самосудомъ забили... Тѣмъ только и крѣпки! Давно бы и міръ развалился и всѣ въ раззореніе пришли бы, коли-бъ старики строго насъ на міру не казнили, какъ вздумаетъ кто ссорой иль буйствомъ, или худымъ поведеньемъ міръ довесть до отвѣта передъ строгимъ начальствомъ!»

И передъ Пиманомъ тогда невольно въ памяти всталъ черный, суровый мужикъ съ бородой и памятный тотъ день, когда войною на царство лѣсное шло царство мірское.

Н. Златовратскій.

ПАРИЖСКІЙ ДЕНЬ.

Я проснулась. Окно мое выходитъ на востокъ и солнце сквозь красную драпировку наполняетъ комнату кровавымъ свѣтомъ. Эта комната тѣсна, негдѣ повернуться.

Не дурно бы имѣть двѣ, а, пожалуй, и четыре комнаты: зало, гостинную, кабинетъ и спальню; и потолки повыше, чтобы можно повѣсить большую картину, напримѣръ, Эндиміона, спящаго въ лѣсу, а надъ нимъ Амуръ въ видѣ Зефира раздвигаетъ вѣтви, и классически стройныя линіи юношескаго стана утопаютъ въ лунномъ свѣтѣ. Не мѣшаетъ также имѣть у себя хоть одну статую, напримѣръ, Гермеса, поднимающаго змѣю. Много, много хорошихъ вещей на свѣтѣ. Здѣсь очень легко почувствовать себя несмѣтно богатой. Я, по крайней мѣрѣ, вполнѣ увѣрена, что совершенства Севрскаго производства, chef-d'oeuvr'ы ювелирнаго искуства, перламутровая и слоновой кости мебель, трехаршинныя зеркала, ліонскіе шелки, пестрыя восточныя ткани— все это принадлежитъ мнѣ, и я только покуда держу эти чудеса роскоши въ магазинахъ и общественныхъ коллекціяхъ для сохранности, чтобы дома, помилуй Богъ, какъ-нибудь не разбилось, не попортилось и не пропало.

А я похаживаю, да посматриваю все ли въ порядкѣ. Все вычищено и прибрано, разставлено и развѣшено, чтобы я могла хорошенько видѣть; все цѣло, невредимо и нетолько ничего не пропало, а еще многое прибавилось, и это меня тѣмъ болѣе радуетъ, что за такое рачительное сбереженіе я ничего не плачу. И работается это для меня даромъ, если не считать пищи, одежды и жилища (нельзя же безъ этого), добываемыхъ мастеровыми въ видѣ заработной платы.

Надо только строго слѣдить, чтобы они на досугѣ не задавали себѣ несвоевременныхъ вопросовъ, потому что тогда пойдутъ стачки—что̀ хорошаго! Вѣдь имъ не втолкуешь, что испоконъ-вѣка такъ ведется: одинъ уменъ, а другой глупъ, а стало быть, равенства нѣтъ и въ природѣ. Дидона ухитрилась по-

строить цѣлый городъ на воловьей шкурѣ, а другому небо кажется съ овчинку...

Кто-то постучался въ мою дверь, я вскочила и отперла.

Это M-me Donblis принесла молоко. Я нарочно подрядила ее ходить каждое утро, и эта достойная женщина поднимается ко мнѣ на шестой этажъ съ заказомъ въ trois sous. Ну, сдѣлала ли бы это хоть одна русская молочница, имѣющая свою лавку?

— Лёгко ли! сказала бы она. А эта очень любезно говоритъ:

— Voilà, madame, c'est trente sous, n'est ce pas?

— Quant à l'argent... начала-было я.

Я каждое утро такъ начинаю, и она всегда благородно меня прерываетъ:

— Oh, madame, n'en parlons pas, а затѣмъ произноситъ: merci и исчезаетъ.

Меня же благодаритъ, милая! Вообще, здѣсь открытъ мнѣ кредитъ—и въ лавкахъ, и ресторанахъ, честь, которой я никогда бы не дождалась въ любезномъ отечествѣ.

Комната начинаетъ мнѣ казаться милой, уютной, веселой. Столъ и комодъ краснаго дерева съ мраморными досками, вольтеровское кресло, на каминѣ большое зеркало и часы подъ стеклянным колпакомъ. Открываю окно съ балкономъ, ставлю туда стулъ и долго нѣжусь на солнцѣ.

Напротивъ нѣтъ жилого строенія, а раскинуты сады двухъ смежныхъ женскихъ монастырей. Верба распустилась, цвѣтутъ абрикосы и вишни, деревья одѣты свѣтлой зеленью; до меня доносится запахъ весенней травы, сырой земли и клейкихъ почекъ.

Вотъ вышла молодая монашка и стала быстро ходить по дорожкамъ. Огромныя крылья нелѣпаго чепца треплются и машутъ по вѣтру, какъ бы силясь поднять ее на воздухъ. Правой рукой она перебираетъ четки, лѣвую приложила къ груди, голова опущена внизъ и губы, не переставая, шевелятся. Она неутомимо ходитъ, почти бѣгаетъ и сдѣлала уже восемь туровъ. Можетъ быть, обуреваемая страстьми, она умерщвляетъ плоть свою, силится отогнать отъ себя злого духа и не можетъ...

Въ другой садъ высыпалъ цѣлый рой маленькихъ воспитанницъ въ голубыхъ платьицахъ и бѣлыхъ капюшонахъ. Какія онѣ всѣ хорошенькія, веселыя и рѣзвыя! Но старая монахиня загоняетъ ихъ домой: пора учиться.

И мнѣ пора. Я начертала себѣ программу, отъ которой съ нынѣшняго дня не буду отступать. Сколько времени я собираюсь серьёзно приняться за дѣло, и все какъ-то не удавалось, но сегодня непремѣнно начну. Первымъ дѣломъ пойду въ Cor-

бонну, прослушаю какую-нибудь знаменитость, потомъ буду читать, потомъ писать.

Я совершила свой туалетъ и убрала комнату. На комодѣ валяется дѣтская шляпка, купленная вчера на уличной выставкѣ. Она продавалась за 10 сантимовъ—развѣ возможно за эту цѣну не купить даже самую ненужную вещь? Куда бы мнѣ ее дѣвать? брошу шляпку на улицу и посмотрю, кто ее подыметъ. Такъ и сдѣлала.

Нѣсколько прохожихъ не обратили на нее вниманія, наконецъ, показался длинный ящикъ на колесахъ, везомый двумя лошадьми цугомъ; онъ былъ нагруженъ мусоромъ, на которомъ стоялъ мусорщикъ въ синей блузѣ и фуражкѣ; другой такой же мусорщикъ сгребалъ лопатой приготовленныя кучки сора и наваливалъ въ ящикъ. Увидя шляпу, онъ подпрыгнулъ, схватилъ ее и сталъ вертѣть въ рукахъ и разглядывать — шляпа новая. Какъ онъ радъ, голубчикъ, не вѣритъ глазамъ, оглядывается кругомъ, но никто не предъявляетъ претензіи, и онъ суетъ ее подъ мышку. Нѣтъ, жалко, сомнется; снялъ фуражку, примѣрилъ: негодится, мала; положилъ сверхъ фуражки и принялся за работу—шляпа скатилась. Онъ поднялъ ее, опять повертѣлъ и уложилъ въ уголъ ящика, бережно накрывъ лоскутомъ ржаваго желѣза. Онъ отдастъ ее женѣ, та надѣнетъ на ребенка и будетъ любоваться. А если онъ холостой, то продастъ за ту же цѣну, если не дороже.

Я очень рада, что не пропали мои деньги даромъ, надѣюсь, что и день проведу съ пользою, и отправляюсь въ путь.

Встрѣтилась мнѣ французская студентка съ анатоміей подъ мышкой. Какъ смѣло она выступаетъ, какъ величаво поднятъ ея подбородокъ, съ какимъ несокрушимымъ достоинствомъ несетъ она передъ собой объемистую грудь, а сзади пышную турнюру!

Пальто стягиваетъ ея талію перехватомъ и райская птица расправляетъ радужныя крылья на ея мужской фѣтровой шляпѣ. Что-жь такое, что мужская! захотѣла и надѣла, и никто ничего не смѣетъ ей сказать.

«Я ученая женщина», высказывается сознаніе въ каждой чертѣ ея лица; у ней черныя брови колесомъ, пронзительные глаза; усы у ней такіе, которымъ позавидуютъ двадцатилѣтніе прапорщики, а большой горбатый носъ гордо разсѣкаетъ воздухъ. Какая разница съ нашей желтолицей, тщедушной студенткой, украдкой бѣгущей на курсы, осторожно озираясь, какъ бы не попасть въ участокъ.

Подъ воротами Сорбонны стоитъ передъ вывѣшанными объ-

явленіями дама. И я подошла. Посмотрѣли другъ на друга. Дама уже не первой молодости; смуглое, худое, сдавленное въ вискахъ лицо напоминаетъ рыбью голову; носъ крючковатый, острый, и какъ уголья глаза; на плечахъ черная мантилья, обшитая смятыми блондами.

— Скажите, пожалуйста, обратилась она ко мнѣ:—въ которой залѣ курсъ французской литературы?

Я не знала, и, въ свою очередь, спросила, гдѣ читаетъ Жоли.

— А что̀ онъ читаетъ?

— Философію.

— Это интересно?

— Очень.

— О чемъ говорится?

— Обо всемъ.

— И я пойду, сказала дама.

Мы справились по объявленіямъ, но когда розыскали залу, Жоли уже кончилъ читать. Дама приглашала меня слушать французскую литературу, потому что ей это необходимо.

— Я здѣсь даю уроки испанскаго языка, а въ отечествѣ намѣрена преподавать по-французски, объяснила она мнѣ.

— Вы испанка?

— Да, а вы?

— Я русская.

Дама улыбнулась.

— Значитъ, мы антиподы.

— Почти что.

— Ахъ, какъ это пріятно. Пойдемте слушать Гизо, онъ нынче объясняетъ Шекспира, предложила испанка.

— Нѣтъ, я ужъ его слышала, онъ шамкаетъ и говоритъ несвязно, я лучше пойду слушать Лабуле въ Collège de France.

— Что̀ онъ читаетъ? освѣдомилась она.

— Histoire de la législation comparée.

— И я пойду, сказала испанка.

Мы явились во̀-время, когда Лабуле, при шумныхъ апплодисментахъ, входилъ на каѳедру.

— Ни одинъ князь, ни одинъ властелинъ не имѣетъ права насиловать религіозныя убѣжденія своихъ подданныхъ, говоритъ Лабуле.

Испанка вытянула впередъ руку съ костлявыми, сухими пальцами и издали любуется на свои перстни.

— Вы встрѣчали когда-нибудь испанокъ? шопотомъ спрашиваетъ она меня.

— Нѣтъ, не встрѣчала, васъ первую вижу; впрочемъ, видѣла заѣзжую артистку на сценѣ, какъ она танцовала качучу съ кастаньетами, только та была очень красива собой.

— Утверждаютъ, что человѣкъ не свободенъ въ своихъ поступкахъ, но возьмемъ, напримѣръ, пьяницу, который борется между бутылкой и семейными обязанностями... говоритъ Лабуле.

— Я тоже еще русскихъ женщинъ не встрѣчала, говоритъ испанка:—но хорошо изучила ихъ характеръ.

— Какимъ же манеромъ?

— По книгамъ. Русская женщина проста, довѣрчива и по натурѣ раба.

— Ну, нѣтъ, послѣднее невѣрно.

Лабуле продолжаетъ:

— Людовикъ XIV объявилъ, что отъ одного прикосновенія къ его особѣ можетъ исцѣлиться золотушный. Одинъ больной дотронулся, но исцѣленія не получилъ...

Сдержанный смѣхъ слушателей.

— Я не люблю француженокъ, продолжаетъ испанка: — онѣ коварны, фальшивы, льстивы, хитры, злы.

— Монтескьё, самый остроумный человѣкъ своего вѣка, сказалъ...

Лабуле развернулъ книгу и сталъ читать слова Монтескьё.

— Но мы не коварны, могу васъ въ этомъ увѣрить, мѣшаетъ мнѣ слушать испанка: — мы мстительны, ревнивы, это правда, но не злы.

Вся зала огласилась громкимъ смѣхомъ, а мнѣ такъ и не удалось разслышать, что сказалъ самый остроумный человѣкъ своего вѣка.

Я нахмурила брови, но испанка не замѣчаетъ этого, потому что опять вытянула руку и разглядываетъ свои кольца, дрянныя, изъ стразовъ и бирюзы грубой работы.

— А русскихъ я люблю, говоритъ она: — и очень желаю съ вами познакомиться.

Лекція кончилась при единодушномъ рукоплесканіи. Мы съ испанкой отправились завтракать въ ресторанъ. Подъ именемъ бульона мнѣ подали воду съ кардамономъ, которую я, не взирая на отличнѣйшій аппетитъ, ѣсть не могла и велѣла подать себѣ andouillette grillée, кушанье, соблазнившее меня дешевизной выставленной на картѣ цѣны.

Читатель! если даже ты мнѣ врагъ, я все же тебя предостерегу: не льстись на дешевизну, не требуй andouillette grillée. Я плюнула въ сторонку и выполоскала ротъ, потомъ приступила

къ тщательному анализу этого кушанья. Я узнала, что оно состоитъ изъ кишки, начиненной сомнительной свѣжести ингредіентами, состоящими изъ толстыхъ мышечныхъ волоконъ и соединительной ткани, называемыхъ въ Россіи требухой, которая въ большомъ количествѣ разлагается на заднихъ дворахъ Охотнаго ряда, ибо не всякая русская собака соглашается употреблять ее въ пищу. Испанка избрала себѣ благую часть: она ѣла только саладъ.

Вошелъ французъ съ подбритыми баками, красной ленточкой въ петличкѣ и сѣлъ за одинъ столъ съ нами. Онъ досталъ изъ кармана щетку съ крошечнымъ зеркальцемъ и посмотрѣлся въ него прежде однимъ глазомъ, потомъ другимъ; смахнулъ платкомъ остатки пудры съ носа и спряталъ щетку въ карманъ. Все это онъ продѣлалъ, ни мало не стѣсняясь присутствіемъ дамъ. Шляпу онъ не снялъ, а сдвинулъ немного назадъ и она сидѣла на немъ, какъ на бабѣ повойникъ, отчего рельефнѣе выступала женственная дряблость его смятаго, испещреннаго преждевременными мелкими морщинками лица, выраженіе котораго было до такой степени нагло, что я взглянула только мелькомъ и ужь у меня начало рѣзать глаза.

— Ah, la belle journée, la belle journée! восклицалъ онъ, поглядывая то на меня, то на испанку.

— Magnifique! отозвалась та, и у нихъ завязался разговоръ о погодѣ, а я углубилась въ свои изслѣдованія.

— Une russe, показала ему на меня глазами испанка, и онъ тотчасъ же предложилъ мнѣ одинъ изъ тѣхъ неизбѣжныхъ вопросовъ, которые приходится выслушивать каждому русскому при встрѣчѣ съ иностранцемъ за-границей.

Я отвернулась къ окошку и сухо проговорила:

— J'ai l'habitude de n'exprimer mes opinions politiques que par le silence.

— Ça s'entend, vous êtes russe, сказалъ онъ, налилъ въ бульонъ вина и выпилъ черезъ край.

— А кто по вашему лучше, Гамбетта или Фрейсинэ? спросила въ свою очередь я.

Онъ изумленно посвисталъ сквозь зубы, какъ бы желая этимъ сказать: есть же на свѣтѣ человѣкъ, который еще спрашиваетъ такія вещи! и, видя, что я жду отвѣта, вразумительно и съ большой горячностью произнесъ:

— У Гамбетты, милостивая государыня, была программа, онъ зналъ чего хотѣлъ.

— А Фрейсинэ? подлила я въ огонь масла.

Французъ даже привскочилъ.

— Фрейсинэ только доставляетъ мѣста, и больше ничего не дѣлаетъ.

— А Гамбетта?

— Гамбетта! Гамбетта самый даровитый человѣкъ во Франціи, безъ него обойтись невозможно, ему будутъ кланяться, просить его, умолять! раздражался французъ.

Не рискуя спросить третье блюдо, я встала.

— Упрашивать будутъ, vous allez voir ça! запальчиво пустилъ мнѣ вслѣдъ французъ, какъ будто мнѣ до этого было какое-нибудь дѣло.

Испанка отъ меня не отставала ни на шагъ.

— Гдѣ вы живете? спросила она.

— Далеко, соврала я.

— А я вотъ здѣсь, войдите, я вамъ покажу свою квартиру, увидите, какъ я хорошо устроилась; плачу тысячу двѣсти франковъ за однѣ стѣны.

— Въ другое время, съ удовольствіемъ, а теперь я очень занята.

— И у меня бездна занятій: кромѣ уроковъ, я служу переводчицей и провожаю иностранцевъ по Парижу; хотите я вамъ покажу Парижъ?

Она подхватила меня подъ руку, энергично втащила на первый этажъ и отперла дверь.

— Тысячу двѣсти франковъ за однѣ стѣны, повторяла она, вводя меня въ квартиру. Мебели было такъ мало, что дѣйствительно только однѣ стѣны бросались въ глаза.

— Садитесь и дайте мнѣ вашу карточку, а я вамъ дамъ свою.

Она не безъ труда отыскала на каминѣ карточку, потому что отъ сгущенной жалузи царствовалъ въ комнатѣ полумракъ.

— Вотъ. Здѣсь написано просто: m-lle Negamedra, я проживаю подъ этимъ именемъ въ Парижѣ; на самомъ же дѣлѣ я жена сенатора дона Lepinocrimoriosas. А ваше имя?

— А я совсѣмъ наоборотъ, сказала я: — на самомъ дѣлѣ я просто mademoiselle, а здѣсь намѣрена себя выдавать по меньшей мѣрѣ за жену сенатора.

— Ah ça, vous vous moquez de moi! вдругъ разсердилась испанка.

— Mais pas du tout.

— Que voulez-vous dire? и она устремила на меня строго пытливый взоръ.

Послышался стукъ въ дверь. Entrez!

Вошелъ мужчина. Она передъ нимъ засуетилась, а я поскорѣй ушла.

— Filez, filez, filez! перегнулась черезъ перила испанка, когда я уже была внизу:—et plus vite, que ça!

На улицахъ во всякое время много народу и всѣ куда-то бѣгутъ. На самомъ бойкомъ перекресткѣ непремѣнно сидитъ на скамеечкѣ нищій и непремѣнно слѣпой; одѣтъ прилично, держитъ себя чинно; онъ не проситъ, но неустанно вращаетъ бѣлыми зрачками и ему подаютъ, только очень мало.

На мосту нищая, вся въ черномъ кашемирѣ, неподвижно уставила очи долу, изображая всей своей фигурой горемъ убитое созданіе; съ гордымъ отчаяніемъ протягиваетъ она оловянную кружку, и туда кладутъ. Одна нищая держитъ на рукѣ ребенка (chacun son genre), а другою преграждаетъ путь прохожимъ, опрокидывая вверхъ дномъ стеклянный рожокъ, дабы видѣли, что въ немъ нѣтъ молока. Жесты ея исполнены такого художественнаго трагизма, что еслибъ Ѳедотова на нее немного посмотрѣла, то навѣрное пополнила бы свою нѣсколько однообразную сценическую выправку.

Иду мимо тюрьмы и что же вижу: на стѣнѣ написано: liberté, égalité, fraternité! Дай, думаю, зайду въ Palais de Justice, взгляну, какъ у нихъ совершается правосудіе. Подошла къ часовому и спросила:

— Можно пройти?

— Можно, сказалъ онъ.

— Но у меня нѣтъ билета, пожалуй, не пропустятъ?

— А вы скажите, que vous demandez une assistance judiciaire, посовѣтовалъ мнѣ добрый солдатъ.

Я поблагодарила и пошла.

Въ широкихъ, свѣтлыхъ галлереяхъ много представителей юстиціи и всѣ они въ черныхъ мантіяхъ и черныхъ высокихъ шапкахъ. Этому одѣянію приличествуютъ величественныя манеры, а они бѣгаютъ, размахиваютъ руками, зубоскалятъ, и выходитъ очень неказисто.

Одинъ высокій брюнетъ съ красивой наружностью стоитъ посреди небольшой группы и что-то краснорѣчиво говоритъ; рѣчь его, какъ живой потокъ, льется, журчитъ и бурлитъ; а движенія покойны, плавны и исполнены достоинства; къ нему идетъ мантія, она драпируется на немъ, какъ тога на античномъ героѣ.

Я остановилась невдалекѣ и посмотрѣла. Онъ кончилъ рѣчь, подошелъ ко мнѣ и вѣжливо приподнялъ шапку:

— Que demandez-vous, madame?

— Une assistance judiciaire, вспомнила я совѣтъ солдата.

Онъ провелъ меня на третій этажъ.

— C'ect ici, madame, сказалъ онъ, низко кланяясь и удалился.

Я поблагодарила и вошла.

Это была канцелярія, гдѣ два писца отчаянно строчили бумагу, точно на перегонки.

Одинъ изъ нихъ съ видимой неохотой оторвался отъ дѣла:

— Que demandez-vous, madame?

— Une assistance judiciaire.

— Adressez-vous au greffier.

Я отлично понимала, что дѣлаю глупость, но отступить ужь было невозможно, потому что писецъ отворилъ внутреннюю дверь и громко, нараспѣвъ возглашалъ:

— Pour une assistance judiciaire!

Грефьѐ, пожилой человѣкъ, тоже усердно писалъ въ своемъ кабинетѣ; онъ съ трудомъ оторвался отъ бумаги и пододвинулъ мнѣ кресло. Мнѣ ничего больше не оставалось, какъ поблагодарить и сѣсть. Съ минуту мы смотрѣли другъ на друга, потомъ онъ попросилъ меня изложить свое дѣло.

Я изложила: желаю посмотрѣть Palais de justice. Онъ былъ очень удивленъ, однако, не выразилъ ни малѣйшей тѣни досады:

— Circulez dans les galeries, ma chère enfant!—Такъ и сказалъ.—Personne ne vous empêche, voyez la cour d'assises, si vous voulez.

Я поблагодарила и пошла. До чего, однако, они вѣжливы и любезны, думала я и удивлялась. На скамьѣ подсудимыхъ сидѣли воръ и воровка, на судьяхъ что-то красное надѣто, а на стѣнѣ виситъ большое распятіе и ничего лишняго. Такъ какъ подсудимую защищалъ тотъ самый краснорѣчивый красавецъ, то всѣмъ присяжнымъ и публикѣ стало какъ нельзя болѣе ясно, что она совсѣмъ не воровка, а порядочная женщина, и что кругомъ виноватъ воръ, насильно вовлекшій ее своими гнусными ухищреніями. Другой защитникъ доказывалъ, что его кліентъ совсѣмъ не воръ, а самый обыкновенный человѣкъ, какъ и всѣ люди, только онъ не въ примѣръ другимъ попался и этимъ уже достаточно наказанъ. Но окончанія процедуры я не дождалась, потому что неловко было стоять: на меня навалились сзади и толкали съ боковъ.

Въ галлереѣ я присоединилась къ публикѣ, идущей осматривать часовню. Я очутилась въ высокомъ калейдоскопѣ изъ красныхъ, жолтыхъ и синихъ стеколъ, разрисованныхъ библейскими событіями и уцѣлѣвшихъ съ XIII вѣка.

Направо отъ алтаря устроено нѣчто въ родѣ засады съ маленькимъ оконцемъ, защищеннымъ прочной желѣзной рѣшоткой. Здѣсь стоялъ служащій и объяснялъ:

— Сюда прятался во время службы Людовикъ XI, который, по своему жестокосердію, очень боялся возмездія.

И слова эти гулко отдавались подъ стрѣльчатымъ куполомъ, раскатывались эхомъ по всѣмъ угламъ вѣковой святыни.

Я поспѣшила на воздухъ, чтобъ разогнать тяжелое впечатлѣніе. Проходя мимо театра, я обратила вниманіе, что на вывѣскѣ обозначены цѣны мѣстамъ, причемъ объявлено, что при location онѣ дороже, чѣмъ въ бюро.

— По какой причинѣ? освѣдомилась я.

Кассирша очень наглядно мнѣ растолковала:

— Если вы возьмете билетъ при входѣ, напримѣръ, въ партеръ... вы предпочитаете партеръ?

— Предпочитаю.

— Тогда вы платите за послѣдніе ряды только одинъ франкъ, но вамъ придется faire la queue, а это очень скучно, и притомъ мѣсто попадется плохое. Тогда какъ, если вы купите билетъ заранѣе, то отдадите 25 сантимовъ лишнихъ, за то получите лучшее мѣсто.

Не успѣла я съ ней согласиться, какъ она вырвала изъ книги купонъ и вручила его мнѣ.

— Вотъ тебѣ разъ, стало быть надо платить! По счастью, у меня во внутреннемъ отдѣленіи портъ-монне была завѣтная золотая пятифранковая монетка; я вынула ее и подала, при этомъ отлично замѣтила, что кассирша въ своей книгѣ отмѣтила на мой номеръ два мѣста. Зачѣмъ это она сдѣлала?

— Вы однѣ? спросила она меня.

— Одна, отвѣтила я, а сама думала:—это она хочетъ посадить рядомъ со мной какого-нибудь непріятнаго сосѣда. Стараясь себя успокоить, я пошла въ Jardin des plantes, чтобы на чистомъ воздухѣ заняться чтеніемъ, ибо книга была у меня въ карманѣ. Тамъ нашла я тѣнистый уединенный дворикъ, сѣла на крыльцѣ строенія: слона не было дома, онъ гулялъ въ своемъ саду, и, развернувъ книгу на томъ мѣстѣ, гдѣ я уже давно остановилась, я принялась прилежно читать: «Слѣдя за сущностью коллективизма въ области отдѣльныхъ экономическихъ категорій, спросимъ прежде всего, придерживаясь системы, принятой въ политической экономіи»...

— Зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, она отмѣтила мнѣ два мѣста, тогда какъ продала только одно? Странно!

«Слѣдя за сущностью коллективизма въ области отдѣльныхъ экономическихъ категорій»...

— Однако, я совершенно неожиданно иду сегодня въ театръ; что-то меня тамъ ожидаетъ? Еслибъ я вздумала съ кѣмъ-нибудь посовѣтоваться, навѣрное бы мнѣ сказали не ходить; значитъ, рѣшено, что пойду.

Когда я пріѣхала въ Парижъ, то встрѣтила много совѣтчиковъ, и всѣ они были увѣрены, что я неизбѣжно должна пропасть, какъ червь, оттого, что я одна. И всѣ усердно принялись меня муштровать и запугивать; одинъ кричалъ на меня: зачѣмъ вы носите деньги въ карманѣ—вытащутъ; другой: зачѣмъ оставляете дома—украдутъ; третій: зачѣмъ отдаете въ бюро—пропадутъ, и т. д.

Замѣчательно, что между ними были люди несомнѣнно добрые, но всѣ до одного выражали мнѣ свое участіе только крикомъ и бранью, невыносимо разстраивая мнѣ нервы. И никто не доставилъ мнѣ ни одной отрадной минуты, никто не помогъ въ моихъ затрудненіяхъ.

Когда же я переѣхала въ hôtel и, узнавъ, что прежній жилецъ еще не перебрался изъ комнаты, пошла покуда посидѣть къ знакомымъ, такъ барыня даже руками всплеснула: какъ можно оставлять вещи въ незнакомомъ домѣ, а самой уходить! Это была послѣдняя капля, переполнившая сосудъ моего терпѣнія.

— Не лучше ли мнѣ выбросить свое имущество въ окно, чтобъ разъ навсегда избавить себя отъ тревогъ? спросила я моихъ добрыхъ совѣтчиковъ.

Они очень одобрили эту мысль, и самый благоразумный изъ нихъ сказалъ:

— Лучше нельзя придумать. Совѣтую вамъ сейчасъ же исполнить это намѣреніе, пока не поздно. Идите и бросайте, а мы будемъ подбирать. Все равно вы скоро погибнете, такъ пусть же все достанется несовсѣмъ постороннимъ людямъ, а мы за это даемъ обѣщаніе навѣстить васъ въ Моргѣ.

Я согласилась, и мы всей компаніей отправились къ мѣсту моего новаго жительства. Они остались ждать на тротуарѣ, а я вошла на шестой этажъ и только-что хотѣла привести нашъ планъ въ исполненіе, какъ мнѣ пришло въ голову правило: когда благоразумный человѣкъ даетъ тебѣ совѣтъ, то выслушай внимательно, но поступи наоборотъ, и выйдетъ хорошо.

Не знаю, память ли подсказала мнѣ это правило, или оно само собой возникло у меня въ мозгу, но только съ той минуты я неуклонно слѣдую ему. А они все стояли подъ моимъ окномъ съ протянутыми вверхъ руками.

Что же я не читаю, однако?

«Слѣдя за сущностью коллективизма...»

Раздался ревъ и до нельзя громкій хохотъ толпы. Пойти взглянуть, что̀ тамъ такое.

Раздразнили медвѣдя, онъ всталъ на заднія лапы и страшно ревѣлъ. Я воротилась на прежнее мѣсто. Служитель сада подкатилъ пустую тачку, поставилъ заступъ въ уголъ и обратился ко мнѣ.

— Посторонніе сюда входа не имѣютъ, но такъ какъ вы однѣ, и, притомъ, я вижу заняты, то съ вашего позволенія я затворю калитку, чтобы никто вамъ не мѣшалъ.

— Merci.

Теперь никакъ не отыщу страницу: вылетѣла закладка; нѣтъ, положительно читать слѣдуетъ дома, пойду смотрѣть звѣрей, я кстати еще не видала обезьянъ.

Передъ singerie густая масса ждала очереди, потому что туда впускали по счету только до трехъ часовъ, и мнѣ бы не попасть, еслибъ въ то время, какъ я подошла, не отворилась дверь; толпа заколыхалась и выдвинула меня впередъ. Но дверь закрылась передо мной, впустивъ опредѣленное число.

Я постучала кулакомъ.

— Впустите меня, мнѣ некогда.

— Вы однѣ? окликнулъ оттуда солдатъ.

— Одна.

Солдатъ меня впустилъ, а дамы, пришедшія съ провожатыми, сунулись было за мной, но были грубо столкнуты со ступеней.

Одна обезьяна кокетничала: задѣвъ будто нечаянно самца, и отбѣгая отъ него съ притворно боязливыми ужимками, обертываясь и кривляясь, она пряталась въ уголъ, куда знала, что онъ немедленно за ней послѣдуетъ. Это мнѣ напомнило человѣческіе нравы и стало противно. Я отошла къ бѣлымъ и розовымъ мышкамъ, которыя мнѣ до того понравились, что я все время передъ ними простояла.

Взглянула мимоходомъ на хищныхъ животныхъ. Здѣсь замѣчательно красивые тигры и львы. Одна львица царственно прохаживалась по своей клѣткѣ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на собаченку, запертую вмѣстѣ съ ней, которая бѣгала, вертѣлась и виляла хвостомъ, ежеминутно попадая ей подъ ноги. Мнѣ объяснили, что львица вскормлена этой собакой, что послѣдняя живетъ уже три года въ обществѣ львовъ и возненавидѣла свою породу. Дѣйствительно, въ это время львиная кормилица разразилась яростнымъ лаемъ на бѣгущую мимо левретку.

Опять собралась толпа; на этотъ разъ общее вниманіе при-

влекъ на себя человѣкъ. Упалъ пьяный. Его подняли и поддерживали подъ руки; сейчасъ нашелся медикъ, приложилъ ухо къ его груди, пощупалъ кулакомъ діафрагму и сказалъ, что это ничего, ему надо отдохнуть. Онъ самъ помогъ уложить его на скамейку, а чтобы кровь не приливала къ головѣ, рѣшено было снять съ него пальто и сдѣлать изголовье. Исполнивъ это, публика разошлась, а пьяный все звалъ:

— Mathilde, Mathilde!

И каждый мимоходомъ считалъ долгомъ его успокоить:

— Mathilde va venir tout à l'heure.

И онъ мирно заснулъ на чистомъ воздухѣ, а бригадье, взглянувъ на него, промолвилъ добродушно: ça y est! не возмутился и не велѣлъ тащить его въ участокъ. Очевидно, онъ еще не успѣлъ возненавидѣть свою породу.

На обратномъ пути я почувствовала усталость и рѣшилась войти въ церковь.

— Dix centimes, потребовалъ швейцаръ, когда я приблизилась къ стульямъ. Вынула—дала. Еще сдѣлала два шага и увидѣла передъ собой протянутый мѣшокъ на длинной палкѣ. Вынула—положила. Только что усѣлась, какъ по ходу службы потребовалось встать, и я встала на колѣна на передній низкій стулъ и въ ту же минуту почувствовала сильный ударъ по ногамъ. Я обернулась. Сзади меня какой-то приличный старичекъ былъ очень разсерженъ. Онъ качнулъ мой стулъ, который вторично ударилъ меня по ногамъ.

— Vous me faites mal, monsieur! сказала я, не понимая причины его злости:—c'est le diable, qui vous tente!

Онъ правой рукой перекрестился, а лѣвой двинулъ меня стуломъ. Догадавшись, что ему тѣсно или непріятно, что я передъ нимъ помѣстилась, я поискала глазами другого стула, но всѣ поблизости были заняты, а онъ все продолжалъ меня аттаковать.

Тогда я зловѣще прошептала:

— Vous n'êtes pas loin du tombeau!

Подѣйствовало—пересталъ.

Всѣ кругомъ набожно крестились, но меня смущала статуя милосердія: прекраснѣйшая женщина подаетъ нагому мальчику копеечный хлѣбецъ. Внизу подписано: la charité.

Чѣмъ руководствовался скульпторъ для изображенія подвига милосердія, выбравъ моделью именно копеечный хлѣбецъ, а не другое что-нибудь, напримѣръ, кошелекъ? размышляю я. Поняла: въ кошелькѣ могло быть много денегъ, а бѣдныхъ развращать не слѣдуетъ.

Или вотъ что̀ имѣлъ онъ въ виду: по нынѣшнимъ временамъ,

люди стали такъ разсчетливы, что даже пожертвованіе копеечнаго хлѣбца возводится въ подвигъ и можетъ вдохновить художника...

Ваяніе, живопись, пѣніе, всѣ дарованія человѣка слились здѣсь въ общую гармонію; священнослужители въ роскошныхъ кружевахъ съ разсчитанною торжественностью мѣрно ступаютъ по гобеленамъ. Высокіе своды храма сквозь цвѣтныя стекла льютъ таинственный свѣтъ на розовый мраморъ, позолоту, живые цвѣты и на каменное тѣльце голаго мальчика, на бархатный молитвенникъ разряженной дамы и на дрожащія, мозолистыя руки стараго блузника. Густыя волны органа, колебля душистый воздухъ, приводятъ нервы въ настроеніе религіознаго трепета. На лицахъ вѣрующихъ благочестіе: у всѣхъ ноздри втянуты внутрь и глаза умильно моргаютъ.

Но смертнымъ не суждено продолжительное пареніе къ небесамъ. Вдругъ все благоговѣніе разсѣвается безслѣдно, громкіе звуки духовной музыки заглушаются рѣзкимъ торгашескимъ выкрикиваніемъ: Impôt pour la paroisse, s'il vous plait! Служба окончена. Швейцаръ въ треуголкѣ стоитъ, растопыря руки поперекъ дороги къ двери, и невыносимо гвоздитъ уши его эльзасскій акцентъ. Три почтенныя дамы протягиваютъ кошельки въ родѣ корзинокъ.

Я хотѣла обойти сторонкой, но и тамъ точно такія же три дамы. «Ну, думаю, лучше бы я отдохнула въ другомъ мѣстѣ!»

Придя домой, я начала готовиться къ театру. Вначалѣ моего пріѣзда, когда у меня было много денегъ, я пріобрѣла готовое платье и теперь обновила его. Что это за платье—просто прелесть! складки, сборки, оборки, банты, петли, шнурки. Я стала шевелиться очень осторожно, чтобы какъ-нибудь не зацѣпить и не помять всю эту сбрую; осторожно пододвинула къ камину кресло и встала на него, чтобъ осмотрѣть себя съ головы до ногъ. Я не повѣрила глазамъ. Въ зеркалѣ отражалась особа десятью годами меня моложе, съ тихими, робкими движеніями. Очень довольная своей метаморфозой, я надѣла на шею золотую цѣпь, а на голову шляпу съ перомъ и отправилась въ театръ.

Времени было еще довольно впереди, и я зашла въ crêmerie, чтобы закусить. Хозяйка встрѣтила меня съ почтеніемъ; она вышла изъ-за прилавка мнѣ навстрѣчу и сама подала требуемый бифштексъ. Я здѣсь нѣсколько разъ бывала и всегда получала мизерный кусокъ подгорѣлой подошвы подъ громкимъ именемъ бифштекса, а на сей разъ размѣры его были увеличены и приготовленъ онъ былъ хорошо. Уничтоживъ его, я разсуждала

такъ: великое дѣло туалетъ, и не даромъ говорится, что по платью встрѣчаютъ, а по уму провожаютъ. Впрочемъ, иногда случается, что меня провожаютъ гораздо хуже, чѣмъ встрѣчаютъ, но изъ этого, однако, не слѣдуетъ, чтобы я была ужъ черезчуръ глупа.

Подойдя къ театру, я увидѣла, что значитъ faire la queue: длинная вереница людей тянулась по тротуару, поочередно входя въ дверь по одному, и такъ какъ прорвать эту цѣпь не было возможности, то я сѣла на скамеечку возлѣ часового магазина и стала ждать.

Черезъ нѣсколько времени, вошелъ въ магазинъ покупатель, я видѣла въ стеклянную дверь, какъ онъ подержалъ часы, потолковалъ и вышелъ. Вслѣдъ за нимъ выскочилъ часовщикъ, спросилъ, въ какую сторону пошелъ тотъ господинъ, и, по моему указанію, пустился въ догонку.

Предположивъ, что тутъ что-нибудь не ладно, я благоразумно удалилась—какъ бы не притянули; пожалуй, подумаютъ: зачѣмъ это она тутъ сѣла? Это обстоятельство меня встревожило и тревога моя усиливалась по мѣрѣ того, какъ мнѣ на память приходили совѣты, предостереженія, запугиванья. Кто сейчасъ будетъ мой сосѣдъ? Не безъ трепета вошла я въ театръ. Скамья была раздѣлена на очень небольшія пространства и въ каждое было втиснуто по два человѣка, а я одна занимала двойное мѣсто, и уврёзка тонко дала мнѣ понять, что только благодаря ей я пользуюсь такимъ преимуществомъ.

Кругомъ меня сидѣли трудовые, небогатые люди, громко разговаривая; я съ интересомъ прислушивалась, но такъ какъ было очень душно и до начала оставалось еще нѣсколько минутъ, то я вышла подышать на улицу.

— Un sou, deux sous les mandarines! заунывно пѣла торговка.

— Вы однѣ? спросилъ меня контролёръ, отбирая контромарку

— Одна.

— Въ первомъ ярусѣ противъ сцены, сказалъ мнѣ вслѣдъ контролёръ.

— Нѣтъ, я въ партерѣ, отвѣчала я, и, отыскавъ свое мѣсто, сѣла и начала успокоиваться.

Вдругъ контролёръ подходитъ ко мнѣ и, вѣжливо изогнувшись, говоритъ.

— Suivez-moi, madame.

— Я англичанка, возразила я, какъ можно хладнокровнѣе, крѣпко держась рукой за край скамьи.

— Mais ce n'est pas une place pour vous, съ улыбкой настаи-

ваетъ контролёръ. И мнѣ показалось, да, мнѣ это ясно показалось, что это была ехидная улыбка.

— Я сдѣлаю распоряженіе, чтобы васъ проводили, сказалъ онъ и пошелъ.

Уврёзка уже стояла передо мною.

— On vous accorde une grande faveur, говоритъ она:—suivez-moi.

Нечего было дѣлать, пошла. Она привела меня въ первый ярусъ, усадила на десятифранковое кресло и подставила подъ ноги скамеечку. Водевиль состоялъ въ томъ, что мужъ измѣнилъ женѣ, а жена мужу, и оба поймали другъ друга почти на мѣстѣ преступленія. Публика громко выражала свое удовольствіе. Оперетка выводила двухъ смѣшныхъ и глупыхъ мужей, которые искали случая учинить женамъ невѣрность, а тѣмъ временемъ жены ловкимъ манеромъ ихъ надули.

Съ спокойнымъ духомъ возвращалась я домой, вполнѣ убѣдившись, что здѣсь одинокая женщина нетолько не подвергается непріятностямъ, а напротивъ, пользуется всяческими преимуществами; храбро свернула я въ глухую улицу, и весело было мнѣ идти.

Впереди три юныя четы, держась за руки, какъ въ хороводѣ, дружно пѣли:

Voilà pourquoi la grisette
Ne quitte jamais l'étudiant.
Voilà pourquoi l'étudiant
Ne quitte jamais la grisette.

И полицейскій улыбался, на нихъ глядя. Развѣ можно чего-нибудь бояться при такихъ условіяхъ?

А вдругъ полицейскій ихъ остановитъ, испугалась я; вѣдь молодые люди несомнѣнно захотятъ выказать передъ дамами геройскій духъ; тогда полицейскій призоветъ на помощь другого, другой третьяго, явится цѣлый сонмъ полицейскихъ...

Куда я тогда дѣнусь?

Когда же я, наконецъ, избавлюсь отъ своихъ страховъ?

Но вотъ я и въ постелѣ. Пріятное утомленіе, ни одной мысли въ головѣ; и клонитъ, клонитъ ко сну.

А завтра непремѣнно примусь серьёзно за дѣло.

А.

ГЕРОИ И ТОЛПА.

VIII.

Читатель благоволитъ припомнить подражательную хорею, объ которой у насъ шла рѣчь въ прошлый разъ («Отечественныя Записки», февраль).

Не нужно обладать чрезмѣрною страстью къ обобщеніямъ, чтобы усмотрѣть ближайшее родство между состояніемъ гипноза и состояніемъ «омеряченныхъ», которыхъ наблюдалъ д-ръ Кашинъ. Самъ Ганзенъ не съумѣлъ бы дать болѣе разительное представленіе, чѣмъ это хоровое повтореніе солдатами словъ команды и ругательствъ командира. Затѣмъ омеряченіе, совершенно такъ же, какъ и гипнозъ, выражается въ двухъ формахъ: человѣкъ либо подражаетъ, повторяетъ все, сообщаемое ему зрительными и слуховыми впечатлѣніями, либо повинуется всякому приказанію, какъ бы оно ни было нелѣпо или возмутительно. Спрашивается, въ какой мѣрѣ приложимо къ омеряченью то объясненіе, которое найдено для гипнотизма? Точнѣе говоря, есть ли какое-нибудь сходство между условіями жизни омеряченныхъ и тѣми, въ которыя искуственно ставятся гипнотизируемые?

Что условія жизни въ Якутской области крайне однообразны, въ этомъ, конечно, не можетъ быть сомнѣнія: скудная флора и фауна, однообразная снѣжная пелена, въ теченіи слишкомъ полугода дающая глазу исключительно впечатлѣніе бѣлаго цвѣта, скудость звуковъ, красокъ, формъ, скудость промысловъ, занятій, интересовъ, скудость жизни вообще. Совокупность этой скудости, очевидно, весьма немногимъ превосходитъ ту, которая дается неустаннымъ созерцаніемъ стекляннаго шарика, постояннымъ прислушиваніемъ къ тиканію часовъ и т. п. Надо замѣтить, что на сѣверѣ европейской Россіи и Сибири нѣкоторыя формы нервныхъ страданій чрезвычайно распространены, и именно тѣ, которыя особенно способны передаваться путемъ подражанія. Объ

этомъ свидѣтельствуютъ многіе путешественники и врачи, которыхъ судьба забрасывала въ глухіе закоулки сѣвера. Такъ, напримѣръ, въ работѣ г. Држевецкаго «Медико-топографія Устьсысольскаго уѣзда» (Спб. 1872) приведена таблица о числѣ больныхъ въ устьсысольской больницѣ за семнадцать лѣтъ, съ 1853 по 1869. Въ этой таблицѣ нервныя болѣзни занимаютъ пятое мѣсто (по количеству больныхъ) изъ 20 рубрикъ, на которыя дѣлится таблица. И именно нервныя и мозговыя болѣзни составляютъ 7,1% общей цифры. Въ томъ числѣ 2,1% приходится на болѣзни головного и спинного мозга (кровоизліяніе, воспаленіе), 2,2% на умопомѣшательство и 3,8% на истерику, невральгіи и судороги. «Всѣ эти процентныя числа, говоритъ г. Држевецкій:—гораздо больше цифръ таковыхъ же болѣзней во всѣхъ русскихъ больницахъ въ сложности. При всемъ томъ нервныя болѣзни въ дѣйствительности гораздо больше распространены въ Устьсысольскомъ уѣздѣ, чѣмъ сколько показываютъ цифры, потому что въ больницу поступаютъ бо̀льшею частью солдаты, уроженцы другихъ мѣстъ Россіи, и мало поступаетъ женщинъ, между которыми эти болѣзни имѣютъ самое большое распространеніе. Въ частной практикѣ я встрѣчалъ очень много случаевъ различныхъ нервныхъ болѣзней, такъ что это были самыя частыя болѣзни, противъ которыхъ просили у меня пособія. Чаще прочихъ нервныхъ болѣзней встрѣчаются тамъ истерика (народное названіе «порча») и chorea magna (народное названіе больныхъ «кликуша»)». Говоря объ одной нервной болѣзни на крайнемъ сѣверѣ Европейской Россіи, г. Максимовъ замѣчаетъ: «Икотою страдаетъ вѣрная четверть всего женскаго населенія по правую сторону отъ рѣки Сѣверной Двины. Дальше къ западу отъ Двины болѣзнь эта пропадаетъ и въ Кемскомъ поморьѣ является подъ новою формою (нѣсколько слабѣе) и подъ новымъ названіемъ (стрѣлье, щипота)» («Годъ на сѣверѣ»).

Любопытно слѣдующее общее замѣчаніе доктора Штейнберга. Перечисляя причины, обусловливающія обширное распространеніе кликушества, онъ, между прочимъ, говоритъ: «Обособленное положеніе отдѣльно взятаго человѣка и даже цѣлой группы людей, общества, служитъ, въ свою очередь, немаловажною причиной, почему извѣстныя понятія, міросозерцанія, изъ которыхъ развивается болѣзнь, какъ бы они ни были нелѣпы, крѣпко и неизмѣнно держатся, сохраняются и свято передаются, безъ всякой критики, изъ устъ въ уста, отъ предковъ потомкамъ. Обособленное положеніе дѣйствуетъ еще сильнѣе, если человѣкъ или цѣлое населеніе живетъ среди дикой, пустынной, гористой природы, производящей неблагопріятное вліяніе на нервную си-

стему и психическую сторону человѣка своимъ однообразіемъ или бурными атмосферными явленіями; происхожденіе болѣзни изъ этого источника въ особенности замѣчается у насъ, на крайнемъ сѣверѣ» («Кликушество и его судебно-медицинское значеніе». Архивъ судебн. медицины, 1870, № 2).

Г. Штейнбергъ выражается очень неточно, говоря о «понятіяхъ, міросозерцаніяхъ, изъ которыхъ развивается болѣзнь». «Понятія, міросозерцанія» даютъ и могутъ давать только извѣстную окраску болѣзни. Мудрено, разумѣется, представить себѣ человѣка, не вѣрящаго въ чорта и вмѣстѣ съ тѣмъ бѣсоодержимаго (то есть по его собственному мнѣнію бѣсоодержимаго). Но изъ этого не слѣдуетъ, что человѣкъ, не вѣрящій въ чорта, тѣмъ самымъ гарантированъ отъ той формы нервнаго разстройства, которую люди невѣжественные и суевѣрные называютъ бѣсноватостью. Справедливо, однако, что параллельно съ разсѣяніемъ мрака невѣжества и суевѣрія должно идти устраненіе, въ бо́льшей или меньшей степени, той «обособленности» и того «однообразія» жизни, которыя составляютъ, по нашему предположенію, коренныя условія эпидемическаго распространенія нѣкоторыхъ нервныхъ страданій. Самая даже вѣра въ чорта, напримѣръ, ослабѣваетъ, благодаря прямому вліянію увеличивающагося разнообразія *личной* жизни. По мѣрѣ того, какъ опытъ и наблюденіе расширяютъ и разнообразятъ сферу представленій и понятій человѣка, слабѣетъ суевѣріе, а вмѣстѣ съ тѣмъ (если справедливо наше основное предположеніе) должна ослабѣвать склонность къ подражанію вообще и рѣзко патологическія ея формы въ особенности.

Но я не даромъ подчеркнулъ выше слово: разнообразіе *личной* жизни. И читатель, удостоивавшій своимъ вниманіемъ мои прежнія писанія, конечно, этому не удивится. Разнообразіе общественной жизни, взятой въ цѣломъ, можетъ, какъ я много разъ это доказывалъ, находиться въ прямомъ противорѣчіи съ богатствомъ личной жизни и даже обусловливать собою ея однообразіе, скудость, односторонность. И въ такомъ случаѣ мы найдемъ, можетъ быть, чрезвычайную наклонность къ подражанію. Ниже мы увидимъ блистательные тому примѣры, а теперь оставимъ пока это обстоятельство въ сторонѣ, равно какъ и отмѣченное г. Штейнбергомъ вліяніе «бурныхъ атмосферныхъ явленій». Во всякомъ случаѣ, однообразіе и обособленность жизни въ Якутской области не подлежатъ никакому сомнѣнію. Тамъ есть мѣстности, куда почта приходитъ и которыя, слѣдовательно, сообщаются съ остальнымъ міромъ разъ въ недѣлю, разъ въ мѣсяцъ и даже разъ въ годъ. Тамъ зима тянется шесть мѣсяцевъ.

Тамъ можно проѣхать 500 верстъ, не встрѣтивъ того образа и подобія Божія, который называется человѣкомъ. Тамъ ѣдятъ рыбу, рыбу и опять рыбу, и рѣдька и капуста составляютъ мѣстами едва ли не лакомство. Тамъ человѣкъ можетъ въ теченіи цѣлаго дня не услышать, кромѣ воя вѣтра, почти никакого другого звука и не видѣть, кромѣ бѣлаго, никакого другого цвѣта. Сгустите еще немножко краски скудости и однообразія и вы получите настоящій, только чудовищно огромный залъ, приспособленный для гипнотическихъ опытовъ.

Распространяться объ этомъ, кажется, не стоитъ, но очень стоитъ обратить вниманіе на то обстоятельство, что жертвами олгинджи являются въ замѣткѣ доктора Кашина солдаты и женщины. Это, конечно, не есть своего рода монополія солдатъ и женщинъ. Безъ сомнѣнія, и всякіе другіе мужчины подвергаются омеряченью. Но любопытно все-таки, что наиболѣе характерные случаи, невольно выдвинутые наблюдателемъ на первый планъ, относятся именно къ женщинамъ и солдатамъ. Возьмемъ же роту солдатъ, автоматически повторяющихъ слова команды и ругательства командира, и якутку, автоматически исполняющую постыдное приказаніе мѣстнаго Донъ-Жуана.

Мнѣ сообщали наблюденіе доктора Лихонина, такъ успѣшно повторившаго въ Петербургѣ опыты Ганзена, что гвардейскіе солдаты оказались чрезвычайно склонными къ гипнозу. Будто бы именно 60% изъ нихъ впадаютъ въ гипнотическое состояніе очень быстро. Результатъ на первый взглядъ совершенно парадоксальный или, по крайней мѣрѣ, совершенно противорѣчащій обыкновеннымъ, ходячимъ представленіямъ о гипнотическихъ явленіяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, гвардейскіе солдаты въ физическомъ отношеніи представляютъ цвѣтъ и красу русскаго народа, избранныхъ изъ избранныхъ по росту и здоровью, съ сильными мускулами и несокрушимыми нервами. А между тѣмъ, мы привыкли думать, что къ гипнотическому состоянію наиболѣе склонны, то есть преимущественно быстро и легко въ него впадаютъ люди слабые вообще и слабонервные въ особенности. Это ходячее мнѣніе, до извѣстной степени, вѣроятно, дѣйствительно соотвѣтствующее истинѣ, подтверждается и научными авторитетами. Такъ, Гейденгайнъ говоритъ, что гипнотизму подвергаются преимущественно блѣдные, анемичные субъекты. Далѣе, онъ полемизируетъ съ Ганзеномъ по слѣдующему поводу. Ганзенъ сообщаетъ, какъ собственное наблюденіе, что для опытовъ особенно годятся люди, дѣлающіе сильныя мышечныя движенія; «поэтому онъ предпочитаетъ англійскихъ студентовъ, которые много гребутъ плаваютъ, ѣздятъ верхомъ, нѣмецкимъ студентамъ съ ихъ на-

пряженною комнатною умственною работой». Гейденгайнъ замѣчаетъ, что, говоря это, Ганзенъ имѣетъ, вѣроятно, преимущественно въ виду одну сторону гипнотическихъ явленій, именно интенсивность мышечнаго оцѣпенѣнія, «которое несомнѣнно у его любимцевъ будетъ выражено сильнѣе, если ихъ загипнотизировать, чѣмъ у людей слабыхъ. Но чтобы процентъ лицъ, способныхъ къ гипнозу, былъ тамъ больше, чѣмъ здѣсь, въ этомъ я рѣшительно сомнѣваюсь». Можетъ быть, способность къ гипнозу русскихъ гвардейскихъ солдатъ поколебала бы скептицизмъ Гейденгайна, хотя весьма вѣроятно также, что его замѣчаніе вполнѣ справедливо; то есть, что процентъ способныхъ къ гипнозу у англійскихъ и нѣмецкихъ студентовъ приблизительно одинаковъ или даже у послѣднихъ больше, чѣмъ у первыхъ, но у англійскихъ, вслѣдствіе усиленнаго развитія мускулатуры, рѣзче бываютъ выражены явленія тетаническаго сокращенія, окоченѣнія или оцѣпенѣнія мышцъ. Извѣстно, что на этомъ окоченѣніи основываются многіе поразительные опыты Ганзена. Напримѣръ, онъ кладетъ загипнотизированнаго субъекта горизонтально, такъ, что затылкомъ тотъ упирается на одинъ стулъ, а ступнями ногъ на другой, затѣмъ становится ему на грудь или животъ, и гипнотизированный не гнется. Понятно, что сильно развитая мускулатура должна много способствовать успѣху подобныхъ опытовъ. Но весь производимый ими эффектъ еще ровно ничего не говоритъ о процентномъ отношеніи способныхъ къ гипнозу между людьми физически сильными и физически слабыми. Такъ что и ходячее мнѣніе и мнѣніе Гейденгайна о преимущественной склонности къ гипнозу «блѣдныхъ, анемичныхъ субъектовъ» нисколько не колеблется заявленіемъ Ганзена насчетъ англійскихъ и нѣмецкихъ студентовъ.

Однако, вотъ русскіе гвардейцы, люди въ цвѣтѣ лѣтъ, здоровья и силы, изъ стамилліоннаго населенія имперіи избранные, оказываются конкуррентами блѣдныхъ, анемичныхъ субъектовъ. Это фактъ въ высшей степени интересный и желательно бы, конечно, было получить вполнѣ точныя на этотъ счетъ свѣдѣнія. Но, какъ ни поразителенъ этотъ фактъ на первый взглядъ, какъ ни противорѣчитъ онъ установившимся понятіямъ, а его можно бы было предвидѣть, даже на основаніи тѣхъ только фактическихъ данныхъ и соображеній, какія до сихъ поръ приведены въ предлагаемой статьѣ.

Не въ томъ, надо думать, дѣло, что къ гипнозу оказываютъ склонность *гвардейскіе* солдаты, которыхъ только и могъ д-ръ Лихонинъ имѣть подъ рукой въ Петербургѣ, а въ томъ, что они *солдаты*. И въ любомъ армейскомъ полку, и въ той забро-

шенной на край свѣта ротѣ, которую д-ръ Кашинъ видѣлъ въ омеряченномъ состояніи, процентъ способныхъ легко и быстро впадать въ гипнотическій сонъ, то есть легко и быстро отдавать свою волю въ чужія руки, оказался бы, конечно, приблизительно таковъ же, какъ и между гвардейцами. Онъ былъ бы даже, вѣроятно, скорѣе больше, чѣмъ меньше. Дѣло въ условіяхъ жизни солдата. Становясь на свое мѣсто въ строю, солдатъ видитъ около себя людей одинаковаго съ нимъ роста, въ одинаковой съ нимъ повѣ, съ однообразно опущенными руками, однообразно уставленными ногами, съ одними и тѣми же «выпушками, погончиками, петличками». Куда бы онъ ни посмотрѣлъ, онъ видитъ одни и тѣ же красные или синіе канты или воротники, однѣ и тѣ же золотыя или серебряныя пуговицы. Вся эта масса должна, какъ одинъ человѣкъ, выдѣлывать одни и тѣже артикулы ружьемъ, дѣлать одни и тѣ же движенія и «въ ногу» ходить подъ однообразно ритмическіе звуки марша, безъ конца повторяя про себя: «разъ, два, разъ два, лѣвой, правой, лѣвой, правой». Словомъ, солдатъ въ строю, какъ бѣлка въ колесѣ, вертится въ кругу крайне однообразной и несложной комбинаціи зрительныхъ, слуховыхъ и осязательныхъ впечатлѣній и насильственно, иногда прямо физическою болью возвращается въ этотъ заколдованный кругъ, если его вниманіе отвлечется на минуту чѣмъ-нибудь постороннимъ. И такъ изо дня въ день. Солдатская жизнь внѣ строя, не будучи столь выразительно скудна и однообразна, тѣмъ не менѣе вся составляетъ подготовленіе къ жизни строевой и подготовленіе въ извѣстномъ смыслѣ чрезвычайно цѣлесообразное: казарма, вся размѣренная и замкнутая, разнообразія впечатлѣній, конечно, не даетъ, а внѣ казармы солдатъ тоже не ахти-какую богатую жизнь ведетъ. Изо всего этого слагается нѣчто, очень подходящее къ Гейденгайновской физіологической формулѣ условій гипнотическаго состоянія (подавленіе дѣятельности клѣточекъ корковаго вещества, вызванное слабымъ, постояннымъ, однообразно-повторяющимся раздраженіемъ тѣхъ или другихъ нервовъ), и къ психологической формулѣ Шнейдера (ненормально односторонняя концентрація сознанія). Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго въ томъ, что солдаты, хотя бы и сильные, здоровые гвардейцы, гипнотизируемые самою жизнью, быстро впадаютъ въ настоящее гипнотическое состояніе и подражаютъ «магнетизеру» и повинуются ему. А если такъ, то не столь уже удивительнымъ представляется и эпизодъ съ омеряченными солдатами, разсказанный д-ромъ Кашинымъ; тѣмъ болѣе, что тутъ къ спеціально-солдатской скудости примѣшивается еще скудость спеціально якутская. Конечно,

многое въ этомъ эпизодѣ остается все-таки нетолько непривычнымъ для нашей мысли, невникавшей до сихъ поръ въ подобныя вещи, а и совершенно темнымъ. Почему, напримѣръ, солдаты, всегда аккуратно исполнявшіе команду «на плечо», въ такой-то день и часъ, именно въ такой, а не въ другой, не исполнили этой команды, а сами закричали «на плечо»? Почему они, обыкновенно внимательно выслушивавшіе командирское «такъ-и-такъ», на этотъ разъ сами отвѣтили «такъ-и-такомъ»? Кто былъ «героемъ» этой омеряченной толпы и какъ, слѣдовательно, зачался процессъ подражанія: всѣ ли солдаты мгновенно были охвачены волной подражанія или между ними выискался одинъ какой-нибудь особенно болѣзненно воспріимчивый солдатикъ, который увлекъ своимъ примѣромъ остальныхъ? Чтобы дать отвѣтъ на эти вопросы, надо знать дѣло со всѣми мельчайшими подробностями, каково, напримѣръ, времяпровожденіе солдатъ въ роковой и предшествовавшіе ему дни. А такого подробнаго описанія г. Кашинъ нетолько не даетъ, а, конечно, и не могъ бы дать. Однако, въ общихъ чертахъ физіономія эпизода съ омеряченными солдатами для насъ выясняется, благодаря сопоставленію съ явленіями, хотя и недостаточно еще изученными, но все-таки извѣстными и притомъ доступными нетолько наблюденію, а и опыту.

Здѣсь можетъ быть умѣстно будетъ покончить съ одной областью явленій подражанія, которыя, несмотря на свою повторяемость, по всей вѣроятности, невсегда останутся для насъ въ подробностяхъ неизвѣстными. Я говорю о явленіяхъ покровительственной окраски и мимичности въ тѣсномъ смыслѣ слова. Я надѣюсь, что переодѣваніе песца, горностая, зайца, бѣлой куропатки на зиму въ бѣлые покровы; что и всѣ другіе случаи приспособленія цвѣта животнаго къ цвѣту его обстановки сами собой выяснились читателю, какъ результаты однообразія и постоянства зрительныхъ впечатлѣній (въ связи, разумѣется, съ наслѣдственностью и переживаніемъ приспособленнѣйшихъ индивидовъ). Но когда, напримѣръ, лептализы подражаютъ геликонидамъ или когда бабочка подражаетъ пчелѣ или осѣ, то дѣло становится гораздо сложнѣе, и эта-то сложность, надо думать, всегда останется для насъ нераспутанною. Какъ въ самомъ дѣлѣ дознаться, почему вниманіе такой-то бабочки сосредоточилось на обликѣ такой-то пчелы, избравъ ее своимъ «героемъ», предметомъ подражанія?

Дѣлаю это замѣчаніе мимоходомъ, чтобы болѣе уже не возвращаться къ покровительственной окраскѣ и мимичности, которыя и введены-то нами въ изслѣдованіе только для полноты

фактическаго матеріала, для показанія всей обширности района подражанія.

Возвратимся къ солдатамъ.

Мы видѣли, что какъ гипнотическое состояніе, такъ и омеряченье выражаются въ двухъ формахъ: автоматическомъ подражаніи и автоматическомъ повиновеніи, разница между которыми сводится къ различію въ степени подавленности сознанія. Повинующійся автоматъ способенъ воспринимать приказаніе, которое до сознанія автомата подражающаго не доходитъ. Такъ какъ разница здѣсь только въ степени, то одна форма можетъ переходить въ другую, при благопріятныхъ для этого условіяхъ. Такъ, напримѣръ, якутка, которая сегодня безпрекословно исполняетъ позорное приказаніе, завтра, при усиленіи болѣзненнаго состоянія, можетъ оказаться глуха къ приказанію и только автоматически повторять слова и дѣйствія, доходящія до ея слуховыхъ и зрительныхъ нервовъ, но уже не переступающія за порогъ ея сознанія Весьма можетъ быть, что солдаты, наблюдавшіеся г. Кашинымъ, страдали олгинджей и наканунѣ рокового дня. Въ этотъ день болѣзнь принала высшую, подражательную форму: люди, вмѣсто того, чтобы *сдѣлать* «на плечо», то есть исполнить команду, *закричали* «на плечо». Но и прежде, когда они безпрекословно повиновались командѣ, они можетъ быть уже находились въ омеряченномъ состояніи, которое выразилось именно этимъ автоматическимъ повиновеніемъ. Объ этомъ трудно судить, конечно, потому что солдатъ и долженъ повиноваться, «слушать команду». Но читатель глубоко ошибается, если думаетъ, что солдатское повиновеніе, особливо въ строю, вполнѣ сознательно. Нетолько въ якутской снѣжной пустынѣ, а и гдѣ-нибудь въ центрѣ цивилизаціи, на майскомъ парадѣ, напримѣръ, огромная доля солдатскихъ движеній, криковъ и т. п. совершается помимо участія сознанія. Такъ бываетъ со всѣми людьми, занятыми дѣломъ очень привычнымъ и, слѣдовательно, не нуждающимся въ постоянномъ контролѣ высшей психической инстанціи. Но на стройное и вполнѣ автоматическое исполненіе команды несомнѣнно вліяютъ, кромѣ того, и вышеупомянутые элементы однообразія впачатлѣній, получаемыхъ солдатами изо дня въ день, а подобные элементы суть вмѣстѣ съ тѣмъ и необходимыя условія обѣихъ формъ гипнотическаго состоянія. Въ этомъ отношеніи очень поучителенъ слышанный мною разсказъ одного молодого человѣка, отбывавшаго воинскую повинность по окончаніи курса въ высшемъ учебномъ заведеніи. Онъ говорилъ, что, вопреки рѣшительному нежеланію, ему почти никогда не удавалось воздержаться отъ возгласовъ, которые полагаются сол-

датамъ послѣ извѣстныхъ обращеній къ нимъ начальства. Какъ разъ въ надлежащую минуту изъ груди молодого человѣка неудержимо рвалось: «здравія желаемъ вашество!» «ради стараться вашество!» Нѣчто подобное каждый можетъ испытать на себѣ, если, идя по улицѣ, встрѣтитъ отрядъ солдатъ, марширующихъ подъ музыку: не идти въ тактъ этого однообразнаго ритма, подъ который ровно, стройно маршируютъ сотни людей, почти невозможно или, по крайней мѣрѣ, очень неловко и требуетъ постояннаго напряженія воли.

Такимъ образомъ, дисциплинѣ и субординаціи въ войскахъ, независимо отъ прямыхъ внушеній, одобреній, наказаній, чрезвычайно способствуетъ то однообразіе солдатской жизни, которое подавляетъ сознаніе и волю въ направленія подражанія и повиновенія. Этотъ результатъ, конечно, совпадаетъ съ самою цѣлью учрежденія войска, но не надо забывать, что наклонность къ подражанію и повиновенію есть оружіе обоюдоострое. На ней покоятся нетолько порядокъ въ войскахъ, а и тѣ чудеса храбрости, которыя совершаются иногда даже незначительною горстью солдатъ подъ вліяніемъ рѣшительнаго приказанія или энергическаго примѣра. Однако, изъ нея же выростаютъ и поразительные случаи военной паники, когда нѣсколькихъ одиночныхъ примѣровъ трусости достаточно, чтобы увлечь въ бѣгство цѣлый отрядъ; случаи солдатскихъ возмущеній и бунтовъ, когда, какъ мы видѣли на одномъ эпизодѣ изъ бунта военныхъ поселянъ 1831 года, даже глубокая личная преданность тому или другому начальнику не можетъ удержать солдата отъ увлеченія примѣромъ товарищей и отъ побіенія этого самаго любимаго начальника; случаи повальнаго грабежа и насилій въ непріятельской, а иногда въ своей собственной странѣ, когда никакія угрозы и наказанія не въ состояніи удержать расходившуюся солдатчину.

Во избѣжаніе недоразумѣній считаю нужнымъ еще разъ оговориться, что во всѣхъ подобныхъ случаяхъ на человѣческую душу вліяютъ очень разнообразные мотивы, но въ числѣ ихъ, притомъ заглушая иногда всѣ остальные, дѣйствуетъ и наклонность къ подражанію и повиновенію. А эта наклонность воспитывается тѣми же условіями, которыя опредѣляютъ автоматическое подражаніе и повиновеніе гипнотизированнаго субъекта: скудостью, постоянствомъ и однообразіемъ впечатлѣній. Это, значитъ, и суть необходимыя условія для образованія того, что мы согласились называть «толпой».

Но прежде, чѣмъ идти дальше въ развитіи этого положенія, мы должны еще вернуться опять въ Якутскую область, гдѣ

насъ ждетъ женщина, автоматически исполняющая безстыдное приказаніе якутскаго ловеласа. Приложивъ сюда вышеизложенныя соображенія о гнетущемъ характерѣ однообразія естественныхъ и общественныхъ условій якутской жизни, перенесемся въ Англію XV вѣка, точнѣе говоря въ художественное ея изображеніе въ одной изъ драматическихъ хроникъ Шекспира. Читатель потрудится припомнить въ драматической хроникѣ «Король Ричардъ Третій» разговоръ Ричарда (тогда еще герцога Глостера) съ леди Анной у гроба короля Генриха VI. Генрихъ, тесть Анны, убитъ Ричардомъ, также какъ и мужъ ея, Эдвардъ. Анна провожаетъ гробъ Генриха, одѣтая въ глубокій трауръ и посылая страшныя проклятія убійцѣ. Вдругъ появляется самъ убійца, безобразный нравственно и физически Ричардъ. Анна осыпаетъ его бранью, проклятіями, плюетъ на него, бѣснуется, а онъ рипостируетъ все въ одномъ и томъ же родѣ: «О, праведница милая, за что же браниться такъ?»—«Позволь, моя божественная прелесть»...—«Красавица, которой красоту не въ силахъ я изобразить словами...»—«Проклятъ домъ мой одинокій, покуда въ немъ я сплю, и безъ тебя».—«Красота твоя всему виной, та красота, которой грезилъ я, та красота, изъ-за которой смѣло рѣшуся я на всѣ убійства въ мірѣ, чтобъ хоть на мигъ къ груди твоей припасть». — «Изъ милыхъ устъ идти не можетъ ядъ».—«Твой взглядъ прелестный мнѣ давно зараза».—«Я жажду прелестей твоихъ».—«Я Генриха убилъ, но вызванъ былъ на то твоей красою... Я Эдвàрда закололъ, но вызванъ былъ твоимъ лицомъ небеснымъ». И т. д. Въ концѣ-концовъ, происходитъ нѣчто, приводящее въ изумленіе самого Ричарда, который вполнѣ сознаетъ свою бездонную низость, свое физическое уродство и, повидимому, безуміе дерзости обращаться съ такими предложеніями къ женщинѣ, у которой онъ убилъ отца и мужа. Анна постепенно утихаетъ подъ давленіемъ, если можно такъ выразиться, словесныхъ «пассовъ» Ричарда, разрѣшаетъ ему «надѣяться», принимаетъ отъ него подарокъ и даже соглашается поручить ему похороны Генриха, а сама удаляется отъ гроба, возлѣ котораго только что плакала, проклинала, бѣсновалась.

Леди Анна не жалкая якутка, омеряченная однообразнымъ воемъ вѣтра, видомъ безконечной снѣжной пелены, и всею вообще страшною скудостью своей жизни. Ей нельзя просто приказать исполнить то, что требуется Ричарду. По отношенію къ ней приказаніе должно растянуться въ просьбу, мольбу, выраженную какими-нибудь дѣйствіями или словами, въ концѣ-концовъ, столь же осязательно парализующими волю, какъ при дру-

гихъ, менѣе сложныхъ условіяхъ, покоряется она простымъ, короткимъ приказаніемъ. Такъ въ Австріи, мы знаемъ, «балассируютъ» горячихъ и злыхъ лошадей: укротитель устремляетъ упорный, неподвижный взглядъ въ глаза лошади или однообразно поглаживаетъ ее по лбу и по глазамъ—и лошадь укрощена. (Болѣе простой и менѣе опасный опытъ каждый читатель можетъ сдѣлать надъ рѣчнымъ ракомъ: легкими, однообразными движеніями руки надъ ракомъ по направленію длины тѣла, самый пугливый и топорщящійся ракъ успокоивается въ нѣсколько секундъ). Если якутка омерячена, то леди Анна балассирована упорнымъ однообразіемъ отвѣтовъ Ричарда англійскаго, а якутскому Ричарду нѣтъ надобности прибѣгать къ такимъ вспомогательнымъ средствамъ, потому что предметъ его вождѣленій уже препарированъ надлежащимъ образомъ всею своею предыдущею жизнью и обстановкой. Читатель замѣтитъ можетъ быть, что поведеніе леди Анны гораздо проще объясняется женскимъ тщеславіемъ, женскою склонностью къ лести и похваламъ. Я вовсе не отрицаю наличности этого мотива, но думаю, что его слишкомъ мало для объясненія укрощенія Анны. Поэты такъ давно и много занимаются перипетіями «торжествующей любви», что было бы нетрудно набрать цѣлый ворохъ художественныхъ иллюстрацій къ процессу обольщенія, покоренія женщины. Но я довольствуюсь Шекспиромъ, потому что онъ Шекспиръ, и исторіей леди Анны, потому что въ ней роль спеціально женскихъ слабостей крайне ничтожна. Несмотря на нѣкоторую грубость красокъ и какъ бы схематичность изображенія процесса, всякій, наблюдавшій болѣе или менѣе пристально жизнь, чуетъ художественную правду въ сценѣ у гроба Генриха VI. Нельзя только приступать къ этой правдѣ съ запасомъ тѣхъ вульгарныхъ, слишкомъ уже простыхъ наблюденій, которыми довольствуются обыкновенно заурядные художники. Не красота и не какой-нибудь внѣшній блескъ Ричарда покорилъ леди Анну: онъ безобразенъ; не лесть—она на своемъ вѣку слышала ея довольно; не какія-нибудь нѣжныя струны сочувствія—Ричардъ прямо говоритъ о «спальнѣ»; не мотивы благодарности или состраданія, столь часто переходящія въ женскомъ сердцѣ въ любовь—Ричардъ убилъ ея тестя и мужа и она его ненавидитъ. Леди Анна просто балассирована. И тщеславіе представляетъ приэтомъ развѣ только маленькую щелку, сквозь которую, между прочимъ, вторглась упорная воля Ричарда и покорила ея волю. Наконецъ, что касается этого тщеславія, то оно само есть результатъ и показатель спеціально усвоенной женщинамъ функціи «нравиться», той функціи, благодаря которой жизнь женщины «однообразна и пе-

стра, и завтра та же, что вчера». Нѣтъ никакого сомнѣнія, что женщина, обладающая болѣе разностороннимъ запасомъ представленій и понятій, чѣмъ какой допускается исключительною функціей «нравиться», не будетъ балассирована столь легко. Словесные «пассы», въ чемъ бы они ни состояли, встрѣтятъ въ этомъ случаѣ гораздо больше препятствій въ достиженіи своей цѣли—ненормально односторонней концентраціи сознанія и соотвѣтственнаго омраченія воли. Понятно, что этотъ результатъ можетъ облегчиться или напротивъ еще затрудниться какими-нибудь обстоятельствами, стоящими внѣ всякой связи съ непосредственнымъ предметомъ нашего изученія. Мы ихъ касаться не будемъ и, что касается любовныхъ отношеній, отмѣтимъ еще одно только соображеніе.

Ричардъ побѣдилъ Анну не какими-нибудь своими достоинствами, а единственно упорствомъ своей воли. Воля же эта не представляетъ ничего мистическаго или таинственнаго. Она выразилась въ томъ, что на всѣ взрывы негодованія и скорби Анны Ричардъ съ равномѣрностью и однообразіемъ маятника отвѣчаетъ легкими варіяціями на одну и ту же крайне скудную тему. Еслибы въ его рѣчахъ отразились какія-нибудь сомнѣнія, колебанія, уклоненія въ другія, хотя бы и гораздо высшія сферы мысли и чувства; еслибы онъ затрогивалъ въ душѣ Анны какія-нибудь другія струны, его успѣхъ не былъ бы столь рѣшителенъ. И вотъ почему происходятъ иногда такія странныя на первый взглядъ дѣла, что мозглякъ Монсъ оказывается счастливымъ соперникомъ Петра, ничтожный Раковицъ предпочитается Лассалю, Пушкинъ умираетъ на дуэли и т. п. Совсѣмъ не въ томъ тутъ дѣло, что Петръ уже не молодъ и суровъ, а Монсъ красивъ, какъ фарфоровая кукла. Петръ *въ этомъ случаѣ* просто не годился въ «герои». Онъ былъ слишкомъ широкъ, его воля, направляясь въ разныя стороны, не могла неустанно и равномѣрно ложиться на женщину. Деспотическій и жестокій, онъ въ сущности гораздо менѣе гнулъ волю женщины, чѣмъ мягкій и податливый Монсъ, который могъ добиваться своей цѣли съ постоянствомъ всегда себѣ равнаго блеска стеклянной пуговицы, созерцаніе которой доводитъ человѣка до полной утраты собственной воли.

IX.

Мы видѣли, что средніе вѣка особенно богаты нравственными эпидеміями и въ количественномъ, и въ качественномъ отноше-

ніи. То есть и много ихъ было и были онѣ необыкновенно разнообразны. Всегда были и есть отдѣльныя личности, которымъ приходятъ въ голову странныя мысли и которыя совершаютъ странные поступки. Всегда были и есть авантюристы, люди психически больные, люди, желающіе такъ или иначе высунуться впередъ и т. п. Такіе люди иногда вызываютъ подражателей и поклонниковъ, иногда нѣтъ, и въ послѣднемъ случаѣ они немедленно погружаются въ море забвенія. Но въ средніе вѣка ни одна странность, какъ бы она ни была нелѣпа, ни одинъ починъ, какъ бы онъ ни былъ фантастиченъ, не оставались безъ болѣе или менѣе значительнаго числа подражателей, такъ что исторія вынуждена была занести соотвѣтственныя событія на свои страницы. Авантюристъ, чудакъ, больной, выскочка тотчасъ становился героемъ. Около него тотчасъ же группировалась толпа и, глядя на него, плясала или молилась, убивала людей или самобичевалась, предавалась посту и всяческому воздержанію или напротивъ крайней разнузданности страстей. Мы видѣли образчики этихъ странныхъ движеній въ формахъ завѣдомо патологическихъ, а равно и въ такихъ, которыя трактуются историками, какъ явленія нормальныя. Нѣкоторыя изъ нашихъ образчиковъ легко подводятся подъ то объясненіе, которое мы пытаемся дать явленіямъ автоматическаго подражанія вообще. Такъ напримѣръ, эпидеміи кусающихся или мяукающихъ монахинь естественно вытекаютъ изъ скудости и однообразія монастырской жизни. Доведенныя этою скудостью, равномѣрностью, однообразіемъ впечатлѣній до состоянія приблизительно сходнаго съ якутской олгинджей, монахини безсознательно подражали своей случайно замяукавшей или закусавшейся больной подругѣ. Но въ этомъ явленіи нѣтъ ничего спеціально средневѣковаго: тоже самое мы можемъ и теперь наблюдать въ строго замкнутыхъ монастыряхъ или въ закрытыхъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Остается, слѣдовательно, во всей силѣ вопросъ, естественно каждому приходящій въ голову: почему именно на долю среднихъ вѣковъ выпало такое необыкновенное количество нравственныхъ эпидемій, какого ни до, ни послѣ этого времени исторія не представляетъ?

Историки, можно сказать, совершенно не обращали вниманія на эту неустойчивость, податливость средневѣковой толпы. Но за то нѣкоторые изъ нихъ много разсуждали о другой выдающейся чертѣ средневѣковой жизни, на первый взглядъ какъ бы противорѣчащей той неустойчивости, объ которой мы говоримъ.

Нѣкоторыя изъ средневѣковыхъ массовыхъ движеній, какъ напримѣръ крестовые походы, совпадая съ характеромъ общаго

строя тогдашней жизни, всячески покровительствовались власть имущими, тѣми, въ рукахъ у которыхъ были ключи всего зданія. Другія, какъ напримѣръ еретическія движенія или эпидемія демонолатріи, подвергались жесточайшему преслѣдованію, истреблялись огнемъ и мечемъ; хотя приэтомъ сплошь и рядомъ огонь и мечъ, создавая мучениковъ и героевъ, только вызывали новые приливы подражателей. Тутъ нѣтъ ничего удивительнаго. Но у средневѣковаго строя было въ распоряженіи нѣчто болѣе дѣйствительное, чѣмъ мечъ и огонь, и это-то нѣчто составляетъ предметъ удивленія многихъ историковъ и дѣйствительно вполнѣ достойно удивленія. Никогда ничего подобнаго исторія не представляла. Пусть читатель припомнитъ, напримѣръ, такія картины. Въ самомъ началѣ XIII вѣка, папа Иннокентій III, раздраженный Филиппомъ II французскимъ за то, что тотъ упорно хотѣлъ устроить свою семейную жизнь такъ, какъ угодно ему, королю, а не такъ, какъ угодно папѣ, объявилъ всю Францію отлученною отъ церкви. Вслѣдъ затѣмъ раздраженный королемъ англійскимъ по церковнымъ дѣламъ, папа наложилъ такой же интердиктъ на всю Англію. У Иннокентія, были, повидимому, только слова отлученія и анаѳемы, а что такое слово? звукъ пустой. У королей были въ распоряженіи солдаты и оружіе, огонь и мечъ, и все это они пустили въ ходъ для борьбы съ безсильнымъ и дерзкимъ человѣкомъ, метавшимъ словесные громы изъ Рима. Но эти словесные громы оказались въ концѣ-концовъ сильнѣе солдатъ и оружія. Общественное мнѣніе обоихъ королевствъ, вся масса вѣрующихъ въ единую спасающую католическую церковь примкнула къ римскимъ громамъ. И вотъ могущественные англійскій и французскій короли, злобно пометавшись среди негодующаго общества, смирились. Іоаннъ англійскій принесъ торжественное покаяніе и объявилъ себя данникомъ и ленникомъ папы. Филиппъ французскій переустроилъ свои семейныя дѣла такъ, какъ было угодно папѣ. Около того же времени король Аррагонскій по собственному почину, самъ явился въ Римъ и вручилъ свое королевство папѣ, чтобы получить его обратно въ качествѣ вассала.

Есть величіе въ подобныхъ картинахъ торжества духа надъ мечемъ, и немудрено, что ими увлекались нетолько правовѣрные католики, а и, напримѣръ, позитивисты съ самимъ Контомъ во главѣ. Они любовались этою въ наше время почти непонятною силою авторитета, настоящаго авторитета, себѣ довлѣющаго, поддерживаемаго не штыками или пушками, а сердцами тысячъ и сотенъ тысячъ людей. Этотъ авторитетъ обнялъ собою всю Европу и окружилъ каждую отдѣльную личность своею атмо-

сферою. Онъ породилъ рыцарство, эту прирученную военную силу, вызвалъ множество подвиговъ самоотверженія, преданности нѣкоторому идеальному началу. Такъ говорятъ благорасположенные къ среднимъ вѣкамъ историки и говорятъ, разумѣется, совершенно справедливо. Но правы и историки неблагорасположенные, которые рисуютъ средніе вѣка мрачными красками насилія, притѣсненія, жестокости, постоянной драки. Все это дѣйствительно было, и никакія соображенія о стройности и гуманизирующемъ вліяніи феодально-католической организаціи, никакіе примѣры самоотверженія и преданности тому или другому идеальному началу не могутъ стереть со страницъ средневѣковой исторіи потоковъ невинной крови, инквизиціонныхъ костровъ, безправія и позора слабыхъ, дикаго разгула сильныхъ. И все это были не случайные историческіе прожилки, теряющіеся въ компактной массѣ совершенно другого вида и свойства матеріи. Нѣтъ, все это столь же неизбѣжно проистекало изъ самыхъ нѣдръ средневѣковаго строя, какъ и тѣ явленія, которыми любуются историки благорасположенные. Полная истина, какъ это часто бываетъ, находится не на той или другой сторонѣ, а въ нихъ обѣихъ, приведенныхъ къ нѣкоторому высшему единству.

Да не поскучаетъ читатель пробѣжать страницу изъ исторіи одного любопытнаго средневѣкового учрежденія.

Уже очень рано застаемъ мы во многихъ странахъ Европы вольные союзы торговцевъ, мелкихъ собственниковъ, промышленниковъ, владѣльцевъ недвижимой собственности въ городахъ, крестьянъ, подъ именемъ гильдій. Члены гильдій обязывались взаимною помощью въ случаяхъ болѣзней, несчастій, оскорбленій кого-либо изъ нихъ посторонними лицами и т. п. Для поступленія въ гильдію требовались, кромѣ, разумѣется, жительства въ извѣстномъ мѣстѣ, только незапятнанная репутація и поручительство одного изъ членовъ. Отношенія между членами были вполнѣ братскія, да и къ постороннимъ людямъ гильдіи относились весьма гуманно. По крайней мѣрѣ, въ статутахъ говорится о помощи бѣднымъ, пилигримамъ и т. п. изъ гильдейской кассы. Во главѣ гильдіи стоялъ выборный старшина съ помощниками. Смотря по комбинаціи другихъ общественныхъ единицъ, стоявшихъ рядомъ съ гильдіями и выше ихъ, гильдіи покровительствовались одними, преслѣдовались другими. Такъ въ Англіи онѣ едва ли не съ самаго своего основанія пользовались охраною закона, а капитуляріи Карла Великаго и его ближайшихъ преемниковъ грозятъ, напротивъ, членамъ гильдій плетьми, вырываніемъ ноздрей, изгнаніемъ и проч. Впослѣдствіи, однако,

враждебные гильдіямъ короли, ища въ нихъ опоры для борьбы съ феодалами, измѣнили свою политику. Что же касается феодаловъ, то они естественно очень часто приходили во враждебныя столкновенія съ гильдіями, и мирные гильдейцы не разъ съ успѣхомъ мѣрялись силами съ гордыми баронами. Члены гильдіи необыкновенно высоко чтили честь своего союза (который часто ставился подъ покровительство какого-нибудь святого) и достигали часто всеобщаго уваженія. Такъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ суды довольствовались половиннымъ и даже меньшимъ числомъ присяжныхъ свидѣтелей, если они были членами гильдій. Отношенія гильдіи къ городу были разнообразны. Во многихъ мѣстахъ именно изъ гильдій выросло городское муниципальное устройство, но вообще опредѣленной связи между гильдіей и городомъ не было. Хотя первоначально личный составъ гильдіи и города часто бывалъ одинъ и тотъ же, но все-таки требовался особый актъ для вступленія въ гильдію. Иногда въ одномъ и томъ же городѣ было нѣсколько гильдій, которыя сливались впослѣдствіи въ одну или же оставались самостоятельными единицами. Въ послѣднемъ случаѣ старѣйшая, раньше другихъ основанная гильдія пользовалась нѣкоторыми преимуществами, которыя оберегала чрезвычайно ревниво. И этотъ-то моментъ ревности составляетъ главнѣйшій факторъ дальнѣйшей внутренней исторіи гильдейскихъ союзовъ. Гильдіи стали замыкаться, затрудняя доступъ въ себя постороннимъ лицамъ и обращаясь въ наслѣдственные, родовые союзы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, внутри ихъ историческій ходъ вещей проводилъ рѣзкія грани. Первоначально торговцы были вмѣстѣ съ тѣмъ и ремесленниками: они торговали сырьемъ, которое обработывали. Съ теченіемъ времени эти двѣ функціи отдѣлились и, напримѣръ, суконные торговцы перестали быть портными, торговцы кожами оставили кожевенное, дубильное, сапожное мастерства и т. д. Какъ только это общественное раздѣленіе труда достигло достаточной полноты и яркости, такъ двери гильдій заперлись для ремесленниковъ и подъ сѣнію союза оказались только торговцы и владѣльцы недвижимой собственности. Въ позднѣйшихъ нѣмецкихъ, датскихъ, бельгійскихъ статутахъ постоянно встрѣчаются запрещенія принимать въ гильдію людей «съ грязными руками», «съ траурными ногтями», людей, «выкрикивающихъ свой товаръ на улицахъ». Ремесленники постепенно стали въ глазахъ патриціевъ «безчестными, бездомными людьми, живущими работой». Городской патриціатъ сталъ въ концѣ-концовъ къ ремесленникамъ въ отношенія чисто феодальныя, усвоивъ

себѣ ко времени своего собственнаго освобожденія отъ феодальнаго гнета многія существеннѣйшія права бывшихъ сюзереновъ.

Въ этотъ-то періодъ городской жизни окрѣпли и развились союзы ремесленниковъ, цехи, миссія которыхъ была совершенно параллельна миссіи гильдій. Во многихъ отношеніяхъ они были даже прямымъ сколкомъ съ гильдій. Но потребности были уже не тѣ, что во времена образованія гильдій. Товарищества взаимнаго страхованія отъ опасностей для личности и имущества перестали составлять настоятельную потребность: на то существовало городское начальство, выдвинутое старыми гильдіями. Не тотъ былъ и персоналъ нуждающихся во взаимной помощи: гильдіи сложились изъ владѣльцевъ недвижимаго имущества и купцовъ, цехи изъ ремесленниковъ. Сообразно этому основнымъ принципомъ цеховъ было огражденіе интересовъ людей мелкаго капитала и ручного труда. При этомъ и внутренняя, и внѣшняя исторія цеховъ представляетъ поразительную аналогію съ исторіей гильдій. Прежде всего и цехамъ приходилось сталкиваться съ разными рядомъ и выше ихъ стоящими единицами, причемъ происходили разнообразныя комбинаціи. Самою важною струею является здѣсь борьба съ городскими патриціями, которая тянулась почти два вѣка и кончилась побѣдою цеховъ. Затѣмъ мы видимъ внутри цеха чисто братскія отношенія, гордость честью союза, образцовый судъ и самоуправленіе.

Цехъ не замыкался, принималъ въ свою среду всякаго, удовлетворявшаго извѣстнымъ требованіямъ, и требовалъ только, чтобы всѣ, занимающіеся такимъ-то ремесломъ, подчинялись правиламъ, выработаннымъ сознаніемъ общихъ нуждъ. Что же касается до самыхъ условій пріема новыхъ членовъ, то, не будучи особенно отяготительными, они были наложены, такъ сказать, самою силою вещей. Цехъ блюлъ интересы извѣстной отрасли ремесленной промышленности. Это достигалось непосредственно—заботами о благосостояніи производителей, и посредственно—гарантіей интересовъ потребителей, то есть заботами о дешевизнѣ и доброкачественности продуктовъ. Полицейскими мѣрами въ этомъ послѣднемъ направленіи цехъ оберегалъ свою репутацію. Если сюда прибавить еще политическія условія цеха, именно его борьбу съ патриціями, то мы увидимъ, что почти всѣ требованія отъ вновь поступающихъ членовъ были необходимы. Вотъ эти требованія. Право заниматься извѣстнымъ ремесломъ и продавать продукты своего труда связывалось съ правомъ гражданства въ городѣ. Вновь поступающій членъ долженъ былъ имѣть незапятнанную нравственную репутацію. Онъ долженъ былъ пробыть извѣстное время (отъ двухъ до семи

лѣтъ) ученикомъ, чѣмъ гарантировалось качество работы. Пріемъ учениковъ совершался весьма торжественно или въ полномъ собраніи цеха, или—такъ какъ ученикъ былъ будущій гражданинъ города—въ ратушѣ, въ присутствіи городскихъ властей. Такъ же торжественно праздновалось и окончаніе курса. При зачисленіи, какъ въ ученики, такъ и въ мастера, взималась небольшая сумма въ цеховую кассу. Кромѣ личнаго искуства работника, цехъ требовалъ извѣстныхъ гарантій въ самомъ производствѣ. Именно, никто не могъ употреблять матеріалы и инструменты, неодобренные цехомъ, и въ статутахъ встрѣчаются мельчайшія подробности въ этомъ отношеніи. Особенно строго преслѣдовались подмѣси и продажа подновленныхъ товаровъ за новые. Статуты обязывали членовъ помогать другъ другу въ работѣ. Впослѣдствіи издавались тарифы цѣнъ на продукты. Въ интересѣ какъ производителей, такъ потребителей, статуты запрещали работать ночью, при свѣчкѣ. Цѣлый рядъ мѣръ принимался для парализированія невыгодныхъ сторонъ конкурренціи. Такъ назначались извѣстныя вакаціи, въ продолженіи которыхъ воспрещалось работать всѣмъ безъ исключенія. Всякій членъ цеха, закупая сырой матеріалъ, зналъ, что долженъ будетъ уступить опредѣленную часть его товарищамъ по своей цѣнѣ. Запрещалось работать на заказчика, который еще не расплатился съ другимъ членомъ цеха. И проч., и проч.

Цехи сослужили свою службу: нетолько дали опериться ремесленникамъ и ремеслу, но обезпечили первымъ политическую равноправность съ патриціями. Жестокая борьба цеховъ, болѣе свѣжихъ, болѣе проникнутыхъ принципомъ взаимности, съ одряхлѣвшими и разрозненными гильдіями, кончилась въ концѣ XIV и въ началѣ XV вѣковъ побѣдой ремесленниковъ. Но ко времени этой побѣды начался уже процессъ внутренняго разложенія цеховъ — процессъ, весьма сходный съ тѣмъ путемъ, которымъ шли къ своей погибели гильдіи. Цехи не были союзами рабочихъ въ теперешнемъ смыслѣ слова. Это были общества людей, самостоятельно занимавшихся ремесломъ при помощи небольшого капитала. Такими они были при самомъ своемъ возникновеніи, такими заявили себя и во время борьбы за свою независимость: тутъ шла рѣчь о равноправности принциповъ недвижимаго имущества, землевладѣнія и капитала. Однако, этотъ характеръ цеховъ вполнѣ обособился и выяснился только съ теченіемъ времени. Первоначально же ремесленники были, вмѣстѣ съ тѣмъ, и работниками, и хотя извѣстный капиталъ былъ необходимъ для самостоятельнаго веденія ремесла, но, по условіямъ тогдашняго производства, онъ не могъ быть великъ.

Правда, ремесленники имѣли при себѣ батраковъ, рабочихъ, но имъ не возбранялось вступать въ цехъ, если они отбыли срокъ ученія и удовлетворяли другимъ требованіямъ цеховой конституціи. Вообще, до средины XIV вѣка о батракахъ почти не упоминается въ статутахъ. Повидимому, до этого времени батраковъ было весьма мало, такъ что не могло быть и рѣчи о существованіи въ средѣ цеховъ особаго, чисто рабочаго сословія, имѣющаго спеціальные интересы. Исключеніе составляли только цехи фландрскихъ и брабантскихъ ткачей. И тамъ, собственно говоря, каждый ткачъ имѣлъ очень мало батраковъ, но самихъ-то ткачей было очень много, а потому въ цѣломъ число батраковъ было до такой степени значительно, что потребовались для нихъ особыя организаціи. Но при этомъ не было явной вражды между двумя фракціями ремесленниковъ. Все улаживалось пока мирно. Въ XIII вѣкѣ батраки посылали своихъ депутатовъ въ цеховыя собранія, они имѣли голосъ въ рѣшеніяхъ. Что же касается до заработной платы, то она стояла въ опредѣленныхъ отношеніяхъ къ доходу мастера, а въ нѣкотовыхъ мѣстахъ, какъ въ Брюгге, батраки были формально участниками дохода.

Съ половины XIV вѣка эти мирныя отношенія исчезаютъ. Чѣмъ болѣе процвѣтала извѣстная отрасль ремесленной промышленности, чѣмъ большій кругъ сбыта она пріобрѣтала, тѣмъ яснѣе становилось, что члены цеховъ не работники, а капиталисты. Цехи съ недовѣріемъ смотрѣли на массы бывшихъ или настоящихъ рабовъ, приливавшія въ города по мѣрѣ развитія промышленности. Съ одной стороны, приливъ рабочихъ рукъ былъ для нихъ выгоденъ, но съ другой—это были все-таки конкурренты, по крайней мѣрѣ, въ будущемъ. Отсюда-то и возникли истинныя цеховыя монополіи. Была возвышена сумма, уплачиваемая при вступленіи въ цехъ. Явился обычай требовать дорогого Meisterstück'a, то-есть образчика работы, удостовѣряющаго, что испытуемый достоинъ, по своему искуству, быть принятымъ въ цехъ. Удлиннился, въ нѣкоторыхъ ремеслахъ до совершеннаго безсмыслія, срокъ обученія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, родственники старыхъ членовъ получали всяческія облегченія при зачисленіи въ цехъ. Наконецъ, принципъ наслѣдственности завоевалъ себѣ мѣсто въ цеховой системѣ или съ занесеніемъ его въ статуты, или, по крайней мѣрѣ, фактически. Цеховая система, постепенно развертывая заключенные въ ней и дотолѣ скрытые элементы, дошла до того, что во многихъ мѣстахъ для вступленія въ цехъ требовался извѣстный цензъ въ видѣ движимаго или даже недвижимаго имущества. Весьма своеобразно измѣнился и цензъ, такъ сказать, нравственный. Прежде для

вступленія въ цехъ требовалась безукоризненная репутація, чѣмъ устранялось сообщество порочныхъ людей. Въ XIV же вѣкѣ цехи преградили доступъ къ себѣ цѣлымъ категоріямъ лицъ, въ родѣ незаконныхъ дѣтей, сыновей крестьянъ, дѣтей золотарей, живодеровъ, актеровъ; въ германскихъ цехахъ не принимались славяне и т. п. Старый духъ братства исчезъ совершенно и въ средѣ самыхъ цеховъ появились различныя дифференцированія, цехи распадались на болѣе бѣдныхъ и богатыхъ. Такъ, напримѣръ, изъ одного и того же цеха обособились цехи кожевниковъ, сапожниковъ и чеботарей. Появились неслыханные дотолѣ споры и судебные процессы о предѣлахъ компетенціи разныхъ цеховъ. Тяжбы эти тянулись иногда цѣлыми столѣтіями. Сапожники тягались съ починяльщиками ношеной обуви, ременьщики съ кожевниками, продавцы стараго платья съ портными, а тѣ, въ свою очередь, съ сукноторговцами и т. д., и т. д. Женщины устранялись отъ занятій, наиболѣе имъ свойственныхъ, но за то и женщины, если имъ удавалось овладѣть правомъ на какое-нибудь производство, не допускали къ себѣ мужчинъ. Вся жизнь подѣлилась на маленькія клѣточки, ревниво оберегавшія свои узенькія рамки и усиленно враждававшія со всѣмъ, что лежало внѣ ихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ сама промышленность замерла для какихъ бы то ни было усовершенствованій въ качественномъ или количественномъ отношеніи: мастеръ большею частью обязывался приготовить опредѣленное число извѣстнаго продукта въ годъ, именно этого продукта, а не другого, не больше и не меньше, не хуже и не лучше.

Не менѣе важнымъ, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже болѣе важнымъ явленіемъ было распаденіе однороднаго или почти однороднаго цеха на мастеровъ, учениковъ, имѣвшихъ право и возможность вписаться по окончаніи курса въ цехъ и, такъ сказать, вѣчныхъ подмастерьевъ, батраковъ, рабочихъ въ тѣсномъ смыслѣ слова. Въ Англіи противоположность интересовъ мастеровъ и подмастерьевъ обнаружилась съ совершенною ясностью послѣ чумы 1349 г. Это было страшное время. Вымирали цѣлыя села и города, страна обезлюдѣла. Цѣны поднялись на все. Священники подняли цѣну на молебны, обѣдни и т. п. Купцы, пользуясь слабымъ предложеніемъ товаровъ, подняли цѣны на товары. Вздорожали и рабочія руки. Хлѣбъ гнилъ на неубранныхъ поляхъ, цѣлыя стада пропадали, потому что жнецы и пастухи требовали огромной платы. Аналогичныя явленія имѣли мѣсто и въ городахъ: батраки, подмастерья не соглашались работать на цеховыхъ ремесленниковъ за прежнюю плату. Въ дѣло это вмѣшалось правительство, издавъ цѣлый рядъ указовъ, имѣв-

шихъ цѣлью установить какую-нибудь норму для расшатанныхъ отношеній, и такою нормою естественно представлялись отношенія, существовавшія до чумы. Между прочимъ, и батракамъ правительство предписало работать за ту плату, которую они получали до чумы, а цеховыхъ ремесленниковъ обязало не платить больше, чѣмъ они платили прежде. Однако, съ этихъ поръ борьба между мастерами и батраками стала открытой, и въ борьбѣ этой обыкновеннымъ пріемомъ подмастерьевъ былъ гуртовой отказъ отъ работы. Но самый этотъ пріемъ требовалъ извѣстнаго единенія между батраками. И дѣйствительно, въ XIV вѣкѣ появляются «братства» подмастерьевъ, совершенно аналогичныя цехамъ ремесленниковъ и древнимъ гильдіямъ въ первую пору ихъ существованія. Въ статутахъ братствъ говорится о богослуженіи сообща, объ общественныхъ обѣдахъ, о похоронахъ на общій счетъ, о взаимной помощи и т. п. Всякій подмастерье извѣстной отрасли промышленности долженъ былъ входить въ составъ братства. Всякій, имѣющій претензію на другого члена братства, долженъ былъ, прежде чѣмъ идти въ какой-нибудь судъ, сдѣлать попытку примиренія сначала передъ старшинами братства, а потомъ передъ старшинами цеха. Съ этой стороны «братство» являлось какъ бы дополненіемъ цеха, какъ бы продолженіемъ его принциповъ въ средѣ подмастерьевъ. Поэтому они вообще признавались цеховыми мастерами и учреждались съ ихъ согласія, однако, не вездѣ. Здѣсь мы опять-таки встрѣчаемъ разнообразныя столкновенія съ общественными единицами, стоявшими рядомъ съ братствами и выше ихъ. Не входя въ дальнѣйшую исторію этихъ союзовъ подмастерьевъ и рабочихъ, конецъ которой выходитъ за предѣлы среднихъ вѣковъ, отмѣтимъ только слѣдующее обстоятельство. Рабочія товарищества долго, упорно, хотя и съ перемѣннымъ счастіемъ боролись съ союзами мастеровъ. Но при этомъ, примыкая все-таки къ цеховой системы въ смыслѣ дробленія производства и враждебной замкнутости отдѣльныхъ его отраслей, они не упускали случая подраться и между собой. Такъ какъ подмастерья обязаны были извѣстный срокъ странствовать, чтобы приглядѣться къ своему мастерству, то естественно у нихъ образовались общія пристанища и новыя связи въ чужихъ мѣстахъ. Всѣ эти связи и отношенія были проникнуты наилучшими чувствами, но если подмастерье встрѣчалъ представителя другой, враждебной профессіи, то немедленно возникала ссора, драка, достигавшая иногда размѣровъ обширнаго, массоваго и кроваваго побоища.

Такова, очень, конечно, бѣглая картина возникновенія, развитія и паденія средневѣковыхъ промышленныхъ союзовъ. Она по-

учительна. Вы видите прежде всего чрезвычайно пеструю, сложную общественную жизнь. Не говоря о феодальномъ баронѣ и его крѣпостныхъ, не говоря далѣе о церковныхъ отношеніяхъ, вотъ торговецъ, далекій отъ всякаго труда и презирающій его; вотъ ремесленникъ-мастеръ сапожнаго, положимъ, цеха, производящій только новые сапоги; вотъ мастеръ близкаго, но другого все-таки цеха, только починяющій обувь; дальше идутъ мастера по другимъ отраслямъ, чрезвычайно дробнымъ и обособленнымъ; дальше—подмастерья, сами по себѣ отличные отъ мастеровъ и кромѣ того распредѣляющіеся по всему множеству раздробленныхъ профессій. Всѣ они отдѣлены другъ отъ друга рѣзкими политическими, юридическими, нравственными гранями. Всѣ крѣпко держатся за ту маленькую клѣточку жизни, которая образуется пересѣченіемъ этихъ граней. Каждая функція дробится, обособляется, выдѣляется. Ясно, однако, что, параллельно съ проистекающей отсюда сложностью общественной жизни, взятой въ цѣломъ, личная жизнь средневѣкового человѣка должна была оскудѣвать, становиться все болѣе однообразною и одностороннею. Намъ, охваченнымъ совершенно другими формами раздѣленія труда, имѣющимъ въ своемъ распоряженіи улучшенные пути сообщенія, почту, телеграфъ, газеты; намъ трудно даже представить себѣ чрезвычайное однообразіе впечатлѣній средневѣкового человѣка, со всѣхъ сторонъ окруженнаго заставами и стѣнами. И такъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, безъ просвѣта, безъ мысли о возможности какого-нибудь значительнаго измѣненія положенія.

Не слѣдуетъ думать, что эта узкость, односторонность, духовная скудость была спутницей именно только цеховой системы. Безъ сомнѣнія, бѣдность и однообразіе впечатлѣній должны выступать здѣсь съ особенною ясностью, благодаря строгой регламентаціи размѣровъ и способовъ производства и крайней раздробленности ея отраслей. Но та же духовная скудость была, въ формахъ менѣе яркихъ, но не менѣе дѣйствительныхъ, достояніемъ всѣхъ классовъ средневѣкового общества. Справедливо говоритъ Гизо: «Ошибочно было бы для обозначенія сельскаго населенія этой эпохи употреблять такое выраженіе, съ которымъ соединялось бы понятіе о чемъ-то цѣломъ, объ обществѣ, напримѣръ, слово «народъ». Населеніе это не составляло общества; дѣятельность его была исключительно мѣстная. Внѣ занимаемой ими территоріи колоны не имѣли дѣла ни до кого, не были связаны ни съ кѣмъ и ни съ чѣмъ» («Исторія цивилизаціи въ Европѣ»).

Еще ближе къ истинѣ стоитъ Мишле въ главѣ «Отчего средніе вѣка пришли въ отчаяніе», въ извѣстной книгѣ «La sorcière»: «Въ теченіи цѣлыхъ десяти столѣтій, тоска, неизвѣстная прежнимъ временамъ, держала средніе вѣка въ состояніи не то бодрствованія, не то сна, и надъ людьми господствовала конвульсія скуки, называемая зѣвотой. Пусть неустанный колоколъ звонитъ въ привычные часы—люди зѣваютъ; пусть тянется старое латинское пѣніе въ носъ—люди зѣваютъ. Все предвидѣно, надѣяться не на что, дѣла будутъ идти все такъ-же. Несомнѣнная скука завтрашняго дня заставляетъ зѣвать уже сегодня и перспектива будущихъ дней, годовъ скуки ложится тяжелымъ гнетомъ на жизнь. Автоматическая и фатальная конвульсія безъ конца и надежды раздвигаетъ челюсти. Настоящая болѣзнь, которую благочестивая Бретань приписываетъ дьяволу: онъ, говорятъ бретанскіе крестьяне, прячется въ лѣсу и поетъ прохожимъ обѣдни и другія церковныя службы до того, что они, наконецъ, умираютъ отъ зѣвоты». Конечно, средневѣковые люди не болѣли зѣвотой въ буквальномъ смыслѣ слова; они жили, любили, чувствовали, мыслили, но все это было вогнано въ непомѣрно узкія стойла, гдѣ царило томительное и дѣйствительно почти усыпляющее, почти гипнотизирующее однообразіе впечатлѣній. Сами гордые бароны, гнѣздившіеся въ замкахъ съ высокими стѣнами и глубокими рвами, выѣзжавшіе оттуда только для грабежа и турнировъ и опять прятавшіеся за свои стѣны, были обречены на туже истому однообразія, а ихъ жены и подавно. Вообще всякая личная жизнь, отлившись въ однообразныя, узкія формулы, замерла.

Но Мишле находитъ еще другую причину «отчего средніе вѣка пришли въ отчаяніе»: необезпеченность личности. Несмотря на неподвижность формъ, въ которыя отлилась средневѣковая личная жизнь, всякій свободный человѣкъ могъ оказаться вассаломъ, вассалъ—слугой, слуга—рабомъ, сервомъ. Фактически это, конечно, вѣрно, но едва ли справедливо переносить теперешнюю европейскую жажду личной свободы на средневѣковые нравы. Безъ сомнѣнія и тогда были люди, считавшіе личную свободу благомъ и гнушавшіеся всякаго рода зависимостью. Но отнюдь не таково было общее правило. Вообще говоря, средневѣковой человѣкъ нетолько не тяготился зависимостью, а даже напротивъ искалъ ея. Одною изъ наиболѣе выдающихся психологическихъ чертъ типическаго тогдашняго человѣка была какая-то странная потребность повиноваться, отдавать свою волю въ чужія руки, чему вполнѣ соотвѣтствовала средневѣковая лѣстница зависимости, необходимыя ступени которой составляли

сюзеренъ, вассалъ и рабы, колоны, крѣпостные. Каждый феодалъ, имѣя своихъ вассаловъ, самъ былъ или могъ быть вассаломъ другого сюзерена, и вся эта лѣстница упиралась въ безконечность, ибо дотягивалась до престола Всевышняго, непосредственно подъ которымъ находился намѣстникъ Божій на землѣ—папа, по мнѣнію однихъ, императоръ, по мнѣнію другихъ. Обыкновенно происхожденіе этой лѣстницы объясняется насиліемъ или голымъ расчетомъ: дескать, слабый человѣкъ либо насильственно ставился въ вассальныя или рабскія отношенія къ сильному, либо добровольно отдавался подъ его защиту и покровительство, дабы охранить себя отъ вящшаго гнета. Не отрицая того и другого источника, надо, однако, замѣтить, что средніе вѣка представляютъ множество образчиковъ добровольнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно безкорыстнаго самоподчиненія. Вышеприведенный случай съ королемъ Аррагонскимъ, добровольно и безъ всякаго давленія извнѣ объявившимъ себя ленникомъ папскаго престола, не составляетъ чего-нибудь рѣдкаго или исключительнаго. Напротивъ, множество всякаго званія людей самозакрѣпощали себя такимъ образомъ Богу, тому или другому святому, а въ сущности, конечно, папѣ или тому, или другому духовному лицу, духовной коллегіи. Затѣмъ рыцарское «служеніе дамѣ», и по внутреннему характеру, и даже по нѣкоторымъ внѣшнимъ формамъ весьма близкое къ вассальнымъ отношеніямъ, представляетъ другой любопытный примѣръ добровольнаго средневѣковаго самоподчиненія. Рыцарь весь отдавался своей дамѣ, совершалъ, по ея приказанію, въ угоду ей или въ честь ея, блистательные подвиги, возмутительныя злодѣйства и невѣроятныя глупости. Надо приэтомъ имѣть въ виду, что, налагая на себя это иногда вовсе не легкое бремя, рыцарь въ тоже время оставался подъ игомъ своего сюзерена и своей корпораціи. Наконецъ, средневѣковые люди готовы были служить и дьяволу и цѣлыми массами принимали страданіе и смерть ради этого фантастическаго объекта поклоненія. Если, такимъ образомъ, средневѣковой человѣкъ добровольно и безкорыстно служилъ, подчинялся, повиновался папѣ и женщинѣ, чорту и Богу, то можно думать, что и въ другія свои отношенія онъ вкладывалъ не малую долю дѣйствительной, безкорыстной преданности и покорности. Конечно, въ нѣкоторомъ очень общемъ смыслѣ можно пожалуй говорить, что и поклоняясь папѣ и женщинѣ, Богу и дьяволу, человѣкъ руководился простымъ разсчетомъ—на награду въ загробной жизни, на помощь чистой или нечистой силы въ текущихъ земныхъ дѣлахъ, на любовь дамы и т. д. Но какова бы ни была доля справед-

ливости въ этихъ общихъ соображеніяхъ, а нельзя же все-таки отрицать, что есть на свѣтѣ покорность, на столько отдѣлившаяся отъ своего корня—разсчета, что представляетъ уже нѣчто самостоятельное; есть же на свѣтѣ люди, искренно и даже пламенно цѣлующіе руку, которая ихъ бьетъ, и ярмо, которое ихъ давитъ. Вотъ эта-то самодовлѣющая покорность и выдавалась въ средніе вѣка, выражаясь въ разнообразнѣйшихъ формахъ, отъ высокаго самоотверженія до пассивнаго, почти животнаго терпѣнія, отъ восторженной и торжественной передачи своей воли въ чужія руки до молчаливаго признанія за этими чужими руками права бить, обирать, казнить и миловать. Я не думаю, разумѣется, утверждать, чтобы жизнь средневѣкового человѣка исчерпывалась этимъ мотивомъ и чтобы онъ не руководился разсчетами выгоды и невыгоды. Это была бы безсмыслица, тѣмъ болѣе, что гдѣ есть битые, тамъ есть, значитъ, и бьющіе, гдѣ есть покорные, тамъ есть и покоряющіе. Я утверждаю только, что средніе вѣка были несравненно богаче всякой другой исторической эпохи готовностью людей повиноваться, служить, подчиняться. Благородными формами этой готовности и восхищаются историки благорасположенные, видя въ нихъ черты чисто нравственной дисциплины. Но, не говоря о томъ, что рядомъ съ этими благородными формами существовали формы холопскія и даже почти не человѣческія, а собачьи, эта болѣзненная потребность отдавать свою волю въ чужія руки, вытекая сама собой изъ средневѣкового строя общественной жизни, въ немъ же встрѣчала препятствія для мирнаго и спокойнаго своего удовлетворенія. Ибо возникалъ вопросъ: кому, чему повиноваться? На первый взглядъ средневѣковыя общественныя отношенія представляютъ нѣчто стройное, правильное и именно напоминаютъ игрушку изъ коробочекъ, одна въ другую вложенныхъ: каждая коробочка заключаетъ въ себѣ другую и въ свою очередь заключается въ третьей. Такъ подмастерье или рабочій входилъ въ составъ братства, которое заключалось въ цехѣ, а цехъ входилъ въ составъ городского самоуправленія. Такъ сервъ входилъ въ составъ феода, который персонифицировался въ феодалѣ, тотъ въ свою очередь имѣлъ своего сюзерена, этотъ былъ вассаломъ другого сюзерена и т. д. Еслибы дѣло и стояло такъ просто и правильно, такъ и то коллизіи между различными ступенями общественной лѣстницы были бы неизбѣжны. Но въ дѣйствительности отношенія были безконечно сложнѣе и дробнѣе. Рабочій могъ состоять въ цехѣ только, такъ сказать, одной ногой. Въ качествѣ ткача, сапожника, онъ примыкалъ къ цеху, но въ качествѣ работника онъ туда не допускался. Городъ могъ,

дробясь на предмѣстья, участки, улицы, находиться во власти нѣсколькихъ сеньёровъ, между которыми могли быть сеньёры свѣтскіе и духовные; тѣ и другіе входили въ составъ двухъ іерархій, свѣтской и церковной, постоянно между собой сталкивавшихся. Не было физической возможности повиноваться всѣмъ заразъ, ибо это значило бы разорваться въ буквальномъ смыслѣ слова, и средневѣковой человѣкъ, именно въ силу своей необычайной покорности, долженъ былъ сплошь и рядомъ оказываться непокорнымъ. Мы видѣли, что въ началѣ XIII вѣка французскіе и англійскіе люди оказались, правда, довольно пассивно, непокорными своимъ королямъ, но именно потому, что они были глубоко и сердечно подчинены духовной власти. Мы видѣли, что въ половинѣ того же XIII столѣтія французскіе люди отказались повиноваться королевѣ Бланкѣ, когда она приказывала имъ рубить двери тюрьмы, въ которую духовные владыки засадили своихъ крестьянъ: они боялись. Но стоило только Бланкѣ показать примѣръ собственноручнымъ ударомъ въ дверь, и плѣнники были моментально освобождены.

Русскій историкъ французскихъ крестьянъ замѣчаетъ: «Установленіе феодальнаго порядка не встрѣтило сопротивленія со стороны массы народа... Почему же не возставали низшіе классы противъ этой споліаціи, когда на ихъ сторонѣ было численное превосходство, когда дѣло происходило въ бурную, военную эпоху, въ которую люди, имѣя вѣчно дѣло съ мечомъ, могли не дорожить своею жизнью? Но въ томъ-то и дѣло, что тогдашніе люди представляли болѣе примѣровъ безсилія, нежели храбрости... Сознаніе собственнаго достоинства было развито въ самой незначительной степени и слабый безпрестанно унижался, раболѣпствовалъ передъ сильнымъ, говорилъ тономъ раба: «это были, какъ выразился одинъ писатель, рабскія души, развитыя неблагопріятной судьбой» (Карѣевъ, «Очеркъ исторіи французскихъ крестьянъ съ древнѣйшихъ временъ до 1789 года». Варшава, 1881).

X.

Однако, «низшіе классы» не разъ возставали въ средніе вѣка, какъ грозная буря, когда предѣлъ упругости человѣческой души бывалъ, наконецъ, превзойденъ, когда гнетъ и насиліе поднимались свыше всякой мѣры терпѣнія. И съ теченіемъ времени вся вавилонская башня средневѣковой іерархіи была подкопана

и, наконецъ, рухнула со страшнымъ громомъ. Но на это потребовались цѣлые вѣка. Что же касается формъ и результатовъ борьбы, то и они носили на себѣ неизгладимую печать средневѣковья въ его наиболѣе типическихъ чертахъ — повиновенія и подражанія. Мы можемъ, кажется, теперь съ увѣренностью сказать, что такъ и должно было быть въ виду однообразія, скудости и постоянства впечатлѣній средневѣковаго человѣка.

Вглядываясь въ вышеприведенную исторію развитія и разложенія цеховой системы, мы видимъ постоянную, вѣковую борьбу сначала гильдій съ феодалами, потомъ мастеровъ съ городскимъ патриціатомъ, наконецъ, рабочихъ съ мастерами. Торговые и промышленные люди, ремесленники, рабочіе послѣдовательно выступаютъ на арену борьбы, но, выступая, каждая изъ этихъ группъ повторяетъ пріемы предыдущей и приходитъ къ тѣмъ же результатамъ. И мало того, что каждое вновь обнаруживающееся общественное наслоеніе копируютъ своихъ предшественниковъ; оно, кромѣ того, регламентируетъ подражаніе, дѣлаетъ его обязательнымъ и въ самой организаціи своей, и въ производствѣ, и во всемъ складѣ жизни. Ни ремесленникъ, ни рабочій не должны проявлять какую-нибудь оригинальность, какое-нибудь творчество въ своей дѣятельности: они должны слѣдовать разъ установленнымъ образцамъ въ качественномъ и количественномъ отношеніи. Безъ конца повторяя другъ друга, они повторяютъ себя и въ дѣтяхъ своихъ, что̀ достигается все болѣе и болѣе прочнымъ установленіемъ принципа наслѣдственности занятій, правъ и обязанностей. Члены добровольныхъ союзовъ, они, слѣпо повинуясь выраженнымъ или невыраженнымъ повелѣніямъ этихъ союзовъ, враждуютъ нетолько съ дѣйствительными врагами, а и съ своимъ же братомъ, мастеровымъ или рабочимъ, если только онъ занимается другимъ мастерствомъ. Строгая регламентація размѣровъ и способовъ производства, равно какъ и обязательная наслѣдственность занятій сами собой вытекали изъ раздробленности, обособленности и замкнутости всѣхъ общественныхъ функцій и группъ. Если гнетущее однообразіе жизни на крайнемъ сѣверѣ вызываетъ распространеніе нервныхъ болѣзней эпидемическимъ, подражательнымъ путемъ; если, какъ рѣшительно утверждаетъ Вайцъ, въ замкнутыхъ племенахъ и обществахъ съ однообразною жизнью даже сходство чертъ лица достигается путемъ непроизвольнаго подражанія (Anthropologie der Naturvölker, I, 77—78); то можно думать, что средневѣковая регламентація отнюдь не была чѣмъ-то тяжелымъ или нестерпимо принудительнымъ. Она только, такъ сказать, кодифицировала велѣнія самой жизни, ибо и безъ нея дѣла шли бы, за ма-

лыми исключеніями, такъ же, какъ и при ней: одинъ подражалъ бы другому, другой третьему.

Но вотъ поднимается настоящее народное возстаніе, грозящее, кажется, перевернуть вверхъ дномъ все общество. Вотъ, напримѣръ, возстаютъ во Франціи XIV вѣка десятки тысячъ крестьянъ. Измученные, голодные, избитые, мужья, отцы и братья опозоренныхъ женъ, дочерей, сестеръ, они додумались, наконецъ, что они такіе же люди, какъ и бароны: nous sommes comme ils sont, tels membres avons, comme il ont, et aussi grand corps avons, et autant souffrir pouvons. Эти «жаки» грабили и раззоряли замки феодаловъ, избивали ихъ самихъ, ихъ семьи. Разгромъ былъ страшный. Но, какъ разсказываетъ лѣтописецъ (Фруассаръ), «когда ихъ спрашивали, зачѣмъ они такъ поступаютъ, они отвѣчали, что *не знаютъ, а дѣлаютъ такъ, какъ другіе* (ils répondoient quils ne savoient, mais quils faisoyent ainsi qnils veoyent les autres faire); и думаютъ, что надо такимъ образомъ истребить всѣхъ дворянъ на свѣтѣ». Грозная жакерія была потушена въ нѣсколько недѣль кровью жаковъ. И затѣмъ еще горсть крестьянъ, подъ предводительствомъ нѣсколькихъ уцѣлѣвшихъ жаковъ, *просила позволенія* у начальства сразиться на свой собственный страхъ съ вторгнувшимися во Францію англичанами, передъ которыми пасовали побѣдители жаковъ — пышные дворяне... Впослѣдствіи, однако, подобныя возстанія стали обходиться побѣдителямъ много дороже. Но это было уже въ исходѣ среднихъ вѣковъ, когда весь феодально-католическій строй былъ расшатанъ. Но собственно для средневѣковыхъ массовыхъ движеній чрезвычайно характерно то отсутствіе выдержки, плана, цѣли, направленія и то преобладаніе повиновенія и подражанія, которыя такъ ясно выразились въ жакеріи XIV столѣтія. Средневѣковая масса представляла, можно сказать, идеальную толпу. Лишенная всякой оригинальности и всякой устойчивости, до послѣдней возможной степени подавленная однообразіемъ впечатлѣній и скудостью личной жизни, она находилась какъ бы въ хроническомъ состояніи ожиданія героя. Чуть только мелькнетъ какой-нибудь особенный, выдающійся образъ на постоянно сѣромъ, томительно ровномъ фонѣ ея жизни—и это уже герой, и толпа идетъ за нимъ, готовая, однако, свернуть съ половины дороги, чтобы идти за новымъ, бросившимся въ глаза, образомъ. Но именно вслѣдствіе этой необыкновенной податливости толпы, средневѣковые герои весьма мало интересны, говоря вообще. Чтобы сдѣлаться въ ту пору героемъ, не нужно было обладать какими-нибудь специфическими чертами вожака. Не нужно было, напримѣръ, быть носителемъ той или другой идеи, которая кон-

центрировала бы бродящіе въ толпѣ инстинкты или позывы, не нужно было обладать планомъ дѣйствія, надменною дерзостью повелителя или мягкостью искуснаго ловца умовъ и сердецъ. Сталъ человѣкъ ни съ того, ни съ сего плясать на улицѣ, и онъ герой; пошелъ освобождать гробъ Господень—герой; сталъ хлестать себя публично плетью по обнаженному тѣлу—герой; пошелъ бить жидовъ—герой и т. д., и т. д. Словомъ, отношенія между толпой и героями были самыя элементарныя, а потому мало поучительныя. Поучительно здѣсь именно только то, что героемъ могъ оказаться первый встрѣчный. А изъ этого слѣдуетъ, что хотя секретъ держанія массъ въ повиновеніи очень простъ, но представляетъ собою нѣчто очень скользкое и обоюдоострое. Мы уже видѣли это на примѣрѣ солдатъ, которые, будучи, такъ сказать, гипнотизированы самою своею жизнью, даютъ образчики безусловнаго повиновенія, но при извѣстныхъ условіяхъ вся сила этого автоматизма направляется совсѣмъ не туда, куда было бы желательно ее направить власть имѣющимъ. Кто хочетъ властвовать надъ людьми, заставить ихъ подражать или повиноваться, тотъ долженъ поступать, какъ поступаетъ магнитизеръ, дѣлающій гипнотическій опытъ. Онъ долженъ произвести моментально столь сильное впечатлѣніе на людей, чтобы оно ими овладѣло всецѣло и, слѣдовательно, на время задавило всѣ остальныя ощущенія и впечатлѣнія, чѣмъ и достигается односторонняя концентрація сознанія; или же онъ долженъ поставить этихъ людей въ условія постоянныхъ однообразныхъ впечатлѣній. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ онъ можетъ дѣлать чуть не чудеса, заставляя плясать подъ свою дудку массу народа и вовсе не прибѣгая для этого къ помощи грубой физической силы. Но бываютъ обстоятельства, когда этотъ эффектъ достигается въ извѣстной степени личными усиліями героя, и бываютъ другія обстоятельства, когда нѣтъ никакой надобности въ такихъ личныхъ усиліяхъ и соотвѣтственныхъ имъ умственныхъ, нравственныхъ или физическихъ качествахъ. Тогда героемъ можетъ быть всякій, что мы и видимъ въ средніе вѣка.

Возвращаясь къ исторіи средневѣковыхъ вольныхъ ремесленныхъ союзовъ, рекомендую читателю посмотрѣть на нее, какъ на фактическую иллюстрацію къ оцѣнкѣ теорій Адама Смита и Герберта Спенсера, сдѣланной нами въ предыдущей статьѣ. Мы видѣли, что эти мыслители отождествляютъ или, по крайней мѣрѣ, смѣшиваютъ симпатію, сочувствіе съ автоматическимъ подражаніемъ. Мы видѣли также, что мнѣніямъ ихъ рѣшительно противорѣчатъ факты подражанія поступкамъ подлымъ или жестокимъ, хотя нельзя не признать, что между симпатіей и по-

дражаніемъ есть нѣчто общее. Это общее можно пожалуй выразить словами г. Кандинскаго или цитируемаго имъ Люиса: «стремленіе приходить въ унисонъ съ окружающими людьми». Но придти на помощь человѣку, котораго бьютъ, и принять участіе въ его побіеніи, это двѣ вещи разныя. Въ первомъ случаѣ человѣкъ приходитъ въ унисонъ съ жертвой, во второмъ— съ палачами. Исторія развитія цеховой системы даетъ намекъ на полное объясненіе дѣла.

Въ началѣ гильдіи, какъ и цехи относятся чрезвычайно гуманно къ людямъ, даже стоящимъ внѣ этихъ союзовъ. Ихъ члены способны сочувствовать слабымъ, нуждающимъ, и «приходить съ ними въ унисонъ», переживая ихъ жизнь. Но, по мѣрѣ того, какъ раздѣленіе труда проводитъ все болѣе и болѣе глубокія демаркаціонныя черты въ обществѣ, стремленіе къ унисону, оставаясь на лицо, существенно измѣняетъ свой характеръ и направленіе: вмѣсто сочувствія получается подражаніе. Сочувствіе убываетъ, а подражаніе прибываетъ до такой степени, что становятся возможны кровавыя драки и глубокая взаимная ненависть между представителями различныхъ отраслей раздѣленнаго общественнаго труда; становятся возможными такая замкнутость и отчужденность, что ремесленникъ для купца, рабочій для мастера, кузнецъ для сапожника и т. д. есть какъ бы совсѣмъ другой породы существо, относительно котораго позволительна всякая жестокость и неправда. Такимъ образомъ, хотя симпатія и подражаніе имѣютъ въ основаніи своемъ нѣчто общее, но совершенно разнятся по своему направленію. При этомъ подражаніе, будучи результатомъ однообразія впечатлѣній, наилучше питается общественнымъ строемъ съ рѣзко раздѣленнымъ трудомъ. Въ средніе вѣка этотъ эффектъ былъ особенно силенъ, благодаря полному отсутствію въ обществѣ элементовъ, такъ или иначе уравновѣшивающихъ невыгоды раздѣленія труда.

Ник. Михайловскій.

ПИСЬМА КЪ ТЁТЕНЬКѢ.

Письмо девятое и послѣднее.

Милая тётенька.

Весь вчерашній вечеръ я провелъ съ общимъ нашимъ другомъ, Глумовымъ.

Въ послѣднее время мы видѣлись очень рѣдко. Съ нимъ сдѣлалось что-то странное: не сказывается дома и самъ никуда не выходитъ, смотритъ угрюмо, молчитъ, не то что боится, а словно мѣста себѣ не находитъ. Нынче, впрочемъ, это явленіе довольно обыкновенное. На каждомъ шагу мы встрѣчаемъ людей, которыхъ всегда знали разговаривающими и которые вдругъ получили «молчальный даръ». Ходятъ вялые, унылые, словно необыкновенные сны на яву видятъ. И никому этихъ сновидѣній не повѣряютъ, а молчатъ, молчатъ, молчатъ.

Признаться сказать, мнѣ и самому улыбается молчаніе, и я давненько-таки не иначе представляю себѣ блаженство, какъ въ этой формѣ. Но все какъ-то не соберусь вкусить. Сидѣть въ своемъ углу и молчать, то есть нетолько не разглагольствовать (этого-то я, пожалуй, ужь давно достигъ), а совсѣмъ всякія слова и письмена позабыть — это такое тонкое наслажденіе, которое доступно лишь тому, кого продолжительная молчальная практика исподволь сдѣлала способнымъ вмѣстить его. Особенно хорошо молчать, когда и кругомъ все молчитъ, а еще лучше, когда всѣ попрятались по угламъ, такъ что даже испуганныхъ лицъ не видишь. Благочиніе-то какое! благоустройство! Да пора, наконецъ, и честь знать! Поволновались въ свое время, посуетились около «вопросовъ», посодѣйствовали—и будетъ. А впредь будемъ жить такъ, что хоть колъ на головѣ теши. Пускай нарождаются вопросы еврейскіе, кабацкіе, вопросы объ оздоровленіяхъ, искорененіяхъ и средостѣніяхъ—какое намъ дѣло! Пусть люди стонутъ, мучатся, ропщутъ на судьбу, кля-

нуть законы божескіе и человѣческіе—я забрался въ уголъ и молчу. Не потому молчу, что умудрился, а потому, что не могу отличить, бодрствую ли я или сплю.

Глумовъ забрался ко мнѣ спозаранку и прямо объявилъ, что «вопросовъ» тревожить не станетъ, обмѣномъ мыслей заниматься не намѣренъ, а только хочетъ на нѣсколько часовъ уйти отъ одиночества.

— Одичалъ, братъ, я, сказалъ онъ:—нѣкоторое время думалъ, что лучше и не надо. Однако, должно быть, еще не созрѣлъ. Молчалъ-молчалъ, да вдругъ сегодня испугался. Давича, началъ афишку читать — не понимаю, да и конецъ! Ну, нѣтъ, думаю, пойду хоть на лицо человѣческое погляжу. Ну, а тебѣ какъ живется?

— Что̀ мнѣ дѣлается! По обыкновенію, въ надеждѣ славы и добра...

— Вотъ и прекрасно. Такъ, значитъ, ты занимайся своимъ дѣломъ, а я буду смотрѣть на тебя и молчать.

Такъ мы и поступили. Онъ сѣлъ поодаль и замолчалъ, а я примостился къ письменному столу и началъ обдумывать предстоящее письмо къ вамъ. Тэма навертывалась несомнѣнно благодарная. Весна нынче раньше обыкновеннаго порадовала насъ; такъ вотъ поздравить васъ съ дорогой гостьей, да кстати ужь и воспѣть животворное дѣйствіе ея на обывательскій духъ. Хотѣлъ писать о томъ, какъ легко ходить по улицамъ въ холодномъ пальто, и какая чувствуется отрада при видѣ распустившихся передъ Маріинской больницей тополей; о томъ, что мы ѣдимъ ужь сморчки и щи изъ свѣжей крапивы, а недавно лакомились даже ботвиньей; о томъ, что думаемъ въ скорости перебраться на дачу, а тамъ пойдутъ ягоды, щи изъ свѣжей капусты, свѣжепросольные огурцы... Словомъ сказать, обо всемъ, чего такъ страстно, въ теченіи цѣлой зимы, жаждало наболѣвшее сердце. Весна—волшебница! восклицалъ я мысленно:—ты вливаешь жизнь въ одряхлѣвшія сердца! ты подаешь старцамъ силу и бодрость молодости! ты расцвѣчаешь улыбкой лица человѣконенавистниковъ! ты пробуждаешь пѣсню въ соловьѣ, поэтѣ и кузнечикѣ! Привѣтъ тебѣ, жизнодавица! привѣтъ, волшебница, безкорыстно сыплющая чары на пути своемъ! И да будетъ благословенно...

Но только-что я обмакнулъ въ чернила перо, чтобъ изобразить на бумагѣ весеннія волшебства, какъ Глумовъ словно отгадалъ мои намѣренія.

— Берегись! сказалъ онъ угрюмо:—пиши правду, а «сочинителей» и безъ тебя довольно!

Послѣдовало короткое объясненіе, но Глумовъ нетолько не отказался отъ своего предостереженія, а, напротивъ, даже присовокупилъ:

— Вотъ сморчки, щи изъ крапивы, огурцы — объ этомъ ты можешь писать, потому что это правда; что же касается до вливанія жизни въ сердца, то этого не существуетъ въ дѣйствительности, а стало быть и «сочинять» нѐзачѣмъ. Налжешь, введешь простодушныхъ въ заблужденіе — чтò хорошаго! А кромѣ того и самъ нечувствительно въ распутство впадешь. Сегодня ты только для краснаго словца «сочинишь», а завтра, пожалуй, скажешь: а чтò въ самомъ дѣлѣ! — а послѣ завтра и впрямь въ тебѣ сердце начнетъ играть!

Говоря по совѣсти, Глумовъ былъ правъ. Хотя «сочинительство» имѣетъ свою привлекательность (и читательская масса къ нему пристрастіе выказываетъ), но, въ сущности, это ремесло довольно безсовѣстное. Непремѣнно требуется лгать и притомъ такъ лгать, чтобы другіе приняли ложь за правду. Ежели это дѣлается «за лакомство», то ясно, что въ такомъ дѣйствіи участвуетъ прямая подлость; если же дѣлается невѣдомо зачѣмъ, только по глупости, такъ и тутъ хорошаго мало. Въ сущности, «сочинять» — все равно, что обѣденные спичи говорить. «Пью за процвѣтаніе!» предлагаетъ одинъ; «пью за преуспѣяніе!» вторитъ другой — а между тѣмъ, всѣ отлично знаютъ, что никто и ничто не преуспѣетъ и не процвѣтетъ. Не дай Богъ къ этому привыкнуть. Опасность тутъ очень серьёзная, ибо «сочинитель» солжетъ разъ, солжетъ другой, а потомъ и самъ своему лганью повѣритъ. И дойдетъ незамѣтнымъ образомъ до «Помоевъ».

Въ виду этихъ соображеній приходилось выбрать для письма тэму, хотя и не столь благодарную, но за то болѣе обстоятельную.

Однакожь, Глумовъ, очевидно, только похвастался, что намѣренъ молчать, потому что не успѣлъ я передумать сейчасъ изложенное, какъ онъ уже продолжалъ:

— А ты пиши такъ: никогда хуже не бывало!—вотъ это будетъ настоящая правда!

Меня даже передернуло при этихъ словахъ. Ахъ, тётенька! двадцать лѣтъ сряду только ихъ и слышишь! Только-что начнешь забываться подъ журчаніе мудрецовъ, только-что скажешь себѣ: чѣмъ же не жизнь!—и вдругъ, опять эти слова. И добро бы серьёзное содержаніе въ немъ вкладывалось: вотъ-молъ, потому-то и потому-то; съ одной стороны, съ точки зрѣнія экономической, съ другой — съ точки зрѣнія юридической; а вотъ-молъ и средства для исцѣленія отъ недуга... Такъ нѣтъ же! «не бывало хуже»—только и всего!

— А ты бы вспомнилъ, что слишкомъ двадцать лѣтъ эту фразу твердишь и все въ одной и той же редакціи! возразилъ я не безъ горечи.

— Потому и твержу, что двадцать лѣтъ сряду все «хуже никогда не бывало». Не успѣешь докончить восклицаніе — анъ опять приходится съизнова начинать. И сравнивать даже нѐзачѣмъ: не бывало хуже—вотъ и все. И прежде, и послѣ и теперь—всегда!

— Да ты хоть бы далъ себѣ трудъ объяснить, почему тебѣ такъ сдается?

— И объяснять не нужно, потому что само по себѣ ясно. И не «сдается» мнѣ совсѣмъ, а и кожей и внутренностями — всѣмъ чувствую... Понимаешь, всѣмъ естествомъ всегда на всякомъ мѣстѣ чувствую: хуже не бывало!

— И все-таки объясниться не лишнее, упорствовалъ я. — Вотъ ты говоришь: хуже не бывало!—а самъ, между тѣмъ, живешь да поживаешь! Это тебѣ замѣтить могутъ. Не даромъ съ Москвы благонамѣренные голоса несутся: зачѣмъ, молъ, цензура преграды «имъ» ставитъ! пускай на свободѣ объяснятся!

— А мы, дескать, послушаемъ, да и изловимъ... Прекрасно. Такъ что̀-жь, за объясненіемъ дѣло не станетъ. Крѣпостное право помнишь?—ну, такъ вотъ тамъ и ищи объясненія. Вѣчная барщина, вѣчная крѣпость, вѣчное ожиданіе мучительныхъ сюрпризовъ, отъ которыхъ освобождала только «красная шапка», да Сибирь. А люди все-таки жили. Въ каждомъ губернскомъ архивѣ ты найдешь безконечный мартирологъ, свидѣтельствующій о человѣческой живучести, а сколько отдѣльныхъ единицъ этого мартиролога замучено домашнимъ образомъ, сколько досталось въ жертву заплечному мастеру подъ наименованіемъ татей, душегубовъ, разбойниковъ? Ужели эти люди не имѣли права говорить: хуже не бывало? ужели они обязывались сравнивать, объяснять, почему они такъ говорятъ? Подумай! вѣдь новыя-то раны наводились по незажившимъ еще недавнимъ ранамъ — не естественно ли, при такомъ условіи, что сегодняшнія боли терзали больнѣе вчерашнихъ? Да, никогда не бывало хуже, никогда! только завтра, быть можетъ, хуже будетъ!

Глумовъ волновался и клокоталъ. Но продолжительная отвычка отъ словесныхъ упражненій уже сдѣлала свое дѣло, такъ что, произнеся свою, сравнительно короткую, тираду, онъ изнемогъ и замолчалъ. Что касается до меня, то хотя и мелькнула въ моей головѣ резонная мысль: а все-таки это только уподобленіе, а не объясненіе, тѣмъ не менѣе, я почему-то застыдился и догадки своей не высказалъ.

Я унесся воображеніемъ въ далекое прошлое и вспоминалъ. Въ самомъ дѣлѣ, голубушка, чего мы съ вами только не насмотрѣлись, чему не были свидѣтелями! Цѣлое организованное неистовство прошло передъ нами, цѣлая туча мрака, безъ просвѣта, безъ надеждъ. А мы прогуливались подъ сѣнью тѣнистыхъ древесъ, говорили о возвышающихъ душу обманахъ и и внимали пѣнію соловья! Какъ назвать насъ за это? Были ли мы развращены до мозга костей, или просто жили какъ во снѣ, ничего не понимая и ни въ чемъ не отдавая себѣ отчета? «Мы были молоды», скажете вы, но вѣдь это-то именно и страшно. Въ молодости человѣкъ болѣе чутокъ къ страданіямъ ближняго, молодое сердце легче раскрывается, молодая мысль быстрѣе усвоиваетъ внѣшнія впечатлѣнія. А насъ точно заколодило. Земля подъ нами разрывалась отъ стоновъ, а мы ходили точно по паркету; хлѣбъ, который мы ѣли, вопіялъ, а мы ѣли, да похваливали... Право, что-то проклятое было въ этой молодости; какъ будто она только затѣмъ и дана была, чтобы впослѣдствіи, черезъ десять лѣтъ, цѣлымъ порядкомъ фактовъ напомнить намъ о томъ, что̀ металось передъ нашими глазами и чего мы не видѣли, что̀ немолчно раздавалось у насъ въ ушахъ, и чего мы не слышали. Напомнить: вотъ, молъ, восчувствуйте!—и бросить намъ въ воздаяніе мучительную, наполненную фантомами прошлаго старость...

Самые лучшіе изъ насъ ограничивались тѣмъ, что умывали руки или роптали другъ другу на ухо; средніе—старались избѣгать «зрѣлищъ», чтобы не свидѣтельствовать объ нихъ; заурядные—нетолько не роптали и не избѣгали, но прямо, съ виртуозностью и злорадствомъ, окунались въ самый омутъ неистовствъ. И всѣ эти категоріи, вмѣстѣ взятыя, предстлвляли собой такъ называемое «молодое поколѣніе». И Глумовъ былъ тутъ, и онъ, наравнѣ съ другими, роптал, судачилъ и разсказывалъ паскудные анекдоты. И вотъ теперь, на старости, мы вдругъ стали припоминать, изумляться, страдать: ка̀къ дескать насъ не розорвало! Теперь, когда все для насъ кончено, когда ужь попы засматриваются на насъ, а гробовщики надоѣдаютъ прислугѣ вопросомъ: скоро ли «баринъ» умретъ? Теперь, въ виду готовой могилы, намъ приходится, какъ какимъ-нибудь Прошкамъ и Аксюткамъ дореформенныхъ временъ, вопіять: хуже не бывало!

Было хуже, милая тётенька, но мы тогда пальцемъ не шевельнули, шага не сдѣлали, чтобы выйти на борьбу съ этимъ худомъ. Мы думали, что Прошки да Аксютки такъ ловко вынесутъ это худое на плечахъ своихъ, что насъ и не задѣнетъ, а на повѣрку оказалось (на старости-то!), что и у насъ спина

изсѣчена! Повторяясь и не встрѣчая отпора, худое на старыя незажившія раны наводило новыя и новыя, и, наконецъ, довело организмъ до того, что всякій новый—даже сравнительно слабый—уколъ чувствуется мучительнѣе, нежели цѣлая свита жесточайшихъ изъязвленій прошлаго. Когда мы были сильны и молоды, мы горѣли возвышенными чувствами и упивались благородными идеями; но мы дѣлали это исключительно для собственнаго употребленія, забывая, что горѣніе и упоеніе необходимо обезпечить, если хочешь, чтобъ они не изгибли въ будущемъ безъ слѣда. А теперь, когда они изгибли, мы кричимъ крикомъ: нѣтъ возвышенныхъ чувствъ! исчезла изъ обихода благородная мысль! никогда не бывало хуже, никогда!

Васъ, быть можетъ, возмутятъ эти вопли; вы скажете: да это же, наконецъ, несправедливо! мы видѣли нетолько худшія, но и несомнѣнно жестокія времена—какимъ же образомъ утверждать, что можетъ существовать что-нибудь превосходящее жестокость видѣннаго и испытаннаго нами!—Да, милая тётенька, эти вопли дѣйствительно несправедливы, но тутъ совершается одна изъ тѣхъ фатальныхъ несправедливостей, отъ которыхъ никуда неуйдешь. Это та самая несправедливость, которая не обращаетъ вниманія на смягченіе и исчезновеніе отдѣльныхъ подробностей, а имѣетъ въ виду основы. Подъ игомъ мысли о непреоборимости этихъ «основъ», человѣкъ теряетъ способность сравнивать, взвѣшивать и оцѣнивать, и весь отдается охватившему его чувству несправедливости.

Возьмите для примѣра хоть слѣдующее. Прежде говаривали: «человѣкъ смертенъ двояко; во-первыхъ, по божескому произволенію, и, во-вторыхъ, по усмотрѣнію»; а нынѣ, къ послѣдней части этого положенія прибавляютъ: «по правиламъ о Макарѣ телятъ не гоняющемъ установленнымъ». Кажется, маленькая прибавка сдѣлана (многіе даже «упорядочненіемъ» ее называютъ, или «введеніемъ произвола въ рамки законности»), а какая въ ней чувствуется обида! Начать съ того, что прежнее положеніе о порядкѣ пристиженія смертью принадлежало къ области права обычнаго, а не писаннаго. Партикулярный человѣкъ слѣдовалъ ему, какъ прирожденной идеѣ. Нося эту идею въ своемъ сердцѣ вмѣстѣ съ прочими таковыми же, и безпрекословно признавая ея авторитетъ, онъ, однакожь, понималъ, что право быть смертнымъ «по усмотрѣнію» отнюдь не принадлежитъ къ числу такихъ, которыми можно было бы кичиться. И вдругъ ему нетолько во всеуслышаніе напоминаютъ, что онъ двояко смертенъ, но еще прибавляютъ, что по сему предмету существуютъ какія-то правила! Ужели это не обида!

Прежде хоть клейма-то на немъ не было, а отнынѣ стоитъ ему носъ показать наружу, чтобъ услышать: ахъ, да вѣдь это тотъ самый! А кромѣ того, и страхъ. Потому что, если разъ на бумажкѣ написано «смертенъ», такъ ужь прямо, значитъ, и заруби у себя на носу: теперь, братъ, ужь не пронесетъ!

Вотъ что значитъ по изъязвленному мѣсту новыя язвы наводить. Даже «упорядочить» ничего нельзя, потому что намѣренія самыя похвальныя, словно волшебствомъ, превращаются въ благосклонное ковыряніе незажившихъ ранъ.

— Самообольщеніе какое-то всѣхъ одолѣло, продолжалъ между тѣмъ Глумовъ:—все думается, какъ бы концы въ воду схоронить или дѣло кругомъ пальца обвести. А притомъ и распутство. Какъ змѣй проникаетъ оно въ общество и поражаетъ ядомъ неосторожныхъ. Малодушіе, предательство, хвастовство, всѣхъ сортовъ лганье... можетъ ли быть положеніе горше этого!

Онъ говорилъ съ разстановкою и притомъ такъ рѣшительно, какъ будто нетолько не ждалъ возраженій, но и не предполагалъ ихъ возможности. Эта увѣренность была до того тяжела, что я позабылъ мои недавнія размышленія и почти гнѣвно крикнулъ:

— Да не раздражай, говори, куда же дѣваться! вѣдь надо же существовать!

Но онъ, вмѣсто отвѣта, загадочно проворчалъ:

— Вотъ! оно самое и есть!

— Ну?

— Я, братъ, всю зиму, съ октября, вотъ какъ провелъ: въ оперѣ не былъ, Сару Бернаръ не видалъ, объ Сальвини только изъ афишекъ знаю. Сверхъ того: въ книжку не заглядывалъ, газетъ не читалъ... И, что̀ всего важнѣе, ни разу не ощутилъ, что чего-нибудь недостаетъ.

— Что̀ же ты дѣлалъ? лапу сосалъ?

— Жилъ. Вся зима, яко нощь едина, прошла. Только сегодня, ужь и самъ не знаю съ чего, опомнился. Всталъ утромъ, думаю: никакъ ужь ноябрь прикатилъ—глядь, анъ на дворѣ май. Ну, испугался.

— Да можетъ быть, ты напитки во множествѣ принималъ?

— Не особенно много. И пилъ и ѣлъ—обыкновенную препорцію. Кажется, даже размышлялъ. А ты... размышлялъ?

— Да тоже... какой, однакожь, у насъ разговоръ нелѣпый! Представь себѣ, если всѣ-то начнутъ такъ жить, какъ ты зиму прожилъ... хороша исторія будетъ?

— Нельзя *всѣмъ* такъ жить: загвоздка есть. Мужикъ, напримѣръ. Онъ, поди, пашетъ теперь, потомъ начнетъ сѣять, навозъ

возить, косить, опять пахать, снопы убирать, молотить, вѣять. А зима наступитъ, повезетъ навѣянное въ городъ продавать, станетъ подати платить, и, въ воздаяніе, будетъ набивать себѣ мамонъ толокномъ. Толокно—это главный государственный врагъ: онъ «баланецъ» портитъ! Подумай! сколько осталось бы къ вывозу, и какъ бы поднялся нашъ рубль, еслибъ мужикъ мамона не набивалъ! Ну, да ужь съ этимъ надо примириться: вѣдь и мужичка надо пожалѣть! Бдитъ, братецъ, онъ! а покуда онъ бдитъ, мы можемъ всяко жить: и такъ, какъ я зиму прожилъ, и въ вѣчной мелькательной суетѣ, какъ живетъ, напримѣръ, нашъ общій другъ, Грызуновъ.

— Только скажу тебѣ прямо: по твоему жить—значитъ, пропасть.

— То-то что для меня не ясно, какимъ путемъ удобнѣе пропасть, или, лучше сказать, какъ это устроить приличнѣе. Это-то я понимаю, что пропасть во всякомъ случаѣ не минешь, да сдается, что, по моему-то живя, пропалъ человѣкъ — только и всего, а по Грызуновски мелькая, пропасть-то пропалъ, да сколько еще предварительно начадилъ!.. Вотъ этого-то мнѣ и не хочется.

Глумовъ помолчалъ съ минуту и продолжалъ:

— Вопросъ о томъ, что лучше и цѣлесообразнѣе, скромное ли оцѣпенѣніе, или блудливая повадливость...

— Повадливость... да еще блудливая! не удержался я:—почему-жь непремѣнно блудливая?

— Дай срокъ, все въ своемъ мѣстѣ объясню. Такъ вотъ, говорю: вопросъ, которая манера лучше, выдвинулся не со вчерашняго дня. Всегда были теоретики и практики, и всегда шелъ между ними споръ, какъ пристойнѣе жизнь прожить: ничего не совершивъ, но въ тоже время удержавъ за собой право сказать: по крайней мѣрѣ, я навозной жижи не хлебнулъ! или же, погрузившись по уши въ золото, въ видѣ награды сознавать, что вотъ-молъ и я свою капельку въ сосудъ преуспѣянья пролилъ...

— Постой! ты сразу такъ уродливо ставишь вопросъ, что даже представить себѣ нельзя, къ какимъ выводамъ, кромѣ произвольныхъ, можно прійти при подобной постановкѣ. Ну, что же можетъ быть общаго между дѣятельнымъ участіемъ въ разрѣшеніи вопросовъ преуспѣянія и погруженіемъ въ золото?

— Фатумъ такой—только и всего. Вотъ это-то я и называю блудливостью; человѣкъ говоритъ о преуспѣяніи, а самъ лѣзетъ прямой дорогой въ навозъ: что-молъ, дѣлать! безъ компромиссовъ нельзя! Я ужь не говорю о тѣхъ практикахъ, которые погружаются въ навозъ, находя, что тамъ уютно и тепло, но есть практики честные, которые дѣйствительно приходятъ съ намѣ-

реніемъ сдѣлать нѣчто доброе... знаешь ли, какъ они о своей дѣятельности выражаются? Они говорятъ: дѣло въ преуспѣяніи, а не въ томъ, что къ намъ пристанетъ нечисть; мы иксы и игреки, которые обязываются внести свою лепту и исчезнуть— кому же какая надобность справляться, замараны они или не замараны? Оттого-молъ и запустѣніе у насъ идетъ, что люди, которые что-нибудь могутъ, предпочитаютъ въ свѣтозарныхъ одеждахъ ходить...

— Что-жь, мнѣ кажется, это разсужденіе вполнѣ правильное и честное!

— Я и не отрицаю; я только констатирую, что честные практики сами признаютъ, что на практической почвѣ не обойдешься безъ общенія съ нѐчистью. Да и не обойдешься. Практика, любезный другъ—это неволя, и притомъ самая горькая. Это не открытая арена, на которой человѣческая мысль чувствуетъ себя свободною, а загрубѣвшее и поросшее волчцами пространство, надъ которымъ властно тяготѣетъ насиліе и невѣжественность. Не съ тѣмъ туда приходятъ, чтобъ подчинить темныя силы завѣтной идеѣ, а съ тѣмъ, чтобы подчинить идею темнымъ силамъ и потомъ исподволь вызвать у послѣднихъ благосклонное согласіе хоть на какую-нибудь крохотную сдѣлку. Оказывается, значитъ, что идею-то принесли богатую и плодущую, а въ жизнь ее провели сплющенную, искалѣченную. Выторговали на грошъ, а поступились на милліонъ. И поступились не поверхностнымъ только образомъ, а цѣною утраты человѣческаго образа. Это до такой степени правда, что тѣ, которые поумнѣе, сунутъ носъ, да и драло. Да ты, братецъ, вспомни! Небось, и у тебя бывали въ прошломъ примѣры... Припомни-ка, да тогда и скажи, уродливо или неуродливо я поставилъ вопросъ о сліяніи практики съ нѐчистью.

Я началъ припоминать и припомнилъ. Дѣйствительно, что-то такое было. Помните, милая тётенька, мы въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, зазнали въ Москвѣ одного начинающаго публициста («другомъ Грановскаго» онъ себя называлъ)—какая это казалась милая, симпатичная личность! И мыслей благородныхъ прòпасть, и возвышенныхъ чувствъ черезъ край, и все это такимъ пріятнымъ слогомъ выражалось, что мы начитаться не могли. Вотъ онъ-то именно и говорилъ: чтò мы такое? Мы безвѣстныя величины, которыя всего меньше должны думать о себѣ и всего болѣе объ общемъ благѣ. И всѣхъ призывалъ къ служенію. Да! хорошее, доброе было это время!

И что же! не успѣли мы оглянуться, какъ онъ ужь окунулся, или виноватъ—пристроился. Сначала, примостился бочкòмъ, а

потомъ сѣлъ и поѣхалъ. А теперь и совсѣмъ въ развратъ впалъ, такъ что отъ прежней елейной симпатичности ничего, кромѣ греческихъ спряженій, и не осталось. Благородныя мысли потускнѣли, возвышенныя чувства потухли, а объ общемъ благѣ и рѣчи нѣтъ. И мыслитъ, и чувствуетъ, и пишетъ, точно весь свой вѣкъ въ Охотномъ ряду патокой съ имбиремъ торговалъ!

— Ты это объ комъ вспомнилъ? обезпокоился Глумовъ, проникая въ мою мысль.

Я назвалъ. Разумѣется, обинякомъ.

— Брось! разсердился онъ:—ишь вѣдь... не можетъ забыть!

— Охотно забуду, возразилъ я:—но вѣдь если мы подобныя личности въ сторонѣ оставимъ, то вопросъ-то, пожалуй, совсѣмъ иначе поставить придется. Если рѣчь идетъ только о практикахъ убѣжденныхъ, то они не претендуютъ ни на подачки въ настоящемъ, ни на чествованія въ будущемъ. Они заранѣе обрѣкаютъ свои имена на забвеніе и, считая себя простыми иксами и игреками, освобождаютъ себя отъ всякихъ заботъ относительно «замаранности», или «незамаранности». По моему, это своего рода самоотверженіе.

— А позволь узнать, какое такое общее благо эти иксы и игреки съ помощью своего самоотверженія получили?

— Какъ какое? вспыхнулъ я: — а упраздненное крѣпостное право? а гласный судъ?

Глумовъ окончательно разсердился.

— Ну, давай говорить. Отвѣчай: былъ ты въ числѣ сочувствователей и распространителей идеи объ упраздненіи крѣпостного права?

— Былъ.

— И тебя не травили за это?

— Травили.

— Сочувствовалъ ты идеѣ гласнаго судопроизводства?

— Сочувствовалъ.

— Травили тебя за это?

— Травили.

— А вотъ князь Букиазбà искони былъ завѣдомымъ крѣпостникомъ, а его нетолько не травили, но преблагополучно пристроили къ крестьянской реформѣ. Графъ Твердоонтò былъ явнымъ ненавистникомъ гласнаго суда, и чуть было этотъ судъ совсѣмъ не слопалъ.

— Что-жь изъ этого! и крестьянская реформа, и гласный судъ все-таки остались!

— Это, любезный другъ, ужь сама жизнь оставила, а практика-то только того добилась, что ненавистниковъ пристроила,

а сочувствователей всѣхъ поголовно перетравила. Сами практиканты, которые на своихъ плечахъ эти вопросы вынесли, развѣ они не разбѣжались всѣ?

— И все-таки повторяю: не въ томъ важность, кто остался и кто исчезъ, а въ томъ, что самое дѣло осталось.

— А ты думаешь, что оно такъ-таки въ цѣлости и осталось? Въ такомъ ли видѣ, напримѣръ, ты его провидѣлъ и ожидалъ? не потщились ли Букиазба̀ и Твердоонто̀ вынуть изъ него сердцевину, или, по крайней мѣрѣ, настолько ее атрофировать, чтобы можно было орудовать на всей своей волѣ? Нѣтъ, любезный другъ, на практикантовъ надежда плоха. Родители-то наши полтораста лѣтъ сряду только и дѣлали, что узелки на память завязывали. Завязали, ничѣмъ не обезпечили да и бросили: пускай-молъ благодарные потомки какъ знаютъ, такъ и развязываютъ. А мы эти узелки бережемъ, величіе и основу въ нихъ видимъ. И никакіе самые ловкіе практики не заставятъ насъ сказать имъ: развязывайте, господа! да поможетъ вамъ Богъ! Шу̀тите, господа! пусть лучше совсѣмъ затянется узелъ, чѣмъ какихъ-то профановъ къ нему допустить! И если въ этомъ случаѣ ты надѣешься на ловкость практиковъ, то, значитъ, ты очень наивенъ—и больше ничего.

— Ни на что я не надѣюсь, а знаю только, что такъ жить, чтобы цѣлая зима показалась яко нощь едина, совсѣмъ несвойственно.

— Это я и самъ знаю, да какъ же быть? Вотъ мужикъ—тотъ всегда ро̀вно живетъ, а мы...

Онъ не докончилъ, и совершенно неожиданно обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— Ты съ тѐткой-то продолжаешь переписываться?

— Продолжаю.

— А она отвѣчаетъ тебѣ когда-нибудь?

— Рѣдко и несложно. «Цѣлую тебя несчетно» — только и всего.

— Ну, такъ вотъ что̀. Напиши ты ей, что очень ужь она повадлива стала. Либеральничаетъ, а между тѣмъ съ Пафнутьевымъ шепчется, «Помои» почитываетъ. Можетъ быть, благодаря этой повадливости и развелось у насъ такое множество гаду, что шагу ступить нельзя, чтобъ онъ не облепилъ тебя со всѣхъ сторонъ.

Сказалъ и ушелъ.

Замѣчаніе Глумова на вашъ счетъ застало меня нѣсколько врасплохъ.

Неужели, милая тётенька, вы и въ самомъ дѣлѣ повадливы? Право, до сихъ поръ и въ голову мнѣ этотъ вопросъ не приходилъ.

Повадливость бываетъ двоякаго рода: преднамѣренная и легкомысленная. Въ которой изъ двухъ вы оказываетесь повинною?

Преднамѣренная повадливость свойственна тѣмъ практикантамъ, которые, какъ выразился объ нихъ Глумовъ, надѣются пролить свою капельку въ сосудъ преуспѣянья. По мнѣнію Глумова, подобная повадливость нерѣдко граничитъ съ вѣроломствомъ и предательствомъ, и почти всегда оканчивается урѣзками въ первоначальныхъ убѣжденіяхъ и уступкой такихъ основныхъ пунктовъ, отсутствіе которыхъ самую благонамѣренную практику сводитъ къ нулю. Или, говоря другими словами, полнаго вѣроломства нѣтъ, но полувѣроломство ужь чувствуется.

Въ повадливости этой категоріи я, конечно, не рѣшусь васъ укорить. Вы милая—это рѣшено и подписано. Нетолько о вѣроломствѣ, но и о практикѣ вы имѣете лишь смутное понятіе. Что̀ такое «сосудъ преуспѣянья»? Зачѣмъ онъ и кому нуженъ? какіе такіе бываютъ вклады, лепты и проч.? Какимъ путемъ и что̀ ими достигается?—всѣ эти вопросы дошли до васъ въ видѣ отдаленнаго гула, изъ третьихъ-четвертыхъ рукъ, и притомъ въ самомъ недостовѣрномъ видѣ. Да и не нужно вамъ совсѣмъ объ нихъ знать, потому что вы призваны не для того, чтобы приводить въ дѣйствіе практику, а для того, чтобы служить для нея мишенью. Ради васъ поступаются люди убѣжденіями, ради васъ вѣроломствуютъ. А вы, голубушка, только вздрагиваете и спрашиваете себя: на чемъ же, однако, они покончатъ? Къ какому придутъ относительно меня соглашенію?

Еслибы вы даже хотѣли быть вѣроломною, то васъ не допустятъ до этого. Право на практику и соединенное съ нею вѣроломство (полное или неполное) есть своего рода привилегія, къ обладанію которой допускаются лишь избранники. Ваша же привиллегія «совсѣмъ другого сорта», и заключается въ претерпѣніи. Избранники выполняютъ свое назначеніе: устраиваютъ компромиссы, входятъ въ соглашенія, заключаютъ союзы, а вы несете на себѣ послѣдствія этой дѣятельности и не возражаете. Что подобное положеніе не можетъ быть названо лестнымъ—съ этимъ я готовъ согласиться, но чтобы слѣдовало сокрушаться по этому поводу—этого не скажу. Думаю даже, что подвергаться практикѣ все-таки пристойнѣе, нежели практиковать самому.

Тѣмъ не менѣе, подобныя сокрушенія слышатся нынче довольно часто. Надоѣло сознавать себя пятымъ колесомъ въ колесницѣ. Да, пожалуй, даже не колесомъ, а вольнымъ шляхомъ,

по которому колесница катается себѣ, да катается взадъ и впередъ. Мало привлекательнаго въ этомъ сознаніи — это такъ; но все-таки на случай если васъ черезчуръ пристигнетъ чувство обиды, совѣтую вамъ спросить себя: хотѣли ли бы вы быть однимъ изъ четырехъ колесъ этой катающейся колесницы? Увѣряю васъ, что не успѣете вы формулировать вашъ вопросъ, какъ всю вашу обиду какъ рукой сниметъ.

Роль, на которую мы съ вами осуждены, совсѣмъ простая. Намъ предоставлено жить безъ заботъ о себѣ. Истуканы такъ живутъ. Ихъ украшаютъ сусальнымъ золотомъ, ихъ размалевываютъ и даже проводятъ по нимъ рѣзцомъ штрихи съ цѣлью сообщить чертамъ согласное съ обстоятельствами выраженіе, а они молчатъ да молчатъ. Бываютъ между ними такіе, которые находятъ, что все-таки лучше быть истуканомъ, нежели рѣзцомъ, но бываютъ и такіе, которые думаютъ: вотъ когда меня окончательно размалюютъ — то-то заглядываться на меня станутъ! Но, по моему мнѣнію, это ужь гордость.

И такъ, въ преднамѣренной повадливости я обвинять васъ не имѣю основанія. Но существуетъ повадливость легкомысленная, сущность которой заключается не столько въ дѣятельномъ распутствѣ, сколько въ его укрывательствѣ и попустительствѣ. Нѣтъ явнаго сочувствія—скорѣе я допущу даже стыдливость—но есть нравственная неустойчивость, которая вноситъ въ отношенія къ жизненнымъ явленіямъ элементъ дряблости и недомыслія. Вотъ въ этой-то повадливости не повинны ли вы, милая тётенька? Сдается мнѣ, какъ-будто нѣчто въ этомъ родѣ сквозитъ...

Условій, которыя благопріятствовали и благопріятствуютъ развитію въ насъ легкомысленной повадливости, существуетъ кругомъ очень достаточно.

Припомню въ нѣсколькихъ чертахъ наше воспитаніе. Хотя въ смыслѣ буквальной правды и нельзя сказать, что мы съ вами получили образованіе на мѣдныя деньги, однако, въ смыслѣ правды внутренней, именно только такое опредѣленіе и можно назвать выражающимъ дѣйствительную суть дѣла. Денегъ на наше образованіе швырялось съ три пропасти, но знаній на эти деньги пріобрѣталось на грошъ. Люди, которые занимались швырянiемъ денегъ, не имѣли понятія ни о томъ, что̀ такое знаніе, ни о томъ, для чего оно нужно. Вся человѣческая жизнь пріурочивалась къ цѣлямъ, совершенно постороннимъ знанію, послѣднее же пристегивалось къ нимъ, какъ составная часть обязательной привилегіи. Конечно, мы уже не застали образовательной обстановки Простаковскихъ временъ и только по устнымъ разсказамъ (впрочемъ, отъ очевидцевъ) намъ сдѣлались извѣстны

такія личности, какъ г-жа Простакова, Тарасъ Скотининъ и проч., однакожь, Митрофанушку и теперь нельзя назвать анахронизмомъ. Вѣдь и на него не жалѣли денегъ, и у него цѣлыхъ три наставника было, а сверхъ того, была Еремеевна, на которой лежало общее руководительство. Точно тоже повторилось и съ нами. Для насъ нанимали цѣлую уйму Вральмановъ, Цыфиркиныхъ, Кутейкиныхъ (конечно, нѣсколько усовершенствованныхъ), а общее руководительство, вмѣсто Еремеевны, возлагали на холопа высшей школы. Вральманы пичкали насъ коротенькими знаніями (былъ одинъ годъ, напримѣръ, когда я *одновременно обучался* одиннадцати «наукамъ» и въ томъ числѣ «Пепину свинству», о которомъ недавно вамъ писалъ), а холопъ высшей школы внушалъ, что цѣль знанія есть исполненіе начальственныхъ предначертаній.

Свѣдѣнія доходили до насъ коротенькія, безсвязныя, почти безсмысленныя. Они не анализировались, а механически зазубривались, такъ что будущая ихъ судьба вполнѣ зависѣла отъ богатства или бѣдности памяти учащагося. Ни о какомъ фондѣ, могущемъ послужить отправнымъ пунктомъ для будущаго, и рѣчи быть не могло. Повторяю: это было не знаніе, а составная часть привилегіи, которая проводила въ жизни рѣзкую черту; *надъ* чертою значились мы съ вами, люди досужіе, правящіе; *подъ* чертою стояло одно только слово: мужикъ. Вотъ, чтобъ не очутиться на одномъ уровнѣ съ мужикомъ, и нужно было знать, что Парижъ стоитъ на рѣкѣ Сенѣ, и что Каллигула однажды велѣлъ привести въ сенатъ своего коня.

Мужикъ! вѣдь это что-то до того позорное, что достаточно одного сравненія съ нимъ, чтобы заставить правящаго младенца сгорѣть со стыда. Что̀ локти на столъ положилъ—точно мужикъ! что̀ въ носу ковыряешь — точно мужикъ! смотри, какой кусокъ въ ротъ запихалъ — точно мужикъ! Такъ и гвоздили со всѣхъ сторонъ И что̀ всего замѣчательнѣе: усерднѣе всѣхъ въ этомъ смыслѣ гвоздила Еремеевна. Ахъ, эти холопы! на какой бы служебной ступени они ни были поставлены, есть что-то горькое и слѣпое въ ихъ судьбѣ! Вѣчно пресмыкаться и вѣчно же видѣть въ этомъ пресмыканіи нѣчто неизбѣжное, почти заслуженное!

Съ такимъ запасомъ знанія, школа ежегодно выбрасывала изъ своихъ нѣдръ тысячи юношей. Снабженные патентами, эти правящіе юнцы переходили изъ малой казны въ большую казну. Полученное скудное знаніе только въ рѣдкихъ случаяхъ давало позывъ къ дальнѣйшему самообразованію, въ громадномъ же большинствѣ пробуждало лишь стремленіе какъ можно скорѣе и полнѣе воспользоваться добытою привилегіей. Слава Богу,

«не мужикъ» — и будетъ съ насъ. Одной этой заслуги было вполнѣ достаточно, чтобы признать человѣка способнымъ и достойнымъ. Всѣ дороги открывались передъ нимъ, дороги, уснащенныя разнообразнѣйшими видами правъ, привилегій, лакомствъ и наградъ. Понятно, какое несмѣтное воинство шалопаевъ должно было оказаться въ результатѣ этой изумительной воспитательной муштровки, счастливо сочетавшей невѣжественность съ системой поощреній и премій за оную.

Я не говорю, чтобъ эти шалопаи были сплошь злые или порочные люди; я думаю даже, что, при легкомысліи тогдашняго воспитанія, самое шалопайство не могло получить вполнѣ злостнаго характера. И знаю многихъ, которые, съ теченіемъ времени, опомнились. Но когда опомнились?—тогда, милая тётенька, когда старые корабли уже были сожжены, когда уйти назадъ въ прошлое было нельзя, а идти впередъ значило погрузиться въ тотъ омутъ, въ которомъ кишатъ расхитители, клеветники, сыщики и тѣ неслыханные «публицисты», чудовищная помѣсь Мессалины и Марата, съумѣвшіе соединить въ своемъ ремеслѣ распутство первой и человѣконенавистничество послѣдняго. Картина этой бѣсовской вакханаліи до такой степени испугала ихъ, что они оказались болѣе чистоплотными, нежели можно было ожидать.

Но могутъ ли эти опомнившіеся предпринять какую-нибудь борьбу? да и нетолько они, но даже и тѣ «лучшіе», которые, переступивъ черезъ школьный порогъ, сразу признали шалопайство шалопайствомъ? Къ сожалѣнію, на эти вопросы приходится отвѣчать отрицательно. И у тѣхъ, и у другихъ багажъ до того легокъ, что невольно приходитъ на мысль, дѣйствительный ли это багажъ, или только примѣрный, принесенный съ цѣлью хоть что-нибудь держать въ рукахъ. Вмѣсто знанія—сѣтованія на недостаточность ихъ, вмѣсто силъ—жалобы на безсиліе. Я согласенъ, что все это очень опрятно, трогательно и даже трагично, но съ чѣмъ же тутъ орудовать?

Но этого мало. Я утверждаю, что только дѣйствительное знаніе, дѣйствительный трудъ могутъ вполнѣ истребить ту вредную закваску легкомыслія, которую привела за собой безазбучно-взлелѣянная молодость. Только они могутъ заставить забыть тѣ омерзительные вкусы, тѣ пошлыя привычки, которыя накоплены годами привилегированнаго досужества. При отсутствіи труда и знанія, никакія благородства не устоятъ, никакія раскаянія не помогутъ. Чувство самое искреннее не помѣшаетъ пробужденію повадливости, которая на всѣ намѣренія и стремленія набросить покровъ неспособности и безсилія.

Недостатокъ знанія восполнялся въ нашемъ воспитаніи эстетикой, но и эстетика эта была совершенно особенная. Безсодержательная, болтливая, съ наклонностью къ округленію періодовъ и далеко нечуждая представленія о бездѣлицѣ. Въ основѣ лежала ежели не прямо чувственность, то скоропроходящая, мало задерживающая, почти болѣзненная впечатлительность.

Эта впечатлительность надѣлала намъ прòпасть вреда; она бросала насъ изъ стороны въ сторону, и, по временамъ, приводила туда, гдѣ намъ совсѣмъ не слѣдовало быть. Вспомните наши старыя «связи» — какой разнообразнѣйшій калейдоскопъ онѣ представляли! Это была какая-то неслыханная окрошка, въ которую входили обрывки и отброски всевозможныхъ міросозерцаній. И мы нетолько не формализировались уродливостью сочетаній, но были совершенно серьёзно убѣждены, что иначе и прожить нельзя. Была цѣлая самостоятельная наука «о поддерживаніи связей», наука, прямо вытекавшая изъ общаго повѣтрія повадливости, которое мѣшало намъ обособиться и сосредоточиться въ самихъ себѣ. Эта наука была въ свое время настолько же обязательна, какъ и та, которая учила, что высшій признакъ благовоспитанности заключается въ устраненіи всякаго повода для сравненія съ «мужикомъ».

«Надо поддерживать связи»! восклицили мы вмѣстѣ съ Грызуновымъ, а Грызуновъ и теперь — стòитъ только въ окно посмотрѣть—мечется, какъ угорѣлый, изъ дома въ домъ, и одну только мысль въ головѣ держитъ: надо поддерживать связи! надо!

И когда разсудокъ вступилъ, наконецъ, въ свои права, когда онъ, съ помощью цѣлаго ряда горькихъ искусовъ, доказалъ, что дружить направо и налѣво нельзя, а въ особенности, когда сдѣлалось вполнѣ яснымъ, что торжествующая дѣйствительность окончательно опаскудилась—тогда мы застыдились, и предпочли остаться въ рядахъ дѣйствительности *не*торжествующей. Но много ли можно насчитать такихъ, которые при этомъ во истину свергли съ себя ветхаго человѣка? много ли такихъ, въ которыхъ воспоминанія о «связяхъ» прошлаго не пробуждаютъ подавленнаго вздоха? Говоря по совѣсти, подобные субъекты составляютъ рѣдкое, почти незамѣтное исключеніе, и я боюсь, милая тётенька, что и ваша жизнь, наравнѣ съ жизнью опомнившагося большинства, распалась на двѣ половины, изъ которыхъ въ одной предъявляютъ свои права справедливость и стыдъ, а въ другой все еще чувствуется позывъ къ шалостямъ (не рѣшаюсь употребить болѣе рѣзкое выраженіе) прошлаго.

Да, этотъ внутренній разладъ несомнѣнно существуетъ. Ша-

лости прошлаго въѣдчивы; однажды войдя въ плоть и кровь человѣка, онѣ извлекаются оттуда тѣмъ съ большимъ трудомъ, что въ общепринятой номенклатурѣ носятъ наименованіе шалостей, а не преступленій. Когда передъ глазами совершается грандіозное хищничество, предательство или вѣроломство, то весьма естественно, что такого рода картина возбуждаетъ въ насъ негодованіе; но когда передъ нами происходитъ простая «шалость»—помилуйте, стóитъ ли изъ-за пустяковъ бурю въ стаканѣ воды поднимать! Шалость, въ понятіяхъ большинства, есть нѣчто граціозное, симпатичное; шалость! — да вѣдь это почти терпимость! Вотъ угрюмость, несообщительность, изолированность — это другое дѣло. Это качества, которыя, по общепризнанному шаблону, предполагаютъ безпощадный фанатизмъ, говорятъ воображенію о гоненіяхъ, пыткахъ, кострахъ. Угрюмый человѣкъ есть бичъ, отъ котораго нечего ждать, кромѣ ранъ и скорпіоновъ, это язва, отъ которой слѣдуетъ бѣжать. Ненужно предательства, но ненужно и угрюмости. Шаловливый человѣкъ—вотъ истинный «средній человѣкъ», съ которымъ въ одну минуту на счетъ чего угодно сговориться можно!

Всѣ истинно-государственные люди были слегка шалунами. Гамбетта—шалунъ, Бисмаркъ—шалунъ. Всѣ рейхсъ и ландстаги, всѣ парламенты наполнены людьми, которые спятъ и видятъ, какъ бы пошалить. Отчего же не пошалить и намъ съ вами?

Что вы охотно шалите, голубушка—это ни для кого не тайна, хотя вы скрываете ваши шалости и упорно не сознаетесь въ нихъ. Однакожъ, обличить васъ положительно не трудно.

Пишете вы, напримѣръ, мнѣ, что совсѣмъ порвали связь съ Пафнутьевымъ, а объ Мартынѣ Задекѣ будто бы и не слыхивали, а между тѣмъ мнѣ достовѣрно извѣстно, что потихоньку вы имъ обоимъ назначаете тайныя свиданія въ рощицѣ, и что при этомъ нерѣдко присутствуетъ и Иванъ Непомнящій. Съ вашей стороны, это, конечно, только шалость, а Пафнутьевъ пользуется этимъ и распускаетъ слухи, что, въ сущности, тётенька симпатизируетъ ему, и только потому облекаетъ свои симпатіи тайною, что боится, чтобъ не пронюхали о вашихъ свиданіяхъ потрясатели основъ и подрыватели авторитетовъ.

Или еще. Вы пишете: за кого ты меня принимаешь, чтобъ я стала «Помои» читать! — а между тѣмъ, мнѣ достовѣрно извѣстно, что хоть однимъ глазкомъ, а все-таки вы посматриваете въ нихъ. Ахъ, милая! видно, паскудство еще долго не перестанетъ быть соблазнительнымъ! Все думается: вотъ сейчасъ сядетъ Ноздревъ на полъ и начнетъ проходящихъ женщинъ за подолы ловить! или: выйдетъ впередъ Расплюевъ, съ распухлой

и распутной физіономіей, и начнетъ разсказывать, какая вчера «игра была». Ну, не умора ли! и какъ хоть глазкомъ на эту умору не посмотрѣть? А Ноздревъ съ Расплюевымъ пользуются этимъ и говорятъ: тётенька-то хоть и отрекается отъ насъ, а все-таки свои пятаки намъ отдаетъ!

Вотъ, милая, какія послѣдствія имѣетъ шаловливость. Я только два примѣра привелъ, а если захотѣть, какое множество другихъ, еще болѣе яркихъ, можно подыскать?

Хвалить васъ за эту повадливость, конечно, нельзя, но слѣдуетъ ли считать уменьшающимъ вину обстоятельствомъ ту тайну, въ которую вы облекаете ваши шалости?

Я полагаю, что слѣдуетъ. Стыдливость, хоть и колеблющаяся, все-таки представляетъ послугу, которую, по всей справедливости, необходимо зачесть. Она подаетъ надежду, что еще одинъ шагъ въ этомъ направленіи, еще одно усиліе, и...

Сдѣлайте, милая тётенька, это усиліе! Не ходите въ рощу на свиданіе съ Пафнутьевымъ, не перешептывайтесь съ Мартыномъ Задекою, и не заглядывайтесь на публицистовъ, которые, только по упущенію, отвлеклись отъ прямого своего назначенія: выкрикивать въ Охотномъ ряду патоку съ имбиремъ!

Это мой послѣдній совѣтъ вамъ.

И самъ я до смерти усталъ, да и вамъ безконечно надоѣлъ. И «повтореніями», и «блудливымъ запугиваніемъ», и «отрицаніемъ принципа нравственности».

Всѣми этими замѣчаніями почтила меня «критика». А мы-то думали, что «критика» у насъ пропала, а осталось только шалопайское подлавливанье словечекъ и фразъ, съ уснащеніемъ восклицательными и вопросительными знаками.

Что-жь! эти приговоры ни мало не удивляютъ меня. Тѣмъ, которые позабыли о существованіи благородныхъ мыслей, кажется диковиннымъ и дерзкимъ напоминаніемъ объ нихъ. Слышите! о благородныхъ мысляхъ печалится! Слышите! говоритъ, что жизнь тяжела! восклицаютъ пѣвцы патоки съ имбиремъ, и такъ какъ у нихъ нѣтъ въ запасѣ ни доказательствъ, ни опроверженій, то естественно, что критика ихъ завершается восклицаніемъ: можно ли идти дальше этихъ геркулесовыхъ столповъ кощунства и дерзости!

Само собой разумѣется, что это совсѣмъ особаго рода «критики», которые не могутъ заставить ни остановиться, ни отступить. Попрежнему, покуда хватитъ силъ, я буду повторять и напоминать, попрежнему, буду считать это дѣломъ совѣсти и

нравственнымъ обязательствомъ. Но не могу скрыть отъ васъ, что служба эта очень тяжелая.

Всего тяжелѣе дѣйствуетъ въ этомъ случаѣ ваша повадливость. Тянетъ васъ, голубушка, и къ клеветѣ, и къ скандалу и къ этимъ пахучимъ издѣвкамъ, которыя у насъ носятъ названіе «критики» и «полемики». И хоть я убѣжденъ вполнѣ, что вы отлично сознаете, что тутъ, кромѣ гноя, ничего нѣтъ, но, къ сожалѣнію, существуетъ какой-то гвоздь, который мѣшаетъ вамъ преодолѣть вашу исконную шаловливость. А апологисты Охотнорядскихъ Маратовъ, благодаря вашей неосмотрительности, процвѣтаютъ себѣ, да процвѣтаютъ подъ флагомъ благонамѣренности.

Подумайте объ этомъ, благо на дворѣ лѣто, а вмѣстѣ съ тѣмъ наступаетъ и пора отдохновенія (для другихъ, лѣто—синонимъ страды, а для насъ съ вами—отдыха). Углубитесь въ себя, сберитесь съ мыслями, да и порѣшите разъ навсегда съ вопросомъ о шалостяхъ.

Скажите себѣ: попробую-ка я хоть на время позабыть о пропагандѣ сыска, клеветы и человѣканенавистничества... Да не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, и позабудьте. Увидите, что польза будетъ несомнѣнная, да и сами вы почувствуете себя лучше, спокойнѣе духомъ, здоровѣе.

Сперва, вы забудете на время, а потомъ, помаленьку да полегоньку, и совсѣмъ потеряете вкусъ къ паскудству.

Я твердо убѣжденъ, что въ дѣлахъ современности отъ васъ зависитъ многое, почти все. И даже не отъ дѣятельнаго участія вашего въ жизненномъ круговоротѣ, а просто отъ характера вашихъ отношеній къ жизненнымъ явленіямъ. Повидимому, вы даже не подозрѣваете, что вы — сила, а между тѣмъ, нѣтъ истины безспорнѣе этой. Сознайте же свою силу, но не для того, чтобъ безразлично посылать поцѣлуи правдѣ и неправдѣ, а для того, чтобъ дать нравственную поддержку добросовѣстному и честному убѣжденію. Право, безъ этой поддержки невозможно сдѣлать что-нибудь прочное.

Идея прогресса проявляется въ обществѣ въ двухъ формахъ. Одна изъ нихъ—крайняя и жестокая, другая—чуждая насильственности и глубоко преданная интересамъ общественнаго роста и общественной самодѣятельности. Тактика негодниковъ, прикрывающихъ себя именемъ консерваторовъ, въ томъ именно и состоитъ, чтобы смѣшать обѣ формы и заодно завинить ихъ. Но это безсовѣстная передержка — и ничего больше. Я знаю, впрочемъ, что вы и сами это понимаете, но именно поэтому-то и представляется страннымъ, что вы какъ-то через-

чуръ ужъ робко выражаете ваше сочувствіе прогрессу. Будьте же поживѣе, милая! потормошите себя нѣсколько больше противъ обыкновеннаго! Подумайте: вѣдь тутъ идетъ дѣло по преимуществу объ васъ самихъ.

Быть можетъ, тонъ настоящаго, *послѣдняго* моего къ вамъ письма, до извѣстной степени, изумитъ васъ. Сравнивая его съ первымъ, написаннымъ почти годъ тому назадъ, вы не безъ основанія найдете, что тётинькино обличье, съ теченіемъ времени, нѣсколько видоизмѣнилось. Началъ я съ безусловныхъ любезностей, а кончилъ чуть не нравоученіемъ...

Да, это такъ: не могу я похвалиться выдержкою. По мѣрѣ того, какъ намѣченная задача развивается передо мной, она настолько проникаетъ меня, что требованія мои къ ней постоянно ростутъ и ростутъ. Но такъ какъ одновременно съ этимъ растетъ и самая задача, то я полагаю, что худого въ этомъ нѣтъ. Именно это самое случилось и по вашему поводу. Въ теченіи года, *въ моемъ мнѣніи*, вы настолько выросли, что первоначальные пріемы родственной любезности представляются мнѣ уже недостаточными. Нужно ли прибавлять, что отъ этого вы нетолько не подурнѣли на мой взглядъ, но даже похорошѣли.

Затѣмъ, передайте мой сердечной привѣтъ вашимъ домочадцамъ, и прощайте. Sapienti sat.

Не знаете ли вы, милая тётенька, что означаетъ «sapienti sat»?

Н. Щедринъ.

Май 1882 г.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ЕВРЕЙСКІЙ ВОПРОСЪ ВЪ РОССІИ.

Странное время привелось переживать намъ съ нѣкоторыхъ поръ. Не то мы присутствуемъ при повтореніи древней легенды о смѣшеніи языковъ при столпотвореніи вавилонскомъ, когда люди перестали понимать другъ друга и внезапно стали употреблять слова и выраженія, взаимно непонятныя; не то однако передъ нами просто костюмированный балъ, гдѣ одни, что похитрѣе, носятъ къ тому же и маски, а другіе, что попроще, довольствуются смазными сапогами, полагая въ своей невинности, что въ этомъ «національномъ» нарядѣ они стали неузнаваемы... Но если люди остались, конечно, вполнѣ узнаваемыми, если вороны остались воронами, а павы—павами, то все же эта интеллектуальная сумятица успѣла въ значительной степени стасовать нетолько нашъ лексиконъ, но отчасти и самыя понятія. То, что было для всякаго ясно и вполнѣ опредѣленно, стало не то, чтобы совсѣмъ непонятнымъ, но понятнымъ въ столь различныхъ смыслахъ и даже безсмысліяхъ, что безъ комментарій и спеціальныхъ опредѣленій не можетъ болѣе употребляться. Народность, народъ, народная политика, національность—развѣ теперь это представляется понятіями, всѣми одинаково понимаемыми? Эксплуатація, кулачество, община и пр., тоже подверглись возможному затемненію, такъ же какъ самоуправленіе, свобода, либерализмъ и т. д. Кажется, будто бы плоды интеллектуальнаго развитія четверти столѣтія сразу потеряны и Сизифъ долженъ сначала передѣлывать свою неблагодарную и постылую работу закладомъ перваго камня. Конечно, это не вполнѣ такъ, а безотрадное впечатлѣніе вавилонскаго смѣшенія языковъ на костюмированномъ балу, «изъ патріотизма» освѣщаемомъ «народною» лучиною (не очень яркое освѣщеніе!), происходитъ отчасти потому, что вздумали заговорить тѣ, для коихъ русскій Сизифъ никогда своего краеугольнаго камня образованности и не закладывалъ. Но если полное смѣшеніе языковъ и есть миражъ, производимый мелька-

ніемъ на первомъ планѣ глашатаевъ, не вѣдающихъ, что глашаютъ, то все же несомнѣнно эти возгласы не остаются безслѣдными и вносятъ въ нашу общественную и даже интеллектуальную жизнь сумбуръ, который на легко разсѣять уже потому, что, какъ всякій сумбуръ, онъ безформенъ и въ цѣломъ критикѣ подвергнуть быть не можетъ... Покуда же критика по частямъ и по мелочи выметаетъ этотъ соръ, его глашатаи наполняютъ своими криками отечество, а дарованное имъ право громкаго разговора даетъ имъ возможность эти вопли и возгласы выдавать за истинныя мнѣнія и пожеланія отечества. Такъ ли это? Болѣе чѣмъ сомнительно. Отечество, конечно, не переродилось съ того дня, какъ господа глашатаи пріобрѣли право громкаго разговора и воспользовались имъ для вавилонскаго смѣшенія понятій, для подмѣны идеаловъ и знаменъ, для замѣны лучиною газоваго освѣщенія... Кромѣ лучины и газа, есть надъ землею еще и солнце, а закатывается оно лишь на срокъ. Пусть нынѣ глашатаи тщатся загасить всякій источникъ свѣта, кромѣ дымной лучины, но солнца, когда наступитъ его восходъ, имъ не остановить и не загасить. Правда, «покуда солнце взойдетъ, роса очи выѣстъ», говоритъ малорусская пословица, но еслибы даже и сбылось это зловѣщее народное предсказаніе, и ослѣпшее поколѣніе не узрѣло бы солнечнаго восхода, народятся новыя поколѣнія, болѣе счастливыя, а до тѣхъ поръ будемъ хоть стеариновыми свѣчами освѣщать закоулки маскараднаго зала, разрывая и, по возможности, выметая кучи сумбура, сваленнаго костюмированными глашатаями.

Одною изъ излюбленныхъ тэмъ этихъ глашеній служитъ, между прочимъ, и еврейскій вопросъ... Еврейскій вопросъ въ Россіи поставленъ на очередь не со вчерашняго дня; посильному его разрѣшенію посвящено много усилій и трудовъ въ теченіе правленія Императора Александра II. Если сравнить состояніе этого вопроса и положеніе еврейства въ началѣ царствованія Александра II и теперь, то нельзя не увидѣть громадной разницы и не признать, что сдѣлано много для разрѣшенія вопроса, для того, чтобы вычеркнуть его изъ ряда очередныхъ задачъ законодательства и управленія. Въ томъ же направленіи и духѣ разработывался еврейскій вопросъ и въ литературѣ, и въ обществѣ; все сводилось къ тому, пора ли уже или еще не пора отмѣнить послѣднія законодательныя репрессіи противъ евреевъ, завѣщанныя намъ отъ старыхъ временъ? Никто и нигдѣ не сомнѣвался, что рано или поздно эта отмѣна должно состояться и полемика шла о своевременности. Таково было положеніе вопроса еврейскаго года два-три тому назадъ... Но съ того дня, когда на арену стали выдвигаться наши глашатаи, когда раздались ихъ громкіе возгласы и заповѣди—и съ еврейскимъ вопросомъ сотворилось тоже, что и со всѣми остальными. Смѣшались языцы и понятія, членораздѣльные звуки въ значительной степени замѣнились восклицаніями и угрожающею жестикуляціею и все по-

грузилось во мракъ. Съ еврейскимъ вопросомъ это начало случаться раньше проявленія анти-еврейскаго движенія на югѣ Россіи и глашатаи этимъ движеніемъ лишь воспользовались для усиленія своихъ глашеній. Напрасно, однако, вы искали бы въ нихъ объясненія или хоть связнаго изложенія движенія, охватившаго всю Малую Русь и Польшу. А между тѣмъ, несомнѣнно движеніе это должно быть въ высшей степени поучительно, освѣщая собою соціальную сторону вопроса, прежде вполнѣ пренебреженную. Но глашатаи не озаботились дать объясненія. Ждали суда, не разъяснитъ ли онъ, но и на судѣ слѣдствіе не выяснило ничего, а пренія сторонъ были какъ бы спеціально назначены для затемненія вопроса. И нынѣ, когда печальныя событія, нарушавшія мирную жизнь малорусскаго пахаря и вызвавшія такой широкій размахъ всероссійской розги, уже отодвинулись въ область исторіи, и теперь для публики, сбитой съ толку іеремiадами глашатаевъ-юдофобовъ и юдофиловъ, эти событія не представляются болѣе ясными и понятными, нежели въ то время, когда народный гнѣвъ внезапно и въ такой ужасной формѣ разразился надъ головами и пожитками бѣдныхъ Ицекъ и Гершекъ, Хаекъ и Ривокъ, когда грозная и всесокрушающая волна народной ненависти столь неожиданно и внезапно снесла до фундамента съ такимъ адскимъ трудомъ и лишеніями созданное благосостояніе мелкихъ и бѣдныхъ Янкелей и Хаимовъ. Это проявленіе народнаго гнѣва было ужасно. Неожиданное и непредвидѣнное, оно захватило въ расплохъ и евреевъ, и юдофобовъ. Тѣ и другіе потеряли голову и, насказавши очень многое, ни мало, однако, не уяснили вопроса, способнаго разрѣшаться такими печальными взрывами, а неидущими къ дѣлу препирательствами только затемнили истинную сущность вопроса, истинную и глубоко лежащую причину народнаго гнѣва, отрицать существованіе котораго нынѣ никто не рѣшится. Что же это за причина? Что вызываетъ спеціальную ненависть населенія южной Россіи къ еврейству? Невѣжество, національная и религіозная нетерпимость—смѣло отвѣчаютъ одни; еврейская эксплуатація—говорятъ другіе. Но отчего же невѣжество и національная нетерпимость не вызываетъ столкновенія между малороссами, великороссами, поляками, нѣмцами, греками, молдаванами, караимами, татарами, цыганами, болгарами, мирно уживающимися на обширной территоріи, ставшей театромъ анти-еврейскаго движенія? Отчего религіозная нетерпимость не порождаетъ движенія анти-католическаго, анти-раскольничьяго, анти-протестантскаго, анти-магометанскаго? Но, съ другой стороны, если въ эксплуатаціи вся суть, отчего же народный гнѣвъ не обращается противъ собственныхъ Разуваевыхъ и Деруновыхъ? Отчего «чумазый» въ поддевкѣ не сдѣлался жертвою народнаго гнѣва, а единственно «чумазый» въ лапсердакѣ, да притомъ рядомъ съ нимъ этотъ гнѣвъ покаралъ и бѣдныхъ Мошекъ, только еле кормившихся подлѣ чумазаго? Этотъ вопросъ не лишенъ

глубокаго значенія и показываетъ, что простота, съ которою объясняется анти-еврейское движеніе эксплуатаціею, далеко не такъ проста и, по сложности явленій, заслуживаетъ болѣе внимательнаго и безпристрастнаго анализа.

Можно считать очевиднымъ и вполнѣ твердо установленнымъ фактъ, что анти-еврейское движеніе носитъ всеобщій (въ Россіи) характеръ и обнаруживаетъ громадный запасъ народной ненависти къ евреямъ, которая едва ли уменьшилась послѣ подавленія движенія и административной расправы надъ народною массою. Очевидно, болѣзнь серьёзная, чреватая самыми бѣдственными послѣдствіями для страны. Штыками и розгами сдерживали въ теченіи десяти лѣтъ (1871—1881 гг.) двухсотъ-тысячное одесское населеніе, но въ концѣ-концовъ все-таки не сдержали и движенія прорвалось въ 1881 г.; можно ли разсчитывать на прочный успѣхъ передъ лицомъ 10—15 милліоновъ населенія края, охваченнаго движеніемъ? Съ другой стороны, не ясно ли, къ какимъ милліоннымъ и даже милліарднымъ убыткамъ для страны и государства могутъ вести эти періодическія конвульсіи народнаго гнѣва? Не ясно ли, что вопросъ о возможности устраненія этой ненависти массы, этой глубокой розни среди населенія обширнаго края, объ установленіи внутренняго мира въ средѣ населенія безъ содѣйствія вооруженной силы и магическаго патріархальнаго жезла, что этотъ вопросъ для южной Россіи выдвигается на передній планъ у требуетъ искренняго и нелицепріятнаго изслѣдованія sine irae et studio.

Можно все сдѣлать посредствомъ штыковъ, сказалъ Талейранъ, лишь усѣсться на нихъ невозможно, а еврейское населеніе южной Россіи въ настоящее время сидитъ на штыкахъ. Нормально ли это и насколько надежно—ясно само собою. Необходимо позаботиться о другой подпорѣ. Въ этомъ нынѣ и заключается важнѣйшая сторона еврейскаго вопроса: какимъ средствомъ достичь уничтоженія розни между еврействомъ и остальнымъ населеніемъ и устранить возможность повторенія печальныхъ волненій 1881 года? Юдофилы и юдофобы предлагаютъ свои рѣшенія. Прежде всего посмотримъ внимательнѣе на эти рѣшенія и разберемъ доводы и мнѣнія обѣихъ сторонъ.

I.

Причина анти-еврейскаго движенія, по объясненію юдофобовъ, лежитъ въ безпощадной эксплуатаціи, которою евреи раззоряютъ населеніе края. Хищники-эксплуататоры по природѣ и профессіи, высасывающіе послѣднее достояніе крестьянина, опутывающіе его мошенническими сдѣлками и закабаляющіе его въ экономическое рабство, тягчайшее, нежели недавно отмѣненное рабство легальное, евреи должны сами на себя пенять, если

вселили такую всеобщую къ себѣ ненависть южнорусскаго населенія. Виноваты въ анти-еврейскомъ движеніи сами евреи; поэтому, противъ нихъ же должны быть приняты болѣе или менѣе рѣшительныя мѣры съ цѣлью по возможности парализовать ихъ вредную и пагубную дѣятельность, охранить отъ нихъ населеніе края и тѣмъ самымъ ихъ самихъ охранить отъ населенія. Такова аргументація юдофобовъ, не лишенная своей логики. Еслибы возможно было охранить населеніе отъ раззоренія и эксплуатаціи, то этимъ самымъ евреи были бы самымъ надежнѣйшимъ способомъ охранены отъ новыхъ вспышекъ народной ненависти, край—отъ потрясеній и безпорядковъ, народъ и государство—отъ убытковъ и потерь. Я ничего не имѣю противъ такой постановки вопроса, но посмотримъ, какими мѣрами полагаютъ господа юдофобы охранить населеніе отъ «жидовской» эксплуатаціи? Наши юдофобы (какъ и нѣмецкіе) питаютъ твердую вѣру въ цѣлительность и всемогущество репресесіи и вообще разныхъ административныхъ мѣропріятій. И въ данномъ случаѣ, ими ничего другого не измышлено. Законодательныя ограниченія сферы дѣятельности евреевъ, а какъ болѣе радикальное средство ихъ выселеніе изъ Россіи (быть можетъ, водвореніе административнымъ порядкомъ?) — таково резюме программы, рекомендуемой юдофобами.

Херсонскіе юдофобы предлагаютъ воспретить евреямъ пріобрѣтать недвижимую земельную собственность, но они забываютъ (или не знаютъ), что въ Кіевской губерніи это запрещеніе существуетъ, но ни мало не ослабило ни народной ненависти противъ евреевъ, ни активнаго анти-еврейскаго движенія весною 1881 года. Это воспрещеніе, стало быть, не охранило ни населеніе отъ евреевъ, ни евреевъ отъ населенія. Другіе желаютъ воспретить евреямъ торговлю спиртными напитками и содержаніе питейныхъ заведеній, но этого рода занятія не дозволяются евреямъ внѣ райна ихъ постояннаго мѣстожительства, а сцены насилія надъ евреями вышли изъ границъ этого района всюду, гдѣ еврейское населеніе было достаточно численно. Слѣдовательно, и эта мѣра (болѣе нежели на половину уже примѣненная въ видѣ запрещенія евреямъ торговать спиртными напитками не въ собственномъ домѣ) не спасла края отъ безпорядковъ, не устранила эксплуатаціи и ненависти. Эти примѣры предлагаемыхъ мѣропріятій обрисовываютъ въ достаточной степени общій характеръ программы юдофобовъ, которая вся сводится къ законодательному ограниченію мѣста жительства евреевъ и сферы ихъ дѣятельности. Не трудно сообразить, что всѣ эти ограниченія и недѣйствительны практически (такъ какъ всегда легко обходятся евреями) и нераціональны (потому, что не достигли бы цѣли и въ случаѣ ихъ строжайшаго примѣненія). Эта система законодательныхъ ограниченій сферы дѣятельности и мѣста жительства евреевъ практикуется не со вчерашняго дня, и до сихъ не могла предупредить ни «жидовской»

эксплуатаціи, ни сценъ насилія и раззоренія 1871 — 1881 годовъ. Послѣ этого вѣкового опыта какъ-то наивно ожидать манны небесной отъ его продолженія. Ничего этими репрессаліями не было предупреждено, ни ограждено; ничего и не будетъ предупреждено или охранено. Ограниченіе сферы дѣятельности евреевъ даже не влечетъ за собою устраненія евреевъ отъ отрасли національной дѣятельности, изъ которой законъ желаетъ ихъ изгнать. Являются подставные предприниматели и собственники изъ христіанъ, и больше ничего. Эти замѣстители набираются изъ всякаго отребья sans foi ni loi, да къ тому же связываются и спутываются по рукамъ и ногамъ разными обязательствами и сдѣлками, вполнѣ обезпечивающими дѣйствительному собственнику предпріятія безусловное повиновеніе фиктивныхъ, служащихъ лишь ширмою для дѣятельности евреевъ въ сферѣ, легально имъ недоступной. Создавая такимъ образомъ классъ тунеядцевъ, продающихся за кредитку на все, законодательная репрессія вдобавокъ дѣйствительно устраняетъ болѣе честныхъ евреевъ, передавая такимъ образомъ извѣстную отрасль національной дѣятельности, которую желали охранить отъ «жидовской эксплуатаціи» въ руки самаго отребья между евреями, наименѣе нравственной, наименѣе стѣсняющейся въ своихъ безчестныхъ продѣлкахъ части еврейства. Къ тому же эти легальныя ограниченія, устраняя съ одной стороны конкурренцію, а съ другой увеличивая стоимость предпріятія и внося въ него извѣстную долю риска, заставляютъ предпринимателя и дозволяютъ ему возвышать процентъ выручки въ ущербъ, конечно, остальному населенію. Игра за чужою спиною допускаетъ такъ же рисковать болѣе смѣлыми мошенничествами. Словомъ, съ какой стороны ни посмотрѣть, законодательное ограниченіе сферы дѣятельности евреевъ не можетъ достичь преслѣдуемой имъ цѣли. Оно стремится устранить евреевъ отъ нѣкоторыхъ отраслей національнаго хозяйства, почитая ихъ участіе здѣсь вреднымъ; чего же оно достигаетъ?—1) Оно евреевъ не устраняетъ; 2) создаетъ классъ изъ христіанъ, предающихся тунеядству и готовыхъ продаться за-грошъ; 3) передаетъ именно эту отрасль дѣятельности въ руки самой безчестной и безнравственной части еврейства; 4) уменьшаетъ конкурренцію въ этой отрасли со всѣми вредными послѣдствіями такого нарушенія естественнаго экономическаго равновѣсія; 5) увеличиваетъ стоимость предпріятія и вводитъ въ него элементъ риска; 6) по всѣмъ этимъ причинамъ возвышается чистый доходъ предпріятія въ ущербъ производителямъ и потребителямъ и 7) облегчаетъ всякія мошенническія продѣлки и гешефты, слѣдовательно, не достигая поставленной цѣли, приводитъ къ совершенно обратному. Таковы очевидныя послѣдствія всякихъ легальныхъ ограниченій сферы дѣятельности евреевъ. Они нетолько не устраняютъ еврейской эксплуатаціи, противъ которой призваны бороться, но усиливаютъ ее и

даже могутъ породить ее въ такой мѣрѣ и степени, въ какой безъ этого она была бы немыслима.

Нельзя не обратить также вниманія и на другую сторону этихъ ограниченій, именно на то нравственное вліяніе, которое они должны имѣть на евреевъ, питая ихъ отчужденность и замкнутость, ихъ самовыдѣленіе изъ прочаго населенія, самовыдѣленіе, выражающееся въ тѣхъ жесткихъ и антипатичныхъ формахъ, которыя такъ сильно содѣйствуютъ общей непріязни къ евреямъ. Еврейское безсердечіе по отношенію къ ближнему изъ не-евреевъ, еврейская спѣсь передъ слабѣйшимъ, еврейская безцеремонность и неделикатность въ общежитіи, особенно ярко бросающаяся въ глаза въ вагонахъ, на пароходахъ и проч., всѣ эти особенности, присущія значительному большинству южнорусскаго и западно-русскаго еврейства, постоянно питающія общую антипатію къ нимъ населенія, сами съ своей стороны до нѣкоторой степени питаются всякими легальными выдѣленіями евреевъ изъ общей массы полноправныхъ обывателей. Я не хочу сказать, чтобы въ этомъ легальномъ ограниченіи еврейскихъ правъ былъ ключъ и разгадка всѣхъ еврейскихъ недостатковъ и всѣхъ невзгодъ, которыя они сами переносятъ и другихъ заставляютъ переносить, но несомнѣнно, что отчужденность отъ прочаго населенія и замкнутость въ своей средѣ, являясь главными причинами означенныхъ явленій, до нѣкоторой степени питаются впечатлѣніями, оставляемыми въ душѣ каждаго еврея его неполноправностью сравнительно съ сосѣдомъ не-евреемъ. Эти замѣчанія равно относятся ко всякимъ ограниченіямъ еврейскихъ правъ, къ стѣсненію сферы ихъ легальной дѣятельности и къ воспрещенію жительства въ значительной части имперіи, но это послѣднее, конечно, имѣетъ и свое специфическое вліяніе. Любимѣйшее дѣтище гг. юдофобовъ, оно по своему значенію для разрѣшенія еврейскаго вопроса имѣетъ такое же обратное вліяніе на жизнь, какъ и другое ихъ изобрѣтеніе—ограниченіе сф[illegible]дѣятельности.

Цѣ[illegible]граниченій—оградить отъ «жидовской эксплуатаці[illegible] мѣстности имперіи, еще будто бы отъ нея свобод[illegible] Я не б[illegible]у вдаваться въ разсужденія о томъ, насколько мѣстные [illegible]ціональные «чумазые въ поддевкѣ» успѣшно замѣняютъ южныхъ «чумазыхъ въ лансердакѣ», хотя на этомъ полѣ повидимому можно бы было собрать много цвѣтовъ и ягодъ; я ограничусь лишь вопросомъ, насколько эти мѣры препятствуютъ именно евреямъ-эксплуататорамъ проникать за предѣлы ихъ постояннаго мѣстожительства? Извѣстно, что областью ихъ постояннаго мѣстожительства состоитъ по закону западная часть имперіи, приблизительно на западъ отъ Днѣпра, такъ какъ къ В. отъ нашей великой исторической рѣки лишь губерніи Могилевская, Екатеринославская и Таврическая входятъ въ этотъ районъ. Во всей остальной части Европейской Россіи дозволено жить лишь евреямъ, которые кончили курсъ высшаго учебнаго

заведенія, платятъ купеческія гильдіи перваго разряда, и ремесленникамъ, а равно ихъ семьямъ, прислугѣ и прикащикамъ. Я не знаю, почему предполагается, что спеціально купцы 2-й гильдіи и мелочные торговцы являются представителями наиболѣе вредной эксплуатаціи? почему полагать, что купецъ 1-й гильдіи съ цѣлою ордою прикащиковъ (евреевъ или христіанъ) не можетъ стать «піявкою края», не можетъ опутать и высосать населеніе? Но двери эксплуатаціи открываются далеко не съ этой одной стороны. Подъ видомъ ремесленниковъ проникаетъ и всегда будетъ проникать масса евреевъ, предметъ занятій которыхъ вовсе не ремесло, а мелкая торговля, факторство, маклерство, ростовщичество, шинкарство, а также и разныя уже прямо противузаконныя спеціальности (конокрадство, укрывательство, сводничество и проч.) Губерніи, сосѣднія мѣсту постоянной осѣдлости евреевъ, уже заключаютъ въ себѣ весьма значительный % еврейскаго населенія, проникшаго въ качествѣ псевдо-ремесленниковъ или псевдо-прикащиковъ купцовъ 1-й гильдіи и занимающагося тѣми же профессіями, какъ и на западъ отъ Днѣпра. Наиболѣе сгустившись въ мѣстахъ, ближайшихъ къ своей постоянной осѣдлости, еврейство шагъ за шагомъ проникаетъ все дальше и дальше на В. и С. Въ Орловской, напримѣръ, губерніи такъ же, какъ и въ Курской, евреи оказываются уже довольно численны; они проникли уже за Москву и за Волгу и съ каждымъ годомъ ихъ приливъ усиливается. Ограниченія ничего и никого не сдерживаютъ, но что же они производятъ? 1) Доставляютъ богатую жатву низшей полиціи въ видѣ обложенія сборомъ не законно проживающихъ подъ фиктивными предлогами евреевъ (прочтите по этому поводу письмо изъ Смоленска г. Энгельгардта въ «Отеч. Зап.»); 2) придаютъ еврейскимъ занятіямъ, хотя бы самымъ безвреднымъ, характеръ «необезопашенной промышленности», открытой хищничеству каждаго добровольца; 3) пропускаютъ въ страну скорѣе безчестныхъ и безнравственныхъ представителей еврейства, удерживая болѣе [illegible]ныхъ перспективою незаконныхъ сдѣлокъ и проч.; 4) [illegible] конкурренцію въ данной отрасли промышленнос[illegible]даютъ евреевъ выходить на незаконный путь, а это[illegible] путь, [illegible] извѣстно, есть очень скользкая наклонная площадь, ве[illegible]щая отъ преступленія къ преступленію; вообще же не ставятъ серьёзной преграды еврейской эксплуатаціи проникать въ глубь по закону заповѣдныхъ ею земель и, даже быть можетъ, нѣсколько ослабляя ее количественно, возвышаютъ качественно. Все это уже вполнѣ обнаружилось въ ближайшихъ къ постоянной осѣдлости еврея губерніяхъ, гдѣ поэтому и антиеврейское движеніе нашло себѣ богато подготовленную почву. Въ другихъ мѣстностяхъ, куда едва успѣли проникнуть лишь еврейскіе піонеры, это не такъ замѣтно, но глазъ опытнаго и образованнаго наблюдателя уже способенъ и здѣсь различить тѣ же явленія. Прочтите въ «Недѣлѣ» письма г. Португалова о евреяхъ въ Самарѣ. «Жидъ

идетъ», кричатъ юдофобы, и бьютъ набатъ; да, господа, онъ идетъ, несмотря и вопреки всѣмъ вашимъ запретамъ и ограниченіямъ. Болѣе того, онъ идетъ такимъ, какимъ вы его изображаете, въ значительной степени именно благодаря этимъ излюбленнымъ вами запретамъ и ограниченіямъ. Жида-эксплуататора, жида-мошенника и пролаза, готоваго на все и вся, вы не удерживаете и онъ свободно проходитъ сквозь всѣ ваши заборы и баррикады; болѣе честное же еврейство дѣйствительно остается за бортомъ; но, чувствующее себя угнетеннымъ, бѣдное отъ скученности и неимѣнія поприща для дѣятельности, невѣжественное отъ бѣдности и фанатизированное угнетеніемъ, бѣдностью и скученностью, оно представляетъ лучшую опору для жида-эксплуататора, его запасную армію, резервъ. Я опять-таки не желаю преувеличить вредное вліяніе законодательныхъ ограниченій. Не они произвели фанатизмъ, замкнутость и отчужденность, эти три фуріи еврейства, но они благопріятствуютъ ихъ долголѣтію и процвѣтанію. Я не хочу сказать, чтобы съ ними исчезли эти явленія, потому что они частью быть можетъ будутъ слабѣть, частью лишь не усиливаться.

Какъ бы то ни было, но одно несомнѣнно, что законодательныя ограниченія сферы дѣятельности и мѣстожительства еврея нимало не достигаютъ преслѣдуемой цѣли. Они не устраняютъ евреевъ ни отъ единой отрасли дѣятельности, которою они пожелали бы овладѣть, ни изъ единой мѣстности, куда они пожелали бы проникнуть, но за то на самой этой дѣятельности отражаются многими вредными послѣдствіями и вообще нарушаютъ нормальное экономическое равновѣсіе хозяйства страны. И такъ, первое излюбленное дѣтище нашихъ юдофобовъ не выдерживаетъ ни малѣйшей критики; никакими законодательными репрессіями противъ евреевъ нельзя ослабить тѣ стороны еврейской дѣятельности, которыя, по заявленію юдофобовъ, и составляютъ истинную причину анти-еврейскаго движенія и народной ненависти. Самымъ искреннимъ образомъ становясь на точку зрѣнія юдофобовъ, оказывается невозможнымъ одобрить ихъ программу. «Жидъ виноватъ самъ, говорите вы, и его безчеловѣчная эксплуатація»; пусть такъ, но законодательная репрессія, которую вы рекомендуете, безсильна противъ него и способна лишь усугубить зло, какъ это ясно изъ предъидущаго изложенія и изъ вѣковаго опыта репрессій.

Репрессія безполезна и даже вредна, усугубляя зло, но быть можетъ другая мечта юдофобовъ, *массовое выселеніе евреевъ*, достойна вниманія? Испанія зазываетъ евреевъ къ себѣ и испанскій посланникъ въ Константинополѣ, повидимому, серьёзно озабоченъ этимъ вопросомъ; подняты толки о выселеніи въ Америку и снова выплыли химерные планы выселенія въ Палестину. Впрочемъ, по своей сущности, эти палестинскіе прожекты вовсе не химернѣе всѣхъ остальныхъ, которые всѣ равно вздорны и несбыточны. Прошло и прошло безвозвратно время великаго пе-

реселенія народовъ и прошло оно потому, что экономическая жизнь осложнилась до послѣдней степени и нынѣ въ цивилизованныхъ странахъ, самыхъ свободныхъ политически, люди уже не господа самимъ себѣ; они только винтики, гаечки, зубцы обширно-сложной машины. Имъ нѣтъ мѣста внѣ этой машины и машинѣ нѣтъ хода безъ нихъ. Съ тѣхъ поръ, какъ намѣтилось раздѣленіе труда отъ капитала и капиталъ занялъ самостоятельное мѣсто въ экономической жизни страны, отдѣльное переселеніе одного изъ факторовъ производства стало крайне затруднительнымъ, почти невозможнымъ. Когда капиталъ по своей незначительности и по другимъ причинамъ еще не выдѣлялся, то переселяющееся населеніе небходимо переносило съ собою вполнѣ соотвѣтствующія другъ другу количества труда и капитала, да и перенесеніе капитала, заключавшагося въ ручныхъ орудіяхъ, сбереженіяхъ и запасахъ, скотѣ и пр. было не затруднительно. Нынѣ самый характеръ помѣщенія капитала (фабрики, заводы, банки, факторіи и пр.), а главнымъ образомъ его обособленіе отъ труда устанавливаютъ мѣстное экономическое равновѣсіе страны, очень неустойчивое, но крайне необходимое для развитія и благосостоянія страны. Ни количество труда, ни количество капитала не могутъ быть безнаказанно значительно измѣнены; такія измѣненія вызываютъ теперь страшные и пагубные экономическіе кризисы. Отношенія эти могутъ лишь сравнительно медленно мѣняться. Я говорю, конечно, о величинѣ капитала, затраченнаго въ промышленность и торговлю, а не растрачиваемаго на удовольствія и роскошь. Сообразно быстротѣ наростанія капитала и населенія въ разныхъ странахъ происходитъ и медленное переселеніе этихъ элементовъ. Такъ въ Америкѣ капиталъ возрастаетъ быстрѣе, нежели населеніе и вотъ мы видимъ туда постоянные и правильные приливы населенія (труда), особенно изъ странъ, какъ Германія и Ирландія, гдѣ туземный капиталъ оказывается недостаточенъ для содержанія населенія. Въ Ирландіи недостаточность капитала обнаруживается преимущественно вслѣдствіе того, что громадные доходы ирландскихъ землевладѣльцевъ выносятся изъ страны и растрачиваются для нея непроизводительно, въ Германіи же, главнымъ образомъ, вслѣдствіе громадныхъ жертвъ на поддержаніе политическаго могущества. У насъ въ Россіи тоже туземный капиталъ не достаточенъ, но у насъ это вызываетъ не выселеніе населенія, а вселеніе капитала. Иностранные капиталы приливаютъ въ Россію, находя помѣщеніе въ желѣзныхъ дорогахъ и другихъ предпріятіяхъ. Можно ли при этомъ положеніи дѣлъ говорить о выселеніи еврейскихъ капиталовъ? Говоря доселѣ о переселеніи капитала и населенія въ Америкѣ, Ирландіи, Германіи и Россіи, мы имѣли въ виду *свободные* капиталы и *свободныя* руки, т. е. излишекъ капитала въ одной странѣ, излишекъ населенія въ другой. И такое передвиженіе лишь *прироста* капитала и населенія управляется довольно сложными экономиче-

скими законами, съ которыми должно считаться и нарушать которые безнаказанно не дозволяется. Тѣмъ сложнѣе случай передвиженія несвободнаго капитала, уже помѣщеннаго въ предпріятіяхъ страны. Я говорю не о частномъ перемѣщеніи, когда переселяется капиталистъ, капиталъ замѣщается другимъ, а увозимое капиталистомъ реализованное имущество и есть, быть можетъ, тотъ приростъ общаго капитала страны, который можетъ быть освобожденъ безъ ущерба для общей экономіи страны. Не объ этомъ частномъ случаѣ идетъ рѣчь, а о ликвидаціи и реализаціи значительной части капитала страны, по-просту говоря о прекращеніи и сокращеніи нѣкоторыхъ отраслей торговли и производства. Полагать, что это осуществимо, что возможно ликвидировать значительную часть капитала, затраченнаго въ торговлю и промышленность обширной страны, химера, по своей абсурдности равная лишь невѣжеству нашихъ охранителей, ее изобрѣвшихъ. Переселяться можетъ и постоянно переселяется, какъ мы видѣли, лишь свободный приростъ капитала, какъ и приростъ населенія, но перенести затраченный въ торговлю и промышленность капиталъ невозможно безъ самой ужасной торгово-промышленной катастрофы, безъ одинаково общаго банкротства переселенныхъ капиталистовъ и покидаемой ими страны. Ясно, поэтому, что переселеніе еврейскаго капитала и евреевъ, имъ пользующихся для эксплуатаціи населенія, невозможно безъ экономическаго бѣдствія, имѣющаго неизбѣжно постигнуть обѣ стороны, уходящую и остающуюся. Итакъ, вопросъ сводится къ евреямъ-пролетаріямъ, которыхъ такъ много въ западномъ краѣ, но вѣдь не эти обездоленные и отощалые пауперы эксплуатируютъ населеніе! По скольку они представляютъ изъ себя физическій трудъ, простымъ рабочимъ рукамъ ихъ и у насъ, и при томъ именно на мало населенныхъ территоріяхъ Восточной Россіи или на фабрикахъ подмосковья тоже нашлось бы дѣло; по скольку же (къ сожалѣнію, большею частью) они кормятся лишь, служа плутнямъ и затѣямъ своихъ старшихъ единоплеменниковъ, по стольку они нигдѣ себѣ не найдутъ мѣста и уже потому выселеляться не могутъ.

Словомъ, экономически неосуществимо массовое переселеніе евреевъ просто уже по причинѣ сложности современной экономической жизни. Выселеніе мало что невозможно, но еслибы и стало возможнымъ, оказалось бы невыгоднымъ. Очевидно, поэтому, что никакія зазыванія Испаніи, никакіе прожекты, никакія приглашенія неспособны вызвать сколько-нибудь значительнаго массоваго переселенія евреевъ. Добровольно (въ сколько-нибудь значительномъ числѣ) они не поѣдутъ; не употребить ли насиліе? Я останавливаюсь передъ этимъ вопросомъ, хотя я не увѣренъ въ мысляхъ подобныхъ охранителей по этому поводу. Они такіе охотники до всякаго рода выдвиженій и высылокъ по усмотрѣнію администраціи. Къ сожалѣнію, господа, бываетъ предѣлъ даже административному усмо-

трѣнію. Я ни мало не сомнѣваюсь въ томъ, что военный генералъ или даже простой полицейскій чинъ можетъ арестовать и выслать по этапу, пожалуй, даже цѣлое населеніе края, но ликвидировать фабрики и заводы, банки и торговые дома, занять массу рабочихъ, прокормить семьи, снабдить потребителей товарами, производителей—сбытомъ, это, увы, внѣ власти даже военнаго генерала и дерзко не подчиняется даже полицейской компетенціи. Альба въ Нидерландахъ въ XVI столѣтіи, во времена гораздо болѣе простыхъ экономическихъ отношеній, уже пытался однажды водворить полицейскую компетенцію въ экономической сферѣ и заставить экономическія явленія сообразоваться съ дневными приказами чрезвычайной военной администраціи. Ужасное fiasco (стоившее, однако, раззоренія страны) постигло непобѣдимаго и мужественнаго генерала. Непреклонный герцогъ, никогда не отступавшій съ поля сраженія, съ позоромъ ретировался передъ силою экономическаго закона. Я не ожидаю появленія новаго Альбы въ Россіи (хотя, конечно, отечество наше имѣетъ не мало не менѣе мужественныхъ и непреклонныхъ генераловъ), но еслибы даже заклинанія господъ юдофобовъ и возродили у насъ опытъ покойнаго испанскаго гранда, этого прототипа и образца всякаго ультраохранительнаго администратора, то не трудно было бы предсказать исходъ этого опыта: край понесъ бы милліарды убытковъ, а храбрый генералъ потерялъ бы мѣсто, не успѣвши довести до конца завѣтной мечты. Да, господа, на этой почвѣ законодательной репрессіи и административнаго усмотрѣнія, «жидъ» непобѣдимъ; за нимъ стоитъ сила экономическаго закона, ослушнаго военной администраціи и непобѣдимаго полицейскими мѣропріятіями. Ваша программа, господа юдофобы, никуда не годится даже съ вашей точки зрѣнія. Эта программа не годится для борьбы съ эксплуатаціею; она не оградитъ населеніе отъ евреевъ, не оградитъ и евреевъ отъ населенія, не устранитъ розни и не застрахуетъ отъ повторенія печальныхъ сценъ 1881 г. Да что толковать о томъ, что она способна сдѣлать въ будущемъ, когда прошедшее и настоящее системы репрессій—передъ нами. Въ той или другой формѣ эта система репрессалій по отношенію къ евреямъ была всегда и есть доселѣ закономъ нашего государства; въ болѣе или менѣе мягкомъ или суровомъ видѣ, она примѣнялась у насъ всегда и примѣняется теперь.

Ея результаты на лицо: она никого и ничего не ограждала, ничего и никогда не предупреждала, никогда и нигдѣ не оказалась дѣйствительною.

Таковы сущность, значеніе и цѣлесообразность программы юдофобовъ. Обратимся теперь къ ихъ противникамъ, къ юдофиламъ и ихъ мнѣніямъ.

II.

Если юдофобы удивляютъ наблюдателя лишь дерзостью, съ которою круглое невѣжество берется судить и рядить о сложныхъ экономическихъ и общественнымъ вопросахъ, то съ другой стороны воззрѣнія юдофиловъ съ перваго шага поражаютъ своею полною безпочвенностью и неискренностью, сквозящею въ большей части юдофильскихъ медитацій. Еврейство заслужило всеобщую народную ненависть; эта ненависть едва сдерживается физическою силою и порою, несмотря на всѣ препятствія и преграды, прорывается наружу бурными, безобразными по формѣ, печальными по послѣдствіямъ взрывами. Причины этой ненависти должны лежать глубоко въ душѣ народа и питаться постоянными и могущественными явленіями, а господа юдофилы закрываютъ глаза на эти явленія и, знай себѣ, ведутъ канитель лишь объ угнетеніи евреевъ! Какъ будто то обстоятельство, что евреи угнетены, можетъ вызвать противъ нихъ гнѣвъ народа, скоплять его въ такихъ размѣрахъ, питать его такъ постоянно и безпрерывно! Конечно, юдофилы должны чувствовать, что сколько ни закрывай они глаза сами, этимъ они не закроютъ глаза обществу, которое не можетъ не видѣть народной ненависти, которое, какъ кость отъ костей народа, плоть отъ плоти его, не можетъ и само не испытывать отраженнаго вліянія народныхъ чувствъ. Завязать рану мишурными тряпками поддѣльнаго либерализма еще не значитъ вылечить; а леченіе и леченіе радикальное крайне настоятельно, хотя бы не въ интересахъ народа, но ради избавленія самихъ евреевъ отъ повторенія безобразныхъ сценъ 1871 и 1881 гг. Ясно, что необходимо болѣе многостороннее разсмотрѣніе вопроса, нежели то, которому подвергаютъ его юдофилы; ясно, что угнетеніемъ евреевъ движеніе 1881 г. не объясняется. Чувствуя сами недостаточность этого объясненія вопроса, юдофилы стараются дополнить его разными второстепенными, которыя тоже тщательно и со стараніемъ, достойнымъ лучшаго дѣла, стремятся отыскать непремѣнно въ христіанскомъ населеніи края. Средневѣковые предразсудки противъ евреевъ, невѣжество толпы, національная и религіозная нетерпимость, нападки юдофобовъ, обманъ массы ловкими мошенниками, преимущественно конкуррентами по торговлѣ и промысламъ (въ Одессѣ — греками, въ Кіевѣ — москвичами), наконецъ, даже подстрекательства со стороны революціонеровъ, все это нагромождено юдофилами для того, чтобы объяснить антиеврейское движеніе. О подстрекательствѣ, какъ со стороны революціонеровъ, такъ и конкуррентовъ, должно сказать, что, во-первыхъ, слѣдствіе его не обнаружило, а прокуратура прямо даже отвергала его существованіе, а, во-вторыхъ, еслибы даже и было

доказано подстрекательство, то надо помнить, что само подстрекательство должно опираться на готовое настроеніе. И весь вопросъ въ этомъ настроеніи; его-то стараются юдофилы объяснить средневѣковыми традиціями и нетерпимостью невѣжества.

Въ Малороссіи несомнѣнно могли бы сохраниться въ народѣ глубокія историческія традиціи ненависти къ евреямъ. Во время оно, когда панувала и сеймувала на Украинѣ Рѣчь Посполитая, когда шумѣли и безчинствовали конфедераціи, и польскіе паны были господами и полновластными заправителями судебъ порабощенной страны и народа, тогда евреи служили въ рукахъ господствующаго шляхетства ужаснымъ орудіемъ гнета. Сами поставленные въ совершенно нечеловѣчески уничиженныя отношенія къ вельможному и ясновельможному панству, евреи служили этому панству губкой, которая должна была высасывать соки изъ хлопства, но, напитавшись, сдавленная властною рукою пана, наполняла питательными соками дырявые карманы его милости. Народъ изнывалъ подъ тройнымъ гнетомъ ксендза, пана и жида; хотя для жида, угнетеннаго и униженнаго до послѣдней степени, не было другого выхода, но совершенно естественно, что народъ не разбиралъ этого, да и извѣстная спѣсивость этого загнаннаго лапсердака передъ угрюмою, гнѣвною, но сдержанною сѣрою свиткою, только еще болѣе питала этотъ гнѣвъ и не позволяла свиткѣ выдѣлять жида изъ рядовъ своихъ ненавистныхъ угнетателей. Сѣрая свитка угрюмо молчала, смотрѣла изъ-подлобья, накопляла въ сердцѣ гнѣвъ и ненависть и въ короткіе моменты своего торжества купалась въ крови своихъ недруговъ, грѣлась на пожарищѣ, истреблявшемъ ихъ имущество. Сдержанный гнѣвъ долгихъ періодовъ гнета и злой разгулъ ненависти короткихъ промежутковъ торжества одинаково складывали въ душѣ малорусскаго племени традиціи ненависти къ еврейству, полонизму и католичеству. «Ляхъ, жидъ, собака— віра однака» стало символомъ вѣры упрямаго и неуступчиваго хохла. Все это было такъ недавно, коррелятивныя традиціи шляхетства такъ ясно доказали свою живучесть, что было бы не удивительно, еслибы и историческія традиціи малорусскаго населенія, выразившіяся въ вѣковой враждѣ съ ляхомъ, жидомъ и католикомъ, не успѣли еще заглохнуть подъ вліяніемъ новыхъ историческихъ условій. Многовѣковая неправда не такъ скоро забывается и народное сердце, израненное и изъязвленное этою неправдою, долго и свято хранитъ завѣтъ вражды, преподанный отъ предковъ. Я бы не удивился поэтому, еслибы въ движеніи 1881 года проявилась историческая традиція старой вражды хохла и жида, и я, надо сознаться, былъ крайне изумленъ, когда самое внимательное чтеніе всѣхъ извѣстій объ анти-еврейскомъ движеніи ни мало не обнаружило этой традиціи. Надо не забывать тотъ обще-историческій законъ, что традиціонное движеніе въ томъ случаѣ, когда оно питается исключительно традиціею (а не имѣетъ также корней и въ условіяхъ современной жизни),

всегда проявляется въ традиціонныхъ органическихъ формахъ и и обстановкѣ. Плодъ историческаго переживанія, питающееся исключительно преданіемъ, оторванное отъ современности, абсолютно не критическое, традиціонное движеніе всегда и всюду стереотипно. Если движеніе обязано своимъ проявленіемъ только традиціи, преданію, то оно не можетъ ни захватить группы населенія, чуждыя традиціи, ни направиться противъ не тѣхъ группъ населенія, противъ которыхъ оно въ эпоху своей жизненности всегда направлялось. Этотъ неоспоримый историческій законъ должно помнить при обсужденіи характера нынѣшняго анти-еврейскаго движенія на югѣ Россіи, при опредѣленіи роли и значенія традицій малорусскаго племени. Еслибы оно было *исключительно* традиціонное и не имѣло корней въ современныхъ условіяхъ быта, оно должно бы было 1) ограничиться малорусскимъ племенемъ и 2) направиться противъ евреевъ и поляковъ единовременно, противъ синагогъ и костеловъ съ одинаковою силою. Въ высшей степени замѣчательно, что мы не видимъ ни того, ни другого. Синагоги разбиты, костелы свято сбережены; евреи раззорены, поляки же взяты въ союзники и разбивали евреевъ вмѣстѣ съ малороссіянами; великороссіяне, нѣмцы, молдованы и греки приняли тоже одинаково дѣятельное участіе въ анти-еврейскомъ походѣ народной массы. Наконецъ, движеніе сказалось не въ одной Малороссіи, но и въ Польшѣ и частью и на Великой Руси. Все это достаточно краснорѣчиво доказываетъ, что традиція въ движеніи 1881 года играетъ ничтожную роль, если только играетъ какую-либо. Движеніе 1881 года порождено, стало-быть, не преданіемъ и традиціей староукраинской гайдамачины, а условіями современной жизни, которыя и играютъ главную роль и должны быть опредѣлены.

Если же историческія традиціи не весьма отдаленныхъ временъ Рѣчи Посполитой и украинскихъ возстаній не обнаружились сколько-нибудь замѣтно въ анти-еврейскомъ движеніи, то что сказать о попыткѣ объяснить его средневѣковыми преданіями, отъ которыхъ мы отдѣлены многими столѣтіями и которыя вдобавокъ суть болѣе преданія католической Европы и весьма мало наши? За симъ, сами собою падаютъ и побочныя объясненія нетерпимостью религіозной и національной. Русскій народъ вездѣ и всегда обнаруживалъ столько терпимости ко всякаго рода національностямъ и религіямъ, что было бы вполнѣ непонятно рѣзкое исключеніе въ его отношеніяхъ къ еврею. Тутъ же рядомъ съ нимъ онъ высказываетъ столько терпимости живущему среди него поляку и нѣмцу, молдовану и греку, татарину и болгарину, даже единовѣрцу еврея караиму. Всѣ эти народности уживаются между собою и не уживаются только съ евреемъ, но за то съ нимъ не уживаются всѣ. Ссылаются, наконецъ, юдофилы еще и на невѣжество толпы. Невѣжество, конечно, важный факторъ во всякомъ подобномъ движеніи. Но въ томъ случаѣ, когда вражда

упорно сказывается въ одномъ и томъ же направленіи, когда всѣ народности и племена, мирно уживаясь другъ съ другомъ, сходятся въ непріязни къ евреямъ, кто же повѣритъ, что всему причиною одно лишь невѣжество? Невѣжество толпы производитъ грубость инстинктовъ, а эта грубость выливаетъ непріязнь и вражду въ безобразную и нецѣлесообразную форму, которую движеніе анти-еврейское и приняло, но причины непріязни, очевидно, въ другомъ мѣстѣ. Словомъ, всѣ объясненія господъ юдофиловъ, а именно—угнетенное и неполноправное состояніе евреевъ, историческія традиціи вражды малорусскаго народа, средневѣковые предразсудки, нетерпимость національная и религіозная, невѣжество толпы, постороннее подстрекательство—всѣ они ни порознь, ни вмѣстѣ взятыя, ничего не объясняютъ или очень мало въ движеніи 1871 и 1881 годовъ. Нѣкоторыя изъ нихъ пригодны для объясненія несущественныхъ деталей и аксессуаровъ движенія, способа проявленія и формы, въ которую вылилось анти-еврейское настроеніе, но причину этого настроенія, этой глубокой народной ненависти къ евреямъ, приходится искать не здѣсь. Это, кажется, очевидно послѣ всего вышеизложеннаго.

При такой ложной постановкѣ вопроса, не удивительно, что и рѣшеніе его оказывается вполнѣ неудовлетворительнымъ. Натурально, что и программа мѣръ по еврейскому вопросу, защищаемая юдофилами, опираясь на невѣрное пониманіе причинъ явленія, должна быть частью недостаточною, а частью просто недѣйствительною и къ дѣлу не идущею. Юдофилы желаютъ силою уголовной (а еще болѣе — административной) кары вывести массу изъ предполагаемаго ими обмана и заблужденія и выловить подстрекателей-конкуррентовъ; были поползновенія выставить врагами отечества и чуть ли не измѣнниками всѣхъ, несогласныхъ съ ихъ мнѣніями.

Лучшіе изъ юдофиловъ, преимущественно образованные евреи, имѣютъ, однако, полное право требовать, чтобы ихъ не смѣшивали съ этими господами, такъ удачно мѣняющими костюмъ, смотря по сезону, взывающими то къ свободѣ, когда рѣчь идетъ о правахъ евреевъ, и къ полицейскимъ мѣропріятіямъ и всякимъ запретамъ, когда проявляется анти-еврейская критика, нетолько активная вражда. Несомнѣнно среди юдофиловъ далеко не всѣ принадлежатъ къ этому типу лицемѣровъ, а напротивъ, есть люди, вполнѣ достойные, искренно убѣжденные. Ради нихъ, отнюдь не ради хамелеоновъ-лицемѣровъ, я и вдался выше въ анализъ причинъ анти-еврейскаго движенія на югѣ и западѣ имперіи. Съ ними же я и думаю и теперь повести бесѣду. Сами принадлежа къ еврейскому племени, выйдя изъ его нѣдръ при помощи высшаго образованія и войдя въ кругъ общечеловѣческихъ идей и идеаловъ, эти искренніе и просвѣщенные юдофилы (я лично знаю нѣсколько такихъ), близко знаютъ бытъ еврейской массы, ея общественные и семейные обычаи и нравы, ея достоинства и недостатки. Они пом-

нятъ великія семейныя добрѣтели своихъ соплеменниковъ, ихъ высокіе подвиги самоотверженія и мужества въ охраненіи дорогой семьи, ихъ добросердечіе и пламенную вѣру, стойкость въ убѣжденіяхъ и безстрашную готовность пострадать за *своего* ближняго, за семью, за вѣру, за долгъ (сообразно, конечно, пониманію своему). Всѣ эти высокія доблести не эмансипированнаго еврея, бѣдняка жида, въ страшныхъ трудахъ и униженіяхъ снискивающаго себѣ и многочисленной семьѣ право влачить въ нищетѣ, грязи и невѣжествѣ убогую жизнь; всѣ эти картины высокихъ примѣровъ родительской и супружеской любви, самоотверженнаго исполненія долга, пламенной и непоколебимой преданности вѣрѣ и завѣтамъ предковъ, а съ другой стороны сцены нечеловѣческаго униженія, высокомѣрнаго и гнуснаго презрѣнія господъ, ненависти и зложелательства народа, угнетенія и притѣсненія начальства, всѣ эти контрасты и вопіющая неправда такого быта—вѣчно и живо стоятъ передъ очами просвѣщеннаго еврея, вышедшаго изъ нѣдръ бѣднаго и отверженнаго еврейства, которое съумѣло сквозь тысячелѣтія угнетенія пронести свято и сохранить въ сердцѣ искру божественнаго Прометеева огня; огня, къ сожалѣнію, погасшаго въ груди большинства короткополыхъ, эмансипированныхъ, отрекшихся отъ чесноку еврейчиковъ, столь размножившихся нынѣ въ большихъ городахъ нашего юга, и позаимствоваться которымъ у бѣдныхъ Ицка и Лейбы весьма не мѣшало бы и многимъ жидоѣдамъ изъ породы носящихъ фуражки съ околышками охранительныхъ цвѣтовъ. Проведя всю свою жизнь въ городахъ и селахъ южной Россіи, среди населенія, изобилующаго евреями, я самъ, несмотря на свое положеніе христіанина и дворянина, весьма мало содѣйствующее открытію души еврея-простолюдина, не однажды наталкивался на замѣчательно прекрасные типы среди этихъ простолюдиновъ-жидовъ въ долгополыхъ заплатанныхъ сюртукахъ и пейсахъ. Конечно, такіе ветхозаветные типы общечеловѣческой любви къ ближнему и правдѣ встрѣчаются среди еврейства, какъ и всюду, рѣдко, но по нимъ, мы, христіане, можемъ судить о среднемъ уровнѣ добродѣтели евреевъ-простолюдиновъ, уже недоступной нашему наблюденію, недоступной и глубоко западающей въ умъ и сердце каждому образованному еврею, вышедшему изъ этой среды. Есть въ настоящее время еще одно положеніе, гдѣ христіанинъ можетъ наблюдать сердце и душу презрѣннаго жида, обыкновенно для него наглухо закрытыя. Это положеніе присяжнаго засѣдателя. Здѣсь еврей является тоже судьей по совѣсти и долженъ обнаружить требованія и потаенные завѣты своей совѣсти передъ всѣми своими товарищами по суду. Здѣсь и мнѣ случалось наблюдать совѣсть еврея, столь мало доступную обыкновенно наблюденіямъ христіанина. Распространено мнѣніе, что евреи оправдываютъ своихъ единовѣрцевъ и склонны обвинять каждаго, обвиняемаго въ преступленіи, отъ котораго пострадалъ еврей. Къ сожалѣнію, я долженъ сознаться, что это совершенно справедливо и согласс-

но съ моимъ наблюденіемъ относительно курґузаго эмансипированнаго еврейскаго пиджака, отрицающаго пейсы и чеснокъ, лепсердакъ и гнилую селедку. Эти жидки, вмѣстѣ съ пейсами, лепсердакомъ и чеснокомъ, успѣли освободиться и отъ всѣхъ традицій ветхозавѣтной совѣсти и правды, но столь же невѣжественные они не пріобрѣли взамѣнъ утраченнаго кодекса нравственнаго закона какія-либо новыя нравственныя воззрѣнія. Они являются на судъ совѣсти нагими, не прикрытыми даже фиговымъ листомъ и, въ своемъ невѣжествѣ, ни мало не стыдящимися этой нравственной и душевной наготы. Изъ еврейскихъ традицій они сохранили (потому что она выгодна и прибыльна) лишь одну: выручать каждаго еврея изъ бѣды. Они и выручаютъ, эти Моисеи Абрамовичи, Соломоны Леоновичи, Исааки Марковичи и пр. Не всегда такъ дѣйствуютъ, потому что, конечно, не такъ чувствуютъ долгополые съ пейсами Мошки, Лейбы и Срули. Относительно ихъ мои наблюденія въ качествѣ присяжнаго засѣдателя мнѣ многое уяснили. Конечно, нравственное предписаніе: «выручай своего», выработанное подъ вліяніемъ тысячелѣтняго гнета, въ нихъ тоже живо и въ ихъ отвѣтахъ не можетъ не сказываться, но для нихъ это — нравственное предписаніе, а не разсчетъ пользы, и, какъ всякое нравственное предписаніе, оно подчиняется другимъ, высшимъ нравственнымъ законамъ и входитъ въ комбинацію съ другими предписаніями. Если вы, въ качествѣ старшины присяжныхъ засѣдателей, собираете голоса, то вы не усомнитесь въ спокойной совѣсти или, вѣрнѣе, въ совершенномъ ея спокойствіи, когда короткополый еврей отвѣчаетъ «нѣтъ, не виновенъ», уличенному притонодержателю, конокраду-еврею или гнусному торговцу завлеченными обманомъ дѣвушками. Но вы остановитесь передъ молчаливымъ колебаніемъ и внутренней борьбой его долгополаго не эмансипированнаго единовѣрца. Если предварительныя пренія достаточно выяснили характеръ преступленія, то нерѣдко эта внутренняя борьба двухъ предписаній совѣсти кончается торжествомъ общечеловѣческаго элемента надъ узко-національнымъ. Эти замѣчанія относятся вообще къ не эмансипированнымъ евреямъ-присяжнымъ, но для нѣкоторыхъ изъ нихъ краски окажутся слабыми. Я особенно помню одного, истинно ветхозавѣтнаго патріарха, въ длинномъ потасканномъ сюртукѣ, съ длинною сѣдою бородою и съ строгимъ и вмѣстѣ добрымъ выраженіемъ стараго, но еще красиваго лица. Этотъ библейскій патріархъ относился къ выпавшимъ на его долю обязанностямъ судьи по совѣсти съ такою строгою добросовѣстностью, нелицепріятнымъ безпристрастіемъ и отсутствіемъ всякихъ національныхъ или религіозныхъ предпочтеній, съ такимъ благоговѣйнымъ сознаніемъ святости высокаго долга судить дѣла и совѣсть ближнихъ, что безъ всякаго сомнѣнія онъ заслуживалъ быть нашимъ безсмѣннымъ старшиною, еслибы всегда несправедливый къ евреямъ законъ дозволялъ его избраніе.

Вообще я вполнѣ соглашаюсь съ просвѣщенными юдофилами-евреями, что ихъ забитые и загнанные, униженные и оскорбленные единоплеменники хранятъ въ своихъ нѣдрахъ обильный запасъ добродѣтелей и достоинствъ, которыя при другихъ условіяхъ могли бы стать источникомъ блага для общества и страны, въ которыхъ проявились бы. Нынѣ же эти запасы лежатъ мертвымъ капиталомъ или, расходуясь исключительно въ средѣ евреевъ, благодаря ихъ отчужденности и замкнутости, только скрѣпляютъ эту замкнутость и отчужденность и только ярче, рѣзче и безпощаднѣе выдѣляютъ ихъ изъ общей массы населенія, противупоставляютъ интересы и усиливаютъ вражду и непріязнь. Сами соціальныя достоинства простого еврея обращаются ему на пагубу. Какой же выходъ изъ этого проклятаго положенія? Юдофилы отвѣчаютъ указаніемъ на необходимость отмѣны законодательныхъ ограниченій правъ евреевъ и на просвѣщеніе.

Просвѣщеніе—прекрасное средство противъ всякаго общественнаго недуга, но хорошо оно не тѣмъ, что излечиваетъ всякій недугъ, а тѣмъ, что содѣйствуетъ уясненію его причинъ и дозволяетъ при образованныхъ исполнителяхъ примѣнить болѣе разнообразный кругъ цѣлительныхъ средствъ. Мы уже знаемъ, что не въ невѣжествѣ надо искать объясненія движенія 1881 года и что, слѣдовательно, однимъ просвѣщеніемъ не предупредить его появленія. Что касается отмѣны ограниченій правъ евреевъ, ограниченій, распространяющихся на сферу ихъ дѣятельности и районъ мѣстожительства, то этому вопросу мы уже посвятили много мѣста въ прошлой главѣ и разобрали его значеніе обстоятельно и подробно. Мы пришли къ заключенію, что система ограниченій вредна и содѣйствуетъ не ослабленію, а лишь усиленію всѣхъ вредныхъ сторонъ еврейской замкнутости, отчужденности и эксплуатаціи, что она должна быть отмѣнена и что это нетолько не представляетъ никакой опасности, а отчасти способно даже умѣрить зло, противъ котораго нынѣ она призвана бороться. Все это такъ и потому нельзя не одобрить желанія юдофила отмѣнить всякія законодательныя и административныя ограниченія правъ евреевъ, но съ другой стороны нельзя же въ самомъ дѣлѣ народную ненависть противъ евреевъ объяснить ограниченіемъ еврейскихъ правъ. Ненависть къ угнетенному—явленіе ненормальное, а въ обширныхъ размѣрахъ даже невозможное. И такъ, не угнетенія евреевъ закономъ вызвали ненависть народа и съ отмѣною его эта ненависть не исчезнетъ. Нѣсколько уменьшая проявленія нѣкоторыхъ наиболѣе антипетическихъ сторонъ еврейской дѣятельности, отмѣна ограниченія можетъ, конечно, содѣйствовать нѣкоторому улучшенію этихъ злосчастныхъ отношеній. Такъ какъ еврейская дѣятельность и еврейское поведеніе, возмущающія противъ себя народное чувство, зависятъ въ сравнительно незначительной степени отъ законодательной неполноправности евреевъ, то и отмѣною

этой неполноправности не исчерпывается наша задача. Таковы итоги нашихъ объясненій съ господами юдофилами. Оставляя въ сторонѣ непослѣдовательную, но лукавую программу юдофила-лицемѣра, мы можемъ сказать о программѣ искреннихъ и просвѣщенныхъ юдофиловъ, что она, исходя изъ невѣрнаго освѣщенія причинъ явленія, недостаточна и неполна, хотя, удовлетворяя чувству справедливости по отношенію къ евреямъ, и заслуживаетъ полнаго вниманія и одобренія. Ожидать же отъ нея разрѣшенія вопроса было бы напрасно.

III.

Мы разсмотрѣли, какъ рѣшаютъ злополучный вопросъ два діаметрально противоположныя направленія, и пришли къ заключенію, что ни въ томъ, ни въ другомъ рѣшеніи нѣтъ ни спасенія, ни истины. Это, впрочемъ, ни мало не означаетъ, чтобы спасеніе съ истиною обрѣтались посерединѣ, совсѣмъ нѣтъ. Посерединѣ между ними лежитъ народное достояніе, за которое, собственно говоря, и ссорятся противники, но объ этомъ ниже, а теперь кинемъ общій взглядъ на взаимоотношеніе обоихъ лагерей. Что касается программы, то оба лагеря рекомендуютъ репрессію и вѣрятъ въ ея чудодѣйственную силу. Юдофилы полагаютъ, что репрессія исцѣляетъ отъ интеллектуальныхъ ошибокъ и заблужденій и способна убѣдить жертвъ репрессіи, что ихъ обманывали и подстрекали даже въ томъ случаѣ, если тѣ твердо знаютъ, что ихъ никто не обманывалъ и не подстрекалъ. Юдофобы, съ своей стороны, твердо уповаютъ, что репрессія можетъ нравственно исправить евреевъ, вселить имъ добрыя чувства къ христіанамъ и устранить ихъ эксплуатацію. Обѣ стороны оказываются по плечу другъ другу и, кажется, могутъ быть довольны ходомъ вещей въ любезномъ отечествѣ. Съ одной стороны, юдофилы могли всласть наслаждаться административною расправою надъ участвовавшимъ въ движеніи населеніемъ края, а съ другой стороны и юдофобы не могутъ пожаловаться: репрессаліи противъ евреевъ ни мало не ослабляются и даже усиливаются. Такимъ образомъ, репрессія призвана къ двойной роли: вселить въ христіанское населеніе чувство пріязни къ евреямъ, главнымъ образомъ, посредствомъ кутузки и розги, а затѣмъ и въ евреевъ вселить братское чувство къ христіанамъ при помощи разныхъ ограниченій ихъ дѣятельности и жительства и посредствомъ крутого и неуклоннаго примѣненія отчасти уже забытыхъ постановленій. Тѣмъ не менѣе, ни юдофилы, ни юдофобы не довольны. Послѣдніе, сознаваясь, что репрессіи противъ христіанъ составляютъ «печальную необходимость», хотѣли бы усилить репрессіи противъ евреевъ. Юдофилы же, не находя тоже достаточными репрессіи противъ христіанъ, протестуютъ противъ репрессіи, направленной на христіанъ. Таково

общее положеніе двухъ враждующихъ лагерей. Но если мы отъ этихъ общихъ положеній и программъ обратимся къ болѣе тщательной сортировкѣ матерьяла, то за возгласами обѣихъ сторонъ разберемъ и честные, нелицепріятные голоса, смѣшавшіеся и заглушаемые общимъ хоромъ рыцарей и поэтовъ того и другого лагеря.

Среди юдофиловъ нельзя не отмѣтить искреннихъ прогрессистовъ, обращающихъ, однако, вниманіе лишь на одну сторону вопроса, на неполноправность евреевъ, какъ на причину, питающую ихъ отчужденность и замкнутость и порождающую этимъ путемъ многія явленія розни и непріязни между евреями и остальнымъ населеніемъ. Соглашаясь отчасти съ этимъ мнѣніемъ, мы, однако, видѣли, какъ мало оно объясняетъ всю совокупность вопроса и потому какъ неполна и недостаточна программа, истекающая изъ такого односторонняго воззрѣнія на причины явленія.

Такимъ же образомъ и среди возгласовъ господъ глашатаевъ-юдофобовъ иной разъ выдѣляется голосъ честнаго друга народа, болящаго душою при видѣ народнаго раззоренія и оскудѣнія. Эти искренніе, но недальновидные люди легко увлекаются іереміадами глашатаевъ и, видя передъ собою повсемѣстную эксплуатацію народа, охотно вѣрятъ, когда глашатаи рекомендуютъ репрессію, какъ всеисцѣляющее средство. Мы достаточно подробно останавливались на значеніи репрессіи въ этомъ отношеніи и болѣе возвращаться къ этому не намѣрены. Но мы еще не разсмотрѣли вопроса о самой эксплуатаціи евреями населенія, какъ причинѣ народныхъ движеній 1871 и 1881 годовъ. Честные и простые люди деревни давно и настойчиво указываютъ на это зло. Юдофобы воспользовались этимъ, чтобы подкрѣпить свои репрессивныя поползновенія, но, конечно, это обстоятельство не устраняетъ самаго факта и не можетъ помѣшать разсмотрѣть его со вниманіемъ, какого онъ, конечно, заслуживаетъ.

Конечно, каждый не разъ слышалъ и читалъ толки объ еврейской эксплуатаціи и высасываніи соковъ изъ населенія, о закабаленіи его въ экономическое рабство при посредствѣ этой эксплуатаціи и проч. Многое, къ сожалѣнію, слишкомъ многое совершенно вѣрно и справедливо, но существенная ошибка всякихъ заключеній, выводимыхъ отсюда, состоитъ въ томъ, что обыкновенно вполнѣ игнорируется смыслъ слова «эксплуатація» и значеніе этого явленія въ экономической жизни народовъ, его происхожденіе, причины, развитіе и послѣдствія. Уяснивъ себѣ эту главу экономической жизни человѣчества, причинную связь экономической эксплуатаціи съ другими фактами національной исторіи, ея необходимость при извѣстныхъ историческихъ условіяхъ и комбинаціяхъ, вообще ея роль въ жизни общества, мы, конечно, и къ той эксплуатаціи, въ которой виновны наши евреи, отнеслись бы иначе, а, указавъ ея причину, нашли бы и сред-

ства противъ нея, могли бы дать дѣйствительную программу охраненія населенія отъ евреевъ и евреевъ отъ населенія.

Прежде всего необходимо выяснить самое понятіе эксплуатаціи. Въ обширномъ и точномъ значеніи слова эксплуатировать значитъ извлекать пользу, выгоду. Такъ говорятъ объ эксплуатаціи земли, рудниковъ, лѣсовъ, желѣзныхъ дорогъ и проч. Во всѣхъ этихъ выраженіяхъ терминъ *эксплуатація* просто означаетъ *извлеченіе пользы* и, конечно, ничего предосудительнаго въ себѣ не заключаетъ. Не какой-либо другой смыслъ имѣетъ этотъ терминъ и въ примѣненіи къ населенію; *эксплуатировать населеніе* значитъ по просту *извлекать изъ него выгоду*, ни больше, ни меньше. Это надобно всегда помнить, когда рѣчь идетъ объ эксплуатаціи населенія, что̀ вовсе не означаетъ непремѣнно мошенничества, плутни и обмана. Извлекать пользу, однако, можно двояко, сообразно двойственности самого процесса производства; можно затрачивать извѣстную сумму труда, равную, положимъ, цѣнности А, и извлечь въ видѣ продукта сумму цѣнности, равную А+В. Цѣнность В есть выгода, а самый обмѣнъ цѣнности труда, равной лишь А, на цѣнность продукта, равную А+В, и представляется извлеченіемъ выгоды, эксплуатаціей. Это эксплуатація посредствомъ труда. Такъ эксплуатируетъ свою пашню крестьянинъ, моря и озера—рыболовъ, желѣзную руду—кустарь, гвоздарь и проч., но такъ эксплуатировать населеніе невозможно. Населеніе эксплуатируется лишь при помощи капитала. Внѣшняя формула эксплуатаціи капиталомъ та же самая; затрачивается капиталъ, цѣнность котораго равняется А, получается же въ обмѣнъ на это цѣнность А+В. *В* есть извлеченная выгода, а самый оборотъ обмѣна — эксплуатація. При экономическомъ строѣ, въ которомъ капиталъ выдѣлился изъ труда, эксплуатація труда составляетъ необходимую и неизбѣжную функцію капитала, эксплуатація населенія представляется нормальнымъ, постояннымъ и всеобщимъ явленіемъ экономической жизни страны. Что касается формы, въ которую облекается эксплуатація, то она крайне разнообразна, но все-таки можетъ быть сгруппирована въ два рода, имѣющихъ наружное отличіе. Первый родъ, менѣе распространенный и играющій значительную роль лишь въ періодъ переходнаго состоянія экономической жизни, въ періодъ обособленія капитала и труда, заключается въ томъ, что представитель капитала даетъ представителю труда реализованную цѣнность капитала, равную А, и получаетъ отъ насъ въ обмѣнъ за это тоже реализованную цѣнность, равную А+В, гдѣ В часто превышаетъ самое А. Это большею частью мелкія сдѣлки едва выдѣлившагося капитала съ представителемъ труда, еще не вполнѣ лишившимся капитала; это путь которымъ этотъ трудъ окончательно лишается капитала и мало-помалу становится уже вполнѣ недоступенъ такого рода эксплуатаціи, ибо не въ состояніи реализовать какую бы то ни было цѣнность. Другого рода эксплуатація, гораздо болѣе распространен-

ная, еще успѣшнѣе и быстрѣе толкающая трудъ по пути этого окончательнаго освобожденія отъ капитала и завладѣвающая затѣмъ трудомъ безраздѣльно, представляетъ нѣсколько болѣе сложныя отношенія. Здѣсь капиталъ не дается представителю труда съ тѣмъ, чтобы вернуться отъ него же въ приращенномъ видѣ, а затрачивается на производство, т. е. выплачивается тому же представителю труда, но уже за самую работу, за трудъ. Положимъ, цѣнность покупаемаго труда равняется *A*; капиталистъ, эксплуатирующій этотъ трудъ, вовсе не непремѣнно выплачиваетъ рабочему цѣну, ниже *A*. Нѣтъ, но, выплачивая *A*, онъ получаетъ въ свою пользу весь продуктъ труда, который, какъ мы выше видѣли, равняется A+B. Такимъ образомъ, B, составляющее разность между цѣнностью затраченнаго труда и его продукта, остается въ пользу капиталиста, составляетъ его выгоду, *прибыль*. Въ этомъ оборотѣ, трудъ эксплуатируетъ силы природы (земли, рудники, лѣса, продукты земли и проч.) и добываетъ добавочную цѣнность *B*., но эта добавочная цѣнность, произведенная трудомъ, его минуетъ и поступаетъ въ пользу капиталиста; трудъ эксплуатируетъ природу, капиталистъ эксплуатируетъ трудъ, вслѣдствіе чего плоды эксплуатаціи природы трудомъ, въ концѣ-концовъ, увеличиваютъ богатство и экономическую силу капиталиста, а трудъ, выходящій изъ производства лишь съ тѣмъ, съ чѣмъ пришелъ, только содержится. Таковъ неизбѣжный и необходимый законъ капиталистическаго строя, т. е. порядки экономической жизни, при которыхъ трудъ и капиталъ обособились; здѣсь эксплуатація труда капиталомъ, т. е. большинства населенія богатымъ меньшинствомъ составляетъ неотвратимое послѣдствіе условій, положенныхъ въ основу экономическаго строенія; здѣсь существуетъ для отдѣльной личности лишь выборъ между положеніемъ эксплуататора и эксплуатируемаго; здѣсь участвовать въ торговлѣ и промышленности можно лишь въ роли одного изъ этихъ общественныхъ наслоеній. Самый честный капиталистъ, какъ и самый безчестный, эксплуатируетъ населеніе, потому что пользуется (и не можетъ не пользоваться, пока остается капиталистомъ) добавочною цѣнностью, произведенною чужими трудами; капиталистъ можетъ воспользоваться этою добавочною цѣнностью лишь потому, что самъ трудъ, не имѣя капитала для собственнаго содержанія въ періодѣ добыванія продукта, принужденъ за это содержаніе уступать капиталисту весь продуктъ, превышающій на добавочную цѣнность B ту цѣнность *A*, которая необходима для содержанія труда. Результатомъ всего этого процесса является все бо́льшее и бо́льшее распаденіе націи на два рѣзко отличные и по интересамъ прямо противуположные класса имущихъ и неимущихъ, капиталистовъ и рабочихъ.

Такимъ образомъ, ясно, что эксплуатація населенія можетъ отсутствовать лишь тамъ, гдѣ капиталъ не обособился отъ труда, гдѣ представители труда обладаютъ въ тоже время и капи-

таломъ, необходимымъ для собственнаго содержанія въ періодъ производства до реализаціи цѣнности продукта, гдѣ слѣдовательно добавочная цѣнность, произведенная трудомъ, никѣмъ и ничѣмъ у него не оспаривается и идетъ на усиленіе его средствъ, его экономическаго значенія. Но гдѣ трудъ и капиталъ не обособились еще? Въ Западной Европѣ этотъ процессъ, повидимому, завершился, но у насъ въ Россіи мы стоимъ у его начала. У насъ еще большинство населенія состоитъ изъ крестьянъ-хозяевъ, т. е. представителей труда, сохранившихъ еще и капиталъ для самостоятельнаго хозяйства, т. е. для эксплуатаціи природы за свой счетъ и въ свою выгоду. Но съ другой стороны, не можетъ быть не малѣйшаго сомнѣнія, что начало обособленію капитала отъ труда уже прочно заложено и самый процессъ обогащенія меньшинства въ ущербъ бѣднѣющему большинству подвинулся довольно далеко, подвигаясь впередъ съ неимовѣрною и ужасною быстротою. Грозные призраки пролетаріата, пауперизма, соціальнаго вопроса и неразрѣшимой коллизіи обособленныхъ факторовъ производства, оспаривающихъ одинъ у другого добавочную цѣнность, всѣ эти *проклятые* вопросы западно-европейской экономической жизни стоятъ уже у порога нашихъ настежъ отворенныхъ для любезныхъ гостей воротъ. Причины этого рокового процесса выяснены въ литературѣ довольно обстоятельно. Малоземелье большинства крестьянъ въ корень подрываетъ возможность самостоятельнаго хозяйства на *собственныхъ* земляхъ; непомѣрные платежи, которыми обременены крестьянскія хозяйства, ведутъ это хозяйство къ неизбѣжному банкротству; пагубная ирландская арендная система, водворившаяся у насъ на частныхъ помѣстныхъ земляхъ, дѣлаетъ невозможнымъ развитіе хозяйства на арендованныхъ земляхъ; констатированное расхищеніе казенныхъ земель лишаетъ земледѣльца перспективы поддержки съ этой стороны; безправность крестьянина vis à vis съ урядникомъ и со всякимъ хищникомъ, заслужившимъ легко пріобрѣтаемое расположеніе послѣдняго, усугубляетъ неизбѣжность раззоренія, дѣлая хозяина жертвою всякаго мелкаго хищника, и т. д., и т. д. Съ другой стороны, возникаютъ крупныя состоянія путемъ интендантскаго, инженернаго и всякаго прочаго казнокрадства, путемъ концессій, расхищенія казенныхъ земель и проч. Съ двухъ сторонъ куется у насъ капиталистическій строй: мужикъ неизбѣжно бѣднѣетъ при данныхъ условіяхъ, хищникъ обогащается, населеніе распадается на имущихъ и неимущихъ, факторы производства (трудъ и капиталъ) обособляются. Я убѣжденъ, что вовсе не трудно остановить этотъ роковой процессъ безъ всякихъ потрясеній и не нарушая ни чьихъ законныхъ интересовъ, но покуда онъ не остановленъ, покуда онъ производитъ свои опустошенія въ крестьянскомъ хозяйствѣ, нельзя не считаться съ нимъ, нельзя не видѣть и не знать, что онъ не можетъ нравиться бѣднѣющему большинству, которое должно искать его объясненія и средствъ

противъ него. Читатель уже видитъ выводъ, который самъ собою напрашивается изъ всего предъидущаго изложенія. Большинство бѣднѣетъ, ищетъ объясненія этому, ищетъ средствъ; оно въ Южной Руси видитъ, что жидъ богатѣетъ; значитъ, онъ богатѣетъ на его счетъ, значитъ онъ вина и причина его обѣднѣнія. Въ сущности, это простое крестьянское разсужденіе и справедливо, и несправедливо. Крестьянинъ правъ, когда думаетъ, что жидъ богатѣетъ на его, крестьянина, счетъ, на счетъ его обѣднѣнія; но онъ не правъ, когда полагаетъ, что именно самъ жидъ и его дѣятельность и есть настоящая причина этого обѣднѣнія. Жидъ лишь воспользовался обѣднѣніемъ, составляющемъ естественное и неизбѣжное послѣдствіе обособленія факторовъ производства, процесса выдѣленія капитала, а процессъ этотъ въ свою очередь питается цѣлымъ рядомъ общественныхъ и государственныхъ условій, гдѣ жидъ не причемъ. Развѣ крестьянское малоземелье и непосильные платежи созданы евреями? Развѣ ими образованы магнатскія латифундіи и майораты? Развѣ законодательство, создавшее откупные, концессіонные, интендантскіе и проч. и проч. капиталы, выдумано евреями? Развѣ вся эта паутина неуловимаго въ его прерогативахъ и вездѣсущаго начальства, начиная съ урядника и кончая предводителемъ, которое частью поборами, а больше безтолковымъ гнетомъ обездоливаетъ крестьянъ, развѣ это измышленіе евреевъ? Не ясно ли, что не евреи положили основаніе въ Россіи тому печальному экономическому строю, гдѣ, чтобы не быть эксплуататоромъ, надо быть жертвою эксплуатаціи?

И такъ дѣло вовсе не въ спеціально-еврейской эксплуатаціи, а просто въ томъ, что указанныя причины и многія другія, согласно всѣмъ правиламъ экономической науки, обездоливаютъ большинство, обогащая меньшинство. Процессъ этотъ происходитъ во всей Россіи, но тамъ, на Великой Руси народъ теряется въ исканіи причины; здѣсь же, на Малой Руси обстоятельства такъ сложились, что причина сама собою бросается въ глаза. Обогащающееся меньшинство—еврей, бѣднѣющее большинство—христіане. Народъ это видитъ и потому, естественно, въ евреяхъ и видитъ причину своего обѣднѣнія. Не будь евреевъ, процессъ обособленія факторовъ производства при наличныхъ условіяхъ былъ бы такъ же неизбѣженъ; большинство все равно бѣднѣло бы, меньшинство—обогащалось бы. Этого народъ не знаетъ, но онъ хорошо знаетъ, ежечасно чувствуетъ свое обѣднѣніе и видитъ параллельное обогащеніе еврея. Ясно, что еврей виновенъ въ его обѣднѣніи. Въ сущности, еврей лишь воспользовался условіями, не имъ созданными и которыми, не воспользуйся онъ, воспользовался бы другой, непремѣнно воспользовался бы, не могъ бы не воспользоваться. Однако, вполнѣ естественно, что народная масса не понимаетъ и не можетъ понимать этого и что она обрушиваетъ гнѣвъ свой на видимыхъ виновниковъ своего бѣдствія, на тѣхъ, кто грѣется у пожара,

истребляющаго народное благосостояніе, кто раста скиваетъ послѣдніе достатки погорѣльцевъ. Погасите, господа, пожаръ и гнусные грабители пожарища сами исчезнутъ; остановите процессъ обособленія факторовъ производства, дайте вздохнуть народному хозяйству, и никакія піявки-эксплуататоры ему не будутъ опасны, а съ другой стороны и онъ не будетъ никому опасенъ.

О, поскорѣй на рельсы... Страшна
Сила сошедшаго съ рельсовъ вагона.

При чемъ же тутъ еврейскій вопросъ? На этотъ вопросъ отвѣчать вовсе не такъ трудно. Сущность еврейскаго вопроса—экономическая и она входитъ, какъ составная часть, въ общерусскій экономическій вопросъ. Разрѣшите этотъ общій вопросъ удовлетворительно и тѣмъ самымъ вы приведете къ рѣшенію и частный еврейскій вопросъ. Злоба дня въ Россіи въ экономической сферѣ—это властное вторженіе западно-европейскаго капитализма на мѣсто стародавнихъ экономическихъ основъ, излюбленныхъ славянскими племенами и выражающихся въ поземельной общинѣ, въ промысловой артели, въ кустарномъ производствѣ, въ народномъ хозяйствѣ вообще. Неблагопріятныя условія окрутили въ теченіи послѣднихъ двадцати лѣтъ, спутали и обезсилили народное хозяйство съ его традиціонными основами; они расчистили путь капитализму, который вошелъ и сѣлъ на первое мѣсто, и началъ командовать. Въ южной Руси «жидъ» принялъ на себя роль этого піонера капитализма; народная душа не выдержала и гнѣвъ разразился столько же безобразными, сколько и безплодными конвульсіями народнаго протеста. Народъ мстилъ нетолько за свое раззореніе и обѣднѣніе, но и за поруганіе торжествующимъ капитализмомъ святыни своихъ традицій экономической правды и справедливости. Безплодное мщеніе, безплодные протесты, но вполнѣ естественные и неизбѣжные до тѣхъ поръ, пока народъ не пойметъ, что при нарождающемся и торжествующемъ экономическомъ строѣ не обижать ближняго можно лишь подъ условіемъ быть обиженнымъ, не обирать плоды чужого труда возможно лишь допуская обираніе плодовъ собственныхъ трудовъ. Народъ слишкомъ свыкся съ своими идеалами экономической правды, свято пронесъ ихъ и соблюлъ черезъ тысячелѣтія, сохранилъ подъ игомъ рабства и принужденъ видѣть ихъ поруганіе въ эпоху свободы! Новая экономическая «правда», обѣляющая всякую неправду, оправдывающая всякую обиду, провозглашающая принципъ всеобщей борьбы за существованіе, всеобщаго взаимнаго поѣданія, эта новая капиталистическая *правда* стоитъ въ прямомъ противорѣчіи съ народными традиціями и идеалами, кажется народу вопіющею кривдою и обидою. Не мудрено, что онъ возстаетъ противъ тѣхъ, кто живетъ по этой новой *правдѣ*, кто, опираясь на новые экономическіе факторы, широкою рукою черпаетъ изъ этого новаго источника благоустроеніе собственнаго благополучія на несчастіе око-

лодка. Сегодня народъ возсталъ противъ евреевъ (почему противъ нихъ прежде всего, мы видѣли выше и еще вернемся къ этому вопросу), но чѣмъ мы гарантированы, что завтра не увидимъ тѣмъ же сценъ дикаго насилія и безплоднаго, безобразнаго мщенія, направленнаго противъ другихъ наслоеній, тоже выигравшихъ и выигрывающихъ отъ насажденія капитализма со всѣми его послѣдствіями? Къ сожалѣнію, существуютъ симптомы, что это не вполнѣ невозможно; были газетныя извѣстія, что въ самый разгаръ анти-еврейскаго движенія въ Звенигородскомъ (кажется) уѣздѣ Кіевской губерніи крестьяне силою захватили часть помѣщичьей земли. Такой же слухъ былъ сообщенъ о случаѣ въ Лубенскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи. Съ другой стороны, въ Одессѣ во время анти-еврейскаго взрыва пострадали не одни еврейскіе магазины, но и нѣкоторые христіанскіе; въ Ростовѣ на Дону тоже опасались подобнаго обобщенія движенія. Эти извѣстія въ высшей степени тревожны и печальны, и дай Богъ, чтобы они не были прелюдіей чего-нибудь бо̀льшаго, чтобы анти-еврейское движеніе не выродилось въ движеніе противъ имущихъ классовъ вообще. Сердце содрогается при мысли о сложныхъ и печальныхъ послѣдствіяхъ такого движенія. Кто любитъ свое отечество, пусть поразмыслитъ объ этомъ; а кто можетъ послужить дѣлу предупрежденія, пусть не откладываетъ. Быть можетъ — и дай-то Боже—все обойдется благополучно и мимо насъ пройдетъ чаша сія; но если, какъ то показываетъ намъ и предостерегаетъ насъ анти-еврейское движеніе, если безсильному и безплодному, но тѣмъ не менѣе гибельному для всѣхъ сторонъ народному взрыву противъ капитализма суждено проявиться, то предупредить его одними полицейскими мѣропріятіями невозможно, а необходимы органическія мѣры, которыя содѣйствовали бы народу отстоять свое благосостояніе, свое хозяйство, свою старину. Литература и передовыя земства давно намѣтили программу этихъ органическихъ мѣропріятій; правительство тоже уже вступило на этотъ путь уменьшеніемъ выкупныхъ платежей, облегченіемъ переселеній. Если наша внутренняя экономическая политика не сойдетъ съ этого пути, а, напротивъ, энергически и скоро осуществитъ лежащія на пути задачи, то торжествующему нынѣ западному капитализму могутъ быть поставлены надежныя препоны, а вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ быть въ корнѣ заглушена зарождающаяся рознь между имущими и неимущими классами. Вмѣстѣ съ этимъ самъ собою растаетъ и еврейскій вопросъ въ той формѣ, въ какой онъ выдвинутъ событіями 1881 года. Словомъ, revenons à nos moutons: увеличьте крестьянское землевладѣніе до размѣровъ, обезпечивающихъ самостоятельное хозяйничанье; уменьшите земельные платежи до размѣровъ, соотвѣтствующихъ доходности земли; устраните быстро распространившуюся у насъ пагубную ирландскую систему хозяйничанья на помѣстныхъ земляхъ; организуйте переселеніе свободныхъ земле-

дѣльческихъ рукъ на свободныя земли и т. д.—и вмѣстѣ съ устраненіемъ глубокаго народно-экономическаго кризиса, вмѣстѣ съ остановкою процесса обособленія факторовъ производства, вмѣстѣ съ охраненіемъ старыхъ основъ нашей экономической жизни, будетъ радикально рѣшенъ и еврейскій вопросъ, будутъ устранены всякіе шансы анти-еврейскихъ движеній, будетъ народъ огражденъ отъ еврея, а еврей отъ народа.

Въ этомъ рѣшеніи вопроса о борьбѣ съ надвигающимся на насъ съ Запада капитализмомъ, со всѣми его послѣдствіями, распаденіемъ націи на имущихъ и неимущихъ, экономическимъ антагонизмомъ классовъ, пролетаріатомъ, пауперизмомъ, соціальными конвульсіями, именно въ этомъ рѣшеніи общаго экономическаго вопроса и состоитъ главная сущность рѣшенія и по спеціально еврейскому вопросу. Но какъ самъ еврейскій вопросъ заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя осложняющія его особенности, то намъ необходимо остановиться нѣсколько на этихъ особенностяхъ и посмотрѣть, не требуютъ ли они дополненія нашей программы.

Почему именно евреи явились на Малой Руси піонерами капитализма и, такимъ образомъ, по необходимости, должны были стать первою жертвою народнаго гнѣва, вызваннаго вторженіемъ капитализма? Почему именно евреи воспользовались въ свою выгоду условіями, вызвавшими развитіе капитализма? Почему тамъ, гдѣ евреи проживаютъ въ большомъ числѣ, они почти не допустили другія народности къ этому роскошному пиру капитализма, торжествующаго надъ развалинами народнаго благосостоянія? Вотъ вопросы, осложняющіе нашу формулу рѣшенія еврейскаго вопроса и требующіе нашего вниманія.

IV.

Мы видѣли выше, что еврейская эксплуатація на Югѣ и Западѣ Россіи есть лишь частный случай той эксплуатаціи, которая въ настоящее время разлилась по всей Россіи и которая теперь работаетъ надъ концентрированіемъ капитала, надъ обособленіемъ факторовъ производства. Разлилась же эта эксплуатація вслѣдствіе существованія общественно-экономическихъ условій, дѣлающихъ ее неизбѣжною и необходимою. Но если поэтому и несправедливы вопли юдофобовъ противъ еврейской эксплуатаціи, то съ другой стороны необходимо признать, что евреи съумѣли неизбѣжную, исторически необходимую (при наличныхъ условіяхъ) эксплуатацію народнаго большинства меньшинствомъ довести до высшей возможной степени и придать ей особенно антипатичный, сугубо-обидный для обираемой массы видъ. Не будь евреевъ, конечно, ихъ мѣсто не осталось бы вакантнымъ; на ихъ мѣстѣ выросли бы и на Малой Руси, какъ выростаютъ на Великой, свои національные дѣятели обособленія факторовъ произ-

водства, явились бы свои Колупаевы и Разуваевы, свои кулаки и міроѣды, которые исполняли бы свою миссію концентрированія капитала съ не меньшею охотою и не меньшимъ прилежаніемъ, но это обираніе было бы непремѣнно не столь быстро и для народа не столь омерзительно. Объяснимся.

Особая успѣшность еврейской эксплуатаціи вовсе не зависитъ ни отъ особаго искуства, ни отъ бо̀льшей алчности еврея; россійскіе Деруновы не уступятъ ни въ томъ ни въ другомъ жидовскому Кербельвейзеру. Средній уровень еврейскаго ума нисколько не выше, а во многихъ отношеніяхъ даже ниже средняго уровня русскаго ума; спеціально коммерческой сметки у великороссіянина тоже едва ли меньше, нежели у еврея. Что касается безпощадности и безсердечія, столь полезныхъ при эксплуатаціи, то сомнительно, чтобы еврей и въ этомъ отношеніи превзошелъ національнаго православнаго міроѣда. Значитъ, не въ личномъ коммерческомъ превосходствѣ, не въ особомъ искуствѣ эксплуатировать надо искать причину успѣха евреевъ. Залогъ этого успѣха лежитъ въ ихъ общееврейской солидарности, въ ихъ всееврейскомъ союзѣ. Много спорили въ литературѣ и обществѣ о существованіи у евреевъ тайныхъ кагаловъ, имѣющихъ значеніе высшей и абсолютной власти для каждаго еврея. Эта власть будто бы бдитъ надъ общееврейскими интересами, караетъ виновныхъ въ отступничествѣ или не солидарности, управляетъ дѣйствіями, предпринятыми въ общихъ интересахъ. Мнѣ указывали въ Одессѣ на домъ одного лица, возбудившаго чѣмъ-то неудовольствіе евреевъ и на которое будто кагаломъ было наложено запрещеніе. Дѣйствительно, въ этомъ домѣ, стоявшемъ на бойкомъ торговомъ мѣстѣ, не было ни одного еврейскаго магазина. Тамъ же мнѣ указывали газету, которая подверглась будто бы такому же запрещенію кагала и которая не имѣла евреевъ-подписчиковъ. Защитники существованія тайной кагальной организаціи приводятъ также случаи изъ судебной практики, гдѣ будто бы обнаруживалось преступное даже дѣйствіе кагала, напримѣръ, въ извѣстномъ таинственномъ Шкловскомъ убійствѣ. Съ другой стороны, образованные евреи дружно отрицаютъ существованіе такихъ кагаловъ. Какъ ни интересно само по себѣ рѣшеніе этого вопроса о тайной еврейской организаціи, при наличныхъ данныхъ невозможно съ полною добросовѣстностью дать на него положительный отвѣтъ. Какъ бы ни было однако, существуетъ ли организація еврейскаго союза или нѣтъ, во всякомъ случаѣ можно утверждать, что еврейскій союзъ, организованный или неорганизованный, несомнѣнно существуетъ и не есть миѳъ, созданный фантазіей еврейскихъ недоброжелателей. Онъ можетъ не имѣть мѣстъ управленій, въ родѣ кагаловъ, кагальныхъ старшинъ и пр., онъ можетъ не имѣть общаго плана дѣйствій, но онъ несомнѣнно выражается въ общей поддержкѣ, которую всегда и всюду оказываетъ еврей еврею, въ ихъ союзѣ противъ нееврейскихъ конкуррентовъ, въ стачкахъ промышлен-

никовъ и торговцевъ одного рода, въ умѣніи складываться для подкупа и пр. Эти факты между-еврейской солидарности общеизвѣстны и никто ихъ отрицать не станетъ. Она-то, эта солидарность, и повела къ тому, что великимъ народнымъ кризисомъ, нынѣ переживаемымъ, воспользовались въ Малороссіи почти исключительно одни евреи.

Капиталъ началъ обособляться отъ труда; хозяинъ-работникъ началъ очищать мѣсто для хозяина-капиталиста съ одной стороны и работника-батрака съ другой; при данныхъ условіяхъ хозяинъ-работникъ фатально долженъ исчезать; мелкіе капиталы, на которые онъ велъ свое кустарное хозяйство, должны уходить изъ его рукъ и сосредоточиваться въ рукахъ немногихъ счастливцевъ, родоначальниковъ буржуазіи. А этихъ хозяевъ-работниковъ—милліоны; общій капиталъ ихъ оцѣнивается сотнями милліоновъ и милліардами. Еврей такъ съумѣлъ приспособиться, его племенная солидарность сослужила ему при этомъ такую службу, что львиная доля этихъ потерь, изо дня въ день уменьшающихъ милліоны мелкихъ народныхъ капиталовъ, попала ему въ карманъ. Другіе претенденты на роль буржуазіи принуждены лишь облизываться, а жидъ не зѣваетъ и, знай себѣ, глотаетъ да глотаетъ нашихъ хліборобовъ-хохловъ. Наконецъ, хохолъ обозлился и помялъ бока жиду, пораскидалъ его перины и подушки, а облизывавшіеся консерваторы подняли вопль: «Вотъ дескать мы правы, еврейская эксплуатація переполнила чашу». Да, господа, эксплуатація переполнила чашу, но кто ее впустилъ въ народную хату? Не вы ли, господа, сами по мѣрѣ силъ и умѣнья послужили этому? Оглянитесь, да поразмыслите. Сообразите такъ же, еслибы не было евреевъ, не взялись ли бы вы сами исполнить его культурную миссію насажденія болѣе усовершенствованныхъ формъ производства? Конечно, тогда это не называлось бы «эксплуатаціей народа», а напротивъ, экономическимъ и культурнымъ прогрессомъ; конечно, при отсутствіи всеобщаго союза, вы не такъ скоро вводили бы усовершенствованныя формы, какъ это дѣлаютъ евреи; они сдѣлаютъ въ одно поколѣніе то, что для васъ хватило бы на три. Но, господа, развѣ жизнь народа измѣряется однимъ поколѣніемъ? Быть можетъ, вы скажете, что тогда было бы больше времени принять мѣры для спасенія народнаго хозяйства, а жидъ не даетъ передохнуть, и будете вы на этотъ разъ, въ первый и единственный разъ, правы. Принимать мѣры противъ васъ еще вполнѣ время, а противъ жида надо спѣшить. Благодаря ли своей подпольной организаціи, или благодаря просто глубоко вкоренившейся солидарности, онъ развилъ такую силу эксплуатаціи, что быстро и всецѣло сотретъ нашего хохла-хлібороба. Но мѣры эти, какъ вы видите, должны быть общія; должно устранить тѣ условія, которыя неотразимо ведутъ нашу экономическую жизнь къ капитализму, къ обособленію факторовъ производства, труда и капитала. Остановите этотъ процессъ вторженія къ намъ ино-

земныхъ общественно-экономическихъ порядковъ, и нашъ хохолъ не будетъ больше терять ни своей «батьківщины», ни «вольного степу», ни «волівъ круторогихъ»... А покуда процессъ обособленія капитала продолжается, еврей, при своей солидарности, при взаимной поддержкѣ, при выработанномъ вѣками искуствѣ, всегда постарается (и въ этомъ стараніи всегда успѣетъ) взять себѣ капиталъ, великодушно предоставивъ хохлу трудъ. И такъ, сплоченность и солидарность еврейства ускоряетъ процессъ обособленія капитала отъ труда и вмѣстѣ съ тѣмъ почти всецѣло устраняетъ другихъ нееврейскихъ претендентовъ на капиталъ, а съ другой стороны, отчужденность евреевъ отъ прочей среды и вытекающее отсюда безсердечное отношеніе къ горю обираемаго, дѣлаетъ самый процессъ эксплуатаціи до нельзя ненавистнымъ и невыносимымъ. Такимъ образомъ, отличительною чертою собственно еврейской эксплуатаціи является замкнутость, отчужденность, общая междуеврейская солидарность, жесткое отношеніе къ неевреямъ. Эти-то отличительныя черты, которыя всѣ могутъ быть соединены подъ общимъ наименованіемъ «союза для эксплуатаціи», и представляютъ ту особенность еврейскаго вопроса, которою онъ нѣсколько отличается отъ общаго экономическаго вопроса. Эксплуатація разлилась повсюду и повсюду дѣлаетъ свое дѣло обособленія труда и капитала, но *союзъ для эксплуатаціи* существуетъ только между евреями Южной и Западной Россіи; общая проблема остановить успѣхи эксплуатаціи, прекратить обособленіе факторовъ производства, спасти народное хозяйство, эта общая для всей Руси проблема на Малой Руси осложняется дополнительною задачею — разложить еврейскій союзъ для эксплуатаціи, уничтожить замкнутость и отчужденность.

Въ чемъ, однако, надо искать причину этой отчужденности и замкнутости? Въ силу какихъ условій возникъ и держится союзъ для эксплуатаціи? Нѣкоторые склонны будутъ объяснить дѣло традиціей, тѣмъ, что Тейлоръ назвалъ историческимъ переживаніемъ. Но сомнительно, чтобы этимъ исчерпывался вопросъ. Явленіе, завѣщанное исторіей и не находящее удобной почвы въ настоящемъ, лишено жизненности; оно постепеано вымираетъ, если не соотвѣтствуетъ условіямъ. Если же оно живетъ и даже развивается, приспособляясь къ новымъ условіямъ, захватывая новыя сферы дѣятельности, то значитъ условія ему соотвѣтствуютъ, его питаютъ и поддерживаютъ; значитъ, въ этихъ-то условіяхъ и надо искать истинную причину явленія, а не въ историческомъ преданіи. Какія же это условія? Быть можетъ, враждебность остального населенія? Но откуда же сама эта враждебность? Если отчасти она завѣщана исторіей, то столько же, сколько и другіе виды національной и религіозной нетерпимости, но тѣ вымираютъ, исчезаютъ, а эта выживаетъ и даже развивается, сказываясь безобразными сценами насилія. Значитъ, не враждебность населенія—причина еврейской отчуж-

денности и солидарности. Еврейскій союзъ для эксплуатаціи, очевидно, обязанъ своимъ бытіемъ чему-то иному. Не законодательныя ли ограниченія правъ евреевъ виновны въ этомъ? Что они содѣйствуютъ укрѣпленію этого союза, составляютъ его внѣшнюю ограду, мы ужь видѣли, но было бы наивно приписывать имъ иниціативу, главную роль въ его созданіи и поддержаніи. Репрессія служитъ внѣшнею преградою распаденія союза, но, конечно, не она составляетъ его цементирующее вещество, его связующій элементъ. *Союзъ для эксплуатаціи очень выгоденъ евреямъ*—въ этомъ ключъ всего вопроса; выгода, разсчетъ пользы — вотъ истинный и главный цементъ союза. Возникли еврейская отчужденность, замкнутость и солидарность, словомъ, экономическій союзъ еврейства — въ тѣ времена, когда еврейство подвергалось гоненіямъ, представляло касту паріевъ и отверженцевъ, еле терпимыхъ въ обществѣ. Тогда союзъ былъ необходимъ для обороны; тогда онъ былъ союзомъ для взаимной и общей защиты. Многовѣковая практика выработала привычки и обычаи, почти инстинкты, приспособленные для общей союзной экономической борьбы съ остальнымъ міромъ; религія въ книгѣ Талмуда освятила эту борьбу; поколѣнія за поколѣніями рождались и умирали съ лозунгомъ солидарности со своими и безпощадной борьбой съ чужими. Но времена перемѣнились, нравы смягчились, законодательство распространило свое покровительство и на прежнихъ отверженцевъ. Повидимому, союзъ оказался не нуженъ. Но рядомъ съ этимъ наступилъ экономическій кризисъ, великій соціальный переломъ; начался процессъ обособленія труда и капитала; наступило время борьбы всѣхъ противъ всѣхъ, время, когда на знамени цѣлой эпохи черными буквами начертано «Горе побѣжденнымъ». Въ эту переходную эпоху, когда выплываютъ новыя экономическія силы и выясняются новыя экономическія наслоенія среди безпощадной экономической борьбы всѣхъ противъ всѣхъ, сплоченная для борьбы, солидарная группа всегда получитъ громадное преимущество, непремѣнно пріобрѣтетъ великіе шансы побѣды. Прошедшее еврея выработало въ немъ эту сплоченность въ борьбѣ, солидарность, которая даруетъ такой перевѣсъ, при которой такъ возрастаютъ шансы торжества и успѣха для каждой отдѣльной единицы. Странно было бы, еслибы евреи добровольно отказались отъ этихъ шансовъ. Они и не отказались отъ нихъ, и не откажутся; на это надѣяться нечего. Союзъ для эксплуатаціи, возросшій на почвѣ прежняго союза для самообороны, слишкомъ выгоденъ для его членовъ; эта выгода слишкомъ велика и очевидна, основы этого союза слишкомъ привычны, общеусвоены, почти инстинктивны, чтобы можно было ожидать его распаденія при наличныхъ условіяхъ. Организація кагальная, если она существуетъ, можетъ распасться и исчезнуть, да она уже и ненужна теперь, но солидарность, постоянная и повсемѣстная поддержка каждаго еврея каждымъ евреемъ, правильная сплоченность

противъ иноплеменной конкурренціи, вѣками выработанная способность въ нужныхъ случаяхъ дѣйствовать сообща, все это не требуетъ кагальной организаціи, но всего этого слишкомъ достаточно, чтобы сдѣлать «союзъ для эксплуатаціи» совершенно безопаснымъ отъ всякой конкурренціи другихъ эксплуататоровъ и болѣе нежели неотразимый для подорваннаго неблагопріятными условіями крестьянскаго хозяйства. Если дѣло продолжится такъ, то дѣйствительно, наибольшая часть капиталовъ нетолько южнаго и западнаго края, но и всей Россіи сосредоточится въ рукахъ евреевъ. Другія наслоенія, трудящіяся надъ насажденіемъ у насъ капитализма, будучи разрозненны, никогда не въ состояніи выдержать борьбу съ еврейскимъ союзомъ. Евреи, не будучи въ частности ни болѣе искусны въ эксплуатаціи, ни болѣе алчны, ни болѣе беззастѣнчивы своихъ христіанскихъ конкуррентовъ, должны взять верхъ просто въ силу своей союзности, взаимной поддержки. Быть можетъ, только старообрядцы, отличающіеся тоже нѣкоторою сплоченностью и экономическою солидарностью, могли бы явиться конкуррентами евреевъ. Впрочемъ, для эксплуатируемаго большинства нѣтъ большой разницы, кто его острижетъ; евреи только въ силу своей союзности скорѣе завершатъ неизбѣжный при наличныхъ условіяхъ процессъ объединенія большинства, которому, конечно, все равно, изъ кого будетъ состоять разбогатѣвшее на счетъ его раззоренія меньшинство. Но это совсѣмъ не все равно для тѣхъ, кто разсчитываетъ быть этимъ меньшинствомъ. Насъ, однако, это мало интересуетъ и мы совершенно равнодушны къ судьбѣ, ожидающей нашихъ національныхъ Деруновыхъ и Разуваевыхъ.

И такъ, если узелъ спеціально-еврейскаго вопроса въ «союзѣ для эксплуатаціи», то этотъ союзъ при наличныхъ условіяхъ, въ самый разгаръ процесса обособленія труда и капитала, слишкомъ выгоденъ для евреевъ и въ этой выгодѣ залогъ его процвѣтанія и прочности. Онъ самъ собою разложился бы лишь тогда, когда пересталъ бы быть выгоднымъ. Предоставивъ теченіе дѣлъ самимъ себѣ, предоставивъ наличнымъ условіямъ и далѣе направлять нашу общественно-экономическую жизнь, мы можемъ разсчитывать на значительное ослабленіе или даже полное прекращеніе этой выгодности союза лишь послѣ того, какъ процессъ обособленія капитала завершится окончательно, народъ лишится всѣхъ своихъ мелкихъ капиталовъ, а конкуррентъ будутъ устранены или хотя очень ослаблены, т. е. тогда, когда нація уже вполнѣ распадется на имущихъ и неимущихъ и когда имущими классами будутъ почти одни евреи (явленіе, которое нынѣ развивается въ Австріи). Но, съ другой стороны, союзъ для эксплуатаціи перестанетъ быть выгоднымъ и тогда, когда народное хозяйство, огражденное отъ вторженія капитализма, станетъ на ноги, и самый процессъ эксплуатаціи, т. е. вылавливаніе народныхъ капиталовъ прекратится. Если главное теченіе экономической жизни будетъ состоять не въ разложеніи

факторовъ производства, а, напротивъ, въ ихъ прочномъ и гармоническомъ сліяніи въ рукахъ народнаго большинства, то и главная забота каждаго индивида должна будетъ поневолѣ состоять не въ вылавливаніи изъ народнаго моря, отдѣляющагося силою экономическихъ условій капитала, не въ обираніи ближняго своего, благополучія ради и подъ страхомъ попасть самому въ разрядъ обираемыхъ, а въ коопераціи съ этимъ ближнимъ для достиженія какъ общаго, такъ и частнаго своего благосостоянія. При господствѣ процесса обособленія факторовъ производства, частное благополучіе можетъ созидаться лишь на развалинахъ общаго благосостоянія; при обратномъ процессѣ, напротивъ, частное благополучіе развивается и поднимается лишь параллельно съ общимъ и находится отъ послѣдняго въ полной зависимости. Натурально, что при такомъ порядкѣ вещей союзъ для эксплуатаціи становится нетолько безполезнымъ, но даже прямо невыгоднымъ. Еврейскій союзъ для эксплуатаціи неизбѣжно долженъ разложиться какъ только народное хозяйство будетъ поставлено на ноги и будутъ устранены условія, дѣлающія народное раззореніе неизбѣжнымъ и нормальнымъ. И такъ, всѣ дороги ведутъ въ Римъ; мы снова передъ лицомъ нашей великой экономической проблемы, передъ задачею запереть двери капитализму, охранить народное хозяйство отъ раззоренія, націю—отъ перспективы распаденія на имущихъ и неимущихъ, государство — отъ конвульсивныхъ потрясеній вслѣдствіе естественнаго антагонизма этихъ наслоеній, народную правду—отъ попранія ея властнымъ наглымъ пришельцемъ, новымъ экономическимъ строемъ. Анти-еврейское движеніе 1881 года было первымъ протестомъ народа противъ этого властнаго вторженія иноземной кривды, первою вспышкою нарождающагося антагонизма вырисовывающихся общественно-экономическихъ наслоеній. Будемъ надѣяться, что онъ будетъ и послѣднимъ.

Проблема ясна до очевидности, народное хозяйство находится еще въ состояніи поправимомъ; народная правда еще не отлетѣла изъ души народной массы; экономически и морально возрожденіе еще возможно и не затруднительно; средства для этого разработаны и выяснены и литературою, и практикою. Не слѣдуетъ лишь откладывать на завтра то, что можно сдѣлать сегодня, ибо время не ждетъ и грозный врагъ хозяйничаетъ въ нашей странѣ, у каждаго народнаго очага. Теперь возможно еще безъ всякихъ потрясеній и безъ нарушенія чьихъ бы то ни было законныхъ интересовъ и правъ, сойти съ пагубнаго пути развитія капитализма, на который вступила наша экономическая жизнь, толкаемая въ этомъ направленіи условіями и обстоятельствами, легко устранимыми. А съ разрѣшеніемъ общей проблемы самъ собою разрѣшится и спеціально-еврейскій вопросъ: населеніе будетъ ограждено отъ всякой эксплуатаціи, слѣдственно и отъ еврейской, а тѣмъ самымъ евреи будутъ ограждены отъ взрывовъ, подобныхъ 1871 г. въ Одессѣ и 1881

года во всей Малороссіи и Варшавѣ; съ другой стороны, весь еврейскій союзъ для эксплуатаціи потеряетъ подъ ногами почву, лишится внутренней цементирующей силы, состоящей въ его выгодности во время процесса обособленія капитала отъ труда, разложится самъ собою. Единственною его внѣшнею охраною могутъ тогда остаться лишь спеціальныя репрессіи противъ евреевъ, но съ ихъ отмѣною—о чемъ выше мы говорили подробнѣе — падетъ и этотъ послѣдній всееврейскій союзъ. Отмѣна законодательныхъ ограниченій сферы дѣятельности и мѣста жительства евреевъ и уравненіе ихъ въ правахъ съ остальнымъ населеніемъ—составляютъ такимъ образомъ естественное дополненіе общей программы.

Я почитаю завершеннымъ поставленную себѣ задачу: объективно и нелицепріятно оцѣнить значеніе еврейскаго вопроса въ Россіи, указать его мѣсто и намѣтить путь къ его разрѣшенію. Не мнѣ судить, насколько удалось мнѣ содѣйствовать уясненію этого едва ли не преднамѣренно затемняемаго обѣими сторонами вопроса, но да будетъ мнѣ позволено, заканчивая эти замѣтки, заявить моимъ южнорусскимъ землякамъ, къ какому бы племени ни принадлежали они, что, отрѣшившись отъ всякихъ племенныхъ предубѣжденій, я заботился объ одномъ—снять съ этого злополучнаго вопроса мощные слои посторонней грязи, густо залѣпившей его.

С. Южановъ.

ХЛУДОВЩИНА.

Удивительное зрѣлище представляетъ современное состояніе русскаго общества. Съ одной стороны, куда ни посмотришь, кого ни послушаешь, всюду и вездѣ, у всѣхъ на языкѣ «народъ», «народная польза», «народныя нужды», всѣ просто пышатъ любовью къ народу, всѣ готовы принесть всякія жертвы для народа; всѣ партіи желаютъ называться народниками, такъ что иной разъ даже неловко становится, когда услышишь это слово; появились даже такіе странныя слова, какъ «лженародники», «истинные народники», «послѣдовательные народники» и т. д. Словомъ, какъ будто всѣ только и живутъ для народа, только объ немъ одномъ и думаютъ, будто для всѣхъ и жизни безъ народа и внѣ народа нѣтъ и быть не можетъ. Но это только съ одной стороны. Съ другой же—всякій разъ, когда является нужда перейти отъ словъ къ дѣлу, когда нужно оказать быструю и рѣшительную помощь столь любимому народу, когда нужно ради народа раскошеливаться или серьёзнымъ образомъ выступить на защиту народа, тогда наше общество забываетъ все свое «народничество», хранитъ глубокое молчаніе и не желаетъ пальца о палецъ ударить въ интересахъ своего кумира.

Именно такимъ лицемѣрнымъ оказалось наше общество въ исторіи, которую я намѣренъ разсказать и которая произошла очень недавно, стало быть, въ самый разгаръ «народной» политики, когда наши «самобытники» и «народники», съ гг. Аксаковымъ и Катковымъ во главѣ, въ какомъ-то экстазѣ кричатъ: «наша взяла!» Исторія эта, оттѣняя самыми мрачными красками лицемѣріе этихъ торжествующихъ «народниковъ», вмѣстѣ съ тѣмъ, освѣщаетъ пропасть истинныхъ народныхъ нуждъ.

Сгорѣла громадная фабрика г. Хлудова въ Ярцевѣ. Нѣсколько десятковъ человѣкъ сгорѣло живьемъ, еще болѣе осталось калѣками на всю жизнь; у тѣхъ и другихъ остались семьи, которымъ теперь нечѣмъ кормиться. Фабрика давала работу нѣсколькимъ тысячамъ человѣкъ и, стало быть, такъ или иначе, поддерживала существованіе нѣсколькихъ тысячъ семействъ, которыя теперь остались безъ куска хлѣба. Какое широкое поле открылось для дѣятельности всѣхъ народолюбцевъ, если только ихъ фразы о народѣ искренны! Какой удобный случай принести

пользу столь любимому народу и тѣмъ на дѣлѣ показать свое народолюбіе!..

Въ дѣйствительности же всѣ общественныя группы обнаружили самое позорное невниманіе къ пострадавшимъ рабочимъ. Газеты ограничились краткими сообщеніями о катастрофѣ, какъ будто это было такое же маловажное событіе, какъ и описываемые рядомъ съ нимъ разнаго рода скандалы и явленія театральнаго міра [1]. Никто не позаботился объ организаціи дѣла пріисканія работы нѣсколькимъ тысячамъ рабочихъ и они были предоставлены самимъ себѣ бродить и нищенствовать, пока не навернется какая-нибудь работа. Мало того, когда столь вопіющее дѣло, благодаря которому погибли десятки людей и притомъ погибли такою ужасною смертью, грозитъ быть замятымъ и виновники этого ужаснаго преступленія должны остаться безнаказанными, *только одно* общественное собраніе (собраніе духовщинскаго земства) выражаетъ по этому поводу свое негодованіе.

А между тѣмъ, хлудовская катастрофа должна бы привлечь къ себѣ вниманіе общества нетолько потому, что на обществѣ лежитъ обязанность оказать помощь пострадавшимъ, обязанность, обусловливаемая—не говоря уже о другихъ причинахъ—прямо «народничествомъ» самаго общества, такъ и потому, что эта катастрофа развернула передъ обществомъ ужаснѣйшую картину положенія нашихъ фабричныхъ рабочихъ. Пожаръ фабрики Хлудова обрисовалъ царящіе на нашихъ фабрикахъ порядки гораздо лучше, чѣмъ это могли бы сдѣлать годы кропотливыхъ изслѣдованій. Въ настоящей статьѣ мы и намѣрены представить результаты этого «самобытно-русскаго» способа изслѣдованія народныхъ нуждъ...

Первыя подробныя извѣстія о порядкахъ фабрики Хлудова относятся къ концу 1879 года, когда духовщинское земство, принимая во вниманіе, что «хлудовщина» представляетъ собою гнѣздо всякихъ эпидемій, произвело, черезъ особую земскую комиссію, осмотръ зданія фабрики и выстроенныхъ при ней помѣщеній для рабочихъ [2]. Свѣдѣнія эти въ значительной степени были пополнены на 6-мъ губернскомъ съѣздѣ врачей московскаго земства докторомъ Михайловымъ, пробывшимъ на фабрикѣ Хлудова 1879—1881 года [3]. Какъ земская комиссія, такъ и г. Михайловъ говорятъ, главнымъ образомъ, о санитарномъ состояніи фабрики и о вліяніи его на здоровье рабочихъ; экономической стороны дѣла они не касаются. Недостатокъ этотъ только отчасти пополняется свѣдѣніями, опубликованными въ га-

---

[1] Исключеніе представляютъ только газеты «Смоленскій Вѣстникъ» и «Недѣля», интересовавшіяся хлудовской катастрофой и помѣщавшія подробныя извѣстія о различныхъ перипетіяхъ этой драмы. На сообщеніяхъ этихъ газетъ, главнымъ образомъ, и построена предлагаемая статья.

[2] «Недѣля», 1880, № 39.

[3] «Врачъ», 1882, № 18.

зетахъ въ концѣ 1880 года по поводу такъ называемаго «бунта» хлудовскихъ рабочихъ, и фактами, добытыми на разбирательствѣ у мирового судьи дѣла объ этомъ «бунтѣ» [1]. Наконецъ, въ рѣчи духовщинскаго предводителя дворянства, князя Гурко, произнесенной имъ на послѣднемъ духовщинскомъ земскомъ собраніи, очерчиваются отношенія фабричной администраніи и мѣстной полиціи къ рабочимъ [2]. Къ концу-концовъ, всѣ эти свѣдѣнія рисуютъ передъ нами довольно яркую картину положенія рабочихъ на фабрикѣ купца Хлудова.

Послѣ пожара г. Хлудовъ получилъ одной страховочной суммы 1,700,000 рублей. При этомъ нужно замѣтить, что сгорѣлъ только главный фабричный корпусъ; всѣ же сосѣднія пристройки отъ казармъ для рабочихъ и до палаццо Хлудова-сына уцѣлѣли. Значитъ, стоимость фабрики значительно превышаетъ упомянутую выше сумму. Между тѣмъ, какъ удостовѣряетъ земская комиссія, г. Хлудовъ получалъ со всего своего капитала, какъ оборотнаго, такъ и основного до 45% дохода. Казалось бы, что при такихъ *милліонныхъ* барышахъ, можно бы хоть нѣсколько позаботиться и о рабочихъ. Посмотрите же, что было въ дѣйствительности.

Земская комиссія начала свой осмотръ съ селенія Ярцевъ-Перевозъ, возникшаго одновременно съ фабрикой г. Хлудова и представляющаго собою сплошную массу лавокъ, трактировъ, питейныхъ заведеній и жалкихъ лачужекъ, служащихъ жилищами рабочихъ. Что это за жилища, можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра: «При домѣ духовщинскаго мѣщанина Скоробогатаго, на дворѣ котораго помѣщается бойня, на этомъ дворѣ, представляющемъ одну сплошную помойную яму, помѣщаются 27 человѣкъ рабочихъ въ 9-аршинной избѣ, половину которой занимаетъ огромная русская печь, углы завалены мѣшками съ мукой, а подъ поломъ хранится запасъ картофеля. Вмѣсто столовъ—бочки изъ подъ селедокъ и грязныя скамейки изъ неструганныхъ досокъ. Окна выходятъ на тусклый, тѣсный дворъ, т. е. вмѣсто свѣта и воздуха пропускаютъ лишь зловоніе и заразу» («Недѣля», 1880, № 39). Но еще хуже жилища рабочихъ, живущихъ при самой фабрикѣ. Они помѣщаются въ громадномъ сыромъ корпусѣ, въ три этажа, раздѣленномъ, какъ гигантскій звѣринецъ, на клѣтки или каморки, грязныя, смрадныя, пропитанныя вонью отхожихъ мѣстъ. Каморки эти набиты жильцами до того, что рабочіе, остря надъ своимъ положеніемъ, сравниваютъ себя съ сельдями въ бочкѣ. Комиссія приводитъ такой примѣръ: камора въ 13 куб. саж. служитъ помѣщеніемъ въ будни во время работъ для 17 человѣкъ, а въ праздники или во время чистки машинъ — для 35—40 чел. Вообще, по словамъ г. Михайлова, въ каморахъ приходилось по 0,6 куб. саж. заражен-

---

[1] «Недѣля», 1881, № 27.
[2] Id., 1882, № 14.

наго всякими испареніями и газами воздуха на человѣка. Самая работа обставлена крайне-неблагопріятными условіями: рабочимъ приходится вдыхать хлопчато-бумажную пыль, находиться подъ дѣйствіемъ удушливой жары и переносить невыносимый запахъ, распространяющійся изъ дурно устроенныхъ ретирадъ. Относительно чрезвычайно высокой температуры мастерскихъ завѣдующіе фабрикой объяснили комиссіи, что обработка хлопка возможна только при температурѣ не ниже 25°. Въ дѣйствительности же, по свидѣтельству г. Михайлова, работы на фабрикѣ Хлудова производились при 28,2° Р. Что же касается дурного устройства ретирадъ, то фабричная администрація потому не устраиваетъ ихъ инымъ способомъ, что, *съ уничтоженіемъ миазмовъ, эти мѣста превратились бы въ мѣста отдохновенія для рабочихъ и ихъ пришлось бы выгонять оттуда силой.* Можно представить себѣ удобства работы и жизни рабочихъ г. Хлудова, если даже ретирады могутъ сдѣлаться «мѣстами отдохновенія»! Ко всему этому нужно добавить еще ночную работу и дурное устройство смѣнъ: рабочіе смѣняются черезъ каждые 6 часовъ, причемъ каждый рабочій долженъ отстоять въ сутки двѣ смѣны: такъ что, къ концу-концовъ, рабочій никогда не можетъ вполнѣ выспаться.

Нечего и говорить о томъ, какъ гибельно дѣйствуютъ на здоровье рабочихъ условія работы на фабрикѣ г. Хлудова, принимая во вниманіе въ особенности то обстоятельсто, что *до половины хлудовскихъ рабочихъ—малолѣтніе.* Изъ общаго числа рабочихъ (4,000) около 1/4 (24,6%) составляли дѣти до 14 лѣтъ; другую 1/4 (25,6%) составляли подростки до 18 лѣтъ. Болѣзненность среди хлудовскихъ рабочихъ была необыкновенно велика: несмотря на то, что, по словамъ земской комиссіи, большинство заболѣвшихъ рабочихъ получаютъ разсчетъ, не испытавъ удобствъ больницы, такъ какъ ихъ просто-на-просто увольняютъ при первыхъ признакахъ болѣзни, все-таки за три года пребыванія г. Михайлова на фабрикѣ, *въ больницѣ перебывало 700 человѣкъ, а амбулаторныхъ посѣщеній было 23817, т. е. по 2,4 посѣщенія на каждаго рабочаго въ годъ.* Еще рельефнѣе обнаруживаютъ небрежность фабриканта относительно здоровья и жизни рабочихъ цифры несчастныхъ случаевъ, имѣвшихъ мѣсто на хлудовской мануфактурѣ. Такъ, въ теченіи 1879—1880 гг. общее число поврежденій, нанесенныхъ рабочимъ дѣйствующими машинами, равнялось 633, т. е. одно поврежденіе приходилось на 6,5 рабочихъ въ годъ. Въ 1881 г. поврежденій было 360, причемъ всего болѣе страдали дѣти: въ то время, какъ одно поврежденіе приходилось на 12 взрослыхъ и подростковъ, изъ дѣтей подвергались поврежденіямъ 2 на каждые 7 человѣкъ. Нужно отмѣтить еще тотъ фактъ, что всѣ возрасты, какъ днемъ, такъ и ночью, получаютъ поврежденія значительно чаще во вторую половину работы (послѣдніе 3 часа 6-ти-часовой смѣ-

ны), когда организмъ рабочаго начинаетъ уставать («Врачъ», 1882, № 13).

Таково было положеніе хлудовскихъ рабочихъ съ санитарно-медицинской стороны. Не въ лучшемъ видѣ является и экономическая сторона ихъ положенія. Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ точныхъ цифръ заработной платы, получаемой хлудовскими рабочими. Но тѣмъ не менѣе, многочисленныя данныя свидѣтельствуютъ о томъ, что и въ этомъ отношеніи положеніе рабочихъ представляетъ мало утѣшительнаго. Рабочіе нанимаются на годъ, обыкновенно отъ Пасхи до Пасхи. Существуютъ особыя рабочія книжки, которыя рабочимъ не выдаются, а хранятся въ конторѣ фабрики. Въ книжкахъ этихъ обозначается срокъ найма рабочаго, непремѣнно годовой; мѣсто же, гдѣ должна быть обозначена плата, оставляется пустымъ. Затѣмъ въ книжкѣ точно обозначается обязанность рабочаго не покидать фабрику до истеченія годичнаго срока; что же касается другой договаривающейся стороны, фабричной конторы, то она всегда можетъ прогнать съ фабрики рабочаго, коль скоро она, какъ сказано въ рабочей книжкѣ, «недовольна» рабочимъ. Вообще, рабочіе зависѣли всецѣло отъ произвола фабричной администраціи: плата удерживалась за цѣлые мѣсяцы; штрафы были такъ велики и многочисленны, что они положительно отравляли всю жизнь рабочихъ: на нѣкоторыхъ насчитывали по 10-ти и по 15-ти рублей въ мѣсяцъ штрафовъ и разныхъ вычетовъ. «Иной разъ работаешь, работаешь, анъ тебя въ одной рубашкѣ выпустятъ», жаловались рабочіе при разборѣ мировымъ судьею дѣла о хлудовскомъ «бунтѣ». Наконецъ, нерѣдко рабочихъ гнали съ фабрики безъ всякаго разсчета («Смоленскій Вѣстникъ», 1880 г. Сентябрьскіе номера. «Недѣля», 1881, № 27).

Фабрикою управлялъ англичанинъ Миленчъ. Это крайне жестокій человѣкъ, для котораго рабочіе были такими же машинами, какъ и какіе-нибудь чесальные снаряды, ватеры, мотовилы и проч. Сказанное, впрочемъ, не совсѣмъ справедливо, такъ какъ Миленчъ цѣнилъ машины несравненно выше рабочихъ и гораздо болѣе дорожилъ ими. Онъ хорошо понималъ, что машины стоятъ большихъ денегъ, тогда какъ рабочій почти ничего не стоитъ фабриканту, и потому совсѣмъ не церемонился съ рабочими. Вотъ какъ охарактеризовалъ г. Миленча рабочій Живовъ на разбирательствѣ у мирового судьи: «Директоръ нашъ не русскій, по русскому не понимаетъ; какъ кто за разсчетомъ пришелъ, онъ сейчасъ въ руки плеть или ремень, а то просто кулакомъ... Развѣ какой человѣкъ самъ посильнѣе...» Благодаря особаго рода отношеніямъ фабрики къ мѣстной полиціи, о чемъ я буду говорить ниже, Миленчъ былъ вполнѣ увѣренъ въ своей безнаказанности. Вотъ что, напримѣръ, разсказывалъ г. Гурко въ засѣданіи духовщинскаго земскаго собранія: «Года три-четыре тому назадъ, его бывшіе крѣпостные крестьяне села Горокъ явились къ нему, жалуясь, что имъ вскорѣ придется кормить сиротъ ихъ одно-

сельчанина Тараса, котораго забилъ англичанинъ Миленчъ. На вопросъ князя Гурко, какъ это произошло, крестьяне разсказали слѣдующее. Однажды, когда Тарасъ, работая на фабрикѣ, мостилъ полы, лежа на животѣ, Миленчъ принесъ дощечку съ мышьякомъ и знаками сталъ объяснять Тарасу, что̀ съ этой дощечкой надо сдѣлать. Тарасъ, столько же понимавшій по-англійски, какъ самъ Миленчъ по-русски, ничего не понялъ и, кромѣ того, находясь въ неудобномъ лежачемъ положеніи, разсыпалъ мышьякъ. Кажется, преступленіе небольшое, но директору оно показалось ужаснымъ, и Миленчъ (здоровеннѣйшій приземистый дѣтина), освирѣпѣвъ, бросился на лежавшаго Тараса... Произошла отвратительная сцена. Тарасъ подалъ жалобу въ судъ, но еще до разбора дѣла помирился съ Миленчемъ на 25-ти рубляхъ. Удостовѣрившись лично въ тяжкомъ положеніи больного Тараса, князь Гурко сообщилъ объ этомъ фактѣ смоленскому прокурору, а прокуроръ поручилъ произвести объ этомъ дознаніе духовщинскому полицейскому управленію. Въ это время исправникомъ въ Духовщину былъ только-что назначенъ Милитинскій. На просьбу князя не передавать дознаніе ярцевскому становому Дьякову, новый исправникъ, еще не успѣвшій ничѣмъ себя прославить, хотя и обѣщалъ произвести дознаніе лично, но, тѣмъ не менѣе, оно попало къ Дьякову и въ его опытныхъ рукахъ кончилось тѣмъ, что и дощечка съ мышьякомъ, и побои, и все прочее оказалось чистѣйшимъ вздоромъ, пустяками, вымысломъ горкинскихъ крестьянъ. Но что это былъ не вымыселъ и не вздоръ, засвидѣтельствовалъ самъ Тарасъ: нѣсколько дней спустя послѣ дознанія, онъ умеръ; его сироты остались на рукахъ крестьянъ, а Миленчъ получилъ увѣренность, что съ русскими рабочими можно дѣлать все, что̀ угодно, и ни за что не отвѣчать» («Недѣля», 1882, № 14). Многихъ ли еще Тарасовъ, Ивановъ и Петровъ отправилъ на тотъ свѣтъ г. Миленчъ, это, конечно, остается тайною прикрывавшей его полиціи; но что безчеловѣчный англичанинъ послѣ описаннаго случая сталъ цѣнить жизнь рабочаго дешевле жизни какого-нибудь цыпленка, видно изъ слѣдующихъ словъ князя Гурко, сказанныхъ имъ по поводу того обстоятельства, что сгорѣвшіе во время пожара рабочіе были *нарочно заперты* директоромъ Миленчемъ: «Уже не въ первый разъ практикуетъ, какъ слышно, англичанинъ Миленчъ подобный неслыханный способъ тушенія пожара; на фабрикѣ, гдѣ существуетъ складъ горючихъ матеріаловъ, случались пожары и прежде, и *каждый разъ директоръ запиралъ двери на ключъ*, имѣя въ виду, во-первыхъ, побудить рабочихъ, изъ чувства самосохраненія, тушить пожаръ проведенною внутри зданія водою; во-вторыхъ, чтобы предупредить расхищеніе хозяйскаго добра въ суматохѣ, неизбѣжной при каждомъ пожарѣ» (Id.). Какъ видите, разсчетъ былъ очень простой: запертые въ горящемъ зданіи, окруженные со всѣхъ сторонъ пламенемъ, рабочіе будутъ отчаянно бороться за свою

жизнь и, спасая себя, спасутъ и хозяйскія машины. Чѣмъ-то невѣроятнымъ, немыслимымъ, невозможнымъ кажется все это. Но, увы! сомнѣнія и вопросы могли имѣть мѣсто до катастрофы. Теперь же, въ виду нѣсколькихъ возовъ обгорѣвшихъ труповъ, въ виду этихъ нелицепріятныхъ свидѣтелей, никакія сомнѣнія неумѣстны и остается мѣсто одному негодованію...

А что же полиція? Или ея нѣтъ въ Духовщинскомъ уѣздѣ, въ которомъ находилась фабрика? Или она имѣетъ мѣстопребываніе такъ далеко отъ фабрики, что не могла ничего ни видѣть, ни слышать? Нѣтъ, читатель, полиція въ Духовщинскомъ уѣздѣ есть и находится на своихъ мѣстахъ: есть исправникъ Милитинскій, есть становой приставъ Дьяковъ, живущій въ Ярцевѣ, есть, наконецъ, урядникъ Юдиничъ, имѣвшій мѣстопребываніе на самой фабрикѣ. Но по отношенію къ фабрикѣ полиція нетолько оказалась слѣпа и глуха, но еще не разъ помогала фабричной администраціи заминать разныя темныя дѣлишки, какъ это мы видѣли въ дѣлѣ Тараса, убитаго Миленчемъ. Угодливость полиціи по отношенію къ фабричной администраціи доходила до того, что она, даже въ наше строгое относительно паспортовъ время, смотрѣла сквозь пальцы на присутствіе на фабрикѣ безпаспортныхъ рабочихъ и терпѣла ихъ по цѣлымъ годамъ, какъ это мы увидимъ изъ приводимаго ниже дѣла Сергѣя Лебедева. Что же заставляло полицію быть нетолько снисходительною, но прямо угодливою по отношенію къ фабрикѣ Хлудова? Очень понятно что̀: во-первыхъ, г. Хлудовъ человѣкъ богатый и сильный—лучше пользоваться его благорасположеніемъ, чѣмъ нерасположеніемъ; а во-вторыхъ... Но о второй причинѣ я прямо говорить не буду, а лучше разскажу одинъ фактъ, который и разъяснитъ все. У исправника Милитинскаго (нынѣ отставленнаго), или, по мѣстной кличкѣ, «Георгія Побѣдоносца», есть превосходная серебрянная солонка, работы Сазикова; она представляетъ крестьянскую избу съ окнами, дверями, трубой— и все изъ чистаго серебра. Величины эта солонка такой, что ее съ трудомъ можно приподнять. При солонкѣ — образъ Георгія Побѣдоносца въ честь ангела исправника: сіяніе вокругъ вѣнчика бриллiантовое. Понятное дѣло, что на исправницкое жалованье подобной вещи не пріобрѣтешь, и г. Милитинскій заработалъ ее усердіемъ: ее поднесъ исправнику г. Хлудовъ, сынъ собственника фабрики, постоянно живущій возлѣ нея въ великолѣпномъ палаццо. Такъ, по крайней мѣрѣ, писали сначала въ газетахъ; потомъ было опроверженіе, согласно съ которымъ солонку вмѣстѣ съ образомъ поднесли исправнику *рабочіе*, а г. Хлудовъ только взялся передать...

Какъ видитъ читатель, рабочіе на фабрикѣ Хлудова были окружены какимъ-то желѣзнымъ кольцомъ и ихъ положеніе было самое безнадежное. Работа—адская, не дающая возможности ни отдохнуть и выспаться, ни подышать чистымъ воздухомъ; условія работы и жизни — самыя убійственныя; уйти съ фабрики,

какъ бы ни было невыносимо оставаться на ней рабочему, невозможно въ теченія цѣлаго года, тогда какъ быть прогнаннымъ съ фабрики можно каждую минуту. Въ разсчетахъ полнѣйшій произволъ фабричной администраціи; штрафы и вычеты поглощаютъ чуть не всю заработную плату; при малѣйшемъ заявленіи неудовольствія прогоняютъ съ фабрики безъ разсчета или избиваютъ до полусмерти, а то и совсѣмъ на смерть. Жаловаться некому, такъ какъ полиція стоитъ на сторонѣ фабриканта, а мировой судья живетъ далеко, такъ что идти къ нему значитъ сдѣлать прогулъ, подвергнуться штрафу, изгнанію съ фабрики и т. п. Къ тому же, нашъ рабочій горькимъ опытомъ узналъ, что жаловаться на хозяина значитъ напрасно подвергаться непріятностямъ. И вотъ рабочіе терпятъ. Да и какъ не терпѣть: вѣдь на фабрику идутъ не съ хорошаго житья; стерпишь все, какъ ѣсть нечего...

Казалось бы, при такихъ условіяхъ, Хлудовъ могъ цѣлые вѣка не слышать ни одного выраженія неудовольствія, ни одной жалобы, ни одного стона. Но онъ съумѣлъ-таки вызвать выраженіе недовольства даже со стороны своихъ забитыхъ, голодныхъ полу-рабовъ. Выраженіе недовольства было, впрочемъ, немедленно же обращено въ «бунтъ» и «дерзкіе бунтовщики» были наказаны.

Исторія этого «бунта» очень характерна и именно тѣмъ, что онъ, какъ двѣ капли воды, сходенъ со всѣми «бунтами» нашего рабочаго люда, нерѣдко оканчивающимися очень печально для послѣдняго. Изъ послѣдующаго изложенія читатель увидитъ, кто въ этихъ «бунтахъ» является истиннымъ бунтовщикомъ—рабочіе или хозяева?

Г. Хлудовъ (отецъ), наживая милліоны, въ тоже время, по купеческому обычаю, старался кое-что дѣлать и для спасенія своей грѣшной души. Какъ извѣстно, наши купцы, дѣлая богатыя пожертвованія на колокола, соборы, разные пріюты и т. п. и, такимъ образомъ, спасая свои души, вмѣстѣ съ тѣмъ умѣютъ этими пожертвованіями пріобрѣтать расположеніе важныхъ лицъ. Дѣлалъ ли г. Хлудовъ пожертвованія на колокола—я не знаю; но зато общеизвѣстный фактъ составляетъ то обстоятельство, что не мало хлудовскихъ денегъ ушло на дѣло спасенія душъ раскольниковъ и обращенія ихъ въ лоно православной церкви. Г. Хлудовъ поддерживалъ миссіонерскія общества, былъ самъ членомъ противораскольничьяго братства св. Петра, имѣлъ чрезвычайно богатое собраніе раскольничьихъ рукописей и т. п. Когда въ Москвѣ нѣкоторые господа задумали отнять у старообрядцевъ-единовѣрцевъ типографію, печатавшую богослужебныя книги для старообрядцевъ, г. Хлудовъ явился на помощь этому предпріятію, и ассигновалъ для типографіи 120,000 рублей [1]. Сдѣлавши это пожертвованіе, онъ 8-го сентября 1880 г., явился въ Ярцево,

[1] «Русскія Вѣдомости», 1881, № 69.

сдѣлалъ распоряженіе о скидкѣ 10% съ получаемаго рабочими жалованья и на другой день уѣхалъ обратно въ Москву. Вотъ съ этого-то и начался «бунтъ» хлудовскихъ рабочихъ.

Казалось бы, что и по здравому смыслу, и по закону, рабочій имѣетъ полное право отказаться отъ работы, коль скоро ему даютъ плату, меньшую противъ той, по которой онъ договорился. Неужели онъ обязанъ работать и тогда, когда, вмѣсто договоренныхъ 15 рублей, ему предлагаютъ плату, уменьшенную на 10%? Но, какъ извѣстно, наши законы остаются иногда въ забвеніи, и вотъ изъ нежеланія рабочихъ работать по уменьшенной цѣнѣ выходитъ бунтъ.

Когда 9-го сентября на стѣнахъ внутри хлудовской фабрики появились объявленія о десятипроцентной сбавкѣ съ рабочей платы, рабочіе въ недоумѣніи столпились вокругъ нихъ. Никто не хотѣлъ вѣрить, чтобы можно было, ни съ того, ни съ сего, уменьшить плату, особенно въ такую тяжелую пору, какою была осень 1880 года, когда цѣны на предметы первой необходимости страшно поднялись. Но фактъ былъ на лицо: объявленія висѣли на всѣхъ стѣнахъ. Вспомнили, вѣроятно, рабочіе всѣ обиды и всѣ притѣсненія, которыя они переносили на фабрикѣ, и порѣшили не работать больше на Хлудова. Однако, прежде чѣмъ уйти съ фабрики, рабочіе потребовали для объясненій директора Миленча. Но этотъ послѣдній неизвѣстно куда скрылся; вѣроятно, онъ вспомнилъ одну очень непріятную для него исторію: говорятъ, что, встрѣтивъ его гдѣ-то одного, рабочіе накрыли его зипуномъ и «своими средствіями» отплатили ему за всѣ штрафы и побои. Вмѣсто Миленча, явился «хозяйскій сынъ», Михаилъ Хлудовъ. Рабочіе потребовали разсчета или уничтоженія сбавки. Хлудовъ заявилъ, что разсчета не будетъ, но что и сбавка останется; вмѣстѣ съ тѣмъ, желая отвлечь толпу отъ зданій фабрики и машинъ, онъ предложилъ рабочимъ идти «погулять» въ Ярцевъ-Перевозъ, приказалъ принести два ящика орѣховъ и пряниковъ изъ своей лавки и сталъ бросать эти сладости съ балкона въ толпу. Г. Хлудовъ проявилъ столько доброты по отношенію къ рабочимъ, что громогласно приказалъ отпустить въ трактирѣ каждому рабочему по *одному* стакану чая, чѣмъ вызвалъ даже негодованіе въ толпѣ. «Я за пятачекъ сколько хочу пить буду», отвѣчали ему. Насколько добродушно была настроена толпа рабочихъ и какъ мало было въ ея поведеніи чего-либо похожаго на «бунтъ», видно изъ слѣдующаго эпизода. Когда Михаилъ Хлудовъ бросалъ въ толпу орѣхи и пряники, одинъ изъ рабочихъ, Максимъ Балакиревъ, вынулъ жилейку (родъ дудки) и началъ на ней играть (впослѣдствіи этотъ добродушный любитель музыки фигурировалъ въ качествѣ главнаго бунтовщика). Толпѣ это очень понравилось; понравилось и Хлудову, который далъ музыканту рублевую бумажку. Послѣ этого рабочіе отправились въ селеніе Ярцевъ-Перевозъ. Само собою разумѣется, что въ тысячной толпѣ дѣло не обош-

лось безъ шуму и гаму; кабаки растворили свои двери, кабатчики принялись за свое дѣло у стоекъ; рабочіе шумѣли и пили. Всѣ эти явленія были вполнѣ обычными, когда на фабрикѣ не было работы, и ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть названы ни «бунтомъ», ни «безпорядкомъ». Между тѣмъ, оказалось, что Хлудовъ, ласкаяя рабочихъ, въ тоже время послалъ за урядникомъ. Явившійся урядникъ началъ стегать рабочихъ плетью. Само собою разумѣется, что рабочимъ не понравилось такое обращеніе урядника и они подняли противъ него крикъ; урядникъ схватился за револьверъ. Крики усилились; толпа оттѣснила урядника, и въ тоже время бывшіе въ толпѣ мальчишки осыпали его камнями. Урядникъ Юдиничъ, вообразилъ, что рабочіе «хотятъ разорвать его на части», но былъ «спасенъ» Хлудовымъ, свободно ходившимъ среди рабочихъ, и спрятанъ имъ на чердакѣ одного зданія, гдѣ онъ и пробылъ до 11 часовъ вечера. Но такъ какъ нѣтъ худа безъ добра, то оказалось, что добровольное заключеніе Юдинича не осталось безъ «пользы для службы», такъ какъ ему, какъ онъ самъ объяснялъ впослѣдствіи у мирового судьи, «съ чердака было виднѣй», кто главные бунтовщики.

Послѣ эпизода съ урядникомъ «бунтъ» перешелъ въ новый фазисъ своего развитія. Заработалъ телеграфъ; изъ Ярцева полетѣли телеграммы — сперва въ Духовщину, потомъ въ Смоленскъ, а отсюда въ столицу; потребовано войско. Между тѣмъ, рабочіе никакъ не хотѣли разыграть навязанной имъ роли «бунтовщиковъ» и продолжали вести себя самымъ мирнымъ образомъ. Были, конечно, и шалости: на нѣкоторыхъ огородахъ были повыдерганы рѣпа и картофель, въ еврейской молельнѣ были разбиты стекла. Были, наконецъ, просто глупости: навязали на палку платокъ, дали его мальчику въ руки и носили его съ криками «ура». Но сколько нужно имѣть безсовѣстности, чтобы подобные факты, совершаемые, по существу дѣла, немногими членами рабочей массы, поставить въ вину всей тысячной толпѣ рабочихъ, признать эти факты «бунтомъ» и требовать войско для усмиренія «бунтовщиковъ»? Правда, въ явившагося на бунтъ помощника исправника изъ толпы былъ пущенъ камень: но согласитесь, какъ справедливо замѣтилъ корреспондентъ «Недѣли», что «въ тысячной массѣ, возбужденной виномъ и криками, всегда найдется нѣсколько единицъ, безразсудные поступки которыхъ нельзя вмѣнить всему населенію, тѣмъ болѣе, что самые поступки были вызваны несправедливой и произвольной мѣрой фабричной администраціи».

Ночью 9-го сентября пріѣхалъ на фабрику смоленскій губернаторъ. Онъ сразу понялъ въ чемъ дѣло и убѣдилъ Хлудова отмѣнить сбавку; Хлудовъ согласился. 10-го числа губернаторъ объявилъ собраннымъ рабочимъ, что г. Хлудовъ согласился оставить прежнюю плату; Хлудовъ тутъ же это подтвердилъ. Рабочіе обрадовались, но, не довѣряя хозяину, попросили, чтобы объ

отмѣнѣ сбавки были вывѣшены на фабрикѣ объявленія; по распоряженію губернатора, было сдѣлано и это. Послѣ этого губернаторъ уѣхалъ. Часть рабочихъ направилась было къ станкамъ, но большинство желало, чтобы за прогульные дни не было вычетовъ и чтобы были уничтожены произвольные штрафы, и потому оттѣснило съ фабрики соглашавшихся начать работы. Извѣщенный объ этомъ губернаторъ снова явился на фабрику. Что онъ сдѣлалъ въ этотъ свой пріѣздъ остается неизвѣстнымъ. Извѣстно только, что вскорѣ послѣ этого явились войска, а губернаторъ возвратился въ Смоленскъ. Вотъ тутъ-то и разыгралась драма.

«Хозяйскій сынъ», Михаилъ Хлудовъ, доселѣ дрожавшій за фабричныя зданія и машины и потому старавшійся ладить съ рабочими, бросая имъ сладости и даже великодушно жертвуя по одному стакану чаю, теперь, съ прибытіемъ войска, сразу перемѣнилъ тонъ и повелъ себя совсѣмъ иначе. Лишь только губернаторъ уѣхалъ, Хлудовъ приказалъ сорвать объявленія объ отмѣнѣ сбавки и затѣмъ пригрозилъ рабочимъ, что онъ сбавитъ съ заработной платы вмѣсто десяти — 15%. Въ тоже время, какъ бы для подкрѣпленія угрозъ Хлудова, войска заняли фабрику, размѣстились у входа, на лѣстницахъ, въ конторѣ, у кассы, на телеграфной станціи и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ, начались аресты «главныхъ бунтовщиковъ». Съ какимъ разборомъ производились аресты, можно видѣть изъ того, что самымъ главнымъ бунтовщикомъ былъ тотъ самый Максимъ Балакиревъ, который забавлялъ рабочихъ и Хлудова игрою на жилейкѣ и за это получилъ даже рубль серебра изъ рукъ «хозяйскаго сына». Другой, «главный бунтовщикъ», Здоровенко, былъ арестованъ по слѣдующему поводу: онъ обратился къ исправнику Милитинскому съ заявленіемъ о своемъ желаніи получить разсчетъ; исправникъ велѣлъ ему идти за собою въ контору; но лишь только Здоровенко взошелъ на крыльцо конторы, онъ, ни съ того, ни съ сего, былъ арестованъ. Нѣчто подобное было и съ другими «главными бунтовщиками»...

Хлудовъ торжествовалъ, а рабочіе потеряли всякую смѣлость. Годъ трудный, заработковъ нѣтъ, надѣяться на уступки со стороны фабриканта послѣ всего происшедшаго было бы крайне наивно, и вотъ рабочіе-смольняне рѣшились смириться. 12-го сентября, въ 6 часовъ утра, машины были пущены въ ходъ, и часть рабочихъ, правда, очень небольшая, стала за станки. При слѣдующихъ смѣнахъ число рабочихъ возрастало и къ вечеру дошло до одной трети всѣхъ фабричныхъ; на другой день работало уже большинство, и только около 800 рабочихъ, подмосковныхъ крестьянъ, предпочли получить разсчетъ и были отправлены на родину. Фабрикантъ побѣдилъ: «бунтъ» былъ усмиренъ и въ газетахъ появились телеграммы о томъ, что «спокойствіе возстановлено». («Смоленскій Вѣстникъ», 1880 г., сентябрьскіе номера; «Недѣля», 1880, № 39 и 1881, № 27).

Арестованные рабочіе, всѣ молодые парни лѣтъ около 20, просидѣли въ тюрьмѣ около 5 мѣсяцевъ, пока тянулось слѣдствіе, и были выпущены на свободу въ концѣ января 1881 года, такъ какъ московская судебная палата, куда было передано прокуроромъ смоленскаго окружнаго суда слѣдственное производство по этому дѣлу, не нашла въ дѣяніи обвинявшихся признаковъ противодѣйствія властямъ, а усмотрѣла лишь нарушеніе общественной тишины, почему и опредѣлила передать настоящее дѣло мировому судьѣ Духовщинскаго уѣзда. Такимъ образомъ, страшное дѣло о «бунтѣ» кончилось скромнымъ разбирательствомъ у мирового судьи, которое и состоялось 10-го іюня 1881 года. Обстоятельства самаго разбирательства мы передадимъ словами корреспондента «Русскаго Курьера» (1881 г., № 163). Обвинителемъ со стороны полиціи явился исправникъ города Духовщины (все тотъ же г. Милитинскій), который настоятельно и поддерживалъ обвиненіе подсудимыхъ въ шумѣ и неповиновеніи полиціи. Защищать подсудимыхъ никто не нашелся. Обстановка суда выдавалась своею односторонностью. На одной сторонѣ обвинитель, исправникъ, человѣкъ знающій и хорошо приготовившійся къ обвиненію и цѣлая линія свидѣтелей, вызванныхъ имъ, начиная съ хозяина — Хлудова-сына, его управляющаго, прикащиковъ, мастеровъ, подмастерьевъ (всѣ эти лица находятся въ настоящее время на службѣ у Хлудова), и кончая урядникомъ. Обвиняемые же не выставили отъ себя ни одного свидѣтеля, и они, какъ оказалось въ послѣдствіи, когда уже приговоръ былъ постановленъ, и не знали, что можно и имъ вызвать свидѣтелей. Свидѣтели къ присягѣ не приводились, по неимѣнію священника, какъ объяснилъ мировой судья. Дѣло производилось нѣсколько домашнимъ образомъ. Такъ, свидѣтели не отводились въ отдѣльную комнату, а пребывали вмѣстѣ какъ до своихъ показаній, такъ и послѣ того, какъ нѣкоторые изъ нихъ уже дали показанія. Второй свидѣтель (управляющій фабрикою [1]), былъ на лицо и слышалъ хорошо, когда мировой судья читалъ записанное показаніе спрошеннаго передъ нимъ свидѣтеля, его хозяина—Хлудова. Всѣ свидѣтели, конечно, показывали стройно и не расходились въ своихъ показаніяхъ. Особенной стройностью отличались показанія урядника (того самаго Юдинича, который спрятался на чердакъ) и одного изъ прикащиковъ (Глинки), которые прямо указывали на нѣкоторыхъ подсудимыхъ, что они видѣли этихъ рабочихъ, какъ зачинщиковъ, предводителей безпорядковъ, тогда какъ эти же свидѣтели у судебнаго слѣдователя, 9 мѣсяцевъ тому назадъ, при свѣжести дѣла, слѣдовательно, и памяти, не указывали на этихъ рабочихъ. Когда мировой судья предложилъ, послѣ преній, слово исправнику, то этотъ сказалъ, что онъ считаетъ дѣло хо-

---

[1] Петръ Ивановичъ Щербаковъ. Прошу читателя запомнить имя и этого героя, такъ какъ онъ фигурируетъ въ нижеслѣдующей исторіи.

рошо выясненнымъ, и ничего не прибавилъ. Въ послѣднемъ своемъ словѣ подсудимые ничего не могли сказать. Только одинъ подсудимый громко произнесъ: «За языкъ они жалованье получаютъ», явно относя эти слова къ вызваннымъ свидѣтелямъ. Другой обвиняемый указалъ, что они, подсудимые, всѣ люди необразованные и не могутъ всего выяснить. До суда подсудимые отсидѣли по 5½ мѣсяцевъ (это не совсѣмъ вѣрно: подсудимые сидѣли нѣсколько менѣе *5 мѣсяцевъ*) въ тюрьмѣ, а въ послѣднее время находились подъ надзоромъ полиціи. Мировой судья изъ 6-ти подсудимыхъ, находящихся на лицо, обвинилъ четырехъ. Двоихъ онъ приговорилъ къ *мѣсячному* тюремному заключенію и 2-хъ къ *2-хъ-недѣльному*...

Таковъ былъ финалъ хлудовской исторіи. Если у Хлудова, Миленча, Щербакова, Глинки и другихъ могли быть до этой исторіи сомнѣнія относительно того, могутъ ли они дѣлать безнаказанно все, что имъ угодно, то послѣ нея всякія сомнѣнія должны были исчезнуть. И эта увѣренность Хлудова и его сподручныхъ довела до страшной катастрофы, стоившей жизни нѣсколькимъ десяткамъ людей.

23-го января настоящаго года въ 6 часовъ вечера, загорѣлась огромная Хлудовская мануфактура и къ полночи отъ громаднаго пяти-этажнаго корпуса остались однѣ каменныя стѣны. Обстоятельства, сопровождавшія ходъ пожара, выяснены корреспондентами «Смоленскаго Вѣстника» и «Недѣли», прибывшими на пожарище и собиравшими свѣдѣнія по горячимъ слѣдамъ отъ рабочихъ, находившихся еще подъ впечатлѣніемъ ужасовъ предшествующаго дня.

Пожаръ начался въ такъ называемомъ трепальномъ отдѣленіи, гдѣ загорѣлся хлопокъ. Началъ распространяться дымъ, по выраженію одного рабочаго, ѣдкій-преѣдкій, горькій-прегорькій, захватывающій дыханіе человѣческое. Между тѣмъ машины были въ полномъ ходу, рабочіе продолжали свое дѣло у станковъ и среди оглушительнаго грохота машинъ никто не подозрѣвалъ грозившей опасности до тѣхъ поръ, пока огонь не пробился изъ трепальнаго отдѣленія въ другія. Тогда, задыхаясь отъ дыма, спасаясь отъ огня между двигающимися колесами и рычагами, бросились рабочіе въ животномъ ужасѣ къ единственному выходу. Наконецъ, передніе ряды бѣгущихъ достигаютъ выхода, спасеніе кажется близкимъ. Но двери оказываются запертыми... Нѣтъ словъ для передачи того, что испытала эта тысячная толпа, стоявшая передъ запертыми дверями, слыша сзади себя грохотъ машинъ, не перестававшихъ дѣйствовать до одиннадцати часовъ, и задыхаясь отъ дыма и копоти. Насталъ тотъ ужасный моментъ, когда въ инстинктѣ самосохраненія люди забываютъ все, теряютъ послѣднюю искру разсудка и лишаются способности думать о чемъ-либо, кромѣ грозящей опасности. Безумные крики ужаса и отчаянія огласили фабрику съ одного конца до другого. Многіе стали бросаться въ окна, не разбирая этажей, и

разбивались на смерть. Многіе попадали въ обморокъ; иные, совершенно ошалѣвшіе, лѣзли прямо на стѣны. Одну беременную женщину совсѣмъ раздавили, причемъ она тутъ же родила. Одинъ парень бросался, какъ безумный, отъ окна къ окну и, наконецъ, крикнувъ: «прощайте, братцы! я погибаю!» пропалъ въ пламени...

Между тѣмъ *снаружи* въ запертыя двери бились и стучались тѣ, кто не былъ въ это время на фабрикѣ и прибѣжалъ на пожаръ. Это были отцы и матери, дѣти и братья несчастныхъ, сгоравшихъ въ запертой фабрикѣ. Они желали предупредить своихъ кровныхъ объ опасности, желали помочь имъ, спасти ихъ. Но стоявшіе около дверей сторожа гнали ихъ прочь, чтобы они «не сгорѣли». Долго ли продолжалось бы такое положеніе вещей, неизвѣстно. Но въ это время на помощь запертымъ явились слесаря: они бросились на сторожей и, оттѣснивъ ихъ, выбили двери. Какъ снѣжная лавина, бросилась толпа изъ внутренности фабрики и, какъ обезумѣвшая, бѣжала дальше отъ нея. Многіе до того одурѣли отъ ужаса, что не могли найдти выхода и ихъ пришлось выводить силою съ фабрики. Одинъ мальчуганъ, съ пылающими волосами и въ горящей рубашонкѣ, бѣгалъ взадъ и впередъ, не умѣя попасть въ дверь....

Но по какому же поводу двери оказались запертыми и съ какой стати сторожа снаружи не пускали желавшихъ помочь сгоравшимъ? А очень просто: двери заперъ и приказалъ сторожамъ оттонять всѣхъ прочь все тотъ же англичанинъ Миленчъ, директоръ фабрики, котораго, послѣ пожара, изъ опасенія народной расправы, отвезли подъ конвоемъ на станцію желѣзной дороги и, продержавъ цѣлую ночь въ какомъ-то чуланѣ, отправили инкогнито въ Москву, откуда онъ возвратился уже по минованіи всякой опасности. Но что же побудило Миленча отдать такое дикое приказаніе? «А думали народомъ огонь погасить!» объяснялъ корреспонденту «Недѣли» одинъ рабочій. Директоръ такъ полагалъ, что можно будетъ машины отстоять.

Корреспондентъ «Недѣли», прибывшій на пожарище, какъ я уже упоминалъ, на другой же день, говоритъ по этому поводу слѣдующее: «Всѣ слышанные нами факты приводили къ такому заключенію, что единственною причиною гибели, мученій и искалѣченія столькихъ людей было варварское приказаніе директора Миленча. Имѣя въ виду спасти машины, дорожа хозяйскимъ добромъ, онъ обрекалъ на мучительную смерть сотни русскихъ рабочихъ, беременныхъ женщинъ, подростковъ и дѣтей. Вмѣсто того, чтобы увѣдомить о пожарѣ въ началѣ, когда онъ еще не принялъ большихъ размѣровъ, остановить машины, прекратить этотъ адскій ревъ, мѣшающій сосредоточить вниманіе на чемъ бы то ни было, директоръ, зная всѣ условія фабричной обстановки, зная, кромѣ того, что соприкосновеніе газа и паровъ съ огнемъ можетъ имѣть гибельныя послѣдствія для цѣлаго населенія, нетолько оставляетъ рабочихъ на произволъ судьбы, но, преграж-

дая единственный путь къ спасенію, устраиваетъ такую давку, въ которой люди идутъ по тѣламъ другихъ людей какъ по мосту и, достигнувъ наконецъ выхода, находятъ двери запертыми» («Недѣля», 1882, № 6).

Въ отвѣтъ на приведенныя слова и на аналогичныя сообщенія корреспондента «Смоленскаго Вѣстника» *служащіе* на фабрикѣ г. Хлудова напечатали письмо, въ которомъ они развязно заявляютъ, что «они вынуждены возстановить о пожарѣ истину, какъ люди, близко стоящіе къ фабричному дѣлу и очевидцы событія». Истина эта, по мнѣнію гг. служащихъ, заключается въ томъ, что *двери заперты не были*, а что рабочіе погибли просто по своей глупости; ни съ того, ни съ сего столпились на лѣстницѣ и давили другъ друга; при этомъ гг. служащіе, какъ бы мимоходомъ, сообщаютъ, что г. Миленчъ намѣренъ притянуть къ суду органы печати, сообщившіе позорящія его доброе имя свѣдѣнія. Чтобы читатель могъ оцѣнить по достоинству это заявленіе, я приведу тѣ свидѣтельства о запертыхъ дверяхъ, которыя уже успѣли проникнуть въ печать. Именно, корреспондентъ «Смоленскаго Вѣстника», прибывшій на мѣсто тотчасъ же послѣ катастрофы, слышалъ, *по крайней мѣрѣ, отъ 50 рабочихъ*, что двери фабрики, по приказанію директора, были заперты; тоже самое сообщали корреспонденту «Недѣли» всѣ спрошенные имъ рабочіе, какъ изъ числа бившихся внутри, за запертыми дверями, такъ и изъ числа старавшихся отворить двери снаружи. Князь Гурко въ своей рѣчи, произнесенной имъ въ послѣднемъ духовщинскомъ земскомъ собраніи, сообщилъ, что, возвращаясь изъ Москвы въ Смоленскъ, онъ встрѣтился съ чинами смоленской полиціи, ѣхавшими съ мѣста пожара, и отъ одного изъ нихъ (котораго въ случаѣ надобности назоветъ) слышалъ, что двери на фабрикѣ хотя и не были *заперты*, но были *затворены*, и ихъ *держали снаружи*, заграждая выходъ толпѣ, стремящейся вонъ изъ горящаго зданія. Но особенно любопытно въ этомъ отношеніи показаніе нѣкоего Лебедева и мы остановимся на немъ поподробнѣе. «При посѣщеніи духовщинскаго острога, директоры отдѣленія общества попечительнаго о тюрьмахъ (князь Гурко, протоіерей Сеньковскій, инспекторъ городскаго училища Вахтеровъ и городской голова Горбатовъ) нашли въ одной изъ камеръ арестанта, по имени Сергѣя Лебедева. Арестантъ этотъ, сынъ дьячка Прилѣпы Краснинскаго уѣзда, на вопросъ князя Гурко о причинѣ заключенія, объяснилъ, что, не совершивъ никакого преступленія, онъ попалъ въ острогъ единственно за то, что, потерявъ безсрочное свидѣтельство смоленской консисторіи, проживалъ съ дубликатомъ, выданнымъ ему смоленскимъ полицейскимъ управленіемъ. Въ продолженіи двухъ послѣднихъ лѣтъ онъ работалъ поденно на фабрикѣ Хлудова и только послѣ пожара былъ арестованъ урядникомъ, который отправилъ его въ духовщинское полицейское управленіе, откуда, оставивъ его дубликатъ, его самого препроводили въ острогъ.

Этотъ Лебедевъ, упрятанный въ острогъ за безписьменность, которая, однако, не помѣшала ему работать на фабрикѣ въ теченіе двухъ лѣтъ сряду, оказался сущей находкой: онъ видѣлъ пожаръ отъ начала до конца и подтвердилъ вполнѣ *фактъ запертыхъ дверей*. По приказачію Миленча, *рабочіе были заперты въ горѣвшемъ зданіи* — чтобы не разбѣжались и лучше тушили — огромнымъ внутреннимъ замкомъ наружной массивной двери, представлявшей *единственный выходъ изъ двухъ корпусовъ*, такъ какъ другая дверь изъ новаго корпуса на дворъ была постоянно заперта. Лебедевъ видѣлъ, какъ *выломали дверь*, какъ люди бросались въ окна 3 и 4 этажей, какъ въ отворенную народомъ дверь вытаскивали задавленныхъ и увѣчныхъ; онъ слышалъ отчаянные вопли и крики обезумѣвшей массы и ко всѣмъ этимъ давно извѣстнымъ подробностямъ прибавилъ новую: приказавъ запереть наружную дверь, Миленчъ *собственноручно заперъ* желѣзную дверь въ третьемъ этажѣ, въ катушечной, гдѣ работали женщины и дѣвушки. Вотъ эту-то желѣзную дверь, которую заперъ Миленчъ, отворилъ механикъ Перловъ, отнявъ у Миленча ключи и ударивъ его въ лицо» («Недѣля», 1882, № 14). Любопытно, что имя механика Перлова стоитъ въ числѣ другихъ подписей подъ заявленіемъ гг. служащихъ, въ которомъ, какъ мы видѣли выше, такъ оригинально «возстанавливается истина». А между тѣмъ, что именно Перловъ, а не кто другой отнялъ у Миленча ключи и отперъ ими желѣзную дверь, подтверждается показаніями не одного только Лебедева; то же самое сообщилъ корреспонденту «Недѣли» крестьянинъ деревни Плѣшкова, Яковъ, у котораго погибла на пожарѣ 15-ти-лѣтняя дочь... Наконецъ, помимо всѣхъ этихъ прямыхъ показаній, нужно принять во вниманіе еще слѣдующее обстоятельство: фабрика загорѣлась въ 6 часовъ, а машины работали до 10 или 11 часовъ; казалось бы, за это время можно было безопасно увести съ фабрики цѣлую армію. А между тѣмъ, послѣ хлудовскаго пожара осталось семь возовъ труповъ.

Въ одной газетѣ было напечатано, что всего погибло на пожарѣ 18 человѣкъ. Но, судя по всему, эта цифра слишкомъ уменьшена противъ дѣйствительности. Рабочіе видѣли семь возовъ труповъ; затѣмъ, они говорятъ о множествѣ костей, найденныхъ на полу фабричнаго корпуса, подъ остатками машинъ, и до того перегорѣвшихъ, что онѣ разсыпаются отъ прикосновенія. Когда два года тому назадъ сгорѣла фабрика Гивартовскаго въ Москвѣ, число сгорѣвшихъ рабочихъ не могло быть опредѣлено, такъ какъ конторскія книги, лежавшія вмѣстѣ съ деньгами въ несгараемомъ ящикѣ, какъ-то ухитрились тоже сгорѣть, хотя деньги уцѣлѣли. На фабрикѣ г. Хлудова въ настоящее время дѣлается тоже нѣчто въ этомъ родѣ, только еще въ гораздо бо̀льшихъ размѣрахъ. Такъ, подмосковные рабочіе, которые смѣлѣе мѣстныхъ смольнянъ, не такъ забиты и запуганы и, стало быть, могли оказаться опаснѣе для фабричной администраціи въ случаѣ слѣдствія, были немедленно же, съ необыкновенною по-

спѣшностью, отправлены на родину, для чего приготовлялись даже особые экстренные поѣзда желѣзной дороги. Всякая попытка разъяснить дѣло встрѣчаетъ самый рѣзкій отпоръ: такъ, корреспондентъ «Смоленскаго Вѣстника», при первыхъ попыткахъ узнать подробности катастрофы, былъ приглашенъ становымъ приставомъ удалиться, какъ *постороннее лицо*, хотя совершенно непонятно, почему г. становой приставъ, который, благодаря своему невниманію къ порядкамъ хлудовской фабрики, несетъ долю вины въ катастрофѣ, ближе къ погибшимъ, нежели всякій другой человѣкъ. Наконецъ, самые трупы исчезли неизвѣстно куда, такъ что даже родственники погибшихъ не могутъ ихъ отыскать. Вотъ, напримѣръ, какія мытарства перенесъ тотъ самый Яковъ изъ деревни Плѣшкова, о которомъ упоминалось выше, разыскивая трупъ своей дочери: изъ конторы его послали къ уряднику, урядникъ къ становому, становой въ становую квартиру, изъ становой квартиры отправили на кухню Хлудова, а оттуда вытолкали въ шею. Кончилось, однако, тѣмъ, что за 15 лѣтнюю убитую дѣвочку, у которой были переломаны ребра и во многихъ мѣстахъ пробитъ черепъ ногами бѣжавшихъ по ней рабочихъ, несчастному отцу дали 25 рублей и отпустили на всѣ четыре стороны...

И что всего ужаснѣе, такія исторіи стали у насъ довольно частымъ явленіемъ. Давно ли сгорѣло болѣе сорока человѣкъ на фабрикѣ Гивартовскаго? Вслѣдъ затѣмъ произошла катастрофа, стоившая многихъ жизней, на петербургской табачной фабрикѣ братьевъ Шапшалъ, на которой работницы были *тоже заперты* во время пожара, съ цѣлію предупредить расхищеніе хозяйскаго табаку...

Вся эта исторія не могла не взволновать общественное мнѣніе той мѣстности, которая имѣетъ несчастіе видѣть въ своемъ сосѣдствѣ г. Хлудова. И вотъ на послѣднемъ духовщинскомъ земскомъ собраніи мѣстное общественное мнѣніе выразило свое негодованіе. Мѣстный предводитель дворянства, князь Гурко, произнесъ прочувствованную рѣчь, изъ которой мы взяли многія свѣдѣнія о фабрикѣ г. Хлудова и которая, дѣйствительно, рисовала предъ слушателями ужасную картину порабощенія рабочихъ. Затѣмъ, согласно предложенію г. Гурко, земское собраніе постановило: 1) вторично ходатайствовать объ учрежденіи на фабрикѣ купца Хлудова должности земскихъ комисаровъ, обязанныхъ наблюдать за исполненіемъ санитарныхъ правилъ, обязательныхъ для мѣстныхъ фабрикъ [1], и 2) ходатайствовать о допущеніи къ участію одного или нѣсколькихъ уполномоченныхъ отъ земства при слѣдствіи по поводу бывшаго на фабрикѣ пожара. Вмѣстѣ съ тѣмъ собраніе выбрало четырехъ уполномоченныхъ изъ числа гласныхъ для передачи губернатору просьбы собранія о возмож-

---

[1] Такое постановленіе духовщинское собраніе сдѣлало еще въ прошломъ году.

но-скорѣйшемъ съ его стороны представленіи ходатайства земства г. министру внутреннихъ дѣлъ.

Мы вполнѣ сочувствуемъ ходатайству духовщинскаго земскаго собранія и желаемъ ему полнаго успѣха. Необходимо, чтобы безобразія, освѣщенныя заревомъ страшной катастрофы, были прекращены разъ навсегда.

Я. Абрамовъ.

ПО ДЕРЕВНЯМЪ.

X.

За ночь, ясную осеннюю погоду замѣнила буря; нагнала снѣжныхъ тучъ, и посыпались густыя, большія хлопья снѣга на землю. Къ утру земля была уже покрыта тонкимъ слоемъ снѣга, затруднявшимъ ѣзду на колесахъ и въ то же время еще не дозволявшимъ ѣзду на саняхъ. Все пуще разъигрывалась буря, мятель, все сильнѣе сыпались хлопья. Плохо быть въ дорогѣ въ такую пору.

Не ожидая пассажировъ въ такую погоду, извощики не выѣхали на станцію. До деревни версты двѣ, мѣстность совершенно незнакомая; за мятелью и снѣгомъ не видно даже на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ. Я оказалась въ совершенно безпомощномъ положеніи.

— Погодите, барышня, сейчасъ долженъ прійти изъ волостного правленія разсыльный, онъ васъ и проводитъ въ село, утѣшалъ меня сторожъ на станціи:—до деревни не Богъ вѣсть какъ далеко, а онъ понесетъ вещи. Дойдете.

Пришелъ разсыльный, высокій, нѣсколько сгорбленный старикъ, лѣтъ 65, тотчасъ же согласился взять мои вещи и проводить до села.

Зашагали мы съ Акимомъ Васильичемъ по дорогѣ. Ходить было трудно, вѣтеръ такъ и пронизывалъ насквозь, а снѣгъ ложился густымъ слоемъ на шапку, шубку...

— Что̀ это вы, Акимъ Висильичъ, какую службу себѣ выбрали? спросила я старика.—Вотъ въ какую погоду вамъ ходить приходится!

— Не въ такую хаживали, сударыня, и не по стольку! Я два раза въ недѣлю въ городъ хожу, а городъ-то 17 верстъ, да городомъ пройдешь верстъ пять, да назадъ.

— То-то я и говорю, что службу вы трудную выбрали?

— А эта служба полегче, чѣмъ другая. Только ногамъ трудно, а самому ничего.

— Да если ногамъ трудно, такъ вѣдь и самому трудно.

— Нѣтъ, сударыня, это дѣло особливое. Я вотъ сорокъ лѣтъ по разнымъ мѣстамъ живу, а теперь супротивъ прежняго куда службу легче нашелъ. Двѣнадцать лѣтъ жилъ въ больницѣ чернорабочихъ, въ Москвѣ, въ дворникахъ — тамъ дядьками называютъ—такъ куда какъ было трудно.

— Работа, что ли, тяжелая была?

— Не работа тяжела, сударыня, а жить трудно. Чего, чего не насмотришься тамъ, сколько горя и сказать нельзя. Знамо все съ хворью что ни на есть тяжкой туда идутъ. Мужику, да на чужой сторонкѣ, и хворать-то бы некогда. Нужда изъ дому гонитъ, пойдетъ работу искать, а тутъ хворь настигнетъ. Чѣмъ работать, хлѣбъ добывать, въ больницѣ приходится лежать. А пока ляжетъ, сколь ему мыкаться приходится! Другого только умирать привезутъ, а пока на улицѣ валялся. Какъ пойдешь топить печи въ палатахъ, или кушанья обносить, чего ни наслышишься, чего ни насмотришься! Пришелъ со стороны, иной изъ далека, а въ деревнѣ семья, ждетъ хлѣба. Онъ за хлѣбомъ пришелъ, а его хворь захватила, а то и смерть. Эхъ, сударыня, что̀ ужь и поминать?

— А я вотъ слышала, Акимъ Васильичъ, что въ больницѣ служители все больше народъ грубый, выпить любитъ. У кухарки моей двоюродной сестры мужъ служилъ въ часовнѣ, такъ про него говорили, что онъ покойниковъ просто тискаетъ въ гробъ, а коли не укладываются, такъ ноги начнетъ ломать. И съ родственниковъ подачекъ требовалъ, и вообще много безобразій творилъ.

— Конечно, сударыня, и такой народъ бываетъ. Иной по природѣ такой, а другой и тамъ такимъ сдѣлается. Тяжко ему, онъ и начнетъ пить, а выпивши и не разбираетъ. Только такихъ не много. Я вотъ жилъ-жилъ, да сюда и ушелъ. Тутъ хотя ходьбы и много—на станцію ходи, да въ Москву, да за старостой или десятскимъ—а все же легче.

— Ну, а какъ ноги у тебя ходить не станутъ?

Акимъ Васильичъ, шедшій нѣсколько шаговъ впереди, даже пріостановился.

— Ка̀къ ходить не станутъ? Это на счетъ того, какъ совсѣмъ годиться не буду?

— Да вѣдь тебѣ 65 лѣтъ, Акимъ Васильичъ! долго ли въ моготу будетъ такіе концы задавать.

— И придетъ же тебѣ, сударыня, что въ голову? У насъ народъ и въ 75 лѣтъ дѣло справляетъ. А на все воля Божія.

— Да развѣ у тебя своей избы нѣтъ?

— У меня-то? нѣтъ, сударыня. Лѣтъ сорокъ пять уже на волю отпущенъ. Тогда, знамо, безъ земли пустили. Шелъ я зимой какъ-то (я вѣдь самъ-то изъ Костромской губерніи) лѣ-

сомъ, а дорогой попался мнѣ баринъ нашъ, а за нимъ гнался медвѣдь. А у насъ тамъ всѣ по лѣсу съ ружьемъ ходятъ. Я и убилъ медвѣдя. Меня и отпустилъ тогда баринъ на волю. Сначала-то я обрадовался барской милости, да на линію не попалъ, Богъ счастья не послалъ. Я крѣпко любилъ землей заниматься, а купить землю было не на что. Былъ я и въ работникахъ, мыкался, мыкался, да такъ ничего и не вышло.

— А у тебя есть кто изъ родныхъ?

— Никого у меня нѣтъ. Старуха была, померла въ больницѣ. Послѣ нея больше и не стало мочи жить въ больницѣ.

Только благодаря разговорамъ съ Акимомъ Васильичемъ, я не особенно чувствовала трудности, которыя приходилось преодолѣвать, пробираясь въ село. Дорога шла все въ гору; вѣтеръ, снѣгъ такъ и хлестали по лицу. Наконецъ, дошли до того мѣста, гдѣ возвышался дворецъ не отстроенный, но уже разрушающійся. Цѣлыми рядами желѣзо свалилось съ крыши, стѣны и оконныя отверстія смотрѣли черныя, мрачныя, а внизу, подъ горой, живописно расположился прудъ, окруженный деревьями, купальня, и оригинальной постройки мостъ.

— Недостроенъ, а валится, кивнулъ на дворецъ Акимъ Васильичъ.—Сколько народу, поди, трудилось надъ нимъ! А все понапрасну. Слышь, мѣсто понравилось, ну, и начали строить, а потомъ не нуженъ сталъ. Сколько трудовъ на него положено! Со всѣхъ мѣстъ, чай, рабочихъ нагоняли!

Въ волостномъ правленіи мнѣ прямо объявили, что ѣхать дальше сегодня нельзя. Рыночный день, бо̀льшая часть обывателей уѣхала въ Москву и еще не возвращалась; на телегѣ нельзя, а сани не справлены. Нужно было переночевать въ селѣ. Я вспомнила, что осенью здѣсь открыто женское училище и что сюда назначили въ учительницы молодую дѣвушку, которую я немного знала. Акимъ Васильичъ опять понесъ мои вещи.

— А у насъ учительница-то недавно поселилась, разсказывалъ онъ дорогой. — Прежде одно только училище было. Вотъ мы шли мимо дворца, такъ я тебѣ показывалъ: одинъ уголъ у него отдѣланный—тамъ и училище. Учитель тамъ же живетъ. У него прежде и дѣвочки учились. А тутъ тѣсно стало, многимъ отказывали. Вдругъ прослышали, что дѣвочекъ отдѣльно учить станутъ. Слухъ-то прошелъ, а училища нѣтъ для нихъ. Пріѣхала учительница, молоденькая, прямо къ учителю. «Гдѣ, спрашиваетъ, тутъ училище, въ которое я назначена?» А онъ ей и сказать ничего не можетъ, не знаетъ. Мыкалась, сердечная, знать, долго. То въ Москву съѣздитъ, то къ попечителю сунется. Никто ничего не знаетъ. Ну, ей Богъ за терпѣніе и послалъ. Живетъ здѣсь нѣмецъ, Артуръ Александровичъ. У него тутъ домъ свой, да дачи. Онъ и вздумалъ пожертвовать, что ни на есть лучшую свою дачу на училище и пристроилъ барышню. Вотъ сама увидишь, какое помѣщеніе—куда суразнѣе того самаго дворца.

На окраинѣ деревни стоялъ хорошенькій домъ съ мезониномъ, верандой и небольшимъ садомъ. Новое строеніе, съ большими, свѣтлыми окнами, смотрѣло весело, уютно.

Пріятно было смотрѣть на веселое, оживленное личико молоденькой учительницы-хозяйки. Все ее занимало въ новой обстановкѣ, и послѣ первыхъ же привѣтствій она усадила меня за чайнымъ столомъ и стала подробно разсказывать о всѣхъ перенесенныхъ ею мытарствахъ. Всѣ разсказы Акима Васильича вполнѣ подтвердились. Въ управѣ Антонинѣ Васильевнѣ сказали, что она назначена учительницей въ Н... женское училище; но, пріѣхавъ туда, она узнала, что женскаго училища въ Н... нѣтъ. Она отправляется къ учителю мужского училища. Тотъ говоритъ, что и онъ слыхалъ, что здѣсь откроютъ женское училище, но пока распоряженій никакихъ нѣтъ. Антонина Васильевна опять ѣдетъ въ Москву, идетъ въ управу; ее посылаютъ обратно въ Н... Наконецъ, попечитель мужского училища въ Н... предлагаетъ ей вмѣстѣ съ нимъ отправиться къ Артуру Александровичу, который будто заявилъ желаніе принять попечительство надъ несуществующимъ еще женскимъ училищемъ. Обѣщаніе свое Артуръ Александровичъ исполнилъ блестящимъ образомъ. Закипѣла работа въ одной изъ дачъ; печники переложили печи, столяры сдѣлали двойныя рамы, плотники ломали ненужныя перегородки, дѣлали новыя. Явилась хорошенькая мебель въ уютной квартирѣ учительницы, явилась классная мебель въ училищѣ, книги, учебныя пособія, картинки для нагляднаго обученія, не жалѣлись средства и соображалось только съ тѣмъ, насколько вещи полезнѣе дешевыхъ изданій. Устроена особая раздѣвальня съ нѣсколькими рядами вѣшалокъ, заказаны для всѣхъ ученицъ, которыхъ сразу набрали 38, валеные ботики, чтобы, пришедши изъ дому, онѣ могли свою грязную, сырую обувь замѣнить сухой, теплой. Для уроковъ рукодѣлія отведена особая, большая, свѣтлая комната. Накупилъ попечитель иголокъ, наперстковъ, ножницъ, нитокъ, бумаги, спицъ, цѣлый кусокъ чернаго люстрину на фартуки, коленкору и т. п. «А съ будущей недѣли, закончила свой разсказъ Антонина Васильевна:—Марьюшка (такъ звали прислугу, которую попечитель нанялъ на свой счетъ для школы) начнетъ готовить для бѣдныхъ дѣвочекъ горячій завтракъ».

— Еслибъ вы только знали, продолжала молодая дѣвушка съ раскраснѣвшимся личикомъ и съ блестящими отъ внутренняго волненія глазами:—еслибъ вы только знали, какъ я счастлива! Я только думаю объ одномъ: какъ бы мнѣ поставить дѣло такъ, чтобы оно пошло хорошо! Сколько ужь потрачено денегъ, и вдругъ я не слажу! Вѣдь было бы жаль, еслибы отъ моего неумѣнія дѣло не пошло! Я каждый вечеръ занимаюсь, готовлюсь къ уроку, и, право, очень-очень стараюсь. Если же я замѣчу, что у меня дѣло не идетъ, то откажусь, какъ мнѣ ни будетъ жалко уѣхать отсюда.

И ей можно было повѣрить, что она говоритъ искренно, что если она увидитъ, что не пойдетъ дѣло какъ слѣдуетъ, то оставитъ мѣсто, а не останется въ этомъ уютномъ уголкѣ, съ своими дѣвочками, которыхъ успѣла уже полюбить. Стала она разсказывать о своихъ ученицахъ, кто изъ нихъ какъ учится, у кого какія способности, какія наклонности она успѣла подмѣтить. Напились мы чаю, и она нѣсколько застѣнчиво объяснила, что ей нужно поправлять ученическія тетради, что я бы ее извинила, если она займется этимъ дѣломъ. Было отрадно смотрѣть на это юное, славное существо, въ которомъ было еще столько дѣтскаго и которое въ тоже время выказывало такое серьёзное отношеніе къ своему дѣлу. Она училась прежде въ одномъ изъ казенныхъ институтовъ, отлично кончила курсъ, была одной изъ кандидатокъ на полученіе серебрянной медали, и, несмотря на это, отказалась отъ представившихся ей мѣстъ въ гувернантки и предпочла идти въ сельскія учительницы на 200 руб. жалованья.

— Учитель, который здѣсь живетъ, говорила она мнѣ:—ужь десятый годъ учительствуетъ, а все еще готовится къ урокамъ. И какъ у него хорошо идутъ занятія! Я часто съ нимъ совѣтуюсь. Онъ каждый разъ, какъ въ Москву ѣздитъ, оттуда какія-нибудь новыя руководства привозитъ; мы читаемъ ихъ, разбираемъ. А какой у него мальчишка славный! вдругъ совершенно по институтски вскрикивала молодая дѣвушка:—какой бѣленькій, пухленькій, кудрявенькій ребенокъ! какая у учителя славная жена!..

Я легла пораньше, а въ гостинной молодой дѣвушки долго еще горѣла лампа, долго она еще сидѣла за тетрадями и книгами. Нужно было наверстать время, проведенное со мной въ разсказахъ объ ея мечтаніяхъ. А мечтала она о многомъ, многомъ... между прочимъ, и о томъ, чтобы накопить изъ своего 18-ти-рублеваго жалованья столько, чтобы купить піанино, хоть старенькое, плохонькое, рублей въ сорокъ.

На другое утро повезъ меня крестьянинъ Павелъ Кузьмичъ. На видъ ему казалось не болѣе 25-ти лѣтъ, а на самомъ дѣлѣ уже подъ сорокъ. Средняго роста, юркій, съ волосами рыжеватаго оттѣнка, онъ производилъ впечатлѣніе плутоватаго мужика. Отъ него пахло виномъ, хотя онъ и не былъ пьянъ. Говорилъ Павелъ Кузьмичъ связно и много; видно было, что онъ любилъ говорить, но любилъ и слушать; обращалъ вниманіе, какія слова употреблялись другими и запоминалъ ихъ. Любилъ онъ приводить пословицы, поговорки и самъ же разъяснялъ, развивалъ, приводилъ примѣры. Не любилъ онъ смотрѣть собесѣднику прямо въ глаза, отчего и получалось впечатлѣніе, что онъ мужикъ нѣсколько плутоватый, себѣ на умѣ. Любилъ онъ разсуждать, и разсуждалъ обо всемъ. Постоянно просвѣчивало горделивое чувство, что онъ и его семья, т. е. отецъ, братья, были люди куда лучше другихъ. Когда мы выѣхали, намъ стали попадаться дѣ-

вочки, отправляющіяся въ школу. Шли дѣвочки нетолько изъ своего села, по которому мы ѣхали, но и изъ другихъ близь лежащихъ деревень, отстоящихъ въ 1/2 верстѣ и нѣсколько далѣе отъ училища.

— Въ училище идутъ, объяснялъ Павелъ Кузьмичъ. — Вотъ мода пошла дѣвочекъ граматѣ обучать. Сначала, какъ первое училище у насъ открыли, никого изъ дѣвочекъ не было, а тамъ стали насылать богачи, мѣщане, купцы, которые тутъ торгуютъ, или у кого здѣсь заведеніе, а на нихъ глядя и мода пошла эта самая. Все съ каждымъ годомъ больше и больше посылаютъ дѣвочекъ. А теперь даже для нихъ и особливое училище пристроили.

— Да развѣ прежде нехорошо учили мальчиковъ съ дѣвочками вмѣстѣ?

— Какъ нехорошо! все одно, что мальчиковъ учили, и свидѣтельства давали, да не въ томъ дѣло. Учитель, извѣстно, мужчина, онъ бабьихъ дѣловъ не знаетъ.

— Да какимъ же бабьимъ дѣломъ, по твоему, въ школѣ обучать надо?

— Извѣстно какимъ, шитью обучать надо.

— Да вѣдь не въ портнихи вамъ дѣвочекъ готовить, а что нужно по дому, тому и мать обучитъ.

Павелъ Кузьмичъ встрепенулся до того, что даже взглянулъ мнѣ прямо въ глаза, но тотчасъ же отвернулся.

— Вотъ въ томъ-то и дѣло, что у насъ на этотъ счетъ вовсе плохо. Совсѣмъ у насъ бабы выродились. Ужъ не говоря о томъ, что ни прядутъ, ни ткутъ—этого давно нѣтъ, вѣдь у насъ земля либо подъ дачами, либо подъ огородами, ленъ лѣтъ тридцать не сѣемъ—да и своего коренного дѣла, и того совсѣмъ не справляютъ. Пошли это онѣ бумагу мотать или папиросы вертѣть, да и свертѣлись совсѣмъ. Иглы въ руки взять не умѣютъ, мужу рубашки не сошьютъ, ребятъ не обошьютъ. Все покупное, на все деньги; чулки покупаютъ, рубашку отдаютъ шить въ люди, платье въ люди, шубку въ люди. Да все не простое, а чтобы вывели на всемъ узоры, вышивка чтобы была. А сами заплату поставить не умѣютъ. А теперь цѣны-то какія! За шубку съ фанбарой (оборкой) 2 рубля отдай. Шить бы умѣла, посидѣла бы вечера три-четыре и сшила бы сама шубку, а то въ люди, да въ люди. Не крестьянка, а чистое раззоренье! Вотъ теперь, слышно, въ школѣ учить будутъ работать, такъ сами мужики дѣвокъ въ школу гонятъ, потому что плоха баба, коли своего дѣла не знаетъ.

— Да вѣдь самъ же ты, Павелъ Кузьмичъ, говоришь, что въ люди отдаютъ шить — значитъ, вотъ эти люди и умѣютъ шить. Вы бы и сватали себѣ невѣстъ изъ этихъ самыхъ, которыя на людей-то работаютъ. Давно бы ваши дѣвки смекнули, что пора имъ за разумъ взяться, и пріучались бы работать.

— А кто же напередъ знаетъ, что̀ дѣвка умѣетъ? Мы вѣдь

беремъ все больше не изъ своего села. Сваха сосватаетъ—и ладно. Чего-чего ни наговоритъ, а посмотришь, дѣло совсѣмъ дрянь, хуже своихъ дѣвокъ окажется баба.

— Такъ вы брали бы знакомую, изъ своего села, чѣмъ свахъ посылать.

— Чудныя вы! сказываю вамъ, что не въ заводѣ у насъ. Своихъ дѣвокъ видишь, за всякой все знаешь. А тутъ—*чего не видишь, того не бредишь*, значитъ, напередъ не знаешь. Пріѣдешь къ невѣстѣ, а она принаряжена, платье надѣнетъ, набѣлится, нарумянится. Ну, извѣстно, парень молодой, ему того только и нужно. Своихъ дѣвокъ и въ худой одежѣ видишь, за всякимъ дѣломъ, ну, и нечего ихъ смотрѣть.

— А свахѣ платите что-нибудь?

— Что слѣдуетъ по уговору; кто ситцу дастъ аршинъ пятнадцать, кто полсапожки, кто платокъ. Когда мнѣ сосватали невѣсту, свахѣ дали полсапожки, да пять аршинъ миткалю, да невѣста ее подарила.

— Кто же даетъ, отецъ или мать?

— Это завсегда ужь мать даетъ. А у меня матери не было, сгорѣла она у насъ. Насъ девять человѣкъ дѣтей было; пожаръ случился ночью. Насъ всѣхъ вытаскали, а мать вспомнила, что ребенокъ въ зыбкѣ остался, и бросилась за нимъ; огонь ее захватилъ. Съ недѣлю похворала и померла; вмѣстѣ съ груднымъ и похоронили ее. Двухъ сестеръ взяла тетка-купчиха въ Москву, онѣ тамъ и умерли отъ скарлатины. Сестра старшая была лѣтъ семнадцати, ей бы въ ту пору замужъ пора, собирать бы надо, а тутъ какъ случился пожаръ, она и стала намъ замѣсто матери. Какъ принялась у печи стоять, такъ и теперь все за ней стоитъ. Она въ ту пору, какъ меня женить, замѣсто матери все дѣло сладила. Какъ мнѣ семнадцать лѣтъ минуло, она пошла по церквамъ ходить въ праздникъ въ разныя деревни, ну, въ Канознѣ и высмотрѣла дѣвушку. Когда время пришло, послала сестра къ ней сваху, скоро и порѣшили. Пришелъ я потомъ къ теткѣ въ Москву, а она и говоритъ: «Ну, что, Павлуша, сосватали тебѣ невѣсту — говорятъ, ростомъ-то съ версту!» Ничего, говорю, тетушка, тѣмъ и хороша. Грязно будетъ, она меня черезъ лужи носить будетъ, сапоги цѣлы будутъ. Такъ вотъ все и смѣялись. Баба—ничего, хорошая.

— Деньги, что ли, взялъ ты за ней?

— Какія деньги! Отецъ въ ту пору еще имъ на свадьбу далъ тридцать рублей. Прежде водилось, что женихи давали невѣстамъ на вино, на постель. Прежде было за что и давать. Бабы заправскія были; на себя, на мужа, на дѣтей, все дѣлали, нарядами не баловались, а теперь во многихъ деревняхъ даже хлѣба сами не пекутъ. Вѣришь ли, есть деревни, гдѣ хлѣба не сѣютъ, а огородами занимаются, овесъ развѣ высѣютъ. И муки не покупаютъ, а все покупаютъ печенымъ хлѣбомъ. Домахъ въ трехъ только и пекутъ на все село. За это самое безъ приданаго, да

безъ денегъ и не берутъ. Моихъ двухъ сестеръ отдавали, такъ за одной отецъ 75 рублей далъ, а за другой 100 рублей.

— Что же, сестры хорошо живутъ?

— Какое хорошо! Деньги прожили, теперь и маются.

— А у тебя дѣвочки подростутъ, и ты за ними денегъ дашь?

— Да что подѣлаешь! извѣстно, дамъ.

— А ты бы не отдавалъ за тѣхъ, которые денегъ просятъ.

— А что съ дѣвками сдѣлаешь? Заладятъ одно: отдавай, да отдавай замужъ — ну, и отдашь, хоть корову продашь, чтобы деньги добыть.

Павелъ Кузьмичъ остановилъ лошадь. Нужно было спускаться съ крутой горы прямо на мостъ, перекинутый черезъ рѣку. На горкѣ стоялъ трактиръ.

— Сударыня, есть, что ли, съ тобой деньги? вдругъ спросилъ Павелъ Кузьмичъ.

— А тебѣ на что?

— Да ноги больно озябли, погрѣться надо.

Дала я ему пятачекъ. Повеселѣвшій Павелъ черезъ нѣсколько минутъ выбѣжалъ изъ трактира.

— Вотъ теперь тепло, оживленно произнесъ онъ. — Давеча жена говоритъ: надѣнь валенки, а я не надѣлъ; говорю: въ сапогахъ поѣду. А теперь и озябъ.

— А ты вѣрно водку любишь?

— Да кто же ея не любитъ? Только я въ мѣру.

— А про васъ говорятъ, что шибко вы выпиваете, Павелъ Кузьмичъ.

— Мы пьемъ много водки, потому что работа наша трудная. А пьянствуютъ у насъ только пропащіе.

— Такъ ли, Павелъ Кузьмичъ? А не такъ ли выйдетъ: пьете вы шибко, а потому и пропадаете?

— Нѣтъ, сударыня, не такъ. Ежели я мужикъ исправный, у меня постоянно въ умѣ, что нужно, чтобы я въ исправности былъ. И подати внести, и дровъ купить, и одежу справить. Иной разъ мимо кабака пойдешь, и тянетъ тебя, а тутъ сейчасъ въ умѣ представится, что всего нужно, ну, и не пойдешь. А кто знаетъ, что какъ онъ ни бейся, а все ему не быть исправнымъ, тотъ и не тужитъ. Одинъ конецъ—все равно раззоренье. Какъ ни вертись, всего не сдѣлать. Ну, броситъ, все въ кабакъ несетъ, лишь бы въ умѣ не держать своего горя. И пойдетъ знакомую дорожку торить до тѣхъ поръ, пока есть что нести. А нечего нести, такъ и еще хуже пойдетъ, у кого какой характеръ. Кто въ чужой карманъ залѣзать станетъ, а кто и подъ окошки пойдетъ съ сумой...

Доѣхали мы до деревни, и отыскала я тамъ крестьянина Захара Захарыча. Захаръ Захарычъ былъ человѣкъ старый, лѣтъ шестидесяти, сѣдой. Черные глаза смотрѣли умно и добродушно. Жилъ онъ съ своей старухой и дѣвочкой лѣтъ тринадцати. Сынъ его учился хорошо, поступилъ въ учительскую семина-

рію, а потомъ и самъ сдѣлался сельскимъ учителемъ. Только мѣсто получилъ онъ гдѣ-то далеко отъ своей деревни и стариковъ навѣщалъ только во время лѣтнихъ ваканцій. Какъ только рѣчь зайдетъ о сынѣ, у Захара Захарыча глаза начинаютъ блестѣть, а у старухи-матери навертываются мелкія, блестящія слезинки на глазахъ. Лучше сына они и не знаютъ человѣка. Долго я бесѣдовала съ Захаромъ Захарычемъ насчетъ его мастерства, уговаривала его выставить свои издѣлія. Отговаривался онъ тѣмъ, что старъ, что занимается одинъ, работаетъ уже тридцать лѣтъ все на одного купца и не изъ своего матеріала.

— Вотъ то-то и горе, Захаръ Захарычъ, что всѣ вы работаете не изъ своего матеріала. Сами не выставляете, образцовъ не продаете; ѣздишь, ѣздишь, а съ пустыми руками пріѣдешь въ Москву.

Захаръ Захарычъ разсмѣялся.

— Точно, сударыня, плохое твое дѣло. А вотъ что, старуха, дай-ка тамъ у насъ гдѣ-то прежніе остатки. Фасонистыя ленты въ прежніе года ткали, такъ остались концы. Вѣдь основу не всегда въ аккуратъ угодишь, а куски мѣрой вяжешь, вотъ и остались. Теперь лѣтъ пять такихъ не дѣлаемъ. Вотъ эти тебѣ, пожалуй, и даромъ отдадимъ.

Я обрадовалась. Старуха вытащила три конца лентъ, какихъ я еще не видала. На бумажной основѣ затыкались цвѣты шелкомъ; ленты толстыя, жесткія, оригинальныя. Очевидно, онѣ гдѣ-нибудь употреблялись на крестьянскіе наряды. И тѣ ленты, которыя ткалъ Захаръ Захарычъ въ настоящее время, не принадлежали къ тѣмъ сортамъ, которые употребляются на отдѣлку, на платья и т. д. Концы были небольшіе, аршина въ два. Пока Захаръ Захарычъ, мнѣ объяснялъ, какъ ткутся эти ленты, какая разница въ станкахъ при томъ и другомъ производствѣ, пока мы толковали объ основѣ и утокѣ, о сыромъ и вареномъ шелкѣ, вошла въ избу другая крестьянка, родственница хозяевъ. Услыхавъ наши толки, и пошептавшись съ хозяйкой, она стала внимательно наблюдать за мной.

— Ну, вотъ теперь и научили вы меня всему, Захаръ Захарычъ; теперь пора мнѣ и дальше. Говорите, что мнѣ дать вамъ за ленты?

— Нѣтъ, ты, сударыня, постой! вмѣшалась вновь вошедшая женщина:—ты скажи, зачѣмъ тебѣ ленты-то.

— Да вотъ сказывала я имъ, что на выставку. Надо, значитъ, всякаго крестьянскаго производства на выставку.

— Нѣтъ, ты, Захарычъ, лентъ не давай, опять вмѣшалась женщина.—Мало ли кто съ хорошимъ лицомъ ѣздитъ, да на душѣ у него что, неизвѣстно. Теперь время не такое. Вы меня извините, сударыня, а право такъ. Его, пожалуй, подъ бѣду подведете. Тоже лѣтошный годъ была я на дачѣ, въ Перовѣ, на гулянье ходила. А тамъ жила на дачѣ ...ская. Вѣдь какая хорошая лицомъ-то! И глаза у ней свѣтлые, вѣрные, а что сдѣ-

лалось! Видѣла я ее тамъ, пріѣзжала она къ знакомымъ, а тѣ ее подъ ручку водили по гулянью-то! Нѣтъ, Захарычъ, не поддавайся.

Захарычъ нерѣшительно переминался съ ноги на ногу.

— Да вѣдь она съ бумагой, вмѣшался Павелъ Кузьмичъ.— У насъ въ волостномъ читали бумагу-то.

— Да что бумага-то, развѣ отъ нея прокъ? бумага бумагой и останется, опять вмѣшалась женщина — Мы не граматные, а были бы и граматны, такъ бумага, по нашему, ничего не значитъ. Что съ нея взять-то! Нѣтъ, Захарычъ, не путайся ты на старости лѣтъ.

— Полноте, голубушка! Какое тутъ путанье можетъ быть. Видите, за дѣломъ пріѣхала, а подводить подъ бѣду Захарыча мнѣ не зачѣмъ. Ну, сами посудите, какая бѣда, что куплю у него концы, которые ему не нужны? Товаръ онъ купцу лѣтъ пять этотъ сдалъ, вычетовъ не было, да и концы пустяшные. Ну, сказывайте, какая бѣда, по вашему, можетъ выйти?

Женщина замялась.

— Мы, конечно, народъ темный, глупый, разсудить всего не можемъ. А все чудно, концы на выставку... За ними человѣка посылать... ну, хоть бы мужчину послали, а то женщину! Вѣдь это не спроста, тутъ можетъ что и кроется. Извѣстно, женщина ловчѣе будетъ. Нѣтъ, лучше не давай, Захарычъ!

— Кабы сынъ здѣсь былъ! вздохнулъ Захаръ Захарычъ.

— Да, кабы сынъ вашъ былъ здѣсь, мнѣ бы съ пустыми руками отъ васъ не уѣхать, Захаръ Захарычъ.

— Вотъ онъ бабій разумъ-то! ворчалъ Павелъ Кузьмичъ, раздосадованный, кажется, болѣе меня, когда мы, побывавши еще въ нѣсколькихъ избахъ, отправились въ другую деревню.—Заладила одно и слушать ничего не хочетъ. Дѣло чистое, а она мужика смутила. Трещитъ, трещитъ, да за своей трескотней людскихъ рѣчей не слышитъ, чужого разума не набирается. А если и слушаетъ, такъ только такую же трескотню, какъ свою. Вотъ сказываютъ, соловей, какъ заливается, такъ закрывши глаза, самъ себя слушаетъ, а другого ужь не слышитъ и не видитъ. Тутъ-то, говорятъ, его и ловятъ. Вотъ и баба иная совсѣмъ своими рѣчами другого смутитъ, а рѣчи-то ея только трескъ, да звонъ.

— Какая баба вышется, Павелъ Кузьмичъ! Иная лучше всякаго мужика дѣло пойметъ.

— Гдѣ ихъ искать, такихъ бабъ-то! Конечно, можетъ, и бываетъ хорошая, только вѣдь это такая ужь, которая на мужика смахиваетъ. Вонъ, которая баба мужицкое дѣло справляетъ, та и поумнѣе будетъ. А прочія и въ городѣ бываютъ, а уму разуму мало набираются. Все по своему перевираютъ.

Павелъ Кузьмичъ замолчалъ, сколько я ни старалась опять навести его на туже тему.

— А не слыхала ли ты, сударыня, когда коронація будетъ? спросилъ онъ меня чрезъ нѣсколько времени.

— Въ газетахъ пишутъ, будто лѣтомъ будетъ.

— Вотъ когда царь покойный короновался, такъ царскій обѣдъ былъ. Было мнѣ лѣтъ пятнадцать тогда или поболѣ, а въ волость къ намъ и прислали бумагу, приказъ, чтобы пять мужиковъ, старыхъ, почтенныхъ прислали въ Москву. Отецъ и попалъ въ то число. Дорогой все разсуждали, по какой причинѣ вызываютъ? не пришлось бы въ отвѣтѣ быть.—Купцы навстрѣчу попались—ихъ спрашивать стали, а они смѣются. Заставятъ, говорятъ, васъ тамъ качели качать. Старики опечалились, обидно стало. Пріѣхали въ Москву, явились, и билетъ имъ дали. Ступайте-молъ, на Ходынку, тамъ и ждите. Какъ флагъ опустятъ, вы и садитесь за столъ и кушайте царское угощеніе. Подъѣхали мы, видимъ: столовъ наставили страсть сколько, и убрали бѣлымъ миткалемъ, а тамъ краснымъ сукномъ! А царское мѣсто, чтобъ ему видать было всѣхъ, все обито краснымъ сукномъ, да цвѣтами. А на столахъ-то угощеніе, колбасы, хлѣбъ, пироги, бараны съ золотыми рогами, вина. Замѣсто блюдъ окаренки глиняные. Сталъ это я съ лошадьми поближе, да все и высматривалъ. Вотъ, думаю, какъ флагъ опустятъ, я этого самаго барана схвачу подъ полу, да въ телегу. Больно хорошъ онъ мнѣ показался. Вдругъ флагъ зашатался. Что̀ тутъ только было, и—и! Кинулся народъ на столы, пошла драка... Я было къ столу, а барана ужь кто-то стащилъ! Схватилъ я колбасу, а лошади и побѣжали... Я колбасу за пазуху, да за ними, а колбаса и выпала. Такъ ни съ чѣмъ и остался. А народъ въ ту пору расходился. Тащатъ, отнимаютъ другъ у друга, ломаютъ столы, оборвали миткаль, сукно все оборвали. Тащитъ это кто окаренокъ — артель на встрѣчу ему, отнимаетъ; онъ его хлопъ на земь, черепки такъ и летятъ на всѣ стороны. Сколь черепковъ однихъ было! Царь-то пріѣхалъ, а ужь ничего нѣтъ. Потомъ вино изъ бассейна стали пить. Фонтаны устроены были. Давятъ другъ друга. Кто добился до бассейна—пьетъ, другимъ подаетъ, а кто подальше стоитъ, тому завидно, возьметъ что попало, камень али черепокъ, да въ него... А тотъ и свалится. Говорятъ человѣкъ двадцать убили, перекалѣчили. Страсть что было!

Было уже совсѣмъ темно, когда я пріѣхала въ деревню, откуда хотѣла прямо отправиться въ Москву. Когда зашла къ старостѣ, тотъ оказался сильно выпивши, жена его также была совсѣмъ пьяная. Изба грязная, вся перекосившаяся, печь сильно подалась въ полъ; было даже страшно оставаться въ избѣ. До Москвы всего верстъ десять. Потребовала я себѣ подводу прямо въ Москву. Староста было не соглашался, но я знала, что въ эту позднюю пору настоящей работы у крестьянъ нѣтъ, и настояла, чтобы дали подводу вплоть до Москвы. Чрезъ нѣсколько времени вошелъ мужикъ средняго роста, суетливый, черные волосы съ сильной просѣдью. Пробовалъ онъ уговорить меня взять

подводу только до ближайшаго села, но, не добившись своей цѣли, наконецъ, объявилъ мнѣ, что сани стоятъ у крыльца. Алексѣй Тимоѳеевъ былъ сильно недоволенъ. Изъ прогонныхъ денегъ, которые я вручила при немъ старостѣ, онъ тотчасъ взялъ гривенникъ, чтобы выпить.

— Не пей, Алексѣй Тимоѳеичъ, уговаривала я его:—я лучше тебѣ на чай дамъ, если довезешь хорошо.

Но онъ не обращалъ никакого вниманія на мои слова и все-таки заѣхалъ въ кабакъ, гдѣ хватилъ стаканчика два водки.

— Это я для смѣлости, объявилъ онъ мнѣ, когда опять сѣлъ въ сани и мы поѣхали далѣе.—И охота тебѣ, сударыня, ѣхать въ ночную пору; лучше бы переночевала у меня.

— Да я и такъ четвертые сутки изъ дому уѣхала. Тоже устала, все на морозѣ, да и погода скверная. Соскучилась я по дому.

— Ну, ладно, и поѣзжай домой, да меня-то отпусти. Видишь, тутъ будетъ деревня скоро, до нея въ полчаса доѣдемъ, а отъ нея всего три версты до Москвы будетъ. Ты въ ней, въ деревнѣ-то и возьми другую подводу,

— Не дѣло ты говоришь, Алексѣй Тимоѳеичъ. Во-первыхъ, прогоны взялъ ты до самой Москвы. Потомъ ты самъ сказывалъ мнѣ, что деревни останутся въ сторонѣ, значитъ, чтобы въ деревню заѣхать надо своротить въ сторону. А потомъ ты говоришь, что 7 верстъ въ полчаса проѣдемъ, а на три версты смѣны просишь? Три версты, выходитъ по твоему, можно меньше чѣмъ въ четверть часа проѣхать. Нѣтъ ты ужь вези, вези, нечего тебѣ лошадь жалѣть.

— Да я не лошадь жалѣю, а самого себя. Какъ я одинъ домой поѣду ночью?

— Теперь всего восьмой часъ, и вернешься ты домой въ десятомъ часу, тутъ постоянно народу много ѣздитъ. Я другой годъ ѣзжу, иной разъ часу въ двѣнадцатомъ ѣдешь, и то ничего, а ты боишься. Все это ты такъ, зря говоришь.

Старикъ все еще не терялъ надежды уговорить меня переночевать въ какой-нибудь деревнѣ. Онъ сталъ громко говорить со мной, увѣрялъ, что это онъ дѣлаетъ для того, чтобы «дурные люди» думали, что ѣдетъ много народу, началъ кричать, разсказывать, что ночью ѣздить опасно. Убѣдившись, наконецъ, что ему не напугать меня, онъ началъ ворчать и явно высказывать свое неудовольствіе.

— И на кой это выставку затѣяли, прахъ ее побери! Вамъ все забава, а намъ безпокойствіе.

— Вотъ придешь на выставку и увидишь, что тутъ не одна забава.

— Ничего я не увижу, и не пойду я на нее. Чего я не видалъ тамъ? Землю я работаю и надо мнѣ соху да борону. Я самъ соху и сдѣлаю. Я свою соху самъ дѣлалъ и служитъ она мнѣ лѣтъ десять, да еще десять лѣтъ прослужитъ. Чего добраго и тамъ сохи

наставлены будутъ, на видъ точно игрушка! Баринъ взглянетъ, купитъ, отдастъ рублей 10, или 15, а то и дороже, а привезетъ домой—она ничего не стоитъ, пахать ею нельзя. Такъ-то вотъ и все у васъ, только однѣ затѣи для баръ.

Стала я ему говорить, для чего и какъ устраивается выставка, почему желаютъ узнать, при какихъ условіяхъ занимаются промыслами и что изъ этого выйдетъ. Алексѣй Тимоѳеичъ разсмѣялся.

— Эхъ ты, барыня, много ты, поди, узнала о нашемъ дѣлѣ! Ты почемъ купила мотокъ снурковъ изъ кислой шерсти?

— Дала за кусокъ 10 копеекъ, а прежде онъ стоилъ 17. Теперь промыселъ этотъ совсѣмъ кончается, такъ что, пожалуй, вы и дешевле его отдаете, да я тѣснить не хотѣла.

— То-то тѣснить не хотѣла, передразнивалъ старикъ: — а снурокъ-то стоитъ 5 коп. Я вотъ выросъ на этихъ снуркахъ, самъ ихъ выгонялъ мотковъ по десяти, такъ знаю.

— А много ли тебѣ изъ пяти копеекъ за работу остается?

— За работу? протяжно проговорилъ онъ:—да работу-то мы не считаемъ.

— Какъ не считаете, вѣдь работаете вы изъ-за того, чтобы деньгу добыть, а не для удовольствія.

— Видишь ты, мы снурки купцу по разной цѣнѣ сдаемъ, и за 7, и за 8 коп., иногда если спросъ есть и за 10 коп. отдадимъ.

— Вотъ то-то, коли спросъ есть! Пріѣхала я къ вамъ за этимъ снуркомъ, значитъ и спросъ на него, и взяли вы съ меня 10 коп. А это мы знаемъ, что иногда вы, при нуждѣ, и деньги за матеріалъ не выручаете, себѣ въ убытокъ отдаете. Вы и то дешево работаете, потому что у васъ хлѣбъ свой, а безъ своего хлѣба вамъ на вашей работѣ не прожить. А чрезъ это самое, что вы свою работу за ничто считаете, вы вредъ приносите другимъ, у которыхъ своего хлѣба нѣтъ.

Старикъ призадумался.

— Да мы бы и рады цѣну взять, да не даютъ. Что̀ будешь дѣлать? И такъ приходится на хитрости пускаться.

— Знаю я и ваши хитрости, знаю, какъ вы катушки, на которыя наматываете бумагу варите въ соленой водѣ, какъ оставляете по нѣскольку пасемъ съ мотка, и много еще чего знаю про васъ, и все это очень скверно. Все у васъ такъ поставлено, кто кого половчѣе обманетъ. Вовсе это не хорошо.

— Конечно, не хорошо, сказалъ старикъ. — Совсѣмъ жить не хорошо стало. Совѣсть затерялась. Вотъ тоже я въ старостахъ былъ, пришлось мнѣ поплатится за то, что у другихъ совѣсти нѣтъ. Чисто адъ—это въ старостахъ быть, все равно, что дьяволу душу продать. Насильно меня посадили. У меня сынъ старшій въ Москвѣ живетъ на хорошемъ мѣстѣ, вотъ уже шестой годъ. Его выбрать хотѣли, такъ я за него и сѣлъ. Вотъ и сидѣлъ два года, да полтораста рублей и насидѣлъ себѣ на

шею. Народъ у насъ распущенный, неисправный, все взаймы на подати проситъ, ну, я изъ этихъ самыхъ денегъ и давалъ, и запутался. Учли меня и смѣнили. А я ужь какъ радъ-то былъ! И дьяволъ съ ними, съ деньгами-то! Кандидату сдалъ должность—теперь кандидатъ въ старостахъ. Видѣла его, какой пьяный, а жена пуще его самого пьетъ. Дѣти разуты - раздѣты, голодно, да холодно у нихъ. Не столько еще насидитъ. Какъ учли меня, и началъ галдѣть народъ, кричитъ: пристава пришлютъ, скотину продавать станутъ. А я молчу; шлите, молъ, кричите, очумѣлые! не придетъ ко мнѣ приставъ. Отдалъ сто рублей, а остальные на Рождество внесу. Мнѣ что! у меня семья большая, на шесть душъ землю беру. Вотъ нынѣшнюю осень двадцать четвертей ржи собралъ, хватитъ. Я съ роду хлѣба не покупаю. Овса на сто рублей продалъ, солому продаю. Два сына въ Москвѣ на хорошихъ мѣстахъ. Избу лѣтось поставилъ—600 рублей стала. Все у меня въ исправности. Только вотъ дьяволы безпутные въ изъянъ меня ввели, какъ въ старосты насильно посадили. Чисто въ петлю лѣзть на эту службу идти. Ну, да что говорить, за сына отсидѣлъ!

— Вотъ что, сударыня, сказалъ онъ, немного помолчавъ:—собираешь ты разное рукодѣліе, такъ неужто ты всякое рукомесло знаешь?

— Нѣтъ, Алексѣй Тимоѳеичъ, не знаю. Бабы все хоронятся, неправду говорятъ. Начнешь по ихъ показаніямъ разсчеты выводить, и не выходитъ. Опять начнешь спрашивать, считать — ну, понемногу и выйдетъ правда наружу. Одна скажетъ одно, другая проговорится о другомъ. Въ одной деревнѣ, напримѣръ, и бумагу мотаютъ, и патроны вертятъ. У тѣхъ, которыя бумагу мотаютъ, спросишь и про патроны, онѣ кое-что скажутъ, что другія не скажутъ, а патронщицы про размотчицъ скажутъ, такъ понемногу и разузнаешь.

— Да, вишь оно что! Только вотъ что, сударыня, хоть и много тебѣ безпокойства, а пользы много ли будетъ? Вонъ я, хлѣбъ сѣю — хлѣбъ и соберу. А кому въ пользу твоя наука?

— Понятно, Алексѣй Тимоѳеичъ, мое дѣло не такое, что всякому изъ него сейчасъ и польза. Человѣкъ я служащій, дѣлаю только одно дѣло. А другіе, тоже служащіе, изъ этого дѣла, что я дѣлаю, придумаютъ такое, что пользу многимъ доставитъ. Вотъ хоть бы выставку возьмемъ. Тебѣ смѣшно показалось, что я въ деревнѣ купила прялку, веретено. Въ другомъ мѣстѣ прядутъ шерсть на колесѣ, а на выставкѣ будетъ и то и, другое. Придетъ баба, и посмотритъ и на то, и на другое. Она, положимъ, на прялкѣ привыкла прясть и на ней выпрядетъ 2 ф. въ день, а на колесѣ можно спрясть 3 фунта. Она это смекнетъ, на прялкѣ больше прясть не станетъ, а купитъ колесо. А тамъ еще другой инструментъ выставятъ, на которомъ прядутъ еще скорѣе. Вотъ и польза. Ты говорилъ, что въ своей деревнѣ всякаго человѣка знаешь, а какъ въ старостахъ былъ, насидѣлъ-

таки 150 руб.; стало быть, все-таки ты хорошенько не зналъ своего народа. Такъ-то и во всемъ. Надо знать *гдѣ*, *что* дѣлается, *какъ* дѣлается, чтобы смекнуть кому какъ помочь. Вотъ, думаютъ, выставка и поможетъ разузнать доподлинно, гдѣ чѣмъ занимаются. У насъ зима долгая, одной землей не проживешь, поневолѣ крестьяне занимаются промыслами.

Старикъ все время внимательно слушалъ.

— Темный мы народъ, сказалъ онъ, наконецъ. — Извѣстно, наше мужицкое дѣло только и кажется намъ пользительнымъ, потому что другого не понимаемъ. А выходитъ, что и барское дѣло къ мужицкому дѣлу причастно. Только ты вотъ что еще мнѣ скажи: *зачѣмъ* вамъ, господамъ, такъ о нашемъ мужицкомъ дѣлѣ стараться вздумалось?

— Я-то человѣкъ подневольный, служащій, а есть люди, которымъ надо знать, которые управляютъ всѣми дѣлами—правительство, земство. Имъ нельзя не приняться за это дѣло, потому что если раззорится народъ, такъ и платить некому будетъ подати.

Алексѣй Тимоѳеичъ встрепенулся.

— Ну, вотъ теперь, я понимаю: значитъ, нужда пришла. Да неужто думаютъ, что выставка всему горю конецъ положитъ?

— Не одна выставка. Выставка сама по себѣ, а другія изслѣдованія своимъ чередомъ. Разныя комиссіи собрали, разсуждаютъ о томъ, какъ пьянству конецъ положить, какъ переселенія устроить для тѣхъ крестьянъ, у которыхъ земли мало. Значитъ, по каждому дѣлу особливо хлопочутъ.

— А кто же, сударыня, въ комиссіяхъ судить взялся?

— Да разныхъ людей туда пригласили...

— А не то, значитъ, что назначаютъ такъ, кто по каждому дѣлу ходокъ?

Видя, что я замѣшкалась отвѣтомъ, старикъ энергично мотнулъ головой.

— Ну, знать долго этихъ дѣловъ не порѣшить! Сама говорила, сударыня, Россія велика, всякаго народу много и разныя земли бываютъ. Гдѣ же однимъ и тѣмъ же людямъ разсуждать обо всемъ! Трудное это дѣло, мірское дѣло—только міру его и разсудить!

И Алексѣй Тимоѳеичъ крѣпко задумался.

М. Горбунова.

ХРОНИКА ПАРИЖСКОЙ ЖИЗНИ.

I.

Внутренняя политика: Протестъ депутатовъ противъ свѣтскаго образованія.— Воззваніе и записка общеобразовательнаго (католическаго) общества. — Генрихъ V и 10-й крестовый походъ. – Шалонская прокламація.—Анжуйскіе роялисты. — Хитрость вмѣсто открытаго возмущенія. — Монсеньёръ Фреппель въ роли успокоителя.—Письмо Бодри д'Ассона. — Совѣщаніе съ епископомъ парижскимъ.—Расколъ въ средѣ монархистовъ. — Письмо принца Виктора Наполеона.—Рѣчь Ферри въ Сорбоннѣ.—Конгрессъ образовательной лиги.—Конгрессъ по поводу вопроса объ отдѣленіи церкви отъ государства.—Анти-клерикальный оппортунизмъ. — Объясненіе депутатовъ въ провинціи, по поводу 26-го января.—Равнодушіе страны.—Гамбетта и неудавшаяся покупка газетъ.— Весенняя сессія департаментскихъ совѣтовъ.—Дополнительные муниципальные выборы въ большихъ центрахъ.

Прежде чѣмъ разъѣхаться на каникулы, 50 роялистовъ, успѣвшихъ сохранить за собою мѣста въ палатѣ депутатовъ, подписали, вмѣстѣ съ пятью-шестью бонапартистами, противниками принца Наполеона, продиктованное имъ финистерскимъ депутатомъ, епископомъ Фреппелемъ, заявленіе сочувствія шумной оппозиціи сенатской правой, направленное противъ новаго закона о первоначальномъ обязательномъ и свѣтскомъ образованіи, обнародованнаго 28-го марта. Этотъ законъ, по ихъ мнѣнію, «противорѣчитъ религіозной свободѣ и правамъ отцовъ семействъ, оскорбителенъ для достоинства французскихъ гражданъ» и сверхъ того, можетъ навлечь пагубныя для будущности страны послѣдствія. Они совѣтуютъ семьямъ, посылающимъ дѣтей въ общественныя учебныя заведенія, требовать, чтобы дѣти получали въ нихъ религіозное воспитаніе и образованіе, а общинамъ—«энергическимъ образомъ настаивать на сохраненіи въ школахъ религіозныхъ символовъ». «Мы питаемъ слишкомъ сильное довѣріе къ законной гордости и чувству чести нашихъ согражданъ, пишутъ они далѣе:— чтобы сомнѣваться въ томъ, что никакія угрозы и непріятности не въ силахъ заставить ихъ отступить предъ выполненіемъ долга, въ томъ случаѣ, если преподаваніе, получаемое ихъ дѣтьми, окажется оскорбительнымъ для ихъ вѣры, и обязуемся поддержи-

вать всякій законный отпоръ произволу и притѣсненію». Подъ покровительствомъ сенаторовъ Шенелона, Люсьена Брёна, Кольбъ-Бернара и другихъ, и депутатовъ: Альбера Мёна, де-Лабассетьера и ихъ единомышленниковъ, составилось общество, назвавшее себя «Société générale d'éducation et d'enseignement». Въ воззваніи къ христіанскимъ преподавателямъ и воспитателямъ, изданномъ этимъ обществомъ, оно ввѣряетъ «духовной власти, т. е. епископамъ, заботу о начертаніи инструкцій этимъ наставникамъ; епископы-же должны рѣшать, по своему усмотрѣнію, вопросъ о достаточномъ благочестіи школы; если же учебное заведеніе будетъ представлять опасность для вѣры и нравственности питомцевъ, то духовная власть будетъ запрещать отцамъ-христіанамъ посылать въ такую школу своихъ дѣтей». Общество приглашаетъ своихъ членовъ наблюдать за преподаваніемъ, за уроками, задаваемыми въ школѣ, за учебниками и т. д. Оно приглашаетъ также и родителей принять участіе въ этомъ контролѣ. Оно открываетъ «постоянное слѣдствіе» и, говоря яснѣе, стремится устроить на всей поверхности французской территоріи «священную полицію» противъ преподавателей свѣтскихъ школъ и кассу сопротивленія для поддержки стачекъ въ средѣ крестьянскаго населенія, которое, какъ надѣются, охотно будетъ составлять союзы съ цѣлью не посылать дѣтей въ свѣтскія школы.

Генрихъ V не могъ, разумѣется, упустить такого удобнаго случая, и изъ глубины своего *добровольнаго* изгнанія (потому что никто не мѣшаетъ ему мирно проживать въ своемъ château Chambord, подобно тому, какъ герцогъ Омальскій живетъ въ замкѣ Шантильи) онъ напомнилъ о себѣ безпечному народу, который такъ медлитъ возвращеніемъ ему трона. Онъ поручилъ своему секретарю передать «доблестному Карайонъ-Латуру» одобреніе, по случаю «вызова, брошеннаго угнетателямъ съ высоты сенатской трибуны». Малоизвѣстному же автору апологіи папскихъ зуавовъ, озаглавленной «Девятый крестовый походъ», король велѣлъ написать: «Ваша книга является въ благопріятный часъ, чтобы еще ярче освѣтить подготовляемыя гнусности. Будьте увѣрены, что не далеко то время, когда вы будете призваны къ начертанію исторіи «Десятаго крестоваго похода», на что имѣете безспорное право. Господь не попуститъ легальному безбожію овладѣть школой смиреннѣйшихъ селеній, не вдохнувъ въ сердце честнаго рабочаго, ремесленника, хлѣбопашца, справедливаго ужаса къ закону, предназначенному къ тому, чтобы вырвать у него душу его дитяти, и не побудивъ къ возстанію противъ дерзости тѣхъ, кто его задумалъ и противъ сообщничества тѣхъ, кто подалъ за него голоса!»

Оба королевскія посланія не замедлили возбудить раздоръ въ средѣ противниковъ закона 28-го марта. Чистые роялисты изъявили намѣреніе немедленно открыть кампанію и, не ожидая епископскихъ указаній, поднять сельское населеніе отсталыхъ мѣстностей, господами которыхъ они продолжаютъ себя считать,

Олеакскій мэръ,[1] графъ Сегюръ д'Агессо (бывшій сенаторъ второй имперіи, вернувшійся на лоно легитимизма), подалъ примѣръ отказа наклеить на зданіе мэріи нумеръ «Bulletin officiel des Communes», заключающій въ себѣ «злодѣйскій законъ». Депутатъ Бодри д'Ассонъ, прославившійся тѣмъ, что подалъ поводъ устроить депутатскій карцеръ, созвалъ съ высоты своего вандейскаго замка все шуанское ополченіе въ мѣстечко Шаллонъ, въ Вандеѣ. Онъ заставилъ своихъ вѣрныхъ подписать воззванія: къ святымъ отцамъ, въ которомъ ихъ просятъ озаботиться тѣмъ, чтобы общественныя учебныя заведенія оставались пустыми; къ муниципальнымъ совѣтамъ, еще обладающимъ клерикальнымъ большинствомъ, а потому имѣющимъ возможность отказывать въ матеріальныхъ средствахъ свѣтскимъ первоначальнымъ школамъ; наконецъ, къ департаментскимъ совѣтамъ, которые приглашаются къ энергическому протесту повсюду, гдѣ республиканцы еще не успѣли утвердиться. «Вандейцы, читаемъ мы въ этомъ курьёзномъ документѣ:—внуки героевъ, со славою бившихся противъ святотатственной революціи, при первой республикѣ! во имя сохраненія драгоцѣннаго наслѣдія вѣры христіанской, съ Божіей помощью мы съумѣемъ отстоять вѣру отцовъ. Да... мы громко объявляемъ, что не станемъ повиноваться... И вмѣстѣ съ почтеннымъ сенаторомъ Карайонъ-Латуромъ восклицаемъ: «Душу дѣтей нашихъ можно вырвать у насъ лишь съ сердцемъ нашимъ...»

Въ Анжу роялистскій комитетъ роздалъ для распространенія циркуляръ, приглашающій къ приходскому и общинному сопротивленію. Нижеподписавшіеся и т. д. «протестуютъ всею силой своей воли противъ приведенія въ исполненіе пагубнаго закона и выражаютъ готовность подвергнуть себя всѣмъ послѣдствіямъ своего отпора, какъ-то: порицанію, денежнымъ пенямъ и тюремному заключенію. Нуждаясь въ поддержкѣ, при столь законномъ сопротивленіи, они умоляютъ муниципальный совѣтъ придти къ нимъ на помощь посредствомъ энергическаго отказа въ содѣйствіи какъ назначенію учебной комиссіи, такъ и ассигнованію фондовъ для приведенія въ исполненіе пагубнаго закона».

Однако, епископъ анжерскій поспѣшилъ задержать распространеніе этого циркуляра, написавъ къ предсѣдателю роялистскаго комитета, виконту де-Маколье, письмо, въ которомъ извѣщалъ, по всей вѣроятности, вслѣдствіе инструкцій со стороны папы Льва XIII благоразумнаго, что походъ противъ закона 28-го марта будетъ веденъ инымъ способомъ. Всѣ были изумлены такою рѣчью въ устахъ воинственнаго монсеньёра Фреппеля, который, очевидно, высказывался противъ безусловнаго отрицанія закона и даже, въ противность вандейцамъ и королю, предлагалъ воспользоваться нѣкоторыми изъ постановленій новаго закона, съ цѣлью помѣшать его дѣйствію. «Я полагаю, писалъ

[1] Олеакъ—городъ въ департаментѣ Верхнихъ Пиренеевъ.

онъ: — что католики не должны устраняться отъ учебныхъ комиссій въ тѣхъ случаяхъ, когда такія комиссіи могутъ предотвратить вредъ или принести какую-нибудь пользу... Муниципальные совѣты поступили бы вполнѣ разумно, справедливо и прилично, *призвавъ кюрэ* въ среду означенныхъ комиссій, какъ то разрѣшено закономъ». Въ «пастырской инструкціи отцамъ и матерямъ семействъ» прелатъ не забылъ напомнить апостольское правило, по которому лучше повиноваться Богу, чѣмъ людямъ. Онъ возводитъ въ догматъ, что родители-христіане подвергли бы опасности спасеніе своей души, оставляя дѣтей въ безбожной школѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ совѣтуетъ имъ не удалять немедленно дѣтей своихъ изъ общинныхъ школъ, даже свѣтскихъ, до той поры, пока въ нихъ не будетъ произведено никакихъ измѣненій, и ожидать результатовъ дѣйствія учебныхъ комиссій въ тѣхъ селахъ, гдѣ населеніе не заражено свободною мыслью, т. е. въ громадномъ большинствѣ анжуйскихъ, вандейскихъ и бретанскихъ мѣстностей. Впрочемъ, замѣчаетъ епископъ, духовныя училища, содержимыя на муниципальный счетъ, будутъ закрыты лишь въ томъ случаѣ, если ихъ принудятъ, въ силу новаго закона, «нейтрализоваться», вопреки желанію «братьевъ» и «сестеръ», а это, принимая въ соображеніе процессы, которые возникнутъ, потребуетъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, въ теченіи которыхъ подписка въ пользу «свободной ортодоксальной школы, уже предпринятая въ настоящую минуту, будетъ идти своимъ чередомъ и поможетъ учредить эту школу вездѣ, гдѣ не удастся сохранить прежній характеръ за общественной школой». Эта подписка заставляетъ вздыхать, однако же, многихъ, кому приходится развязывать кошельки.

Общество, назвавшее себя «Société générale d'éducation et d'enseignement», поручило комитету юрисконсультовъ (къ содѣйствію котораго католики прибѣгли и на этотъ разъ, какъ во времена борьбы противъ мартовскихъ декретовъ) составить «записку», которая должна доказать, что законъ «не воспрещаетъ» священникамъ засѣдать въ учебныхъ комиссіяхъ, а слѣдовательно «дозволяетъ»; что муниципальные совѣтники въ клерикальныхъ общинахъ, могутъ добиться большинства; что мэры-католики не должны подавать въ отставку, но, напротивъ, стараться удержаться на своихъ мѣстахъ, такъ какъ имъ, по праву, принадлежитъ предсѣдательство въ учебныхъ комиссіяхъ; обязанность же этихъ послѣднихъ заключается въ наблюденіи за школами, за преподаваніемъ, за посѣщеніемъ школы и, главнымъ образомъ, въ наложеніи взысканій на родителей, которые не посылаютъ дѣтей въ школу и не даютъ имъ даже домашняго образованія.

При помощи подобныхъ уловокъ, болѣе дѣйствительныхъ, чѣмъ «мѣстные мятежи», которые не замедлили бы быть подавленными, надѣются отдалить лаицизацію школъ. Тоже общество образованія и воспитанія собираетъ по подпискѣ средства для доставленія

каждому крестьянину, который откажется посылать дѣтей въ свѣтскую школу, необходимыя для уплаты пени деньги. «Gazette de France» напечатала приблизительное вычисленіе суммы штрафовъ. Изъ этого вычисленія видно, что, считая штрафъ отъ 1 до 15 франковъ и полагая по 5 франковъ за каждый день тюремнаго заключенія, необходимо имѣть 20,000 фр. для покрытія 1,000 взысканій. Но развѣ дворянство не довольно богато для того, чтобы внести нѣсколько милліоновъ, требуемыхъ приведеніемъ въ исполненіе плана возстанія пастуховъ и пастушекъ въ бо́льшей части французскихъ общинъ противъ свѣтскаго и обязательнаго обученія? Этотъ вопросъ задаютъ себѣ въ Фрошдорфѣ. Что касается французской демократіи, то эти замыслы не внушаютъ ей опасеній. Катастрофа съ «Union générale», за которой послѣдовала въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ другая, постигшая такъ-называемый «Anglo-Universel-Bank», въ значительной степени развѣяла фонды пресловутой «черной кассы», учрежденной въ видахъ поддержанія борьбы конгрегацій противъ республики. Президентомъ административнаго совѣта этого банка былъ сенаторъ Бараньонъ, а членами—бывшіе министры нравственнаго порядка, какъ Депейръ (юстиціи), графъ Роганъ-Шабо, князь Люсенжъ-Фосиньи и глава монархическо-клерикальной партіи въ Авиньонѣ, графъ Демэнъ. Богатыя семейства, помѣстившія туда свои сбереженія, въ надеждѣ на спасеніе души и желая выполнить обязанности по отношенію къ церкви и трону, удвоивая въ тоже время свое состояніе игрой на биржѣ, сильно пострадали и охладѣли. Мелкіе люди стали недовѣрчивѣе, и можно сказать напередъ, что кассу сопротивленія свѣтскому и обязательному обученію трудно будетъ наполнить, такъ же трудно, вѣроятно, какъ и собрать крестоносцевъ для «десятаго крестоваго похода». Это не мѣшаетъ, однако же, устроивать благочестивые митинги, наперекоръ епископскимъ внушеніямъ, и проповѣдывать на нихъ немедленную борьбу противъ новаго закона и учрежденіе кассъ взаимнаго страхованія, капиталъ которыхъ доженъ быть собранъ путемъ милостыни, по пяти сантимовъ въ день съ каждаго вѣрующаго. Депутатъ Бодри д'Ассонъ намѣревается, повидимому, сорвать первую пальмовую вѣтвь мученичества посредствомъ письма, написаннаго министру Ферри, въ которомъ онъ заявляетъ, что не станетъ объявлять мэрамъ многочисленныхъ общинъ, гдѣ находятся его замки, о томъ, есть ли у него дѣти и средства давать имъ образованіе, нанимая для нихъ учителей, что онъ не побоится мирового суда, уплатитъ 5-ти-франковый штрафъ, выдержитъ тюремное заключеніе, одинъ, двадцать, сто разъ... до тѣхъ поръ, пока вернется законный наслѣдникъ его королей!!!»

Быстрое и полное приведеніе въ исполненіе закона 28-го марта встрѣчаетъ только одно, но довольно серьёзное препятствіе, которое не ускользнуло отъ вниманія министерства, а также было очень хорошо понято епископатомъ. Четвертая часть пер-

воначальныхъ общинныхъ школъ имѣютъ преподавателями монаховъ—въ школахъ для мальчиковъ, и монахинь—въ школахъ для дѣвочекъ.

Конечно, увеличеніе числа нормальныхъ школъ за послѣдніе три года и улучшеніе положенія преподавателей дозволяютъ надѣяться, что образованіе дѣтей мужскаго пола можетъ быть сдѣлано свѣтскимъ повсюду и въ скоромъ времени. Но не такъ стоитъ это дѣло въ учебныхъ заведеніяхъ для дѣвочекъ. Изъ этого слѣдуетъ, что преподавательскія конгрегаціи ничего здѣсь не потеряютъ, а напротивъ, еще выиграютъ, и ужь, конечно, не устранятся.

Спрошенный конгрегаціями о томъ, какого образа дѣйствій надлежитъ имъ держаться, епископъ парижскій отвѣчалъ «любезнымъ братьямъ» и «сестрамъ» парижской епархіи, что конгрегаціонные преподаватели обязаны, въ силу даннаго ими обѣта, преподавать въ духѣ католицизма, охранять религіозные символы, признаваемые католичествомъ; въ случаѣ же запрещенія исполнять все это, въ силу строгаго примѣненія принципа «нейтральности первоначальной школы», они не должны оставаться на муниципальной службѣ. Но, слѣдуя примѣру Льва XIII, парижскій прелатъ предполагаетъ, что правительство не посмѣетъ такъ далеко зайти въ дѣлѣ легальной послѣдовательности и, что въ концѣ-концовъ, выборъ между обоими родами образованія: свѣтскимъ и конгреганистскимъ переживетъ отмѣну закона 1850 г., который, какъ извѣстно, дозволялъ его. Онъ полагаетъ, что если законъ 1882 г. прекратилъ обязательность религіознаго образованія, то онъ, однакоже, не запрещалъ это послѣднее безусловно въ школахъ, находящихся въ завѣдываніи духовныхъ. «Иначе, восклицаетъ онъ:—это было бы дѣйствительнымъ противорѣчіемъ, которое я не рѣшаюсь предположить у законодателей».

Итакъ, парижскій архіепископъ предписываетъ монахамъ и монахинямъ не оставлять мѣстъ, занимаемыхъ ими въ общественныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Онъ предвидитъ, однакоже, что оставаться въ нихъ, въ случаѣ точнаго примѣненія закона 29-го марта было бы невозможно. «Тогда, говоритъ онъ въ заключеніе:—вы съ новымъ мужествомъ принялись бы за выполненіе своей задачи въ свободныхъ школахъ, существующихъ пожертвованіями вѣрныхъ». Оппортюнистскій методъ, предлагаемый монсеньёромъ, имѣетъ два преимущества: первое заключается въ созданіи столкновеній, которыми можетъ воспользоваться клерикальная партія; второе въ возможности выиграть время для благочестивыхъ подписокъ.

Архіепископъ руанскій даетъ инструкціи совершенно тождественныя съ только-что приведенными указаніями своего парижскаго коллеги. Онъ, сверхъ того, пытается доказать свѣтскимъ учителямъ и учительницамъ, что законъ не запрещаетъ имъ безусловно соглашеній съ кюрэ, относительно религіознаго обученія.

Сопротивленіе закону, по преимуществу республиканскому — такъ какъ дѣло идетъ о воспитаніи будущихъ поколѣній въ полной свободѣ мысли — потребовало бы общаго союза всѣхъ клерикальныхъ и монархическихъ оппозицій. А между тѣмъ, мы уже съ самаго начала видимъ возникновеніе соперничества между свѣтскимъ роялизмомъ и епископатомъ, изъ коихъ первый желаетъ прямо прибѣгнуть къ насилію, а второй проповѣдуетъ путь терпѣливыхъ ухищреній.

Присоединеніе нѣсколькихъ бонапартистовъ къ сторонникамъ Фреппеля нетолько не послужило дѣлу коалиціи всѣхъ монархическихъ элементовъ на почвѣ практической борьбы противъ республиканскихъ учрежденій, но, напротивъ, вызвало выдѣленіе изъ среды бонапартизма значительнаго числа имперіалистовъ, не раздѣляющихъ мнѣній весьма свѣтскаго и атеистическаго принца Наполеона.

Ухватившись за ложный слухъ о своей смерти, принцъ Викторъ (которому Кассаньякъ и компанія намѣрены служить, противопоставляя его отцу), написалъ изъ Гейдельберга, гдѣ оканчиваетъ свое образованіе, письмо пріятелю, положившее предѣлъ полемикѣ между «Pays» и «Napoléon», существовавшей со времени смерти отъ руки зулусовъ прямого наслѣдника Наполеона III. Молодой принцъ Викторъ заявляетъ, что находится въ полномъ здравіи, что питаетъ къ отцу своему уваженіе, которое обязанъ къ нему питать, и привязанность, которая всегда между ними существовала, что полемика, предметомъ которой служитъ отецъ его и онъ самъ, для него тягостна и, что «единственная забота его заключается въ томъ, чтобы сдѣлаться достойнымъ носимаго имъ имени и подготовить себя къ служенію странѣ въ тотъ день, когда долгъ призоветъ его на это служеніе». Этотъ первый выходъ юнаго принца въ политическую сферу, конечно, не имѣетъ никакого значенія, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ; но, разрушая иллюзіи Кассаньяка и его товарищей, препятствуя сліянію шарантскихъ и жерскихъ бонапартистовъ съ вандейскими и бретанскими роялистами для борьбы противъ лаицизаціи первоначальнаго образованія, вмѣшательство принца помѣшаетъ клерикальной оппозиціи принять серьёзные размѣры; *синіе*, составляющіе вмѣстѣ съ бонапартистами четыре пятыхъ сельскаго населенія, задушатъ и мятежъ *бѣлыхъ*, и хитрости *черныхъ*.

Предсѣдательствуя на засѣданіи, происходившемъ по случаю торжественнаго закрытія сессіи департаментскихъ ученыхъ обществъ и обществъ изящныхъ искуствъ, въ Сорбоннѣ, министръ народнаго просвѣщенія Ферри не преминулъ воспользоваться случаемъ для возраженія клерикальнымъ преувеличеніямъ, по которымъ «нейтральность школы» превращалась въ какой-то чудовищный государственный атеизмъ.

«Если вѣрить недоброжелательнымъ рѣчамъ, сказалъ онъ:— министерство народнаго просвѣщенія составило двойной заговоръ противъ французскаго юношества, съ цѣлью изгнать ста-

рую изъ его памяти Францію и Бога изъ его души! Насъ представляютъ въ одно и то же время какими-то иконоборцами, по отношенію къ прошлому, и какими-то палачами идеала!.. Нѣтъ, французскій университетъ, на которомъ лежитъ обязанность и отвѣтственность примѣненія новаго закона, не заключаетъ въ себѣ элементовъ этого фанатизма съ другого конца, который, какъ увѣряютъ, объявилъ войну Богу. Если такой вызывающій и насильственный атеизмъ и существуетъ гдѣ-нибудь, то никакъ не въ нашихъ программахъ, не въ нашихъ школахъ, или воззрѣніяхъ. Университетъ откроетъ для всякаго рода философскихъ ученій, но онъ закрытъ для какого бы то ни было фанатизма. Его составляютъ умы свободные, различныхъ темпераментовъ и различной степени смѣлости, но которые всѣ, безъ исключенія, считаютъ отсталыми и отжившими ископаемыя системы временъ минувшихъ, которыя имѣютъ претензію вести къ будущему, а на самомъ дѣлѣ представляютъ возвращеніе назадъ. Истинные ученые думаютъ иначе; истинно-свободные умы слѣдуютъ иному пути. Свободное образованіе указало имъ, что духъ нетерпимости и сектантства, откуда бы онъ ни исходилъ—безплоденъ и опасенъ. Настоящее же спокойствіе и безопасность даются терпимостью, по отношенію къ идеямъ, уваженіемъ къ свободѣ совѣсти и въ особенности дѣтской, этой наиболѣе хрупкой и наиболѣе достойной вниманія совѣсти!»

Я уже имѣлъ случай упоминать весною прошедшаго года, о преобразованіи обществъ, извѣстныхъ подъ именемъ образовательныхъ лигъ и о сліяніи ихъ въ одно цѣлое, подъ именемъ «Французской образовательной лиги». Этому сліянію предшествовало петиціонное движеніе, начавшееся вскорѣ послѣ того, какъ «побѣдилъ прусскій школьный учитель». Петиціи требовали возможно скораго осуществленія 1-й статьи республиканской программы, т. е. даровaго, обязательнаго и свѣтскаго образованія. Листки петицій были такъ многочисленны, что ихъ буквально можно было видѣть цѣлые возы въ Версалѣ. Но національное собраніе оставалось глухо къ этимъ требованіямъ. Тѣмъ не менѣе, если милліонъ подписей, полученныхъ «лигой», остались безъ вліянія на избранниковъ 1871 г., то на избранниковъ 1876 и 1877 г. ими было оказано должное дѣйствіе и, побѣдивъ ультрамонтанскій заговоръ 16-го мая, они вотировали въ видѣ трехъ законопроэктовъ, три основные принципа народнаго образованія при системѣ правленія, обусловленной всеобщей подачей голосовъ. На второй недѣлѣ послѣ Пасхи происходилъ конгрессъ лиги въ бывшемъ помѣщеніи массонской ложи Великаго Востока. Наиболѣе характеристичной резолюціей этого съѣзда была та, въ силу которой «лига» беретъ на себя устройство въ каждомъ кантонѣ, и при помощи еженедѣльныхъ ученій и періодическихъ собраній, *гражданственно военнаго* образованія до 21 лѣтняго возраста. Въ заключительномъ засѣданіи съѣзда, Жанъ Масѐ (одинъ изъ самыхъ ревностныхъ поборниковъ этого

рода обществъ и учредитель многихъ лигъ) произнесъ прекрасную рѣчь, въ которой отстаивалъ «злодѣйскій законъ» противъ союза почитателей Варѳоломеевской ночи и междоусобной войны въ Вандеѣ и Бретани, которая велась въ сообщничествѣ съ монархической Европой, сплотившейся противъ французской революціи. Съ замѣчательнымъ здравомысліемъ указалъ Масѐ на опасности, по крайней мѣрѣ, нравственныя, подготовляемыя клерикалами, и на обязанность республиканцевъ сплотиться противъ еще могучаго врага. «Кто держитъ въ рукахъ своихъ французскую школу, тотъ держитъ въ рукахъ Францію», заключилъ ораторъ.—Другіе держали эту школу достаточно долгое время; наступилъ и нашъ чередъ!»

Эти слова съ бѣшенствомъ повторяли клерикальные органы.

Возвративъ себѣ завѣдываніе народнымъ образованіемъ уже современъ первой имперіи, поглотивъ его на три четверти, благодаря закону 1850 г., клерикализмъ, потерпѣвшій жестокое пораженіе, нанесенное ему духомъ XVIII столѣтія отъ 1789 до 1801 года, оправился и едва не успѣлъ завоевать родину Вольтера и Дидро и оглушить ее при помощи іезуитизма. Законъ 28-го марта знаменуетъ разрывъ между прошлымъ и будущимъ. Неудивительно поэтому, что сторонники прошлаго оказываютъ лихорадочное сопротивленіе, сознавая, что ихъ ждетъ пропасть. Но республиканцамъ все-таки предстоитъ не мало работы, чтобы расчистить среди топей настоящаго прочный путь для всякаго рода совершенствованія.

Національный конгрессъ по вопросу объ отдѣленіи церкви отъ государства былъ предложенъ въ концѣ января депутатами Бокье, Лэзаномъ, Жюлемъ Рошемъ, публицистомъ Мореномъ (бывшимъ парижскимъ муниципальнымъ совѣтникомъ), лекторшей Маріей Дерэмъ и въ особенности старымъ агитаторомъ 1848 г. 1870 г. и ревностнымъ послѣдователемъ знаменитой антиклерикальной троицы въ Collège de France: Мишлэ, Кине и Адама Мицкевича—Арманомъ Леви. По предложенію Леви, при открытіи конгресса 30-го марта, почетными президентами были выбраны: Викторъ Гюго, Луи Бланъ и Гарибальди. Итальянскому герою была послана телеграмма въ Палермо, гдѣ онъ присутствовалъ на празднествахъ, устроенныхъ въ воспоминаніе о Сициліанской вечернѣ. Въ телеграммѣ говорилось о прискорбной старинной враждѣ, раздутой папствомъ, и о необходимости дружескаго сближенія между Италіей и Франціей, на почвѣ полнаго равенства, что не мало содѣйствовало парализированію ядовитой манифестаціи, которой радовалась Германія. Конгрессисты принадлежали большею частью къ радикальному, антиоппортюнистскому оттѣнку, но, несмотря на это, вели себя сдержанно и не предавались никакимъ эксцентричностямъ. Они спокойно и терпѣливо выслушали либеральнаго пастора Гирша, требовавшаго равенства вѣроисповѣданій, и мѣръ предосторожности противъ католицизма, который можетъ воспользоваться полной свободой и злоупотребить своею

многовѣковою организаціей. Послѣ трехъ продолжительныхъ засѣданій, конгрессъ пришелъ къ слѣдующему: онъ приглашаетъ сенатъ и въ особенности палату депутатовъ, въ возможно-скоромъ времени исполнить данное народу обѣщаніе относительно отмѣны конкордата, полной и немедленной отмѣны духовнаго бюджета и примѣненія общаго гражданскаго права къ духовенству; въ дѣлѣ собраній и ассоціацій конгрессъ требуетъ уваженія и примѣненія общаго права, т. е. одинаковой для всѣхъ свободы, при немедленной отмѣнѣ декретовъ и законовъ, несовмѣстныхъ съ такою свободой; возвращенія націи конгрегаціонныхъ имѣній, а также и принадлежащихъ духовенству фабрикъ и прочихъ заведеній и строгаго примѣненія закона, не признающаго духовныхъ обѣтовъ. На заключительномъ собраніи, происходившемъ въ cirque Fernando, г-жа Марія Дерэмъ произнесла рѣчь, въ которой напомнила о значеніи женскаго вопроса въ дѣлѣ уравненія вѣроисповѣданій: «Если вы хотите вырвать съ корнемъ суевѣріе, воскликнула ораторша:—то призовите содѣйствіе женщинъ, возвратите имъ ихъ права, сдѣлайте изъ нихъ себѣ равныхъ!» Депутатъ Гатино, предсѣдательствовавшій на конгрессѣ, нападалъ на предложенныя министерствомъ Гамбетты репрессивныя мѣры противъ духовныхъ, назвавъ эти мѣры «нелѣпыми и тупоумными». Однако, ораторъ, въ свою очередь, высказался противъ предоставленія полной свободы клерикальнымъ организаціямъ, настаивая, подобно бывшему министру Вальдекъ-Руссо, на различеніи конгрегаціи отъ ассоціаціи. Либеральное меньшинство возроптало, но большинство и значительное выразило одобреніе.

Нѣкоторые изъ депутатовъ воспользовались пасхальными каникулами, чтобы собрать своихъ избирателей и объяснить имъ причины враждебнаго образа дѣйствій своего противъ «великаго министерства». Къ числу этихъ депутатовъ принадлежали: Саллисъ въ Жерскомъ департаментѣ, Ратье — въ Іоннскомъ, Бовье Лапьеръ—въ Изерскомъ, Перенъ—въ Лиможѣ, Шарль Буассе—въ Шалонѣ-на-Сонѣ, гг. Лагранжъ и Баллю — въ Ліонѣ. Всѣ они нападали на «авторитарную и личную политику» и были выслушаны съ сочувствіемъ. Вообще, за послѣднее время страна выказала значительное равнодушіе къ вопросу о лицахъ; авторитетъ Гамбетты сильно упалъ, но и кабинетъ Фрейсине нигдѣ не возбуждаетъ энтузіазма. Перемѣна состава министерства считается дѣломъ второстепеннымъ.

Эта холодность приводитъ въ отчаяніе клерикаловъ, но внушаетъ нѣкоторыя опасенія и серьёзнымъ демократамъ-патріотамъ. Что касается Гамбетты, то даже бывшіе приверженцы и поклонники, восхищавшіеся имъ въ роли руководителя республиканскихъ группъ въ палатѣ депутатовъ, вынуждены сознаться, что въ качествѣ главы кабинета онъ выказалъ себя плохимъ государственнымъ человѣкомъ, а главное отрекся отъ собственной оппортунистской системы, приводившей многихъ въ та-

кой восторгъ, предпринявъ именно *несвоевременныя* преобразованія. Къ этому слѣдуетъ прибавить обвиненія въ биржевой игрѣ, при помощи которой «онъ пополнялъ нажитыя имъ во время «національной защиты» 7 милліоновъ», а также и въ намѣреніи купить цѣлый рядъ ежедневныхъ изданій: «Petit Journal», «La France», «National», «Télégraphe» и другія. Попытка не удалась, а потому, какъ и всегда, газетныя обвиненія посыпались съ новою силой. Впрочемъ, преданные Гамбеттѣ люди утверждаютъ, что весь этотъ шумъ надѣлали его юные и неосторожные приверженцы въ родѣ Лорана, Рейнаха, Арѐна, которые, быть можетъ, слишкомъ усердно старались объ усиленіи гамбеттистскаго вліянія. «Гамбетта никогда не былъ дѣльцомъ, говорятъ эти преданные люди:—если же онъ вздумалъ бы держать себя спартанцемъ въ Аѳинской республикѣ, то неминуемо утратилъ бы всякое вліяніе. Какой-нибудь Цинцинатъ, конечно, нашелъ бы не мало поводовъ къ справедливому порицанію Гамбетты, но едва ли имѣютъ на это право дѣльцы, превратившіе большую часть французской печати въ отдѣленіе биржи, поддерживая въ интересахъ однѣхъ и тѣхъ же денежныхъ лавочекъ и роялизмъ, и непримиримыхъ, и бонапартизмъ, и республиканскій модерантизмъ».

Повидимому, можно было опасаться, что въ теченіе весенней сессіи департаментскихъ совѣтовъ (начинающейся обыкновенно на второй недѣлѣ послѣ Пасхи), вспыхнетъ съ новой силой соперничество между гамбеттистами и тѣми, кто отстранилъ ихъ отъ власти, а также и успѣетъ организоваться клерикально-монархическое сопротивленіе противъ закона объ обязательности и свѣтскости образованія. Министры, предсѣдательствующіе въ нѣкоторыхъ изъ совѣтовъ, сочли за лучшее воздержаться отъ излишнихъ рѣчей; бывшіе министры также вели себя крайне сдержанно и все обошлось благополучно: ни одинъ инцидентъ не обострилъ раздора, существующаго въ средѣ республиканцевъ. Съ полнымъ единодушіемъ отражали они ультрамонтанскую оппозицію, которой удалось высказаться въ пользу скораго уничтоженія закона 28-го марта только въ департаментскихъ совѣтахъ департамента Нижнихъ Пиренеевъ, гдѣ царитъ Шенелонъ, въ Вандеѣ, гдѣ господствуютъ Бодри д'Ассонъ и де-ла-Бассетьеръ, въ департаментѣ Мэна-и-Луары, Нижней Луары, въ Морбиганѣ, въ Сѣверномъ, Тарнскомъ, Жерскомъ, Дордонскомъ и Шарантскомъ. Даже въ Бретани, въ департ. Финистерскомъ, Обѣихъ Севръ, Жирондскомъ, Нижне-Шарантскомъ, Лотскомъ и Гаронскомъ и Верхне-Гаронскомъ, Майенскомъ, Авейронскомъ протесты противъ новаго закона со стороны реакціонеровъ были подавлены по почину префектовъ, которымъ удалось это сдѣлать посредствомъ такъ называемаго вотированія предварительнаго вопроса. Въ департаментѣ Сены-и-Марны генеральный совѣтъ вотировалъ благодарственный адресъ парламенту по случаю изданія закона, «наиболѣе полезнаго и плодотворнаго изъ

всѣхъ», такъ какъ онъ развиваетъ въ демократіи необходимыя для нея нравственныя свойства.

16-го и 23-го числа, около тысячи общинъ кантональныхъ, окружныхъ и департаментскихъ центровъ, должны были пополнить свои муниципальные совѣты, прежде чѣмъ выбрать мэровъ и ихъ помощниковъ, назначеніе которыхъ уже не зависитъ болѣе отъ правительства.

На этотъ разъ замѣчалось значительное воздержаніе отъ подачи голоса; въ крупныхъ центрахъ оно приняло громадные размѣры, такъ, напримѣръ, въ Тулузѣ, въ одномъ изъ округовъ, не нашлось ни одного кандидата и ни одного избирателя. На нѣсколькихъ пунктахъ реакція одержала верхъ, пользуясь всеобщимъ равнодушіемъ и раздорами въ средѣ республиканцевъ.

Въ пяти-шести рабочихъ центрахъ, въ Алэ, въ Бессежѣ были выбраны муниципальными совѣтниками члены комитетовъ недавнихъ стачекъ. Напротивъ, въ Вандеѣ и Бретани муниципалитеты пополнились реакціонерами. Впрочемъ, бояться возвращенія къ временамъ старыхъ шуановъ все-таки нѣчего.

II.

Театры, литература, академія. — Новая опера Амбруаза Томà. — Драма Луизы Мишель «Nadine», въ «Bouffes du Nord».—Новый французскій переводъ шекспировскаго «Отелло» и представленіе «Отелло» въ Одеонѣ.—«Торквемада» драма Виктора Гюго.—Два слова о Pot-Bouille Золà.—Пріемъ Пастёра во французскую академію.—Открытіе выставки.

Чтобы поставить на сценѣ великолѣпнаго театра нашего, на бульварѣ Капуцинокъ, оперу, начинающуюся въ 7½ часовъ и кончающуюся въ 12, съ десяткомъ декорацій, выполненныхъ художниками, и машинами, сдѣланными первыми мастерами этого дѣла, съ оркестромъ въ сто человѣкъ, съ такимъ же количествомъ хористовъ и почти такимъ же кордебалетомъ—для всего этого необходимо затратить отъ 4 до 500,000 франковъ. А чтобы подобныя предпріятія давали барышъ, требуются таможенныя льготы, громадная недвижимость, значительная правительственная субсидія и, наконецъ, успѣхъ, который привлекъ бы, по крайней мѣрѣ, сотню разъ столько публики, сколько нужно для достиженія максимума сбора. Съ такой почти промышленной точки зрѣнія, «Франческа Римини» Амбруаза Томà будетъ операціей менѣе убыточной, чѣмъ два послѣднія произведенія Гуно, но можно опасаться, что для новой оперы потребуется столько же представленій, сколько и для «Лагорскаго Короля» Массенэ, чтобы установить равновѣсіе между расходомъ и приходомъ.

«Франческа Римини» не производитъ того захватывающаго впечатлѣнія, какое испытываешь, напримѣръ, при представленіи

«Гугенотовъ», не привлекаетъ, какъ «Фенелла». Къ тому же ей недостаетъ Патти и Фòра, которыхъ бѣгутъ слушать, чтò бы они ни пѣли. Декораціи роскошны, но послѣ чудесъ театра Porte Saint-Martin и Шателэ, онѣ не представляютъ ничего изумляющаго, наконецъ, и это главное, либретто скучновато, а музыка, хотя и безукоризненна съ точки зрѣнія музыкальной грамматики и синтаксиса, но лишена рельефности, огня.

Фантастическая сторона оперы отчасти заимствована у Данта; тутъ есть прогулка по аду, апоѳеозъ на небѣ. Остальное взято изъ старинной легенды, съ неизбѣжными искаженіями. Но то, что прекрасно въ поэмѣ вообще, и въ дантовской въ особенности, то лишено движенія на сценѣ. Либреттисты присочинили взятіе Римини кондотьеромъ Малатестой, котораго, по этому случаю, превратили въ какого-то Гарибальди, завоевывающаго мелкіе итальянскіе города, во имя объединенія Италіи, что и исторически невѣрно, и драматически несостоятельно, такъ какъ вся политическая дѣятельность Малатесты ограничивается тѣмъ, что онъ вызываетъ одинъ патріотическій хоръ; великій разбойникъ разстраиваетъ свадьбу и мститъ какъ самый обыкновенный изъ мужей, такъ что не возбуждаетъ ни сочувствія, ни негодованія.

Что касается Франчески, то это слабая женщина, какихъ можно встрѣтить повсюду. Паоло изображаетъ изъ себя сперва робкаго, а затѣмъ дерзкаго любовника и также не возвышается надъ пошлою обыденностью.

Тѣмъ не менѣе, несмотря на свои несообразности (въ родѣ напрасно переодѣтаго неизвѣстно для чего въ женское платье Виргилія, гуляющаго по аду съ Дантомъ и необъясненнаго перенесенія злополучныхъ любовниковъ изъ преисподней, куда нагрузилъ ихъ мрачный флорентинецъ, на небо, гдѣ даровали имъ блаженство французскіе либреттисты), это ребяческое либретто могло бы въ рукахъ болѣе мощнаго опернаго композитора дать иные, болѣе богатые результаты, но Амбруазу Томà, при всей его эрудиціи, далеко до Мейербера и Верди даже послѣднихъ твореній. Еслибы не нѣкоторыя нововведенія въ оркестровкѣ, заимствованныя у нѣмецкой школы, можно бы сказать, что новая опера не возвышается надъ среднимъ уровнемъ французской музыки, достигнутымъ, напримѣръ, Галеви въ «Жидовкѣ».

Не дуренъ прологъ (адъ) и дуэтъ блуждающихъ душъ, за нимъ слѣдующій. Дуэтъ перваго дѣйствія (duo du livre) нѣсколько туманенъ, но ему придаетъ рельефность страстный трепетъ скрипокъ. Бравурное тріо «Italie! Italie!» весьма ординаренъ по своему ритму.

Онъ нравился, однако, бòльшей части публики, которая остается довольной и трескучимъ финаломъ того же дѣйствія (взятіе Римини), гдѣ гремятъ два оркестра, три хора и всѣ солисты. Этотъ morceau d'ensemble написанъ безъ малѣйшей музыкальной орѳографической ошибки, гармонизованъ мастерски, но

все-таки не могу сказать, чтобы морозъ пробѣгалъ по кожѣ, и съ напряженіемъ все ждешь черты отсутствующаго генія. Оглушительно, искусно и только. Во второмъ дѣйствіи въ сценахъ, гдѣ мнимая смерть Паоло заставляетъ Франческу принять руку и сердце Малатесты, чтобы избавить Римини отъ раззоренія и пожара, есть прекрасные речитативы, изъ которыхъ выдѣляется довольно красивый романсъ для баритона. Граціозному свадебному маршу служитъ pendant'омъ хоръ пажей. Вообще же это дѣйствіе страдаетъ длиннотами.

Третій актъ заключаетъ въ себѣ балетъ. Музыка его изящна.

Повторенная въ 4-мъ дѣйствіи пѣсня съ книгой, очевидно, всего тщательнѣе была обработана композиторомъ. Любовный дуэтъ между Франческой и Паоло, стремился пріобщиться къ безсмертнымъ дуэтамъ, но и здѣсь не хватило огня, того огня, котораго присутствіе такъ несомнѣнно у Россини, Беллини, Доницетти, Верди, Мейербера, Берліоза, Вагнера.

Исполненіе новой оперы не представляетъ ничего выдающагося.

Театральныхъ новинокъ, какъ и всегда у насъ въ Парижѣ, не мало, но ни одна изъ нихъ не представляетъ ничего дѣйствительно замѣчательнаго, а потому упомяну только о *событіи 29-го апрѣля*, т. е. о первомъ представленіи въ «Bouffes du Nord» драмы знаменитой Луизы Мишель, названной ею «Nadine». Сюжетъ заимствованъ изъ новеллы одного малоизвѣстнаго молодого писателя Гриппà (псевдонимъ его Жанъ Винтеръ), озаглавленной «Le Bâtard impérial». Весь Парижъ» собрался на эту *prémière*. Платили по 25 франковъ за убогую деревянную скамеечку. Директоръ театра и авторша выказали большую любезность къ представителямъ печати, безъ различія оттѣнковъ. Одинъ редакторъ легитимистской газеты, который оказался сидящимъ въ одной ложѣ съ Рошфоромъ, получилъ билетъ, редактированный слѣдующимъ образомъ: «Пропустить г. Мермекса, приверженца короля. Петролейщица Луиза Мишель». Такое галантерейное обращеніе обезурожило свистки.

«Les Bouffes du Nord» театръ въ предмѣстьѣ Сенъ-Дени, вмѣщающій до 1500 зрителей. Директоромъ его съ недавнихъ поръ состоитъ г. Лисбонъ, бывшій провинціальный актёръ, затѣмъ полковникъ и генералъ парижской каммуны 1871 г., тяжело раненый въ майской битвѣ 1871, сосланный въ Нумею и возвращенный амнистіей. Публика этого театра весьма демократическая и недолюбливающая «аристократовъ», aristos, какъ она выражается, обозначая этимъ все, что не принадлежитъ къ міру блузъ. Поэтому, отправляясь на первое представленіе «Надины», многіе не безъ страха вспомнили подушки и даже скамеечки, летѣвшія еще недавно съ верховъ театра Château d'Eau. Страхъ оказался, однакоже, напраснымъ, такъ какъ изъ райка ничего не сыпалось, кромѣ апельсинныхъ корокъ, съ успѣхомъ отражае-

мыхъ дождевыми зонтиками, которые были развернуты, въ видахъ предосторожности, публикою партера.

Мнѣ трудно передать сюжетъ пьесы, такъ какъ я плохо слышалъ ее. Дѣйствіе происходитъ въ Польшѣ около 1845—1846 г., но его легко можно перенести въ Парижъ. Имена русскія; предатели и предательницы такъ и кишатъ, а любовь и битвы группируются вокругъ апостола, который хотя и полякъ, но носитъ имя Михаила Бакунина. Это обстоятельство вызвало нѣкоторую веселость въ партерѣ, вслѣдствіе чего сверху раздались восклицанія: «Вонъ литераторовъ! Долой Льва XIII»!

Бодри д'Ассона не было въ театрѣ, а потому все обошлось благополучно. По окончаніи пьесы вызвали авторшу, но Луиза Мишель не вышла.

Заключая театральный отчетъ, упомяну о новомъ переводѣ шекспировскаго «Отелло», герцогомъ Луи де-Граммономъ. Переводчикъ въ значительной степени офранцузилъ твореніе безсмертнаго Вилльяма и вылощилъ его, быть можетъ, слишкомъ хорошо. Граммона-Шекспира даютъ въ «Одеонѣ». Роль Оттело играетъ Тальядъ; Шелль исполняетъ роль Яго. Самыя незначительныя роли играются хорошими артистами. Постановка прекрасная и нечего говорить, что старая шекспировская драма затмѣваетъ собою жалкія новинки нашихъ театровъ.

Викторъ Гюго выпуститъ въ свѣтъ свою новую трехактную драму «Торквемада», въ теченіи мая мѣсяца. «Comédie française» съ радостью взяла бы ее, но послѣ неудачи съ «Burgraves», Гюго поклялся ничего не давать при жизни своей для сцены. Это будетъ очень выгодно, между прочимъ, для его внуковъ, такъ какъ немедленно послѣ смерти маститаго поэта, накинутся на его напечатанныя, но не игранныя на театрѣ произведенія и откопаютъ въ его рукописяхъ самые планы ненаписанныхъ вещей. Горячіе поклонники-писатели, въ родѣ Вакерй и Мёриса, найдутъ все превосходнымъ. Впрочемъ, Гюго принялъ нѣкоторыя мѣры противъ излишняго усердія друзей. Онъ, какъ увѣряютъ, наклеилъ ярлычки и пронумеровалъ рукописи, которыя должны печататься въ теченіи цѣлыхъ десяти лѣтъ послѣ его смерти.

Зола̀ издалъ уже отдѣльной книгой свой «Pot-Bouille», и ее быстро раскупаютъ, преимущественно въ средѣ буржуазіи, несмотря на то, что содержаніе ея далеко не лестно для тѣхъ, кого группируетъ романистъ подъ фирму «Cochon et compagnie». Впрочемъ, да проститъ мнѣ нашъ великій романистъ-естественникъ: я нахожу многое въ его послѣднемъ романѣ положительно сверхъестественнымъ и взятымъ не изъ жизни, а изъ собственнаго воображенія.

Оставя въ сторонѣ излишнюю pruderie, замѣчу также, что cochonneries, описываемыя Зола̀, если порой и соотвѣтствуютъ дѣйствительности, то во всякомъ случаѣ, не въ такомъ нагроможденномъ на одно злосчастное семейство видѣ. Не спорю,

много грязи таитъ въ своихъ нѣдрахъ буржуазная жизнь, но еще болѣе значительное мѣсто принадлежитъ труду и спекуляціи. Это вполнѣ оцѣнилъ бы Бальзакъ, но этого не понять Эмилю Золà.

Во французской академіи происходилъ 27-го торжественный пріемъ въ члены Пастёра, занявшаго мѣсто Литтрѐ. Принималъ Ренанъ. Публики собралось болѣе, чѣмъ когда либо и притомъ самой разнообразной: католическіе патеры, крестившіе Литтрѐ на смертномъ одрѣ его, сидѣли рядомъ съ извѣстнѣйшими атеистами, а среди цѣлаго роя кокетливыхъ свѣтскихъ женщинъ обращала на себя вниманіе вдова позитивиста въ глубокомъ траурѣ.

Какъ-то странно звучала въ устахъ новопринимаемаго академика profession de foi, въ которой онъ явился спиритуалистомъ, возставая противъ матеріалистическихъ выводовъ позитивной философіи. Пастёръ съ большимъ сочувствіемъ говорилъ о терпимости Литтрѐ. Что касается мнимаго обращенія его къ вѣрѣ отцовъ передъ смертью, то объяснилъ это полнымъ упадкомъ силъ трудолюбиваго старца. Затѣмъ Пастёръ предался чисто литературнымъ варіаціямъ на тэму «безконечнаго», какимъ бы именемъ его ни обозначали. Онъ заключилъ свою рѣчь сравненіемъ г-жи Литтрѐ, «этой святой, въ каноническомъ смыслѣ слова», съ самимъ Литтрѐ, котораго назвалъ «лаицизированнымъ святымъ».

Ренанъ превзошелъ себя въ отвѣтной рѣчи. Умѣнье его выражать презрительное сомнѣніе, не смущая благочестивыхъ душъ, дошло на этотъ разъ до своего кульминаціоннаго пункта. Онъ объявилъ, что не считаетъ себя компетентнымъ въ дѣлѣ открытій Пастёра, но вполнѣ можетъ оцѣнить его научный геній. Съ чисто французскимъ умомъ и терпимостью Ренанъ объявилъ, что самъ не знаетъ, «кто онъ, спиритуалистъ или матеріалистъ», что онъ желалъ бы вѣрить основнымъ догматамъ, если только они будутъ выражены иначе, чѣмъ въ прекрасныхъ стихахъ, но «не довѣряетъ мистицизму, который, изъ любви къ Богу, хотѣлъ бы сжечь самый рай», и вѣрить исключительно въ инстинктивную склонность міра къ добру и истинѣ. Превосходно очертилъ этотъ поэтъ-скептикъ конецъ жизни Литтрѐ...

30-го апрѣля открылась въ школѣ изящныхъ искуствъ выставка лучшихъ произведеній Курбэ, а во дворцѣ промышленности—ежегодная художественная выставка 1882 г. О ней въ слѣдующемъ письмѣ.

Людовикъ.

Парижъ, 30-го апрѣля 1882 года.

НОВЫЯ КНИГИ.

Н. М. Ядринцевъ. **Сибирь, какъ колонія.** Къ юбилею трехсотлѣтія. Спб., 1882 г.

Несмотря на то, что книга г. Ядринцева издана «къ юбилею», у читателя, послѣ ея прочтенія, является настроеніе совсѣмъ не праздничнаго характера и возбуждаются далеко не юбилейныя чувства и мысли...

Исторія Сибири, по существу, очень сходна съ исторіей большинства колоній всѣхъ европейскихъ странъ. Тоже неразумное расхищеніе естественныхъ богатствъ, приводящее, въ концѣ-концовъ, къ полному истощенію страны; тѣже насилія и притѣсненія, совершаемыя надъ туземцами и доводящія ихъ до полнаго исчезновенія съ лица земли; тѣже произволъ и самоуправство мѣстныхъ властей, доходящіе до ужасовъ, которые не способна, казалось бы, выдумать самая пылкая фантазія. «Самобытно-русскаго» въ судьбахъ Сибири только то, что въ то время, когда въ колоніяхъ другихъ странъ давно царствуютъ законность и гражданскій порядокъ и всѣ вышепоименованныя печальныя явленія отошли въ область преданія, въ Сибири эксплуатація теперь только вполнѣ расправила свои крылья. «Америка въ теченіе одного столѣтія достигла такихъ успѣховъ и развитія, о которыхъ мы не смѣемъ и помыслить еще, плачется одинъ сибирякъ въ статьѣ, написанной тоже по поводу 300-лѣтія Сибири:—даже краснокожіе индѣйцы перестали скальпировать своихъ собратьевъ, и между ними уже есть лица, съ высоты каѳедръ проповѣдующія научныя истины; недавніе рабы-негры также цивилизовались и немного времени имъ нужно будетъ, чтобы сдѣлаться культурнымъ народомъ. Австралія и та въ текущемъ вѣкѣ далеко шагнула впередъ, развивая у себя такую высокую культуру, о которой сибиряки, вѣроятно, ничего не знаютъ даже по слухамъ. Таитяне, еще недавно отрицавшіе необходимость листка стыдливости, засѣдаютъ уже въ парламентѣ и рѣшаютъ весьма при-

лично и благоразумно свои дѣла; даже смертную казнь отвергли, какъ неотвѣчающую понятію о человѣческомъ достоинствѣ. А Сибирь?» (стр. 442)...

А Сибирь представляетъ собою нѣчто такое, чему и названія трудно подъискать. Нельзя безъ чувства ужаса читать тѣ главы книги г. Ядринцева, которыя посвящены описанію современнаго состоянія Сибири. Это какая-то вакханалія самыхъ низкихъ инстинктовъ человѣческой натуры, разошедшихся на полной свободѣ и не знающихъ себѣ ни удержа, ни преграды, съ одной стороны, а съ другой — совершенно невыносимо тяжелое положеніе массы населенія.

Что мы принесли въ Сибирь въ теченіе 300-лѣтняго владѣнія ею?.. Прежде всего отмѣтимъ тотъ фактъ, что въ культурномъ отношеніи мы не сдѣлали въ Сибири почти ничего. Какой первобытный образъ жизни вела масса инородцевъ до прихода русскихъ, такой ведетъ она и теперь; какъ дики, нелѣпы и суевѣрны были понятія инородцевъ, такими остались и теперь. Пріученіе инородцевъ къ осѣдлой жизни является просто комедіею и доселѣ не имѣло никакого серьёзнаго значенія; христіанство распространяется между инородцами весьма туго, да къ тому же «обращенные» остаются христіанами только по названію, продолжаютъ вѣрить въ своихъ идоловъ, шаманятъ и т. д.; о воздѣйствіи на инородцевъ путемъ школьнаго образованія нечего и говорить, такъ какъ въ Сибири нѣтъ школъ даже для русскаго населенія: одинъ *граматный* въ Сибири приходится на 664 человѣка (стр. 384). Но если русскіе не имѣли никакого *культурнаго* вліянія на инородцевъ, послѣдніе оказали на пришельцевъ громадное и притомъ крайне печальное воздѣйствіе. Подъ вліяніемъ смѣшенія съ инородцами, сибиряки уменьшились ростомъ; физическая сила ихъ значительно ослабѣла; плодовитость женщинъ уменьшилась. Вмѣстѣ съ типомъ русскіе здѣсь часто теряли свои нравы, обычаи, вѣру, даже языкъ, словомъ, утрачивали свою національность, объякучивались, отунгузивались, обурятивались, окиргизивались и т. д. Живя около остяковъ, самоѣдовъ, киргизовъ и т. п., русскіе усвоиваютъ ихъ образъ жизни, переходятъ отъ высшей культуры къ болѣе низкой, отъ земледѣлія къ скотоводству и звѣроловству, строятъ вмѣсто избъ «чумы» и т. д. Даже въ способѣ питанія русскіе подражаютъ инородцамъ: ѣдятъ, напримѣръ, сырую рыбу, сырое мясо, причемъ по туземному обычаю отрѣзаютъ куски у самаго рта. Вмѣстѣ съ тѣмъ русскіе заимствуютъ черты характера инородцевъ и ихъ умственнаго склада, усвоиваютъ инородческія суевѣрія, держатъ въ своихъ домахъ туземныхъ идоловъ, вѣрятъ въ шаманство и сами шаманятъ. Въ самый языкъ сибиряковъ вошло множество туземныхъ словъ; многіе русскіе говорятъ по-русски съ бурятскимъ, остяцкимъ или тунгузскимъ акцентомъ; наконецъ, многіе чистокровные русскіе не знаютъ по-русски, но прекрасно говорятъ по-бурятски или по-якутски. Сибиряки

забыли свое прошлое, забыли русскія преданія, русскую исторію. Себя они считаютъ коренными жителями Сибири, *которыхъ покорилъ Россіи Ермакъ.* Родственной связи съ жителями Европейской Россіи не признаютъ и даже противопоставляютъ сибиряка «россійскому» (стр. 32—49).

Подчиняясь въ культурномъ отношеніи инородческому вліянію, русскіе и въ экономическомъ отношеніи остановились на той же ступени, на какой стоятъ инородцы. Сибирь до сихъ поръ остается исключительно страною сырья; обработывающая промышленность представляетъ въ ней лишь жалкіе зачатки. Въ то время, какъ въ Сибири несчетныя массы желѣзныхъ рудъ, она получаетъ уральское желѣзо и притомъ не прямо съ Урала, а привезенное предварительно на нижегородскую ярмарку; во многихъ мѣстностяхъ сибирскій крестьянинъ употребляетъ деревянные замки и гвозди, хотя желѣзо чуть не подъ ногами валяется. Сибирякъ не умѣетъ обработывать сала, жжетъ лучину, употребляетъ вмѣсто мыла квашенныя кишки, а сало отправляетъ на казанскіе свѣчные и мыловаренные заводы. Онъ сѣетъ ленъ, но не умѣетъ имъ пользоваться и носитъ рубашку изъ *лубочнаго* холста (стр. 237—241)...

Но если русскіе не внесли въ Сибирь никакой культуры, то за то они примѣнили здѣсь въ широкихъ размѣрахъ принципы хищничества. Хищничество это одинаково направляется, какъ на природу, такъ и на людей. Естественныя богатства Сибири, по отзывамъ путешественниковъ прошлаго столѣтія, казались неисчерпаемыми, а между тѣмъ, сибиряки ухитрились исчерпать ихъ. Они преслѣдовали съ дрекольями и дубинами соболя, истребляли его тысячами и милліонами и, наконецъ, истребили его совершенно. Такая же участь постигла марала. Сжигая лѣса, сибиряки лишили средствъ питанія бѣлку, и она теперь исчезаетъ. Взамѣнъ того, расплодились хищные звѣри — медвѣди, росомахи и волки (стр. 227—235)...

Подобно звѣрямъ истребляются и инородцы. Въ прежніе годы на нихъ просто *охотились.* Теперь тоже идетъ охота, но въ экономической сферѣ. Результаты, впрочемъ, въ обоихъ случаяхъ получаются одни и тѣ же: истребленіе инородцевъ. Многіе туземные народы исчезли уже совершенно, другіе постоянно уменьшаются въ численности, вырождаются и стоятъ наканунѣ полной гибели. Причина этого ужаснаго явленія—печальное экономическое положеніе инородцевъ: всѣ они находятся въ полной кабальной зависимости отъ русскихъ эксплуататоровъ. Кабала, большею частью, вѣчная, идущая еще отъ отцовъ и дѣдовъ. Беззащитное положеніе инородцевъ дѣлаетъ то, что кабала возникаетъ, обыкновенно, изъ какого-нибудь грошеваго долга за пудъ муки, фунтъ чая и т. п. Вотъ примѣры. На Алтаѣ богатство многихъ инородцевъ составляютъ кедровые орѣхи. Кедръ даетъ хорошій урожай разъ въ три, четыре года, и это обстоятельство даетъ возможность купцу закабалить инородца. Онъ

даетъ въ плохой годъ инородцу деньги весною съ тѣмъ, чтобы тотъ поставилъ ему осенью орѣхи по рублю за пудъ, а за каждый недоданный пудъ обязанъ въ слѣдующемъ году представить два пуда. И такъ, дѣло идетъ далѣе, долгъ все увеличивается и, наконецъ, дѣлается неоплатнымъ, и инородецъ попадаетъ навсегда въ кабалу: никакое стараніе, никакой урожай не могутъ освободить его. И такая система практикуется по отношенію ко всѣмъ инородцамъ и всѣмъ добываемымъ ими продуктамъ. До какой степени безцеремоненъ грабежъ инородцевъ въ Сибири, показываетъ слѣдующій случай: въ 1860 г. одному торговцу за нѣсколько бѣличьихъ шкурокъ и за два шила, въ общей сложности—28 коп., присуждено было получить отъ инородца *81 быка*!.. Въ результатѣ: полное обнищаніе инородцевъ, голодовки, тифъ и другія болѣзни, страшная смертность и полное вымираніе...

Но хищническіе таланты, развившіеся на такой удобной почвѣ, не могли остановиться на обдираніи однихъ инородцевъ и направили свою дѣятельность также и на массу русскаго населенія. Кулачество и міроѣдство развиты въ Сибири въ такихъ широкихъ размѣрахъ, какъ нигдѣ. «Земледѣльческая кабала существуетъ во многихъ мѣстахъ Сибири; ближе сказать, трудно найдти мѣсто, гдѣ бы это явленіе не существовало» (стр. 270). Кабала возникаетъ изъ долга въ какіе-нибудь десять рублей и переходитъ съ отца на дѣтей. Торговая и промышленная кабала распространена не менѣе земледѣльческой. Въ результатѣ получается то, что, при огромномъ земельномъ просторѣ, въ Сибири встрѣчается фактически обезземеленное населеніе, что масса крестьянства находится въ полурабской зависимости отъ разнаго рода благодѣтелей, между которыми не послѣднее мѣсто занимаютъ духовныя лица, и что, наконецъ, вся страна существуетъ для обогащенія немногихъ эксплуататоровъ, съ гордостью повторяющихъ старинную пословицу: «Сибирь — золотое дно» (стр. 264—296).

Если къ сказанному присоединить еще нѣсколько замѣчаній о томъ, что Сибирь есть царство административнаго произвола, о которомъ счастливымъ жителямъ Европейской Россіи трудно составить даже приблизительное понятіе, что сибирскіе чиновники, пользуясь своимъ положеніемъ, конкуррируютъ съ міроѣдами въ дѣлѣ обездоленія инородческаго и русскаго населенія, и что сибирское «общество», по дикости своихъ привычекъ и понятій, мало чѣмъ отличается отъ самыхъ первобытныхъ народовъ, такъ что все, мало-мальски свѣжее, честное, умное бѣжитъ изъ Сибири или гибнетъ отъ тоски и пьянства, то картина современнаго состоянія будетъ закончена. Картина эта такого сорта, что послѣ нея становятся очень странными надежды г. Ядринцева на лучшую будущность для Сибири. На чемъ основаны эти надежды? «Наши первыя и настоятельныя нужды— это введеніе земства, гласнаго суда, свободы печати и слова,

свободы личности и имущественной неприкосновенности, свободы переселенія и прекращенія ссылки въ Сибирь». Слова эти принадлежатъ гласному енисейской думы Скорнякову. Г. Ядринцевъ подчеркиваетъ ихъ и тѣмъ какъ бы указываетъ основанія своихъ надеждъ. Но вѣдь многое изъ указаннаго г. Скорняковымъ является «утопіей» даже для Европейской Россіи и когда обратится въ дѣйствительность, трудно даже гадать. А до тѣхъ поръ не ухитрятся ли сибирскіе хищники съѣсть всю Сибирь безъ остатка? Судя по размѣрамъ ихъ аппетита и по способу и средствамъ ихъ дѣятельности, ожидать можно всего. Возлагаютъ надежды на сибирскій университетъ; но развѣ люди съ университетскимъ образованіемъ меньше грабятъ, чѣмъ малограматные Колупаевы?..

О самой разбираемой книгѣ говорить особенно не приходится. Имя г. Ядринцева на столько извѣстно въ нашей литературѣ, что оно въ рекомендаціяхъ не нуждается. Сдѣлаемъ только одно замѣчаніе. Г. Ядринцевъ нѣсколько разъ упоминаетъ о существованіи въ Сибири особыхъ «благословенныхъ райскихъ уголковъ». Уголки эти—мѣстности поселенія «семейскихъ», «каменьщиковъ» и другихъ раскольничьихъ общинъ. Находясь въ тѣхъ же самыхъ условіяхъ, въ которыя поставлены и остальные сибиряки, будучи также окружены со всѣхъ сторонъ инородцами, также подвергаясь чиновничьему и не чиновничьему грабежу и насиліямъ, они съумѣли нетолько сохранить въ неприкосновенности русскій типъ, русскіе обычаи, вѣрованія, преданія и языкъ, но еще оказали сильное воздѣйствіе въ смыслѣ руссификаціи на окружающихъ инородцевъ; нетолько не обѣднѣли и не обнищали, какъ остальное населеніе, нетолько не попали въ кабалу, но достигли такого высокаго экономическаго благосостоянія, которое вызываетъ крайнее удивленіе всѣхъ путешественниковъ; нетолько не утратили типичныхъ чертъ общины, какъ остальные сибирскіе крестьяне, но развили общинную жизнь до такой степени, что ничего подобнаго мы не встрѣчаемъ даже въ Европейской Россіи. Намъ кажется, что изученіе причинъ, благодаря которымъ «семейскіе», «каменьщики» и др., представляютъ такое отрадное явленіе, было бы нетолько интересно вообще, но указало бы также на тѣ практическія мѣры, которыми Сибирь можетъ быть исторгнута изъ своего настоящаго отчаяннаго положенія. А между тѣмъ, г. Ядринцевъ совсѣмъ не остановилъ своего вниманія на этомъ интересномъ явленіи и упоминаетъ о немъ только въ двухъ-трехъ словахъ.

Статистическія свѣдѣнія Якутской области за 1879 годъ. Составлены Якутскимъ Областнымъ Статистическимъ Комитетомъ. Якутскъ. 1879.

Новая ли это книга, мы хорошенько не знаемъ, потому что доставлена она намъ только теперь, а помѣчена 1879 годомъ. Мудренаго, впрочемъ, тутъ ничего нѣтъ, такъ какъ городъ Якутскъ отстоитъ отъ насъ на восемь слишкомъ тысячъ верстъ,

версты эти должно быть не само удобныя, да и почта отходитъ изъ Якутска на иркутскій трактъ «еженедѣльно по субботамъ въ 8 часовъ вечера».

Это послѣднее свѣдѣніе мы заимствуемъ изъ труда якутскаго областного статистическаго комитета. Тамъ есть, впрочемъ, свѣдѣнія еще болѣе точныя. Такъ, напримѣръ, почта въ Якутскъ по иркутскому тракту приходитъ «лѣтомъ и зимою по вторникамъ въ 6 часовъ пополудни, а весною и осенью по субботамъ въ 5 ч. 10 м. пополудни еженедѣльно». Въ Олекминскъ изъ Якутска почта приходитъ «зимою по средамъ въ 3 ч. 35 м. пополудни, лѣтомъ, весною и осенью по четвергамъ въ 7 ч. 5 м. пополудни еженедѣльно». Обратите вниманіе на эту точность. Еслибы якутскіе статистики сказали вамъ, что почта *отходитъ въ 7 ч. 5 м.*, такъ и то было бы удивительно, потому что можетъ же постромка, напримѣръ, оборваться, ямщикъ рукавицу потерять и т. п., вслѣдствіе чего почта отойдетъ не въ 7 ч. 5 м., а, скажемъ, въ 7 ч. 8½ м. Но гораздо еще удивительнѣе, что почта *приходитъ* въ 7 ч. 5 м. Счастливая страна, въ которой почта возится на лошадяхъ и ѣздовыхъ собакахъ съ аккуратностью, способною пристыдить желѣзныя дороги! Вы понимаете, однако, что это только распоряженіе почтоваго вѣдомства, а отнюдь не статистика, и что трудъ якутскихъ статистиковъ, будучи приложенъ ко времени прихода и отхода почтъ, могъ бы развѣ въ томъ состоять, чтобы сосчитать сколько разъ въ годъ распоряженіе почтоваго вѣдомства исполняется.

Надо, впрочемъ, отдать справедливость якутскимъ статистикамъ: росписаніе времени отхода и прихода почтъ представляетъ единственную не статистическую таблицу въ сборникѣ. Да и то эта таблица для познанія нашего обширнаго отечества очень полезна. Всѣ мы знаемъ, что Якутская область не розами усыпана, но это все-таки очень неопредѣленное представленіе. Не безполезно поэтому свѣдѣніе, что почта изъ Якутска въ города Верхоянскъ и Средне-Колымскъ отходитъ «въ неопредѣленные мѣсяцы отъ 4 — 6 разъ въ годъ», а въ Петропавловскій портъ «разъ въ годъ, 15-го декабря». Всѣ остальныя, уже настоящія статистическія свѣдѣнія, заключающіяся въ лежащемъ передъ нами фоліантѣ, точно также очень способствуютъ уясненію вопроса: что такое Якутская область? Есть, напримѣръ, тамъ округъ Верхоянскій, въ которомъ въ 1879 г. родились 265 человѣкъ, а умерло 402 и, слѣдовательно, «естественное приращеніе народонаселенія» выразилось въ отчетномъ году *убылью* въ 137 человѣкъ. Что касается приращенія неестественнаго, то есть прибыли и убыли ссыльныхъ, то на этотъ счетъ якутскіе статистики ничего не говорятъ. Они сообщаютъ только цифры ссыльныхъ за отчетный годъ. Такъ, въ Якутскомъ округѣ ихъ было 2,849. (Можетъ быть и странно, но все-таки любопытно замѣтить при этомъ, что овецъ въ Якутскомъ округѣ было 258, свиней — 30, козъ — 3). Въ Олекминскомъ округѣ число ссыль-

ныхъ равнялось 1,456 (овецъ 47, свиней 10 и 4 козы). Въ Вилюйскомъ—397 ссыльныхъ (7 овецъ, ни одной свиньи и ни одной козы). Въ Верхоянскомъ 71 ссыльный (ни одной овцы, ни одной свиньи и ни одной козы). Въ Колымскомъ 45 ссыльныхъ (ни овцы, ни свиньи, ни козы).

Очевидно, Якутская область не та страна, гдѣ «зрѣетъ апельсинъ». Странно только, что объ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ, то есть объ отсутствіи апельсиновъ, якутскіе статистики ничего не говорятъ. А ожидать этого не безумно. По крайней мѣрѣ, изъ таблицы 11, о числѣ зданій въ городахъ Якутской области, мы узнаемъ, что казенныхъ жилыхъ домовъ столько-то (1 каменный и 47 деревянныхъ), частныхъ столько-то (4 каменныхъ и 717 деревянныхъ) и проч., а театровъ и полицейскихъ будокъ нѣтъ совсѣмъ, хотя они почему-то и значатся въ числѣ рубрикъ. точно также въ таблицѣ 12 находимъ данныя о числѣ заводовъ, причемъ маслобойные, винокуренные и папиросные заводы (?) фигурируютъ въ графѣ «названіе заводовъ», а на дѣлѣ ихъ нѣтъ. Да сверхъ того къ таблицѣ сдѣлано примѣчаніе: «фабрикъ въ области нѣтъ». Но если якутскіе статистики вздумаютъ поименовывать всѣ предметы, которыхъ въ Якутской области нѣтъ, то они не скоро кончатъ свою задачу. Помните, у Лермонтова: «сталъ считать Казбекъ угрюмый и—не счелъ враговъ»...

Мѣстное управленіе, судъ и государственное устройство Бельгіи. М. 1882.

Эта брошюра въ два печатныхъ листа представляетъ переводъ одной главы изъ недавно вышедшей книги Демомбина «Constitutions européennes». Редакторъ перевода, г. Гольцевъ, въ коротенькомъ предисловіи ссылается на тѣ самыя слова Либера, которыя приводились еще въ 1859 году редакціей «Русскаго Инвалида» въ предисловіи къ извѣстнымъ очеркамъ г. Лохвицкаго, вышедшимъ потомъ отдѣльной книгой подъ заглавіемъ «Обзоръ современныхъ конституцій»: «Мы живемъ въ такое время, когда на обязанности каждаго человѣка лежитъ добросовѣстный отвѣтъ на слѣдующіе важные вопросы: въ чемъ состоитъ гражданская свобода? какъ получить ее? какъ сохранить ее? какія средства служатъ къ ея распространенію и какимъ образомъ можно утратить ее?» «Естественно, прибавляетъ отъ себя г. Гольцевъ: — что обязанность эта могла только усилиться для каждаго мыслящаго русскаго человѣка послѣ тѣхъ великихъ преобразованій, которыя составляютъ славу прошлаго царствованія».

Замѣчаніе совершенно справедливое; но справедливо также и то, что голое изложеніе, напримѣръ, дѣйствующей бельгійской конституціи еще отнюдь не даетъ отвѣтовъ на упомянутые Либеромъ вопросы: для этого нуженъ бы былъ хотя бы бѣглый очеркъ, по крайней мѣрѣ, выдающихся моментовъ исторіи бельгійскихъ государственныхъ порядковъ. Спасибо, однако, и за то, что намъ даютъ издатели. Мы можемъ только пожелать, чтобы дальнѣйшіе очерки государственнаго устройства европейскихъ

странъ (Бельгія выбрана «для начала») не заставили себя долго ждать. Въ успѣхѣ предпріятія сомнѣваться, кажется, нельзя. Во-первыхъ, публика наша обладаетъ очень скромными свѣдѣніями по части политическаго устройства Европы. Во-вторыхъ, издатели очень остроумно распорядились самою формою изданія: судя по первому очерку, это будетъ рядъ отдѣльныхъ, законченныхъ брошюръ, небольшихъ и слѣдовательно не дорогихъ. Очеркъ государственнаго устройства Бельгіи стоитъ всего 20 копеекъ.

Н. Дебольскій. **Философія будущаго.** Соображенія о ея началѣ, предметѣ, методѣ и системѣ. Спб. 1882.

Говорятъ, Талейранъ какъ-то выразился, что даръ слова данъ человѣку для того, чтобы скрывать свои мысли. Должно полагать, онъ мало имѣлъ дѣла съ метафизикой, потому что иначе выразился бы, по всей вѣроятности, гораздо рѣзче.

Еслибы человѣкъ былъ лишенъ зрѣнія, онъ бы не зналъ и не понималъ всей области свѣтовыхъ явленій; и наоборотъ, еслибы онъ обладалъ еще одной лишней способностью, ему была бы доступна цѣлая новая область явленій. Ограниченность человѣческаго знанія и пониманія, обнаруживаемая этими соображеніями, заставила трезвую философскую мысль признать это обстоятельство столь же неустранимымъ, какъ и самую природу человѣка. Но метафизики, даже признавая этотъ фактъ, все-таки никогда не покидали надежды, такъ сказать, выскочить изъ природы человѣка и завладѣть заманчивой безусловной истиной. На какія же они могли разсчитывать средства для осуществленія этой задачи? Самое удобное и при томъ единственно возможное средство для этого—игра словами. Тщетно и философія и наука доказываютъ свое, метафизика, даже не давая себѣ труда опровергнуть положенія науки и философіи, имѣетъ полную возможность преслѣдовать свои цѣли, тѣшась хитросплетеніями словъ и туманомъ понятій.—Лишнюю попытку въ этомъ направленіи представляетъ небольшая книжка г. Дебольскаго, подъ громкимъ заглавіемъ «Философія будущаго». Авторъ пожелалъ «выяснить основныя черты и методъ той истинной метафизики, которой, по его мнѣнію, рано или поздно должно будетъ принадлежать торжество въ человѣческомъ сознаніи». Притомъ онъ «проситъ читателя смотрѣть на свой трудъ не какъ на изложеніе нѣкотораго вновь *придуманнаго* ученія, а какъ на простой призывъ воспользоваться результатами вѣковой работы дѣйствительно великихъ и творческихъ умовъ» (154). Однако, несмотря на все это, авторъ, повидимому, не особенно разсчитываетъ на успѣхъ своихъ идей, по крайней мѣрѣ, въ настоящее время; онъ предвидитъ возможность рѣзкихъ нападокъ на нихъ. Но «до достиженія ихъ торжества и ради него онъ охотно принялъ бы на себя даже рѣзкіе удары той философской критики, суда которой онъ такъ долго и тщетно ожидалъ». Мы совершенно согласны съ г. Дебольскимъ въ томъ отношеніи, что его

воззрѣнія способны вызвать рѣзкую критику, но вмѣстѣ съ тѣмъ, считаемъ его дѣло еще того безнадежнѣе. Мы именно полагаемъ, что задача, которую онъ преслѣдуетъ, и пріемы, которыхъ онъ придерживается, нетолько никогда не достигнутъ торжества, но даже не могутъ разсчитывать на мало-мальски внимательное отношеніе къ себѣ. Игнорированіе—вотъ та сила, которая должна сокрушить всѣ подобнаго рода попытки, и, надо сказать, сила эта далеко не лишена внушительности въ смыслѣ убѣдительности. Не потому, конечно, что въ союзѣ съ ней «модная» доктрина эмпиризма, а потому, что на самомъ дѣлѣ у нея есть союзники поразумнѣе, за нею стоитъ вся исторія мысли, въ конецъ порѣшившая съ метафизикой, ея задачами и пріемами. Правда, вопросы метафизики и въ настоящее время не перестаютъ интересовать даже мыслителей научнаго направленія. Но кто изъ мыслителей дѣйствительно сколько-нибудь уважительно относится къ даннымъ науки (особенно поучительна въ этомъ отношеніи современная психофизика), тотъ при обсужденіи подобныхъ вопросовъ непремѣнно соблюдаетъ основное условіе научности—не претендовать на «безусловное» знаніе или «сверхчувственное» пониманіе. А для г. Дебольскаго это условіе точно не существуетъ. То-есть онъ его знаетъ, ничѣмъ не опровергаетъ, не не желаетъ имъ руководствоваться въ метафизикѣ. Желая выяснить основаніе истинной метафизики, онъ прямо начинаетъ съ заявленія, что «съ метафизической точки зрѣнія кромѣ явленій познаваемы *вещи въ себѣ*» (XVII). При чемъ «явленіе есть нѣчто данное лишь подъ условіемъ воспріятія и независимо отъ воспріятія существовать не могущее» (XVII). А «вещь въ себѣ должна мыслиться нами нетолько какъ независимая отъ условій нашего воспріятія, но и какъ независимая или безусловная вообще» (XVIII).

Мы здѣсь, разумѣется, не станемъ вдаваться въ подробный разборъ системы воззрѣній, изложенныхъ въ «Философіи будущаго». Не говоря уже о томъ, что это заняло бы очень много мѣста и было бы очень утомительно, оно къ тому же представило бы очень мало интереса для читателя. Мы полагаемъ, что весь интересъ разбираемаго нами произведенія будетъ исчерпанъ, если мы остановимся на двухъ только пунктахъ. Во-первыхъ, на томъ, какими доводами авторъ думаетъ отстоять свою точку зрѣнія, и, во-вторыхъ, что̀ влечетъ за собой эта точка зрѣнія.

Чтобы доказать возможность и цѣлесообразность метафизики, какъ ученія о «вещи въ себѣ», авторъ старается доказать несостоятельность тѣхъ философскихъ направленій, которыя отрицаютъ всякую возможность познать «вещь въ себѣ». Для этого онъ сводитъ всѣ подобныя ученія въ двѣ группы—системы умѣреннаго эмпиризма и крайняго. Не будемъ уже говорить о томъ, что изъ всѣхъ системъ, относящихся отрицательно къ метафизикѣ, система эмпиризма далеко не самая сильная и глубокая

въ теоретическомъ отношеніи; даже совсѣмъ напротивъ, въ этомъ очень мало вѣроятнаго, такъ какъ самая слабая сторона эмпиризма—его теорія. Но, оставляя это въ сторонѣ, посмотримъ хоть на то, какъ нашъ авторъ справляется съ эмпиризмомъ. Оказывается, что ученіе эмпириковъ страдаетъ глубокимъ противорѣчіемъ. По ихъ понятіямъ, «*условіемъ* явленій служитъ субъектъ, которому они даны, такъ какъ явленія существуютъ *только* для субъекта, для того *я*, которому они являются» (19.(Между тѣмъ, «будучи *условіемъ* явленій, говоритъ нашъ авторъ, субъектъ не есть *причина* явленій (!), ибо онъ не производитъ ихъ, а только созерцаетъ». (20) А отсюда ужь недалеко и до противорѣчія. «Выходитъ, говоритъ нашъ авторъ, что явленія существуютъ не дѣйствіемъ субъекта, но и не сами собою, потому что они не могутъ существовать безъ субъекта». Другими словами, оказывается, говоритъ онъ, что «существованіе міра явленій есть вмѣстѣ и зависимое и независимое», а вслѣдствіе этого противорѣчія, по его мнѣнію, «существованіе явленій оказывается невозможнымъ». (21) Къ чести эмпириковъ это противорѣчіе всецѣло принадлежитъ г. Дебольскому и возникло только благодаря его упорному нежеланію понять смыслъ того, что говорятъ эмпирики. Взять хоть бы Джона Стюарта Милля. Этотъ, по словамъ г. Дебольскаго, непослѣдовательный приверженецъ эмпиризма, можетъ, въ какомъ другомъ случаѣ и страдаетъ противорѣчіями, но въ данномъ случаѣ было бы грѣхъ обвинять его въ этомъ. Онъ прямо и ясно заявляетъ, что причина есть «совокупность условій, наступленіе которыхъ неизмѣнно сопровождается слѣдствіемъ» (Сист. лог. I, 364); а разумѣется, въ числѣ условій каждаго явленія есть одно общее для всѣхъ ихъ, и такое, безъ котораго ни одно явленіе не существуетъ для человѣка. Это условіе есть то, что мы называемъ субъектомъ, воспринимающимъ явленіе. Такъ вотъ исходя изъ подобныхъ опредѣленій, развѣ можетъ быть даже рѣчь о томъ, что субъектъ есть условіе явленія, но не его причина. Если судить по тому, что говорятъ сами эмпирики, а не по тому, что говоритъ г. Дебольскій, то окажется, что по ихъ понятіямъ, разъ субъектъ есть условіе явленія, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ и одна изъ его причинъ. А производитъ ли субъектъ или только созерцаетъ явленіе, это ровно ничего не измѣняетъ въ ходѣ разсужденій эмпирика: и въ томъ и въ другомъ случаѣ субъектъ есть условіе явленія и значитъ его причина. Г. Дебольскій же навязываетъ понятію причинности совершенно иной, а именно метафизическій смыслъ, чуждый эмпирикамъ, и ничего нѣтъ мудренаго, что, подступая съ подобнымъ мѣриломъ къ воззрѣніямъ эмпириковъ, онъ находитъ въ нихъ противорѣчія. Но при чемъ же тутъ несостоятельность эмпиризма? Только благодаря этому пріему и удается автору уличить эмпиризмъ въ цѣломъ рядѣ противорѣчій. Понятіямъ эмпириковъ приписывается совершенно несвойственный имъ метафизическій смыслъ, и, разумѣется, противорѣчіе готово,

противорѣчіе эмпиризма, какъ съ собственными положеніями, такъ и съ наукой. Такимъ образомъ оказывается, что «если нѣтъ ничего, кромѣ явленій (какъ то полагаютъ эмпирики), то нѣтъ и связи между явленіями; а если нѣтъ этой связи, то непонятно, откуда берется несомнѣнно существующій закономѣрный порядокъ вещей» (23). Такимъ образомъ оказывается, что эмпирики совершенно напрасно считаютъ, будто ихъ воззрѣнія «представляютъ наиболѣе полное согласіе съ естествознаніемъ и наукой». Такъ какъ эмпиризмъ признаетъ только то, что доступно нашему сознанію, то ему противорѣчитъ допущеніе атомовъ, частицъ, свѣтовыхъ колебаній, однимъ словомъ, всѣхъ этихъ «неявляющихся явленій», недоступныхъ «непосредственному сознанію» (24). Этого мало. Авторъ полагаетъ, что по той же причинѣ эмпирикъ не имѣетъ права заключать вообще обо всемъ, что было *до* насъ и *до* нашего наблюденія, напримѣръ, объ историческихъ фактахъ по документамъ, не имѣетъ также права говорить о томъ, что будетъ послѣ насъ (26). Всѣ эти, по истинѣ, поразительныя заключенія выведены только благодаря предположенію, будто, когда мы говоримъ о закономѣрной связи между явленіями, объ историческихъ фактахъ или объ атомахъ, то предполагаемъ все это независимымъ отъ нашего воспріятія или сознанія, а существующимъ какъ-то «безусловно (т. е. независимо отъ чего-либо другого)», по выраженію автора. На самомъ дѣлѣ подобныя понятія присущи не тому научному эмпиризму, который отрицаетъ метафизику, а тому грубому эмпиризму, который самъ повиненъ въ ней. Если представители науки и говорятъ объ атомахъ, то разумѣютъ подъ этимъ извѣстную комбинацію обстоятельствъ и условій, называемыхъ то силами, то движеніями, и которыя *по ихъ человѣческому* представленію тѣсно и закономѣрно связаны съ тѣмъ, какъ *человѣкъ воспринимаетъ* эту комбинацію и ея результаты. По этимъ результатамъ мы судимъ объ атомахъ точно такъ же, какъ по крику ребенка заключаемъ о его волненіи, по дыму—объ огнѣ, по письму — о томъ, что желаютъ намъ сообщить. Во всѣхъ этихъ житейскихъ случаяхъ мы не дѣлаемъ никакихъ заключеній о «вещахъ въ себѣ», о ребенкѣ «въ себѣ», объ огнѣ «въ себѣ» и т. д.; и то же самое относится и къ атомамъ. Притомъ наука не даетъ рѣшительно ничего объ этой таинственной вещи въ себѣ. Если люди науки и говорятъ объ атомѣ или о тѣлахъ, къ которымъ приложены силы и которыя обладаютъ различными свойствами, то это не больше, какъ способъ выраженія. Правда, наука нетолько терпитъ эту метафизическую манеру выраженій, но даже обязана ей весьма многими успѣхами. Но вся роль этихъ выраженій и понятій ограничивается тѣмъ, что они представляютъ собой наглядный образъ, выразительное пособіе, точно такъ, какъ линіи, изображающія силы въ механикѣ. Но одно дѣло—выраженія и образы, терпимые въ наукѣ въ качествѣ пособія, а совсѣмъ другое—ихъ верховное гос-

подство въ качествѣ исходныхъ положеній, даже больше—въ качествѣ чего-то высшаго, что нетолько не зависитъ отъ даннаго міра, но напротивъ, само «творитъ» этотъ міръ. Дойти до положеній въ послѣднемъ родѣ можно только путемъ крайне неосторожнаго обращенія со словами и понятіями. А нельзя сказать, чтобы г. Дебольскій строго различалъ слова и понятія, и это обстоятельство кладетъ печать на весь строй его воззрѣній. Только крайняя неосторожность могла увлечь автора въ такія дебри, какъ его разсужденія о томъ, что «вещь въ себѣ» есть верховный и безконечный разумъ (142), или иначе, верховное разумное существо. Только ею можетъ быть объяснена возможность возникновенія такихъ вещей, какъ его соображенія о томъ, что согласно и что не согласно съ достоинствомъ этого существа (88), или о томъ, обладаетъ ли оно сознательностью (88). По нашему мнѣнію, это совершенно непозволительная игра словами, которая при всей безплодности своей была бы, пожалуй, совершенно невинна, еслибы ограничивалась областью вещи въ себѣ, ни для кого не интересной и никого не касающейся. Но въ томъ-то и дѣло, что эти метафизическія существа, по мысли г. Дебольскаго, играютъ роль основанія для реальнаго міра, доступнаго человѣку, и должны служить исходной точкой для пониманія этого міра. «Построеніе системы философіи, говоритъ онъ, начинается съ *безсодержательнаго* для нашего представленія разума въ себѣ» (135). «Философскій синтезъ указываетъ, какъ *непознаваемый* для насъ по своему содержанію міръ разума даетъ, однако, основаніе и міру явленій» (134). И какъ при этомъ философія все-таки даетъ «систему разумно-обоснованныхъ вещей», мы не понимаемъ. Объясненіе познаваемаго при помощи непознаваемаго, доступнаго при помощи недоступнаго представляетъ мало шансовъ къ тому. Эти пріемы представляютъ очень скользкій путь, по которому ничего не стоитъ дойти до утвержденія, что «попытка вывести всю науку изъ *человѣческаго* разума (курсивъ подлин.) есть ученіе невозможное» и что философъ, «относясь къ религіи, собственности, государству, какъ къ созданіямъ своего разума, софистически подкрѣпляетъ своимъ авторитетомъ тѣ демагогическіе планы и затѣи, которые довершаютъ собою разложеніе нравственныхъ началъ современной жизни» (146). Очень опасное это дѣло, когда даже плодотворная мысль облекается въ туманъ мистицизма и миѳологіи, или въ форму изрѣченій пиѳіи. Результатомъ этого можетъ быть только спутанность мысли и у читателя, и у писателя.

Исторія желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи. *А. А. Головачова.* Спб. 1881.

Книга эта является отдѣльной перепечаткой статей, помѣщавшихся за послѣдніе года въ «Сборникѣ государственныхъ знаній». Г. Головачовъ въ небольшомъ предисловіи указываетъ на то обстоятельство, что издать эти статьи книгой его понудило «неоднократно выраженное желаніе лицъ, интересующихся

у насъ желѣзнодорожнымъ дѣломъ». Охотно вѣримъ. Особенно въ виду того, что факты и выводы, заключенные въ этой книгѣ, способны интересовать нетолько лицъ, спеціально занимающихся желѣзнодорожными вопросами, но и вообще всякаго простого обывателя, который пожелалъ бы остановиться нѣсколько на итогахъ русскаго государственнаго и общественнаго хозяйства за послѣднее двадцатипятилѣтіе. А однимъ изъ крупныхъ итоговъ этого хозяйства является у насъ сооруженіе за это время болѣе чѣмъ 20,000-верстной сѣти желѣзныхъ дорогъ. Поглядывать по временамъ на значеніе и жизненную обстановку такихъ итоговъ даже очень не мѣшаетъ. Не мѣшаетъ нетолько для болѣе цѣлесообразнаго направленія нашей дѣятельности въ будущемъ, но и просто съ точки зрѣнія исторической, для характеристики пережитого.

Съ этой точки зрѣнія смотритъ на занимающій его вопросъ и г. Головачовъ. Самъ онъ хорошо понимаетъ, что его статьи (и книга) запоздали, ибо онѣ были написаны въ то время, когда уже всѣ главныя линіи окончены и остались лишь второстепенныя; онъ даже прямо называетъ свою книгу въ нѣкоторомъ родѣ «горчицей послѣ ужина» (стр. 76). Но что касается до ея значенія въ смыслѣ исторіи вопроса и надлежащей оцѣнки прошлаго, то она несомнѣнно имѣетъ таковое. Иногда и послѣ черезчуръ сытнаго и роскошнаго ужина не мѣшаетъ принять если не горчицы, то какой-нибудь вообще горькой микстуры. Такой пользительной микстурой является трудъ г. Головачова. Дѣйствительно, наши оптимисты неистово кричали о всероссійскомъ прогрессѣ: мы, молъ, сдѣлали то-то и вотъ то-то, и даже вотъ что, и промышленность-то далеко двинули впередъ, и банковъ-то сколько создали, и дорогъ-то сколько настроили! Но тутъ являются люди, заручившіеся фактами, и обливаютъ изъ ушата холодной водой не въ мѣру разгорячившихся оптимистовъ. Насчетъ желѣзныхъ дорогъ г. Головачовъ, напримѣръ, неоднократно сообщаетъ намъ слѣдующія соображенія. Во-первыхъ, дорогъ мы, правда, настроили много, но это скорѣе дурно, чѣмъ хорошо. Дороги существуютъ не an und fur sich, а для перевозки продуктовъ и сообщенія. Но, позаботившись о сооруженіи 20-ти тысячъ съ хвостикомъ верстъ желѣзныхъ дорогъ, мы не позаботились вмѣстѣ съ тѣмъ создать соотвѣтствующее производство. Нѣтъ продуктовъ, нѣтъ ихъ передвиженія, незачѣмъ и желѣзныя дороги. Послѣднія, вмѣсто того, чтобъ усилить производительность страны, наоборотъ, уменьшили ея вѣроятное расширеніе, ибо притянули массу капиталовъ отъ болѣе производительныхъ сферъ къ сферѣ желѣзнодорожной спекуляціи, концессіонной горячки и игры акціями и облигаціями. Во-вторыхъ, и въ связи съ предыдущимъ, самый характеръ постройки дорогъ былъ таковъ, что при этомъ давалась возможность играть главную роль интересамъ финансовыхъ тузовъ и капиталистовъ, образовывавшихъ фиктивныя общества, а не дѣйствительнымъ потребностямъ стра-

ны и ея производителямъ. Иногда линіи проводились не потому, что онѣ дѣйствительно были нужны, а потому, что находились дѣльцы, желавшіе получить отъ правительства концессію съ неизбѣжными ея аттрибутами: гарантіями, субсидіями, приплатою по процентамъ. Затѣмъ, правительство слишкомъ урѣзывало долю своего участія и вмѣшательства въ такую необходимую область общественнаго хозяйства, какъ желѣзнодорожные пути сообщенія. Вмѣсто того, чтобъ безповоротно признать эти пути какъ со всѣмъ ихъ подвижнымъ составомъ, такъ и съ прилегающими участками и зданіями и т. п. за неотчуждаемую собственность государства, правительство передало ихъ на чрезвычайно большіе сроки отъ 70 до 99 лѣтъ частнымъ обществамъ и компаніямъ. Эта передача, какъ показываетъ, напримѣръ, «исторія» съ Главнымъ обществомъ желѣзныхъ дорогъ (см. стр. 101—169 и во мн. др. мѣстахъ) была совершена на крайне невыгодныхъ условіяхъ. Обществу предоставлялось слишкомъ много льготъ. Оно пользуется слишкомъ большими послабленіями, неоднократно обращая, напримѣръ, своевольно суммы, слѣдовавшія на уплату долга правительству, на свои дѣла, взносы по акціямъ или на эксплуатацію пути. Въ будущемъ все увеличеніе дохода, проистекающее ужь, конечно, не отъ «благоразумнаго управленія», какъ говоритъ Главное общество, а отъ увеличенія народонаселенія и усиленія промышленности, должно пойти въ руки праздныхъ владѣльцевъ акцій, а не въ государственную казну, которая, замѣтимъ мы отъ себя, могла бы значительно въ такомъ случаѣ понизить тарифъ.

Вообще, читатель изъ массы фактическихъ данныхъ, сообщаемыхъ г. Головачовымъ относительно каждой изъ желѣнодорожныхъ линій, начиная съ Николаевской и кончая сооруженными въ 1873 г., извлечетъ ясное указаніе на то, какъ нераціонально велось у насъ желѣзнодорожное дѣло. Резюме финансоваго положенія этого дѣла можно найти въ «Заключеніи» книги г. Головачова. Частныя общества, которымъ была уступлена эксплуатація желѣзныхъ дорогъ, состоятъ въ неоплатномъ долгу у государства, что̀, какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ г. Головачовъ, естественно должно бы было привести къ требованію скорѣйшаго выкупа этой уступки въ пользу государства и вмѣстѣ съ тѣмъ дать вполнѣ законный поводъ для совершенія этой операціи. На стр. 383 авторъ приводитъ интересную табличку, въ которой содержатся данныя относительно основныхъ капиталовъ обществъ и участія въ нихъ правительства, равно какъ долговъ обществъ правительству по выдачѣ гарантіи, по недоимкамъ въ платежѣ процентовъ по облигаціямъ и по различнымъ ссудамъ на первое января 1879. Изъ таблички этой оказывается, напримѣръ, что въ то время, какъ акціонерный капиталъ обществъ простирается до 637.895,988 (въ томъ числѣ правительству 83.065,366 и частнымъ лицамъ 554.830,622), облигаціонный достигаетъ громадной суммы 1.475.559,435, изъ

которой правительству принадлежитъ болѣе, чѣмъ двѣ трети— 1.065.379,470. Долги же обществъ (по гарантіи, по платежу на облигаціи и по разнымъ ссудамъ) равняются 530.050,008. На основаніи кой-какихъ соображеній и расчисленій, авторъ дѣлаетъ выводъ, что «у гг. акціонеровъ не имѣется обезпеченія и на $^2/_3$ рубля правительственнаго долга, не говоря уже о суммѣ облигаціоннаго капитала» (стр. 384). Разумѣется, отсюда естественно вытекаетъ вопросъ, почему бы правительству не принудить своего неоплатнаго должника ликвидировать дѣла и, взявъ въ свои руки желѣзныя дороги, не свести тарифъ до минимума, который будетъ стоять ниже настоящаго тарифа на всю сумму доходовъ гг. желѣзнодорожныхъ пайщиковъ? Если этого вопроса о тарифѣ самъ г. Головачовъ прямо и не дѣлаетъ, то онъ все-таки неизбѣжно напрашивается на мысль любому незаинтересованному читателю книги.

Англійская свободная торговля. Историческій очеркъ развитія идей свободной конкурренціи и началъ государственнаго вмѣшательства. *И. Янжулъ.* Выпускъ второй. Періодъ свободной торговли. М. 1882.

Г. Янжулъ принадлежитъ къ числу очень и очень немногихъ русскихъ ученыхъ, дѣйствительно работающихъ. Большинство, какъ извѣстно, пережевываетъ научную жвачку, съ прилежаніемъ, достойнымъ лучшаго примѣненія, или же съ лѣностью, научнаго дѣятеля совершенно недостойною. Есть, разумѣется, и другіе типы русскихъ ученыхъ. Такъ, нѣкоторые зарываются въ парижскіе или иные архивы, открываютъ тамъ любопытные матеріалы по исторіи альбигойцевъ, напримѣръ, или кальвинизма и затѣмъ сообщаютъ намъ результаты своихъ изслѣдованій. Но сообщаютъ ихъ они намъ, а не соотечественникамъ альбигойцевъ и кальвинистовъ, которые (соотечественники), вѣроятно, оцѣнили бы труды русскихъ ученыхъ по достоинству и воспользовались бы ими какъ слѣдуетъ. Мы же естественно можемъ только любоваться детальною роскошью разсказа объ альбигойцахъ и думать про себя: это, конечно, трудъ, работа, но какая-то никчемная—французы не прочтутъ, а намъ, пожалуй, можно бы было обойтись и безъ такой роскоши подробностей. Есть и такіе русскіе ученые, которые, можетъ быть, и двигаютъ науку про себя, въ тиши своихъ кабинетовъ, но никто ихъ работы не видитъ. Есть, наконецъ, и исключенія, къ числу которыхъ принадлежитъ г. Янжулъ. Говоря объ русскихъ ученыхъ, зарывающихся въ иностранныхъ архивахъ, мы отнюдь не думаемъ, что европейская исторія не должна или не можетъ насъ интересовать. Совершенно напротивъ. Европа представляетъ такую обширную сокровищницу опыта, изъ которой намъ еще неопредѣленно долго придется черпать указанія и поученія. Но намъ нужны именно указанія и поученія, хотя бы самаго общаго теоретическаго свойства, а потому желательны или соотвѣтственный выборъ моментовъ европейской исторіи, или сотвѣтственная ихъ обработка, если

ужь нельзя совмѣстить то и другое. Работы г. Янжула до сихъ поръ относятся исключительно къ Англіи, но мы рѣшительно ничего противъ этого не имѣемъ, потому что г. Янжулъ умѣетъ и выбирать, и обобщать. Лежащая передъ нами книга свидѣтельствуетъ объ этомъ съ особливою ясностью.

Въ свое время мы говорили о первомъ выпускѣ труда г. Янжула (вышедшемъ еще въ 1876 году), и теперь хотимъ только рекомендовать второй выпускъ особенному вниманію читателя, въ разсчетѣ вернуться къ нему впослѣдствіи еще разъ.

Г. Янжулъ признаетъ, что политическая экономія переживаетъ глубокій кризисъ, что ея такъ называемые законы и истины теряютъ кредитъ и въ теоретической сферѣ научной мысли, и въ практической области. По мнѣнію г. Янжула, этому повороту способствовали четыре фактора: «альтруизмъ, соціализмъ, индуктивизмъ, протекціонизмъ», разлагающему вліянію которыхъ и посвящена часть книги. Не касаясь общаго плана работы г. Янжула, мы скажемъ только, что читатель найдетъ въ этой части множество интересныхъ и, по всей вѣроятности, новыхъ для него свѣдѣній. Особенно любопытна глава о чартизмѣ и христіанскихъ соціалистахъ. Другая цѣль, преслѣдуемая книгой г. Янжула, состоитъ въ опредѣленіи причинъ, условій и результатовъ политики свободной торговли въ Англіи. Замѣчательное научное безпристрастіе автора и свобода его мысли отъ quasi-научныхъ предразсудковъ наилучше характеризуются слѣдующими заключительными словами книги: «Покровительственная система есть лишь одна изъ двухъ (другая—свободная торговля) формъ международныхъ торговыхъ сношеній *существующаго экономическаго строя* (курсивъ автора). Пока же держится въ полной силѣ современный строй и организація производства и распредѣленія матеріальныхъ цѣнностей въ его настоящемъ видѣ, до тѣхъ поръ нѣтъ никакого логическаго основанія допустить, чтобы послѣдствія возвращенія Великобританіи къ покровительственной системѣ могли привести ее въ отношеніи обезпеченія благосостоянія цѣлой массы народа (а не малой сравнительно лишь части его, какъ нынѣ), къ инымъ, лучшимъ результатамъ, нежели какіе получались, мы видѣли, для того же англійскаго народа отъ политики свободной торговли. Борьба интересовъ всегда приведетъ къ тому, что въ проигрышѣ окажется слабѣйшая въ политическомъ, экономическомъ и интеллектуальномъ отношеніи партія. Лишь въ томъ случаѣ, если когда-нибудь *существенно* измѣнится ея современная экономическая и политическая организація, можно будетъ ожидать и *существеннаго* измѣненія въ означенномъ выше смыслѣ значенія и вліянія той или иной формы международныхъ сношеній. До тѣхъ же поръ всякая подобная реформа, все равно въ ту или другую сторону, будетъ имѣть значеніе лишь палліатива».

Тѣмъ прискорбнѣе встрѣчать въ столь почтенномъ трудѣ нѣкоторыя странности, несостоятельныя даже въ азбучно-логиче-

скомъ смыслѣ. Такъ, взвѣшивая выгодныя и невыгодныя стороны англійской фритредерской политики и связаннаго съ ней колоссальнаго роста богатствъ, г. Янжулъ говоритъ, между прочимъ: «Мы смѣло утверждаемъ, что даже тѣ лица, которыя нынѣ наиболѣе враждебно относятся къ капиталу—соціалисты, нетолько въ отрицательномъ, но и въ положительномъ смыслѣ обязаны тому же самому капиталу за свои теоріи и ихъ обработку, свои опыты и возможность практической дѣятельности! Нѣтъ сомнѣнія, напримѣръ, что многочисленныя попытки устройства коммунъ и сама агитація Роб. Оуэна не были бы возможны безъ крупнаго состоянія, нажитого имъ и его предками хлопчато-бумажною прамышленностью; а наиболѣе солидный трудъ по научному соціализму Карла Маркса не былъ бы мыслимъ безъ существованія такого подспорья, какъ Британскій музей, созданный тѣмъ же колоссальнымъ англійскимъ богатствомъ» (стр. 466). Чтобы читатель по достоинству оцѣнилъ это разсужденіе, надо его приложить къ чему-нибудь болѣе конкретному и обыденному. Представьте себѣ, напримѣръ, что историку нищенства на Руси и филантропу предлагаютъ радоваться: какъ, дескать, хорошо, что на Руси было и есть нищенство—иначе вѣдь вамъ, историку и филантропу, не пришлось бы дѣлать то, что вы теперь дѣлаете!

ЗАПИСКИ СОВРЕМЕННИКА.

7-го апрѣля умеръ Дарвинъ.

Біографія этого человѣка не богата событіями. Говорятъ, что когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ изъ издателей его сочиненій обратился къ нему за автобіографическими свѣдѣніями, то Дарвинъ отвѣтилъ слѣдующее: «Меня зовутъ Чарльсъ Дарвинъ. Я родился въ 1809 году. Я учился, потомъ совершилъ путешествіе вокругъ свѣта. Съ тѣхъ поръ я не перестаю заниматься. Вотъ вся моя жизнь». И въ самомъ дѣлѣ, къ этимъ строкамъ остается прибавить лишь очень немногое, чтобы внѣшняя сторона жизни знаменитаго покойника была исчерпана вполнѣ. Учился Дарвинъ сначала въ эдинбургскомъ, потомъ въ кембриджскомъ университетѣ; учился отнюдь не блистательно и даже не старательно. Въ кругосвѣтномъ путешествіи пробылъ съ 1831 по 1835 годъ; въ 1839 году женился на своей двоюродной сестрѣ, отъ которой прижилъ семь человѣкъ дѣтей. Въ 1842 году поселился въ деревушкѣ Даунъ, гдѣ и прожилъ безвыѣздно въ теченіи сорока лѣтъ, до самой своей смерти. Похороненъ 26-го апрѣля 1882 г. въ Вестминстерскомъ аббатствѣ рядомъ съ Ньютономъ. Вотъ и все. Но изъ скромной деревушки Даунъ въ теченіи безъ малаго четверти вѣка распространялось по всему научному міру волненіе, центромъ котораго были идеи этого человѣка; и нетолько по научному міру, потому что едва ли найдется въ исторіи науки много имянъ, которыя пользовались бы такою обширною популярностью, какъ имя Чарльса Дарвина. Положимъ, что такъ называемая «большая публика» многое понимала вкривь и вкось и черезъ два въ третій. Но во всякомъ случаѣ даже легкомысленнѣйшіе изъ современниковъ должны были говорить, писать и можетъ быть даже немножко думать о сѣдобородомъ даунскомъ отшельникѣ съ крутымъ лбомъ и густыми нависшими бровями. Одинъ его портретъ видѣлъ въ альбомѣ и услышалъ по этому поводу нѣчто о происхожденіи человѣка отъ обезьяны; другой наткнулся на газетную болтовню о тѣсной связи русскаго «динамита» съ идеями Дарвина; третій чрезвычайно заинтересовался «половымъ подборомъ», полагая, что это нѣчто въ родѣ новѣйшихъ произведеній Эмиля Золà, и т. д., и т. д. Это—легкомысленнѣйшіе, тѣ мужескаго и женскаго

пола бабочки, которыя порхаютъ по жизненному полю, «не предвидя отъ сего никакихъ послѣдствій», да ни въ какихъ послѣдствіяхъ и не нуждаясь. Что же касается людей, мало-мальски серьёзно интересующихся теченіемъ научной мысли, то они тѣмъ паче не могли и не могутъ обойти идеи Дарвина, что не найдется, кажется, ни одной отрасли знанія, куда такъ называемый дарвинизмъ не вторгся бы болѣе или менѣе властно. Астрономія и филологія, химія и исторія, не говоря, разумѣется, обо всѣхъ отрасляхъ біологіи, испытали на себѣ толчки изъ деревушки Даунъ, что̀ въ графствѣ Кентъ. Мы знаемъ размышленія о борьбѣ за существованіе и естественномъ подборѣ между языками и ихъ элементами (Фарраръ, Максъ Мюллеръ), между планетами (Дю-Прель), между химическими элементами (Пфаундлеръ), между составными частями организма (Ру) и проч., и проч. Наконецъ, дарвинизмъ очень быстро проникъ и въ область житейскихъ вопросовъ, гдѣ породилъ громадную литературу отъ толстѣйшихъ томовъ до летучихъ брошюръ и газетныхъ статей.

Удобнымъ переходомъ отъ скудости внѣшней судьбы ученаго къ этой небывалой популярности его идей, можетъ служить исторія сочиненій Дарвина.

Какъ видно изъ разныхъ отрывочныхъ свѣдѣній о его жизни, Дарвинъ былъ до своего путешествія на кораблѣ «Бигль» страстнымъ коллекціонеромъ: онъ собиралъ минералы, бабочекъ, жуковъ, чучела животныхъ и т. п., и именно въ качествѣ опытнаго коллекціонера и поступилъ на «Бигль». Собственно же научными знаніями обладалъ крайне скудными, въ чемъ самъ признавался. Знаній онъ сталъ впервые набираться во время путешествія, все продолжая удовлетворять своей коллекторской страсти, и затѣмъ уже не уставалъ набираться ихъ до конца дней своихъ. Занятія на кораблѣ «Бигль» шли сначала безъ всякаго плана. Отнюдь не помышляя о предстоящей ему роли реформатора науки, Дарвинъ наблюдалъ, записывалъ, рисовалъ, собиралъ, сопоставлялъ, сравнивалъ все мелкое и крупное, что̀ ему попадалось на глаза. Когда собственно сложилось то, что̀ мы теперь называемъ дарвинизмомъ, сказать невозможно; вѣрно только, что гораздо раньше появленія въ свѣтъ знаменитой книги «О происхожденіи видовъ», съ которой дарвинизмъ ведетъ свое оффиціальное лѣтосчисленіе. Само появленіе книги въ 1859 году произошло, какъ извѣстно, совершенно случайно. Будучи со времени путешествія человѣкомъ нетолько болѣзненнымъ, а и прямо больнымъ, Дарвинъ тѣмъ не менѣе не торопился дѣлиться съ публикой своими наблюденіями и выводами. Его теорія рисковала такимъ образомъ остаться подъ спудомъ, но тутъ подоспѣла знаменитая статья Альфреда Уоллеса «О стремленіи разновидностей безгранично уклоняться отъ первоначальнаго типа». Тогда только Дарвинъ рѣшилъ напечатать сначала отрывокъ изъ книги «О происхожденіи видовъ», а въ слѣдующемъ году и самую книгу. Съ тѣхъ поръ шли одинъ за другимъ цѣлый рядъ из-

слѣдованій объ опыленіи цвѣтовъ при посредствѣ насѣкомыхъ, о половыхъ отношеніяхъ въ растительномъ мірѣ, книги «О прирученныхъ животныхъ и воздѣланныхъ растеніяхъ», «О происхожденіи человѣческаго рода и половомъ подборѣ», «О выраженіи ощущеній» и, наконецъ, въ самое послѣднее время о насѣкомоядныхъ растеніяхъ, о движеніи растеній, объ образованіи чернозема. Всѣ эти послѣдующія произведенія Дарвина не могли уже, разумѣется, производить такого шума, какъ книга о происхожденіи видовъ, потому что только дополняли, разработывали, прилагали къ различнымъ частностямъ то общее ученіе, которое было уже тамъ изложено. Однако нѣкоторыя, какъ напримѣръ теорія пангенезиса, теорія полового подбора вызвали не мало волненій, ожесточенныхъ споровъ между приверженцами и противниками. Притомъ же всѣ они, касаясь иногда совершенно неинтересныхъ для «большой публики», да и учеными людьми дотолѣ незамѣченныхъ частностей, обращались подъ перомъ Дарвина въ чрезвычайно поучительные и общеинтересные трактаты, благодаря двумъ его рѣзко выдающимся способностямъ: наблюдательности, не брезгающей никакой мелочью, на которую никто не обращаетъ вниманія, и воображенію, не останавливающемуся передъ изображеніемъ самыхъ детальныхъ картинъ фактически неизвѣстнаго прошедшаго и будущаго. Эти драгоцѣнныя умственныя качества вообще встрѣчаются не часто, а тѣмъ паче въ одномъ лицѣ и въ такихъ размѣрахъ, какъ въ Дарвинѣ. Чаще другихъ ими въ совокупности обладаютъ поэты. Но значительная часть работы поэта происходитъ въ той психической кладовой, которая называется областью безсознательнаго: заложенные тамъ элементы картинъ и образовъ творческій процессъ вызываетъ наружу вдругъ, нѣкоторымъ образомъ по щучьему велѣнію. Поэты и беллетристы, мѣряющіе сколько аршинъ въ комнатѣ, которую они хотятъ изобразить, запоминающіе цвѣтъ обоевъ и т. п. большею частью очень посредственные художники. Настоящіе же поэты хватаютъ подобныя мелочи на лету или, лучше сказать, даже не хватаютъ, а совершенно безсознательно воспринимаютъ. Не такова творческая работа ученаго такого типа, какъ Дарвинъ. Весьма вѣроятно, что грандіознѣйшія изъ нарисованныхъ имъ картинъ прошедшаго и будущаго мелькали передъ нимъ очень давно, но для окончательнаго ихъ воспроизведенія понадобилось въ теченіи десятковъ лѣтъ мѣрять, взвѣшивать, считать. Тѣмъ не менѣе, при суммированіи этихъ мелкихъ отмѣтокъ и наблюденій обнаруживается такая сила творчества, какая даже у первоклассныхъ поэтовъ встрѣчается рѣдко.

Такъ работалъ Дарвинъ и достойно величайшаго вниманія, что такъ же работаетъ, съ точки зрѣнія дарвинизма, вся природа. Я не буду, разумѣется, утомлять читателя изложеніемъ теорій Дарвина, тысячу разъ изложенныхъ на всѣхъ европейскихъ языкахъ. Но собственно для подтвержденія сходства между творческимъ процессомъ природы, какъ его понималъ Дарвинъ,

и процессомъ его собственной умственной работы, остановимся на одну минуту на любомъ изъ произведеній Дарвина; напримѣръ, на послѣднемъ его изслѣдованіи, оконченномъ всего за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти и все-таки, значитъ, представляющемъ нѣкоторую новизну.

Дѣло идетъ объ земляномъ червѣ, объ этомъ несчастномъ, безпомощномъ существѣ, названіе котораго стало метафорой для выраженія презрѣнія. Дарвинъ облюбовалъ его; облюбовалъ сначала, конечно, также случайно, также безъ заглядыванія въ будущее, какъ въ молодости случайно собиралъ всякаго рода коллекціи. Но, разъ остановивъ свое вниманіе на земляномъ червѣ, Дарвинъ принялся за него вплотную: подвергъ червя цѣлому ряду опытовъ и наблюденій, изслѣдовалъ его привычки, склонности, его «умъ». О мелочности и подробности всѣхъ этихъ изслѣдованій можетъ дать понятіе слѣдующій примѣръ. Земляные черви таскаютъ въ свои норы разные мелкіе предметы и таскаютъ съ большою ловкостью и расчетомъ. Такъ напримѣръ, листья растенія они схватываютъ всегда за острый конецъ, чтобы легче было протащить въ нору. И вотъ Дарвинъ приводитъ таблицу своихъ наблюденій, въ которой резюмирована нѣкоторымъ образомъ статистика поведенія червей: изъ такого-то числа случаевъ столько-то разъ червь тащилъ въ нору листья такого-то растенія вершиною впередъ и столько-то разъ основаніемъ. Одинъ изъ главныхъ результатовъ этого кропотливаго изслѣдованія состоитъ въ слѣдующемъ. Земляные черви всеядны и при случаѣ питаются даже просто землей, если она содержитъ органическіе остатки. Но кромѣ того червь ѣстъ землю еще съ одною совершенно спеціальною цѣлью. Если ему приходится дѣлать себѣ нору въ почвѣ, настолько твердой, что у него не хватаетъ силы для проложенія себѣ пути, то онъ глотаетъ землю, пропускаетъ ее сквозь весь свой кишечный каналъ и выпускаетъ изъ другого конца въ видѣ тонкихъ нитей. Такимъ образомъ, подвигаясь въ глубь почвы, червь, именно своимъ оригинальнымъ способомъ передвиженія, образуетъ разрыхленную, какъ бы удобренную землю, черноземъ. Вотъ тщательное, основательное, любопытное наблюденіе, которое, однако, не будучи оплодотворено другими силами человѣческаго ума и главнымъ образомъ, воображеніемъ, можетъ показаться практически совершенно неважнымъ. Червь такъ ничтоженъ; что же можетъ выйти крупнаго, замѣчательнаго изъ курьёзной работы, которую онъ задаетъ своему кишечнику въ видахъ улучшенія своихъ путей сообщенія? Но тутъ передъ мыслью великаго натуралиста начинаетъ мелькать картина милліоновъ земляныхъ червей, постоянно занятыхъ выработкою чернозема. Онъ вновь принимается за наблюденія и вычисленія и приходитъ, наконецъ, къ тому результату, что во многихъ мѣстностяхъ Англіи на каждомъ акрѣ земли слишкомъ десять тоннъ или болѣе шестисотъ пудовъ пропускается ежегодно сквозь тѣло земляныхъ червей; вся эта масса вы-

брасывается на поверхность и такимъ образомъ, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ весь верхній слой земли оказывается продуктомъ мелкой, невидной работы червей. Понятны тѣ важные выводы, которые проистекаютъ отсюда по отношенію къ растительному міру и къ хозяйственной дѣятельности человѣка. Въ концѣ-концовъ, Дарвинъ выражаетъ сомнѣніе, чтобы какія-нибудь другія животныя играли такую важную роль въ исторіи земли, какъ эти презрѣнные черви.

Вы видите, что между работой презрѣннаго червя и работой великаго Дарвина существуетъ полная аналогія. Человѣкъ, лишенный научнаго упорства и блестящихъ умственныхъ способностей Дарвина, будучи даже спеціалистомъ, также пройдетъ мимо работы червя, какъ и мимо мелочныхъ наблюденій натуралиста. А между тѣмъ и тамъ и тутъ мы имѣемъ длинный рядъ мелочей, незамѣтныхъ и неважныхъ въ отдѣльности, но въ суммѣ дающихъ результаты огромной и совершенно неожиданной важности. И такъ во всѣхъ теоріяхъ и изслѣдованіяхъ Дарвина. Если Дарвинъ правъ въ своемъ міроразумѣніи, то можно сказать, что онъ работалъ въ унисонъ съ природой; если не правъ, то онъ рисовалъ процессъ природы съ процесса своей собственной мысли. Въ самомъ дѣлѣ главная и наиболѣе общая мысль всѣхъ безъ исключенія работъ Дарвина состояла въ томъ, что результаты, поражающіе своею грандіозностью, достигаются безконечною цѣпью безконечно малыхъ измѣненій или переходовъ. Такъ человѣкъ со всею мощью своего разума, со всею страстною жаждой идеала, со всей упорной волей, противопоставляемой имъ цѣлому міру, произошелъ отъ нѣкотораго низменнаго существа путемъ многовѣковаго процесса измѣненій, въ отдѣльности совершенно ничтожныхъ. При этомъ природа отнюдь не преслѣдовала какого-нибудь плана, какой-нибудь опредѣленной цѣли. Нѣтъ, изъ всего громаднаго количества измѣненій, случайно прокидывающихся испоконъ вѣка, одни сохраняются, другія исчезаютъ, смотря по тому, какія изъ нихъ при данныхъ условіяхъ могутъ выжить и какія не могутъ. Не такова ли же работа самого Дарвина? Какъ природа творитъ безконечно разнообразныя явленія, не помышляя объ ихъ дальнѣйшей судьбѣ и предоставляя ихъ взаимному тренію, такъ и Дарвинъ съ ранней молодости сдѣлалъ множество наблюденій, проглотилъ множество фактовъ безъ всякаго предварительнаго плана. Медленно, шагъ за шагомъ, въ теченіи десятковъ лѣтъ складывались эти наблюденія, прилегая одно къ другому, и въ результатѣ дали то грандіозное явленіе, которое называется теоріей Дарвина. Въ довершеніе сходства, толчкомъ, побудившимъ Дарвина, наконецъ, издать свой трудъ, было соперничество, конкурренція съ Альфредомъ Уоллесомъ, то есть то самое начало борьбы за существованіе, второе, по теоріи Дарвина, составляетъ творческій элементъ жизни; творческій и прогрессирующій, ибо въ борьбѣ за существованіе побѣждаютъ лучшіе,

наилучше вооруженные. Такъ и оказалось на судьбѣ Дарвина: онъ побѣдилъ Уоллеса, потому что былъ лучше вооруженъ огромнымъ запасомъ фактовъ и необыкновенною силою воображенія; не того скачущаго, неровнаго воображенія, которое, забѣгая впередъ фактовъ, даритъ иногда людямъ счастіе, но иногда и несчастіе, а того, которое является какъ разъ во-время, чтобы вытянуть линію фактовъ въ непрерывную перспективу впередъ и назадъ, въ прошедшее и будущее...

Нельзя, конечно, утверждать, что Дарвинъ былъ совершенно чуждъ скачковъ воображенія. Онъ, напримѣръ, серьёзно говоритъ: «Въ Сѣверной Америкѣ, по наблюденіямъ Гирна, черный медвѣдь иногда цѣлыми часами плаваетъ съ широко раскрытою пастью, ловя насѣкомыхъ, какъ китъ. Даже въ такомъ исключительномъ случаѣ я не вижу ничего невозможнаго въ томъ, что еслибы насѣкомыхъ было постоянно вдоволь и еслибы въ той же странѣ не находилось уже лучше приспособленныхъ соискателей, отдѣльная порода медвѣдей могла бы сдѣлаться, черезъ естественный подборъ, все болѣе и болѣе водною, ихъ пасть все болѣе и болѣе увеличиваться, пока не сложилось бы существо, такое же уродливое, какъ китъ». Это мѣсто, сохранившееся въ русскомъ переводѣ книги «О происхожденіи видовъ», было выпущено въ послѣдующихъ изданіяхъ оригинала самимъ Дарвиномъ. Можно бы было, пожалуй, найти еще нѣсколько такихъ курьёзныхъ скачковъ фантазіи, но не имъ надо удивляться, а напротивъ тому, что ихъ такъ мало (у самого Дарвина, разумѣется, а не у его послѣдователей), когда поле фантазіи было такъ безгранично раздвинуто самою идеею измѣнчивости видовъ. И вотъ почему объ Дарвинѣ едва ли можно сказать, что онъ будилъ мысль современниковъ. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ онъ ее не будилъ, а придавливалъ. Старовѣры завопили на свою вѣчную тэму о ниспроверженіи авторитетовъ и кумировъ, французская академія наукъ забаллотировала Дарвина большинствомъ голосовъ, но не здѣсь, конечно, надо искать разбуженной мысли. Многочисленные же сторонники, которыхъ Дарвинъ моментально пріобрѣлъ между учеными людьми и профанами, въ большинствѣ случаевъ или были совершенно ослѣплены колоссальною эрудиціей, сопровождавшей теорію, и и тою крупною, но солидною ролью, которую играло въ ней воображеніе; или же принялись развивать и дополнять теорію въ частностяхъ и прилагать ее къ такимъ фактамъ и отраслямъ знанія, которыхъ учитель не имѣлъ въ виду. Возбужденіе было велико, но оно было, такъ сказать, прямолинейное, хотя никто не станетъ отрицать, что возбужденіе это дало много въ высшей степени важныхъ плодовъ. Были, конечно, и исключенія, то-есть люди, дѣйствительно разбуженные, способные отнестись съ благодарностью, но и съ критикой къ разбудившему ихъ толчку. Эти люди, безъ сомнѣнія, имѣли значительное обратное вліяніе на самого Дарвина.

Человѣкъ, совершенно незнакомый съ дарвинизмомъ, случайно узнавъ о той роли, которую въ немъ играетъ борьба за существованіе, пришелъ бы, конечно, къ заключенію, что это ученіе чрезвычайно мрачное, пессимистическое. На дѣлѣ же, какъ читателю извѣстно, дарвинизмъ насквозь проникнутъ оптимизмомъ, ибо предполагаетъ, что изъ тяжелой, гнетущей борьбы, вездѣ кругомъ насъ происходящей, изъ тысячъ смертей, ежеминутно косящихъ жизнь на землѣ, возникаютъ все высшія и высшія формы жизни. Нѣкоторые дарвинисты стоятъ за этотъ догматъ съ необыкновеннымъ упорствомъ; нѣкоторые, и въ томъ числѣ самъ Дарвинъ, нѣсколько пообавили, съ теченіемъ времени, свой радостный тонъ; нѣкоторые, наконецъ, находятъ бѣду только въ томъ, что въ человѣческомъ обществѣ устроены разныя препятствія, состоящія въ учрежденіяхъ, идеяхъ, чувствахъ, мѣшающихъ погибели слабыхъ, худшихъ и торжеству сильныхъ, лучшихъ. Это, безъ сомнѣнія, самый интересный моментъ дарвинизма, какъ для всей массы профановъ, такъ и для кучки людей, желающихъ обнять теоретическую и практическую области единымъ принципомъ. Безспорны заслуги дарвинизма въ дѣлѣ разрушенія старыхъ убѣжденій о мѣстѣ человѣка въ природѣ. Но, во-первыхъ, эти убѣжденія были и безъ того расшатаны разнообразнѣйшими путями, а, во-вторыхъ, для окончательнаго ихъ разрушенія нѣтъ надобности въ специфическихъ чертахъ дарвинизма. Другое дѣло творческая сила борьбы за существованіе. Люди давно уже задумывались о значеніи успѣха въ жизни. Одни находили, что успѣхъ этотъ самъ по себѣ ровно ничего не говоритъ о какихъ бы то ни было достоинствахъ успѣвшаго; говоритъ, можетъ быть, даже напротивъ объ его низости, подлости, безсовѣстности. Другіе, напротивъ, полагали, что успѣхъ самъ несетъ себѣ оправданіе и что побѣдитель всегда правъ, всегда выше побѣжденнаго. И вотъ является роскошно обставленная теорія, черезъ весь органическій міръ, черезъ всю исторію жизни на землѣ проводящая принципъ самодовлѣющаго успѣха. Первоначально и рѣчи не было о приложеніи этого принципа къ нашимъ житейскимъ дѣламъ, къ человѣческому обществу. Дѣло шло о природѣ, внѣ насъ лежащей: худшіе, наименѣе приспособленные вымираютъ, лучшіе выживаютъ, изъ нихъ опять подбираются лучшіе и т. д., и т. д. Но такъ какъ рѣчь все-таки шла о смертяхъ и страданіяхъ, хотя и сопутствующихъ жизни и наслажденію, то выдавались нѣкоторые щекотливые пункты. И вотъ, напримѣръ, какъ отнесся къ одному изъ нихъ Дарвинъ. Извѣстно, что двѣ пчелиныя матки въ одномъ ульѣ не уживаются и вопросъ о престолонаслѣдіи разрѣшается единоборствомъ. По этому поводу Дарвинъ говоритъ: «Хотя это намъ и трудно, но намъ слѣдуетъ восхищаться дикой, инстинктивной злобой пчелы-матки, уничтожающей молодыхъ матокъ, своихъ дочерей, тотчасъ по ихъ рожденіи, или погибающей въ борьбѣ съ ними, ибо это несомнѣнно полезно

обществу: и материнская любовь, и материнская ненависть, хотя послѣдняя, къ счастію, большая рѣдкость — все едино передъ неумолимыми законами естественнаго подбора». Здѣсь сказалась уже совершенно спеціальная, особенная слабость воображенія Дарвина. Онъ, свободно обнимавшій пареніемъ своей мысли всю безконечную цѣпь измѣненій отъ асцидіи до человѣка и предвидѣвшій дальнѣйшія измѣненія въ этомъ направленіи; онъ не могъ напрячь воображеніе настолько, чтобы допустить возможность такой пустяковой реформы пчелинаго общества, какъ устраненіе періодическихъ убійствъ! Онъ, такъ много и ловко орудовавшій принципомъ пользы, не замѣтилъ, что злоба пчелы-матки полезна совсѣмъ не пчеламъ и даже не пчелиному обществу, а только нынѣшней формѣ этого общества, ибо ея-то неизмѣнности она, конечно, способствуетъ! Что касается суроваго тона, съ которымъ Дарвинъ говоритъ вышеприведенныя слова, то и онъ зависѣлъ отъ той же спеціально дарвиновской слабости воображенія: онъ говорилъ такъ жостко, холодно и сурово только потому, что не предвидѣлъ тѣхъ жестокихъ выводовъ, которые сдѣлаютъ изъ его основныхъ положеній ученики. Все его богатое воображеніе ушло въ погоню за творчествомъ природы и отъ него ничего не осталось на творчество соціальное, если позволено будетъ такъ выразиться. Но вотъ начали появляться enfants terribles новаго ученія. Едва ли не первою выступила г-жа Клемансъ Ройе, пламенный французскій синій чулокъ. Въ предисловіи къ сдѣланному ею французскому переводу книги «О происхожденіи видовъ», она не задумалась произнести суровѣйшій приговоръ всѣмъ слабымъ въ человѣческомъ обществѣ, ибо ихъ гибель кому-то или чему-то полезна. Дарвинъ, будучи человѣкомъ мирнымъ и, судя по всѣмъ извѣстіямъ, крайне добродушнымъ, испугался. Онъ не выступилъ противъ своей пылкой послѣдовательницы печатно, но очень хлопоталъ объ изданіи другого французскаго перевода, дабы не обязательно ему было являться передъ Европой подъ ручку съ грознымъ синимъ чулкомъ. Синій чулокъ не унимался. Онъ издалъ свою собственную книгу, въ которой требовалъ, напримѣръ, отнятія у народа евангелія, ибо, дескать, книга эта пропитана идеей равенства, а идея равенства есть вредная химера, мѣшающая гибели и правомѣрной униженности слабыхъ. Нищій можетъ быть и не виноватъ въ томъ, что онъ нищій, но, разъ онъ нищій, разъ онъ оказался внизу—пусть выбирается какъ знаетъ; если выберется, такъ тѣмъ самымъ покажетъ, что онъ изъ лучшихъ, а если погибнетъ, такъ туда ему и дорога; помогать же ему значитъ идти противъ верховныхъ законовъ естественнаго подбора и останавливать прогрессивный ходъ исторіи, который непремѣнно долженъ покупаться цѣною страданій низшихъ, худшихъ, слабыхъ. Такъ разсуждала суровая г-жа Ройе. А, впрочемъ, должно быть увеселенія ради, она прибавила къ этимъ суровостямъ нѣкоторую утопію. А именно набросала планъ бу-

дущаго царства амазонокъ, устроеннаго на манеръ пчелинаго общества, гдѣ женщины, какъ извѣстно, все, а мужчины (трутни), совершивъ свою дѣтородную обязанность, избиваются.

Много было произнесено подобныхъ суровыхъ приговоровъ и много было развернуто подобныхъ смѣлыхъ перспективъ. Но всѣхъ превзошелъ, кажется, Ренанъ. Характеристика этого человѣка, сдѣланная Брандесомъ, съ которою читатель «Отечественныхъ Записокъ» имѣлъ случай недавно познакомиться, очень вѣрна, но грѣшитъ излишнею мягкостью и тонкостью. То презрѣніе Ренана къ людямъ, о которомъ говоритъ Брандесъ, имѣетъ въ немъ совершенно спеціальное направленіе и въ этомъ направленіи достигаетъ, можно сказать, колоссальныхъ размѣровъ, поражая своею грубостью и откровенностью. Онъ давно уже говорилъ (и приводилъ этимъ въ восторгъ одного изъ нашихъ «самобытниковъ», г. Страхова), что «грубость многихъ есть условіе одного, что потъ многихъ позволяетъ немногимъ вести благородную жизнь» и т. п. Наконецъ, въ «Dialogues et fragments philosophiques» онъ предположилъ въ будущемъ образованіе, путемъ подбора, особенной, высшей породы людей, которые собственно даже не люди будутъ, а въ родѣ какъ боги. Эти боги, обладая высшими тайнами науки и огромными, чисто органическими, физіологическими преимуществами, будутъ держать «грубую» и «потную» толпу въ черномъ тѣлѣ, постоянномъ страхѣ и повиновеніи...

Что же въ это время дѣлалъ учитель? Учитель... мямлилъ. Онъ говорилъ, напримѣръ: «Нельзя не пожалѣть, хотя, быть можетъ, это не совсѣмъ разумно, о быстротѣ, съ какою размножается человѣчество». Или: «Мы должны безропотно примириться съ несомнѣнно пагубными послѣдствіями сохраненія жизни и размноженія слабыхъ людей». Или еще: «Преступниковъ казнятъ или подвергаютъ долгосрочному тюремному заключенію, такъ что они не могутъ свободно передавать потомству свои дурныя качества. Меланхоликовъ и сумасшедшихъ запираютъ или они кончаютъ самоубійствомъ. Люди задорные и запальчивые часто погибаютъ насильственною смертью». Такимъ образомъ, значитъ, и въ обществѣ происходитъ процессъ естественнаго подбора лучшихъ и погибели худшихъ. Но кто же эти лучшіе и эти худшіе? Обратите вниманіе на колеблющійся, нерѣшительный тонъ Дарвина, какъ только рѣчь заходитъ о человѣческихъ житейскихъ дѣлахъ, а также опять-таки на спеціальный недостатокъ его, вообще столь богатаго воображенія. Онъ не можетъ себѣ представить общества, въ которомъ преступниками считались бы и, слѣдовательно, подвергались бы казни и долгосрочному тюремному заключенію не худшіе, а, напротивъ, лучшіе. А, кажется, такое общество представить себѣ не трудно. Взять хоть бы, напримѣръ, римское общество, казнившее христіанъ цѣлыми массами. Вѣдь не худшіе же это были? Я ужъ не говорю о томъ, что и самый обыкновенный преступникъ мо-

жетъ обладать всякаго рода достоинствами и быть подвинутымъ на преступленіе неблагопріятными условіями той общественной формы, которой Дарвинъ предоставляетъ рѣшающій голосъ: если она, эта форма рѣшила, что такой-то есть преступникъ, такъ и кончено — онъ худшій, онъ долженъ погибнуть. Ясно, что для сортировки лучшихъ и худшихъ, сильныхъ и слабыхъ критерій успѣха недостаточенъ, и что ходъ вещей на землѣ далеко не столь безостановочно радостенъ, какъ его рисуютъ дарвинисты.

Это не замедлило обнаружиться и въ области природы, внѣ человѣка лежащей. Самъ Дарвинъ обратилъ вниманіе, что бываютъ несомнѣнные изъяны въ организаціи, которые, однако, при извѣстныхъ условіяхъ полезны. Такъ, напримѣръ, пещернымъ животнымъ глаза не нужны и только даромъ поглощаютъ извѣстную часть пластическаго матеріала и жизненной силы. Поэтому побѣда останется здѣсь за слѣпыми. Нѣкоторые спеціальныя изслѣдованія, особенно о жизни и строеніи паразитовъ, показали, что происходящее при подобныхъ условіяхъ пониженіе организаціи, регрессъ достигаетъ иногда чудовищныхъ размѣровъ. А разъ въ розовую, оптимистическую картину безостановочно прогрессирующей, путемъ борьбы и подбора, жизни вошла возможность регресса и побѣды худшихъ, поколебались и самые принципы борьбы и подбора, какъ творческія начала. Одинъ безъимянный нѣмецъ (Ungenannter) издалъ остроумную пародію на теорію Дарвина, въ которой аргументами, подчасъ весьма благовидными, доказывалъ, что жизнь вообще регрессируетъ и что въ частности обезьяна произошла отъ человѣка, и именно путемъ борьбы и подбора. Это была, конечно, шутка, но остроумная, умѣстная и, если можно такъ выразиться, отрезвляющаго характера. Затѣмъ одинъ нѣмецкій ученый (Дорнъ) издалъ уже серьёзное сочиненіе, въ которомъ развивалъ мысль, что асцидіи, признаваемыя нѣкоторыми дарвинистами за родоначальниковъ человѣка, сами произошли отъ позвоночныхъ путемъ постепеннаго и продолжительнаго регрессированія. Сколько мнѣ извѣстно, если не вся работа Дорна, то нѣкоторыя ея частности были встрѣчены спеціалистами благопріятно.

Надо замѣтить, что самые непреклонные изъ дарвинистовъ, встрѣчаясь съ нѣкоторыми фактами несомнѣннаго, ничѣмъ не замаскированнаго регресса организаціи и торжества худшихъ, такъ и должны были отзываться, что вотъ это, дескать, регрессъ и торжество худшихъ. Это само собой наводило на мысль, что должно же существовать какое-нибудь мѣрило для худшихъ и лучшихъ, независимое отъ успѣха или не успѣха, торжества или гибели. Дарвинисты и искали этого мѣрила въ такъ называемомъ законѣ Бэра, который, однако, никогда не былъ ими проводимъ вполнѣ послѣдовательно.

Обсужденіе этого пункта завело бы, однако, насъ слишкомъ далеко, да и уже много разъ мы объ этомъ толковали. Мы хотѣли только помянуть «великаго буржуа-натуралиста», такъ

сильно занимавшаго современниковъ и нынѣ мирно покоющагося въ Вестминстерскомъ аббатствѣ. Впрочемъ, собственно въ нашей жизни Дарвинъ и его ученіе не играли большой роли. Если не считать ничтожной горсти спеціалистовъ, на работахъ которыхъ дарвинизмъ, такъ или иначе, отозвался, то окажется лишь масса людей, праздно-болтающихъ и мало-понимающихъ, что доказывается, напримѣръ, газетными сближеніями дарвинизма съ съ «динамитомъ». На дѣлѣ между этими вещами нѣтъ ровно никакой связи, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ есть даже связь противоположности. Но у насъ, какъ и вездѣ, есть поприще для практическаго приложенія и теоретической провѣрки теоріи Дарвина. Законы измѣнчивости, наслѣдственности, приспособленія, борьбы за существованіе, подбора писаны и для насъ. А потому, оглядываясь на свое тысячелѣтнее прошлое, мы можемъ задаться не безъинтереснымъ вопросомъ: всегда ли у насъ торжествовали лучшіе и погибали худшіе? Всякій, я думаю, согласится, что отнюдь не всегда, хотя въ разборкѣ лучшихъ и худшихъ произойдутъ, разумѣется, разногласія. Не будемъ входить въ эти подробности и разнообразіе точекъ зрѣнія на достоинство и низость, добро и зло, истинную силу и истинное ничтожество. Скажемъ вообще: пусть покроются позоромъ тѣ страницы русской исторіи, на которыхъ записано торжество мерзости и гибель достоинства! пусть въ будущемъ празднуетъ побѣду лишь то, что сильно внутренней, собственной силой, а не заемной, не той, которая почерпается въ уродливыхъ обстоятельствахъ времени и мѣста, какъ почерпаютъ свою силу слѣпыя животныя въ условіяхъ пещерной жизни.

А въ заключеніе позвольте повторить вопросъ, которымъ я закончилъ прошлую бесѣду: пить или не пить? вотъ въ чемъ вопросъ; что благороднѣе? Въ Кадниковѣ говорятъ, что благороднѣе не пить. Въ Петроковѣ говорятъ, что благороднѣе пить, потому что этимъ способомъ успѣшно пополняются государственные доходы. Пародируя и даже не пародируя, а просто перелагая вышеприведенныя слова Дарвина о злобѣ пчелы-матки, можно рѣшить вопросъ такъ: «Хотя это намъ и трудно, но намъ слѣдуетъ восхищаться дикимъ пьянствомъ русскаго мужика, ибо это несомнѣнно полезно обществу». Но возможно, конечно, и совершенно противоположное рѣшеніе. Но для этого другого рѣшенія, и особенно для его осуществленія, надо помнить, что нетолько свѣту, что въ окошкѣ, и что общественныя формы преходящи.

Н. М.

ПО ПОВОДУ ВНУТРЕННИХЪ ВОПРОСОВЪ.

18-го апрѣля было опубликовано въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» новое Положеніе о полицейскомъ надзорѣ, учреждаемомъ по распоряженію административныхъ властей. Слухъ объ этомъ положеніи проникъ въ печать задолго до его распубликованія и интересовалъ, разумѣется, весьма многихъ, такъ какъ касался кого-нибудь близкихъ, родныхъ или знакомыхъ. Газеты сообщали, что въ основаніе проэкта новаго положенія будетъ положено, съ одной стороны, желаніе установить предѣлъ стѣсненіямъ, которымъ могутъ быть подвергнуты поднадзорные, а, съ другой, положить конецъ «нерѣдко господствующему въ этой сферѣ административному произволу» («Совр. Изв.», «Нов. Вр.» и др.). Задача составителей проэкта, говорили газеты, регулировать положеніе поднадзорныхъ и установить *незыблемыя границы*, за которыя не могло бы заходить личное усмотрѣніе, такъ что новое положеніе должно было явиться нетолько замѣною и систематизаціею разныхъ временныхъ правилъ, инструкцій и предписаній, часто противорѣчившихъ другъ другу и вызванныхъ минутой или какимъ-нибудь частнымъ случаемъ, но и «поступательнымъ шагомъ въ отношеніи существующаго порядка вещей». Въ связи съ этимъ въ печать проникали слухи и о томъ, что особое совѣщаніе, состоящее при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, подъ предсѣдательствомъ товарища министра Готовцева, изъ оберъ-прокуроровъ Евреинова, Перфильева, генерала Зурова и директора департамента государственной полиціи Плеве, еженедѣльно разсматриваетъ по 50 прежнихъ дѣлъ («Рус. Вѣд.», № 22) и торопится ихъ окончаніемъ. По словамъ «Правит. Вѣстн.», всѣ такія дѣла предполагалось окончить разсмотрѣніемъ въ теченіи нынѣшняго лѣта [1], причемъ многіе изъ поднадзорныхъ должны были быть освобождены отъ надзора, за недостаточностью поводовъ, а остальные подведены подъ дѣйствіе новыхъ правилъ. Познакомимся, въ наиболѣе существенныхъ чертахъ, съ этими новыми правилами, какъ они опредѣляются Положеніемъ 12-го марта 1882 г., опубликованнымъ 18-го апрѣля.

---

[1] Къ половинѣ апрѣля уже было разсмотрѣно 1509 дѣлъ.

Полицейскій надзоръ учреждается надъ лицами, вредными для общественнаго спокойствія, порядкомъ, указаннымъ въ ст. 32—36 Положенія 14-го августа 1881 г. о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія и ст. 1045, ч. 2, т. XV уст. уг. суд., изд. 1876 г. Къ лицамъ, отданнымъ подъ надзоръ полиціи въ силу судебныхъ приговоровъ, а равно находящимся: а) подъ надзоромъ негласнымъ, и б) подъ надзоромъ, учрежденнымъ на основаніи существующихъ узаконеній внѣ порядка, опредѣленнаго вышеприведенною статьею, новое положеніе не примѣняется. Полицейскій надзоръ учреждается въ силу самаго водворенія лица въ опредѣленную мѣстность и на срокъ для него опредѣленный; но можетъ быть учрежденъ и на мѣстѣ жительства лица, «и въ семъ послѣднемъ случаѣ, при учрежденіи надзора, должна быть опредѣлена и продолжительность онаго, но на срокъ не свыше пяти лѣтъ» (статьи 2 и 3). Отъ лица, отданнаго подъ надзоръ полиціи, отбираются документы о его званіи и видъ на жительство, взамѣнъ которыхъ ему выдается особое свидѣтельство на проживаніе въ назначенной мѣстности, безъ означенія въ немъ того, что лицо находится подъ надзоромъ полиціи; а отобранные документы хранятся въ томъ полицейскомъ учрежденіи, подъ надзоромъ котораго лицо должно находиться. Поднадзорный не имѣетъ права отлучки изъ опредѣленнаго ему мѣста безъ разрѣшенія надлежащей власти; а въ городахъ, при перемѣнѣ квартиры, обязанъ доносить объ этомъ въ теченіи сутокъ мѣстной полиціи. Временныя отлучки разрѣшаются поднадзорнымъ только по особоуважительнымъ причинамъ и при одобрительномъ ихъ поведеніи, въ предѣлахъ уѣзда — мѣстнымъ начальникомъ полиціи, въ предѣлахъ губерніи — губернаторомъ и въ другія губерніи—министромъ внутреннихъ дѣлъ. Получающему разрѣшеніе на отлучку выдается проходное свидѣтельство и маршрутъ. Въ проходномъ свидѣтельствѣ обозначается: а) имя, отчество, фамилія и особыя примѣты поднадзорнаго; б) мѣсто, въ которое разрѣшена ему отлучка; в) срокъ, на который она разрѣшена, и г) обязанность явиться по прибытіи не позже сутокъ къ мѣстной полицейской власти. Въ маршрутѣ описывается точно и подробно тотъ путь, по которому обязанъ слѣдовать поднадзорный отъ мѣста своего жительства до мѣста отлучки. Останавливаться на пути, за исключеніемъ случаевъ болѣзни или другихъ непреодолимыхъ причинъ, о чемъ немедленно должно быть заявлено мѣстной полиціи и сдѣлана ею отмѣтка на проходномъ свидѣтельствѣ, воспрещается. Мѣстность, куда отлучается поднадзорный, опредѣляется точно (городъ, село, посадъ и т. п.); передъ отправленіемъ въ путь, какъ изъ мѣстожительства, такъ и временнаго пребыванія, онъ обязанъ явиться къ мѣстной полицейской власти, которая отмѣчаетъ на проходномъ свидѣтельствѣ время, когда онъ отправляется въ путь. Поднадзорный можетъ быть возвращенъ изъ разрѣшенной ему отлучки и ранѣе опре-

дѣленнаго срока, если это будетъ признано нужнымъ лицами, разрѣшившими отлучку, или если власти въ мѣстѣ временнаго его пребыванія найдутъ поведеніе его предосудительнымъ. Поднадзорный обязывается вездѣ являться въ полицію по первому ея требованію; мѣстная полиція имѣетъ право входа въ его квартиру во всякое время и имѣетъ право производить у него обыски и выемки, составляя объ этомъ протоколъ. Губернаторъ можетъ воспретить поднадзорному хранить у себя оружіе. Занятія поднадзорныхъ опредѣляются новымъ Положеніемъ слѣдующимъ образомъ: поднадзорные не могутъ состоять ни на государственной, ни на общественной службѣ, но могутъ быть допускаемы въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ къ письменнымъ занятіямъ по найму, для чего, однако, требуется всякій разъ испрашивать на то разрѣшеніе у министра внутреннихъ дѣлъ. Затѣмъ, поднадзорные не могутъ быть: учредителями, предсѣдателями и членами въ частныхъ обществахъ и компаніяхъ, предсѣдателями и членами конкурсныхъ управленій, опекунами и попечителями. Имъ воспрещаются: 1) всякая педагогическая дѣятельность, 2) принятіе къ себѣ учениковъ для обученія ремесламъ и искуствамъ, 3) чтеніе публичныхъ лекцій, 4) участіе въ публичныхъ засѣданіяхъ ученыхъ обществъ, 5) въ сценическихъ представленіяхъ, 6) вообще всякаго рода публичная дѣятельность, 7) содержаніе типографій, литографій, фотографій, библіотекъ и служба при нихъ, въ качествѣ приказчиковъ, конторщиковъ, смотрителей и рабочихъ, 8) торговля книгами и всѣми принадлежностями и произведеніями тисненій и 9) содержаніе трактирныхъ и питейныхъ заведеній, а равно и торговля питіями (ст. 21—24). Лица поднадзорныя не могутъ быть принимаемы въ правительственныя, общественныя и частныя учебныя заведенія иначе, какъ съ особаго на то разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ, даваемаго по соглашенію съ учебнымъ начальствомъ. Они не могутъ ходатайствовать по судебнымъ дѣламъ, за исключеніемъ только дѣлъ, относящихся до нихъ самихъ, ихъ родителей, женъ и дѣтей. Они не могутъ заниматься врачебной, акушерской или фармацевтической практикою, если на это не послѣдуетъ спеціальнаго разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ (25—27). «Всѣ остальныя занятія, дозволенныя закономъ, разрѣшаются поднадзорнымъ, но съ тѣмъ, что отъ мѣстнаго губернатора зависитъ воспретить поднадзорному избранное имъ занятіе, если оно сему послѣднему служитъ средствомъ осуществленія его предосудительныхъ замысловъ, или по мѣстнымъ условіямъ представляется опаснымъ для общественнаго порядка и спокойствія» (ст. 28). О всякомъ такомъ воспрещеніи и объ основаніяхъ къ оному губернаторъ доводитъ до свѣдѣнія министра внутреннихъ дѣлъ, отъ котораго, если онъ то признаетъ нужнымъ, зависитъ отмѣнить сіе воспрещеніе. Министру внутреннихъ дѣлъ предоставляется воспрещать поднадзорнымъ непосредственное полученіе

ими ихъ частной почтовой и телеграфной корреспонденціи. Тогда всѣ письма и депеши поднадзорнаго препровождаются почтовымъ и телеграфнымъ вѣдомствами на просмотръ въ губернскихъ городахъ—начальнику жандармскаго управленія, а въ уѣздныхъ къ исправнику, которые либо задерживаютъ корресподенцію, либо передаютъ адресату. Точно также и вся предполагаемая поднадзорнымъ къ отправкѣ корреспонденція подлежитъ просмотру въ томъ же порядкѣ (ст. 29). За неисполненіе правилъ и неявку изъ разрѣшенной отлучки къ сроку, поднадзорные подвергаются аресту при полиціи: 1) начальникомъ мѣстной уѣздной или городской полиціи — до трехъ сутокъ; 2) по распоряженію губернатора — до семи дней, и 3) по предписанію министра внутреннихъ дѣлъ— до одного мѣсяца; въ послѣднемъ случаѣ арестъ можетъ быть назначенъ при тюрьмѣ, хотя бы поднадзорный, по правамъ состоянія, и подлежалъ аресту при полиціи. За самовольную же отлучку поднадзорные подвергаются суду и наказанію по ст. 63 уст. о нак. налаг. мир. суд. (ст. 32). Лица, высланныя подъ надзоръ полиціи и не имѣющія собственныхъ средствъ существованія, а равно и послѣдовавшія за ними ихъ семейства, получаютъ отъ казны пособіе на основаніи существующихъ узаконеній (ст. 34—6). Но поднадзорные, «уклоняющіеся отъ занятій по лѣности, дурному поведенію или привычкѣ къ праздности—лишаются права на пособіе отъ казны.» (ст. 37). Поднадзорные, заслуживающіе своимъ поведеніемъ и образомъ жизни облегченія своего положенія, могутъ быть, по представленіямъ мѣстныхъ губернаторовъ и съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ, освобождаемы отъ нѣкоторыхъ стѣснительныхъ для нихъ мѣръ надзора, а равно и отъ нѣкоторыхъ ограниченій ихъ правъ по отношенію къ выбору ими занятій, но «въ чемъ должно заключаться сіе облегченіе и отъ какихъ стѣснительныхъ мѣръ и ограниченій правъ на занятіе могутъ быть освобождены сіи лица—зависитъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ.» (ст. 30). По истеченіи срока надзора или по отмѣнѣ его, въ силу особаго ходатайства губернаторовъ, убѣдившихся, что поднадзорный «представляетъ достаточное ручательсво въ исправленіи» (ст. 31), мѣстная полиція объявляетъ объ этомъ поднадзорному и возвращаетъ обратно отобранные у него документы (39). Въ случаѣ неимѣнія у такихъ освобожденныхъ отъ надзора и ихъ семей средствъ для отъѣзда изъ мѣста водворенія, имъ предоставляется право на пособіе отъ казны, согласно Высочайшему повелѣнію 10-го января 1881 года, но и это въ томъ только случаѣ, если «о способѣ препровожденія ихъ на родину не послѣдуетъ особаго распоряженія министра внутреннихъ дѣлъ» (40).

Таковы новыя правила, изъ которыхъ состоитъ новое Положеніе о поднадзорныхъ. Правила эти, собственно говоря, не представляютъ собою ничего новаго, такъ какъ всѣ они у насъ практиковались. Но они не были до сего времени облечены въ форму закона, и потому на нихъ можно было смотрѣть лишь какъ на

чрезвычайныя мѣры, вызванныя обстоятельствами минуты, мѣры во всякомъ случаѣ временныя. Положимъ, что и законъ не составляетъ вѣчнаго акта, котораго законодатель не могъ бы измѣнить, замѣняя его новымъ закономъ или отмѣняя совершенно; но всякій, конечно, согласится, что это не особенно удобно: на законъ всѣ смотрятъ какъ на нѣчто болѣе или менѣе незыблемое и гораздо болѣе прочное, чѣмъ временныя правила, циркуляры и инструкціи административныхъ лицъ, которыя мѣняются вмѣстѣ со смѣною этихъ лицъ. Новый же законъ несомнѣнно возводитъ полицейскій надзоръ въ порядокъ, въ систему, и создаетъ цѣлый особый разрядъ людей, которые признаются только «вредными для общественнаго спокойствія», которые не представляютъ собою осужденныхъ закономъ преступниковъ, но самая преступность которыхъ и вредъ для общественнаго спокойствія опредѣляются не судебнымъ порядкомъ, а административнымъ, и которые, между тѣмъ, становятся въ совершенно особое положеніе и несутъ наказаніе. Полицейскій надзоръ, какъ онъ опредѣленъ новыми правилами, не представляетъ собою одного только предохраненія и огражденія установленныхъ основъ общежитія отъ опаснаго человѣка, не лишаетъ послѣдняго только возможности такъ или иначе вредить обществу, но и является для него несомнѣннымъ наказаніемъ, которое сопряжено для него съ пріостановкою его гражданскихъ правъ, матеріальнымъ ущербомъ и ограниченіемъ свободы, и можетъ быть приравненъ въ этомъ послѣднемъ отношеніи (въ особенности при высылкѣ поднадзорнаго въ другое мѣсто жительства) къ ссылкѣ на житье, которая, какъ извѣстно, по нашему уложенію о наказаніяхъ, причисляется къ разряду тяжелыхъ наказаній, прямыхъ или дополнительныхъ. Положимъ, что это наказаніе исправительное, но, тѣмъ не менѣе, настоящее наказаніе. И тюрьма есть наказаніе исправительное, и конечная цѣль всякаго наказанія есть, сверхъ огражденія общества отъ вреда, исправленіе преступника, по крайней мѣрѣ, съ точки зрѣнія современнаго уголовнаго права. Разъ полицейскій надзоръ является наказаніемъ, мы вправѣ взглянуть на него съ точки зрѣнія науки уголовнаго права. Съ этой безстрастной точки зрѣнія новое Положеніе остается все-таки закономъ исключительнымъ, потому что не удовлетворяетъ весьма важнымъ условіямъ права: индивидуальности наказанія, его вознаградимости, вліятельности и обезпечительности для общества и въ особенности условію опредѣленія виновности человѣка путемъ судебнаго процесса и назначенія ему наказанія по суду, а не по личному административному усмотрѣнію. Это — вопросы не формы только и процедуры судопроизводства, а самой сущности права. Признаки — совершилъ человѣкъ извѣстное дѣяніе или нѣтъ, участвовалъ какимъ нибудь образомъ въ совершеніи противузаконнаго поступка или нѣтъ, опредѣляются на судѣ съ гораздо большею достовѣрностью, чѣмъ въ самой совершенной префектурѣ, хотя бы въ ней и участвовали юристъ-

консульты; а это въ данномъ случаѣ въ особенности важно потому, что вопросъ идетъ не о такихъ дѣяніяхъ, за которыя человѣкъ подлежитъ преданію суду и соотвѣтственной карѣ, а о такихъ случаяхъ, когда въ дѣяніи его не заключается ясно выраженнаго проступка, а имѣется только указаніе на возможность преступленія въ будущемъ. Что опредѣленіе какъ виновности, такъ и вредности извѣстнаго лица для общественнаго спокойствія имѣетъ въ общемъ порядкѣ судебнаго производства гораздо больше гарантій отъ ошибокъ и пристрастія, чѣмъ во всякомъ другомъ порядкѣ, объ этомъ могли спорить только нѣмецкіе криминалисты конца XVIII вѣка, но и въ то время, рядомъ съ Фейербахомъ и Бейзеромъ, стояли уже такіе люди, какъ Беммеръ и Эйзенгардъ, которые доказывали, что примѣненіе наказаній по подозрѣнію принадлежитъ только суду, а не полиціи, и такіе люди, какъ Клейншродъ, которые убѣждали, что даже въ случаѣ сильнаго подозрѣнія не можетъ быть и рѣчи о наказаніи. Въ началѣ XIX ст. о превосходствѣ суда никто уже не спорилъ даже въ Германіи и криминалисты почти единодушно склонились въ пользу суда, придерживаясь еще, впрочемъ, того мнѣнія, что судъ, произнеся absolutio ad instantia, имѣетъ право указать полиціи на мѣры, которыя она должна принять для безопасности общества отъ подозрѣваемаго; но не долго держался и этотъ взглядъ, уступивъ другому, давно уже принятому въ Англіи и Франціи взгляду, въ которомъ нѣтъ уже и помину о правѣ и власти полиціи подвергать гражданъ наказаніямъ подъ именемъ принятія мѣръ безопасности. Наказаніе по подозрѣнію, игравшее когда-то огромную роль въ уголовной практикѣ и имѣвшее въ виду не удостовѣреніе точно опредѣленнаго факта виновности человѣка, а опредѣленіе общаго настроенія его ума и воли, совершенно и давно уже оставлено въ Европѣ. Во всякомъ курсѣ уголовнаго права есть непремѣнно главы или параграфы, трактующіе о значеніи подозрѣнія въ уголовной системѣ. Возьмемъ только что вышедшій «Элементарный учебникъ уголовнаго права» кіевскаго профессора Кистяковскаго и посмотримъ, что говорится тамъ по этому поводу. Оставимъ въ сторонѣ тѣ темныя страницы исторіи, когда преслѣдованіе дурныхъ помысловъ составляло главный характеръ системы уголовнаго права, когда для доказательства дурныхъ помышленій принимались за достовѣрныя показанія дѣтей, доносчиковъ и клеветниковъ, когда самые сомнительные факты объяснялись въ пользу обвиненія, а не оправданія. Времена эти прошли. Изъ всѣхъ исключительныхъ преступленій остались одни только политическія преступленія и изъ всѣхъ экстраординарныхъ наказаній только наказанія за эти преступленія. Вопросъ объ экстраординарныхъ наказаніяхъ по подозрѣнію, профессоръ Кистяковскій называетъ послѣднимъ средствомъ, къ которому прибѣгла старая наука уголовнаго права.

«Положеніе вопроса о подозрѣніи въ системѣ уголовнаго права,

говоритъ онъ:—измѣнилось существеннымъ образомъ съ отмѣною тѣхъ институтовъ, съ которыми онъ былъ тѣсно связанъ — съ отмѣной пытки, произвола судей, съ уничтоженіемъ понятія объ исключительныхъ преступленіяхъ, частію вслѣдствіе полнаго исчезновенія нѣкоторыхъ изъ этихъ преступленій изъ сознанія, частію вслѣдствіе уравненія ихъ со всѣми прочими» (106). Общественная совѣсть до того была проникнута сознаніемъ несправедливости этихъ учрежденій, что въ слагавшейся въ половинѣ и концѣ XVIII в. новой наукѣ уголовнаго права въ защиту ихъ не было ни слова; а теперь эта наука «стала лицомъ къ лицу съ необходимостью произнести свое рѣшеніе касательно вопроса о подозрѣніи, оставшемся одинокимъ послѣ отмѣны столь глубоко родственныхъ ему учрежденій» (107). Рѣшеніе это уже и произнесено, хотя не вездѣ, такъ какъ, къ сожалѣнію, и наука не всегда руководится однимъ только безпристрастіемъ и истиною, а платитъ нерѣдко дань общественному устройству страны и несетъ на себѣ печать зависимости и субъективности. Англія въ этомъ случаѣ первая приняла формулу, что «безъ суда ни противъ кого не можетъ быть, хотя бы изъ видовъ общественной безопасности, принята какая-нибудь мѣра, имѣющая равносильное значеніе наказанію». «Тотъ же принципъ признанъ былъ въ концѣ XVIII в. основнымъ для уголовнаго права Франціи, хотя въ практикѣ его очень часто оспаривали и нагло нарушали» (ibid.). Въ Германіи же, напротивъ, до конца XVIII в. держалось мнѣніе, что въ случаѣ недостаточности доказательствъ вины извѣстнаго лица, когда существуетъ противъ него подозрѣніе, къ нему можетъ быть примѣнено «не наказаніе, какъ выражались изворотливые нѣмецкіе криминалисты, *а мѣра безопасности*, состоящая въ лишеніи свободы, въ запрещеніи выѣзда изъ одного мѣста въ другое, въ ссылкѣ въ болѣе или менѣе отдаленную мѣстность и, наконецъ, во взятіи залога». Одни, какъ Захаріэ, мѣры безопасности прямо называли наказаніями и открыто стояли за экстраординарныя наказанія, другіе, какъ Клейнъ, силились убѣдить, что «мѣры безопасности существеннымъ образомъ отличаются отъ наказаній, что онѣ не обидны тому, къ кому примѣняются, и не могутъ считаться зломъ» (108). Въ этомъ пунктѣ нѣмецкая наука уголовнаго права, говоритъ проф. Кистяковскій: — сдѣлала шагъ назадъ, въ сравненіи съ наукою предшествовавшихъ вѣковъ; та «откровенно, прямо и послѣдовательно защищала свои нелѣпыя учрежденія, тогда какъ первая принуждена была прибѣгать къ противному здравому смыслу доктринаризму и фарисейскимъ изворотамъ, чтобы отстоять остатки тиранической юстиціи прежнихъ вѣковъ и выдавать его за нѣчто новое. Генеке тогда же замѣтилъ, что для гражданина нѣтъ никакого различія между тою ссылкою и заключеніемъ, которыя будутъ опредѣлены судьей въ видѣ наказанія, и таковыми же, если онѣ будутъ опредѣлены судьей или полиціей въ видѣ мѣръ безопасности государ-

ства. Ссылка и наказаніе останутся тѣмъ же зломъ и тою же обидою для гражданина», съ тѣмъ только великимъ различіемъ, что ссылка и лишеніе свободы въ видѣ наказанія за доказанное преступленіе не могутъ быть такъ обидны для лица, заслужившаго ихъ, какъ ссылка и наказаніе для лица ихъ не заслужившаго, къ которому онѣ примѣняются въ видѣ мѣръ безопасности, являясь *ничѣмъ инымъ, какъ произвольнымъ лишеніемъ гражданина его правъ* за то, что̀ не доказано и что̀ поэтому не можетъ считаться существующимъ. Въ этомъ случаѣ онѣ, какъ причиненіе всякаго незаслуженнаго зла, должны считаться «высшей степени обидою и несправедливостью для гражданина». Нѣмецкая наука начала XIX ст., по вопросу о подозрѣніи, говоритъ пр. Кистяковскій, «въ сущности оставалась на точкѣ зрѣнія отошедшихъ вѣковъ; ей оставалось чуждымъ выработанное реформаторскою литературою новое ученіе о томъ, что помимо точнаго опредѣленія закона, помимо судьи, дѣйствующаго на основаніи положительнаго закона, помимо вины, вполнѣ и при томъ путемъ уголовнаго процесса доказанной, никто, ни подъ какимъ предлогомъ, не можетъ быть лишенъ ни свободы, ни права мѣстопребыванія въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ считаетъ выгоднымъ для себя оставаться» (108). Все это, впрочемъ, какъ мы уже сказали выше, измѣнилось къ лучшему, въ смыслѣ торжества приведенныхъ истинъ; но «чтобы юридическое сознаніе нѣмецкаго народа проникло́сь этими истинами, требовалось, чтобы произошла перемѣна въ распредѣленіи власти между различными органами въ государствѣ» (ibid.). Вообще, исключительное положеніе и исключительныя правила, какъ въ процессуальномъ, такъ и въ уголовномъ отношеніи, не одобряются наукою XIX вѣка и для единственнаго оставшагося вида исключительныхъ преступленій—преступленій государственныхъ. Ясное дѣло, что мы дѣйствуемъ въ данномъ случаѣ подъ вліяніемъ исключительныхъ обстоятельствъ и платимъ дань старинѣ. «Эти исключительныя правила, говоритъ цитируемый мною «Элементарный учебникъ»: — прямо клонились во вредъ невинности». Въ процессуальномъ отношеніи законныя гарантіи для личности обвиняемаго, состоящія въ правомѣрномъ примѣненіи способовъ явки въ судъ, были попираемы; наконецъ, самый судъ производился не въ разъ установленныхъ навсегда судахъ, а въ комиссіяхъ, составленныхъ на данный случай» (114). Въ отношеніи наказаній, вовсе не примѣнялось правило объ опредѣленіи различныхъ видовъ и формъ преступности: «Умыселъ, приготовленіе, покушеніе и совершеніе, разные виды и степени участія, даже простая прикосновенность въ видѣ недонесенія, были подведены подъ одинъ уровень виновности и наказуемости». Наука XIX вѣка примѣнила и къ этимъ преступленіямъ общія правила новаго уголовнаго права, а потому «она требуетъ примѣненія къ нимъ общихъ началъ судоустройства и судопроизводства, внесенія постепенности въ виновность по ея дѣйствительной

важности, общихъ началъ ученія о покушеніи, объ участіи въ преступленіи» (115). Кромѣ того, совершенно въ противоположность старымъ теоріямъ, новая наука «подмѣтила въ этихъ преступленіяхъ одну черту, которую *можно, пожалуй, назвать исключительною*, только не въ смыслѣ отягченія вины, какъ смотрѣли въ прошедшіе вѣка, а въ смыслѣ смягченія»: выходя изъ положенія и глубоко проникшись ученіемъ, что причиненіе какого бы то ни было вреда, «хотя бы самаго тяжкаго», не можетъ составить наказуемаго преступленія, если въ причиненіи его не участвовала злая и развращенная воля, криминалисты замѣтили, что «между волею, совершающею такія преступленія, какъ убійство, поджогъ, воровство, и волею, совершающею политическія преступленія, есть существенная разница. Первая содержитъ въ себѣ болѣе зла, болѣе распущенности, разврата и субъективности, чѣмъ вторая, которая въ большинствѣ случаевъ есть только воля заблуждающаяся, есть увлеченная ложно понятымъ общественнымъ благомъ, и нерѣдко только рвущаяся рано къ совершенію того, что позднѣе принимается и усвояется всѣми». Отсюда въ наукѣ нашего столѣтія постоянно обнаруживалось стремленіе смягчить наказанія за эти преступленія, что «главнымъ образомъ выразилось въ требованіи отмѣны смертной казни за политическія преступленія» (ibid.).

Такъ говоритъ «Элементарный учебникъ», и тѣмъ болѣе все это можетъ относиться къ наказанію по подозрѣнію, о которомъ мы собственно и говоримъ. Чрезвычайно легко, конечно, закричать, что это неблагонамѣренно, но чрезвычайно также не трудно доказать, что всякое наказаніе, превышающее мѣру необходимости сохраненія общественнаго благосостоянія, приводило къ совершенно обратнымъ результатамъ, чѣмъ тѣ, которые имѣлось въ виду получить. Я думаю, что я избавленъ отъ необходимости доказывать это, такъ какъ это уже болѣе ста лѣтъ тому назадъ было высказано и доказано гг. Монтескье и Беккаріа, въ авторитетѣ которыхъ, вѣроятно, никто не сомнѣвается. Я говорю только одно, что въ области уголовной политики нельзя игнорировать уголовную науку, нельзя не принимать въ соображеніе ея нетолько крѣпко обоснованныхъ теорій и положеній, но и зачатковъ новыхъ ученій. Безполезность ссылки (какъ ссылки) и лишенія свободы для огражденія общественной безопасности и исправленія преступника неоднократно доказывалась нетолько въ наше время, но даже въ началѣ XVIII вѣка (J. Ficher). Она не удовлетворяетъ и одному изъ первыхъ требованій уголовнаго права, чтобы наказаніе непремѣнно было индивидуальнымъ, ибо «заключеніемъ въ тюрьму, а еще больше ссылкою нерѣдко наносится самый разрушительный ударъ экономической жизни цѣлой семьи, которая тѣмъ болѣе можетъ потерпѣть отъ неблагопріятныхъ послѣдствій наказанія своего главы или своего кормильца, чѣмъ болѣе она сама по себѣ не обезпечена» (ibid. 770). Она не удовлетворяетъ и дру-

гимъ условіямъ наказанія: отмѣнимости и вознаградимости, въ случаѣ ошибки, такъ какъ «нельзя отмѣнить и возвратить часть проведеннаго времени въ ссылкѣ, въ каторжныхъ работахъ и тюрьмѣ» (772); обезпечительности, которая тождественна, по взгляду современныхъ криминалистовъ, съ исправительностью, а ссылка далеко не всегда исправляетъ и очень часто только еще болѣе ожесточаетъ человѣка и т. д. Она, наконецъ, не гарантируетъ общества и въ болѣе широкомъ смыслѣ, въ смыслѣ уменьшенія преступленій вообще: очищеніе метрополіи отъ преступныхъ элементовъ совершается въ счетъ наполненія ими колоній и отдаленныхъ провинцій. «Это, говоритъ профессоръ Кистяковскій:—есть только перемѣщеніе вредныхъ для общественной безопасности субъектовъ», перемѣщеніе, не гарантирующее страну ни отъ совершенія новыхъ преступленій, ни отъ побѣговъ старыхъ преступниковъ изъ мѣстъ ссылки и даже изъ тюремъ. Для самихъ же преступниковъ даже «простая ссылка является гибельною: переселенные въ отдаленную территорію, свойства и бытъ которой имъ неизвѣстны, лишенные прочныхъ средствъ къ жизни, они должны погибнуть среди неблагопріятныхъ условій» (816). Если мы обратимъ вниманіе на одни только условія передвиженія людей въ мѣста ссылки, которыя существовали у насъ до постройки желѣзныхъ дорогъ, то поймемъ, что одно уже это обстоятельство могло значительно подрывать человѣческое здоровье: ссыльные шли по этапу и зиму, и лѣто, голодали, мокли отъ осеннихъ дождей, холодали, ознабливали руки и ноги (о чемъ говорилось даже въ указахъ), съѣдались паразитами и проводили въ дорогѣ только до Тобольска отъ 15 до 18 мѣсяцевъ (831). Но затѣмъ имъ оставалось еще много испытаній: приспособиться къ условіямъ новаго климата, новой обстановки и труда, залечить душевныя муки и тоску по родинѣ и близкимъ людямъ. Смерть отъ тоски по родинѣ, столь извѣстная въ уголовныхъ лѣтописяхъ Сибири, вовсе не пустой звукъ и не пустая уголовная метафора. Отрицать въ преступникѣ присутствіе сердца и того, что мы называемъ душою, никто, конечно, не станетъ, за исключеніемъ развѣ какого-нибудь безсердечнаго тюремщика; а часто среди преступниковъ есть и люди наиболѣе склонные къ тонкимъ душевнымъ движеніямъ. Недавно, 15-го апрѣля, въ нижегородскомъ окружномъ судѣ, безъ присяжныхъ, судился, напримѣръ, за побѣгъ съ острова Сахалина осужденный за убійство ссыльно-каторжный крестьянинъ Камоловъ, обратившій на себя вниманіе разсказомъ о своемъ побѣгѣ и мотивахъ къ нему. Бѣжалъ онъ изъ Дуэ, гдѣ разгружалъ и нагружалъ суда съ хлѣбомъ и углемъ, и бѣжалъ не на большую дорогу, а домой и къ любимой женщинѣ, которую оставилъ въ Балахнинскомъ уѣздѣ; руководимый любовью, на плоту переплылъ онъ къ восточному берегу Азіи, неподалеку отъ устьевъ Амура, и оттуда шелъ два года пѣшкомъ, поддерживаемый тою же любовью и испытывая, конечно, гораздо больше затрудненій, чѣмъ разныя

ученыя экспедиціи и Ж. Вернъ въ своихъ путешествіяхъ. «Шелъ я, заключилъ онъ свою рѣчь:—два года, переплылъ рѣки и море, прошелъ сибирскіе лѣса, горы и степи, никто не тронулъ меня—ни звѣрь, ни человѣкъ, а тутъ вотъ, въ своей деревнѣ, схватили и заковали» («Русскій Курьеръ», № 115). Судъ приговорилъ его къ 20 годамъ каторжной работы въ рудникахъ и 60 ударамъ плетьми, по прибытіи на мѣсто. Но человѣкъ этотъ убійца, и убійца, приговоренный къ наказанію судомъ, а не подозрѣваемый только въ злыхъ умыслахъ и зловредномъ направленіи воли. Когда судъ вторично приговорилъ его къ одному изъ самыхъ тяжкихъ наказаній, то мы жалѣемъ его, конечно, гораздо больше, чѣмъ послѣ приговора за убійство; но и тутъ все-таки есть несомнѣнная, предусмотрѣнная и точно формулированная закономъ вина, такъ что мы, съ формальной, по крайней мѣрѣ, стороны, не можемъ отрицать его виновности и можемъ только говорить о суровости закона, о несовершенствѣ юстиціи, о томъ, что судъ былъ безъ присяжныхъ, которые, вѣроятно, взглянули бы на дѣло снисходительнѣе и т. п. Конечно, это—только формальное утѣшеніе, которое никогда не уничтожитъ сожалѣнія о человѣкѣ по человѣчеству, но въ положеніи о поднадзорныхъ нѣтъ и такого утѣшенія.

Бо̀льшая часть нашей печати отнеслась къ новымъ правиламъ о поднадзорныхъ довольно скептически, какъ въ отношеніи юридической ихъ сущности, такъ и въ отношеніи ихъ практической цѣлесообразности и примѣнимости вообще. Одни о̀рганы указывали, что прекращеніе доступа ко всѣмъ видамъ возможнаго въ провинціи умственнаго труда, затрудняя поднадзорнымъ возможность заработка, ставитъ ихъ въ тяжелое положеніе относительно средствъ къ жизни («Недѣля»). Предположить, что все сводится къ казенному пособію нельзя, потому что одна изъ статей новыхъ правилъ устраняетъ такое предположеніе: казенное пособіе прекращается, если поднадзорные будутъ признаны уклоняющимися по *лѣности*, дурному поведенію и *привычкѣ къ праздности*. Стало быть, говоритъ «Недѣля», поднадзорный все-таки долженъ трудиться и долженъ обязательно принимать всякую работу, какую бы ни указали мѣстныя власти. Если, напримѣръ, мѣстная власть предложитъ «чистку конюшенъ или услуженіе по найму, то поднадзорный долженъ имѣть въ виду, что отказъ отъ этого труда можетъ быть приравненъ къ лѣности и, слѣдовательно, повести за собою лишеніе казеннаго хлѣба». Тоже самое говорили: «Голосъ», «Земство» «Современныя Извѣстія» и другія газеты. Ограничивая свободный выборъ труда, говорятъ «Современныя Извѣстія», «Положеніе не оставляетъ поднадзорному даже вовсе выбора—развѣ идти въ лакеи или въ дровоколы, а не то открыть лавочку. Но на лавочку, хотя бы мелочную, нуженъ капиталъ, который у поднадзорнаго не всегда есть: быть дровоколомъ или носильщикомъ нужна сила, а въ лакеи не возьмутъ. Нельзя не согласиться съ «Голосомъ», что отстраненіе поднад-

зорнаго отъ профессій, требующихъ умственнаго труда, лишаетъ его единственной дѣятельности, которою онъ способенъ добывать хлѣбъ, а вмѣстѣ толкаетъ его въ народъ, слѣдовательно туда, гдѣ онъ можетъ вредить своею пропагандою» (№ 110). Дѣло, конечно, не въ унизительности извѣстныхъ работъ, хотя бы это была даже чистка конюшенъ (чистимъ же мы человѣческія конюшни и даже живемъ въ нихъ, несмотря на то, что онѣ гораздо неопрятнѣе настоящихъ конюшенъ), а въ обязательности этихъ работъ, трудности къ нимъ приспособиться и невозможности, пока не приспособишься, заработывать ими кусокъ насущнаго хлѣба. До извѣстнаго возраста приспособленіе дается легко, въ извѣстномъ возрастѣ—съ трудомъ, а послѣ извѣстнаго возраста становится даже невозможнымъ. Это — не какая-нибудь непривычка пустая и фантастическая, а біологическій законъ, о которомъ можно прочитать въ біологическихъ сочиненіяхъ. Переприспособленіе въ извѣстномъ возрастѣ нетолько невозможно, но и въ высшей степени мучительно для человѣка. Объ этомъ также говорится въ біологическихъ и физіологическихъ книгахъ. Не мы будемъ, конечно, говорить противъ полезности и даже обязательности мускульнаго труда для каждаго человѣка, но не мы будемъ также и доказывать, что чрезмѣрный физическій трудъ не мучитъ, не разрушаетъ и не отупляетъ человѣка. Внезапное и совершенное прекращеніе умственной дѣятельности, которою человѣкъ усиленно жилъ и которою его съ самаго малаго возраста принуждали усиленно заниматься, также не легко достается. Объ этомъ также можно узнать изъ книжекъ по физіологіи мозга, по психологіи и въ особенности по психіатріи. Все это не должны были бы игнорировать наши криминалисты, все это въ особенности они должны были бы помнить, когда рѣчь идетъ вовсе даже не о наказаніи, а о воспрепятствованіи только подозрѣваемому причинить какой-нибудь вредъ согражданамъ. Между тѣмъ, все это создаетъ крайне тяжелую альтернативу для поднадзорнаго. Конечно, эта альтернатива все-таки лучше, чѣмъ еслибы осуществилась мысль «Современныхъ Извѣстій» и поднадзорные были бы взяты гг. исправниками и становыми къ себѣ въ лакеи, взяты подъ давленіемъ голода, этого могущественнаго инстинкта, какъ его называли нѣкоторые экономисты. Тутъ собственно, дѣйствительно, можетъ начаться безпримѣрное униженіе человѣка... И почему «Современныя Извѣстія» думаютъ, что никто изъ гг. исправниковъ и становыхъ не воспользуется этою мыслью и не станетъ и въ самомъ дѣлѣ брать поднадзорныхъ къ себѣ въ лакеи?! Становые и исправники бываютъ всякіе, а голодъ дѣйствительно ужасный инстинктъ. Могутъ найтись изъ гг. исправниковъ и становыхъ и такіе, которые подумаютъ, что такимъ образомъ лучше всего усмирять своенравныхъ и исправлять ихъ злую волю, а могутъ найтись и такіе, которые будутъ вести съ ними личные счеты. Какъ бы въ опроверженіе этой мысли, «Голосъ» въ особенности останавливается на томъ, что опытъ

многихъ лѣтъ показываетъ, что административная высылка, сопряженная съ разными ограниченіями гражданскихъ правъ и съ поставленіемъ поднадзорнаго во внѣзаконное, такъ сказать, положеніе, является орудіемъ обоюдоострымъ: удаляя изъ извѣстной мѣстности лицо, признанное вреднымъ, она нерѣдко воспитывала въ поднадзорномъ такія противучеловѣческія чувства, что изъ *возможнаго* преступника дѣлался нетолько настоящій преступникъ, но *звѣрь*, готовый на все. Фактъ на лицо, говоритъ «Голосъ»: почти всѣ извѣстнѣйшіе государственные преступники, особенно изъ коноводовъ, прошли черезъ эту школу, и, среди другихъ причинъ этого, одною изъ главныхъ должно быть названо то состояніе внѣзаконности, въ которомъ они чувствовали всю свою безпомощность, тягость которой усугублялась еще тѣмъ, что мѣстныя власти, по грубости нравовъ или по ложному пониманію своихъ обязанностей, дозволяли себѣ многое, что̀ вовсе не входило и не могло входить въ виды высшаго правительства. «Русскія Вѣдомости» указываютъ преимущественно на неопредѣленность правилъ для опредѣленія вредности человѣка и настроенія его ума, неопредѣленность, которую и нельзя, при данныхъ условіяхъ, сдѣлать болѣе опредѣленною: настроеніе ума, пока оно не перешло въ дѣло, опредѣлить очень трудно; не даромъ есть пословица, что чужая душа потемки. Одно и тоже дѣйствіе можно толковать на тысячу ладовъ. При обыкновенномъ порядкѣ, когда признается, что дѣйствіе опасно для общественнаго спокойствія, оно, хотя бы и было само по себѣ безразличнымъ дѣйствіемъ, подводится подъ понятіе проступка и карается судомъ, причемъ, однако, за нимъ остается опредѣленное значеніе и оно не разсматривается какъ «колебаніе основъ» вообще. Тутъ же, при исключительномъ порядкѣ, открывается обширное поле для произвольныхъ толкованій. «Стоитъ припомнить, что̀ только не считалось у насъ потрясеніемъ основъ и не приводилось въ связь съ крамолою. Критика господствующей системы образованія, защита свободы печати, огражденіе интересовъ крестьянъ, отвращеніе отъ ложныхъ доносовъ—все это подводилось подъ одно съ крамолою». Вообще, усмотрѣнію предстоитъ играть огромную роль, говоритъ газета, и естественно желаетъ, чтобы примѣнялось оно съ крайнею осторожностью, дабы новыя правила не сдѣлать *игралищемъ интригъ* и *орудіемъ личной вражды*.

«Если возбужденіе дѣлъ объ установленіи полицейскаго надзора будетъ сосредоточено въ рукахъ низшихъ агентовъ полиціи, приходящихъ въ постоянное соприкосновеніе съ массою обывателей, то разсчитывать на ихъ безпристрастіе довольно трудно, а контролировать ихъ въ дѣлѣ такого рода почти невозможно. Гарантію противъ злоупотребленій можно видѣть лишь въ подчиненіи дѣлъ особому совѣщанію, въ составъ котораго входятъ члены судебныхъ учрежденій. Такой порядокъ, дѣйствительно, гарантируетъ отъ произвола больше, чѣмъ тотъ, который ему предшествовалъ, тѣмъ болѣе, что совѣщаніе можетъ требовать разъясненія, даже личной явки заподозрѣннаго. Но разъясненія требуются только въ случаѣ надобности. «Положеніе», хотя и не

запрещаетъ входить въ разсмотрѣніе объясненій, представленныхъ самими заподозрѣнными, но о порядкѣ принесенія просьбъ послѣдними не говоритъ. А такъ какъ заподозрѣнные до рѣшенія ихъ дѣлъ, подвергаются полицейскому аресту, то и просьбы ихъ не всегда легко могутъ пролагать себѣ дорогу до комиссіи» (№ 113).

Тоже самое говоритъ и харьковская газета «Южный Край». И, дѣйствительно, нельзя съ этими газетами не согласиться, что, при отсутствіи и даже невозможности преподать какія-нибудь твердыя основанія для рѣшенія дѣлъ по существу, и особое совѣщаніе должно будетъ руководствоваться только собственнымъ усмотрѣніемъ, что хотя назначаемый имъ надзоръ, можетъ быть, и будетъ назначаться осмотрительнѣе, чѣмъ назначался до сихъ поръ, но что и въ настоящее время нѣтъ гарантій, чтобы подъ него нельзя было подпасть людямъ, ни въ чемъ неповиннымъ и вполнѣ благонамѣреннымъ. Копія съ представленія, замѣняющаго обвинительный актъ, не сообщается заподозрѣнному, и онъ не имѣетъ права требовать, чтобы оправдательные доводы его были выслушаны. Особое совѣщаніе можетъ его вызвать для личныхъ объясненій, но можетъ и не вызвать, что вполнѣ зависитъ отъ его усмотрѣнія, такъ какъ оно къ этому вовсе не обязано. При помѣщеніи особаго совѣщанія въ Петербургѣ, вызывать туда людей для личныхъ объясненій изъ провинціи и неудобно. Поэтому вполнѣ вѣроятно предположеніе «Южнаго Края», что «едва ли особое совѣщаніе всегда будетъ пользоваться правомъ давать заподозрѣннымъ средства къ оправданію» и что «не одинъ изъ нихъ очутится подъ надзоромъ, не зная точно, въ чемъ его обвиняютъ и какія противъ него существуютъ улики».

Такимъ образомъ, теоретическое несовершенство новыхъ правилъ, о которомъ мы говорили выше, подтверждается и чисто практическими соображеніями газетъ о неудобствахъ этихъ правилъ, которыя должны возникнуть при ихъ примѣненіи. Можетъ быть, данный личный составъ особаго совѣщанія и присутствіе въ немъ лицъ судебнаго персонала, какъ опытныхъ юристовъ, и гарантируетъ извѣстную справедливость и правильность примѣненія новаго положенія, но дѣло въ томъ, что когда рѣчь идетъ о какомъ-нибудь узаконеніи, то личный составъ приниматься въ соображеніе не можетъ. Завтра будетъ другой личный составъ, и дѣло пойдетъ совсѣмъ иначе. Весь вопросъ въ возможности неправильности и несправедливости, въ возможности дѣйствовать не по закону, а по личному усмотрѣнію, причемъ легко и злоупотреблять, и ошибаться. Полагаться на юристовъ, какъ на каменную стѣну, нельзя, въ особенности, если они служатъ практикѣ и опутаны интересами минуты. «Доктора правъ и профессора, говоритъ профессоръ Кистяковскій:—не мало приложили своего старанія къ возведенію въ теорію многихъ нелѣпостей своего времени, они не мало подали мнѣній за сожженіе вѣдьмъ и еретиковъ. Подъ приговоромъ, осудившимъ Галилея и произ-

несшимъ смертную казнь Гусу и Іерониму Пражскому, стояли имена итальянскихъ и нѣмецкихъ профессоровъ» (112). Судить Гуса и Іеронима Пражскаго призваны были, какъ извѣстно, первые спеціалисты своего времени по праву. Мы знаемъ, наконецъ, что, благодаря обычаю отсылать судебныя дѣла въ юридическіе факультеты, были изгнаны изъ процесса остатки устности и гласности и окончательно водворились письменность и тайное производство въ уголовномъ процессѣ. А полагаться на полицію и администрацію можно еще того меньше: развѣ при Людовикѣ XVI министры не имѣли обычая разсылать своимъ друзьямъ, въ видѣ подарка, по нѣскольку королевскихъ бланковъ объ арестѣ, въ которые тѣ вписывали своихъ враговъ? Давно уже извѣстно, что «страхъ закона спасителенъ, а страхъ человѣка пагубенъ и чреватъ преступленіями», что люди съ лучшими намѣреніями неоднократно «причиняли великое зло обществу», а люди съ дурною волею «не разъ приносили ему великое добро» (ibid. 91). Вотъ почему противъ всякихъ экстраординарныхъ комиссій для разсмотрѣнія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ возставалъ еще Монтескье.

Есть еще одна чрезвычайно важная сторона новаго положенія о поднадзорныхъ, на которую газеты не обратили должнаго вниманія, отозвавшись о ней какъ-то только вскользь и между прочимъ, это—приведеніе въ исполненіе положенія, самая процедура надзора. Высшій мѣстный надзоръ сосредоточивается, разумѣется, въ лицѣ губернаторовъ и начальниковъ мѣстныхъ жандармскихъ управленій (должность которыхъ, предполагается, говорятъ, скоро передать въ непосредственное вѣденіе губернаторовъ); но, такъ какъ они физически не могутъ усмотрѣть и услѣдить за всѣми поднадзорными, то надзоръ непосредственно перейдетъ къ исправникамъ, становымъ, уѣзднымъ начальникамъ, полицейскимъ приставамъ, околодочнымъ, урядникамъ и прочей низшей полиціи, которой у насъ такъ много и которая, какъ извѣстно, находится на весьма не высокой степени умственнаго и нравственнаго развитія и отличается въ тоже время удивительною притязательностью. Если доселѣ практиковались у насъ одни только правила, приведенныя нынѣ въ систему, то и это одно можетъ служить уже достаточнымъ памятникомъ пережитаго нами чрезвычайнаго времени, но правила эти теперь, вѣроятно, будутъ еще усугублены усердіемъ и произволомъ низшихъ полицейскихъ агентовъ. То, что прежде можетъ быть смущало ихъ и ставило передъ ними вопросъ: «а будетъ ли это законно» или: «какъ посмотрятъ на это въ Петербургѣ», теперь смущать ихъ уже, конечно, не будетъ. Нѣкоторыя газеты, какъ, напримѣръ, «Современныя Извѣстія» полагаютъ, что *непомѣрное ограниченіе личной свободы* (которое они сначала въ той же статьѣ назвали только *нѣкоторымъ* ограниченіемъ) и *многія строгости*, вводимыя положеніемъ, останутся на практикѣ мертвою буквою, потому, молъ, что у губернаторовъ

и исправниковъ и безъ того много дѣла, а число лицъ надзирающихъ не увеличивается, какъ бы слѣдовало по мнѣнію газеты [1]. Для извѣстныхъ занятій, говорятъ «Современныя Извѣстія», поднадзорный долженъ испросить разрѣшеніе губернатора. Не мертвая ли это формальность?» Да, это формальность, только далеко не мертвая, потому что по этому поводу можетъ возникать предлинная и преутомительная переписка, въ теченіи которой поднадзорный можетъ находиться въ самомъ невозможномъ положеніи. Губернаторы будутъ дѣйствовать, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, конечно, по представленіямъ мѣстной полиціи, а сами, какъ это можно видѣть изъ положенія, по многимъ вопросамъ должны будутъ входить съ представленіями къ министру внутреннихъ дѣлъ. Одно уже это восхожденіе и нисхожденіе бумагъ и разъясненіе недоразумѣній и неправильнаго пониманія статей положенія можетъ занять сколько времени. Для низшей полиціи, въ ея настоящемъ состояніи, нужны, какъ для Санчо-Пансо, когда онъ сдѣлался губернаторомъ острова, самыя точныя правила, которыя не оставляли бы никакихъ недоразумѣній и устраняли бы всякую возможность злоупотребленій; а положеніе о поднадзорныхъ, между тѣмъ, открываетъ, къ сожалѣнію, широкое поле и даетъ имъ много поводовъ какъ для недоразумѣній, такъ и для превратныхъ его толкованій. Статья 28-я, напримѣръ, говоритъ: что, за исключеніемъ вышеперечисленныхъ недозволенныхъ занятій, «всѣ остальныя занятія, дозволенныя закономъ, разрѣшаются поднадзорнымъ, но съ тѣмъ, что отъ мѣстнаго губернатора зависитъ воспретить поднадзорному избранное имъ занятіе, если оно сему послѣднему служитъ средствомъ осуществленія его предосудительныхъ замысловъ или по мѣстнымъ условіямъ представляется опаснымъ для общественнаго порядка и спокойствія». Какъ могутъ истолковывать эту статью гг. исправники и становые наши? Чего только не могутъ подвести они подъ разрядъ занятій, которыя служатъ поднадзорному средствомъ осуществленія его предосудительныхъ замысловъ или по мѣстнымъ условіямъ опа-

---

[1] У этой газеты въ одно и тоже время много разныхъ мнѣній бываетъ, такъ, напримѣръ, она въ той же статьѣ (№ 110) высказываетъ, что было бы не дурно также, еслибы «администрація облегчила свою отвѣтственность за высылку поднадзорныхъ», поставивъ назначеніе имъ мѣстожительства въ зависимость «отъ двухъ условій: 1) собственнаго ихъ выбора; 2) согласія тѣхъ обществъ, сельскихъ или городскихъ, среди которыхъ они желаютъ поселиться». Конечно, это въ тѣхъ видахъ, что «много ли нашлось бы обществъ, которыя въ былое время согласились бы принять къ себѣ Желябова, когда администрація, разумѣется, объяснила бы имъ причины, почему она его остерегается?» Но все-таки, по мнѣнію газеты, это было бы лучше, потому что: «А теперь видимъ что же? Поднадзорный препровождается туда, гдѣ ему, разумѣется, совсѣмъ быть нежелательно; да и сами общества вопіютъ противъ такихъ гостей. Да и администрація подвергается непріятности слышать противъ себя мнѣнія нареканія». Да и произойдетъ одно только «напрасное раздраженіе».

сны для порядка и спокойствія? Подъ эту рубрику можетъ быть подведено рѣшительно все—даже чистка конюшенъ, гдѣ можно разговаривать съ рабочими или солдатами, и все можетъ быть воспрещено, пока представленіе объ этомъ не съѣздитъ къ губернатору и тотъ на него не отвѣтитъ. Мы почти увѣрены, что необозначеніе во 2 ст. II. срока надзора для высылаемыхъ поднадзорныхъ (опредѣленнаго въ 3 ст. для поднадзорныхъ, остающихся на мѣстѣ), въ связи со статьею 4-ю, гдѣ говорится, что срокъ надзора считается со времени объявленія подлежащему лицу объ учрежденіи надъ нимъ надзора, «если по сему предмету не послѣдуетъ особаго распоряженія», можетъ дать поводъ ко многимъ недоразумѣніямъ. — Право, предоставленное статьями 18 и 19, мѣстной полиціи во всякое время входить къ поднадзорнымъ и производить у нихъ обыски и выемки можетъ также повести къ злоупотребленіямъ, въ особенности со стороны низшихъ полицейскихъ агентовъ. Тутъ возможны и издѣвательство, и вымогательство, и посѣщенія подъ пьяную руку, и ловеласничество и т. д. «Земство» указываетъ еще на ст. 32, по которой исправникъ можетъ за подачу поднадзорнымъ врачемъ или акушеркой какой-нибудь экстренной помощи, напримѣръ, умирающему, усадить ихъ на три дня подъ арестъ. И тутъ могутъ быть недоразумѣнія: врачъ и акушерка могутъ не практиковать совсѣмъ и могутъ пойдти дѣйствительно только къ умирающему, склонившись на просьбу его родныхъ или по собственному человѣческому чувству и помня, что общій законъ повелѣваетъ имъ дѣлать это, а г. исправникъ можетъ ихъ усадить подъ арестъ. Вѣроятно, не мало будетъ недоразумѣній и изъ-за казенныхъ пособій и вопросовъ объ *уклоненіи отъ занятій по лѣности, дурному поведенію и привычкѣ къ праздности*, такъ какъ понятія объ этомъ чрезвычайно относительны. Очень возможно, что найдутся даже такіе гг. исправники, которые «проходное свидѣтельство» будутъ истолковывать въ смыслѣ пѣшеходнаго свидѣтельства. Развѣ не было примѣровъ возвращенія ссыльныхъ изъ Сибири пѣшкомъ, когда они имѣли право на пособіе.

Чтобы хоть приблизительно видѣть чего можно ждать отъ нашей низшей полиціи, достаточно посмотрѣть что пишется и еще больше разсказывается повсюду объ ея обращеніи съ гражданами, гражданами не поднадзорными, а вполнѣ полноправными. Со всѣхъ сторонъ только и слышатся однѣ жалобы и жалобы, жалобы на произволъ и насиліе, на взяточничество и кулачную и оружейную расправу, на буйство, на утѣсненія всевозможныхъ родовъ и видовъ, непониманіе своихъ прямыхъ обязанностей и т. д., и т. д. Вотъ «Голосу» сообщаютъ изъ Кронштадта, что туда нарочно присланъ изъ Петербурга слѣдо-

ватель для производства слѣдствія по жалобамъ на полицію и что полицеймейстеръ, капитанъ 2 ранга Головачовъ, отстраненъ отъ должности («Р. Вѣд.» 56). Вотъ изъ Харькова пишутъ «Русскимъ Вѣдомостямъ», что въ скоромъ времени въ мѣстномъ окружномъ судѣ будетъ слушаться дѣло о многочисленной шайкѣ воровъ, совершавшей кражи на вокзалахъ желѣзныхъ дорогъ, и атаманомъ которой состоялъ мѣстный участковый приставъ. (№ 69). Вотъ изъ Бѣлаго, Смоленской губ., сообщаютъ въ «Рус. Кур.», что сессіи окружного суда изобилуютъ дѣлами о полицейскихъ, обвиняемыхъ въ разныхъ преступленіяхъ. Изъ дѣлъ, разбиравшихся, напр., въ декабрьскую сессію, говоритъ корреспондентъ, «выяснилось, что арестантскія камеры при нашемъ полицейскомъ управленіи служатъ мѣстомъ для совершенія возмутительнѣйшихъ преступленій. Мы вынесли изъ суда горькое убѣжденіе, что на большой дорогѣ, въ темную ночь, можно считать себя гораздо болѣе безопаснымъ, чѣмъ подъ охраною нашей полиціи». Слова корреспондента не преувеличены. Слушайте:

приходитъ вечеромъ въ февралѣ 1881 г. въ полицейское управленіе крестьянка Левченкова, чтобы справиться—нѣтъ ли на ея имя писемъ. Вступившій по этому поводу въ разговоръ съ Левченковою секретарь полиціи Сиволаповъ, нашелъ поведеніе своей собесѣдницы настолько предосудительнымъ, что счелъ долгомъ выругать ее «сволочью» и «паскудою» и приказалъ полицейскому служителю Парфенову арестовать ее, сказавъ при этомъ послѣднему, чтобы тотъ «выбралъ для нея хорошаго арестанта». Левченкова была посажена въ «кутузку», а чрезъ нѣсколько минутъ Парфеновъ втолкнулъ къ ней арестанта Григорьева. Угадывая, что затѣвается что-то недоброе, Левченкова обратилась къ Парфенову съ просьбою освободить ее и отправить къ становому Любинскому, у котораго она была въ услуженіи, но напрасно! дверь захлопнулась и беззаконно арестованная осталась въ мѣстѣ заключенія. Спустя нѣсколько времени, въ камерѣ, гдѣ были помѣщены Левченкова и Григорьевъ, раздался продолжительный женскій крикъ. На шумъ, послѣ значительнаго промежутка времени, въ камеру вошелъ Парфеновъ, и Левченкова молила его объ освобожденіи. Парфеновъ согласился дать ей свободу неиначе, какъ подъ условіемъ вознагражденія. Левченкова отдала ему 35 коп.—всѣ свои наличныя деньги. Выходя изъ камеры, она залилась слезами, жалуясь, что арестантъ Григорьевъ изнасиловалъ ее. Обстоятельства эти подтвердились на предварительномъ слѣдствіи. Григорьевъ, смѣясь, сознавался полицейскимъ чиновникамъ Звѣреву и Чаусову, что «былъ тотъ грѣхъ».

Полицейскій служитель Богдановъ обвинялся въ возмутительномъ вымогательствѣ и обираніи арестованнаго по приговору мирового судьи крестьянина Максимова, съ котораго онъ бралъ, путемъ разныхъ притѣсненій, и деньги, и платье и принесенный ему картофель (2 мѣры), а когда уже взять было болѣе нечего, то прибѣгъ къ насилію, думая, что Максимовъ скрываетъ отъ него деньги. «Пригласивъ другихъ арестантовъ, онъ сталъ душить Максимова... Максимову наносили удары по всему тѣлу, колѣнами давили на грудь и т. п., однимъ словомъ—избили его до полусмерти». Казанская судебная палата, разсматривавшая въ мартѣ настоящаго года дѣло о сопротивленіи властямъ крестьянъ Кайгородовской волости, Слободскаго

уѣзда, избившихъ станового и изорвавшихъ на немъ мундиръ и все платье до нижняго бѣлья включительно, открыла чрезвычайно любопытныя подробности такъ называемаго выколачиванія недоимокъ и вообще отношеній провинціальной полиціи къ крестьянству, отношеній, которыя нарочно направляются къ тому, чтобы вызывать въ населеніи раздраженіе. Дѣло это очень характерно. Прежде всего нужно замѣтить, что 7-го сентября прошлаго года по всѣмъ сельскимъ обществамъ Слободскаго уѣзда, было объявлено Высочайшее повеленіе, касающееся исключительно Слободскаго уѣзда, полученное губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіемъ, о сложеніи нѣкоторыхъ давнихъ недоимокъ, о чемъ ходатайствовали земство и губернская администрація, въ виду облегченія населенія, «буквально обнищавшаго» и живущаго не землею, а только бурлачествомъ и сплавомъ лѣса. Объявленная высочайшая милость состояла въ слѣдующемъ: «1) сложить оброчную подать, числящуюся съ 1789 г. на умершихъ, сосланныхъ въ Сибирь, безъ вѣсти пропавшихъ и проч., въ размѣрѣ 11,370 р. 61½ к.; 2) освободить общество отъ платежей за эти души; 3) за смертью 21 т. крестьянъ сложить недоимокъ 306,695 руб.; 4) разсрочить недоимки и оброчную подать съ 1878 г. по 1881 г. на 3—5 лѣтъ» («Рус. Вѣд.», № 76). Между тѣмъ, 21-го октября въ Кайгородовскую волость, въ села Татаринское и Кичановское, пріѣхалъ становой приставъ 5 участка для сбора, какъ онъ говорилъ, недоимки, а по свидѣтельскимъ показаніямъ (волостной писарь) и распоряженіямъ исправника, и для сбора самого оклада. Крестьяне пришли въ недоумѣніе. Вышеуказанное объявленіе губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія было написано «такимъ канцелярски-туманнымъ языкомъ, что понять его было довольно трудно даже для человѣка образованнаго», и крестьяне истолковали его въ смыслѣ совершеннаго избавленія отъ податей и недоимокъ. Если вышло *избавленіе*, то зачѣмъ же пріѣхалъ становой? спрашивали они. Услышавъ этотъ вопросъ, становой грозно крикнулъ: «Нѣтъ вамъ убавки, а будетъ прибавка!» и сталъ требовать платежа оклада и недоимокъ. «Прочитай царскую грамату»—просили крестьяне. «Вотъ я вамъ роспишу грамату!» стращалъ становой и ругалъ въ это же время сельскія власти, говоря, что погодить бы объявлять Высочайшую волю. Угроза сейчасъ же стала приводиться въ исполненіе. Тутъ же, въ сборной избѣ, засѣдалъ волостной судъ, который становой постоянно возилъ съ собою, и приговоривалъ: «пороть», а становой записывалъ своею рукою (по показанію судей, свидѣтелей до 30 человѣкъ и подсудимыхъ, сколько кому дастъ ударовъ и обѣщалъ жаловаться на судей «за послабленіе» уѣздному присутствію, если они къ кому-нибудь мягко относились. Нѣсколько крестьянъ внесли оброкъ и недоимку, остальные, до 140 человѣкъ, мялись въ недоумѣніи въ сборной избѣ.

Становой выгналъ ихъ изъ избы. Сельскій староста Татариновъ (подсуди-

мый) вышелъ къ толпѣ, внеся недоимки 84 к., и сказалъ: «платили, платили, а все не выплатимъ, когда же конецъ-то будетъ? Что же обчество молчитъ»? «Общество» начинаетъ шумѣть, слышится брань по адресу станового или «скверно-матерное отношеніе», какъ выразился урядникъ. Судили, рядили мужики и рѣшили: если и есть за кѣмъ недоимки, то вышло «величайшее избавленіе», а за многими ихъ и совсѣмъ не было, между тѣмъ, приставъ требуетъ; стало быть—это ужь не въ казну, а «на табакъ, въ кабакъ, на мѣдныя пуговицы и медвѣжьи шубы», т. е. на полицію. Весьма характерно послѣднее выраженіе въ устахъ подсудимыхъ и свидѣтелей. Они, какъ выяснилось на судѣ, имѣли право и данныя такъ отзываться о полицейскихъ чинахъ. Въ Слободскомъ и двухъ сосѣднихъ уѣздахъ становые пристава организовали правильно ежегодную сдачу самихъ мужиковъ въ арендное содержаніе. Особенно интересно въ этомъ отношеніи показаніе свидѣтеля Бѣлыхъ, бывшаго волостного судьи, вызваннаго по желанію пострадавшаго, станового пристава Митяшева, и, слѣдовательно, не возбуждающее сомнѣнія. Этотъ свидѣтель подробно разсказалъ на судѣ, по удаленіи изъ залы засѣданія станового пристава, котораго онъ сначала очень стѣснялся, какъ мужики закабалялись къ какому-нибудь лѣсному торговцу, получая обѣщаніе отъ станового, что заработки пойдутъ въ счетъ уплаты недоимокъ; возвращались мужики послѣ навигаціи и съ нихъ все-таки собирали вновь недоимки. Что эти сборы шли туго, нѣтъ сомнѣнія, но не потому, чтобы крестьяне не хотѣли платить, нѣтъ, но потому, что у нихъ все отбиралось: заработки, скотъ; даже по приказанію начальства, т. е. станового, взламывали сборщики сундуки и отбирали все, что находилось цѣннаго. Изъ чего же было платить? «По 2 пудика на душу сѣемъ... бабы работаютъ... земля не родитъ»... говорили подсудимые. Чтобы обезпечить успѣхъ сборовъ становой Митяшевъ выѣзжалъ всегда, сопровождаемый полнымъ составомъ волостного суда.—«Такъ у васъ всегда дѣлается?» спрашивали его прокуроръ и защитникъ—«Всегда-съ! это и по закону требуется», развязно отвѣчалъ становой. Когда же ему объяснили, что властямъ предоставляется только указывать волостному суду на нерадивыхъ, пьяницъ и пр., онъ не менѣе развязно доказывалъ, что таковые обнаруживаются при сборѣ податей, потому онъ и вывозитъ съ собой волостной судъ—«на случай»! Трое волостныхъ судей, бывшихъ свидѣтелей по дѣлу, говорили: «Мы люди подначальные... становой приказывалъ, стращалъ насъ, «разы вписывалъ», а мы приговаривали». Въ одной Кайгородской волости было высѣчено съ 1878 по 1881 г.—797 домохозяевъ (по этому поводу засвидѣтельствованная копія съ приговоровъ волостного суда была прочитана въ судѣ), что составляетъ почти $^1/_3$ всего числа ревизскихъ душъ въ волости; не поротыхъ домохозяевъ, по показанію писаря, осталось менѣе 400.

«Общество», выгнанное становымъ изъ сборной избы, шумѣло до самаго вечера и требовало царской граматы. Вмѣсто того, чтобы успокоить толпу, удовлетворить законнымъ ея требованіямъ, разъяснить смыслъ высочайшей милости, въ силу которой становой не имѣлъ даже права взыскивать недоимокъ, онъ высылаетъ урядника и писаря, которые грозятъ толпѣ, что «мы будемъ стрѣлять; потому это намъ по закону полагается!..» Тутъ та же возбужденная толпа окончательно рѣшаетъ, что сборъ дѣлается «на мѣдныя пуговицы» и вся вваливается въ избу, требуя отъ станового «регистру», т. е. списокъ недоимщиковъ. Становой стрѣляетъ. На печкѣ раздается ужасный, дикій, раздирающій крикъ раненаго (одинъ изъ подсудимыхъ). Народъ въ испугѣ бросается—кто изъ избы, кто на печку, на полати; давка ужасная, ибо въ обыкновенной крестьянской избѣ было болѣе 100 человѣкъ; свѣчка гаснетъ, раздается второй выстрѣлъ. Урядника выбрасываютъ изъ избы и онъ благоразумно скрывается въ хлѣвѣ. Писарь забирается подъ лавку, становой оказы-

вается на саняхъ передъ избой, весь израненный, избитый и окровавленный. («Русскія Вѣдом.», № 76, 1882 г.).

Съ такими господами, какъ г. Митяшевъ, мы, конечно, не далеко уѣдемъ, а ихъ между тѣмъ у насъ весьма много. И въ Вологодской губ. недавно разбиралось дѣло о вельскомъ становомъ, Шульгинѣ, обвинявшемся въ укрывательствѣ убійства, лихоимствѣ и покупкѣ имущества черезъ подставное лицо съ производившихся имъ же торговъ (Р. Кур. № 49). И изъ Енисейска пишутъ, что окружной исправникъ К—бергъ хвалится, что поборы, взимаемые имъ съ крестьянъ, достигаютъ въ годъ до 20,000 р. (ibid. № 75). Такіе господа умѣютъ только взимать и сѣчь, а больше, кажется, ничего не умѣютъ. Но мы, конечно, не знаемъ и сотой доли того, что̀ творится подъ темнымъ пологомъ полицейской ночи, въ глухихъ и далекихъ провинціальныхъ закоулкахъ, откуда зачастую нельзя подать даже голоса. Развѣ кадниковскій исправникъ не имѣлъ, напримѣръ, обычая распечатывать всѣ письма, идущія по земской почтѣ («Порядокъ», 22-го апрѣля 1880 г.), и развѣ мало у насъ другихъ подобныхъ же исправниковъ. Образчиковъ самодурства и крайне низкой степени умственнаго развитія, также великое множество: томскій исправникъ, напримѣръ, воспрещаетъ пѣть въ частномъ домѣ «дубинушку», считая ее почему-то *запрещенной* пѣсней, и требуетъ, чтобы вмѣсто нея пѣли: «выйду-ль я на рѣченьку», а когда пѣвшіе не соглашаются на это, то пускаетъ въ ходъ кулаки (ibid 24 апрѣля). Грязовецкій исправникъ, имѣя у себя каталогъ запрещенныхъ и дозволенныхъ сочиненій только до 1873 г., объявляетъ любителямъ драматическаго искуства, что долженъ считать всѣ драматическія сочиненія, вышедшія послѣ 1873 г., «запрещенными, хотя бы ихъ и играли на всѣхъ сценахъ» («Рус. Кур.» № 97, 1882 г.). Но лучше всѣхъ, кажется, ставропольской исправникъ, Самарской губ., доносившій губернатору о рожденіи менѣе чѣмъ двухлѣтнимъ мальчикомъ котятъ, о чемъ было разсказано не такъ давно въ «Саратовскомъ Дневникѣ», на основаніи подлиннаго дѣла, хранящагося въ ставропольскомъ полицейскомъ управленіи. Вотъ это историческое дѣло:

«23-го іюля 1881 г., полицейскій урядникъ 11-го участка Ставропольскаго уѣзда, Мельниковъ, донесъ приставу 3-го стана, г. К—ву, что утромъ того числа въ с. Старой-Майнѣ крестьянскій мальчикъ Григорій Обжерновъ, менѣе 2-хъ лѣтъ отъ роду, разрѣшился отъ бремени двумя котятами. Получивъ донесеніе, г. К—въ съ быстротой молніи прискакалъ въ Старую-Майну и приступилъ къ дознанію. Оказалось, какъ видно изъ составленнаго имъ акта, слѣдующее. Сынъ означенной крестьянки, мальчикъ Григорій, имѣющій 1 съ половиной годъ отъ роду, 23-го іюня, въ 11 ч. утра, былъ принесенъ своей нянькой изъ дома родительницы въ домъ матери послѣдней, Матрены Уваровой, и посаженъ на скамью. Спустя нѣкоторое время, нянька замѣтила подъ сидѣньемъ ребенка кровь, о чемъ сказала своей матери, а та, приподнявъ ребенка съ мѣста, увидала, какъ изъ него выпали два кетенка съ послѣдомъ. Новорожденныхъ котятъ Матрена Уварова вынесла на дворъ и положила на

солому; котята были живы, дышали и открывали рты, но вскорѣ умерли. Показаніе это отбиралось отъ Уваровыхъ при матери «обвиняемаго» ребенка, Еленѣ Обжерновой, и понятыхъ людяхъ. Послѣдніе высказали подозрѣніе, что котята рождены не мальчикомъ мужского пола, а которою либо изъ Уваровыхъ. На основаніи такого заключенія понятыхъ, для освидѣтельствованія Уваровыхъ была приглашена акушерка Калистратова; но ни у матери, ни у дочери, Уваровыхъ, признаковъ недавняго разрѣшенія отъ бремени не оказалось. Тогда г. приставъ предложилъ вольнопрактикующему въ с. Майнѣ врачу, г. Перимову, произвести освидѣтельствованіе мальчика Григорія, а самъ занялся тщательнымъ осмотромъ новорожденныхъ животныхъ. Г. Перимовъ нашелъ мальчика вполнѣ здоровымъ, а результатомъ изслѣдованія самого пристава было слѣдующее описаніе новорожденныхъ: «Оба животныя длиной каждое въ полтора вершка, оба съ хвостами, только у одного хвостъ короткій, а у другого длинный; каждое животное съ четырьмя лапами, о пяти пальцахъ, съ обыкновенными острыми когтями, переднія ноги и груди животныхъ похожи на человѣческія; головы круглой формы; вообще новорожденныя животныя похожи на котятъ». Дознаніе свое г. К—въ передалъ судебному слѣдователю 3-го участка Ставропольскаго уѣзда, при отношеніи отъ 24-го іюля, за № 1804, о чемъ, «съ прописаніемъ всего вышеозначеннаго», рапортомъ отъ того же 24 іюля, за № 1805, донесъ ставропольскому полицейскому управленію; новорожденныхъ же котятъ отдалъ на сохраненіе мѣстной сельской власти, впредь до прибытія слѣдователя. Послѣдній, получивъ дознаніе, передалъ его почему-то мировому судьѣ, судья—исправнику, а послѣдній все производство, вмѣстѣ съ заспиртованными котятами, представилъ самарскому губернатору.

Тутъ только и кончилось дѣло, произведенное, конечно, кошкою, которая воспользовалась отсутствіемъ взрослыхъ изъ избы и разрѣшилась на колѣняхъ у мальчика отъ бремени, послѣ чего скрылась. Недоставало только суда съ вещественными доказательствами, въ видѣ двухъ животныхъ съ хвостами (оба съ хвостами), очень похожихъ на котятъ, и тѣлесныхъ наказаній для мальчика. Сѣкла у насъ недавно полиція вмѣстѣ съ жандармами и мальчиковъ, и гдѣ еще сѣкла—въ Варшавѣ, въ городской ратушѣ. Высѣчено было 142 человѣка, изъ которыхъ старшимъ не было 14 лѣтъ («Страна»). Въ чемъ состояла виновность каждаго изъ нихъ неизвѣстно. Тутъ ужь объ индивидуальности, вознаградимости и тому подобныхъ тонкостяхъ наказанія, конечно, не могло быть и рѣчи. Если у насъ взрослому человѣку не трудно пострадать ни за что, ни про что, то мальчику тѣмъ и подавно. Симферопольское отдѣленіе окружного суда разсматривало, напримѣръ, недавно въ Ялтѣ дѣло объ аптекарѣ Левентонѣ, котораго прямо съ улицы арестовали и, не давая проститься съ семьей, подвергли одиночному заключенію. Всѣ думали, что подсудимый обвиняется Богъ вѣсть въ чемъ. Но «какаво же было всеобщее удивленіе, когда обвинительный актъ упоминалъ только, что Левентонъ обвиняется въ такихъ преступленіяхъ, изъ которыхъ тягчайшимъ было то, что изъ его аптеки были отпущены генеральшѣ Щ. фіалковые цвѣты, показавшіеся этой генеральшѣ недостаточно пахнувшими» («Голосъ»). Въ особенности много жалобъ на полицію идетъ изъ Сибири, изъ этой классической страны полицейскаго произвола. Жалуют-

ся и изъ Енисейска, что полиція, безъ хозяевъ и понятыхъ, производитъ въ лавкахъ обыски, отбирая безъ всякихъ актовъ разные невинные медикаменты, въ родѣ зубныхъ капель, а иногда и свѣжую рыбу («Рус. Кур.» 75); жалуются и изъ Красноярска на поборы и хищеніе исправника Васильева («Совр. Изв.» № 76); жалуются и изъ Тобольска, гдѣ въ губернскомъ судѣ дѣло о растратѣ суммъ О—й городской полиціи производилось ровно 20 лѣтъ, пока всѣ виновные не померли, за исключеніемъ одного только приходорасходчика, не записавшаго, по забывчивости, куда-то 20 коп. и гдѣ теперь на ревизіи находится такое характерное дѣло: бывшій полицеймейстеръ В., вступившій въ эту должность прямо съ подмостокъ какого-то провинціальнаго театра, питалъ чувство ревности къ гимназисту Г. и чтобы отмстить ему подговорилъ проститутокъ показать, что онъ произносилъ въ домѣ терпимости оскорбительныя слова противъ священной особы Государя Императора. Г. былъ усаженъ въ тюремный замокъ («Рус. Вѣд.» № 71). Изъ Енисейской губ. пишутъ, что одинъ засѣдатель назвалъ свой участокъ С... Б... герцогствомъ, себя генералъ-губернаторомъ и хозяйничаетъ въ своемъ участкѣ, какъ настоящій баши-бузукъ. «Въ базарные дни онъ расхаживаетъ по базару въ красной рубахѣ, и горе тому, кто, не узнавъ его, не сниметъ шапки, тотъ избивается за это преступленіе до крови; горе тому изъ торговцевъ, кто явится на базаръ или въ лавку въ халатѣ, такъ какъ онъ этимъ нарушаетъ циркуляръ «барина», по которому всякій изъ торговцевъ долженъ носить нѣмецкое платье. Дѣлъ, разумѣется, онъ никакихъ не дѣлаетъ, и за три года накопилъ ихъ столько, что для окончанія ихъ пришлось командировать особаго чиновника. Обычное время препровожденіе «барина» — веселое времяпрепровожденіе и изысканіе средствъ для этого. Время проводится обыкновенно за картами или въ участкѣ, или въ Красноярскѣ по цѣлымъ мѣсяцамъ. При недостаткѣ денегъ, при проигрышѣ, засѣдатель прибѣгаетъ къ волостнымъ шкатулкамъ, какъ къ собственному карману, а то требуетъ просто денегъ у обывателей, подъ угрозой переломать мебель» («Совр. Изв.» № 68). Источниками его доходовъ служатъ: сборы съ волостныхъ писарей, ежемѣсячно по 50 р., которые, конечно, перекладываются на обывателей, увеличеніе натуральныхъ повинностей, налогъ на промысловыхъ рабочихъ и бѣглыхъ и т. д. Порядки эти заведены, впрочемъ, въ Сибири очень давно. Въ отношеніи поднадзорныхъ сибирскіе порядки, какъ понятно, имѣютъ особенно близкое отношеніе. Въ то время какъ сосланные за крупное мошенничество (Богдановы, Беклемишевы, Юханцевы, Гулакъ-Артемовскія, Блювштейнъ и т. д.) выхлопатываютъ себѣ разрѣшеніе остаться въ большихъ городахъ и устраиваются превосходно, этимъ послѣднимъ приходится испивать горькую чашу сибирскихъ порядковъ до дна. Но если не хороши полицейскіе порядки въ дальней Сибири, то не можетъ ими похвалиться и

близкая къ намъ Москва. Московскія газеты почти каждый день приносятъ какія-нибудь открывающіеся безобразія, искорененіемъ которыхъ, повидимому, такъ озабоченъ теперь новый московскій оберъ - полицеймейстеръ. Городовые на Рождественкѣ ругаютъ скверными словами и бьютъ прохожихъ («Рус. Вѣд.» № 16). «Нѣкоторые служащіе», какъ говорится въ приказѣ по полиціи, занимаются *лично* и *черезъ подчиненныхъ* вымогательствомъ («Р. Кур.» № 88); въ Мясницкой части оставляется всякая сдача отъ денегъ, уплачиваемыхъ за гербовый сборъ, за прописку паспортовъ, отсрочки, т. п. («Рус. Вѣд.» № 99); въ другихъ частяхъ продаютъ по увеличенной цѣнѣ гербовыя марки, такъ что г. оберъ-полицеймейстеръ, счелъ за лучшее совсѣмъ воспретить продажу гербовыхъ марокъ въ участковыхъ управленіяхъ («Русскій Курьеръ», № 99); близь Петровско-Разумовскаго оказался введеннымъ особый налогъ на гусей («Рус. Вѣд.», № 91), и т. д. Дѣла оказываются почти вездѣ запущенными, дѣлопроизводство въ крайнемъ безпорядкѣ, предписанія начальства невыполненными, и т. д.

Если все это можетъ происходить въ Москвѣ, то пускай читатель самъ себѣ представитъ, что можетъ происходить въ провинціи, гдѣ у низшей полиціи еще болѣе развязаны руки. Неужели недовольство почти всѣхъ нашихъ земствъ и многочисленныя ходатайства объ упраздненіи института урядниковъ ни на чемъ не основаны? Въ Поневѣжѣ урядникъ, ни съ того ни съ сего, стрѣляетъ ночью на улицѣ и рубитъ шашкой солдатъ уральскаго полка («Голосъ»); въ Ахтырскомъ уѣздѣ урядники собираютъ поборы съ кабаковъ, опредѣляя глазомѣромъ неустановленную крѣпость водки («Одес. Вѣст.»); въ Сквирскомъ уѣздѣ, Кіевской губерніи, урядникъ обвиняется ни много ни мало, какъ—въ лихоимствѣ, вымогательствѣ, произвольномъ лишеніи людей свободы и въ нанесеніи разнымъ лицамъ тяжкихъ увѣчій, причемъ одинъ сотскій былъ избитъ имъ за то, что не напоилъ его лошади, до того, что лишился слуха («Рус. Вѣд.». 71, 1882). Въ самарскомъ окружномъ судѣ урядникъ Шардинъ обвинялся въ укрывательствѣ воровства со взломомъ и конокрадства, а также въ нанесеніи побоевъ крестьянамъ («Рус. Кур.», 27-го февраля). Когда обсуждалось ходатайство тверского земства объ уничтоженіи урядниковъ, на которыхъ въ одной только Тверской губерніи расходуется 50,000 рублей, то гласными было заявлено со всѣхъ сторонъ такое множество фактовъ урядническихъ безчинствъ, что нельзя было не согласиться съ тѣми изъ гласныхъ, которые находили, что гораздо было бы лучше, еслибы на расходуемые 50,000 рублей было устроено 50 «александровскихъ» школъ. Не понимая строительнаго устава, говорили гласные, урядники требуютъ иногда переноса риги или избы въ другое мѣсто; на праздникахъ, свадьбахъ и посидѣлкахъ они вламываются среди пирующихъ, стѣсняютъ и зачастую даже разгоняютъ ихъ;

сами надѣлавъ безпорядковъ, составляютъ акты и препровождаютъ ихъ къ мировымъ судьямъ; вмѣшиваются въ дѣла школы и семьи, производятъ поборы; воровство же, грабежи и конокрадство не уменьшаются («Новости»). Объ урядническихъ безчинствахъ говорили у насъ не одни земства, а и нѣкоторые губернаторы, какъ напримѣръ, ковенскій («Новое Время»), мировые судьи, которымъ урядники иногда такъ же грозятъ «дознаніемъ», какъ это было, напримѣръ, въ м. Бѣлоцерковкѣ, Полтавской губ. («Рус. Кур.», № 89), и исправники, которые часто съ урядниками ничего не могутъ подѣлать.

Не отстаютъ отъ своихъ сельскихъ собратьевъ и городскіе полицейскіе: въ Вологдѣ, напримѣръ, недавно городовой ограбилъ барыню («Р. Вѣд.», № 113); въ Умани городовые также занимаются грабежомъ («Р. В.», № 43); въ Моршанскѣ также («Р. Вѣд.», № 93); въ Винницѣ 8 полицейскихъ пришли къ еврею Спивану и потребовали паспорты; затѣмъ, повели его сына въ участокъ (хотя у него паспортъ былъ въ полной исправности) и стали на дорогѣ требовать выкупъ, а когда таковаго у него не оказалось, то вернулись съ нимъ домой, выбили окна въ домѣ и избили хозяевъ до крови («Русскій Курьеръ», № 14). Все это маленькія комедіи, а больше маленькія глухія драмы, которыя непремѣнно, какъ снѣгъ зимою и дождикъ осенью, будутъ выпадать на долю поднадзорныхъ, о которыхъ прежде всего слѣдуетъ помнить, что они только подозрѣваются полиціей въ присутствіи у нихъ злой воли и намѣреній, которыхъ можетъ быть и не имѣютъ. Кадниковскій корреспондентъ «Русскихъ Вѣдомостей», вспоминая недавнее время владычества въ Кадниковѣ исправника Иванова, говоритъ: «не проходило, кажется, ни одного дня, когда бы ссыльныхъ не оскорбляли, не задѣвали, не затрогивали ихъ самолюбія, не попирали ихъ человѣческаго достоинства. У одного обыскъ; другого тянутъ къ допросу; третьему грозятъ тюремнымъ заключеніемъ за то, что онъ не снялъ шапки передъ полицейскимъ надзирателемъ; четвертому—тоже тюремнымъ заключеніемъ и высылкой въ Якутскую область за то, что осмѣлился на улицѣ разговаривать съ играющими дѣтьми; пятаго тащатъ за шиворотъ въ полицейское управленіе за то, что шелъ по улицѣ въ 9 часовъ вечера, и т. д., и т. д.».

Литературѣ нашей за послѣднее время очень часто приходится слышать отъ общества упрекъ въ томъ, что она повторяется, не даетъ ничего капитальнаго—ни романовъ, ни драмъ, ни повѣстей, а довольствуется какими-то отрывками и мелочами. Упрекъ этотъ столько же справедливъ, въ фактическомъ отношеніи, сколько и неоснователенъ: лучшая наша литература съ болѣе чѣмъ нужною ясностью разъяснила наиболѣе насущные во-

просы жизни, которымъ недостаетъ только практическаго разрѣшенія, и въ этомъ заключается все дѣло. Она не можетъ оставить эти вопросы и идти впередъ, удаляясь отъ дѣйствительности. Она не можетъ думать объ услажденіи себя и публики пріятными развлеченіями, когда нѣтъ хлѣба. Поэтому-то она и повторяется, и впредь будетъ повторяться, пока не будетъ сдѣлано въ жизни того, о чемъ она говоритъ. Для романа и драмы также нужны не урядники, а люди живые, которыхъ касаться одни не умѣютъ, а другіе не могутъ. Отдаться же на волю фантазіи — однимъ рисковано, другимъ — некогда и невозможно. Да и кто, наконецъ, станетъ читать литературные вымыслы, когда въ жизни на каждомъ шагу можетъ видѣть живыя драмы, когда первымъ драматургомъ сталъ урядникъ, могущій произвести въ день сколько угодно драмъ.—До драматическихъ ли тутъ произведеній и романовъ!

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ продолженіи двѣнадцати лѣтъ (по 1882 г.) въ конторѣ «Отечественныхъ Записокъ» накопилась масса рукописей, признанныхъ редакціею неудобными для напечатанія и до сихъ поръ не взятыхъ авторами обратно. Печатая здѣсь списокъ означенныхъ рукописей, редакція «Отечественныхъ Записокъ» проситъ гг. авторовъ обратиться за ними въ контору въ теченіи шести мѣсяцевъ; послѣ же этого срока неразобранныя рукописи будутъ уничтожены:

1869 года. Путевыя замѣтки.

1870 года. Нѣсколько словъ о клубныхъ вечерахъ въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ.

Изъ путевыхъ записокъ по Якутской области.

1871 года. Очерки Бѣлоруссіи.

1873 года. Письма изъ кругосвѣтнаго плаванія.

1874 года. Рабочее движеніе въ Германіи.

Купеческая дочка, ком. въ 4 д.

1875 года. Изъ полы въ полу, комедія.

1876 года. По части стратегіи и фортификаціи (№ 1 [1]).

Изъ воспоминанія о бунтѣ поселянъ въ новгородскомъ военномъ поселеніи 1831 г. (3).

Богоявленская свѣча (9).

Нѣсколько словъ по поводу статьи М. Ѳ. Громницкаго (11).

Кое о чемъ (съ натуры) (12).

Хоть не любо да слушай (13).

Переписка университетскихъ товарищей (14).

Годуновы, траг. въ 5 д. (16).

Деревенскіе разсказы (17).

Картинки изъ жизни Сѣверо-Западнаго края (22).

Мои воспоминанія о передвиженіяхъ съ отрядами въ Средней Азіи (23).

Ученіе о цѣнности К. Маркса (25).

Обезпеченіе нашихъ хозяйствъ рабочими силами (26).

---

[1] Для скорѣйшаго отысканія рукописей въ конторѣ, гг. авторы соблаговолятъ предъявлять въ контору нумера, подъ которыми значатся ихъ рукописи.

Откуда происходитъ моя скука, разсказъ (28).
Сочиненія Бобынина, 7 тетрадей (30).
Единица, біографическій очеркъ (34).
Записки приходскаго учителя (35 a).
Заднѣпровскіе гайдамаки (35 b).
Святое Благовѣствованіе, духовная поэма (40).
Загубленная жизнь (42).
Обрубленныя крылья, ком. въ 4. (44).
Разсказы таежнаго охотника (46).
Обзоръ россійской литературы за 1874—75 гг. (48).
Леченіе тифа холодной водой (49).
Роль индивидуализма и ассоціаціи (50).
Нѣсколько словъ о методѣ рѣшенія главныхъ вопросовъ современности (51).
Инструкціи для руководства волостнымъ и сельскимъ обществамъ (58).
Изъ записокъ учителя (61).
Русская община и пролетаріатъ (65).
Вниманіе, какъ основа педагогики (68 a).
Путешествіе моего героя съ первымъ произведеніемъ (68 b).
Изъ провинціальной жизни, комедія (69).
Очерки Бѣлоруссіи; К. Р. (71).
Записки учителя, воспоминанія Ех.-Педагога (74).
Обзоръ движенія акцизнаго дохода (79).
Мой родной городъ и его обитатели (83).
Въ двухъ окраинахъ, этнограф. очеркъ (84).
X. 1000, повѣсть (85).
Исторія Сербіи и Черногоріи Рейнака (89).
Женитьба студента, др. въ 4 д. (93).
1877 года. Ну, комедія! ком. въ 3 д. (95).
Тепличныя растенія, повѣсть (99).
Двѣ героини, ром. въ 2 ч. (100).
Людскіе предразсудки, ком. въ 2 д. (101).
Власть родительская, драма въ 5 д. (102).
Неисправимый шагъ, разсказъ (105).
Шумскій, романъ (108).
По поводу лѣсовъ (112).
Второй съѣздъ сельскихъ хозяевъ въ Москвѣ, замѣтка (117).
Корреспонденція, сцены провинціальной жизни (120).
Скоропостижные, повѣсть (121).
Разсказы про старое время, съ картинами крѣпостного права (122).
Послѣдняя элегія, разсказъ изъ жизни русскихъ въ Сербіи (127).
Городъ Рылопуховъ (128).
Сельцо Каменево, повѣсть (134).
Журналистика въ Соединенныхъ Штатахъ (137).
Новый судъ (138).

Каспійское море по отношенію къ средне-азіатской торговлѣ (140).
Эстеръ, разсказъ (141).
Воспоминанія о Сербіи (144).
Проэктъ г. Бодянскаго (146).
Кое-что о положеніи акцизнаго дѣла (150).
О крупномъ и мелкомъ землевладѣніи (153).
Нашъ земледѣльческій кризисъ въ средней полосѣ Россіи (156 a).
Соціологическіе этюды (156 b).
Къ новой жизни, повѣсть (158).
Картины гимназической и пансіонской жизни (162).
Письма волостного писаря (163).
Неспособенъ, повѣсть (164).
Благородные люди, комедія въ 4 д. (166).
Столичные шалопаи въ провинціи, совр. этюды (173).
Птичникъ брата Филиппа, комедія Скриба (177).
Быль (178).
Невиновенъ, драма (179).
Наша московскія общественныя дѣла (180 a).
Библіографическое обозрѣніе (180 b).
Воспитаніе и образованіе на Дону (182).
Отголоски на Уралѣ (183).
Гражданство нравовъ благихъ (186).
Драма при Филиппѣ II, драма (187).
1878 года. О жизненной силѣ, какъ причинѣ жизни (194).
Шагъ назадъ, по поводу правописанія (195).
Воспоминанія и впечатлѣнія артиллериста (198).
Практическія женщины, ком. въ 4 д. (205).
Какова должна быть сельская школа (207).
Впередъ, ком. въ 4 д. (209).
Въ деревнѣ, сцены и картины деревенской жизни (216).
Романъ безъ названія (218).
Болѣзнь вѣка, драма въ 5 д. (221).
Отчего стрѣляются люди (227).
Григорій Самаринъ (228).
Дѣятели изъ кавалеристовъ, очеркъ съ натуры (229).
Смѣхъ и слезы (230).
Изъ воспоминаній, мысли и картины практическаго дѣятеля (232).
Живыя натуры, повѣсть (235).
Принципы дня, сцены въ 3 д. (246).
Княжна Ольга, ист. поэма IX в. (247).
Добра желали, вышло зло, этюдъ (250).
20-ое число въ четвергъ на масляницѣ (257).
Молодое поколѣніе, ром. въ 2 ч. (258).
Воспоминанія и разсказы, Т. Т. (260).
Повѣсть, сочиненіе Ж. (264).

Статьи А. Я. (367).
Юридическіе младенцы (270).
Агрикультурная живопись древнихъ египтянъ (272).
Старый другъ, разсказъ моего спутника (273).
Дневникъ свѣтской дѣвушки (275).
Пески, повѣсть (278).
Изъ записокъ больного (294).
«Дама», ком. въ 3 д. (295).
Гимназія, ком. въ 5 д. (297).
1879 года. Поспѣшилъ да людей насмѣшилъ, комедія-водевиль (301).
Плутократы, ком. въ 4 д. (303).
Письмо къ Г. Иванову (304).
Путевыя замѣтки. К. Д-дъ (305).
Двѣ жертвы войны, поэма (308).
На взятіе Плевны, поэма (309).
Святотатство, разсказъ изъ малороссійской жизни (311).
На аренѣ общественной дѣятельности, картинки съ натуры (312).
Баронъ Тринкенъ, очеркъ (313).
Въ новомъ домѣ, очерки (315 a).
Изъ прошлаго, А. Г. (315 b).
Жизнь лишняго человѣка (316 a).
Долой Англію (316 b).
Между страждущими (320).
Размышленія объ отличіи мужскихъ и женскихъ типовъ въ высшемъ образованіи женщинъ (323).
О студентѣ П..., корреспонденція (324).
На побывкѣ, піэса въ 5 д. (325).
Отчего не утвердилась на Руси аристократія (329).
За послѣднее время, повѣсть (330).
Одинъ день владычества, др. въ 5 д. (335).
Евгеній Свѣтловъ, романъ въ стихахъ (341).
Многоводскіе обѣды и рѣчи (342).
Шагъ впередъ и два назадъ, ком. въ 3 д. (343).
Журнально-политическая дѣятельность Крылова (348).
Наши взгляды на общее дѣло (349).
Община, какъ основа государственнаго строя (350).
Разрушитель, картины прошлаго (351).
Не боги горшки обжигаютъ, пословица въ лицахъ (352).
Плательщики подоходнаго налога (353).
О мѣрахъ къ обезпеченію народнаго продовольствія (356).
Сочиненія Н. Д. Ив. (362).
Горемычные, очеркъ съ натуры (364).
Этнографическій очеркъ южнаго прибережья Ильменя (366).
Подвохи міроѣда (369).
Денежный вопросъ (370).
Бѣглецъ (272 a).

Очерки военнаго быта (372 b).
Камень преткновенія, очерки семинарской жизни (376).
Современныя грезы на яву и во снѣ (378).
Тифлисъ, его обыватели и пр. (382).
Эскизъ (384).
Актриса, др. въ 4 д. (386).
Страничка изъ жизни духовной школы (388).
Бабушкины хлопоты, Болеслава Пруса, переводъ съ польскаго (391).
Картинки съ натуры (393).
Къ чему ей оправданіе? разсказъ (395).
Судебно-мировой институтъ и его задачи (397).
Къ исторіи земской медицины (399).
Трупъ (400).
Туманъ (автобіографія) (402).
За здравіе началъ, а свелъ за упокой, др. въ 3 д. (404).
1880 года. Очеркъ изъ сельско-фабричной жизни (406).
Эгоизмъ и альтруизмъ (407).
Священникъ, разсказъ (409).
Изъ поисковъ за работой (414).
Матеріалы о семейномъ бытѣ (418).
Очеркъ современнаго положенія труда и его послѣдствій (419).
Изъ міра скорбей и печалей (422).
Жертва не по силамъ, др. въ 3 д. (423).
Банкротъ, А. Ш. (425).
Лѣто въ батракахъ (430).
А вѣдь можно быть иначе, др. въ 5 д. (432).
Къ вопросу о незаконнорожденныхъ (435).
Изъ записной книжки земскаго дѣятеля (439).
О вечерницахъ (441).
Главы изъ романа (443).
За границей (445).
Урядъ духовенства, поэма въ 2 ч. (446).
Старая пѣсня на новый мотивъ, ком. въ 3 д. (448).
Базарный день (450).
Къ вопросу, нужно ли побольше врачей (455).
За предѣлами исторіи (456).
Осорье (460).
Къ слову о духовномъ образованіи (466).
Соляной налогъ съ финансовой точки зрѣнія (467).
Легенды Крыма (468).
Деревенскія картинки (469).
Антошка, этюдъ съ натуры (470).
Народное значеніе Пушкина (471).
Затишье, очеркъ семинарскаго быта (472).
Картинки и думы, разсказъ (473).
Объ отхожихъ промыслахъ крестьянъ Вятской губерніи (477).
По поводу введенія у насъ страхованія скота отъ чумы (484).

Два мужа (486).
Не суйся въ сусло, драм. сцены въ 3 д. (490).
Сочиненія Л—нова (491).
Арендаторъ, сцены съ натуры (492).
Устарѣлые, N. (493).
Пять очерковъ Б—цева (494).
О самоубійствахъ въ Одессѣ (496).
Волостной хищникъ (502 a).
Заштатный и Настасья (502 b).
Подъ мракомъ ночи, фантазія (508).
Сергѣй Плетенниковъ, др. въ 4 д. (513).
Дарья Ивановна, Б. (514).
Больше некуда, разсказъ (516).
Наброски по свѣжимъ матеріаламъ мирнаго обывателя (575).
«Въ другой средѣ», повѣсть (583).
Кому на Руси жить хорошо (585).
Мало извѣстный бытъ и три знакомыхъ (594).
Полтора мѣсяца отдыха, Z*** (597).
Пустяшное дѣло (598).
Тяжелыя минуты (600).
Небылицы въ лицахъ (603).
1881 года. Кто лучше? (609).
Одинъ изъ многихъ, романъ (610).
Въ защиту управляющихъ (611).
Колесница счастья, сказка (613).
Опекуны и опекаемые, очеркъ (616).
Юридическія мелодіи (620).
Рукопись и эскизы (625).
Очерки сибирскихъ нравовъ (627).
У каждаго свои интересы (630).
Дѣти времени, наброски (631).
Гдѣ, что и какъ дѣлается (632).
Злоба дня, др. въ 3 д. (634).
Цвѣтко-доброволецъ, разсказъ (675).
Вороньё (типы) (636).
На вольной каторгѣ (637).
Легко нажито, легко и прожито (640).
Пиратъ Гаральдъ, др. въ 7 д. (642).
На новыхъ правахъ, бытовой очеркъ (644).
Наша земледѣльческая обстановка (653).
Бурлаки (былое) (657).
Тихій Донъ (661).
Его помощница, американскій романъ (663).
Юбилей (664).
Странные курьеры, юморист. очерки Яна Ляха, пер. съ польскаго (665).
Положеніе учителей въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ (666).
Наши общественныя дѣла (667).

Грустная исторія, быль (669).
Исходъ, повѣсть (671).
Неудача (672).
Наше захолустье (675).
Русскіе студенты въ нѣмецкой кутузкѣ (676).
Не по долгу расплата, др. въ 7 карт. (681).
Мое литературное прошедшее (682).
Изъ жизни на селѣ (684).
Администраторъ (685).
Люди нашего времени (688).
Не въ деньгахъ счастье, ком. въ 5 д. (689).
Богъ наказалъ, С. Андреева (694).
Монастырская жизнь, отрывки изъ дневника (698).
Еще къ вопросу о медицинѣ (699).
Во время имперіи, романъ (702).
Романъ у господина исправника (705).
Милліонъ, современная быль (715).
Виноватъ ли онъ? очеркъ (723).
Изъ баръ, очеркъ (724).
Нѣсколько словъ о пріемной инспектора народныхъ училищъ (727).
Деревенскіе очерки (730).
Въ рядахъ (сатира) (732).
Рабочіе города Х... (734).
Задачи государства (735).
Графъ Иванъ Безобразовъ, романъ (742).
Семейство купца Вережкина, ком. въ 5 д. (745).
Въ домѣ судебнаго пристава, комедія (746).
Минута жизни, др. въ 5 д. (747).
Искупленіе, др. въ 3 д. (750).
Искорки, романъ (751).
На закатѣ дней (752).
Въ чемъ искать средствъ отъ болѣзней по деревнямъ (753).
Задачи правительства (754).

мое, смерти любимаго человѣка. Не говори загадками. Что̀ ты видѣла?

Муза разсказала о томъ, что она видѣла, но въ полголоса и какимъ-то страннымъ тономъ.

— Только-то? промолвила Джоконда, выслушавъ разсказъ дѣвочки: — это пустяки. Ты попала въ старинную могилу. Эти древніе люди покоятся вездѣ подъ землею въ нашихъ мѣстахъ. Мы называемъ ихъ buche della fate. Они нѣкогда были великимъ народомъ и говорятъ у нихъ были здѣсь города и дворцы, заросшіе теперь терніемъ и бурьяномъ. Они брали съ собою въ могилу свое золото, но оно не принесло имъ пользы. Въ этой странѣ много такихъ могилъ и изъ нихъ выкапываютъ сокровища. Но не хорошо грабить мертвыхъ. Я этого никогда не сдѣлала бы. А ты взяла что-нибудь?

— Я? Все ушло съ нимъ, все исчезло въ воздухѣ.

— Пустяки, отвѣчала Джоконда:—не говори этого; никто тебѣ не повѣритъ. Къ тому же скажутъ, что ты ограбила мертвыхъ и выйдетъ исторія. Я не знаю хорошенько, кому и принадлежитъ эта пустынная земля. Лучше молчи, это вѣрнѣе. Ты, конечно, что-нибудь видѣла, иначе ты не была бы такъ перепугана. Но ты не могла видѣть, чтобы мертвецъ и его золото исчезли въ воздухѣ.

— Да, я видѣла.

— Ты уснула и видѣла это во снѣ. Но пора спать. Я устала. Уже полночь.

— Но кто были эти мертвые люди?

— Не знаю, да и какое тебѣ дѣло? Они уже давно умерли, бѣдняги.

— Но земля... вся состоитъ изъ могилъ?

— Да, и мы въ нее ляжемъ; не миновать намъ этого. Я, право, сожалѣю, что ты не принесла хоть куска золота, если ты его дѣйствительно видѣла.

— Богъ создалъ мужчинъ и женщинъ? спросила неожиданно дѣвочка.

— Конечно, но Онъ могъ бы создать лучше, если уже взялся за это дѣло.

— Ему, вѣроятно, было пріятнѣе сдѣлать кораллъ въ глубинѣ моря и лиліи на болотѣ, замѣтила Муза.

Джоконда вздохнула и широко открыла глаза отъ удивленія.

— Да, ему нечего гордится созданіемъ людей. Злые его гнѣвятъ, а свѣтлыя души—въ пятнахъ, какъ грибы въ лѣсу. Я, право, иногда думаю, что Онъ сожалѣетъ, что создалъ людей. Но грѣхъ такъ говорить.

— Я думаю, что эти люди мнѣ родня, промолвилъ ребенокъ.

— Можетъ быть, никто не знаетъ откуда ты явилась, отвѣчала старуха и прибавила про себя:—дѣйствительно, я никогда не слыхала какого происхожденія была Серапія.

— Но какъ я очутилась у васъ? спросила Муза.

— Я нашла тебя въ горахъ во время сбора каштановъ, сказала Джоконда, и подумала:—это вполнѣ справедливо.

Муза болѣе не разспрашивала. Ея мысли перенеслись снова къ умершимъ людямъ; ея большіе блестящіе глаза были обращены на звѣзды.

— Мертвецы цѣлый день спятъ подъ землей, а ночью свѣтятся на небѣ? спросила Муза.

Джоконда толкнула ее къ постели.

— Оставь въ покоѣ мертвыхъ, сказала она:—ты только-что начала жить. Но, право, еслибы ты принесла немного золота, было бы не грѣхъ. Я не учу тебя воровать, но мертвецы не живые люди, золото имъ не нужно.

Муза легла спать и повернулась лицомъ къ стѣнѣ; щеки ея были мокры отъ слезъ.

VII.

Муза никому не говорила о видѣнномъ ею въ древней гробницѣ, но ея мысли постоянно витали среди мертвецовъ, которые спали на каменномъ ложѣ и исчезали какъ только воздухъ прикасался къ нимъ. Она жаждала ихъ видѣть, знать ихъ тайну и уйти съ ними на небо.

Никто не могъ ничего ей объяснить. Въ этой старинной землѣ этрусковъ никто объ нихъ не зналъ. Повременамъ, иностранцы являлись въ Маремму, рыли земли и, найдя подобную гробницу, похищали изъ нея все, что могли, но въ Санта-Тарзиллѣ не было такихъ гробницъ и никто ими не интересовался. Въ другихъ мѣстахъ поселяне собирали гроши, показывая открытыя гробницы, и удивлялись, что иностранцы охотно переходили въ бродъ черезъ потоки и царапали себѣ въ кровь лицо и руки въ густой чащѣ, чтобъ только взглянуть на разрисованныя стѣны пещеръ.

Если Джоконда одна въ Санта-Тарзиллѣ, отстоявшей на милю отъ древнихъ городовъ Козы и Ветуланіи, знала о томъ, что нѣкогда существовала Этрурія, то она этимъ была обязана своей сѣверной смекалкѣ и хорошей памяти, въ которой, какъ въ со-

кровищницѣ, сохранялось все слышанное ею въ Гроссето во время ея ежегодныхъ странствій въ теченіи пятидесяти лѣтъ.

У Музы было сильно развитое воображеніе, хотя оно питалось не чтеніемъ поэтовъ и историковъ, а только пѣснями и импровизаціями горныхъ жителей, приходившихъ въ Санта-Тарзиллу осенью и часто говорившихъ мелодичной, риѳмованной рѣчью, такъ же инстинктивно, какъ инстинктивно море катитъ свои пѣнящіеся валы. Въ своемъ пламенномъ воображеніи она создала изъ этрусскихъ гробницъ храмы, а самихъ этрусковъ превратила въ родной ей народъ.

— Ты слишкомъ много живешь съ этими мертвецами, дитя мое, сказала однажды Джоконда.

— Они мнѣ не дѣлаютъ вреда, отвѣчала Муза:—живые люди часто меня сердятъ и иногда я со злобы поднимаю на нихъ руку, а передъ мертвыми мнѣ стыдно быть злою.

— Они сами были злые люди, промолвила старуха.

— Я ихъ люблю, промолвила Муза и не сказала болѣе ни слова.

Эти мертвецы были ея святыней. Она не могла объяснить словами свои чувства, но ощущала родственную нѣжность и уваженіе. Она ни за что не похитила бы у этихъ спящихъ три тысячи лѣтъ воиновъ ни одной унціи золота, ни одной глиняной вазы. Она ревниво ихъ охраняла; это были ея идолы; она покланялась имъ, какъ другіе святымъ, на которыхъ она никогда не обращала вниманія.

Не зная того о древнихъ гробницахъ, что̀ знаютъ ученые, и чувствуя только то, что̀ чувствуютъ поэты, Муза въ каждый свободный день отправлялась въ открытую ею пещеру, которая имѣла теперь для нея болѣе таинственной прелести, чѣмъ даже море. Она сознавала, что земля населена цѣлымъ міромъ безмолвныхъ, неподвижныхъ существъ. О смерти она никогда не думала до того дня, когда Джоконда сказала ей, что можетъ вскорѣ умереть. Она видѣла не разъ, какъ хоронили сосѣдей въ черныхъ гробахъ при зажженныхъ факелахъ и удивлялась, отчего ихъ лучше не бросали въ море. Дѣти, игравшія подлѣ нея на берегу, вдругъ заболѣвали лихорадкой и черезъ нѣсколько дней ихъ опускали въ землю. Все это она знала, но никогда объ этомъ не думала. Золотой воинъ, покоившійся на своемъ каменномъ ложѣ, впервые возбудилъ въ ея головѣ мысль о конечной судьбѣ, ожидающей всѣ живыя существа. Онъ въ ея глазахъ исчезъ въ солнечномъ сіяніи и она теперь думала, что смерть была не страшна. Сладко и отрадно было лежать спокойно подъ

землей до той минуты, когда солнечный лучъ унесетъ тебя на небо. Чего же тутъ было бояться?

Снова и снова возвращалась она въ пещеру, гдѣ стѣны, полъ, картины оставались прежнія, только не было золотого воина. Она часами сиживала въ прохладной тѣни подземелья, на томъ самомъ каменномъ ложѣ, гдѣ покоился золотой воинъ, и ждала съ томительнымъ нетерпѣніемъ, чтобъ онъ вернулся и повѣдалъ ей тайны могилы и неба.

Изъ этой комнаты, гдѣ находился Лукумонъ и его богатства, вела каменная дверь въ другую комнату такихъ же размѣровъ, а затѣмъ подобныя же двери отворялись въ двѣ маленькія кельи, отдѣленныя естественной стѣной утеса. Во всѣхъ этихъ трехъ помѣщеніяхъ были каменныя скамьи и стулья, покрытыя пылью, единственными остатками нѣкогда живыхъ существъ. Тутъ одинаково находились крашеные кувшины и чаши, бронзовые канделябры и различные изящные предметы, игрушки изъ эмали и слоновой кости, стеклянныя и золотыя ожерелья, брошки и застежки, янтарные амулеты и кольца съ драгоцѣнными камнями. Стѣны были также разрисованы; въ одной комнатѣ Мантій и Маніа творили судъ, въ другой двѣнадцать боговъ держали совѣтъ; тутъ среди листьевъ лотуса юноши плясали и играли на лирахъ; тамъ Купа и Горта рѣзвились между цвѣтами, а Вертумнія вѣнчала плодами.

По всей вѣроятности, всѣ эти гробницы принадлежали одному семейству, и именно семейству того великаго Лукумона, который въ золотомъ оружіи исчезъ въ солнечномъ сіяніи при первомъ прикосновеніи воздуха. Это, быть можетъ, былъ одинъ изъ позабытыхъ царей тирренскаго народа; но, во всякомъ случаѣ, онъ былъ могучій князь, такъ какъ на его шлемѣ виднѣлась этрусская корона, а на скипетрѣ изъ слоновой кости орелъ съ распростертыми крыльями. Во всѣхъ украшеніяхъ его роскошнаго мавзолея просвѣчивалъ греческій вкусъ; крашеныя вазы съ цвѣтами, плодами, группами боговъ, по формѣ и рисунку, были чисто греческія; ихъ чаще находятъ въ Аѳинахъ, чѣмъ въ Этруріи. Это ясно доказывало, что гробница Лукумона относилась къ эпохѣ Александра Македонскаго. Жадные на золото греки и римляне ее не открыли, а также и современные ученые не подозрѣвали объ ея существованіи, хотя невдалекѣ къ югу на томъ же морскомъ берегу, въ порты котораго заходили нѣкогда аргонавты, производились раскопки циклопской Козы. Вѣроятно, и другія подобныя же пещеры скрывались поблизости подъ известковыми утесами и густой растительностью, но, несмотря на всѣ поиски Музы въ послѣдующіе годы, она не отыскала ихъ

слѣдовъ. И эту гробницу она, конечно, нашла только потому, что между преддверіемъ и наружной землей имѣлось сообщеніе, благодаря дикимъ звѣрямъ, искавшимъ иногда спасенія отъ охотниковъ въ открытомъ портикѣ мавзолея.

Прошелъ годъ послѣ этой странной находки и Муза еще болѣе выросла и возмужала. Ей уже было пятнадцать лѣтъ и она поражала всякаго своей благородной красотой, гордыми взорами, царскимъ, спокойнымъ величіемъ и могучимъ сознаніемъ независимости, которымъ дышала вся ея фигура. Смотря на ея загорѣлое лицо и золотисто-кудрявую головку, старый Андреино не разъ говорилъ себѣ: «Ей пристало болѣе бороться съ моремъ въ утломъ челнокѣ, чѣмъ прясть въ хижинѣ». Однако, идя рядомъ съ Джокондой въ церковь на Пасхѣ, съ крестомъ на груди и пальмовой вѣтвью въ рукахъ, она казалась простой, тихой, скромной дѣвушкой, благоразумной не по лѣтамъ.

Джоконда воспитала ее, какъ умѣла, научила быть несловоохотливой, опрятной, правдивой, работящей, хотя она терпѣть не могла домашнюю работу въ четырехъ стѣнахъ. Она знала кое-какъ граматѣ, т. е. читала довольно плохо и писала очень дурно. Этимъ ограничивались всѣ ея знанія. Но зато она умѣла грести, управлять рулемъ и забрасывать сѣть лучше всѣхъ рыбаковъ. Кромѣ того, она пѣла мѣстныя rispetti и stornelli подъ звуки старой лютни, на которой когда-то любили играть сыновья Джоконды. Эти звуки лютни и ея свѣжій юный голосъ были единственной мелодіей, которая оживляла душныя лѣтнія ночи, когда сирокко наполнялъ бѣдныя хижины пескомъ, а морскія испаренія скрывали за туманной дымкой зеленый островъ Джигліо. Ея пѣніе дышало меланхолическимъ характеромъ окружающей пустынной страны и она чаще всего пѣла о погибшей любви, о смерти милаго въ войнахъ или объ измѣнѣ невѣрнаго жениха, придавая страстное, пламенное выраженіе каждому слову туземныхъ канцонетъ, хотя она и не понимала, что̀ такое любовь, что̀ такое разлука съ милымъ. Въ ея глазахъ все это были пустяки и она любила болѣе геройскія баллады о подвигахъ славныхъ воиновъ, сраженіяхъ и смерти въ бою. Повременамъ, она импровизировала цѣлыя риѳмованныя поэмы. Этотъ даръ импровизаціи въ стихахъ не рѣдкость въ Италіи и вы встрѣтите такихъ безсознательныхъ, но краснорѣчивыхъ и поэтическихъ импровизаторовъ въ уединенныхъ фермахъ на уступахъ Карарскихъ горъ или въ тѣнистыхъ лѣсахъ Апуліи и Сардиніи, гдѣ буржуазная псевдо-цивилизація не уничтожила естественныхъ самобытныхъ силъ итальянскаго народа, доселе еще полу-греческаго.

На Музу находили минуты вдохновенія, какъ на древнихъ

пиѳій; сверкая глазами, то вспыхивая румянцемъ, то блѣднѣя, она распѣвала свои импровизаціи, которыя приводили въ восторгъ и ужасъ слушателей. Вся сила и огонь, скрывавшіеся въ ней тогда, обнаруживались во всемъ своемъ блескѣ, и Джоконда думала съ сердечнымъ содроганіемъ: «Это Сатурнино говоритъ въ ней о любви, ненависти, битвахъ и смерти». Тысячи образовъ и воспоминаній, казалось, возставали въ ея дѣтской памяти; она какъ бы слышала бряцаніе оружія, пушечную пальбу, стоны раненыхъ; кровавый бой, смѣлые подвиги, страшная смерть были ей словно родными картинами и она пѣла о нихъ, какъ Тассо пѣлъ объ осадѣ Іерусалима, хотя онъ никогда ея не видалъ. Громче и громче, сильнѣе и сильнѣе раздавался ея голосъ, чѣмъ быстрѣе вылетали изъ ея устъ вдохновенныя риѳмы; струны старинной лютни стонали и плакали, какъ живое существо, подъ ея пальцами, а когда она вдругъ останавливалась, блѣдная, едва переводя дыханіе и съ широко раскрытыми глазами, словно видѣвшими то, что̀ недоступно смертнымъ—сосѣди тихо расходились, испуганные, очарованные, а Джоконда крестилась, повторяя про себя: «Мертвецы, убитые ея отцомъ, плачутъ ея устами».

Она боялась этого таланта Музы къ импровизаціи и всячески старалась помѣшать его развитію.

— Кто знаетъ, къ чему это приведетъ дѣвочку? думала эта сѣверная уроженка: — если она сдѣлается пѣвицей, продающей свое горло за деньги и появляющейся полуобнаженною на сценѣ, то я пожалѣю, что не оставила ее на съѣденіе крысамъ въ старомъ логовищѣ ея отца.

Но природа сильнѣе всѣхъ совѣтовъ и Муза продолжала пѣть, хотя не часто удавалось сосѣдямъ уговорить ее или подкупить подаркомъ цвѣтка или раковины, чтобы она взяла свою лютню и зажгла ихъ застывшую кровь страстной, трагической поэмой. Не имѣя никакого понятія о стихосложеніи, она нанизывала риѳмы, какъ жемчугъ, и до того богата была ея фантазія, что она никакъ не могла повторять безъ измѣненія своихъ импровизацій.

— Спой намъ то же, что̀ вчера, говорили ей иногда сосѣди, но она отвѣчала:

— Можете вы вернуть вчерашній вѣтеръ или вчерашнія облака? Я могу пѣть только то, что поется.

При другихъ условіяхъ эта способность молодой дѣвушки перешла бы въ геніальный талантъ, но она не имѣла никакихъ средствъ къ развитію и ея поэтическую жажду утоляли лишь отдѣльныя строфы изъ «Освобожденнаго Іерусалима» или отрывки изъ «Orlando Furioso», устно передаваемые однимъ поколѣніемъ

другому. Какъ-то случайно, она нашла въ комодѣ изорванную и полинялую рукопись. Это были сонеты Петрарки, списанные какимъ-то бѣднымъ ученымъ прошедшаго столѣтія. Она съ трудомъ прочла ихъ, заучила наизусть и хранила какъ святыню. Она не знала, кто былъ Петрарка, не вѣдала ни Воклюзскаго источника, ни въѣзда въ Римъ, но любила поэта всей душей и какъ-то смутно соединяла мысль о немъ съ мыслью о золотомъ воинѣ, видѣнномъ ею въ пещерѣ.

Она вѣчно мечтала, исполняя самыя тяжелыя физическія работы и не обращала ни малѣйшаго вниманія на молодыхъ матросовъ съ каботажныхъ судовъ, которые иногда заходили въ бухту. Она просто ихъ ненавидѣла и они съ сердцемъ отворачивались отъ нея, называли ее «Музонселла», и начинали ухаживать за Маріаниной, дочерью лоцмана Джіано, у которой были желтые волосы и красновато-каріе глаза. Но она считалась красавицей и чтобы сохранить бѣлизну своего тѣла, проводила каждое лѣто у своей тетки въ горахъ. Конечно, Маріанина въ сравненіи съ Музой была блѣдной астрой, въ сравненіи съ пышной розой, но она улыбалась, слушала комплименты и кокетничала съ молодыми людьми, а Муза была молчалива, холодна, презрительна. Никто, даже самый смѣлый изъ зимнихъ пришельцевъ въ Маремму не смѣлъ ей и заикнуться о любви. Ея темно-голубые глаза, смотрѣвшіе въ пространство и презрительно-гордое выраженіе губъ отпугивали всѣхъ искателей мимолетнаго удовольствія. Къ тому же за нею зорко слѣдила Джоконда, которая безъ церемоніи запирала дверь всякому, кто слишкомъ засматривался на молодую дѣвушку. Боясь гибельныхъ послѣдствій, если въ жилахъ ея закипитъ страстная кровь Сатурнино, добрая старуха хотѣла сохранить ее вдали отъ міра съ его соблазнами.

Но Андреино думалъ иначе. Ему очень нравилась Муза, а еще болѣе его плѣняло золото, которое по общему говору накопила старая савойярдка. У него былъ правнукъ, и семнадцатилѣтній юноша, съ красивымъ, болѣзненнымъ лицомъ, жившій въ одномъ изъ маленькихъ портовъ Апуліи, гдѣ отецъ его содержалъ кабачекъ.

— Отчего бы ему не жениться на этой дѣвченкѣ, думалъ старикъ:—они могли бы жить у меня. Она сильнѣе многихъ юношей и отлично ловила бы рыбу. Право, я сдѣлалъ бы доброе дѣло, поговоривъ съ Джокондой.

Однажды онъ пошелъ къ старухѣ и объяснилъ свой планъ.

— Нельзя сочетать тростникъ съ молодымъ дубомъ, отвѣчала

она съ спокойнымъ презрѣніемъ, такъ какъ она хорошо помнила болѣзненнаго, слабаго правнука Андреино.

Онъ, однако, не отсталъ и около двухъ часовъ уговаривалъ Джоконду безъ малѣйшаго успѣха.

— Она хитрая старуха, подумалъ онъ: — нѣтъ ли у нея кого-нибудь въ виду на своей родинѣ въ Савойи.

Въ эту минуту вернулась домой Муза.

— Мы говорили о томъ, чтобы васъ выдать замужъ, сказалъ онъ съ улыбкой.

Муза посмотрѣла на него съ удивленіемъ и потомъ засмѣялась.

— Выдать меня замужъ! Это для того, чтобы я оставалась всегда дома, ткала бы полотно, таскала дрова и собирала соль, пока мужъ будетъ или кататься по морю или пьянствовать въ кабачкѣ. Нѣтъ, благодарю васъ, я знаю замужнюю жизнь и не хочу ея.

— Нѣтъ, вы не знаете, воскликнулъ со смѣхомъ старикъ: — есть и...

— Молчите, Андреино, перебила его Джоконда: — замужняя жизнь часто такова, какъ она говоритъ, и даже еще хуже. Оставьте ее; она можетъ еще долго объ этомъ не думать.

— Но мужчины будутъ о ней думать, отвѣчалъ Андреино:— у васъ есть деньги; право, слѣдовало бы пріискать ей хорошаго жениха.

— Не бойтесь, какъ только я зазвеню деньгами, то молодежь налетитъ какъ мухи на вино, замѣтила Джоконда:—ребенокъ еще и не думаетъ о замужествѣ. Оставьте ее въ покоѣ.

Андреино удалился очень недовольный своей неудачей, а Джоконда, оставшись наединѣ съ молодой дѣвушкой, пристально посмотрѣла на нее.

— Дитя мое, сказала она, задумчиво:—ты красавица. Старый болтунъ правъ. Многіе захотѣли бы жениться на тебѣ.

— Да, промолвила Муза разсѣянно.

— Здѣсь нѣтъ ни души, но приходятъ молодцы изъ Лукки и Пистойи.

— Да, повторила Муза.

— Да, но мужчины слишкомъ легкомысленны, а женщины слишкомъ довѣрчивы. Далеко ли до грѣха. Осенью приходятъ горные жители. Они сильные, смѣлые, загорѣлые ребята; они работаютъ цѣлый день, а длинныя ночи проводятъ въ пѣсняхъ и пляскахъ. Молодыя дѣвушки вѣрятъ ихъ словамъ, хотя они повторяютъ то же, что говорили не разъ другимъ дѣвушкамъ въ своихъ родныхъ горахъ. Зимнія ночи длинны и дьяволъ не

дремлетъ; весною дѣвушка горюетъ съ растерзаннымъ сердцемъ, а онъ уходитъ. Какое ему дѣло до нея. На слѣдующій годъ онъ идетъ въ другое селеніе, потому что мужчины не любятъ женскія слезы. Вотъ что бываетъ въ Маремме.

— Да, промолвилась третій разъ Муза.

— Дитя мое, не позволяй ни одному мужчинѣ дотронуться до тебя, пока патеръ не благословитъ васъ въ церкви. Помни это. Пока я жива, я не дамъ тебя въ обиду. Я еще довольно сильна и не поздоровится тому, кто вздумаетъ безчестно поступить съ тобою. Но когда я умру, кто за тебя заступится. Андреино старый болтунъ и болѣе ничего. Обѣщай мнѣ, что до тебя не дотронется ни одинъ мужчина безъ благословенія церкви. Обѣщай, дитя мое.

Муза вздрогнула. Кровь прилила къ ея лицу.

— Я обѣщаю, отвѣчала она поспѣшно:—но я не вижу мужчинъ; мнѣ ихъ не надо.

— Кто-нибудь явится, промолвила Джоконда:—кто-нибудь всегда является. Поклянись на образѣ, который ты носишь на шеѣ, что исполнишь свое обѣщаніе.

Муза поцѣловала образъ Богородицы, висѣвшій у нея на шеѣ.

— Клянусь, сказала она:—но вѣдь слово все равно, что клятва.

— Для тебя да, отвѣчала Джоконда: — но ты еще ребенокъ. Ты сама не знаешь, чѣмъ ты будешь черезъ годъ или два. Ну, теперь ты дала клятву, и не забудешь ея.

— Не забуду, промолвила Муза.

Джоконда замолчала и ей припомнилась, что въ Маремме всегда говорили, что Сатурнино свято держалъ данное слово и, однажды поклявшись на образъ, висѣвшій у него на шеѣ, исполнялъ эту клятву.

— Она дочь Сатурнино, думала старуха, и эта тревожная мысль не давала ей покоя, тѣмъ болѣе, что въ этотъ самый день ей минуло восемьдесять шесть лѣтъ и, слѣдовательно, оставалось жить ужь не долго.

Ночью, когда Муза уже крѣпко спала, Джоконда вынула изъ подъ полы свое маленькое сокровище и при свѣтѣ лампы пересчитала накопленныя ею деньги. Ихъ было немного. Большого состоянія не наживешь тканьемъ полотна и починкой парусовъ. Всего тутъ было двадцать старыхъ велико-герцогскихъ золотыхъ монетъ и нѣсколько горстей папскаго серебра! Она скопила эти деньги для своихъ похоронъ и для поминовенія въ церкви своей души. Но когда она взяла на попеченіе дочь Сатурнино, добрая женщина попросила одного пріятеля въ Гроссето написать на гербовой бумагѣ нѣчто въ родѣ завѣщанія:

«Все это я оставляю дѣвочкѣ Маріи, которую называютъ Музой или Музонселой. Тѣло мое можетъ похоронить приходъ, а съ душой моей Богъ сдѣлаетъ что Ему угодно. Deus exaudet nos.»

Завернувъ деньги въ эту записку, которую она сама продиктовала, Джоконда спрятала снова подъ каменный полъ это скромное наслѣдіе, которое, конечно, не могло охранить бѣднаго ребенка отъ голода, жажды и позора.

— Господь ее сохранитъ, промолвила она, крестясь, но эта заученная отъ патеровъ фраза не могла ее успокоить.

Неожиданно въ головѣ ея возникла мысль о братьяхъ, жившихъ далеко на ея родинѣ, которую она покинула шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Но къ чему было думать о нихъ? они, вѣроятно, уже давно умерли и покоятся на маленькомъ кладбищѣ на горной вершинѣ, гдѣ снѣгъ не таялъ до конца іюня.

Однако, на слѣдующій день она вынула изъ комода нѣсколько старыхъ, пожелтѣвшихъ писемъ, которыя она когда-то получила отъ братьевъ и попросила Музу прочитать ихъ. Дѣвочка съ трудомъ разобрала письма, послѣднее изъ которыхъ было писано тридцать лѣтъ тому назадъ. Это были короткія, серьёзныя письма, именно такія, какія могли написать занятые работой фермера въ зимній вечеръ, когда хижина занесена снѣгомъ, который отдѣляетъ какъ бы ледяной стѣной отъ остального міра. Джоконда молча слушала и потомъ посмотрѣла на подписи — Антонъ Санктисъ и Іоахимъ Санктисъ. Передъ ея глазами возстала счастливая картина молодости, проведенной на мирной, ни въ чемъ не знавшей недостатка Алтійской фермѣ, и она впервые начала говорить Музѣ о своей прежней жизни. Ребенокъ слушалъ съ удивленіемъ разсказъ о необыкновенной странѣ ледниковъ, прохладныхъ лѣсовъ и снѣжныхъ вершинъ.

— Вы думаете, что ваши родственники всѣ умерли? спросила она.

— Да, конечно, промолвила Джоконда мысленно проклиная судьбу, которая заставляла ее умирать въ душной, зараженной міазмами Маремме вдали отъ родныхъ сосенъ и снѣжныхъ горъ.

Въ продолженіе всего знойнаго лѣта, мысль о братьяхъ не покидала бѣдную старуху и, отправившись однажды въ Гроссето, она сказала знакомому писцу:

— Напишите подъ мою диктовку хорошее, длинное письмо и адресуйте его, четко, крупно: Антону и Іоахиму Санктисъ въ Каньскую долину, въ Савойѣ.

Продиктовавъ письмо, она взяла его и сама опустила въ почтовый ящикъ въ Гроссето.

Ея братья, если и живы, должны были теперь быть дряхлыми стариками, такъ какъ они были старьше ея на нѣсколько лѣтъ; но они представлялись ей здоровенными, красивыми фермерами, какими она ихъ видѣла въ послѣдній разъ, покидая свою горную родину съ любимымъ человѣкомъ. Правда, онъ былъ всегда ей вѣренъ, но море унесло его и бѣдная старуха теперь думала, что еслибы она никогда его не увидала, то доселѣ жила бы счастливо въ богатой, прохладной Альпійской долинѣ. Ею овладѣла такая гнетущая тоска по родинѣ, что, возвращаясь на песчаный, сожженный солнцемъ берегъ Санта-Тарзиллы, она бормотала про себя:

— Никогда не надо бросать своей колыбели.

Въ продолженіи многихъ недѣль послѣ этого, она съ нетерпѣніемъ ожидала прибытія почталіона, который очень рѣдко заглядывалъ въ это уединенное селеніе. Но время шло; засуха становилась все невыносимѣе, небо сдѣлалось сѣрымъ, болота пожелтѣли, воздухъ былъ горячъ, какъ въ печкѣ, а надъ моремъ стоялъ синеватый туманъ. Но она все не получала отвѣта.

— Значитъ, они умерли, думала Джоконда, печально поникнувъ головой.

VIII.

Между тѣмъ, Муза искала сочувствія и утѣшенія у мертвецовъ, которые покоились подъ землею болѣе трехъ тысячъ лѣтъ.

Она никому не открывала своей тайны; она любила свою пещеру и проводила въ ней всѣ свободныя минуты. Съ помощью Андреино она, наконецъ, построила изъ валяющихся обломковъ на берегу маленькую лодку, быстро скользившую по морю, хотя и не очень безопасную. Но она ничего не боялась, потому что плавала, какъ рыба. Въ уютномъ челнѣ она посѣщала во всякое время и зимой, и лѣтомъ свою любимую этрусскую гробницу, которая казалась ей какимъ-то волшебнымъ храмомъ.

Мало-по-малу, верхній міръ, гдѣ зеленѣли дубы, колосилась пшеница и цвѣла жимолость, потерялъ въ ея глазахъ всякое значеніе; это была только смѣшная карикатура истиннаго міра, гдѣ спали милліоны мертвецовъ, ожидая... чего? Она не знала, но чувствовала, что лучше будетъ вѣчно ждать съ ними невѣдомаго, чѣмъ

жить въ окружавшемъ ее грязномъ, болѣзненномъ, живомъ міркѣ съ его дикими ссорами изъ-за мѣдной копейки, съ его горестями, лишеніями, скукой, болѣзнями и каменными сердцами.

Для всякаго, живущаго въ мірѣ идеаловъ, міръ живыхъ людей кажется мелочнымъ; и міръ идеаловъ окружалъ Музу, отецъ которой видѣлъ красоту только въ алыхъ губкахъ, остромъ кинжалѣ, мѣшкѣ съ золотомъ и лужѣ крови.

То немногое, что Джоконда сказала ей объ умершемъ народѣ, обитавшемъ нѣкогда въ Маремме, только еще болѣе разожгло ея пламенное воображеніе.

— Въ книгахъ пишутъ объ этомъ умершемъ народѣ? спросила однажды Муза у доброй старухи.

— Да; вся ложь на свѣтѣ берется изъ книгъ, но, говорятъ, что и въ нихъ есть доля правды. Впрочемъ, я всегда считала, что книгѣ мѣсто въ рукахъ у патеровъ и ни у кого другого.

Муза стала читать хорошо и бѣгло. Но она не могла найти книгъ о мертвомъ народѣ. Ей попадались на глаза только житія святыхъ и правительственныя объявленія о налогахъ и другихъ притѣсненіяхъ, наклеенныхъ на домахъ Санта-Тарзиллы.

«У кого же есть книги?» думала она съ негодованіемъ.

Ни у кого въ окружавшемъ ея мірѣ.

И она все болѣе и болѣе предавалась своему міру идеаловъ, восполняя воображеніемъ то, что не могла прочитать въ книгахъ. Воображеніе безъ культуры лишено крыльевъ и паритъ не высоко, но оно богато и поэтично, какъ свидѣтельствуютъ народныя легенды.

Таинственная пещера была еще тѣмъ драгоцѣннѣе и прекраснѣе въ глазахъ молодой дѣвушки, что она составляла ея собственность. Еслибы кто-нибудь другой появился въ этомъ одинокомъ, уединенномъ жилищѣ мертвецовъ, то оно потеряло бы много своей прелести. Теперь же, сѣрые сумерки, вѣчно царившіе въ гробницѣ, были для нея милѣе весенняго или лѣтняго солнца, блестѣвшаго на зеленой листвѣ деревьевъ или на голубомъ морѣ. Ея безмолвная тишина была для нея отраднѣе даже плеска волнъ, которыя она такъ любила.

Она возвращалась домой съ грустью въ сердцѣ; тамъ ждали ее шумъ и гамъ: крики людей, сплетни женщинъ, кипѣніе масла на сковородахъ, звонъ мѣдной посуды, стоны животныхъ.

Итальянское селеніе никогда не представляетъ пріятнаго зрѣлища. Въ немъ столько пыли, столько грязи, такъ пахнетъ масломъ и шелковичными червями; собаки, кошки, мулы и куры кажутся такими голодными и болѣзненными. Дѣти, играя въ пыли или грязи, мучаютъ всегда какое-нибудь живое существо. Даже-

среди горъ и пастбищъ подобная обстановка портитъ всю прелесть чудной природы, но на обнаженномъ берегу Маремма она въ тысячу разъ непріятнѣе.

Возвращаясь въ Санта-Тарзиллу изъ своей этрусской гробницы, Муза инстинктивно сознавала всю непривлекательность этой жизни и ненавидѣла ее.

«Лучше съ мертвецами», думала она.

Когда однажды открыли подобную этрусскую гробницу и нашли въ ней золотое ожерелье такой тонкой, изящной работы, съ которой не могутъ сравняться всѣ современныя издѣлія, то извѣстная итальянская герцогиня, доселѣ еще здравствующая, надѣла на себя это сокровище мертвецовъ и танцовала въ немъ цѣлую ночь. Но Муза ни за что не сдѣлала бы такого святотатства. Она оставила золото и глиняную посуду на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ поставили мертвецы и хотя въ одномъ изъ пустыхъ гробовъ лежали золотыя украшенія, которыя соблазнили бы любую молодую дѣвушку, но до нихъ не дотронулась дочь того, кто бралъ золото всюду, гдѣ только его видѣлъ.

Однажды среди знойнаго лѣта, когда небо стояло мѣднымъ сводомъ, море казалось зловонной масляной поверхностью, а болота высохли, словно выжженныя солнцемъ, Муза искала убѣжища въ своей одинокой, прохладной пещерѣ, мимо которой проходили только, и то изрѣдка, стада буйволовъ. Но на этотъ разъ она съ неудовольствіемъ и страхомъ увидала, близь отверстія пещеры, среди волосатика и журавлинаго гороха, живое существо. Это былъ маленькій, десятилѣтній пастухъ, окруженный стадомъ козъ, сѣрыхъ, бѣлыхъ и черныхъ, съ блестящими, умными глазами. Хорошенькій, загорѣлый, полуобнаженный мальчуганъ, дѣтище окрестныхъ горъ и болотъ, игралъ на тростниковой дудкѣ, какъ истый сынъ Пана.

— Кто ты? спросила Муза, сознавая, что вся эта мѣстность принадлежитъ ей.

Онъ засмѣялся.

— Я Зеферино; а меня зовутъ Зирло. Я тебя знаю. Ты дѣвочка, которую называютъ въ Санта-Тарзиллѣ Музонселлой и Веліей.

— Такъ что же? Эти прозвища не хуже Зирло. Отчего тебя зовутъ Зирло?

— Потому что я пою.

— Кто же не поетъ? Это пустяки. Зачѣмъ ты сюда привелъ свое стадо?

— Отчего же не привести? Болота и лѣса свободны для всѣхъ. Ужасная жара, въ горахъ нѣтъ травы я и пришелъ сюда.

Зимой я живу въ шалашѣ на этой полянѣ, но не былъ здѣсь съ Пасхи.

Муза молчала. Она понимала, что мальчикъ правъ: земля— свободное достояніе всѣхъ.

— Ты далеко живешь отсюда? спросила она, наконецъ.

— Вонъ тамъ на верху.

И онъ указалъ пальцемъ на горизонтъ.

— А какъ зовутъ твое селеніе?

— Санъ-Ліонардо. Оно тамъ.

И онъ снова указалъ пальцемъ на подножія горнаго кряжа, покрытыя красноватымъ туманомъ вслѣдствіе солнечнаго зноя.

Муза смотрѣла на него задумчиво. Онъ находился подлѣ отверстія пещеры, которое она старательно покрывала каждый разъ, при уходѣ, камнями и хворостомъ. Онъ лежалъ на спинѣ и держалъ въ рукѣ свою тростниковую дудку. Лицо его было красивое, невинное.

— Развѣ я мѣшаю? продолжалъ добродушно мальчикъ: — вездѣ трава выгорѣла; мои бѣдныя козы уже болѣе недѣли голодаютъ; а здѣсь много воды и трава получше. Мы тебя не обезпокоимъ.

— Я люблю быть одна.

— Ахъ, да, ты—Музонселла. Но не хорошо быть всегда одной. Я вотъ никогда не бываю одинъ; у меня козлята. Говорятъ, что ты злая. Правда это?

— Не знаю.

— Ты, говорятъ, дерешься?

— Иногда.

Зирло поднялся съ замѣтнымъ безпокойствомъ.

— Зачѣмъ ты бьешь людей?

— Я бью только тѣхъ, которые меня сердятъ.

— Я тебя разсердилъ. Лучше мнѣ убраться отсюда со стадомъ.

Глаза Музы засверкали. Но черезъ мгновеніе она смягчилась. Онъ боялся ея и страхъ ребенка ее обезоружилъ.

— Я тебя не трону, пусть козлята ѣдятъ, сказала она такимъ тономъ, какимъ принцесса могла бы дозволить рвать розы въ саду ея дворца.

Хотя она походила на молодую нимфу, а онъ на маленькаго фавна, но въ сущности они оба были дѣти, а всѣ дѣти имѣютъ много общаго между собою.

Мальчикъ лежалъ подъ тѣнью каменнаго дуба; козы окружали его. Муза сѣла подлѣ. У нея былъ кусокъ чернаго хлѣба и

фляжка съ водой; у него было тоже самое. Они преспокойно поѣли и напились.

Зирло былъ застѣнчивъ, но его что-то влекло къ этой странной дѣвочкѣ; она была недовольна его появленіемъ, но не хотѣла его обидѣть. Надъ ними и вокругъ нихъ стояло жгучее пекло; вся природа, казалось, была окрашена въ сѣрый или желтый цвѣтъ и трава походила на песокъ пустынной равнины; на горизонтѣ словно горѣли неугасаемые огни.

Муза сидѣла и думала: какъ ей скрыться въ свое прохладное убѣжище, не выдавъ своей тайны этому мальчику? Онъ же тихонько наигрывалъ на своей дудкѣ нѣжныя мелодіи, заслужившія ему прозвище Зирло [1].

Черезъ нѣсколько времени, Муза машинально начала пѣть; Зирло сталъ ей подтягивать. Ихъ звонкіе голоса громко раздавались въ воздухѣ, нарушая безмолвную тишину этрусской гробницы.

Когда они устали пѣть, то снова поѣли чернаго хлѣба и напились воды; почернѣвшіе отъ солнечныхъ лучей листья каменнаго дуба висѣли надъ ихъ головами, неколеблемые ни малѣйшимъ дуновеніемъ вѣтра.

Неожиданно козы перестали щипать траву и, повернувшись головами къ морю, начали жалобно блѣять.

— Будетъ гроза, сказалъ Зеферино:—мы этого не видимъ, а онѣ видятъ.

— Еслибы мы были въ морѣ, я тебѣ сказала бы, будетъ ли гроза, отвѣчала Муза, которая болѣе привыкла къ морю, чѣмъ къ сушѣ.

Спустя десять минутъ, дѣйствительно поднялась гроза, неожиданная, страшная, могучая, безъ дождя. Небо сдѣлалось сплошной молніей; вѣтеръ неистово дулъ; громъ гудѣлъ, словно небо и земля раздирались на части; облака пыли носились по равнинѣ, какъ громадные столбы; стада буйволовъ, опустивъ свои рога, пронеслись мимо, какъ вихрь, отыскивая убѣжища въ лѣсной чащѣ.

Козы тѣсно сплотились, повернувъ спины къ вѣтру и дрожа, какъ осиновые листья. Муза стояла, гордо вытянувшись во весь ростъ, хотя вѣтеръ наклонялъ ее, какъ молодое деревцо, то въ одну, то въ другую сторону. Зирло упалъ на землю, закрывъ лицо руками.

— Встань! воскликнула она, схвативъ его за плечи: — надо укрыть козъ отъ непогоды, а то онѣ погибнутъ.

---

[1] *Зирло*—значитъ свистъ дрозда. *Прим. автора.*

И, взявъ его за рубашку изъ козлиной шкуры, она подняла его на ноги.

— Здѣсь нѣтъ убѣжища, отвѣчалъ онъ и хотѣлъ снова броситься на землю.

Она удержала его силой.

— Есть, промолвила она:—слѣдуй за мной и зови стадо.

Оглушаемая и ослѣпляемая грозой, Муза, однако, добралась до отверстія пещеры, очистила его отъ хвороста и каменьевъ, и стащила внизъ по ступенямъ маленькаго пастуха. Козы были умнѣе и, почуявъ убѣжище, бросились сломя голову въ пещеру. Гроза продолжалась. Очутившись въ пещерѣ, Зеферино упалъ на колѣни, блѣдный отъ страха.

— Трусъ! воскликнула съ презрѣніемъ дочь Сатурнино, не знавшая, что такое страхъ.

Она спокойно стояла среди козъ въ этрусской гробницѣ.

Зирло ничего не слыхалъ; онъ былъ едва живъ. На верху свирѣпствовала гроза, страшные удары грома перекатывались подъ сводами пещеры. Но гробница была надежнымъ убѣжищемъ; козы столпились вокругъ ложа исчезнувшаго воина и тихо блѣяли, но не отъ страха.

— Они молятся, сказала Муза: — молись и ты, если ты трусъ.

Зирло началъ бормотать заученныя молитвы.

— Что бы ты сдѣлалъ на морѣ въ бурю? продолжала презрительно Муза:—каждое лѣто бываетъ болѣе пятидесяти бурь.

— Я не боялся, уткнувшись лицомъ въ землю отвѣчалъ Зеферино, дрожа всѣмъ тѣломъ: — но это мрачное мѣсто... гдѣ я? И твои глаза такъ горятъ. Ты меня еще болѣе пугаешь.

— Мои глаза горятъ? произнесла Муза, очень довольная этимъ:—если они горятъ, то только потому, что ты трусъ. Тебя называютъ Зирло? Но дроздъ умнѣе тебя. Это жилище мое, слышишь, мое, и ты не долженъ никому говорить о немъ.

Зирло посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ.

— Твое?

— Да, мое; я его нашла, отвѣчала Муза и прибавила въ полголоса:—оно принадлежитъ *имъ*.

— Это пещера, промолвилъ Зирло, оглядываясь.

— Это могила.

Ребенокъ вздрогнулъ.

— Ты говоришь это, чтобы меня напугать. Такихъ могилъ не бываетъ. Яма и опущенный туда деревянный ящикъ—вотъ что называютъ могилой. Я это знаю. Мою мать похоронили въ прошломъ году.

— У тебя нѣтъ матери?

— Нѣтъ.

— И у меня нѣтъ.

Общее несчастіе ихъ немного сблизило; глаза Зирло наполнились слезами; Муза задумалась. Онъ зналъ, чего лишился; она только могла себѣ это представить. Буря продолжалась.

— Еслибы только пошелъ дождь, промолвилъ ребенокъ, прислушиваясь къ раскатамъ грома и свисту вѣтра.

— Дождя не будетъ раньше, какъ черезъ мѣсяцъ, отвѣчала Муза:—сегодня говорили объ этомъ рыбаки.

Есть что-то ужасное и коварное въ грозѣ безъ дождя. Она кажется чѣмъ-то неестественнымъ и приноситъ одинъ только вредъ растительности, тогда какъ гроза, сопровождаемая ливнемъ, освѣжаетъ флору, придаетъ плодородіе землѣ, поднимаетъ воду въ рѣкахъ. Гроза безъ дождя то же, что жизнь безъ любви; она сама не знаетъ счастья и никому не приноситъ счастья.

Дѣти сожалѣли, что среди шума и треска грозы не слыхать было желаннаго звука падающихъ крупныхъ капель дождя. Но рѣдко, въ августѣ, идетъ дождь даже въ сырой Маремме и къ тому же, по словамъ Зирло, была «красная луна». А красной луной суевѣрные поселяне объясняютъ всѣ свои невзгоды.

Становилось все темнѣе и темнѣе; только по временамъ молнія освѣщала мрачную гробницу этрусковъ.

— Я боюсь! бормоталъ Зирло, закрывая лицо руками, каждый разъ, какъ при блескѣ молніи выступали изъ мрака таинственныя фигуры на стѣнахъ.

— Тебѣ нечего бояться, говорила Муза, но очень нѣжно, вспоминая, что она и сама сначала была испугана.

— Но кто это? спросилъ, наконецъ, Зирло, указывая на фрески.

— Это изображенія мертвецовъ, отвѣчала Муза съ грустью и сочувственнымъ уваженіемъ:—они давно умерли. Они когда-то здѣсь царили... и, должно быть, были счастливы. У нихъ были цвѣты; посмотри: ихъ водяныя лиліи такія же, какъ ростутъ теперь, ихъ собака такая, какъ моя, и они играли на такихъ же дудкахъ, какъ ты. Но все это было, говоритъ Джоконда, очень давно, такъ давно, что надъ ихъ могилами выросли деревья и возвысились утесы, а люди даже забыли, что̀ это былъ за народъ.

Зирло молчалъ. Онъ ничего не понималъ въ ея словахъ. Время для него не существовало. Еслибы его спросили, сколько ему лѣтъ, то онъ отвѣчалъ бы, что забылъ. Онъ всегда былъ на болотахъ и въ горахъ, всегда пасъ свое стадо. Онъ зналъ свое

стадо и болѣе ничего. Его предки были пастухами и онъ родился среди козъ въ шалашѣ, сдѣланномъ изъ тростника и хвороста; онъ сосалъ козъ, какъ маленькіе козлята; и росъ съ ними, потомъ его одѣли въ козлиную шкуру и сказали, чтобы онъ пасъ стадо. Это было давно, очень давно, и онъ не думалъ, чтобы мертвые люди, о которыхъ говорила молодая дѣвушка, могли жить въ такія отдаленныя времена.

Для необразованнаго ума всего труднѣе понять, что̀ такое время. Муза сознавала его своимъ воображеніемъ; но Зирло не былъ одаренъ этой роковой способностью. Его умъ никогда не уносился за предѣлы горъ и болотъ, стада и его селенія. Санъ-Леонардо былъ въ его глазахъ конечнымъ предѣломъ свѣта. Онъ былъ убѣжденъ, что трава и кустарники росли только для его козъ и что для нихъ же свѣтитъ солнце и падаетъ дождь.

Когда прошла гроза и они вышли изъ пещеры, Муза простилась съ Зирло и направила свои шаги къ Сассо-Скритто, отстоявшему на три мили. Гроза миновала, но земля осталась еще болѣе сухой и выжженной. Сломанные сучья валялись на землѣ и по мѣстамъ виднѣлись разселины, словно послѣ землетрясенія; ящерицы кишили въ сухой травѣ и кое-гдѣ змѣя высовывала свою голову стального цвѣта. Нестерпимая жара заволакивала тяжелой мглой всю окрестную страну, прекращая всякое движеніе животной жизни.

Уже вечерѣло; солнце, красное, безъ лучей, опускалось за горизонтъ.

Достигнувъ берега, она остановилась. Красное ядро солнца какъ будто держалось на поверхности моря, на небѣ его замѣнялъ конусъ блестящаго бѣлаго цвѣта, а по обѣ стороны сіяли еще два такихъ же красныхъ солнца.

Это былъ хорошо извѣстный астрономамъ оптическій обманъ, благодаря отраженію и преломленію свѣта. Но въ старину подобное зрѣлище пугало астрологовъ, мудрецовъ и завоевателей. Музу поразило это атмосферическое явленіе, очень рѣдкое въ Италіи. Она съ удивленіемъ смотрѣла на него, подобно Антонину, Плинію и Константину.

Неожиданно она увидала въ водѣ голову человѣка. Онъ, казалось, не плавалъ, а волна его несла куда хотѣла. Онъ не двигался, не дѣлалъ ни малѣйшаго усилія. Муза, привыкшая къ морю и ко всѣмъ его выходкамъ, тотчасъ поняла, что у этого человѣка сдѣлались судороги и онъ не могъ пошевельнуться. Съ минуту онъ лежалъ какъ доска на поверхности и потомъ медленно, безпомощно пошелъ ко дну. Не теряя ни секунды, Муза бросилась въ море и поспѣшила къ нему на помощь.

Вода была все еще тепла, масляниста, нездорова, но жаръ произвелъ въ ней такое броженіе, что плавать было трудно. Но Муза проводила въ морѣ ежедневно по нѣскольку часовъ и была ловкимъ, могущимъ многое вынести пловцомъ. Тѣло поднялось между тѣмъ на поверхность и снова исчезло. Она знала, что оно всплыветъ еще разъ и еслибы только могла угадать то мѣсто, гдѣ оно покажется, то еще можно было бы его спасти. Она плыла быстро, высоко поднявъ надъ водою голову и шею. Лучше было бы имѣть въ своемъ распоряженіи лодку, но она была вытащена на берегъ въ десяти футахъ оттуда, и потребовалось бы нѣсколько минутъ, чтобы отвязать ее и отчалить отъ берега.

Она остановилась на мгновеніе и стала ждать, чтобы несчастный всплылъ, хотя онъ уже, можетъ быть, былъ мертвый. На морѣ теперь было очень темно; солнце и атмосферическое явленіе исчезли; на отдаленномъ западѣ виднѣлась только розовая полоса и луна еще не встала.

Наконецъ, что-то показалось среди бѣлой пѣны волнъ, трудно было различить, что̀ именно.

Муза быстро подплыла и, протянувъ руку ощупала голову и туловище человѣка. Голова была обрита, а на тѣлѣ виднѣлся кушакъ, за который можно было схватиться. Она взялась одной рукой за этотъ кушакъ, а другой, разсѣкая волны, направилась къ берегу.

Несчастный показался ей мертвымъ, но, достигнувъ до него, она не хотѣла его бросить. Къ тому же, онъ, можетъ быть, еще отойдетъ. Она видала не разъ, какъ утопленникамъ возвращали жизнь.

По счастью для нихъ обоихъ, она была недалеко отъ берега, а то она не была бы въ состояніи проплыть большее разстояніе, таща за собою такую тяжесть. Въ этомъ мѣстѣ море очень мелко и она, вставъ на ноги, поволокла ношу до берега, гдѣ положила ее на песокъ.

Совсѣмъ стемнѣло.

Она встала передъ нимъ на колѣни, стала дуть ему въ ноздри и принимать всѣ мѣры, которыя были извѣстны рыбакамъ Санта-Тарзиллы для возвращенія къ жизни утопленника. Ея усилія увѣнчались успѣхомъ. Сердце несчастнаго начало биться, морская вода брызнула изъ его рта, дрожь пробѣжала по его тѣлу. Онъ ожилъ. Это былъ человѣкъ большого роста, мускулистый; на немъ были полотняные шаровары и кожанный кушакъ; отъ лба до пояса тѣло его загорѣло почти до черноты. Ему на взглядъ было лѣтъ пятьдесятъ или болѣе. Онъ присѣлъ на

пескѣ и устремилъ въ окружавшій его мракъ дикіе, отчаянные взоры.

— Не выдавайте меня, пробормоталъ онъ, хотя и не видѣлъ въ темнотѣ молодую дѣвушку.

Онъ ощупалъ пальцами ноги и руки, словно отыскивая нѣчто, долженствовавшее тамъ находиться. Потомъ поднялъ голову и снова впился въ темноту глазами, въ которыхъ ясно выражалось смущеніе и испугъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ дикая злоба.

— Еслибы у меня былъ только ножъ, пробормоталъ онъ: — еслибы у меня былъ только ножъ.

Муза слышала эти слова и ей стало жаль его. Онъ боялся чего-то, этотъ сильный, дикій человѣкъ—вѣроятно, поимки. Она не думала, чтобы онъ былъ опасенъ для нея и, положивъ руку къ нему на плечо, спросила:

— Зачѣмъ вамъ ножъ? Чего вы боитесь?

Онъ посмотрѣлъ на нее и смутно понялъ, что передъ нимъ молодая дѣвушка, почти ребенокъ.

— Какъ я сюда попалъ? спросилъ онъ въ смущеніи.

— Вы тонули, отвѣчала она просто: — я васъ спасла. Вотъ и все.

— Вы меня спасли?

Онъ посмотрѣлъ на нее и засмѣялся грубымъ, дикимъ смѣхомъ, который непріятно поразилъ ее.

— Вы ребенокъ, отвѣчалъ онъ: — это ложь. Здѣсь скрыты люди...

— Здѣсь нѣтъ никого. Я очень сильна. Я поплыла къ вамъ на встрѣчу и спасла васъ. Но я вижу, что сдѣлала глупость.

Онъ все еще сидѣлъ на пескѣ; его грудь и спина были голыя; голова обритая, на плечѣ клеймо.

При видѣ этого клейма, Муза вздрогнула. Морозъ пробѣжалъ по ея тѣлу. Она слыхала о каторжникахъ и теперь передъ нею на этомъ пустынномъ берегу былъ одинъ изъ нихъ.

— Я изъ этихъ несчастныхъ.

— Понимаю, промолвила она очень тихо:—вы бѣжали...

Онъ кивнулъ головой.

— Вы меня не выдадите, сказалъ онъ поспѣшно: — если вы это сдѣлаете, то я васъ убью, хотя у меня нѣтъ ножа. Вы молоды; я могу васъ раздавить.

— Вы можете, отвѣчала Муза, недоумѣвая, зачѣмъ она его спасла.

Другая молодая дѣвушка на ея мѣстѣ искала бы спасенія въ бѣгствѣ, но Муза не покинула его. Его дикая злоба и отчаян-

ное положеніе приковывали ее къ нему. Она и не думала о той опасности, которой сама подвергалась.

— Какъ вы бѣжали, въ плавь? спросила она.

Любопытство узнать исторію этого смѣлаго подвига взяло вверхъ надъ всѣми другими чувствами.

— Вы однѣ? спросилъ онъ:—если вы лжете, то я васъ растерзаю зубами.

— Зачѣмъ мнѣ лгать?

— Чтобы помочь моимъ преслѣдователямъ.

— Я не помогу вашимъ преслѣдователямъ васъ поймать, какъ не помогу охотникамъ затравить кабана.

Онъ пристально посмотрѣлъ на нее своими кровью налитыми и блестящими, какъ у шакала, глазами.

— Я утопалъ, вы говорите?

— Да; кто вы такой?

Онъ заскрежеталъ зубами.—Кто я? Никто. У меня нѣтъ имени. У меня номеръ, какъ у вьючнаго животнаго. Я умеръ и погребенъ. Но еелибы у меня былъ только ножъ, еслибы у меня былъ ножъ...

— Что бы вы тогда сдѣлали?

— Я былъ бы снова человѣкомъ. Имѣть ножъ и ружье, значитъ быть человѣкомъ.

Голова его поникла; мысли у него путались. Онъ сталъ бредить. Онъ находился въ водѣ нѣсколько часовъ и совершенно осовѣлъ.

— Вы странная дѣвушка, промолвилъ онъ снова:—вы, можетъ быть, хотите мнѣ добра. Если вы меня спасли...

— Да, я васъ спасла.

— Такъ вы сильны и смѣлы. Да, я плылъ по морю. По ночамъ скрывался за утесами, а днемъ пробирался по берегу; мы нашли лодку и гребли въ ней; но бурей лодку опрокинуло и мы пустились въ плавь. Мой товарищъ, вѣроятно, потонулъ. Я долго былъ въ водѣ, окостенѣлъ и не могъ дальше плыть. Меня мучитъ жажда. Дайте мнѣ пить.

Она подала ему свою фляжку съ водой. Онъ выпилъ залпомъ всю оставшуюся въ ней воду.

— Чортъ! еслибы это было вино! воскликнулъ онъ: — теперь дайте мнѣ ножъ.

— У меня нѣтъ ножа.

— Вы можете мнѣ достать ножъ.

— Не здѣсь, это пустынный берегъ.

Онъ оглядѣлся по сторонамъ. Подозрительность въ немъ еще

не исчезла и глаза у него сверкали, какъ у затравленнаго тигра.

— Я былъ Сатурнино, промолвилъ онъ сквозь зубы.

Она слыхала о Сатурнино.

— Еслибы у меня былъ только ножъ! повторилъ онъ:—ножъ или ружье.

— Скажите мнѣ, какъ вы бѣжали? спросила она, забывая въ пылу своего любопытства, что онъ можетъ однимъ взмахомъ руки раздавить ее, какъ букашку:—скажите мнѣ, я никому не проговорюсь, никому, никогда.

Несчастный бѣглецъ, нѣкогда страшный разбойникъ не слушалъ ея. Онъ смотрѣлъ вдоль берега, ярко теперь блестѣвшаго при свѣтѣ только что взошедшей луны.

— Негдѣ здѣсь спрятаться? пробормоталъ онъ:—за камнемъ или скалой? Берегъ обнаженный! Проклятіе. Утромъ меня поймаютъ.

— А они знаютъ о вашемъ бѣгствѣ?

— Знаютъ. Они преслѣдуютъ меня... Гдѣ бы мнѣ спрятаться? Вы здѣшняя?

— Да.

— Спрячьте меня. Если вы меня выдадите, я васъ убью.

Муза не отвѣчала. Она думала.

— Я знаю одно убѣжище, сказала она, наконецъ.

— На берегу?

— Нѣтъ, но не далеко.

Онъ съ трудомъ всталъ.

— Ведите меня. Но помните, что я васъ убью и безъ ножа.

— Я не боюсь.

Она сказала правду. Она не боялась за себя. Ей было жаль этого бѣднаго человѣка, котораго травили какъ дикаго звѣря и всякое другое чувство въ ней стушевывалось передъ этимъ могучимъ чувствомъ сожалѣнія. Она была поражена, но не испугана. Она желала ему помочь избѣгнуть поимки, какъ не разъ желала помочь кабану спастись отъ преслѣдованія охотниковъ.

Ея лучезарные какъ звѣзды взоры впились въ его дикіе, сумрачные глаза. Они не знали другъ друга, но этого взгляда было для нихъ достаточно, чтобы повѣрить другъ другу.

— Идемъ, сказала она просто и пошла впередъ.

Было свѣтло какъ днемъ; обнаженный берегъ казался сожженнымъ, бурыя болота манили къ себѣ таинственной, неестественной тишиной. Вдругъ вдали послышался какой-то шумъ. Это былъ лошадиный топотъ; карабинеры преслѣдовали по берегу бѣглаго каторжника.

Онъ наострилъ уши и присѣлъ къ землѣ, какъ лисица, которую травятъ охотники. Потомъ онъ молча послѣдовалъ за молодой дѣвушкой. Она повела его въ этрусскую гробницу.

IX.

Онъ шелъ за нею, ничего не спрашивая. Конскій топатъ замеръ въ окружающей тишинѣ и его зоркій взглядъ тотчасъ оцѣнилъ, какъ удобно скрыться отъ преслѣдователей въ чащѣ высокой травы и колючихъ кустарниковъ, среди которыхъ его вела молодая дѣвушка. Когда же онъ опустился вслѣдъ за нею въ пещеру, онъ все-таки ничего не спросилъ ее. Для другихъ она могла быть гробницей, но для него она была только логовищемъ, какъ всякая трещина въ землѣ для преслѣдуемой охотниками лисицы.

— Хорошо, сказалъ онъ, осматривая косвенно подземелье.

Муза зажгла лампу. Глаза его засверкали. Онъ увидалъ золото.

— Что̀ это? Гдѣ? спросилъ онъ, наконецъ, пробужденный къ новой жизни видомъ золота.

— Это гробница, отвѣчала тихо Муза:—это все святыни, принадлежащія мертвымъ и богамъ.

Онъ засмѣялся грубымъ смѣхомъ, непріятно поразившимъ молодую дѣвушку.

— Здѣсь хорошо, повторилъ онъ:—есть здѣсь пища?

— Нѣтъ. Но я вамъ принесу утромъ чего-нибудь поѣсть, хоть хлѣба.

— И ножъ. Принесите мнѣ ножъ.

Она колебалась.

— Я принесу хлѣба и вина.

— Принесите ножъ.

— Но вы кого-нибудь убьете.

— Такъ что же? Я васъ не убью, если вы мнѣ не измѣните.

— Я говорю не о себѣ. Я не боюсь.

— Если вы не боитесь, то принесите ножъ. Кто знаетъ объ этомъ убѣжищѣ?

— Никто, кромѣ меня и маленькаго пастуха.

— Хорошо. Подите и принесите мнѣ хлѣба; мнѣ тошно отъ голода.

— Не могу; я живу за нѣсколько миль, но на разсвѣтѣ буду здѣсь.

Глаза его недовѣрчиво сверкнули.

— Зачѣмъ вы это сдѣлаете? Вы не можете мнѣ сочувствовать.

— Васъ преслѣдуютъ, отвѣчала она просто.

Это была правда; его преслѣдовали и потому она хотѣла оказать ему помощь.

— Вы можете здѣсь спать, сказала она, указывая на каменное ложе, гдѣ покоился золотой воинъ:—жаль, что у меня нѣтъ пищи. Я постараюсь вернуться какъ можно скорѣе. Но я устала и до моего дома очень далеко.

Онъ посмотрѣлъ на нее какъ-то странно, какъ смотритъ злая собака, которую держали на цѣпи въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, а потомъ вдругъ освободили; въ его взорѣ виднѣлось изумленіе, подозрительность и вмѣстѣ съ тѣмъ благодарность.

— Если вы вернетесь, то будете мужественнѣе многихъ мужчинъ, сказалъ онъ, мрачно насупивъ брови.

— Я вернусь, сказала она, посмотрѣла ему прямо въ глаза и, поставивъ лампу на камень, удалилась.

— Можетъ быть, мнѣ слѣдовало бы ее убить, размышлялъ Сатурнино: — это было бы осторожнѣе, и не очень трудно; у нея такое маленькое горло.

И онъ сжалъ въ своихъ рукахъ пустое пространство.

А Муза между тѣмъ бѣжала по равнинѣ, освѣщенной блѣдной луной.

Достигнувъ берега, она остановилась; ничто не нарушало безмолвной тишины; ея лодка колыхалась на водѣ. Луна была въ своемъ зенитѣ; далеко на песчанномъ берегѣ виднѣлись четыре черныя точки; это были карабинеры, скакавшіе по направленію къ Сантѣ-Тарзиллѣ.

— Дураки! промолвила презрительно Муза.

Еслибы она преслѣдовала кого-нибудь, то замѣтила бы слѣды на пескѣ, гдѣ бѣглецъ былъ вытащенъ изъ воды, она не проскакала бы мимо, не обращая ни на что вниманія.

— Дураки! повторила она, радуясь неудачѣ властей и издѣваясь надъ ихъ безтолковой слѣпотой.

Эти чувства у нея были въ крови.

Отвязавъ лодку, она взяла весла и направилась по морю къ Сантѣ-Тарзиллѣ.

Она очень устала. Несмотря на свою молодость и силу, она была истощена чрезвычайнымъ напряженіемъ мускуловъ. Жара была все еще нестерпимая, такъ какъ лѣтомъ въ Маремме часто бываетъ ночью такъ же душно, какъ и на солнечномъ припекѣ. Послѣ полуночи иногда свѣжѣетъ, но до полуночи духота ужасная. Жара, тяжелый, душный воздухъ, дремота, одолѣваю-

щая при смѣнѣ солнечнаго свѣта мерцаніемъ луны, вмѣстѣ съ усталостью, такъ сильно подѣйствовали на Музу, что она заснула, сама того не подозрѣвая. Голова ея поникла, и руки выпустили весла, которыя неподвижно лежали въ уключинахъ.

Море было гладко, какъ стекло; лодка едва колыхалась, представляя съ спящей въ ней молодой дѣвушкой маленькое, черное пятно на безграничномъ водномъ пространствѣ, залитомъ серебристымъ свѣтомъ луны. Какъ долго она спала, ей было неизвѣстно, но она открыла глаза, вздрогнувъ отъ легкой сырости въ воздухѣ, сопровождающей всегда появленія росы послѣ полуночи.

Привыкнувъ распознавать время по звѣздамъ, она посмотрѣла на небо и убѣдилась, что уже было за полночь. Сонъ освѣжилъ ее, но она упрекнула себя, что забыла о бѣглецѣ, преслѣдуемомъ карабинерами. Каждая минута проволочки усиливала его страданія отъ голода и страха. Она не обязана была ему служить, но она его сожалѣла и обѣщала принести ему пищи. Эти узы были такъ могучи, что она и не думала ихъ порвать.

Но какъ было достать хлѣба, вина и ножъ, который, она хорошо понимала, былъ для него драгоцѣннѣе хлѣба и вина? Всѣ въ Санта-Тарзиллѣ будутъ спать къ тому времени, когда она достигнетъ до селенія и у нея не было копейки денегъ, даже еслибы можно было достать что-нибудь. Оставалось одно средство: попросить у Джоконды.

Она взялась снова за весла и стала грести; карабинеры давно исчезли изъ вида на песчанномъ берегу; пока она спала, они проѣхали Санта-Тарзиллу, гдѣ перебудили всѣхъ извѣстіемъ о бѣгствѣ уже давно забытаго Сатурнино.

Спустя два часа, она достигла каменнаго мола въ маленькой гавани селенія, гдѣ колыхалось нѣсколько старыхъ, ни на что негодныхъ судовъ. Все было тихо. Она привязала лодку къ кольцу и стала пробираться домой, держась въ тѣни, чтобы ее никто не замѣтилъ, такъ какъ селеніе не спало. Нѣкоторые изъ обитателей Санта-Тарзиллы сидѣли на порогѣ своихъ жилищъ, другіе высовывались изъ оконъ. Проѣздъ чрезъ селеніе карабинеровъ произвелъ общее, хотя и не очень сильное волненіе. Дѣйствительно, какое было дѣло людямъ, изнуреннымъ болѣзнями и ослабѣвшимъ отъ роковыхъ міазмовъ, что законъ былъ поруганъ или нѣтъ бѣгствомъ несчастнаго каторжника. Большинство ихъ скорѣе помогло бы нарушенію закона, чѣмъ возстановленію его святости.

Благодаря тѣни, бросаемой выступающими краями крышъ, Муза прошла къ своему дому никѣмъ не замѣченная. Она узнала

изъ подслушанныхъ разговоровъ сосѣдей, что карабинеры произвели въ селеніи обыскъ и потомъ отправились далѣе. Многіе вспоминали Сатурнино Мастарну и тотъ роковой день, когда его провезли связаннаго чрезъ Гроссето.

— Онъ былъ храбрый человѣкъ, говорили всѣ въ одинъ голосъ, съ такимъ уваженіемъ, съ какимъ никогда не отзывались объ охранителяхъ порядка.

— Онъ былъ храбрый, подумала Муза:—значитъ, хорошо его спасти.

Она подошла къ своему дому. Окна и двери были заперты, но она отодвинула ставень въ окнѣ и пролѣзла внутро.

Леоне не залаяла, а только подошла къ ней, махая хвостомъ въ знакъ радости. Джоконда крѣпко спала, такъ крѣпко, что ее можно было убить, не разбудивъ. Луна освѣщала ея старое, истощенное, морщинистое лицо, сѣдые волосы, пожелтѣвшія, исхудалыя руки и засохшую пальмовую вѣтвь, принесенную изъ церкви на святой и висѣвшую надъ ея кроватью, на страхъ злымъ духамъ и въ угожденіе святымъ.

Муза посмотрѣла на нее очень нѣжно.

— Я ее ограблю, подумала она:—но скажу ей утромъ, и если она будетъ очень сердиться, то продамъ свою золотую Мадону и уплачу ей. Это будетъ справедливо.

Не разбудивъ спящей старухи, она взяла хлѣбъ, бутылку вина и ножъ.

Потомъ она приласкала собаку, чтобы та не подняла лая и ушла изъ дома такъ же не слышно, какъ взошла чрезъ окно стойла, закрывъ за собою ставень. Она очень утомилась, но сильная воля поддерживала ея ослабѣвшія силы. Мысль о возможности не возвратиться въ пещеру и не входила ей въ голову. Нарушить слово, данное несчастному, безпомощному существу, казалось ей гнусной низостью. Она не могла объяснить почему, но инстинктивно сознавала, что подло было покинуть человѣка, котораго преслѣдовали. Она не думала о себѣ. Она рѣшилась идти и грести, пока не упадетъ мертвой.

Уже разсвѣтало; начинался новый безконечный, жаркій, душный, безоблачный день.

Она снова сѣла въ лодку и пустилась въ обратный путь. Нѣсколько уже вставшихъ стариковъ, суетившихся на берегу, не обратили на нее вниманія; они привыкли, что она во всякое время дня и ночи бывала на морѣ.

Она едва гребла отъ изнеможенія, и лодка медленно подвигалась вдоль берега. Солнце еще не встало и было свѣжо, но все-

таки природа была блѣдная, сѣрая, опаленная, словно ночь, и не принесла съ собою ни отдыха, ни прохлады.

Три часа длилась это путешествіе по водѣ, казавшееся безконечнымъ для молодой дѣвушки. На серединѣ дороги солнце поднялось на небосклонѣ и его лучи стали жечь ея обнаженныя руки.

Наконецъ, съ неимовѣрными усиліями, она пристала къ берегу и начала медленно пробираться сквозь чащу къ этрусской гробницѣ. Ея голова кружилась, въ глазахъ темнѣло; ноги отказывались идти; но ее поддерживало сознаніе, что она сдержала свое слово и окажетъ помощь несчастному, котораго преслѣдуютъ злые люди.

— Онъ не будетъ теперь во мнѣ сомнѣваться, думала она:— онъ будетъ радъ.

Она захватила съ собою, кромѣ ножа, три серебрянныя монеты, данныя ей однажды путешественникомъ, которому она указала дорогу черезъ болота; это были ея единственныя деньги и она намѣревалась отдать ихъ Сатурнино.

Дойдя до пещеры, она быстро спустилась по ступенямъ. Но въ гробницѣ никого не было и на ея крикъ никто не откликнулся.

Оставшись одинъ въ могильной тишинѣ подземелья, Сатурнино усумнился въ молодой дѣвушкѣ. Какъ могъ онъ поручиться, что она не выдастъ его за большую награду и не приведетъ карабинеровъ? Страхъ и подозрительность овладѣли имъ и онъ бѣжалъ изъ своего убѣжища.

Оглядѣвшись по сторонамъ, Муза увидала съ ужасомъ, что вмѣстѣ съ нимъ исчезли золотая лампа, золотая діадема и всѣ другія золотыя вещи.

Сатурнино, такъ долго грабившій живыхъ, теперь ограбилъ мертвыхъ.

X.

Возвращаясь вечеромъ въ этотъ день въ Санта-Тарзиллу послѣ продолжительнаго сна въ пещерѣ, Муза была очень блѣдна и на лицѣ ея были слѣды внутреннихъ страданій. Впервые въ жизни она была обманута. Куда онъ пошелъ по обнаженнымъ, пустыннымъ, высохшимъ болотамъ она не знала, но онъ ее обманулъ и этого было для нея достаточно.

Онъ ограбилъ мертвыхъ и ихъ боговъ. Онъ сталъ ей ненавистенъ.

Она не думала о черной неблагодарности, которою онъ отплатилъ ей за свое спасеніе, но не могла простить ему кражу ея святыни. Стыдъ и негодованіе душили ее. Она была по природѣ несообщительна и потому схоронила свою жгучую печаль въ глубинѣ сердца, давъ себѣ слово, что никому, даже Джокондѣ, не скажетъ о томъ, какъ она его спасла и какъ онъ ее обманулъ.

Выйдя на берегъ и привязавъ лодку, она медленно направилась домой черезъ селеніе, погруженное въ безмолвное забытье душнаго, жаркаго дня. Тамъ и сямъ на камнѣ виднѣлась спящая фигура; вотъ и все; даже собаки неподвижно покоились въ тѣни какого-нибудь навѣса.

Гдѣ былъ онъ въ эти часы жгучаго солнечнаго припека? куда онъ скрылся съ украденнымъ золотомъ, которое онъ не могъ ѣсть и боялся продать? Вѣроятно, его поймали карабинеры и подѣломъ. Онъ измѣнникъ и воръ. Еслибы она увидѣла теперь, что его заковываютъ въ цѣпи, то не сказала бы ни слова, чтобы освободить его.

— Гдѣ вы были? спросила у нея Фульвія, дочь Джіано, мимо дома котораго она проходила: — въ прошлую ночь здѣсь былъ переполохъ. Карабинеры преслѣдовали бѣглаго каторжника съ Горгоны. Говорятъ, это Сатурнино. По словамъ отца, онъ нѣкогда царилъ въ горахъ. Слышали вы объ этомъ?

— Я была въ морѣ, отвѣчала Муза, не останавливаясь.

— Онъ, говорятъ, бродилъ по окрестностямъ. Я думала, что вы, можетъ быть, знаете, гдѣ онъ скрывается. Но вы надутая дѣвчонка, ни съ кѣмъ никогда не хотите говорить.

Спустя нѣсколько минутъ Муза достигла своего дома. Онъ былъ запертъ и въ немъ было все тихо, какъ ночью. Это ее ни мало не испугало, потому что Джоконда часто уходила далеко со старымъ муломъ, заперевъ домъ. Быть можетъ, добрая старуха отправилась отыскивать ее, встревоженная столь долгимъ отсутствіемъ молодой дѣвушки.

Муза дернула за дверь, но она была крѣпко заперта на замокъ и внутренній запоръ. Внутри послышался жалобный вой собаки. Молодая дѣвушка такъ же, какъ ночью, вынула ставень въ стойлѣ и пролѣзла въ окно. Мулъ стоялъ на своемъ мѣстѣ и медленно жевалъ сухіе листья.

Она прошла въ комнату Джоконды. Собака не переставала выть, хотя и увидала Музу.

Джоконда попрежнему спала.

— Она, должно быть, больна, подумала Муза и сердце ея тревожно забилось.

Она подбѣжала къ кровати. Джоконда лежала въ томъ же положеніи, какъ ночью; только вмѣсто серебристаго свѣта луны теперь на ея лицѣ игралъ желтоватый, болѣзненный блескъ лучезарнаго солнца.

Она умерла во снѣ.

Дикій вопль раздался въ бѣдномъ домишкѣ.

Муза была одна на свѣтѣ.

XI.

Въ то время, когда въ полночные часы карабинеры производили обыскъ въ Санта-Тарзиллѣ и его обитатели говорили о Сатурнино, вспоминая объ его прошедшихъ славныхъ дняхъ, эта долгая, работящая, терпѣливая жизнь кончилась мирно, безмолвно, одиноко.

На раздирающій крикъ Музы сбѣжались сосѣди, апатичные, но не злые. Молодая дѣвушка лежала безъ чувствъ на полу подлѣ собаки, а подъ освященной вѣткой пальмы покоилось холодное тѣло умершей старухи.

Позвали аптекаря и онъ объявилъ, что она, вѣроятно, умерла около полуночи. Смерть, по его словамъ, пришла отъ старости; просто жизнь пресѣклась, какъ старое дерево падаетъ и старые часы перестаютъ идти. Тутъ не было ничего страннаго. Ей было восемьдесятъ пять лѣтъ. Никто не замѣтилъ, что ея домъ былъ запертъ весь день, потому что она часто запирала его, уходя на долгое время.

Очнувшись отъ обморока, Муза увидала передъ собою бездыханное тѣло старухи.

— Я ее ограбила въ прошлую ночь, промолвила она неожиданно съ пламенными укорами совѣсти.

По счастью для нея, въ комнатѣ стоялъ такой шумъ и гамъ, что никто не слыхалъ ея словъ. Никто не думалъ, никто не заботился о ней. Всѣ говорили о томъ, что Джоконду надо похоронить въ эту ночь и спорили, кому достанутся скопленныя ею деньги и мулъ. Конечно, мулъ былъ старъ, но сильный и годный въ работу. Возникъ вопросъ, сколько можно дать за него и кто заплатитъ за похороны Джоконды. Всѣмъ было извѣстно, что у нея было скрыто маленькое сокровище, но у нея, можетъ быть, остались наслѣдники въ Савойѣ.

Никто не обращалъ вниманія на Музу, которая, послѣ вырвавшагося изъ ея сердца самообличительнаго крика, сидѣла молча подлѣ мертвой, держа голову собаки у себя на колѣняхъ.

Когда явился патеръ, она вытаращила на него глаза и не слушала его словъ утѣшенія; она была нѣма, какъ собака; ея горе не знало ни жалобъ, ни слезъ, но было истинное, безграничное горе.

Отношенія между нею и Джокондой никогда не отличались нѣжностью, но онѣ искренно любили другъ друга. Молодая дѣвушка чувствовала теперь ужасную пустоту въ жизни, хотя не могла вполнѣ измѣрить всей громадности понесенной потери. Она не была очень счастлива, потому что жизнь въ Санта-Тарзиллѣ не совмѣщаетъ въ себѣ много элементовъ счастія. Она всегда смутно страдала отъ этого узкаго, апатичнаго, болѣзненнаго существованія и ея натура постоянно нуждалась въ болѣе богатой почвѣ, въ лучшемъ воздухѣ. Но Джоконда была очень добра къ ней, всегда справедлива и снисходительна, хотя часто обращалась съ ней грубо. Она привыкла видѣть подлѣ себя Джоконду; она никогда не думала объ ежедневныхъ нуждахъ; хлѣбъ и супъ были всегда готовы для нея, а также полотняная одежда для лѣта и шерстяная для зимы. Ложась спать, она всегда слышала, какъ Джоконда бормотала про себя молитвы, прося у кого-то чего-то и довѣрчиво ожидая отвѣта, котораго такъ никогда и не дождалась, если не считать отвѣтомъ смерть, неожиданно подкравшуюся къ ней въ ночной тиши.

XII.

Ее похоронили въ полночь съ ужасной, эгоистической торопливостью мѣстныхъ обычаевъ и законовъ относительно смерти.

Наканунѣ она была жива; женщина смышленная, умная, мужественная и вѣрная, хотя нѣсколько грубая, она варила супъ въ котлѣ, рѣзала тростникъ для мула, смотрѣла на море и солнце и здоровалась съ сосѣдями, стоя на порогѣ своего дома, а теперь ее бросили въ яму, вырытую въ землѣ, засыпали землею и она стала ничто; даже сонная рыба, вытащенная сѣтями изъ моря, имѣла болѣе значенія; ее, по крайней мѣрѣ, можно было продать и выручить хоть немного денегъ.

Люди часто бываютъ жестоки къ живымъ, но къ мертвымъ они всегда безчеловѣчны, одинаково къ королямъ и къ нищимъ.

Только одинъ факелъ горѣлъ въ ея честь; его несъ старый Андреино. Пламя факела почти не колыхалось въ тихую, душную ночь. Муза и бѣлая собака долго стояли надъ свѣжей могилой. Молодая дѣвушка была точно во снѣ, ни одного звука

не вырвалось изъ ея устъ. Собака не отходила отъ нея и также безмолвствала, только разъ она завыла въ ту минуту, когда упала первая лопата земли на деревянный гробъ.

Патеръ произнесъ обычныя слова утѣшенія и надежды; онъ былъ простой, добрый человѣкъ, сынъ рыбака и родился пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ въ Санта-Тарзиллѣ. Муза не слышала его увѣщаній.

Она вернулась домой, заперла дверь на ключъ и бросилась на кровать, на которой умерла Джоконда. Никто не рѣшился обезпокоить ее въ эту ночь.

— Пусть она спитъ, если можетъ, сказали патеръ и старый Андреино, благодаря которымъ сосѣдки не вытащили ее и не объяснили ей все безпомощное, бездомное ея положеніе.

Весь слѣдующій день она не отворяла ни двери, ни ставней въ окнахъ и не хотѣла видѣть никого. Вечеромъ пришелъ патеръ. Она не хотѣла его впустить и только сдалась на его нѣсколько разъ повторенное заявленіе, что онъ имѣетъ передать ей кое-что отъ покойницы. Она отворила дверь, но какъ только онъ взошелъ, заперла ее на носъ Андреино и сосѣдкамъ, стоявшимъ снаружи.

Патеръ сталъ говорить съ ней очень добродушно; она молчала и глаза ея были сухи, хотя вѣки припухли.

Онъ сказалъ ей, что покойница сообщила ему, какъ найти оставленное ею маленькое сокровище, сосчиталъ плиты каменнаго пола съ права налѣво, приподнялъ указанную плиту, вынулъ изъ-подъ нея глиняный сосудъ съ деньгами и прочелъ записку, въ силу которой Джоконда завѣщала ей деньги, мебель, посуду, мула, однимъ словомъ, все, что у старухи было за душой.

Муза слышала и видѣла, но не сказала ни слова; она даже не замѣтила, что въ бумагѣ она была названа только по имени, данномъ ей при крещеніи. Она думала:

«У меня нѣтъ никого другого на свѣтѣ, и она меня покинула».

Патеръ пытался предложить ей нѣсколько совѣтовъ и вопросовъ, но она была нѣма, какъ статуя. Наконецъ, взглянувъ на глиняный сосудъ, она спросила:

— Это мое?

— Конечно, отвѣчалъ патеръ:—по крайней мѣрѣ, я не знаю ея законныхъ наслѣдниковъ, но даже еслибъ таковые нашлись, то я полагаю, что это завѣщаніе невозможно оспорить.

Муза подняла плиту и поставила сосудъ съ деньгами на прежнее его мѣсто. Потомъ, тяжело вздохнувъ, сѣла на край низенькой кровати Джоконды и сказала тихо:

— Батюшка, уйдите. Мнѣ лучше одной.

— Но вы не можете остаться одна.... вы дѣвушка... и такъ молоды.

Она ничего не отвѣчала. Добраго патера невольно пугало что-то странное въ ея взглядѣ и во всей ея фигурѣ. Онъ привыкъ къ пламеннымъ вспышкамъ горя впечатлительнаго, но быстро утѣшающагося народа, но онъ не понималъ этой молодой дѣвушки и рѣшилъ посовѣтоваться на слѣдующее утро съ благочестивыми сестрами въ монастырѣ. Онъ благословилъ ее и удалился. Она заперла за нимъ дверь на ключъ и на засовъ.

Добрый служитель алтаря вернулся домой, съѣлъ за ужиномъ хорошую рыбу, поджаренную на оливковомъ маслѣ, выпилъ добраго бѣлаго вина и разсказалъ своему capelano, что савойярдка оставила послѣ своей смерти молодой дѣвушкѣ глиняный сосудъ, полный золотыми монетами. Кто была эта дѣвушка? И что̀ она сдѣлаетъ?

Въ свою очередь, capelano передалъ это извѣстіе немногочисленнымъ обитателямъ Санта-Тарзиллы, которые лѣниво бродили по берегу или лежали на пескѣ, въ тщетной погонѣ за свѣжимъ воздухомъ, за отсутствіемъ чего, они были рады услышать и любопытную новость.

Они съ недовольствомъ начали ворчать.

— Мы думали, что хоть теперь узнаемъ, кто такая эта дѣвочка, замѣчали одни.

— У нея нѣтъ фамиліи, говорили другіе:—это странно. Помните, савоярдка взяла ее въ домъ въ то самое время, какъ поймали Сатурнино. Тогда подозрѣвали, не его ли это дочь. Но Джоконда была всегда несообщительна.

Между тѣмъ, Муза оставалась одна въ пустомъ домѣ. Она слышала говоръ снаружи, но не хотѣла отворить двери даже старому Андренно, который нѣсколько разъ стучался и звалъ ее.

Всѣ ночь она не закрыла глазъ и только къ утру скорѣе забылась, чѣмъ заснула. Во снѣ она старалась раскопать могилу Джоконды и освободить ее изъ мрачной темницы. Ей казалось, что она легче перенесла бы свою потерю, еслибъ тѣло старухи положили на каменное ложе въ этрусской гробницѣ, гдѣ она покоилась бы, ожидая, чтобъ сочнечный лучъ коснулся ея и унесъ на небо, какъ золотого воина.

На слѣдующее утро Муза проснулась очень поздно, разбуженная жгучими лучами солнца, игравшими на ея лицѣ, и нетерпѣливыми ударами въ дверь.

— Что̀, ты также умерла? рѣзко кричали женскіе голоса.

Молодая дѣвушка вздрогнула; несмотря на нестерпимый жаръ, у нея по спинѣ пробѣжалъ холодъ.

Неужели Джоконда дѣйствительно покинула ее навѣки и никогда не вернется?

Сосѣдки продолжали стучаться все громче и громче. Она встала, одѣлась и отворила дверь.

— Что вамъ надо? спросила она.

Пять или шесть женщинъ, единственныя обитательницы Санта-Тарзиллы въ лѣтнее время и, два блѣдныхъ, болѣзненныхъ ребенка ворвались въ хижину. Старый Андреино слѣдовалъ за ними.

— Милое дитя мое, сказалъ онъ:—если моя любовь и попеченія моей Серафимы...

— У васъ ничего нѣтъ въ домѣ, голубушка, пойдемте къ намъ, воскликнула одна изъ женщинъ, покрывая своимъ грубымъ голосомъ слова старика; но, въ свою очередь, должна была замолчать передъ другимъ, еще болѣе могучимъ голосомъ.

— Я не спала всю ночь, думая о доброй покойницѣ и вижу, что вы тоже не закрывали глазъ. Я принесла вамъ свѣжее яйцо...

— Къ чорту твои яйца! произнесла рѣзко и презрительно третья женщина, хотя яйца были такъ же рѣдки, какъ розы на этомъ обнаженномъ берегу: — не мѣшайте ей прійти ко мнѣ; она знаетъ, что я ей буду второй матерью. Она не можетъ жить одна и стряпать себѣ кушанье. Мой мужъ только-что принесъ славныхъ, свѣжихъ раковъ...

— Убирайтесь всѣ отсюда, сказалъ гнѣвно Андреино: — она можетъ поселиться только у своихъ старыхъ друзей. Моя жена лежитъ въ лихорадкѣ, а то она не оставила бы ее одну всю ночь. Мой домъ—домъ Музы; я это обѣщалъ старой Джокондѣ еще при ея жизни. Я сказалъ ей... Я сказалъ...

Онъ продолжалъ говорить около десяти минутъ, но никто не слышалъ его словъ: такой подняли женщины шумъ и гамъ.

Муза молчала. Она почти не замѣчала ихъ присутствія.

Видя, что она не отвѣчаетъ на всѣ ихъ любезности, онѣ начали сердиться.

— Мы пришли къ вамъ съ самыми добрыми намѣреніями, но смотрите, чтобы мы не разстались врагами, Муза, сказала одна изъ нихъ очень рѣзко: — у васъ есть деньги и надо уплатить долги!

— Долги!

Это было первое слово, произнесенное молодой дѣвушкой. Она слыхала, что долги большое несчастье. Джоконда всегда гово-

рила ей, что стыдно имѣть долги, и она видала не разъ, какъ служители закона отбирали за долги у бѣдныхъ людей послѣднія ихъ вещи, даже матрасъ съ кровати. Но она знала очень хорошо, что у Джоконды не было ни гроша долга.

— Вы честная дѣвушка, Марія, произнесла другая женщина:— и заплатите мнѣ за сѣно, которое Джоконда взяла у меня для своего мула...

— И мнѣ также, за бобы и сыръ, воскликнула торговка, державшая лавочку подлѣ церкви.—Джоконда давно уже забирала на счетъ, но я не хотѣла ее безпокоить и мы всѣ знали, что она честная, надежная плательщица, хотя и большая скряга.

— Моему мужу она должна за три пары сапогъ, промолвила жена сапожника, который самъ былъ слабый, болѣзненный человѣкъ: — Джоконда много ходила и потому носила порядочно обуви.

— Я дала ей недавно маленькій боченокъ оливковаго масла, сказала четвертая женщина, держа на рукахъ грудного ребенка.

— Она у меня брала небольшія суммы и ставила кресты въ моей книгѣ, произнесла пятая сосѣдка, мужъ которой имѣлъ три рыбацкихъ судна и былъ ростовщикомъ, за что его ненавидѣли всѣ въ Санта-Тарзиллѣ.

Муза попрежнему молчала. Но она слышала ихъ требованія.

— Не слушайте ихъ, мое милое дитя, сказалъ ей на ухо Андреино:—если у нея были долги, то вы не обязаны ихъ платить. Пойдемте къ намъ и возьмите съ собой деньги; мы ихъ пересчитаемъ и рѣшимъ, что съ ними дѣлать. Вы могли бы отдать ихъ моему сыну, содержателю кабачка; онъ далъ бы вамъ хорошіе проценты и...

Муза оттолкнула его и, выпрямившись во весь ростъ, посмотрѣла съ негодованіемъ и презрѣніемъ на окружавшихъ ее.

— Вы лжете! Вы всѣ лжете! произнесла она твердымъ голосомъ: — она никогда не была должна никому. Она отказывала себѣ во всемъ ради меня. Но она никого не грабила. Проклятыя обманщицы! какъ не боитесь вы лгать на мертвыхъ!

Въ первую минуту онѣ были поражены; ихъ ложь и корыстолюбіе были разсѣяны въ прахъ ея страстнымъ пыломъ, но вскорѣ онѣ оправились отъ своего смущенія и завопили еще громче прежняго въ одинъ голосъ:

— Мы не стали бы предъявлять фальшивые иски! Вотъ награда за доброту и довѣріе! Мы вѣрили чужестранкѣ и не безпокоили ее въ виду ея старости, а теперь насъ хотятъ ограбить. Вотъ человѣческая справедливость!

— Тише, тише, друзья мои! воскликнулъ Андреино, стараясь

успокоить женщинъ, а въ глубинѣ своего сердца думалъ: — должна ли она была вамъ или нѣтъ, но вы, свиньи, не получите ни гроша. Я и мой внукъ постоимъ за нее; если ей не нравится кабачекъ, то мы купимъ долю въ рыбацкомъ суднѣ, или...

Онъ не зналъ сколько денегъ она наслѣдовала, но былъ убѣжденъ, что сумма значительная.

Женщины продолжали кричать все громче и начали ссориться между собою. Вполнѣ сознавая, что у нихъ не было доказательствъ въ подтвержденіе своихъ требованій, онѣ старались замѣнить доказательства крикомъ. Онѣ клялись въ своей честности и всячески поносили покойницу.

— Ей надо доказательствъ! восклицали онѣ гнѣвно:—если у насъ нѣтъ доказательствъ, то это лишь потому, что мы были слишкомъ добры. Мы ей вѣрили безъ росписокъ. Мы были слишкомъ легкомысленны и насъ хотятъ надуть.

Муза молча смотрѣла на нихъ; ея лицо было блѣдно и холодно, какъ мраморъ, только глаза сверкали ненавистью и презрѣніемъ. Нѣсколько времени она терпѣливо переносила ихъ брань, угрозы, крики, шипѣнье и маханье руками. Но неожиданно она нагнулась, подняла плиту въ полу и вынула глиняный сосудъ съ деньгами. Она подняла его высоко надъ своей головой и произнесла твердымъ, яснымъ голосомъ:

— Проклятыя лгуньи! Она никому не была должна ни гроша. Она была честная, благородная и никого не обманывала. Но вотъ, возьмите все, что̀ осталось послѣ нея. Растащите оставленное ею наслѣдство, какъ воры и разбойники, и лопните отъ купленныхъ на эти деньги пищи и напитковъ.

И съ пламеннымъ презрѣніемъ, она бросила на полъ глиняный сосудъ, который разбился въ мелкіе куски, и монеты покатились во всѣ стороны, блестя на солнцѣ. Женщины кинулись подбирать ихъ. Старикъ завопилъ отъ отчаянія.

Муза позвала собаку, взяла свое бѣлье, одежду, матисо, посохъ и нѣкоторыя принадлежавшія ей мелочи, потомъ вывела изъ стойла мула и нагрузила его своимъ матрасомъ съ простынями и одѣялами.

Сосѣдки боролись между собою и съ старымъ Андреино за неожиданную добычу и поспѣшно подбирали съ пола деньги. Въ этой суматохѣ онѣ и не обратили вниманія на то, что̀ дѣлала молодая дѣвушка.

Она вышла изъ стараго дома, гдѣ протекло ея дѣтство, ведя мула и сопровождаемая собакой.

Она медленно направилась по окружающимъ Санта-Тарзиллу

высохшимъ болотамъ и густымъ чащамъ къ этрусской гробницѣ, отстоявшей отъ селенія болѣе, чѣмъ на восемь миль.

«Мои мертвецы не будутъ на меня сердиться, не будутъ бранить ее», думала она.

Она шла машинально, не чувствуя ни жары, ни усталости. Она сознавала только, какой безграничной любовью окружала ее Джоконда и упрекала себя, что не была ей достаточно благодарна. Теперь она не была уже ребенкомъ. Она видѣла во-очію смерть и стала сразу женщиной.

Она рѣшилась жить въ пещерѣ съ своими милыми мертвецами. Она была увѣрена, что мертвецы ее примутъ. Она предпочитала ихъ безмолвіе шумной борьбѣ изъ-за наживы живыхъ существъ. Достигнувъ пещеры, она осторожно свела внизъ мула, который привыкъ ходить по каменнымъ ступенямъ, которыя вели въ его стойло, и ни мало не сопротивлялся. Она устроила ему какъ можно удобнѣе помѣщеніе; принесла травы и въ глиняной чашѣ воды, почерпнувъ ее изъ полузасохшей лужи. Потомъ она набрала хвороста, развела огонь на наружныхъ ступеняхъ и поставила вариться въ небольшемъ котелкѣ похлебку изъ припасенныхъ ею кореньевъ, бобовъ и рыбы.

Она поѣла машинально; но при ея здоровьи и молодости голодъ давалъ себя чувствовать, несмотря на ея горе.

Подкрѣпившись пищей, она приготовила себѣ постель на каменномъ ложѣ, гдѣ покоился этрусскій Лукумонъ, и, сѣвши на краешекъ, промолвила:

— Вотъ мой домъ.

Санта-Тарзилла перестала быть ея домомъ. Тамъ было столько лгуновъ и воровъ! Она возненавидѣла селеніе и твердо рѣшила, что ея нога не будетъ въ немъ, хотя бы его песчаный берегъ вдругъ превратился въ серебряную руду, какъ нѣкогда почва Папулоніи.

Пусть они оставятъ себѣ деньги Джоконды и убьютъ другъ друга въ ожесточенной дракѣ. Она даже съ улыбкой вспоминала теперь, какъ грубыя женщины толкали и били стараго Андреино, который также старался подобрать деньги.

— Право, можно подумать, что золото—Богъ, произнесла она громко, вспоминая, какъ три дня передъ тѣмъ Сатурнино обокралъ ее, и ея мертвецовъ.

Безмолвная тишина пещеры дѣйствовала на нее такъ успокоительно, что она вскорѣ стала думать о своей будущности, которая ни мало ее не пугала. Она знала, что тутъ не было никакой возможности заработать кусокъ хлѣба. Она хорошо ткала, но точно такъ же ткали и другія женщины въ провин-

ціи; она искусно чинила сѣти, но каждый рыбакъ занимался этимъ; а болѣе она ничего не умѣла.

Работа, по словамъ экономистовъ, единственная великая панацея; но есть много мѣстностей, гдѣ невозможно работать, и къ этимъ мѣстностямъ принадлежитъ и Маремма въ лѣтнее время. Весь запасъ работы исполняется многочисленной арміей работниковъ, приходящихъ изъ горъ на зиму, и тѣ немногіе обитатели, которые остаются въ ней лѣтомъ, лѣниво валяются на солнечномъ припекѣ, считая себя очень счастливыми, если они не умираютъ съ голода или болѣзни.

Муза не боялась ни того, ни другого.

Она думала, что если ей удастся печь хлѣбъ изъ saggina, дикаго овса, росшаго вокругъ пещеры, то она будетъ въ состояніи жить припѣваючи. Ея потребности и привычки были самыя скромныя. Она всегда ѣла немного и самой простой пищи, такъ что ее ни мало не пугала мысль существовать цѣлыя недѣли на кускѣ овсянаго хлѣба.

— Еслибы только она была здѣсь, вздыхала Муза.

Дѣйствительно, сидя въ обширной, удобной, изящной гробницѣ этрусковъ, молодая дѣвушка не могла не пожалѣть, что Джокунду бросили въ яму и засыпали землей, съ презрѣнной поспѣшностью, какъ бы желая поскорѣе отъ нея отдѣлаться. Впервые на глазахъ ея показались крупныя слезы. Горько проплакавъ нѣсколько времени, она незамѣтно заснула, крѣпкимъ, благотворнымъ сномъ, который продолжался нѣсколько часовъ.

Когда она проснулась, было уже темно. Ночныя цапли, летѣвшія съ Сѣвера въ Египетъ, носились надъ болотистой равниной, оглашая воздухъ своимъ рѣзкимъ крикомъ. Муза вышла изъ пещеры, поднялась по лѣстницѣ и опредѣлила по звѣздамъ который часъ. Потомъ она вернулась внизъ, поѣла, выпила воды, покормила мула и собаку, заперла ихъ въ одной комнатѣ подземелья и удалилась изъ своего новаго жилища.

Она задала себѣ трудную задачу, но разрѣшеніе ея она считала своимъ долгомъ, долгомъ благодарности, и пока этотъ долгъ не былъ исполненъ, она не могла пользоваться ни минутой покоя.

Она пошла въ Санта-Тарзиллу, куда достигла не ранѣе полуночи. Было очень темно. Густая дымка жара заволакивала звѣзды, а луны вовсе не было видно. Въ домахъ селенія не видѣлось свѣта и только вдали, на песчанномъ берегу мерцалъ Орбетельскій маякъ. Кромѣ этого, на землѣ и на небѣ царилъ одинаковой мракъ.

Муза знала отлично мѣстность и прямо направилась къ клад-

бищу, гдѣ похоронили Джоконду. Ограда кладбища была низенькая, бѣлая и съ одной стороны омывалось моремъ. Молодая дѣвушка безъ труда перелѣзла черезъ нее, зажгла взятый съ собою фонарь, и при его мерцающемъ свѣтѣ нашла дорогу къ самой свѣжей могилѣ, надъ которой земля, опаленная безжалостнымъ солнцемъ, лежала сухими комьями.

Тутъ Муза постояла нѣсколько минутъ, нѣжно устремивъ глаза на могилу, и потомъ поспѣшно направилась къ навѣсу, гдѣ хранились инструменты. Взявъ лопатку и мотыку, она вернулась къ могилѣ Джоконды и начала разбрасывать землю, такимъ тяжелымъ бременемъ лежавшую на груди ея единственнаго на землѣ друга.

Тишина царила повсюду и только однажды, гдѣ-то въ полѣ залаяла собака. Никто не мѣшалъ работать молодой дѣвушкѣ. Черезъ часъ изъ подъ земли показался грубо-сколоченный дубовый ящикъ, который называли гробомъ Джоконды. Она оперлась на ограду и перевела дыханіе.

Затѣмъ она опустилась въ яму, перевязала ящикъ веревками и, послѣ долгихъ усилій, вытащила его наверхъ. На эту тяжелую работу потребовался еще часъ. Засыпать могилу было не трудно и такъ какъ земля была въ сухихъ комьяхъ, то не представлялось опасности, чтобы утромъ кто-нибудь замѣтилъ разрытіе могилы. Но теперь ей предстояла самая тяжелая часть предпринятаго ею подвига—перетащить гробъ черезъ ограду и донести его до лодки. Правда, она отличалась необыкновенной силой, такъ какъ съ дѣтства ея прекрасное, напоминавшее своими формами греческую статую, тѣло развивалось частымъ плаваніемъ, постояннымъ нахожденіемъ на воздухѣ и атлетическими упражненіями.

Она напрягла всѣ свои мускулы, подняла гробъ на веревкахъ, втащила его на ограду, которая была такъ широка, что дозволяла свободно стоять на ней, и оттуда потихоньку пустила его въ старую лодку Андреино, въ которой она провела самые счастливые часы своей жизни. Наконецъ, она отвязала лодку, взялась за весла и поплыла въ обратный путь.

Она очень утомилась; холодный потъ выступилъ у нея на лбу, и всѣ мускулы болѣли отъ чрезмѣрнаго напряженія. Но она была довольна собой. Она исполнила свой долгъ.

— *Она* конечно рада, что я везу ее къ *нимъ*, думала она.

Море было тихо; воздухъ не колыхался, луна взошла на небѣ. Никто въ Санта-Тарзиллѣ не проснулся и она совершила свое предпріятіе безъ малѣйшей помѣхи.

Достигнувъ того мѣста на песчаномъ берегу, гдѣ она спасла

изъ воды бѣглаго каторжника, Муза причалила, вытащила на песокъ лодку съ драгоцѣннымъ грузомъ и отправилась одна къ пещерѣ. Тамъ она разбудила стараго мула, взнуздала его, пригнала ему вьючное сѣдло и повела черезъ чащу къ морю. Уже свѣтало и пурпурныя полосы виднѣлись на горизонтѣ.

Болѣе часа и много труда потребовалось на поднятіе гроба и закрѣпленіе его на спинѣ мула. Но когда все было готово и Муза медленно двинулась въ обратный путь, поддерживая одной рукой гробъ, а другой ведя мула, она съ какимъ-то нѣжнымъ, радостнымъ чувствомъ подумала:

— *Она* навѣрное довольна. Она будетъ съ нами и ей теперь извѣстно, что я ее не забыла.

XIII.

Вырытіе изъ могилы гроба Джоконды не было замѣчено ни патеромъ, ни сосѣдями. Никто не посѣщалъ маленькаго кладбища. Самая память о ней исчезла съ послѣднимъ мерцаніемъ факела Андреино. Въ этомъ отношеніи Санта-Тарзилла вполнѣ походила на остальной міръ, окружавшій ее песчаный берегъ и болота.

— Дрянная дѣвчонка, говорили сосѣдки: — она даже не поставила деревяннаго креста надъ могилой старухи.

Онѣ знали, что она жила гдѣ-то на болотахъ, но гдѣ именно, имъ было все равно. Онѣ подѣлили между собою ея деньги послѣ ожесточенной драки и мысль о томъ, чтобы звать ее обратно въ селеніе не входила имъ въ голову. Напротивъ, онѣ боялись ея возвращенія, такъ какъ она могла потребовать ясныхъ доказательствъ ихъ вымышленныхъ исковъ, чего онѣ, конечно, представить не могли. Владѣлецъ дома Джоконды, или, лучше сказать, его управляющій, такъ какъ владѣлецъ былъ веселый аристократъ, жившій далеко, осмотрѣлъ бѣдное жилище, объявилъ, что покойница была ему должна за годъ аренду и продалъ все, что осталось послѣ нея: старую мебель, посуду, даже матрасъ, на которомъ она умерла. Вырученныя деньги онъ положилъ себѣ въ карманъ, хотя Джоконда уплатила аренду впередъ, какъ платятъ всѣ арендаторы въ Италіи. Онъ даже хвастался своимъ великодушіемъ, такъ какъ увѣрялъ, что имѣлъ право разыскать дѣвчонку и отнять у нея мула. Такимъ образомъ, честная жизнь послѣ смерти была запятнана черной клеветой.

Общее волненіе, возбужденное смертью савойярдки и остав-

шимся послѣ нея наслѣдствомъ быстро замѣнилось обычной болѣзненной апатіей. Всѣ знали, что Муза находилась гдѣ-то въ окрестностяхъ, и что старая лодка Андреино исчезла однажды ночью и оказалась на своемъ мѣстѣ на слѣдующую ночь; но это до нихъ не касалось. Любопытство согласно закрыть глаза, когда его убаюкиваетъ личный интересъ.

Одинъ Андреино чувствовалъ укоры совѣсти; онъ, по своему, любилъ Музу и уважалъ савойярдку. Но онъ и не думалъ ее искать; напротивъ, онъ готовъ былъ бы молить Бога, чтобы она никогда болѣе не являлась въ Сантѣ-Тарзиллѣ. Ему совѣстно было посмотрѣть ей въ глаза; онъ вполнѣ сознавалъ, что поступилъ въ отношеніи ея неблагородно и сожалѣлъ объ этомъ, тѣмъ болѣе, что сосѣдки, пользуясь его старостью, не дали ему ни одной монеты изъ всего сокровища Джоконды.

— Мнѣ лучше было бы заступиться за нее, думалъ онъ:—и можетъ быть, въ концѣ-концовъ, сладилась бы ея свадьба съ Нандино. Я слишкомъ поторопился и потомъ эти вѣдьмы испортили все дѣло. Ну, да дѣлать нечего; только бы небо никогда насъ болѣе не сводило.

Онъ ужасно боялся, чтобы она вдругъ не явилась и часто, сидя на берегу, смотрѣлъ съ безпокойствомъ на море, какъ бы опасаясь, что она неожиданно покажется въ своей лодкѣ.

Но проходили дни, недѣли, мѣсяцы, и Муза не возвращалась въ Санта-Тарзиллу.

Однажды вечеромъ все селеніе, рѣдко узнававшее новости, было выведено изъ своего обычнаго лѣниваго, апатичнаго состоянія извѣстіемъ, что бѣглый каторжникъ Сатурнино Мастарна былъ снова захваченъ карабинерами послѣ упорной борьбы въ кабачкѣ селенія Сатурніи, содержательница котораго предлагала въ Арбетелло старинныя этрусскія украшенія, въ томъ числѣ золотую корону изъ дубовыхъ листьевъ. Бѣдность этой женщины и ея смутный, сбивчивый разсказъ поразили ювелира, который купилъ у нея золотыя вещи; онъ далъ знать полиціи и карабинеры, окруживъ кабачекъ, ранили скрывавшагося въ немъ Сатурнино выстрѣломъ въ замочную скважину двери и схватили его, хотя онъ боролся и кусался, какъ затравленный звѣрь. Раненный, но не опасно, онъ былъ скованъ и свезенъ въ Арбетельскую тюрьму, откуда уже ему предстояло снова отправиться на Горгону. Такъ, по крайней мѣрѣ, разсказывали блѣдные, истощенные лихорадкой береговые сторожа, въ одинъ жаркій вечеръ на каменномъ молѣ въ Санта-Тарзиллѣ.

Прошло болѣе четырнадцати лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ имя Сатурнино было гордостью и страшилищемъ Маремы, легенды

о немъ стушевались въ памяти людей, какъ фрески стушевываются отъ сырости въ старинныхъ церквахъ. Однако, услыхавъ снова его имя, нѣкогда бывшее трубнымъ гласомъ, даже больныя женщины и дряхлые старики тихо промолвили:

— Это былъ человѣкъ!

Разбойники, герои большихъ дорогъ и горныхъ проходовъ всегда имѣютъ чарующую прелесть для народа и грабежъ богатыхъ кажется бѣднымъ людямъ грубой справедливостью. Кромѣ того, толпа съ строгой, мстительной логикой говоритъ: храбрыхъ, смѣлыхъ разбойниковъ ловятъ и караютъ, а низкихъ, пресмыкающихся мошенниковъ, расхаживающихъ въ богатой одеждѣ среди десятковъ тысячъ ограбленныхъ ими бѣдняковъ, оставляютъ въ покоѣ.

Санта-Тарзилла еще разъ оплакивала своего Сатурнино. Она вполнѣ сочувствовала жителямъ Арбетелло, которые едва не растерзали женщину, по глупости которой его схватили. Точно такъ же сожалѣла и вся Маремма о старомъ орлѣ, вырвавшемся на такое короткое время изъ своей клѣтки. Даже въ маленькую деревушку Санъ-Ліонардо проникла вѣсть о его горькой судьбѣ. Ее занесъ sentale т. е. кулакъ, или маклеръ, который сводитъ фермеровъ, продающихъ стада, съ мясниками и скотоводами, покупающими ихъ. Конечно, и продавцамъ и покупщикамъ было бы гораздо выгоднѣе обходиться безъ этихъ комиссіонеровъ, но Италія—ограбленная страна посредниковъ, какъ въ торговлѣ, такъ и въ любви. Кулакъ, о которомъ идетъ рѣчь, разъѣзжая по окрестной странѣ въ поискахъ за скотомъ, завернулъ однажды вечеромъ и въ Санъ-Ліанардо, небольшое сборище чисто выбѣленныхъ домиковъ у подножія горъ.

Въ Санъ-Ліонардо было очень мало жителей и даже не было церкви, а если кто-нибудь хотѣлъ жениться или умиралъ, то приходилось идти за патеромъ за нѣсколько миль вверхъ по обнаженному откосу горы, гдѣ были срублены всѣ деревья и кустарники. Подобными маленькими горными селеніями кишитъ Италія. Часто они такъ же древни, какъ Римъ, такъ же полны классическими воспоминаніями, какъ остатки Трои, но никто не посѣщаетъ ихъ. Это смиренные, забытые уголки, вдали отъ большихъ дорогъ, и зимой разливы рѣкъ даже прекращаютъ всякія сношенія съ ними. Есть что-то трогательное и патетичное въ жизни обитателей этихъ уединенныхъ селеній, для которыхъ остальной міръ не существуетъ и всѣ интересы ограничиваются свадьбой Сандро, рожденіемъ ребенка у Пиппы, цѣною на шерсть и т. д.

Явившись въ Санъ-Ліонардо, кулакъ зашелъ въ таверну и,

попивая красное вино, разсказалъ о поимкѣ разбойника въ Арбетелло. Между прочимъ, его разсказъ слышалъ маленькій мальчикъ, который только что пригналъ въ горы свое стадо изъ залитой солнцемъ болотистой равнины.

Это былъ Зеферино, по прозванію Зирло.

Спустя нѣсколько часовъ, на разсвѣтѣ—самое прохладное время въ лѣтніе жары—онъ снова погналъ свое стадо по горному откосу и, спустившись въ равнину, направился къ пересохшимъ болотамъ, покрытымъ водяными лиліями. Неожиданно онъ остановился и началъ свистѣть, какъ дроздъ.

— Via! воскликнулъ дѣтскій голосъ подъ его ногами, и въ ту же минуту изъ подъ густой растительности, скрывавшей входъ въ пещеру, показалась голова Музы. Она подала мальчику небольшой глиняный кувшинъ; онъ взялъ его, подоилъ козъ и принесъ обратно полный молока. Муза уже проснулась болѣе часа и успѣла выкупаться въ морѣ; лицо ея сіяло какъ только-что распустившійся цвѣтокъ; волосы были зачесаны назадъ и лежали на шеѣ густой массой, какъ при Джокондѣ; ея одежда была попрежнему изъ сотканнаго Джокондой полотна.

Она взяла молоко, дала Зирло мелкую мѣдную монету и удалилась въ пещеру. Черезъ минуту, она вернулась съ кускомъ хлѣба въ рукѣ и, усѣвшись на камнѣ, стала завтракать вмѣстѣ съ вѣрной Леоне.

Муза и Зеферино были друзья, хотя все-таки держались на приличномъ разстояніи другъ отъ друга. Онъ боялся ея, а она не вполнѣ довѣряла ему, хотя и заставила его поклясться, что онъ никому не скажетъ объ ея жилищѣ. Поэтому, она скрыла отъ него, что перенесла въ пещеру гробъ Джоконды и поставила въ самую дальную изъ комнатъ, съ украшенными фресками стѣнами.

Онъ ей былъ очень полезенъ. Она плела изъ болотнаго и морского тростника маты и корзинки, которыя Зирло продавалъ въ Санъ-Ліонардо за нѣсколько сантимовъ. Онъ приносилъ ей ленъ и она ткала его; онъ приносилъ ей солому и она плела ее. Оставивъ козъ въ горахъ подъ присмотромъ младшаго брата, онъ исполнялъ различныя порученія Музы. Трудолюбивый и страстно любившій деньги, которыхъ отецъ ему никогда не давалъ, онъ съ удовольствіемъ исполнялъ обязанности комиссіонера, бѣгалъ изъ пещеры въ Санъ-Ліонардо и обратно, и не пропускалъ никогда случая обмануть молодую дѣвушку. Онъ былъ только маленькій пастухъ съ босыми ногами и велъ самую первобытную жизнь, но зналъ цѣну деньгамъ не хуже управляющаго, представляющаго дутые счеты или трактирщика, продающаго путешественникамъ разбавленное вино.

Зеферино былъ хорошенькій мальчикъ съ курчавой головой, мелодичнымъ голосомъ, свѣтлой улыбкой и прелестной фигуркой, напоминавшей Вакха въ дѣтствѣ. Онъ былъ очень добрый и невинный ребенокъ, что̀ не мѣшало ему, однако, лгать и обманывать, улыбаясь съ самымъ наивнымъ чистосердечіемъ. Отчего же нѣтъ? Онъ не разъ видалъ какъ работники, провозя по дорогѣ боченки съ виномъ, просверливали ихъ, пили вино черезъ соломенку и потомъ дополняли водой. Онъ постоянно слышалъ, какъ отецъ его торговался съ продавцами скота, говоря: «А велика мнѣ будетъ *mancia?*», т. е. «Насколько вы мнѣ дозволите ограбить пріятеля, если я уговорю его продать вамъ свою скотину?»

И онъ, въ свою очередь, грабилъ странную молодую дѣвушку, которую хотя и боялся, но любилъ по своему, свято сохраняя ея тайну. Впрочемъ, послѣднее онъ дѣлалъ и изъ прямого разсчета; еслибъ другіе узнали, гдѣ она живетъ, то могли бы исполнять вмѣсто него ея порученія и тогда онъ лишился бы супа и ягодъ, которыми она его угощала, и сантимовъ, на которые онъ покупалъ себѣ хлѣба, соленой рыбы и грубыхъ лакомствъ у старой торговки въ Санъ-Ліонардо.

— Ты здѣсь счастлива? спросилъ теперь Зирло, сидя на травѣ и слѣдя за тѣмъ, какъ молодая дѣвушка завтракала.

— Счастлива? повторила Муза:—не знаю. Я одна. Это отрадно.

Зирло, какъ ребенокъ, не отвѣтилъ ей комплиментомъ, а, приподнявшись на локтяхъ, произнесъ:

— Я забылъ тебѣ сказать, что поймали Сатурнино.

— Поймали?

Она перестала ѣсть и смотрѣла на него съ сверкающими глазами и раскраснѣвшимися щеками.

— Да. На берегу. Какая-то женщина понесла продавать его золотыя вещи, его подстрѣлили и отвезли въ Арбетелло.

Муза вскочила.

— Онъ послалъ продавать мое золото... ихъ золото, и его схватили! воскликнула она съ восторгомъ: — я рада! Я очень рада!

— Это не ваше золото, отвѣчалъ Зирло, которому Муза передала о похищеніи золота изъ пещеры бѣглымъ каторжникомъ.

— Не мое, но ихъ. Это святыня. Онъ воръ—и по дѣломъ ему. Еслибъ онъ обворовалъ меня, то я ничего бы не сказала, но обворовать мертвыхъ—низко, подло. И я ограбила Джоконду, чтобъ его накормить. Я покинула ее, чтобъ вернуться къ нему, и она умерла. Я, право, рада, что его поймали. Но вѣрно ли это?

— Да. Его подстрѣлили, какъ птицу, и взяли живого, но тяжело раненнаго. Онъ боролся, какъ дьяволъ, но карабинеровъ было много. Говорятъ, что другой каторжникъ, бѣжавшій вмѣстѣ съ нимъ съ Горгоны, доселѣ рыскаетъ въ горахъ; назначена награда за его поимку и я намѣренъ его поискать. Деньги мнѣ пригодились бы.

— Я рада, что его поймали, повторила Муза, не обращая вниманія на слова мальчика: — онъ ограбилъ *ихъ* и измѣнилъ мнѣ.

Зирло вздрогнулъ. Онъ самъ не разъ обманывалъ ее.

— Ты ужасная дикарка, сказалъ онъ боязливо:—говорятъ, что этотъ бѣднякъ былъ храбрый человѣкъ и никого не грабилъ, кромѣ богатыхъ. Онъ жилъ прежде въ горахъ подъ самыми звѣздами и никогда не обижалъ бѣдныхъ людей, а только богатыхъ...

— Золото такъ же принадлежитъ богатому, какъ корка чернаго хлѣба бѣдному, произнесла презрительно Муза:—онъ воръ, воръ и измѣнникъ. Я спасла его, а онъ обворовалъ мертвыхъ. Онъ воръ и измѣнникъ.

Зирло обернулся лицомъ къ зеленому мху, словно желая поймать ящерицу, но въ сущности, чтобъ скрыть свое смущеніе. Онъ самъ спустился въ пещеру на другой день послѣ того, какъ бѣглый каторжникъ ее ограбилъ и, несмотря на весь свой страхъ, взялъ бы золотыя вещи, еслибъ только нашелъ ихъ.

«И я не былъ бы воромъ, разсуждалъ мысленно Зеферино:— это золото никому не принадлежало, оно столько же мое, сколько и ея».

Однако, онъ ни за что не хотѣлъ, чтобъ она узнала объ его тайномъ посѣщеніи пещеры съ подобной цѣлью.

— Онъ воръ и измѣнникъ. Его взяли, когда онъ продавалъ золото. Я очень рада, повторила еще разъ Муза съ злобно сіяющимъ лицомъ.

Судьба вора, ограбившаго мертвыхъ, казалась ей вполнѣ справедливой.

— Какая ты дикая!

— Отчего же и не быть дикой! Вотъ и кабана бранятъ за его дикость, когда онъ дорого продаетъ свою жизнь.

Зирло ничего не отвѣчалъ. Онъ былъ перепуганъ. Что бы она сказала, узнавъ объ его обманахъ?

Муза встала и отдала недоѣденный хлѣбъ собакѣ.

— Зирло, оттони своихъ козъ, сказала она: — моему мулу нужна трава.

Зирло всталъ и молча исполнилъ ея желаніе.

Сердце его тревожно билось.

— Если она только узнаетъ, что я ее обманываю, думалъ онъ:—то броситъ меня въ море или изобьетъ до синяковъ.

Муза спустилась въ пещеру и привела наверхъ мула, потомъ снова исчезла, развела огонь и заварила супъ изъ рыбы и кореньевъ; наконецъ, вернувшись на чистый воздухъ, сѣла на камень.

Она была очень поражена извѣстіемъ о поимкѣ бѣглаго каторжника. Она была рада, положительно рада, но эта радость начала быстро исчезать. Она съ сожалѣніемъ думала о несчастномъ бѣглецѣ, котораго она спасла только для того, чтобы онъ опять попался въ руки преслѣдовавшихъ его карабинеровъ.

Зирло, отогнавшій своихъ козъ подальше, смотрѣлъ съ завистью на стараго мула.

— Онъ тебѣ не приноситъ никакой пользы? спросилъ онъ.

— Никакой.

— Хочешь продать его?

— Нѣтъ.

— Ты получила бы много денегъ.

— Мнѣ не надо денегъ.

— Но тебѣ надо ѣсть.

— Я достаточно зарабатываю на прокормленіе.

— Онъ очень старый...

— Тѣмъ необходимѣе оставить его у себя.

Зирло покачалъ головой.

— Что̀ ты будешь дѣлать зимой? спросилъ онъ нерѣшительнымъ голосомъ, послѣ нѣкотораго молчанія: — я не могу зимой оставлять стадо и бѣгать съ твоими порученіями. Иногда идетъ снѣгъ и я постоянно занятъ. Тебѣ надо поселиться въ Санъ-Ліонардо.

— Я останусь здѣсь, отвѣчала Муза: — ты будешь исполнять мои порученія, когда тебѣ захочется супа или сантимовъ.

Зеферино заплакалъ. Онъ не хотѣлъ, чтобы его считали корыстолюбивымъ.

— Если она только меня заподозритъ, думалъ онъ:—то начнетъ считать сантимы.

Но Муза не считала сантимовъ.

Съ наступленіемъ полудня и нестерпимаго жара, она отвела мула въ пещеру и сама тамъ осталась. Зирло послѣдовалъ за нею и попросилъ у нея тарелку супа. Обѣдъ былъ готовъ и они принялись ѣсть въ глиняной посудѣ, изготовленной двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ для банкета мертвецовъ.

XIV.

Дни проходили за днями, и жизнь Музы текла неизмѣнно.

Смерть Джоконды окружила ее пустотой и мракомъ. Среди своего горя, она впервые сознала, чѣмъ была для нея покойница, и сердце ея наполнилось мучительными укорами. Она чувствовала, что была слишкомъ неблагодарна, безсердечна, легкомысленна и теперь она охотно отдала бы жизнь за одинъ взглядъ доброй старухи.

Но кромѣ своего великаго горя, она была счастлива дикой, одинокой жизнью на болотистой равнинѣ. Никто ей не перечилъ, никто не останавливалъ; она была свободна, какъ дикій кабанъ, и свѣжій, здоровый западный вѣтеръ дулъ ей прямо въ лицо, предвѣщая скорое наступленіе зеленой весны Маремы.

Она совершенно освоилась съ своей одинокой жизнью.

Сатурнино похитилъ изъ пещеры только драгоцѣнности, а посуда бронзовая и глиняная осталась нетронутой. Не вѣдая исторіи и древности этихъ классическихъ сосудовъ, Муза относилась къ нимъ съ уваженіемъ, потому что они принадлежали обитателямъ гробницы. Она употребляла эти сосуды, старательно мыла ихъ и не считала, что совершаетъ этимъ святотатство.

Тифонъ хмурилъ на нее брови съ потолка пещеры и Dii Involuti неподвижно смотрѣли на нее каждый разъ, какъ она выбиралась по узенькимъ ступенямъ на свѣтъ Божій; но она не имѣла понятія объ ихъ роковыхъ атрибутахъ и они нисколько не пугали ее. Она не понимала ихъ; никто не могъ объяснить ей смысла картинъ, изваяній и надписей на стѣнахъ, но она относилась къ нимъ нѣжно, сочувственно, что уже составляетъ нѣчто въ родѣ пониманія.

Даже страшныя формы изображенныхъ фигуръ не наполняли ужасомъ ея сердца; крылатый юноша съ сѣдыми волосами, котораго этруски боялись болѣе своихъ боговъ, не казался ей страшнымъ, а невѣдомыя божества, сидѣвшія по бокамъ двери, ведшей во внутреннюю усыпальницу золотого воина, и бывшія для умершихъ этрусковъ тиранами, мистическими, непостижимыми, всемогущими, были ея друзьями и товарищами. Самая темнота, одиночество и печальная тишина пещеры только увеличивали въ ея глазахъ прелесть этого мирнаго убѣжища. Въ душѣ всегда скрывалась меланхолія и покорность судьбѣ, которыя составляли характеристическія черты этрусской религіи, несмотря на ихъ любовь къ лирѣ и вѣнкамъ изъ лотуса.

Эта одинокая пещера была ея убѣжищемъ, дворцомъ, храмомъ и святыней; здѣсь ея страстная, поэтическая натура находила для себя пищу и утѣшеніе отъ безобразной жизни, осквернявшей въ ея глазахъ море и землю.

Ей жилось очень хорошо; ея потребности были самыя скромныя и окрестная болотистая страна вполнѣ ихъ удовлетворяла, за исключеніемъ масла для лампы, льна и яицъ, которые ей доставлялъ Зеферино.

Она рвала дикій овесъ для стараго мула и приготовляла изъ нею хлѣбъ себѣ и Леоне.

Удивительно какъ мало нужно человѣку для поддержки жизни въ искуственныхъ условій и побужденій.

Муза вставала на разсвѣтѣ, какъ только показывалась первая бѣловатая полоса надъ обнаженными черными высотами на горизонтѣ, произносила свою латинскую молитву, стоя на колѣняхъ подлѣ гроба Джоконды, какъ она молилась прежде, рядомъ со старухой, чистила мула и собаку, пекла хлѣбъ, подметала каменный полъ пещеры и мыла бронзовую посуду съ сѣдой привычкой опрятности и порядка, которую ей внушила гувернантка.

Затѣмъ она была свободна на цѣлый день и могла до вечера бродить по землѣ или кататься по морю. Она купалась два раза въ день и строго придерживалась въ прическѣ, одеждѣ и чтотѣ тому, чему ея учила Джоконда. Этимъ безмолвнымъ исполненіемъ ея воли во всѣхъ мелочахъ, она старалась заглушить терзавшіе ее укоры совѣсти.

Отъ времени до времени доносился до нея колокольный звонъ изъ какого-нибудь селенія или выстрѣлъ охотника въ чащѣ дикихъ масличныхъ деревьевъ; вотъ все, что доходило до нея изъ внѣшняго міра. Она жила съ мертвецами и они какъ бы заразили ее холоднымъ равнодушіемъ и вызывающимъ презрѣніемъ къ живымъ людямъ.

Она совершенно забыла, что молода и никогда не знала, что она красавица.

Она ничего не боялась; въ крови у нея было мужество Сатурнино и кромѣ того, она отличалась ни чѣмъ не омраченной дѣтской невинностью. Пока стояло лѣто, не видать было на болотахъ даже пастуховъ и охотниковъ, стада паслись въ горахъ, охота была воспрещена и вся Маремма была безмолвна какъ Сахара. Иногда, вопреки закону, который нарушается въ этомъ отношеніи по всей странѣ, являлись вечеромъ люди и разставляли сѣти для ловли птицъ, просиживали всю ночь съ опасностью жизни отъ болотистыхъ испареній и на разсвѣтѣ

уносили съ собою добычу. Но случаевъ этой незаконной охоты было мало, потому что страхъ болотной горячки и лихорадки удерживалъ даже самыхъ корыстолюбивыхъ враговъ бѣдныхъ птицъ.

Лѣтомъ вся болотная равнина принадлежала исключительно Музѣ и Зеферино, хотя послѣдній не разъ отъ боязни жара и болѣзней оставался по нѣскольку дней къ ряду на своихъ лѣсистыхъ горныхъ откосахъ, куда рѣдко достигали роковые мазмы.

Длинные дни смѣнялись одинъ другимъ, но не казались ей безконечными; въ полдень она спокойно спала въ прохладной пещерѣ. Но по ночамъ, особенно по свѣтлымъ луннымъ ночамъ, она не любила спать; она сидѣла у входа въ пещеру съ своей бѣлой собакой у ногъ и смотрѣла на небо и на землю. Моря она не могла видѣть; его скрывала чаща кустарниковъ и мелкаго лѣса, но она слышала плескъ волнъ о песчаный берегъ и иногда свистъ пробѣгавшаго парохода, скрипъ веселъ или крики рыбаковъ.

Отсутствіе людей не тяготило ея. Она была безсознательно счастлива, пользуясь воздухомъ, свободой и здоровой, ни чѣмъ не стѣсненной жизнью.

Ея умъ былъ вѣчно занятъ смутными мечтаніями и ея жизнь отличалась той мрачной таинственностью, которую она любила по примѣру древнихъ этрусковъ. Еслибъ она была заперта въ четырехъ стѣнахъ нищенскаго чердака или мастерской, то это настроеніе скрывало бы въ себѣ опасные патологическіе элементы, но при ея здоровой жизни на чистомъ воздухѣ и постоянныхъ физическихъ упражненіяхъ, оно только придавало особую сладость ея существованію, которое могло показаться многимъ тяжелымъ и скучнымъ. Болотная равнина и гробница были созданы для нея, а она для нихъ.

Посѣщенія маленькаго Зеферино, однако, спасали ее отъ совершеннаго одиночества, которое современемъ вредно дѣйствуетъ на умъ. Этотъ мальчикъ былъ настоящимъ человѣческимъ созданіемъ, жаднымъ, веселымъ, добрымъ, когда это ничего не стоило или обѣщало принести пользу. Муза, мало по малу, привязалась къ нему и оказывала ему то снисхожденіе сильнаго къ слабому, которымъ слабость часто пользуется во зло. Она знала, что онъ лгалъ и обманывалъ, когда только могъ, что въ немъ не было сердца ни на волосъ, но онъ былъ ласковъ по своему и Муза, полагая, что онъ ее любитъ, смотрѣла на него съ тѣмъ же удовольствіемъ, какое возбуждало въ ней зрѣлище птицъ и цвѣтовъ.

Впрочемъ, птицы и цвѣты были болѣе ея товарищами, чѣмъ

СТРАН.

Равнодушіе страны.—Гамбетта и неудавшаяся покупка газетъ.—Весенняя сессія департаментскихъ совѣтовъ.—Дополнительные муниципальные выборы въ большихъ центрахъ. — II. Театры, литература, академія. — Новая опера Амбруаза Томà.— Драма Лизы Мишель «Nadine», въ «Bouffes du Nord».—Новый французскій переводъ шекспировскаго «Отелло» и представленіе «Отелло» въ Одеонѣ.—«Торквемада», драма Виктора Гюго. — Два слова о Pot Bouille Золà.—Пріемъ Пастёра во французскую академію.—Открытіе выставки. **Людовика.** 96

XVII.—НОВЫЯ КНИГИ. М. Н. Ядринцевъ. Сибирь, какъ колонія.—Статистическія свѣдѣнія Якутской области за 1879 годъ. — Мѣстное управленіе, судъ и государственное устройство Бельгіи.—Н. Дебольскій. Философія будущаго. — Исторія желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи. А. А. Головачова. — Англійская свободная торговля. И. Янжулъ. 112

XVIII.—ЗАПИСКИ СОВРЕМЕННИКА. **Н. М.** 129

XIX.—ПО ПОВОДУ ВНУТРЕННИХЪ ВОПРОСОВЪ. . 140

XX.—ОТЪ РЕДАКЦІИ. 166

Объявленія: О книгахъ М. Е. Салтыкова (Щедрина), о «Польской Библіотекѣ» Р. И. Сементковскаго, о книгѣ «Деревенскія будни» Н. Н. Златовратскаго, о выходѣ майской книги журнала «Русская Старина» и отъ книжныхъ магазиновъ Н. И. Мамонтова.

НЕОБХОДИМОЕ ОБЪЯСНЕНІЕ.

Редакція «Отеч. Записокъ» считаетъ долгомъ напомнить гг. авторамъ присылаемыхъ стихотвореній, что послѣднія, въ случаѣ непризнанія ихъ удобными къ напечатанію, подвергаются уничтоженію. Поэтому, ни въ какую переписку по поводу этихъ стихотвореній Редакція не входитъ, даже въ томъ случаѣ, ежели на отвѣтъ прилагается почтовая марка.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ имѣютъ выходить въ 1882 году ежемѣсячно книжками отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ

въ С.-Петербургѣ: безъ доставки 15 р. 50 к., *съ доставкою* 16 р. сер.; *съ пересылкою:* 17 руб. сер.

ЗА ГРАНИЦУ:

Въ Германію, Австрію, Бельгію, Нидерланды, Придунайскія Княжества, Данію, Англію, Швецію, Испанію, Португалію, Турцію, Грецію, Швейцарію, Италію, Америку, во Францію 19 руб.

Во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ продаются **Сочиненія Н. К. Михайловскаго.** Томы I, II и III. Цѣна 2 руб. за томъ. Складъ у автора: Греческій проспектъ, 31. Иногородные, обращающіеся въ главную контору „Отечественныхъ Записокъ", за пересылку не платятъ.

Соч. *Н. Н. Златовратскаго:* **„Среди народа"** (разсказы и очерки), ц. 1 р. 50 к. **„Золотыя сердца"** (повѣсть), ц. 50 к. Во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и въ складѣ при типографіи Демакова (Спб., Новый пер., д. № 7).

Редакторъ **М. Е. Салтыковъ.** Издатель **А. А. Краевскій.**

/15/

RETURN TO → CIRCULATION DEPARTMENT
202 Main Library

LOAN PERIOD 1	2	3
HOME USE		
4	5	6

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
1-month loans may be renewed by calling 642-3405
6-month loans may be recharged by bringing books to Circulation Desk
Renewals and recharges may be made 4 days prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

INTERLIBRARY LOAN
JUN 30 1983
UNIV. OF CALIF., BERK.
REC CIR AUG 9 '83
JUN 5 1984
RECEIVED BY
JUL 29 1987
CIRCULATION DEPT.

FORM NO. DD6, 60m, 12/80
UNIVERSITY OF CALIFORNIA, BERKELEY
BERKELEY, CA 94720

GENERAL LIBRARY - U.C. BERKELEY

B000344273